

ISSN 2411-1503

Министерство науки и высшего образования РФ
Алтайский государственный университет

Управление государственной охраны объектов
культурного наследия Алтайского края

СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Сборник научных статей
Выпуск XXVII

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

ISSN 2411-1503

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431
С689

Главный редактор:
А.А. Тишкин

Редакционная коллегия:
*В.В. Горбунов, С.П. Грушин, К.Ю. Кирюшин,
Д.В. Папин, Н.Н. Серегин, Т.С. Паршикова,
В.П. Семибратов, Т.В. Тишкина, Я.В. Фролов*

С689 **Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края** [Текст] : сборник научных статей / гл. ред. А.А. Тишкин; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет ; Управление государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. – Вып. XXVII. – 436 с.

Издание содержит статьи, подготовленные на основе материалов докладов XXVII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Сохранение и изучение культурного наследия Алтая». Рассматриваются различные вопросы, связанные с проблемами изучения и сохранения памятников археологии, истории, архитектуры и этнографии, а также с использованием объектов наследия в музейной деятельности и в сфере культурного туризма.

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431

© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ФИКСАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ, ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ И ЭТНОГРАФИИ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>Бейсенов А.З.</i> Вопросы изучения и сохранения казахских зимовок	7
<i>Белоусов Р.В.</i> Некоторые результаты по систематическому наблюдению объектов археологического наследия Алтайского края в 2020 году	17
<i>Головченко Н.Н., Телегин А.Н.</i> Мониторинг курганных некрополей в окрестностях пос. Степной Усть-Калманского района в 2020 году	20
<i>Запрудский С.С., Белоусов Р.В., Миляев Г.А., Леонов А.С., Рябцева К.Д.</i> Работы сектора археологии Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края в 2019–2020 годах (Россия)	25
<i>Казиков А.А.</i> Об охране памятников Усть-Чумышского микрорайона	31
<i>Калашиников Д.С., Ситников С.М., Семибратов В.П., Чудилин И.А.</i> Мундир горного инженера из захоронения бывшего Нагорного кладбища г. Барнаула ...	36
<i>Кауфман А.О.</i> «Службы» кузнецких городских казаков в конце XVIII – начале XIX в. на территории Бийского уезда	42
<i>Корусенко М.А., Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Павлов Д.Н.</i> Исторические некрополи г. Омска – опыт изучения и сохранения	47
<i>Кошелев А.В.</i> Томское имение Алтайского округа ведомства Кабинета Его Императорского Величества: границы, структура управления, управляющие ...	54
<i>Марсадолов Л.С.</i> Археологи М.П. Грязнов, В.И. Матющенко и Эрмитаж	62
<i>Мукаева Л.Н.</i> Старинное горное село Черга: от приотрактового пункта на Чуйском тракте к Алтайскому экспериментальному хозяйству СО РАН	69
<i>Пилипенко С.А.</i> Консервация и трансформация традиции применения бересты в конструкции ножен сабель Восточной Польши и Северного Кавказа в XVI–XVIII вв.	76
<i>Рахматулина Е.Ю.</i> О традициях домашнего пивоварения у старообрядческого населения Юго-Западного Алтая XIX – 1-й трети XX в. ...	80
<i>Рябцева К.Д.</i> Основные направления деятельности Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края в 2020 году (Россия)	86
<i>Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С.</i> Праздник Эл Ойын в свете изменений ритуальной роли родовых лидеров алтайцев	97
<i>Тихомиров К.Н.</i> Рекреационные археологические и этнографические ресурсы Большереченского района Омской области	102
<i>Тихонов С.С.</i> Материалы по археологии в фондах БУОО «Исторический архив Омской области»	108
<i>Федорук А.С.</i> К археологической карте Кулундинского и Романовского районов Алтайского края	112
<i>Фролов Я.В.</i> Курганы элиты периодов поздней древности и средневековья на юге Кулунды (некрополи Волчихинского района Алтайского края)	116

<i>Целищева М.А.</i> «Училище профессиональное техническое» в Барнауле – история учебного здания середины XX в.	125
<i>Целищева М.А.</i> Крестовоздвиженская церковь в Барнауле – образец небольшого центрально-купольного храма начала XX в.	131
<i>Целищева М.А., Слуцкий М.А.</i> «Особняк Кричевцева» в Бийске – пример жилого дома с элементами усадьбы конца XIX в., выполненного в формах эклектики с элементами барокко и псевдорусского стиля	139
<i>Шалахов Е.Г.</i> Юринские древности. Продолжение исследований, начатых А.Х. Халиковым	146

РАЗДЕЛ 2. РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Бородовский А.П.</i> Археологическое обследование левобережья устья р. Уртамка (Кожевниковский район Томской области)	151
<i>Водясов Е.В., Зайцева О.В.</i> Прямоугольные железоплавильные печи Горного Алтая: проблема генезиса и хронологии	158
<i>Горбунов В.В.</i> Курганы сротскинской культуры Лесостепного Алтая с деревянной рамой	168
<i>Грушин С.П.</i> Миниатюрные колонки БМАК на европейских интернет-аукционах: возможности использования в научных исследованиях	175
<i>Дашковский П.К., Ожиганов А.Н., Савко И.А., Шершнев Е.А.</i> Новые результаты исследований курганов раннего железного века на могильнике Ханкаринский дол	181
<i>Дмитриев Е.А.</i> Типологические особенности памятников монгольского времени (Центральный Казахстан)	188
<i>Илюшин А.М.</i> Исследования на поселении Мусохраново-ба в Касьминском археологическом микрорайоне	194
<i>Казаков А.А., Фролов Я.В.</i> Курганный могильник эпохи железа Усть-Белокуриха-3: аварийные раскопки 1990 г. в зоне строительства автодороги Бийск – Белокуриха	200
<i>Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф.</i> Керамика поселения Пестряково Озеро (юг Западной Сибири)	205
<i>Ковалевский С.А.</i> К вопросу о происхождении двушковых кельтов большеложского типа	212
<i>Константинов Н.А., Плетц Г., Урбушев А.У., Такпаева В.И.</i> Поселение Кожолу-1 в Центральном Алтае	219
<i>Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф.</i> Исследование многослойных разнокультурных комплексов Верхнего Причумышья: памятники в урочище Улус	224
<i>Мериц И.В., Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А.</i> Сенкибай-2 – новое местонахождение елунинской керамики в Центральной Сарыарке	230
<i>Молодин В.И., Мыльникова Л.Н.</i> Концентрация элитных курганов в Барабе: природные и социокультурные факторы	237
<i>Му Ц.</i> Керамическая посуда с «ушками» на Алтае: краткий обзор исследований, анализ источников и перспективы изучения	249

<i>Пилипенко С.А., Касеналин А.Е., Крупа Т.Н., Хасенова Б.М.</i> Проблемы и перспективы изучения бокк на территории Казахстана	255
<i>Пилипенко С.А., Сулейменов М.Г.</i> Бронзовый щиток из погребения средневекового лучника в Кузнецкой котловине	265
<i>Радовский С.С., Вальков И.А.</i> Керамика раннего железного века с поселения Фирсово-15 (по материалам раскопок 2020 г.)	271
<i>Савко И.А.</i> Археологическое обследование поселения периода поздней бронзы Чекановский Лог-1 в Предгорном Алтае осенью 2020 г.	278
<i>Сайберт В.О., Грушин С.П.</i> Предварительные итоги охранных работ на памятнике МГК-2/6-3 в 2019 г.	283
<i>Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.</i> Коллекция железных орудий труда из погребений жужанского времени комплекса Чобурак-I (Северный Алтай)	287
<i>Сулейменов М.Г., Илюшин А.М.</i> Костяные накладки на колчан из средневековых захоронений Кузнецкой котловины	295
<i>Тишкин А.А.</i> Комплект железных изделий периода раннего Средневековья из Заринского района Алтайского края	303
<i>Тишкин А.А., Казаков А.А.</i> Сборы подъемного археологического материала у села Курлек в Красногорском районе Алтайского края	310
<i>Тишкин А.А., Пластеева Н.А., Саблин М.В.</i> Остеологические остатки лошадей, обнаруженные на Алтае при раскопках пазырыкских курганов на памятниках Катанда-II и Арагол (по материалам Зоологического института РАН)	316
<i>Тишкин А.А., Русанов Г.Г.</i> Случайные находки на территории Алтайского края и Республики Алтай	321
<i>Федорук О.А., Федорук А.С.</i> Техничко-технологическое изучение керамики 1-й половины XX в. с территории Табунского района Алтайского края	331
<i>Харинский А.В., Портнягин М.А., Иванов Г.Л.</i> Солянка – пойменное городище-святилище Кудинской долины (Предбайкалье)	336

РАЗДЕЛ 3. МУЗЕИ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

<i>Бояринцева К.Е.</i> Ювелирные украшения казахов XIX – начала XX в.: анализ музейных коллекций	345
<i>Иванов Г.Л.</i> Шнуровая керамика из археологических объектов Кудинской долины (по материалам фондов ИОКМ и полевых исследований 2020 г.)	352
<i>Кауфман Ю.Б.</i> Виртуальная выставка «Сестры милосердия» и ее роль в атрибуции музейных предметов (из опыта работы музея-заповедника «Кузнецкая крепость»)	358
<i>Киреев С.М.</i> Железный клепаный котел из бассейна верхнего течения реки Ануй на Алтае	363
<i>Киреев С.М.</i> Фонд В.Д. Кубарева в археологическом собрании Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина	371

<i>Корусенко М.А., Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Загородникова Д.П.</i> Первая и вторая крепости г. Омска – вопросы исследования и перспективы музеефикации	378
<i>Кунгуров А.Л.</i> Малые археологические коллекции Бийского краеведческого музея	386
<i>Лихачева О.С.</i> Комплекс вооружения большереченской культуры по материалам экспозиции Бийского краеведческого музея	390
<i>Малюченко Л.В., Хмырова С.Р.</i> Историко-культурное наследие революции 1917 г. и Гражданской войны в Сибири в фондах Канского краеведческого музея	398
<i>Новожилова Е.Н.</i> Сотрудничество с музеем «Город» в рамках реализации проекта «Memento mori»	402
<i>Серегин Н.Н., Константинов Н.А.</i> Металлические зеркала из собрания Музея археологии и этнографии Горно-Алтайского государственного университета	406
<i>Тишкина Т.В., Куликова Т.А.</i> Художественные собрания в школьных музеях, выставочных залах и галереях муниципальных бюджетных учреждений дополнительного образования г. Барнаула	413
<i>Утева О.Д.</i> Коллекция фотографий в фондах музея «Город»	418
<i>Шморина В.Н., Семеняко Е.В.</i> Оставивший свой след на земле (наследие А.Д. Сметанникова)	424
<i>Щербакова Ю.Б.</i> Личная коллекция учителя Т.Г. Митьковской в собрании музея истории образования им. П.П. Костенкова	429
Список сокращений	434

РАЗДЕЛ 1. ФИКСАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ, ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ И ЭТНОГРАФИИ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.01

УДК 902(574)

А.З. Бейсенов

*Научно-исследовательский центр истории и археологии
«Бегазы-Тасмола», Алматы, Казахстан*

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ КАЗАХСКИХ ЗИМОВОК

Статья подготовлена в рамках гранта
Министерства образования и науки РК, проект AP08857177

В сообщении приводятся новые материалы по казахским зимовкам XIX – начала XX в., находящимся в восточных районах Центрального Казахстана. Зимовки строились с применением камня, дерева и глинобитного кирпича, а в настоящее время они представлены лишь руинами разной сохранности. Зимовки относятся к типу малоисследованных памятников. В настоящее время возрастает необходимость разработки методики их комплексного изучения. Важным является проведение работ по выявлению и сплошной фиксации этих памятников. Зимовки относятся к категории быстро разрушающихся памятников, большинство из них уже исчезло с лица земли. По данным автора, казахские зимовки маркируют места расположения поселений сакского времени и очень часто они перекрывают площадки древних жилищ. Среди новых данных такие факты были отмечены в урочищах Досболай, Мауке, Малмак, Тунгатар. В современных исследованиях руин казахских зимовок в качестве важных дополнительных материалов можно привлекать старые фотографии и картины, хранящиеся в фондах музеев.

Ключевые слова: казахские зимовки, казахский мелкосопочник, поселения сакского времени, топография, С.М. Дудин

Выявление и исследование памятников казахского времени началось еще со времени становления сектора археологии, функционировавшего в составе организованного в 1946 г. Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН Казахстана. Важные и результативные разработки проводились тогда в ходе многоплановых и многолетних исследований А.Х. Маргулана, К.А. Акишева, С. Жолдасбаева и других ученых (сводку см.: [Бейсенов, 2019]), в ходе которых были открыты, обследованы, раскопаны городища эпохи Казахского ханства, замки, оросительные системы, а также казахские мечети, остатки разных жилых строений, мельниц. В русле этих работ внимание уделялось и зимовкам дореволюционного периода.

Руинизированные остатки казахских зимовок XIX – начала XX в., в постройке которых применялись камень, саман, дерн, дерево, камыш, имеются практически во всех регионах Казахстана. Это не означает их хорошую сохранность. Некоторая практика работы автора в Центральном Казахстане, Жетысу, на Тургае позволяет считать, что основная масса казахских зимовок уже разрушена – они или исчезли или же остатки их не пригодны для научного исследования.

Сохранившаяся часть казахских зимовок относится к категории быстро исчезающих памятников. Законом Республики Казахстан остатки казахских зимовок не охраняются, поскольку в настоящее время еще не имеют статуса памятника истории и культуры. Данное положение ставит задачу форсированного научного исследования имеющихся зимовок, в первую очередь задачу повсеместного выявления и фиксации их, а также разработки мер по их сохранению и использованию.

Помимо обследований ряда зимовок в районах Тургая, некоторых объектов в Жетысу автором собран значительный объем данных по казахским зимовкам, находящимся на территории Центрального Казахстана (см.: [Бейсенов, 2019; Дуйсенбай, Джуманазаров, Ахияров, 2020; Дуйсенбай, Шашенов, Джуманазаров, 2020]).

Работы по фиксации и обследованию зимовок в последние годы более интенсивно проводятся группой под руководством автора в восточных районах Казахского мелкосопочника, что обусловлено, впрочем, общим направлением археологических изысканий, которые наиболее целенаправленно выполняются именно здесь. Некоторые результаты этих работ были опубликованы, в том числе на страницах барнаульских изданий [Бейсенов, 2020а; 2020б; Бейсенов, Ахияров, Джуманазаров, 2020; Бейсенов, Шашенов, Дуйсенбай, 2020].

Следует учесть, что ряд наблюдений по остаткам казахских зимовок, а также некоторые сравнения и параллели в особенностях этих памятников, с одной стороны, и поселений сакского времени – с другой, выносимые автором на обсуждение в печатных работах, основываются, главным образом, на материалах востока Казахского мелкосопочника. При всем этом приходится отметить также и то обстоятельство, что все обследования выявляемых к настоящему моменту зимовок проводятся параллельно с исследованиями памятников раннего железного века, в районах локализации последних. Это означает, что о целенаправленных и специальных исследованиях остатков казахских зимовок Центрального Казахстана говорить особо нельзя.

Помимо ряда ранее сделанных наблюдений, показанных в предыдущих публикациях, в основу настоящего сообщения легли материалы обследования зимовок, открытых в полевых сезонах последних лет. В рамках данной публикации приводятся некоторые сокращенные данные, более полные сведения планируется дать в ближайшем будущем.

На востоке Казахского мелкосопочника зимовки приурочены к горным склонам. Такая же «склоновая топография» однозначно характерна и для поселений сакского времени, что проверено временем. Еще 20 лет назад, в период открытия первых поселений, разведочные маршруты на предмет их поиска осуществлялась именно по «следам» казахских зимовок. Как уже не раз отмечалось, такая практика дала свои положительные результаты. Уже тогда выяснилось, что очень часто казахские зимники напрямую перекрывают древние поселения. Шурфы, заложенные в 2001 г. на поселениях Едирейской группы, вскрыли казахский слой, залегающий над сакским, содержащим керамику, каменные орудия [Бейсенов, 2002]. При всем отсутствии каких-либо систематических и масштабных поисков, факты находок сакских материалов на территории казахских зимовок и ныне с завидным постоянством повторяются в каждый полевой сезон.

На склонах хребта Чингизтау были осмотрены остатки казахской зимовки Досболай. Каменные основания от двух жилищно-хозяйственных комплексов (домов) предположительно конца XIX в. расположены вплотную к северо-восточным, довольно крутым, склонам горной гряды. В районе расположения жилищных комплексов за небольшой отрезок времени найдено 10 каменных орудий (рис. 1), аналогии которых имеются в материалах раскопанных поселений сакского времени. Шурфы не

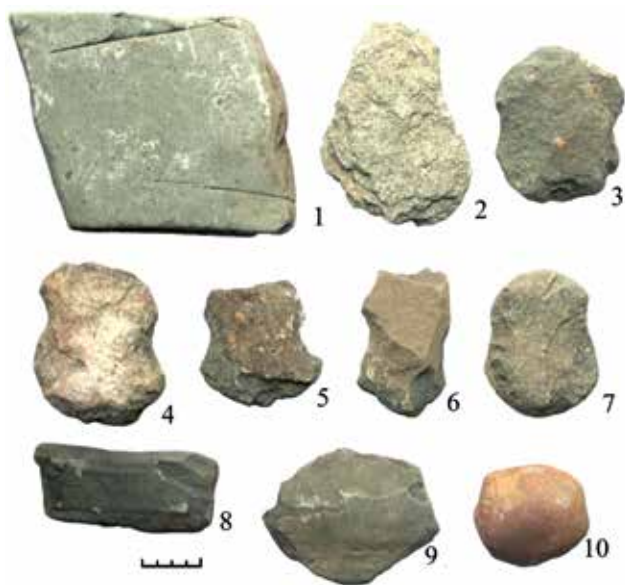

Рис. 1. Зимовка Досболай, каменные орудия сакского времени. Фото автора

закладывались. Одно из орудий относится к типу наковален (рис. 1.-1), размеры рабочей поверхности, где хорошо просматриваются следы интенсивного использования, 8×9,5 см, толщина изделия 5–5,5 см. Остальные орудия представлены мотыгообразными предметами, скреблами.

В Каркаралинском районе обследована зимовка Тунгатар, расположенная на юго-восточном склоне одноименной возвышенности, вблизи высохшего родника. В Баянаульском районе были обследованы остатки зимовок Султан и Жапалак. На территории всех трех зимовок найдены каменные орудия, характерные для поселений сакского времени. Помимо этого, на Жапалаке, где удалось выявить участок от древнего поселения, был найден на современной дневной поверхности бронзовый наконечник орудия (копье, дротик?), характерный для более ранних эпох. В урочищах Малмак и Мауке (Баянаул) вблизи развалов казахских зимовок сохранились четко видимые основания жилищ и от самих поселений сакского времени. В том числе на Малмаке возле поселения зафиксирован и курган с крупным менгиром. Вплотную к кургану, частично покрывая его, расположены могилы от казахской зимовки. В указанных двух урочищах планируется проведение полевых исследований в ближайшее время.

Как показывают наши наблюдения, имеется два варианта перекрытия площадок древних поселений поздними зимовками. В первом случае участки древних строений не сохраняются или же «читаются» фрагментарно, с трудом. Помимо поверхностного сбора, в таких случаях актуальны закладки шурфов, небольших раскопов уже на первом этапе исследований. Во втором случае в районе расположения казахских зимовок обнаруживаются жилища от сакских поселений. Довольно часто, как, например, в урочищах Малмак, Мауке, Едирей-3 и др., остатки древних поселений выглядят вполне сохранившимися, хотя вряд нужно сомневаться в выборке и использовании камней древних строений в последующие эпохи, в том числе в этнографическое время.

Особенности еще четырех зимовок, – Басентийн, Сыбанай, Кенжебек, Туменбай (рис. 2), расположенных в горных саях (Каркаралинский район) неподалеку друг от друга, позволяют сделать ряд важных наблюдений по характеристике этих памятников*, в том числе касающихся их возможных хронологических различий.

Зимовка в урочище Басентийн (рис. 2.-1,2) состоит из трех домов, расположенных на юго-западном склоне возвышенности. При этом данная террасообразная площадка, занимающая верхний уровень склона, почти со всех сторон окружена другими близлежащими поднятиями. Все три постройки, сложенные из плитняка, ориентированы длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ.

---

* Автор выражает признательность участникам экспедиции И.К. Ахиярову, Д.Б. Дуйсенбай, а также водителю С.З. Оразбекову, прекрасному знатоку этих мест.

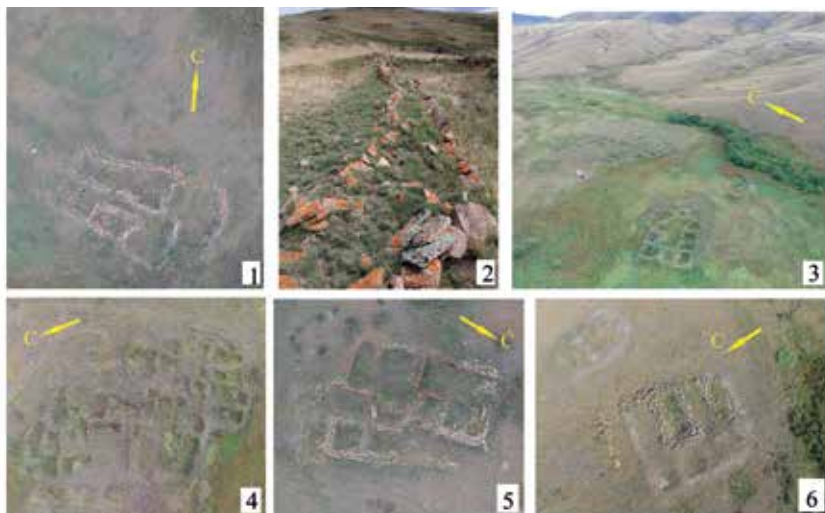

Рис. 2. Виды казахских зимовок: 1, 2 – Басентийн; 3, 4 – Сыбанай; 5 – Кенжебек; 6 – Туменбай. Фото автора

Жилищно-хозяйственные комплексы сложены из крупных камней, в некоторых участках стен фиксируются плиты длиной до 0,9–1 м. Техника кладки весьма характерная для казахских зимовок рассматриваемого региона: пространство между двумя рядами горизонтально уложенных продолговатых камней заполняется мелким камнем и землей (рис. 2.-2). Как неоднократно укзывалось, такая техника характерна и для каменных оснований жилищ сакского времени. Стены сооружений сохранились на высоту 0,3–0,55 м. Ширина стен – от 0,7–0,85 м в среднем до 1–1,15 м в некоторых участках.

Одной из важных особенностей зимовки Басентийн является полное отсутствие в постройках самана.

Урочище Сыбанай (рис. 2.-3) представляет собой неширокий сай длиной около 2 км, протянутый с юга на север. Начало сая, его более возвышенная южная треть, слишком узкое и неровное для устройства зимников. Остальная часть, с относительно ровным дном, имеет ширину 150–250 м. Здесь на протяжении 1,3 км, если считать до места выхода сая на относительно равнинные участки, расположены вразброс 13 жилищно-хозяйственных комплексов (домов), ныне представленных остатками каменных оснований, скрытых в густой траве. В районе их расположения фиксируются русла двух высохших родников. В ходе обследования все зимовки условно были объединены в четыре группы. В группе Сыбанай-1, расположенной в глубине сая и являющейся крайней с юга, всего семь построек. Особый интерес вызвал большой жилищно-хозяйственный комплекс 6

(дом 6), ориентированный длинной осью по линии ЮЮВ–ССЗ. Размеры этого строения около 26×62 м (рис. 2.-4). Комплекс состоит из не менее 20 помещений, которые имеют прямоугольные формы с характерным закруглением углов. Среди выявленных к настоящему моменту казахских зимовок такая большая постройка не встречается. Среди такого количества помещений лишь единственное, расположенное в центральной части всей постройки, имеет остатки саманных стен. Его размеры 4,7×8,2 м. Для построек в большом количестве использован плитняк, сохранившаяся высота стен 0,3–0,55 м, ширина – от 0,5–0,6 м до 0,8 м. Площадка всего комплекса настолько заросла травой и кустарником, что для более точных наблюдений и обмеров необходима тщательная зачистка памятника от растений.

Зимовка Кенжебек состоит из шести построек, расположенных на невысокой террасе с относительно уплощенным верхом, которая на северной стороне переходит на каменистую гору. Каждый комплекс четко делится на жилую, построенную из самана, и хозяйственную, состоящую из каменных сооружений, части (рис. 2.-5). Саманные помещения имеют достаточно четкие прямоугольные формы, построены из кирпичей размерами примерно 30–33×20–22×15 см. Сохранившаяся высота стен комплексов – от 0,3–0,4 м до 0,5–0,7 м. Наибольшая сохранившаяся высота стен характерна для жилых помещений (саманные стены).

По словам информатора К. Тусупа (1963 г.р.), являющегося внуком одного из живших на зимовке лиц, здесь функционировала мечеть (молельное помещение) из саманного кирпича. Согласно данным информаторов, знающих историю своей семьи, зимовка Кенжебек, по крайней мере какая-то ранняя ее часть, была построена, по-видимому, не позже 1880-х гг.

В урочище Туменбай находятся пять жилищно-хозяйственных комплексов с каменными основаниями стен. На развалах всех домов хотя и заметны следы использования самана в виде слабых оплывов, по которым угадываются жилые части комплексов, но нет таких четко сохранившихся фрагментов глинобитных конструкций, как на предыдущей зимовке. Еще одной особенностью этой зимовки является использование дерна в хозяйственной части построек. Это особенно заметно на жилищно-хозяйственном комплексе 4, подпрямоугольно-подтрапециевидной формы, размерами 17×24 м (рис. 2.-6). С северной стороны постройки сохранилось основание заслона от ветра и воды, длиной 11,5 м. Конструкция такого же назначения имеется на одном из домов зимовки Кенжебек (рис. 2.-5), построенная вдоль восточной стены и имеющая длину 11 м. Заслоны от ветра и воды ранее были зафиксированы на зимовке Абая Кунанбаева, находящейся на Акшоки, на склонах Чингизтау, а также на большой зимовке семьи Хасена Акаева (см.: [Бейсенов, 2020; Бейсенов, Шашенов, Дуйсенбай, 2020]).

В отношении трех зимовок – Басентийн, Сыбанай и Туменбай у современных жителей близлежащих сел и ферм не сохранились какие-ли-

бо точные данные о конкретных лицах, жизнь которых была связана с этими зимними аулами. При этом люди знают, какому роду принадлежали эти урочища и постройки.

Исключение составляет зимовка Кенжебек. Информация лиц, являющихся прямыми потомками живших в этом зимнем ауле людей, позволяет несколько взаимно корректировать полученные данные. Самое главное, сведения информаторов, согласно которым этот зимний аул функционировал, по меньшей мере, в последней трети XIX – начале XX в., не противоречат общим особенностям самих построек. Такие данные, как интенсивное использование самана, довольно хорошее качество самих кирпичей, достаточно четкая прямоугольная форма жилых помещений, в целом указывают именно на этот период. Все остальные три аула, по всей вероятности, строились несколько ранее. В том числе явно более архаичными выглядят постройки Басентийна и Сыбаная.

Помимо выявления, фиксации и обследования, остатки казахских зимовок нуждаются в полном исследовании, в том числе археологических раскопках. Многие стороны и особенности этих построек выявили бы именно раскопочные работы. Кстати, даже некоторые чисто внешние наблюдения в ходе полевой фиксации зимовок подсказывают необходимость выработки определенной методики поиска и обследования их в летние сезоны. В разгар лета или осенью многие зимовки в горных саях востока Казахского мелкосопочника буквально утопают в растительности, что было отмечено выше. Для более качественной фиксации остатков строений необходимо провести трудоемкую работу по очистке их от высокой травы и кустов. Еще один выход видится в том, что фото- и графическую фиксацию памятников, снятие основных обмеров, описание и другие работы можно было бы проводить до появления высокой травы, в начале – середине мая. Это, с другой стороны, чревато рядом трудностей, связанных с проездом к таким местам. Вообще, более хорошая сохранность сооружений наблюдается на зимовках, расположенных именно в этих природных зонах, в системе мелкосопочника, горных саях, находящихся в той или иной степени в стороне от современных населенных пунктов.

Вопросы сохранения остатков казахских зимовок не разработаны. Законом они не охраняются. Областные учреждения культуры, а через них и вышестоящие инстанции так или иначе этот вопрос должны решить. В настоящее время областные учреждения предпринимают определенные шаги по консервации, благоустройству и сохранению некоторых зимовок, связанных с биографиями исторических лиц, общественных деятелей, знаменитостей^{*}. Состояние этого вопроса показывает, что консервация и реставрация полностью раскопанных зимовок

---

^{*} Ситуация довольно интересная. Областные учреждения предпринимают шаги к сохранению «памятников», которые по закону не являются собственно памятниками. Вопрос явно назрел для незамедлительного обсуждения и решения.

Рис. 3. Фотографии казахских зимовок из собраний С.М. Дудина, 1899 г., по [Кунсткамера..., электронный ресурс]: 1 – «Зимовки под общей кровлей. Баянаул»; 2 – «Зимовка богатого казаха Байдаулетова. Каркаралинск»; 3 – «Глинобитная зимовка в Каркаралинске»

связана с определенными сложностями в процессе дальнейшего их сохранения. Сейчас остатки зимовок достаточно надежно защищает дерн, чего нельзя сказать об оголенной, «зачищенной по древнему горизонту» площадке строения, которая вместе с невысокими конструкциями стен будет постоянно подвергаться воздействию потоков талой воды, ливневых дождей, сильных ветров. Поэтому, раз нужно консервировать и реставрировать руины зимовок, то это лучше делать после тщательной засыпки всей вскрытой площадки, чему должны предшествовать работы по полному научному изучению памятника. Можно также лишь частично вскрывать участки выбранных для консервации объектов.

По мнению автора, в деле изучения казахских зимовок определенную пользу принесут такие работы, как сбор и систематизация старых фотографии и картин, находящихся в собраниях музеев. Только в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (МАЭ) имеется около 1000 коллекций, которые имеют отношение к этнографии так называемых мусульманских народов [Резван, 2016, с. 15]. В том числе для Центрального Казахстана важное значение имеют собрания С.М. Дудина, А.Л. Мелкова, К.В. Шенникова и многих других исследователей прошлого [Прищепова, 2011; 2013; Резван, 2016; Евгеньев, 2019]. Среди них особо интересны работы С.М. Дудина, посвященные народным жилищам казахов, в том числе и зимовкам (рис. 3). Среди его материалов немало картин и фотографий, напрямую имеющих отношение к казахам Каркаралинского и Баянаульского регионов, очень узнаваемы такие местности, как Аккелин, Баянаул, Каркаралинск, Кент, Талды, Джарлы, Куянды и многое другое. Материалы С.М. Дудина датируются 1899 г., а это самое время функционирования большинства ныне сохранившихся в виде руин казахских зимовок. Интересно и ценно на картинах С.М. Дудина то, что мы видим на них стены, перекрытие зимовок, иногда даже интерьер. В настоящее время главным образом фиксируются каменные основания зимовок, а что было выше, за редким исключением остается лишь предполагать. Тогда как на фотографиях С.М. Дудина мы видим и на полную высоту каменные стены, и деревянные части, и тот же саман. Фотоаппарат неутомимого исследователя запечатлел даже деревянный ветровой заслон у стен одной зимовки (рис. 3.-2).

Библиографический список

- Бейсенов А.З. К проблеме поиска и изучения поселений раннего железного века Центрального Казахстана // Исторична наука: проблеми розвитку. Луганск, 2002. С. 9–12.
- Бейсенов А.З. К.А. Акишев и вопросы изучения памятников казахского времени // Маргулановские чтения – 2019. Нур-Султан, 2019. С. 10–38.
- Бейсенов А.З. Чингистау. Размышления у старой зимовки Абая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2020а. Вып. XXV. С. 229–240.

Бейсенов А.З. Крестобразный мазар султана Асана Чингисова и курган с менигритом в долине Бесоба, Центральный Казахстан // Теория и практика археологических исследований. 2020б. №2 (30). С. 77–94. DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-06

Бейсенов А.З., Ахияров И.К., Джуманазаров Н.Ш. Карашоки, старая зимовка в долине Аксары в Центральном Казахстане // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2019 г. Барнаул, 2020. Вып. 15. С. 6–25.

Бейсенов А.З., Шашенов Д.Т., Дуйсенбай Д.Б. Кызылшилик, зимовка семьи Хасена Акаева // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2020. Вып. XXV. С. 240–251.

Дуйсенбай Д.Б., Джуманазаров Н.Ш., Ахияров И.К. Археологические исследования на поселении Балакунгей-2 // Маргулановские чтения – 2020. Т. 2. Алматы, 2020. С. 223–232.

Дуйсенбай Д.Б., Шашенов Д.Т., Джуманазаров Н.Ш. Археологические разведки, проведенные на Тургае в 2018 г. // Маргулановские чтения – 2020. Т. 2. Алматы, 2020. С. 498–509. (на казахском языке).

Евгеньев А.А. Археология в Оренбуржье в начале 1920-х годов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. №3 (31). С. 85–94. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.31.7

Кунсткамера. Коллекции. URL: <http://collection.kunstkamera.ru/> (дата обращения 31.03.2021).

Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб., 2011. 452 с., ил.

Прищепова В.А. Сотрудничество А.Л. Мелкова с Обществом изучения Казахстана в 1920-е годы // Лавровский сборник: Этнология, история, археология, культурология (2012–2013). СПб., 2013. С. 173–179.

Резван Е.А. Туркестан. Мой мир ислама. СПб., 2016. 328 с.: ил.

A.Z. Beisenov

«Begazy-Tasmola» Research Center of History and Archaeology, Almaty, Kazakhstan

ISSUES OF STUDYING AND PRESERVING OF KAZAKH WINTERINGS

The report provides new materials on the Kazakh winterings of the 19th – early 20th centuries, located in the eastern regions of Central Kazakhstan. Winterings were built using stone, wood and adobe bricks, and at present they are represented only by ruins of varying preservation. Winterings is a type of poorly explored sites. Currently, the need to develop a methodology for their comprehensive study is especially growing. It is important to carry out work to identify and permanently fix these sites. Winterings belong to the category of rapidly decaying sites, most of them have already disappeared from the face of the earth. According to the author, the Kazakh winterings mark the locations of the settlements of the Saka time and very often they overlap the sites of ancient dwellings. Among the new data, such facts were noted in the tracts of Dosbolay, Mauke, Malmak, Tungatar. In modern studies of the ruins of Kazakh winterings, old photographs and paintings stored in the funds of museums can be used as important additional materials.

Keywords: Kazakh winterings, Kazakh Upland, settlements of the Saka time, topography, S.M. Dudin

Р.В. Белоусов

*Управление государственной охраны объектов культурного наследия
Алтайского края, Барнаул, Россия*

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПО СИСТЕМАТИЧЕСКОМУ НАБЛЮДЕНИЮ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 2020 ГОДУ

В публикации приводятся результаты работ созданного в 2019 г. Сектора археологии отдела государственного надзора Управления государственной охраны культурного наследия Алтайского края. Важнейшими направлениями деятельности сотрудников Сектора археологии являются систематическое наблюдение в отношении объектов археологического наследия, выявление повреждений в результате незаконных и несогласованных археологических работ, а также проведение мероприятий по сохранению и защите памятников археологии. Освещена работа в нормативно-правовой и практической сфере охраны объектов культурного наследия за 2020 г. на различных археологических объектах: курганах, археологических поселениях, городищах. В ходе этих мероприятий были зафиксированы археологические сооружения: жилища, рвы и валы. Отражены результаты работ на памятниках археологии в Тальменском, Топчихинском, Бурлинском и Славгородском районах Алтайского края. Эти наблюдения дополняют имеющиеся научные данные о ряде археологических объектов.

Ключевые слова: Сектор археологии, объекты культурного наследия, поселение, ров, вал, жилище, курганный могильник, культурный слой, керамический сосуд, археологические предметы

Весной – летом 2020 г. главный специалист Сектора археологии отдела государственного надзора управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края Р.В. Белоусов проводил плановые мероприятия по систематическому наблюдению в отношении объектов культурного (археологического) наследия федерального значения в восьми районах Алтайского края. В ходе этих мероприятий уточнялось местоположение памятников, производились внешний визуальный осмотр и фотофиксация объектов археологического наследия. При работе на некоторых памятниках археологии был получен ряд данных, дополняющих существовавшие ранее сведения.

Весной 2020 г. осмотрен объект археологического наследия «Кашкарагаиха-1, городище», расположенный у села Кашкарагаиха Тальменского района. Памятник выявлен в ходе археологических работ (археологической разведки) А.Б. Шамшиным в 1978 г. При исследованиях 1978 г. А.Б. Шамшиным [1978, с. 4–5; 1980, с. 52] зафиксированы археологические сооружения: ров шириной до 2 м и до 1 м глубиной и вал шириной 2 м, высотой до 0,5 м, а также восемь жилищных западин диаметром от

2 до 5 м и глубиной 0,10–0,36 м. Исследования на памятнике «Кашкарагаиха-1, городище» были продолжены Н.Ю. Кунгуровой [2009, с. 13–14] в 2008 г. В ходе работ Н.Ю. Кунгурова выявила на объекте археологического наследия ров, вал и жилищные западины. При этом исследователь подчеркнула, что на городище прослеживается особое взаиморасположение вала и рва, находящихся в непосредственной близости друг от друга и составляющих практически одну систему «ров – вал». Ближе к жилищным западинам (т.е. с внутренней стороны) располагается ров, а дальше от них (с внешней стороны) – вал.

В ходе контрольно-надзорных мероприятий (систематического наблюдения), проведенных летом 2020 г. на объекте археологического наследия «Кашкарагаиха-1, городище», были зафиксированы археологические сооружения: пять западин (жилищ) и два рва с валами.

Ров 1. Расположен в непосредственной близости от жилищ, длиной до 70 м, шириной до 2 м, глубиной от 0,2 до 0,5 м. С внешней стороны рва выявлен земляной вал шириной до 1 м, высотой до 0,3 м.

Ров 2. Находится в 80 м к юго-западу от рва 1, длиной до 160 м, шириной до 2 м, глубиной от 0,2 до 0,4 м. С внутренней стороны рва (ближе к рву 1 и жилищам) выявлен вал шириной до 2 м, высотой до 0,5 м. В центре данного сооружения прослеживается перемычка в валу и рву, что можно, по нашему мнению, интерпретировать как въезд.

Необходимо отметить, что ров 1 практически вплотную примыкает к жилищным западинам, что, на наш взгляд, позволяет рассматривать его как дренажное сооружение, созданное для осушения или отвода воды от местности, где располагаются жилища.

В июне 2020 г. проведены контрольно-надзорные мероприятия на объекте археологического наследия «Нагорное-4, поселение», входящего в состав объекта культурного наследия федерального значения «Комплекс поселений у п. Нагорный (Нагорное-1–8)», I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.» и расположенного в Топчихинском районе Алтайского края.

Объект археологического наследия «Нагорное-4, поселение» выявлен В.В. Горбуновым [1993, с. 13–14] в 1992 г. в ходе проведения археологической разведки. Исследователь датировал памятник периодом поздней бронзы и в культурном плане связал с ирменской культурой [Горбунов, 1993, с. 13–14].

В ходе контрольно-надзорных мероприятий в июне 2020 г. на объекте археологического наследия «Нагорное-4, поселение» в осыпи берега зафиксированы (фактические данные местоположения археологических предметов представлены в акте осмотра) фрагменты керамических сосудов, один из которых орнаментирован гладким штампом и вдавлениями, что дает возможность отнести его к поздней бронзе или переходному времени. Этим же периодом датируется обнаруженный в ходе работ костяной черешковый наконечник стрелы [Папин, Шам-

шин, 2005, с. 35–39, рис. 12, с. 46–52]. Кроме археологических предметов в ходе проведения контрольно-надзорных мероприятий выявлено одно археологическое сооружение. Сооружение в настоящий момент представляет собой западину до 8 м в ширину, до 120 м в длину, глубиной до 0,5 м. Конфигурация западины, ее длина дает возможность предположить, что это остатки рва, пересекающего мыс, на котором находится объект археологического наследия, с северо-северо-запада на юго-юго-восток.

В сентябре 2020 г. автором статьи проводились мероприятия по систематическому наблюдению в отношении ряда объектов археологического наследия в Славгородском и Бурлинском районах Алтайского края. На двух объектах археологического наследия: «Нововознесенка-1, курганная группа» и «Мирный-1, курган» – в ходе осмотра неподалеку от археологических сооружений (курганов) выявлены большие и глубокие западины. На объекте археологического наследия «Мирный-1, курган» в 140 м к востоку от кургана выявлена западина округлой формы диаметром до 40 м, глубиной до 1,5 м. На объекте археологического наследия «Нововознесенка-1, курганная группа» в 180 м к северо-востоку от кургана №1 выявлена западина диаметром до 60 м и глубиной до 1,2 м. Интерпретация данных впадин затруднительна в силу отсутствия археологических работ (раскопок) на них, но можно предположить, что они связаны с основными сохранившимися на настоящий момент археологическим сооружениями (курганами) и, возможно, являются раскопанными ранее курганами или же возникли в процессе создания и функционирования курганов, например как место забора грунта для возведения насыпи.

В ходе проведенных работ по систематическому наблюдению в отношении объектов культурного (археологического) наследия уточнялось местоположение памятников археологии, выяснялось их актуальное состояние и дополнялись фактические данные об этих объектах.

Библиографический список

Горбунов В.В. Отчет о разведочных работах в Топчихинском и Калманском районах Алтайского края летом 1992 г. Барнаул, 1993. 79 с. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Д. №128).

Кунгурова Н.Ю. Разведочные работы Предгорного археологического отряда НИЦ «Наследие» в Алтайском крае летом 2008 г.: отчет. Барнаул, 2009. 36 с.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул, 2005. 202 с.

Шамшин А.Б. Отчет об археологических разведках, проведенных Тальменским отрядом Алтайской археологической экспедиции летом 1978 года в Тальменском районе Алтайского края. Барнаул, 1978. 48 с. (Научный архив Музея археологии и этнографии АлтГУ. №5. 48 с.).

Шамшин А.Б. К археологической карте Причумышья // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 52–66.

R.V. Belousov

*The Department of State Protection of Cultural Heritage Objects
Altai Territory, Barnaul, Russia*

**SOME RESULTS ON THE SYSTEMATIC OBSERVATION
OF THE OBJECTS OF THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE
IN THE ALTAI TERRITORY IN 2020**

The article is dedicated to the results of the work of the Archaeology Sector of the Department of State Supervision of the Office of State Protection of the Cultural Heritage of the Altai Territory which was founded in 2019. The most important areas of activity of the staff of the Archaeology Sector are the systematic observation of archaeological heritage, the identification of damage as a result of illegal and unauthorized archaeological work, as well as the implementation of measures for the preservation and protection of archaeological sites. The article highlights the work in the regulatory and practical sphere of the protection of the objects of cultural heritage in 2020 at various archaeological sites: barrows, archaeological sites, ancient settlements. During these events, archaeological structures were recorded: dwellings, ditches and ramparts. The results of work on the archaeological sites in the Talmensky, Topchikhinsky, Burlinsky and Slavgorodsky districts of Altai Territory are reflected. These observations complement the available scientific evidence for a number of archaeological sites.

Keywords: sectors of archaeology, objects of cultural heritage, settlement, moat, rampart, dwelling, burial mound, cultural layer, ceramic vessel, archaeological items

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.03
УДК 903.5(571.150)

Н.Н. Головченко, А.Н. Телегин

*Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия*

**МОНИТОРИНГ КУРГАННЫХ НЕКРОПОЛЕЙ
В ОКРЕСТНОСТЯХ ПОС. СТЕПНОЙ
УСТЬ-КАЛМАНСКОГО РАЙОНА В 2020 ГОДУ**

В статье публикуются результаты мониторинга пяти одиночных курганов, расположенных в окрестностях пос. Степной Усть-Калманского района Алтайского края, проведенного Степным отрядом археологической экспедиции Алтайского государственного педагогического университета в 2020 г. Последние документированные работы на данных памятниках проводились более 30 лет назад. Сопоставление известных и вновь полученных данных о параметрах и состоянии видимых наземных сооружений позволило прийти к выводу об удовлетворительной тенденции сохранения объектов историко-культурного наследия. Основными воздействующими на насыпи факторами остаются антропогенный, связанный с систематическим опаживанием пол курганов, и экзогенный – выветривание. Уцелевшие параметры насыпей во многом аналогичны изученным погребальным комплексам степной зоны Алтайского края. Исходя

из особенностей расположения курганов на местности и внешних параметров их насыпей, некрополи можно предварительно датировать серединой – 2-й половиной I тыс. до н.э.

Ключевые слова: одиночные курганы, мониторинг, эпоха раннего железа

Сохранение и изучение историко-культурного наследия – одно из важнейших направлений деятельности современного археологического сообщества. Основным инструментом, позволяющим проводить эффективную работу по выявлению, сохранению и своевременному изучению объектов археологического наследия, является мониторинг состояния памятников.

Круг задач, решаемых мониторингом объектов археологического наследия, включает в себя выявление факторов риска, фиксацию их воздействия на памятник, оценку текущего состояния объекта и определение тенденции динамики общего его состояния. Главным условием успешности мониторинговых наблюдений является их системность.

Известные на сегодняшний день археологические памятники Усть-Калманского района Алтайского края представлены в основном курганными некрополями (более 80 объектов). Основная часть этих памятников, в том числе расположенных в окрестностях пос. Степной, была выявлена и зафиксирована П.И. Шульгой [Бородаев, Шульга, 1993, с. 19–22]. Основными воздействующими на наземные конструкции (насыпи курганов) факторами в данной местности являются антропогенный (связанный с периодической распашкой почв сельскохозяйственного назначения, установкой и разбором объектов ГГС) и природный (выветривание).

Последние задокументированные наблюдения состояния курганов, расположенных в окрестностях пос. Степной, были проведены П.И. Шульгой в 1991 г. в рамках реализации программы по проведению картографирования памятников археологии. С тех пор прошло уже почти 30 лет, и работы Степного отряда археологической экспедиции АлтГПУ 2020 г. были посвящены мониторингу современного состояния данных объектов археологического наследия. В ходе работ было обследовано пять одиночных курганов (рис. 1).

Объект археологического наследия «Степной-1, одиночный курган» находится в 8,4 км на восток от центра п. Западный, в 6,9 км на север от центра с. Пономарево, в 9,2 км на запад от центра с. Усть-Калманка и в 8,1 км на юго-запад–запад от центра с. Чарышское. Он представляет собой одиночное сооружение (рис. 2) в виде земляной насыпи округлых очертаний, диаметр которой составляет 18,82×14,04 м, высота – 1,27 м. Насыпь кургана опажана, в ее центре расположен разрушенный пункт государственной геодезической сети (ГГС).

Объект археологического наследия «Степной-2, одиночный курган» находится в 11,4 км на северо-восток–восток от центра п. Запад-

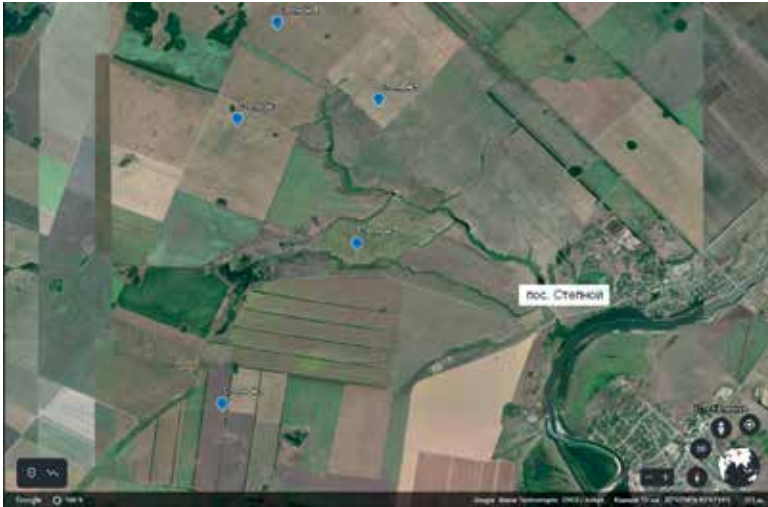

Рис. 1. Расположение одиночных курганов в окрестностях пос. Степной Усть-Калманского района

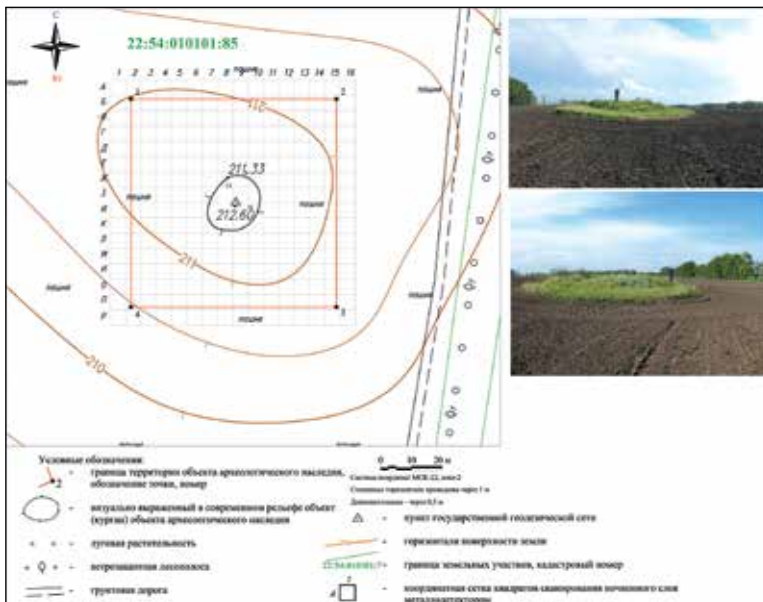

Рис. 2. Топографический план границ территории объекта археологического наследия «Степной-1, одиночный курган» и его внешний вид с севера и юга

ный, в 10,3 км на северо-восток от центра с. Пономарево, в 7,2 км на северо-запад от центра с. Усть-Калманка и в 5,7 км на запад от центра с. Чарышское. Он представляет собой одиночное сооружение в виде земляной насыпи округлых очертаний, диаметр которой составляет 24,19×19,18 м, высота – 0,8 м. Насыпь кургана опахана.

Объект археологического наследия «Степной-3, одиночный курган» находится в 10,2 км на северо-восток от центра п. Западный, в 11,8 км на северо-восток от центра с. Пономарево, в 10,3 км на северо-запад от центра с. Усть-Калманка, в 8,2 км на запад от центра с. Чарышское. Он представляет собой одиночное сооружение в виде земляной насыпи округлых очертаний, диаметр которой составляет 37,13×30,59 м, высота – 1,44 м. Насыпь кургана опахана, в ее центре расположен разрушенный пункт ГГС.

Объект археологического наследия «Степной-4, одиночный курган» находится в 4,4 км на север от центральной части пос. Степной, в 13,8 км на северо-восток от центра с. Пономарево, в 10,4 км на северо-запад от центра с. Усть-Калманка, в 8,1 км на северо-запад от центра с. Чарышское. Он представляет собой одиночное сооружение в виде земляной насыпи округлых очертаний, диаметр которой составляет 30,62 м, высота – 2,3 м. Насыпь кургана опахана.

Объект археологического наследия «Степной-5, курганная группа» находится в 12,8 км на северо-восток от центра п. Западный, в 13,1 км на северо-восток от центра с. Пономарево, в 8,3 км на северо-запад от центра с. Усть-Калманка, в 5,9 км на северо-запад от центра с. Чарышское. Он представляет собой одиночное сооружение в виде земляной насыпи округлых очертаний, диаметр которой составляет 42,42×35,11 м, высота – 2,56 м. В центральной части кургана зафиксирована западина диаметром 8,91 м и глубиной 1,15 м. Насыпь кургана опахана, на прилегающей к ней территории пашни встречаются камни.

Сопоставление полученных данных с показателями, зафиксированными П.И. Шульгой, показали незначительное изменение конфигурации и параметров отдельных насыпей исследованных курганов, что связано с их систематическим опаживанием. Исходя из чего современное состояние и динамика уровня сохранности обследованных объектов археологического наследия в целом могут быть оценены как удовлетворительные.

Уцелевшие внешние параметры обследованных курганных могильников (место расположения на местности и относительно других курганных захоронений, диаметр, высота и форма насыпей и т.д.) аналогичны хорошо изученным археологическим памятникам скифо-сакского времени (например, «Объездное-1, курганная группа», «Рогозиха-1, курганный могильник»), расположенным в подобной ландшафтной зоне Алтайского края [Шульга, 2003; Шульга, Уманский, Могильников,

2009; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005; Телегин, 2008, с. 34–46; 2011, с. 36–38; Головченко, Кузнецова, 2014, с. 25–32]. На этом основании с большой долей уверенности можно предположить, что объекты, расположенные в окрестностях пос. Степной, датируются серединой – 2-й половиной I тыс. до н.э.

Библиографический список

Бородаев В.Б., Шульга П.И. К методике проведения археологических разведок: новые возможности поиска памятников, выраженных в рельефе // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 1. 1993. С. 19–22.

Головченко Н.Н., Кузнецова Е.А. Археологическая разведка в Крутихинском районе Алтайского края // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае: археология, этнография, устная история. Барнаул, 2014. Вып. IX. С. 25–32.

Телегин А.Н. Некоторые особенности планиграфии курганной группы Объездное-1 // Вопросы археологии и истории Сибири. 2008. С. 37–46.

Телегин А.Н. Двадцать полевых сезонов Степного отряда археологической экспедиции ЛИК БГПИ–БГПУ–АлтГПА // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: археология, этнография, устная история. Барнаул, 2011. Вып. VII. С. 36–38.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005. 204 с.: ил.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. 204 с.: ил.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 238 с.: ил.

N.N. Golovchenko, A.N. Telegin

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

MONITORING OF KURGAN NECROPOLISES IN THE VICINITY OF THE STEPNOY VILLAGE IN THE UST-KALMANSKY DISTRICT IN 2020

The article publishes the results of monitoring of five single kurgans located in the vicinity of the Stepnoy village of the Ust-Kalmansky district of Altai Territory, conducted by the Steppe detachment of the archaeological expedition of Altai State Pedagogical University in 2020. The last documented work on these sites was carried out more than 30 years ago. Comparison of the known and newly obtained data on the parameters and state of visible ground structures made it possible to come to the conclusion about a satisfactory trend in the preservation of objects of historical and cultural heritage. The main factors affecting the mounds are anthropogenic, associated with systematic plowing of the floor of the mounds, and exogenous – weathering. The surviving parameters of the mounds are in many respects similar to the studied burial complexes of the steppe zone of the Altai Territory. Based on the peculiarities of the location of the mounds on the ground and their external parameters, the necropolises can be tentatively dated to the middle – second half of the 1st millennium BC.

Keywords: single mounds, monitoring, Early Iron age

**С.С. Запрудский, Р.В. Белоусов,
Г.А. Миляев, А.С. Леонов, К.Д. Рябцева**

*Управление государственной охраны объектов культурного наследия
Алтайского края, Барнаул, Россия*

РАБОТЫ СЕКТОРА АРХЕОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 2019–2020 ГОДАХ (Россия)

В статье приводятся основные результаты работ созданного в 2019 г. Сектора археологии отдела государственного надзора Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края. Важнейшими направлениями деятельности Сектора археологии в рамках переданных федеральных полномочий являются: систематическое наблюдение в отношении объектов археологического наследия, выявление повреждений в результате незаконных и несогласованных археологических работ, а также проведение мероприятий по сохранению и защите памятников археологии. В результате этой деятельности произведены внешний визуальный осмотр и фотофиксация 892 объектов археологического наследия. Установлено несколько фактов повреждения объектов археологического наследия в результате незаконных археологических и несогласованных земляных работ. В статье освещена работа сотрудников Сектора археологии в нормативно-правовой и практической сфере охраны объектов культурного наследия за 2019–2020 гг.

Ключевые слова: Сектор археологии, объекты культурного наследия, поселение, курганный могильник, культурный слой, керамический сосуд, археологические предметы

В 2019 г. в соответствии с полномочиями по осуществлению федерального государственного надзора в области охраны объектов культурного наследия в Управлении государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края создан сектор археологии отдела государственного надзора управления (далее – Сектор). В рамках полномочий по осуществлению федерального государственного надзора в области охраны объектов культурного наследия и в соответствии со своими компетенциями Сектор осуществляет весь спектр предусмотренных законом мероприятий в отношении объектов археологического наследия, некоторые их результаты представлены в настоящей статье.

В 2019–2020 гг. Сектором осуществлялась работа по систематическому наблюдению в отношении объектов археологического наследия в 42 районах Алтайского края. В ходе этих мероприятий уточнено местоположение памятников, произведен внешний визуальный осмотр и фотофиксация 892 объектов археологического наследия: 466 курганных могильника, 206 одиночных курганов, 164 поселения, 25 грунтовых могильников, 13 местонахождений, 10 городищ и восемь стоянок.

При осуществлении плановых мероприятий по систематическому наблюдению в отношении памятников археологии сотрудниками Сектора было установлено пять фактов повреждения объектов археологического наследия в результате незаконных археологических работ (три объекта) и несогласованных земляных работ (два объекта). В правоохранительные органы направлены материалы для принятия процессуальных решений.

В октябре 2019 г. в ходе мероприятий по систематическому наблюдению в отношении объектов археологического наследия в Бийском районе на памятнике археологии «Курганная группа Сростки» были выявлены повреждения культурного слоя в виде выемок грунта размерами от 0,4 до 0,9 м и глубиной от 0,1 и до 0,5 м. По данному факту управлением направлено заявление в правоохранительные органы и уведомляющие письма в администрацию района и сельсовета. Возбуждено уголовное дело по статье 243.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в соответствии с которой предусмотрена уголовная ответственность за поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой, проводимые без разрешения (открытого листа) и повлекшие повреждение или уничтожение культурного слоя. По делу ведется предварительное расследование.

Второй факт выявлен в июне 2020 г. на территории Зайцевского сельсовета Тальменского района на памятнике «Зайцево-1, курганный могильник». В ходе визуального осмотра зафиксированы повреждения трех археологических сооружений (курганов) при разработке песчаного карьера. В стенке карьера под одним из курганов на глубине около 1,5 м от современной поверхности выявлено разрушенное древнее захоронение (могила) в виде темного пятна гумуса, фрагментов дерева (внутримогильная деревянная конструкция) и костей. По факту повреждения объекта археологического наследия направлены письменные уведомления в администрацию Тальменского района, Зайцевского сельсовета и заявление в правоохранительные органы. Возбуждено уголовное дело по ст. 243.1 УК РФ, по которой предусмотрена уголовная ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. По делу ведется предварительное расследование.

В июле 2020 г. в ходе работ на памятнике «Черемшанка-2, поселение» (Черемшанский сельсовет Тюменцевского района) специалистом Сектора зафиксированы повреждения поверхности и культурного слоя на всей площади памятника в виде выемок грунта. В выемках и рядом с ними обнаружены фрагменты древних керамических сосудов, металлические (медные и бронзовые) предметы: два целых и два в обломках

нательных креста, крупная полая полусферическая пуговица, обломок металлического изделия неясного назначения. Три четырехугольных креста, концы и углы перекрестия которых прямые, на лицевой стороне в центре изображен восьмиконечный крест и, возможно, копьё, трость, буквы (в окончаниях перекладины) «IC» и «XC» (Иисус Христос). Один фрагмент (перекрестье) происходит от нательного креста с фигурной оконечностью в виде трилистника. Данные предметы широко бытовали в Новое время на территории Сибири и их можно датировать концом XVIII – XIX в. [Молодин, 2007]. Выявленная в ходе осмотра керамика датируется периодом поздней бронзы [Ситников, 2015]. По факту нарушения культурного слоя в правоохранительные органы было направлено письмо и оформлено заявление. Возбужденно уголовное дело по ст. 243.2 УК РФ. По делу ведется предварительное расследование.

Четвертый факт повреждения объекта археологического наследия выявлен в августе 2020 г. на территории Завьяловского сельсовета Завьяловского района на памятнике «Вознесенская-4, 5, поселение». В ходе визуального осмотра зафиксировано разрушение культурного слоя на площади до 2835 кв. м. На данном участке обнаружены археологические предметы: десять фрагментов костей животных и шесть фрагментов керамики, три из которых – с орнаментом. Венчик баночного сосуда, орнаментированный гребенчатым штампом и линиями, а также фрагмент стенки, украшенный прочерченными линиями, предположительно относятся к андроновской культуре [История Алтая, 2019, с. 148–157]. В зоне разрушения выявлен венчик, происходящий от горшковидного сосуда, орнаментированный налепным валиком. Указанный фрагмент можно отнести к саргаринско-алексеевской культуре [Демин, Ситников, 2007, с. 128; Ситников, 2015]. По факту выявленных повреждений на объекте археологического наследия «Вознесенская-4, 5, поселение» направлены письменные уведомления в администрацию Завьяловского района и Завьяловский сельсовет и заявление в правоохранительные органы. Возбужденно уголовное дело по статье 243.1 УК РФ. Проводится предварительное расследование.

Пятый факт выявлен на территории Стародраченинского сельсовета Заринского района на памятнике «Стародраченино-1, курганный группа» в мае 2020 г. В ходе визуального осмотра объекта археологического наследия на двух археологических сооружениях (курганах) зафиксированы повреждения поверхности в виде выемок грунта размерами от 0,3 до 0,9 м и глубиной от 0,2 до 0,7 м, большинство из которых заложены дерном. В связи с этим в правоохранительные органы направлено заявление. В результате возбуждено уголовное дело, в ходе которого установлено лицо, совершившее данное преступление. Впервые в Алтайском крае виновное лицо привлечено к уголовной ответственности по п. «а» ч. 3 ст. 243.2 УК РФ. Заринским районным судом виновному лицу назначено

наказание в виде штрафа с конфискацией незаконно изъятых из земли археологических предметов (железные удила, железное тесло, два наконечника стрел) и орудия преступления (металлодетектор).

В 2019 г. Пограничным управлением ФСБ России по Алтайскому краю пресечена деятельность нарушителей законодательства об охране объектов культурного наследия. В рамках организованного взаимодействия, при методической поддержке Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края пограничным управлением возбуждены дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 3 ст. 7.15 КоАП РФ, – проведение археологических работ без полученного в установленном порядке разрешения (открытого листа), с использованием специальных технических средств поиска (металлоискателей). По результатам судебного рассмотрения административных материалов правонарушителям назначен штраф с применением дополнительной меры ответственности в виде конфискации незаконно изъятых из земли археологических предметов.

Согласно экспертному заключению, значимыми археологическими предметами являются бронзовый втульчатый двухлопастной наконечник стрелы раннескифского периода (IX–VII вв. до н.э.) и зажимка из медного сплава, изготовленная в Германии (сер. XIX в.).

В сентябре 2020 г. в ходе работ на памятнике «Северка, поселение» на территории Северского сельсовета Ключевского района в колее грунтовой дороги обнаружен фрагмент бронзового ножа. На объект археологического наследия вызван сотрудник МВД, который изъяс артефакт и передал его в Ключевский краеведческий музей. По факту изъятия археологического предмета с территории объекта археологического наследия сотруднику Сектора, проводившему контрольно-надзорное мероприятие, передана расписка от сотрудника правоохранительных органов и получен акт приемки из Ключевского краеведческого музея.

В рамках мероприятий по обеспечению сохранности объектов археологического наследия при проведении строительных и иных работ согласованы 53 заключения государственной историко-культурной экспертизы земельных участков и один проект обеспечения сохранности памятника археологии.

В 2020 г. Управлением за счет средств федерального бюджета организованы работы по определению границ территорий 40 объектов археологического наследия в Усть-Калманском районе. В 2019–2020 гг. аналогичные работы на четырех объектах археологического наследия осуществлялись за счет внебюджетных источников финансирования. Таким образом, для 44 объектов археологического наследия утверждены границы территорий и особые режимы использования земельных участков. Сведения об объектах внесены в Единый государственный реестр недвижимости.

Кроме того, на основании охранных обязательств по 19 объектам археологического наследия, утвержденным в 2019 г. филиалом ФГБУ «ФКП Росреестр» по Алтайскому краю, зарегистрированы ограничения (обременения) права собственности на 39 земельных участков. В адрес 195 правообладателей указанных земельных участков направлены паспорта объектов и копии охранных обязательств для исполнения.

В 2019–2020 гг. Сектор осуществлял работу по разработке проектов предметов охраны объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия [Об объектах культурного наследия..., 2020, пп. 10 п. 2 ст. 33]. Для обоснования проектов предмета охраны [Об утверждении Порядка определения..., 2016] привлекались материалы результатов историко-культурных (археологических) исследований, содержащихся в научных отчетах, материалах картографирования объектов археологического наследия, результатов мониторингов данных об объектах археологического наследия, материалы мероприятий по систематическому наблюдению в отношении объектов археологического наследия федерального значения, а также многочисленные публикации исследователей. На основании проделанной работы установлены и утверждены 890 предметов охраны объектов археологического наследия.

За 2019–2020 гг. в автоматизированную информационную систему единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (АИС ЕГРКН) внесены и направлены в Министерство культуры Российской Федерации сведения в отношении 890 объектов археологического наследия. В полном объеме в реестре учтены сведения по 62 объектам археологического наследия, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

Одним из направлений деятельности Сектора являются мероприятия по включению объекта археологического наследия «Денисова пещера» в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Памятник «Денисова пещера» является знаковым объектом для развития туризма в Алтайском крае, интерес к которому проявляют в том числе и иностранные туристы.

В 2019–2020 гг. Сектором согласованы с Министерством культуры Российской Федерации и установлены зоны охраны объекта археологического наследия «Денисова пещера», сведения о которых внесены в Единый государственный реестр недвижимости. Кроме того, выполнен и направлен на рассмотрение в Министерство культуры Российской Федерации акт государственной историко-культурной экспертизы об отнесении объекта археологического наследия «Денисова пещера» к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации. Акт рассмотрен и согласован министерством. В настоящее время осуществляется подготовка проекта распоряжения Правительства РФ об отнесении объекта культурного наследия федерального значения «Денисова пещера»

к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации. Кроме того, ведется работа по включению указанного объекта в предварительный Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Библиографический список

Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Ч. I. Барнаул, 2007. 274 с.: ил.

Молодин В.И. Кресты-нательники Илимского острога. Новосибирск, 2007. 248 с.: ил.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул, 2015. 254 с.: ил.

Нормативные правовые акты

Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон № 73-ФЗ (принят Государственной Думой 24 мая 2002 г.: одобрен Советом Федерации 14 июня 2002 г.), ред. от 29 декабря 2020 г.

Об утверждении Порядка определения предмета охраны объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в соответствии со статьей 64 Федерального закона от 25 июня 2002 г. 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»: Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 13 января 2016 г. №28.

**S.S. Zaprudsky, R.V. Belousov,
G.A. Milyaev, A.S. Leonov, K.D. Ryabtseva**

*The Department of State Protection of the Cultural Heritage
of the Altai Region, Barnaul, Russia*

THE WORK OF THE ARCHEOLOGY SECTOR THE DEPARTMENT OF STATE PROTECTION OF THE CULTURAL HERITAGE OF THE ALTAI REGION IN 2019–2020 (RUSSIA)

The article considers the main results of the work of the Archaeology Sector of the Department of State Supervision in the Department of State Protection of the Cultural Heritage of the Altai Region, created in 2019. The most important areas of activity of the Archaeology Sector within the framework of the transferred federal powers are systematic observation of objects of archaeological heritage, identification of damage because of illegal and unauthorized archaeological work and the implementation of measures for the preservation and protection of archaeological sites. As a result, an external visual inspection and photographic recording of 892 objects of the archaeological heritage were conducted. Several facts of damage to objects of archaeological heritage because of illegal archaeological and unauthorized excavation have been established. The article highlights the work of the staff of the Archaeology Sector in the legal and practical sphere of the protection of cultural heritage in 2019–2020.

Keywords: sector of archaeology, objects of cultural heritage, settlement, burial mound, cultural layer, ceramic vessel, archaeological items

А.А. Казаков

*Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

ОБ ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ УСТЬ-ЧУМЫШСКОГО МИКРОРАЙОНА

В публикации проведен анализ состояния мероприятий по охране комплекса археологических памятников Усть-Чумышского микрорайона, находящегося в устье р. Чумыш Тальменского района Алтайского края. Отмечено, что это первый и пока единственный опыт превентивных охранных мероприятий на территории Алтайского края. По инициативе научной общественности были организованы охранные мероприятия, которые привели к созданию единственного на Алтае природно-исторического заказника. Одной из целей деятельности заказника является сохранение памятников археологии. Предложены конкретные меры по окончательному завершению этой работы. Положительные результаты подобных мероприятий межведомственного взаимодействия, отразившиеся в отсутствии как природных, так и антропогенных разрушений в анализируемом археологическом микрорайоне, позволили сформулировать предложение по распространению этого опыта, суть которого сводится к созданию межведомственной рабочей группы с привлечением научной общественности с целью включения памятников археологии в объекты охраны уже существующих особо охраняемых территорий с последующим изменением их статуса с природного на природно-исторический.

Ключевые слова: заказник, охрана, археология, взаимодействие, Алтайский край, микрорайон

Одной из тенденций деятельности в сфере охраны памятников истории и культуры, в том числе памятников археологии, является запаздывающий характер принятия мер реагирования на уже свершившееся действие, приведшее либо к нанесению ущерба этому памятнику, либо к его полному уничтожению. Другими словами, и государственные органы охраны, и научное сообщество, и общественность начинают активные действия по защите памятника истории и культуры только тогда, когда ему либо уже нанесен значительный ущерб, либо он уже полностью разрушен. Превентивные охранные мероприятия, направленные на недопущение возможного нанесения вреда памятнику истории и культуры, – достаточно редкое явление.

Таким достаточно редким исключением является комплекс памятников на оз. Кокуйское. Впервые его обследовал, вероятнее всего, А.П. Уманский в 1959 г. [Уманский, Шамшин, 1997, с. 10]. Затем в 1993 г. этот комплекс посетил В.Б. Бородаев [1997, с. 44], который «...осмотрел на западном берегу озера, примыкающем к современному устью Чумыша, не менее десятка городищ». К сожалению, никем из исследователей ни подробного описания памятников этого микрорайона, ни их гла-

зомерных планов, ни схем размещения не оставлено. Описания очень абстрактные, с относительными географическими привязками. Не известно даже точное количество памятников.

Несмотря на это, великолепная сохранность памятников, их отчетливая выраженность в рельефе оказали очень сильное впечатление на исследователей. Нужно отдать должное В.Б. Бородаеву [1997, с. 44], который не только поднял вопрос о необходимости охраны этого уникального микрорайона до начала его разрушения, но и настойчиво его продвигал и контролировал, неоднократно выступая на различных конференциях. Это один из редких случаев, когда за критикой скрывалось еще и конструктивное предложение, суть которого заключалась в совмещении двух задач. Комплекс памятников располагается в уникальной экологической нише, расположенной неподалеку от г. Барнаула, которая пока не подверглась разрушительному антропогенному воздействию. В.Б. Бородаевым было выдвинуто предложение о создании на этой территории заказника, что поспособствовало бы сохранению как уникальной ландшафтной зоны, так и памятников археологии, которые в настоящий момент составляют единое целое с ландшафтом. Им были даже предложены границы этого заказника [Бородаев, 1997, с. 46]. Это предложение нашло поддержку во властных структурах, и 12 апреля 1999 г. Постановлением Администрации Алтайского края №256 был образован государственный природный комплексный заказник краевого значения «Усть-Чумышский».

Пунктом 2.1 этого постановления определено, что государственный природный заказник «Усть-Чумышский» является комплексным заказником и предназначен для двух целей. Первая определена как сохранение природно-исторического ландшафта нижнего Причумышья, вторая – сохранение и восстановление численности популяций редких и ценных в хозяйственном отношении растений и животных.

Этот очевидный успех породил представление о том, что памятники, расположенные на территории заказника, находятся под надежной охраной и им ничего не грозит. Это мнение подтвердилось в 2000 г., когда представителями НПЦ «Наследие» под руководством Н.Ю. Кунгуровой был проведен мониторинг этого микрорайона и сняты инструментально-глазомерные (?) планы с расположенных на его территории памятников [Кунгурова, Служак, Вистингаузен, 2001, с. 118]. Обследование подтвердило, что ни антропогенные, ни естественные факторы вреда этим памятникам пока не нанесли.

Попытка автора разобраться с состоянием памятников этого микрорайона на современном этапе привела к неутешительным результатам. Правда, необходимо оговориться, что в целом мониторинг состояния памятников летом 2019 г. выявил, что они находятся в таком же состоянии, как и при создании заказника, т.е. не разрушаются. Есть ава-

рийные объекты, но они были и до создания заказника. Однако работа с документами привела к удручающему результату.

Выяснилось, что стремление к первооткрывательству привело к переименованию ранее выявленных объектов, в результате чего возникла серьезная путаница с идентификацией памятников. Первые глазомерные планы и первичное описание объектов было сделано А.А. Казаковым и Д.В. Папиным в 1997 г. [Казаков, Папин, 1998]. Согласно этим сведениям на территории заказника расположено пять поселений, два городища и курганный могильник. Судя по публикации, обследованию Н.Ю. Кунгуровой в 2000 г. выявило «...дополнительно ... 7 городищ и 1 курганный могильник» [Кунгурова, Служак, Вистингаузен, 2001, с. 118]. Честно говоря, работа с текстом этой статьи вызывает огромное количество вопросов. Планы многих памятников идентичны, и как на одной и той же территории двумя разными исследователями были выявлены по семь различных поселенческих комплексов (городища относятся к поселенческим комплексам) и по одному курганному могильнику?

Посещение летом 2019 г. этого комплекса памятников подтвердило предположение о том, что на территории этого микрорайона расположено порядка восьми археологических памятников (семь поселений и курганный могильник).

Но и это не самое удручающее. Этот вопрос решается достаточно просто при включении административного резерва. Все памятники поставлены на учет и имеют название, которое фигурирует в учетных документах государственных органов, поэтому они так и будут называться.

Опасения вызывает факт, что на сайте Минприроды Алтайского края, в ведении которого находятся особо охраняемые территории, мы встречаем наличие таких объектов охраны, которых в реальности не существует, т.е. в списках значится 14 памятников (курганная группа «Усть-Чумыш»; поселение «Усть-Чумыш-1»; Усть-Чумыш-2, городище; Усть-Чумыш-3, городище; Усть-Чумыш-4, городище; Усть-Чумыш-5, городище; Усть-Чумыш-6, курганный могильник; Кокуйское-1, поселение (Кокуйское-1/1); Кокуйское-2, поселение (Кокуйское-1/2); Кокуйское-3, поселение (Кокуйское-1/3); Кокуйское-4, поселение (Кокуйское-1/4); Кокуйское 5, поселение (Кокуйское-1/5); Кокуйское-6, поселение (Кокуйское-1/6); Кокуйское-7, поселение (Кокуйское-1/7) [Усть-Чумышский заказник, электронный ресурс].

В Перечне объектов археологического наследия на территории Алтайского края, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, на этой территории значится восемь памятников.

Из этого вытекает неутешительный вывод, что, несмотря на то что памятники пока находятся в целостности и сохранности, сотрудники заказника не знают, что им необходимо охранять, т.е. они не знают ни объек-

тов охраны, ни их охранных зон. Более того, даже научное сообщество пока до конца не определилось с этими вопросами.

Как уже было отмечено в начале работы, рассматриваемый пример является исключением из правил и является чуть ли не единственным прецедентом образцового подхода к охране историко-культурного наследия на территории Алтайского края. Однако нечеткое представление об объектах охраны и их границах незначительно нивелирует результаты большой проделанной работы. А в случае нарушения режима охраны и причинения памятнику ущерба правоохранителям будет достаточно сложно установить объект посягательства.

Создание полноценного прецедента образцовой работы по сохранению памятников археологии, основанного не только на деятельности специализированного органа государственной охраны памятников истории и культуры (Управление государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края), но и межведомственным взаимодействии (Министерство природных ресурсов и экологии Алтайского края, Отдел особо охраняемых природных территорий), предполагает необходимость доведения до логического завершения начатых мероприятий, тем более что уже проделана огромная работа в этом направлении.

Для этого необходимо провести детальное обследование небольшого по площади участка, сделать его топографическую съемку, определить границы памятников и на основе этих данных внести изменения в документы заказника, которые бы объективно отражали реальную ситуацию.

После проведения этих мероприятий можно смело говорить о завершении начатой в 1999 г. (создание заказника) работы по сохранению уникального природно-археологического комплекса, проделанной на основе межведомственного взаимодействия.

Ограничение хозяйственной деятельности на территории заказника, наличие специально подготовленного штата сотрудников, основной задачей которых является контроль за соблюдением режима использования особо охраняемых территорий, несомненно, способствовали обеспечению сохранности памятников археологии, расположенных в его границах. Думается, что положительный опыт превентивной охраны памятников археологии, приобретенный в ходе межведомственного взаимодействия, можно распространить и на другие особо охраняемые территории, которых в настоящее время в Алтайском крае насчитывается 35. Среди них Бобровский, Большереченский, Кислухинский, Соколовский и ряд других заказников. Даже их названия у археологов вызывают ассоциации с археологическими микрорайонами.

В контексте совмещения мероприятий по сохранению природных ресурсов с мероприятиями по сохранению культурного наследия хотелось бы инициировать создание рабочей группы из представителей Управления государственной охраны объектов культурного наследия

Алтайского края, Министерства природных ресурсов и экологии Алтайского края, научной общественности, которая на первом этапе хотя бы рассмотрела вопрос о наличии в границах особо охраняемых территорий памятников археологии.

При выявлении таковых в дальнейшем можно инициировать вопрос об изменении статуса заказников из природных в природно-исторические.

Не касаясь вопросов изменения существующих границ особо охраняемых территорий с целью включения в них памятников археологии, расположенных в непосредственной близости от этих границ (это уже очень долгосрочные перспективы), можно утверждать: предлагаемые мероприятия не требуют капиталовложений и значительных временных затрат, однако положительно скажутся на сохранении культурно-исторического наследия народов Российской Федерации, повысят туристическую и инвестиционную привлекательность Алтайского края.

Библиографический список

Бородаев В.Б. Монгольская крепость на устье реки Чумыша // Нижнее Причумышье. Очерки истории и культуры. Тальменка, 1997. С. 40–47.

Казаков А.А., Папин Д.В. Комплекс археологических памятников Кокуйское-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 169–172.

Кунгурова Н.Ю., Служак И.И., Вистингаузен В.К. Итоги проведения папортизации памятников в устье Чумыша // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. С. 118–122.

Уманский А.П., Шамшин А.Б. Древности Нижнего Причумышья // Нижнее Причумышье. Очерки истории и культуры. Тальменка, 1997. С. 10–14.

Усть-Чумышский заказник // Министерство природных ресурсов и экологии Алтайского края. URL: http://altaipriroda.ru/directions/prirodnye_resursy/ooot/zakazniki/ust-chumyshskij_zakaznik/

A.A. Kazakov

*Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia;
Altai State University, Barnaul, Russia*

ON PROTECTION OF ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE UST-CHUMYSH MICRODISTRICT

The article analyzes the conducted activities for protection of several archaeological sites of the Ust-Chumysh microdistrict located at the mouth of the Chumysh River in the Talmensky District of the Altai Territory. It should be noted that it has been the first and the only experience of preventive protection measures in the Altai Territory so far. At the initiative of the scientific community, conservation measures started, which led to the creation of the only natural and historical reserve in Altai, one of its goals being the preservation of archaeological sites. Specific measures for completion of this work have been proposed. The positive results of such activities of interdepartmental interaction were in the absence of both natural and anthropogenic destruction in the analyzed

archaeological microdistrict, which prompted us to formulate a proposal to share this experience, its essence being a creation of an interdepartmental working group with involvement of scientific community in order to include archaeological sites in the list of protected objects of the existing specially protected areas, with a subsequent change in their status from natural to natural-historical.

Keywords: nature reserve, protection, archaeology, interaction, Altai Territory, microdistrict

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.06

УДК 903.5(571.150)

Д.С. Калашников¹, С.М. Ситников², В.П. Семибратов³, И.А. Чудилин³

¹Музей «Город», Барнаул, Россия;

²Алтайское археологическое общество, Барнаул, Россия

³Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

МУНДИР ГОРНОГО ИНЖЕНЕРА ИЗ ЗАХОРОНЕНИЯ БЫВШЕГО НАГОРНОГО КЛАДБИЩА Г. БАРНАУЛА

Продолжается изучение материалов, полученных при проведении аварийных работ на территории бывшего Нагорного кладбища в г. Барнаул в 2015–2016 гг. В данной статье предпринята попытка определить ранг и звание чиновника, чье захоронение было обнаружено осенью 2015 г. Определение осуществляется по сохранившемуся на останках чиновника мундиру из темно-синего сукна с полным золотым шитьем на воротнике и обшлагах, обозначающем его принадлежность Горному ведомству и генеральскому рангу. Работа осложнена неполной сохранностью мундира и многочисленными внесениями изменений в форму одежды чиновников Горного ведомства на протяжении всего XIX в.. В перспективе, при определении конкретного звания и времени бытования мундира такого покроя, возможно достаточно достоверное установление личности. Количество служащих такого ранга в Барнауле было незначительным. Запись о смерти чиновника должна была сохраниться в метрических книгах одной из наиболее значимых городских церквей.

Ключевые слова: Барнаул, Нагорное кладбище, аварийные работы, изучение находок, мундир горного ведомства, ведомственное золотое шитье, установление чина погребенного инженера

Среди многочисленных находок, сделанных в ходе проведения аварийных работ на территории бывшего Нагорного кладбища в г. Барнауле, встречались и чрезвычайно редкие, ценные своим отношением к горнозаводскому периоду истории города и края. К ним относится, например, и обнаруженный осенью 2015 г. мундир горного чиновника, сохранившийся почти полностью (рис. 1).

Мундир, по сути – полукафтан, из сукна темно-синего цвета, односторонний с девятью пуговицами по борту. Размер приблизительно соответствует современному 50-му. Юбка полная. Пуговицы медные,

позолоченные, «дутые», с накладным изображением двуглавого орла. Изготовлены на Санкт-Петербургской фабрике «Братья Бух». Воротник и обшлага – из бархата черного цвета. Воротник скошен (рис. 2). Обшлага разрезные, с двумя пуговицами (рис. 3). Слева на талии имеется вертикально ориентированный прорез для шпаги длиной 4,5 см (1 вершок). Воротник и обшлага мундира имеют полное золотое шитье из переплетенных дубовых и лавровых ветвей – символика Горного ведомства, утвержденная в 1804 г. На обшлагах по две пуговицы, формой, размером и содержанием аналогичные пуговицам на борте.

К сожалению, одна пола мундира, часть пуговиц, наплечные знаки различия (погоны, эполеты?) утрачены, что затрудняет определение времени шитья мундира и чина погребенного. Отсутствуют также и продольные «карманные» клапаны вдоль заднего разреза юбки.

На протяжении XIX в. покрой военных и гражданских мундиров менялся десятки раз. С одной стороны, это должно способствовать установлению максимально точного периода изготовления мундира, поскольку даты указов, устанавливавших то или иное нововведение, известны. Но на практике не известно, насколько оперативно реагировали чиновники, особенно провинциальные, на частые введения изменений в униформе. Пошив формы, особенно высших разрядов, обильно украшенных шитьем, занимал достаточно много времени. С учетом этого обстоятельства в самих указах иногда содержалось разрешение на временное использование мундиров предыдущего образца: «... ныне носимую донашивать в течение 2 лет» [ПСЗРИ, 1886, отд. 1, с. 497–498].

Впервые темно-синий цвет был присвоен мундирам Горного ведомства в 1834 г. наряду с Министерством Народного просвещения, Академией художеств, Департаментом Духовных дел иностранных исповеданий и некоторых других [ПСЗРИ, 1835, отд. 1, с. 169]. Тем же законом устанавливались разряды мундиров, оговаривались полнота и расположение шитья [ПСЗРИ, 1835, отд. 1, с. 172–173].

В 1855 г. расположение шитья несколько меняется: «Шитье на поперечных карманных ныне клапанах заменяется на продольных прямых клапанах для чинов не ниже 4-го разряда» [ПСЗРИ, 1856, отд. 1, с. 273]. Под «продольным карманным клапаном» здесь подразумевается вертикальный клапан вдоль заднего разреза юбки мундира. Для первых трех разрядов мундир заменялся на виц-мундирный полукафтан. Полукафтан должен был быть однобортным, со стоячим скошенным воротом. Обшлага разрезные. И ворот, и обшлага обшивались соответствующим должности кантом. По борту полукафтана располагалось девять больших пуговиц. Кроме того, по две пуговицы размещались на обшлагах клапанах, две на лифе и две – на концах продольных карманных клапанов. Цвет мундирных полукафтанных Горного ведомства, так же как и цвет воротников и обшлагов, был «оставлен прежним», т.е.

Рис. 1. Мундир чиновника Горного ведомства

Рис. 2. Ворот мундира

Рис. 3. Обшлага мундира

темно-синим. Мундиры чиновников 4-го и «других ниже разрядов» заменялись однобортными полукафтанами, такими же, как и для первых трех разрядов. Но полное или уменьшенное шитье на вороте и обшлагах для них делалось согласно Положению №6860 от 1834 г.

Необходимо отметить, что изменения во внешний вид форменной одежды вносились неоднократно на протяжении 1855 и 1856 гг. Впрочем, Положение №30247 от 8 марта 1956 г. практически подтвердило то, что предписывалось годом ранее. Общий покрой гражданских полукафтано́в оставался однобортным; кафтаны застегивались на девять пуговиц, «положенных для Министерств и Ведомств»; воротник стоячий, скошенный; обшлага разрезные; «пуговиц: по две на обшлагах, две на лифе и две внизу карманных клапанов». Цвет сукна кафтанов, воротников и обшлагов, вид пуговиц и шитье оставались без изменения [ПСЗРИ, 1857а, отд. 1, с. 120–121]. В приложении к данному тому законов уточнялось, что чины 4-го разряда, а также Гражданские губернаторы, градоначальники и начальники областей и другие лица, занимающие должности 4-го разряда, «носят полукафтан с полным шитьем на воротнике и обшлагах, а на продольных карманных клапанах вместо шитья имеют кант» [ПСЗРИ, 1857б, отд. 2, с. 54].

Последующие серьезные изменения в покрое мундира горного ведомства происходят после упразднения Корпуса горных инженеров в 1867 г. Описанный покрой нового мундира никоим образом не соответствует обнаруженному в захоронении. Согласно Положению №44649 от 1 июня 1867 г. мундир горных чиновников становится двубортным и шьется из сукна темно-зеленого цвета [ПСЗРИ, 1871, отд. 1, с. 844; отд. 2, с. 447–448].

Таким образом, найденный на территории бывшего Нагорного кладбища мундир горного чиновника соответствует описанию формы чинов Корпуса горных инженеров, бытовавшей в период с 1855 по 1867 г. Не выясненным остается вопрос о конкретном чине его владельца. Плечевые знаки различия утрачены. Трудно сказать, были ли они вообще. Но в верхней части рукавов, на изнаночной стороне сохранились фрагменты железных приспособлений, возможно, служивших для крепления эполет. Утраченные карманные клапаны вдоль заднего разреза юбки мундира не позволяют определить чин с полной достоверностью. Но, опираясь на шитье воротника и обшлагов мундира, можно сказать, что чин его владельца был не ниже V класса и относился к генеральским (рис. 4–5).

И последнее. Исследование мундира было бы полным в случае установления личности его владельца. Количество горных чиновников такого высокого ранга на Алтае и в Барнауле было невелико. Временные рамки захоронения ограничиваются 1855–1867 гг. Похороненный в Барнауле чиновник должен был быть отпет в одной из крупных барнаульских церквей. Вероятнее всего, в Одигитриевской церкви либо в Петропавловском соборе. Метрические книги церквей этого периода должны находиться в Государственном архиве Алтайского края. Следо-

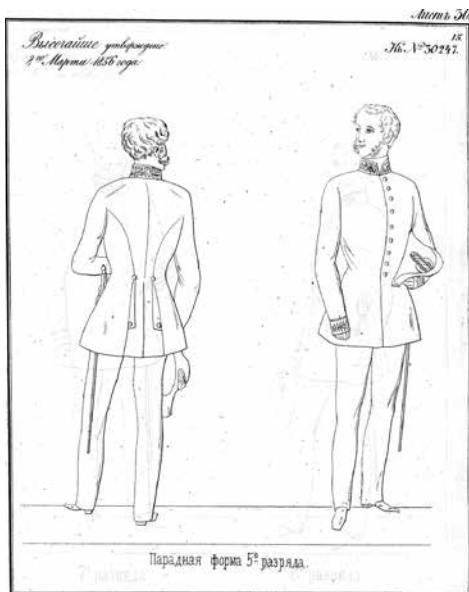

Рис. 4. Парадная форма 5 разряда. 1856 г.

Рис. 5. Парадная форма 4 разряда. 1856 г.

вательно, есть и реальная возможность если не установить конкретного человека, то, во всяком случае, определить весьма узкий круг лиц, одному из которых принадлежал данный мундир.

Библиографический список

«О форме обмундирования чинов гражданских ведомств, коим полагается мундир военного покроя» от 4 декабря 1885 г. // ПСЗРИ. 3-е собрание. СПб., 1887. Т. 5. 1525 с: ил.

«Высочайше утвержденное положение о гражданских мундирах» от 27 февраля 1834 г. // ПСЗРИ. 2-е собр. СПб., 1835. Т. 9. 888 с.

«Высочайше утвержденный проект изменения в форме мундиров гражданского ведомства» от 18 апреля 1855 г. // ПСЗРИ. 2-е собрание. СПб., 1856. Т. 30. 779 с.

«Высочайше утвержденные I) Описание изменений в форме одежды чинов гражданского ведомства и правила о ношении сей формы, и II) Описание формы одежды канцелярских служителей не из дворян и не имеющих чинов, писарей из военных кантонистов и курьеров в местах гражданского ведомства, а также об одежде ливерных служителей» от 8 марта 1856 г. // ПСЗРИ. 2-е собр. СПб., 1857а. Т. 31. 1111 с.

«Высочайше утвержденные 8 марта 1856 года изменения в форме одежды чинов гражданского ведомства и правила о ношении сей формы» // ПСЗРИ. 2-е собр. СПб., 1857б. Т. 31. Приложения. 1103 с.

«О форме одежды для Горных инженеров, переименованных в гражданские чины» от 1 июня 1867 г. // ПСЗРИ. 2-е собр. СПб., 1871. Т. 42. 1081 с.

D.S. Kalashnikov¹, S.M, Sitnikov², V.P. Semibratov³, I.A. Chudilin³

¹*Museum "Gorod", Barnaul, Russia;*

²*"Altai Archaeological Society", Barnaul, Russia;*

³*Altai State University, Barnaul, Russia*

THE UNIFORM OF A MINING ENGINEER FROM THE BURIAL OF THE FORMER NAGORNY CEMETERY OF BARNAUL

The study of materials obtained during emergency work on the territory of the former Nagorny cemetery in Barnaul in 2015–2016 continues. This article attempts to determine the rank of the official whose burial was discovered in the autumn of 2015. The identification is carried out by the uniform of dark blue cloth preserved on the remains of the official with full gold embroidery on the collar and cuffs, indicating that he belongs to the Mining Department and general rank. The work is complicated by the incomplete preservation of the uniform and numerous changes in the uniform of the officials of the Mining Department throughout the 19th century. In the future, when determining the specific rank and time of existence of a uniform of this cut, it is possible to establish a fairly reliable identity. The number of employees of this rank in Barnaul was insignificant. The record of the official's death was to be preserved in the metrical registers of one of the city's most important churches.

Keywords: Barnaul, Nagorny cemetery, emergency work, study of finds, uniform of the mining department, departmental gold embroidery, establishment of the rank of the buried engineer

А.О. Кауфман

Музей-заповедник «Кузнецкая крепость», Новокузнецк, Россия

«СЛУЖБЫ» КУЗНЕЦКИХ ГОРОДОВЫХ КАЗАКОВ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В. НА ТЕРРИТОРИИ БИЙСКОГО УЕЗДА

В данной статье автор, используя «Месячные рапорты и ведомости о состоянии личного состава Кузнецкой городской казачьей команды» за 1812 г., рассказывает о командировках ее представителей в конце XVIII – начале XIX в. на территории Бийского уезда. В этот период в Западной Сибири существовало несколько укрепленных линий. Они сооружались для защиты края от внешнего врага. Уездный город Кузнецк был включен в систему сибирских укрепленных линий. В нем, по крайней мере, с начала XIX в., находилась штатная городова казачья команда.

По данным на 1812 г., большинство казаков этой команды несли службу на территории Бийского уезда. Они служили при добыче и охране соли на многочисленных соляных озерах. Также кузнецкие городовые казаки несли службу в городах и укрепленных пунктах на территории этого уезда. Здесь их служба в основном была связана с охраной складов с солью и другим продовольствием.

Командировки кузнецких казаков в Бийский уезд, по данным на 1812 г., были достаточно длительными и продолжались чаще всего 5 лет и более. Отмечены случаи, когда казаки в этих командировках находились более 15 лет.

Ключевые слова: сибирские укрепленные линии, линейные и городовые казаки, ближние и дальние «отлучки», соляные озера, провиантские и соляные «магазины», соляные «сидельцы»

С начала 30-х гг. XVIII в. на юге Западной Сибири велось сооружение сразу нескольких укрепленных линий, главное предназначение которых заключалось в защите новых российских границ сначала от посягательств кочевников, а затем и Цинского Китая. Эти линии просуществовали более чем 100 лет, до середины XIX в.

На укрепленных линиях нерегулярные войска были представлены линейными казаками, а в городах – уездных и губернских центрах – городовыми казаками. Уездный город Кузнецк с 1738 г. входил в состав старой Кузнецкой линии, а с 1770 г. – новой Кузнецкой линии. В нем также существовала городова казачья команда.

На 12 марта 1801 г. (на день восшествия на престол Александра I) уже отмечена среди прочих войск штатная городова казачья команда в Кузнецке [Кузнецов, 2003, с. 116].

А теперь проанализируем документ из РГВИА, а именно «Месячные рапорты и ведомости о состоянии личного состава Кузнецкой городской казачьей команды (январь – декабрь 1812 г.)» [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3736. ЛЛ. 1–47об.].

На январь 1812 г. в Кузнецкой городской казачьей команде состояло по списку 158 человек, из них атаманов – один, сотников – три,

пятидесятников – семь, капралов – 14, барабанщиков – один и конных казаков – 132. При них было 132 собственных лошади.

Причем непосредственно в расположении команды находились только 14 человек, а остальные 144 находились в ближних и дальних командировках («отлучках»): в дальних – 119, в ближних – 25 человек.

Ближние «отлучки» касались самого Кузнецка и его окрестностей.

Если говорить о дальних «отлучках», то два человека были командированы в губернский город Томск, а остальные 117 несли службу на территории Бийского уезда.

В 1804 г. образовалась Томская губерния, в составе которой в том же году был сформирован Бийский уезд. Нижеперечисленные географические объекты в то время входили в состав данного уезда, исходя, например, из карты «Западная часть Азиатской России по состоянию 1807 года» [Бородаев, Контев, 2007, с. 100, 101].

Кузнецкие городовые казаки находились в следующих командировках («отлучках») на территории Бийского уезда (по состоянию на январь 1812 г.):

1) на Бурлинских соляных озерах – 22 человека (сотник Петр Безсонов, с 10.07.1794; пятидесятник Алексей Старченков, с 03.07.1801; пятидесятник Иван Бутримов, с 10.07.1794; капрал Андрей Старченков, с 03.07.1801; капрал Петр Зеленчаков, с 14.11.1807; капрал Матвей Алексеев Сидоров, с 01.03.1805; рядовые казаки Степан Рышков, с 26.06.1807; Иван Шебалин, с 04.08.1794; Федор Сидоров, с 02.02.1802; Ксенафонт Шебалин, с 01.03.1800; Федор Фомилцов, с 13.11.1805; Федор Бастрыгин, с 01.03.1805; Матвей Шебалин, с 06.07.1806; Василей Бастрыгин, с 06.07.1806; Петр Сидоров, с 14.11.1807; Степан Хлыновской, с 14.11.1807; Андрей Созонтов, с 14.11.1807; Дмитрий Дмитриев Сидоров, с 21.10.1808; Иван Сидоров, с 04.03.1809; Алексей Мархинин, с 04.03.1809; Петр Бутримов, с 21.08.1811; Иван Алексеев Мархинин, с 21.08.1811);

2) на Боровых соляных озерах – 24 человека (сотник Иван Лудчев, смотрителем с 06.12.1805; пятидесятник Платон Конюхов, с 19.05.1806; пятидесятник Федор Кузнецов, с 14.03.1806; капрал Семен Симионов, с 10.12.1794; капрал Степан Фомилцов, с 26.12.1811; рядовые казаки Василей Иевлев, с 22.09.1802; Степан Борисов Анофрев, с 22.09.1802; Моисей Лудчев, с 28.02.1805; Денис Сидоров, с 14.03.1806; Иван Иванов Мархинин, с 14.03.1806; Афонасей Мархинин, с 14.03.1806; Прокопей Мархинин, с 14.03.1806; Афонасей Корнилов, с 14.03.1806; Василей Бедарев, с 14.03.1806; Осип Карпов, с 14.03.1806; Николай Анофрев, с 28.11.1807; Лев Глубоков, с 28.11.1807; Никифор Глубоков, с 14.03.1809; Киприян Портнягин, с 14.03.1806; Алексей Осипов, с 01.06.1806; Обрам Анофрев, с 22.09.1802; Петр Сидоров, с 27.05.1801; Степан Алексеев Осипов, с 20.05.1811; Никита Сидоров, с 20.05.1811);

3) в Коряковском форпосте – 22 человека (пятидесятник Петр Вагин, с 03.08.1806; капрал Матвей Иванов Сидоров, с 12.11.1802; ка-

прал Андрей Зенков, с 12.11.1802; рядовые казаки Григорей Рышков, 15.06.1808; Филип Мусохранов, с 14.05.1806; Семен Осипов, с 14.05.1806; Тихон Зенков, с 14.05.1806; Павел Мусохранов, с 14.05.1806; Алексей Осипов, с 04.08.1807; Иван Михайлов Антонов, с 14.12.1797; Микита Бугаев, с 14.12.1797; Иван Силенской, с 14.12.1797; Дмитрией Зенков, с 13.07.1803; Исак Зенков, с 04.03.1804; Епифан Ворошилов, с 07.07.1805; Петр Рышков, с 20.08.1805; Семен Мархинин, с 20.08.1805; Матвей Осипов, с 17.12.1807; Иван Мусохранов, с 19.09.1808; Антон Мусохранов, с 16.05.1811; Иван Зенков, с 16.05.1811; Дмитрией Александров Сидоров, с 16.05.1811);

4) в Барнаульской ратуше – три человека (пятидесятник Александр Антонов, «в щетчиках» с 19.05.1807; капрал Иван Михайлов Антонов, «в щетчиках» с 19.05.1807; рядовой казак Петр Киприянов, «в щетчиках» с 11.06.1808);

5) в Семипалатинской ратуше – два человека (капрал Евграф Галанин, «в щетчиках» с 19.05.1808 и рядовой казак Федор Зеленчаков, «в щетчиках» с 17.06.1806);

6) на Карасукских соляных озерах – пять человек (капрал Василий Зенков, 18.10.1808; рядовые казаки Степан Павлов Анофрев, с 15.06.1808; Прокопей Шестаков, с 18.10.1808; Иван Рышков, с 13.07.1793; Сергей Рышков, с 15.09.1803);

7) в Усть-Каменогорской крепости – два человека (капрал Терентей Вагин, «в соленых сиделцах» с 19.05.1807 и капрал Михайло Старченков, «в магазин вахтерской должности» с 25.04.1810);

8) в Бухтарминской крепости – один человек (капрал Михайло Суханов, «в соленых сиделцах» с 19.05.1807);

9) в Бийском земском суде – четыре человека (капрал Ефим Елесин, с 28.02.1805; рядовые казаки Павел Петров, с 28.02.1805; Василий Авров, с 20.06.1809; Гаврило Елесин, с 06.06.1811);

10) на Барнаульском заводе – 23 человека (рядовые казаки, «при винных и соленых магазинях в карауле»: Иван Иевлев, с 11.06.1808; Алексей Анофрев, с 24.04.1807; Андрей Анофрев, с 06.12.1807; Степан Филимонов Осипов, с 06.12.1807; Василий Антонов, 06.12.1806; Василий Ворошилов, с 06.12.1806; Сысой Ворошилов, с 06.12.1806; Василий Осипов, с 06.12.1807; Сергей Мусохранов, с 06.12.1807; Ермолай Сидоров, с 06.12.1807; Василий Рышков, с 28.03.1808; Павел Александров Сидоров, с 28.03.1808; Егор Зырянов, с 28.03.1808; Иван Иванов Мархинин, с 25.02.1809; Матвей Муратов, с 01.08.1808; Илья Мелников, 25.12.1810; Лев Сидоров, с 25.12.1810; Дмитрией Антонов, с 10.10.1810; Григорей Севергин, с 19.03.1811; рядовые казаки, «у содержания караула при провиантском магазине»: Павел Осипов Сидоров, с 14.03.1809; Яков Волской, с 14.03.1809; Семен Шестаков, с 14.03.1809; Михайло Бызов, с 14.03.1809);

11) в Алейском провиантском магазине – четыре человека (рядовые казаки, «в карауле»: Ермил Сартаков, с 20.07.1803; Ксенофонт Фо-

милцов, с 04.03.1804; Ермолай Архимандритов, с 26.02.1805; Иван Сартаков, с 23.05.1806);

12) на Лебяжьих соляных озерах – два человека (рядовые казаки Осип Вагин, с 02.06.1810 и Николай Сидоров, с 02.06.1810);

13) в Семипалатинском комиссарстве – три человека (рядовые казаки Прокопей Сидоров, с 19.06.1807; Иван Галанин, с 19.06.1807; Павел Черкасов, с 08.12.1810) [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3736. Л. 2–4].

Командировки по своей продолжительности были разными. Они могли длиться от нескольких месяцев до 18 с лишним лет, как, например, у казака Ивана Рышкова, который был направлен 13 июля 1793 г. на Карасукские соляные озера по указу бывшей Кольванской казенной палаты. В такие длительные командировки казаки, как правило, ехали вместе с семьями. Сыновья их вырастали там же и определялись в службу по достижении положенного возраста. Так было и в этом случае, когда сын Ивана Рышкова, Сергей, получил определение в службу 15 сентября 1803 г. [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3736. Л. 3].

Цели командировок были различными. Например, около 64% находившихся в то время в командировке на территории Бийского уезда кузнецких казаков (или 75 человек) несли службу при соляных озерах, которые находились в западной и юго-западной частях уезда, недалеко от границы. В 1812 г. они служили при Боровых, Бурлинских, Карасукских, Коряковских и Лебяжьих соляных озерах.

В то время на этих озерах велась добыча соли для нужд населения Западной Сибири, в том числе для снабжения воинских частей. Данный процесс был государственной монополией, и присутствие военных обеспечивало безопасность добычи и временного хранения соли на складах при озерах, рядом с границей.

Власти объявляли торги на добычу и поставку соли, которые обычно выигрывали уральские и сибирские купцы и получали подряд. С ними заключался контракт.

Так, например, 30 июня 1777 г. был заключен контракт с челябинским купцом И.А. Боровинским на добычу и поставку соли с Борового и Бурлинского озер в Кузнецкий уезд. Срок контракта составлял 4 года, с 1778 по 1781 г. В первый год предполагалось добыть и поставить, исходя из потребностей уезда, 16 тысяч пудов соли. Доставлялась соль на склады («магазины») и хранилась там же. Реализовывалась она местному населению по цене 35 копеек за пуд (по указу Екатерины II от 1775 г.) [Кауфман, 2010, с. 149, 151].

Вернемся к документу 1812 г. Около 23%, или 27 кузнецких казаков, находились на службе при Барнаульском заводе и Алейском провиантском «магазине» (складе), охраняя казенные винные, соляные и хлебные запасы.

Таким образом, около 87% всех кузнецких казаков, бывших в то время в «отлучках» на территории Бийского уезда, несли караульную службу

при добыче соли в самосадочных озерах, а также при винных, соляных и хлебных складах в различных населенных пунктах этого уезда.

И только около 13% командированных казаков кузнецкой городской команды (15 человек) выполняли полицейские, административные и хозяйственные функции в Бийске, Барнауле, Семипалатинске, в Усть-Каменогорской и Бухтарминской крепостях.

В течение всего 1812 г. положение с назначениями и командировками по большей части оставалось неизменным [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3736. Л. 4а–47].

Библиографический список

Бородаев В.Б., Контев А.В. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI века). Барнаул, 2007. 216 с.: ил., карты.

Кауфман Ю.Б. Источники по истории снабжения солью Кузнецкого ведомства в 1770-е гг. // Из кузнецкой старины. Новокузнецк, 2010. Вып. 1. С. 148–167.

Кузнецов Н.А. Войсковые части, квартировавшие в Кузнецке в XVII–XIX вв. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 108–139.

Источники

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 3736.

A.O. Kaufmann

“Kuznetsk fortress”, Museum-Reserve Novokuznetsk, Russia

“SERVICES” OF KUZNETSK TOWN – SERVICE COSSACKS ON THE TERRITORY OF THE BYISK DISTRICT IN THE LATE 18TH – EARLY 19TH CENTURY

In the article the author used “Monthly Reports and Lists of Kuznetsk Town-Service Cossack Party Personnel Conditions” for 1812 to tell about missions of its members on the territory of the Byisk district. In this period in Western Siberia there were several fortified defense lines. They intended for protection the state territory from outward enemy. The district town Kuznetsk was a part of the structure of Siberian fortified defense lines. It had the permanent town-service Cossack party nearly from the early 19th century.

By the facts according to 1812 the most members of the Cossack party did their service in the Byisk district. The Cossacks guarded the salt extraction territory on the territory of numerous salt lakes. Kuznetsk town-service Cossacks also did their service in towns and defense points of the district. Their responsibilities there were connected with guarding salt and other foodstuffs storages.

By the facts according to 1812 the missions of the Kuznetsk Cossacks to Byisk district were continuous and lasted very often 5 and more years. There were some cases when Cossacks spent more than 15 years in such missions.

Keywords: Siberian fortified defense lines, line-service and town-service Cossacks, near and distant missions, salt lakes, provision and salt repositories, salt storekeepers

М.А. Корусенко, Ю.В. Герасимов, М.Ю. Здор, Д.Н. Павлов
Омский научный центр СО РАН, Омск, Россия

ИСТОРИЧЕСКИЕ НЕКРОПОЛИ Г. ОМСКА – ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

Настоящая статья посвящена истории изучения и проблемам сохранения исторических кладбищ на территории г. Омска в условиях постоянно меняющейся городской среды. За последнее десятилетие лет благодаря археологическим исследованиям на территории г. Омска было выявлено семь новых памятников и уточнено местоположение еще двух. Из этих девяти памятников четыре являются кладбищами XVIII–XX вв. Краткие результаты исследовательских работ приведены в нашей статье. В заключении поднят вопрос о возможности сохранения подобных памятников. И, хотя сам способ сохранения находится в русле действующих методик полевых археологических работ, при работе с историческими некрополями возникают проблемы этического характера, как со стороны застройщиков, так и со стороны исследователей. Не смотря на то, что статья основана на материалах, относящихся к городу Омску, изложенные в ней проблемы актуальны для любого крупного современного города, так как все они имеют тенденцию к разрастанию и модернизации.

Ключевые слова: Западная Сибирь, г. Омск, градостроительная ситуация, изменение, исторические некрополи, археологические исследования, сохранение

Современные города постоянно меняются. Город растет не только вширь, но и видоизменяется внутри себя. На смену обветшалым домам приходят новые, формируются схемы подземных и надземных коммуникаций, реконструируются, изменяются улицы, формируются новые транспортные магистрали и т.д. Большинство этих новаций в той или иной мере сопровождается земляными работами, что может представлять угрозу как существующим, так и еще не выявленным памятникам археологии. Согласно федеральному закону №73ФЗ [Федеральный закон ... №73], строительные работы на земельных участках под хозяйственное освоение должны превосходить археологическим исследованиям.

Город Омск имеет исторический центр и современную периферию. До середины XX в. рост населенного пункта происходил радиально от исторического ядра и находившиеся на окраинах некрополи, постепенно оказывались в центре более поздней застройки. Эти кладбища становились недействующими и территория их обычно не застраивалась, но занималась рекреационными зонами. В XX в. происходит качественное изменение города, появляются высотные дома, к домам проводят новые коммуникации, происходит реконструкция и расширение улиц. В период Великой Отечественной войны в г. Омск эвакуируют заводы из прифронтовой полосы, которые располагаются на свободных от за-

стройки участков, вблизи линий коммуникаций. Таким образом, закрытые кладбища оказались как среди жилой и производственной застройки, так и непосредственно под ней.

В XXI в. г. Омск начал активно перестраиваться, причем эти процессы затронули и его историческое ядро. Соответственно, остро стоит вопрос о сохранности исторической застройки и памятников археологии. Ниже мы приведем сжатую информацию об известных исторических некрополях, их датировке, принадлежности и археологизованности.

Иноверческое кладбище. Возникло в XVIII в., использовалось до начала XIX в. Расположено в историческом ядре города. Занимало территорию части нынешней улицы Лермонтова, проспекта К. Маркса, площади с фонтаном перед Музыкальным театром [Омский некрополь..., 2005, с. 17]. Существует вероятность сохранения захоронений под улицей Лермонтова, проспектом К. Маркса и упомянутой площадью. Археологически не изучено.

Слободское кладбище. Расположено в историческом ядре города. На планах г. Омска оно появилось в 1811 г. Закрыто во 2-й четверти XIX в. По имеющимся данным некрополь захватывал восточную половину современного сквера им. Карбышева, а также перекрестки современных улиц им. 10-летия Октября и Пушкина, Лермонтова и Пушкина, часть улиц Маршала Жукова и Бухгольца [Там же]. Вероятно, захоронения уцелели на территории сквера и под улицами. Археологически не изучено.

Кладбище Кадышевского форштадта. Возникло одновременно с постройкой второй Омской крепости в 60–70-е гг. XVIII в. [Омское Прииртышье..., 2015, с. 346, 349]. В настоящее время территория кладбища ограничена улицами Интернациональной, Красный путь, Орджоникидзе и Красногвардейской. Некрополь исчез с карты города в 1854 г. В конце XIX в. на этом месте был разбит Санниковский сад. В 30-х гг. XX в. Рекреационная зона была облагорожена и переименована в сад им. Куйбышева. В середине 1950-х гг. в границах территории кладбища построили кинотеатр им. Маяковского. В 1970-х гг. при строительстве подземного перехода под пересечением улиц Интернациональная и Красный Путь, были обнаружены захоронения [Омский некрополь..., 2005, с. 18]. В 2016 г. при закладке шурфа у стены кинотеатра сотрудниками ОНЦ СО РАН был обнаружен фрагмент черепной крышки и ключица, располагавшиеся в верхних техногенных слоях. Из этого следует, что локализация кладбища не точна, и существует вероятность сохранения захоронений под улицами Интернациональная и Красный Путь и на прилегающих к кинотеатру участках, которые сейчас принадлежат к парковой зоне.

Кладбище Бутырского форштадта. Занимало территорию в квадрате современных улиц Гусарова, Чернышевского, Рабиновича и Цент-

рального переулка. Кладбище возникло на рубеже XVIII–XIX вв. В 1940-х гг. территория кладбища начала частично застраиваться. В начале Великой Отечественной войны территория была отдана под застройку производственными корпусами эвакуированного завода им. Г.Н. Козицкого, сейчас ОАО «ОПЗ им. Козицкого» [Омский некрополь..., 2005, с. 19]. В начале XXI в. участки территории завода начали распродаваться, в частности, весной 2018 г. часть территории завода была выкуплена под строительство жилого дома. Осенью 2018 г. и весной 2019 г. сотрудниками Омского научного центра СО РАН были проведены археологическая разведка [Павлов, Черенкова, 2019, с. 382], а затем аварийно-спасательные раскопки, результатом которых стало обнаружение и исследование 86 погребений. На сегодняшний день установлено, что при строительстве завода им. Н.Г. Козицкого а также при прокладке и ремонте коммуникаций была разрушена лишь часть Бутырского кладбища. Некоторые коммуникационные траншеи прошли относительно не глубоко, не потревожив могил. На обследованных участках удалось зафиксировать несколько «слоев» из погребений, залегающих на разных горизонтах, часто один под другим, находящихся на глубине 1,5–2 м от современной поверхности. Это указывает на наличие достаточно крупных участков кладбища, не потревоженных застройкой. Таким образом, участки между заводскими корпусами могут содержать большое количество уцелевших могил.

Шепелевское кладбище. Открыто во 2-й половине XIX в. Располагалось на северо-востоке от Бутырского кладбища по линии современных улиц Гусарова и Чернышевского, за 1-й Ремесленной. Летом 1888 г. на северо-восточной окраине Шепелевского был открыт участок военного кладбища, ныне это район улиц Красный Пахарь, Гусарова и 5-я Северная. В 20–30-х гг. XX в. некрополь приходит в упадок, начинается его застройка. Во время Великой Отечественной войны на незастроенной части некрополя хоронят солдат и офицеров, скончавшихся в госпиталях города [Омский некрополь..., 2005, с. 20]. В военные годы на площадях завода «Красный пахарь» им. Куйбышева, располагающегося на месте кладбища, размещается Московский агрегатный завод №20 (в настоящее время АО Омский Агрегатный завод). По свидетельствам работников, при производстве земляных работ в 1978–1979 гг., а также в 2012 г. на территории неоднократно находили гробы и человеческие кости. В настоящий момент часть территории завода подготавливается к жилой застройке, корпуса демонтированы. Бесконтрольное строительство на этом участке может привести к повреждению исторических участков некрополя, которые являются археологическим памятником.

Казачье кладбище. Возникло во 2-й четверти XIX в. между нынешними улицами Куйбышева и 7-й линией, Успенского и Съездовской. Официально функционировало до 1942 г. Последнее захоронение со-

вершено в 1947 г. Впоследствии на части территории возвели детскую многопрофильную больницу, при строительстве которой останки погребенных вывозили за город. Место их захоронения не известно. В 1993–2005 гг. на оставшейся территории бывшего казачьего кладбища разбит мемориальный сквер, посвященный участникам ВОВ, умершим в омских госпиталях [Там же, с. 22]. В 2017 г. при археологическом обследовании земельного участка по ул. Успенского, выполненного сотрудниками ОНЦ СО РАН, в стратиграфическом раскрытии был обнаружен фрагмент тазовой кости человека. Участок расположен через дорогу от мемориального сквера. Фрагмент тазовой кости был обнаружен в верхнем техногенном слое и мог попасть туда при прокладке улицы.

Грунтовый могильник Омск. Госпиталь 2 (Городское кладбище (последней трети XVIII – начала XIX в.). В 2020 г. сотрудниками ОНЦ СО РАН проведена археологическая разведка на участке строительства в границах территории учреждения Министерства обороны РФ «425 Военный госпиталь» по адресу ул. Гусарова, 4. В результате полевых работ локализовано местоположение и установлены границы городского кладбища последней трети XVIII – начала XIX в., существование которого ранее было известно только по архивным данным. Согласно им выявленное городское кладбище пришло на смену Кадышевскому городскому, и функционировало в пределах двух десятилетий, затем, как и первое оказалось, в черте городской застройки, и было закрыто, а захоронения стали осуществлять на Бутырском кладбище г. Омска. Всего на территории исследования было зафиксировано около двух десятков погребений [Блинова, Герасимов, Корусенко, 2020, с. 855].

Грунтовый могильник Омск. Театральный сквер 2. Предположительно место захоронения первых строителей Омской крепости. В 2017 г. сотрудниками ОНЦ СО РАН проводилось археологическое наблюдение за ходом строительных работ по реконструкции улицы Ленина. В одной из строительных траншей близ ограды Театрального сквера были зафиксированы остатки захоронения, разрушенного при предыдущих реконструкциях магистрали. От погребения сохранились часть могильной ямы, полуислевшие доски гроба и фрагмент костяка. Следы еще нескольких погребений прослежены в стенке траншеи, прилегающей к Театральному скверу. Указанные находки коррелируют с данными А.Ф. Палашенкова [1960, с. 20] о следах погребения, обнаруженных при рытье траншеи под фундамент трансформаторной будки напротив фасада Театра музыкальной комедии в 1947 г. Кроме того, им упомянуто погребение, обнаруженное при ремонте Летнего театра, располагавшегося в здании бывшего костела, на северо-восточной окраине Театрального сквера [Палашенков, 1960, с. 21]. Остатки сгнивших досок указывают на принадлежность захоронения к христианской традиции, но исторических данных о существовании на этом месте кладбища об-

наружить не удалось ни А.Ф. Палашенкову, ни авторам-составителям сборника «Омские некрополи. Исчезнувшие кладбища». В то же время совокупность исторических и археологических материалов однозначно позволяет утверждать наличие здесь организованного кладбища [Герасимов и др., 2019, с. 338].

Также на территории г. Омска расположено еще несколько исторических некрополей, для которых существует вероятность полного разрушения при производстве строительных работ. Полностью отсутствуют внешние признаки у таких кладбищ как Кладбище Душевнобольных, Первое Еврейское кладбище, Второе Еврейское кладбище. Под угрозой исчезновения находятся Старое Еврейское кладбище, Старое Кировское кладбище, Киргизские могильники и т.д. Чуть лучше дело обстоит с некрополем аула Каржас. Его территория огорожена, но подвергается антропогенному воздействию.

Исходя из вышеперечисленных данных можно сделать вывод, что, не смотря на то, что упомянутые нами некрополи в большинстве своем застроены, существует вероятность сохранения как отдельных могил, так и целых участков могильного поля. Далее, результаты археологических исследований и свидетельства очевидцев показывают, что существует большая вероятность сохранения обширных участков некрополей на территориях, занятых промышленными зонами.

Если существует вероятность сохранности, как отдельных погребений исторических некрополей, так и целых их участков, встает вопрос о сохранении этих археологических памятников. Но как сохранять подобные памятники? С одной стороны, городские кладбища XVIII–XIX вв. мало информативны с точки зрения археологии. Большинство из них известны по архивным материалам и планам города, четко локализируются на современной карте. Антропологический материал, полученный в результате исследования, не несет в себе значительного научного потенциала и его хранение целесообразно в основном для накопления материалов для анализа ДНК и других подобных методов. С другой стороны, значительный интерес представляют ранее неизвестные кладбища, так как они могут содержать новую историческую информацию. Не следует забывать и того, что на таких исторических некрополях могут быть похоронены исторические личности. Все эти сюжеты дополняются тем, что территориально такие объекты историко-культурного наследия располагаются на интенсивно осваивающихся территориях города.

Отметим, что аварийно-спасательные раскопки – мера достаточно дорогая и не популярная среди строителей, но в большинстве случаев – единственно возможная, так как без их проведения памятник будет уничтожен. Но нужно ли исследовать весь памятник, тем самым, исключая саму возможность возникновения угрозы разрушения?

В идеальном представлении об археологических охранных мероприятиях – да. Однако реальная ситуация мало соответствует идеалу. Отметим, например, что на территории Бутырского кладбища аварийно-спасательные работы были проведены непосредственно на месте закладки котлована под жилой дом, что позволило исследовать, а значит и сохранить некоторую часть могильного поля, однако угроза разрушения сохранилась для неисследованных участков. Известно, что на этом некрополе были похоронены некоторые исторические личности города Омска и существует вероятность сохранения их могил на оставшихся неисследованными участках могильного поля. Понятно, что с исследованием захоронений исторических личностей прямо связана проблема идентификации их останков.

Еще один вопрос возникает в связи с результатами проведенных работ: что делать с останками? Целесообразно ли перезахоранивать останки, и если перезахоранивать, то как? Где перезахоранивать останки? Кто должен перезахоранивать останки и кто должен оплачивать перезахоронение? В 2015 г. при проведении историко-культурной экспертизы участка второй омской крепости, где располагался военный Воскресенский собор, было найдено захоронение младенца. Младенец был похоронен под стеной собора. По архивным материалам, на территории собора кладбище не располагалось, мало того его расположение было официально запрещено. Был поставлен вопрос о перезахоронении обнаруженного погребения, который не решен и по сей день. Вопрос перезахоронения останков, полученных при археологических исследованиях на территории Бутырского кладбища, даже не поднимался.

В то же время известно, что в похоронном деле и связанных с ним традициях существует процедура перезахоронения останков, но она, если касаться норм права, относится к действиям с современными погребениями и связана с пожеланием родственников, оплачивается ими. Существует федеральный закон №8 ФЗ [Федеральный закон ... №8], но в нем не прописана процедура переноса исторических кладбищ. Он регулирует санитарные нормы при производстве перезахоронения или переносе целых кладбищ, но касается, повторимся, «современных» погребальных объектов.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: порядок сохранения исторических кладбищ не проработан, ни на уровне законов, ни на уровне подзаконных актов. Четкого алгоритма действий нет. Согласно федеральному закону №73ФЗ и «Положению о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации» при археологических полевых исследованиях могильников необходимо детально исследовать захоронения и полностью изымать из них антропологический материал. В случае если границы памятника выходят за пределы участка хозяйственного освоения и исследований,

прилегающая территория попадает под охрану. При этом вероятность повреждения охраняемой территории остается.

После исследования захоронений и изъятия антропологических материалов в действиях исследователя возможны варианты. Останки можно сдать в музей или в антропологическую лабораторию на хранение, но насколько эта мера целесообразна? Важны ли останки этого периода как научный материал? Есть ли вероятность при их исследовании узнать что-то новое? Есть ли смысл хранить материал с городских кладбищ?

Если антропологический материал не храним, то останки можно и нужно перезахоронить, но не ясно как это сделать законно. По сути, перед исследователями-археологами стоит проблема, которая требует принятия однозначного решения и закрепления этого решения на законодательном уровне. Еще раз повторим – этап выявления, изъятия антропологического материала с исторических некрополей имеет законные основания; а вот следующий этап действий с антропологическим материалом, полученным из памятников такого типа, не имеет законодательной поддержки и фактически оставлен на усмотрение исследователей. А так как ситуация, связанная с необходимостью освобождения территорий, занятых историческими некрополями в городах не единична, то проблема действий археолога с антропологическими материалами нуждается в решении.

Библиографический список

Блинова А.Н., Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. Археологические работы на территории Омского военного госпиталя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2020. Т. XXVI. С. 855–862.

Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Корусенко М.А., Павлов Д.Н. Некрополь первых строителей Омской крепости: археологическая гипотеза // Пятые Ядринцевские чтения. Омск, 2019. С. 338–379.

Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища. Омск, 2005. 232 с.

Омское Прииртышье и город Омск на картах, планах и чертежах XVII – начала XX века. Тобольск, 2015. 384 с.

Павлов Д.Н., Черенкова С.В. Результаты предварительных исследований Бутырского кладбища как объекта археологического наследия Омска XVIII – второй трети XIX вв. // Пятые Ядринцевские чтения. Омск, 2019. С. 382–385.

Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омска // Изв. Ом. отд. Географ. о-ва СССР. Вып. 3 (10). Омск, 1960. С. 3–23.

Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» от 12. 01.1996 №8 ФЗ (ред. От 08.12.2020) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8919/

Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 N73-ФЗ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/

M. Korusenko, Yu. Gerasimov, M. Zdor, D. Pavlov

*Omsk Science Center of the Siberian Branch
of The Russian Academy of Sciences, Omsk, Russia*

HISTORICAL NECROPOLISES OF OMSK: RESEARCH AND CONSERVATION

The present article is devoted to studying history and conservation problems of historical cemeteries in the city of Omsk, taking into account the constantly changing urban environment. In the last ten years archaeological research has uncovered seven new heritage sites, and the location of two other heritage sites has been precised. Four of these nine sites are cemeteries belonging to the 18th – 20th centuries. The present article summarizes our research, and in our conclusion we raise the question of the possibility of conserving such heritage sites. Even though the basic principles of conservation are aligned with the current methodology of field archaeological work, it is possible to encounter problems of ethical nature both from researchers and developers while working with historical necropolises. Despite the fact that the article is based on materials related to the city of Omsk, the problems outlined in it are relevant for any large modern city, since they all tend to grow and modernize.

Keywords: Western Siberia, Omsk, urban planning, change, historical necropolises, archaeological research, conservation

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.09

УДК 908(571.16)

А.В. Кошелев

Музей Новосибирска, Новосибирск, Россия

ТОМСКОЕ ИМЕНИЕ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА ВЕДОМСТВА КАБИНЕТА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА: ГРАНИЦЫ, СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ, УПРАВЛЯЮЩИЕ

В статье дается обзор данных по истории Томского имения Алтайского округа – одного из 12 имений, учрежденных императорским указом от 11 апреля 1896 г. на землях Кабинета Его Императорского Величества и действовавших до 1911 г. На основе архивных картографических материалов рассматриваются сведения о границах Томского имения, занимавшего северную часть Алтайского округа, административно-территориальных образований и крупных лесных массивов – боров, находящихся в границах территории имения, организации структуры управления имением, с расположением управляющего имением и его канцелярии в поселке (с 28 декабря 1903 г. по старому стилю – городе) Ново-Николаевске, местожительстве основных должностных лиц, управлявших имением и его частями. По архивным и библиографическим данным приводятся краткие сведения об управляющих Томским имением В.С. Шубенко, П.Н. Соболеве, Д.Д. Назарове, А.Г. Киюце, а также Перечень управляющих и помощников управляющего Томским имением в хронологическом порядке.

Ключевые слова: Новосибирск, Кабинет Его Императорского Величества, Алтайский округ, Ново-Николаевск, Томское имение, должностные лица Томского имения

Важную роль для Ново-Николаевска в первые два десятилетия его истории, играли структуры Управления Алтайским горным округом (с 1896 г. – Алтайским округом), в том числе Томское имение.

В соответствии с Именным Высочайшим указом императора Николая II Сенату от 11 апреля 1896 г. «Об изменении в некоторых частях существующего устройства Управления Алтайским горным округом» в Алтайском округе были установлены «местные земельно-лесные управления» – 12 имений, в том числе три имения 1-го разряда: Барнаульское, Бийское и Томское [ПСЗРИ-III. Т. 16. №12738].

Одним из побудительных мотивов для проведения данной административной реформы стала необходимость поиска новых источников дохода в связи с упадком горной промышленности, что послужило основанием для признания с 1896 г. эксплуатации лесных ресурсов в качестве самостоятельного источника прибыли, извлекаемого от продажи древесины различным потребителям [Карпенко, 2019, с. 45].

Имения пришли на смену лесничествам и арендным районам, находились в ведении Управления Алтайского округа и являлись комплексными административно-хозяйственными образованиями, призванными осуществлять на местах руководство основными хозяйственными операциями. Имения занимали громадные пространства, достигавшие размеров от двух до пяти миллионов десятин. Границами имений стали границы административных единиц и «живые урочища», которые легко было найти на местности [Карпенко, 2019, с. 45–46].

Томское имение занимало самую северную часть территории Алтайского округа, которая одновременно располагалась на землях, территориально входивших в состав Томского округа (с 1898 г. – Томского уезда) Томской губернии. Территория имения делилась на три лесные дачи.

На момент ликвидации в 1911 г. Томское имение включало земли Кольванской и Николаевской городских дач; Бугринской, Варюхинской, Кайлинской, Каменской, Карпысакской, Литвиновской, Ояшинской, Прокудинской, Спасской, Тутальской, Уртамской и Чауской волостей; Кумышской, Мало-Коряковской, Телеутской, Темерчинской и Чатской инородных управ [Памятная книжка..., 1908, с. 181].

По данным карты лесов Алтайского округа ведомства Кабинета Его Императорского Величества, составленной в чертежной Главного управления Алтайского округа в 1901 г. (рис. 1), в границах Томского имения выделялись следующие крупные лесные массивы – боры: Калтайский (цифра 1 на карте), Нижне-Обской (2), Орский №1 (3), Симанский (4), Кашламский (5), Николаевский (6), Кудряшевский (7), Речку-

новский (8), большая часть Чемского (10), Орской №2 (Мотковский) (11), Буготакский (12), Усть-Каменский (13), Кузнецовский (14), Рожневский (15) и Чебулинский (16) [РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 543. Л. 9–10]. Бердский бор (9) первоначально находился в составе Сузунского имения и был включен в состав Ново-Николаевского лесничества уже после ликвидации имений в 1911 г.

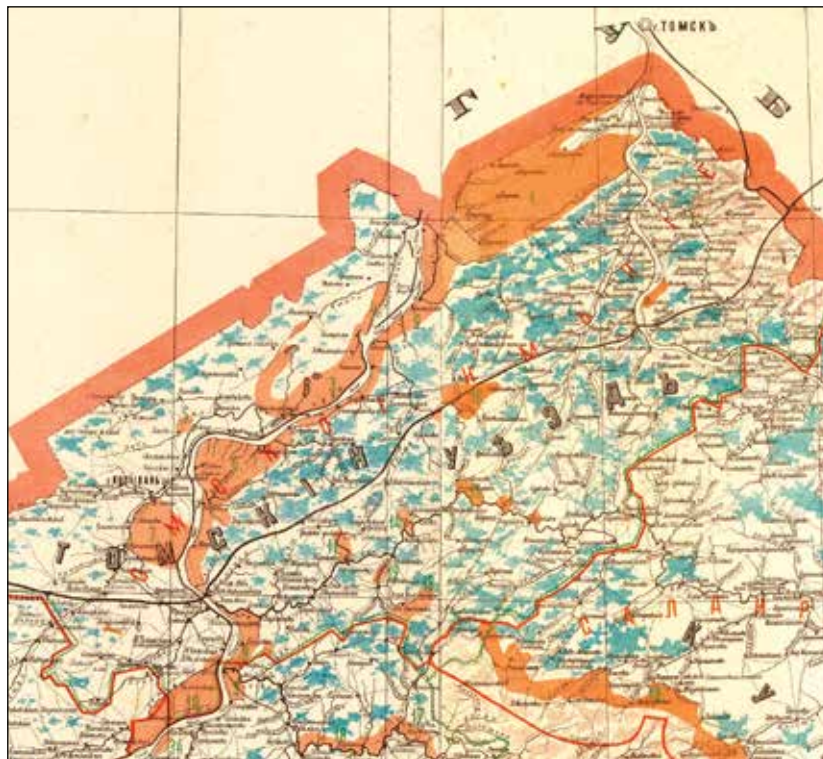

Рис. 1. Фрагмент Карты лесов Алтайского округа. 1901 г.

Согласно Проекту временного штата Алтайского округа, прилагаемому к указу от 11 апреля 1896 г., для управления имениями были предусмотрены следующие должности:

– управляющих имениями 1-го разряда – три чина, соответствующих VI классу (коллежский советник), с годовым содержанием в размере 2500 руб.;

– управляющих имениями 2-го разряда – девять чинов, соответствующих VII классу (надворный советник), с годовым содержанием в размере 1800 руб.;

– старших помощников управляющих имениями – 12 чинов, соответствующих VIII классу (коллежский ассессор), с годовым содержанием в размере 1500 руб.;

– младших помощников управляющих имениями – 26 чинов, соответствующих IX классу (титулярный советник), с годовым содержанием в размере 1100 руб. [ПСЗРИ-III. Т. 16. №12738]. На практике классный чин назначаемых на указанные должности лиц часто не соответствовал классу, установленному временным штатом.

Управляющий Томским имением подчинялся начальнику Алтайского округа ведомства Кабинета и с момента учреждения должности находился в п. Ново-Николаевском. Здесь же была организована работа канцелярии управляющего имением, постепенно создана инфраструктура, обеспечивающая деятельность должностных лиц имения [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285; Кошелев, 2020, с. 268–278]. Управляющий ведал охраной и эксплуатацией лесов, организацией сдачи в аренду земельных участков на территории имения, отводом земли для переселенцев.

С целью организации управления столь обширной территорией штатное расписание Томского имения предусматривало старших и младших помощников управляющего имением, количество которых в разные периоды было различным, четырех лесных смотрителей, равномерно рассредоточенных по территории имения.

Карта Алтайского округа с показанием границ районов и местожительства Контролеров, границ имений и местожительства Управляющих имениями, начало XX в. (рис. 2), дает представление о нахождении должностных лиц – служащих Томского имения.

Город Ново-Николаевск обозначен местожительством управляющего и помощника управляющего имением, а также лесного смотрителя при помощнике управляющего. Помощники управляющего имением проживали также в разъезде Чебула и поселке при станции Таежная (современный город Тайга) Сибирской железной дороги, а также в городе Томске, который, кроме того, был и резиденцией контролера имения (несмотря на то, что Томск и Тайга находились за границами Томского имения). Лесные смотрители проживали в Колывани, деревнях Кругликово и Кафтанчикова [РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 542. Л. 1]. Таким образом, на каждую лесную дачу приходилось по одному помощнику управляющего и лесному смотрителю.

Согласно данным Памятной книжки Томской губернии на 1908 г. структура управления Томским имением была представлена управляющим имением А.Г. Киюцем, у которого был один старший помощник, заведующий имением Н.А. Тиханин, находившийся в г. Томске, и пять младших помощников: заведующий Ново-Николаевским лесопильным заводом Ф.Г. Вульфус и заведующий Ново-Николаевским участком Н.Н. Журин, находившиеся в г. Ново-Николаевске, заведующий Колы-

ванским участком А.Я. Шульце (г. Колывань), заведующий Поломошным участком Э.П. Редлих (д. Поломошная) и заведующий Дубровинским участком Н.И. Давидович (близ ст. Чебула Сибирской железной дороги) [Памятная книжка..., 1908, с. 27].

В 1910 г. структура управления выглядела несколько иначе. Управляющий именем А.Г. Киуц и один его старший помощник В.К. Запольский находились в г. Ново-Николаевске, второй старший помощник В.В. Гроновский находился в г. Томске и два младших помощника С.Ф. Ключников (разъезд Чебула Сибирской железной дороги) и Э.П. Редлих (пос. Тайга Сибирской железной дороги) [Памятная книжка..., 1911, с. 76].

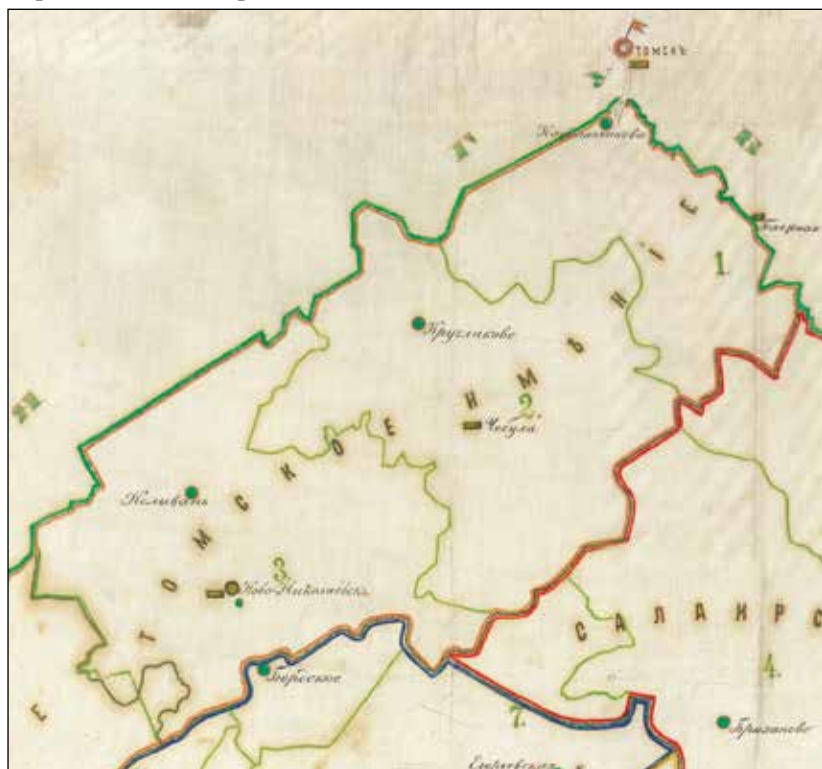

Рис. 2. Фрагмент карты Алтайского округа с показанием границ районов и местожительства Контролеров, границ имений и местожительства Управляющих имениями. Начало XX в.

Согласно данным Справочника личного состава чиновничества Алтая (1747–1917), подготовленного Б.В. Бабарыкиным и А.А. Пережогиним, с 1896 по 1911 г. Томским имением руководили четверо управляющих:

– губернский секретарь Василий Степанович Шубенко, руководивший имением в 1896–1898 гг. [Бабарькин, 2017, с. 242; Кошелев, 2020, с. 270; История города Ново-Николаевска..., 2020, с. 95];

– коллежский секретарь (с 13 декабря 1899 г. – титулярный советник) Порфирий Николаевич Соболев, руководивший имением с 1 июля 1898 г. по 23 февраля 1901 г. [Бабарькин, 2017, с. 215];

– коллежский советник Диомид Диомидович Назаров, управляющий имением с 9 июня 1901 г. по 10 октября 1905 г. [Бабарькин, 2017, с. 187];

– коллежский советник Адам Георгиевич Киюц, последний управляющий имением, руководивший им с 1905 г. по 1 октября 1910 г. [Бабарькин, 2017, с. 153].

В прилагаемой таблице в хронологическом порядке дается перечень управляющих и помощников управляющего Томским имением, составленный в основном на основе данных Справочника личного состава чиновничества Алтая (1747–1917) [Бабарькин, 2017, с. 94, 107, 117, 120–121, 123, 131, 133, 144–145, 153, 155, 159, 174, 177–178, 185, 187, 189, 194, 197, 205, 215, 223, 232, 242, 243, 245–246], а также Памятных книжек Томской губернии и архивных документов.

Перечень управляющих и помощников управляющего Томским имением в хронологическом порядке

Ф.И.О.	Должность	Период исполнения обязанностей
Шубенко Василий Степанович	управляющий Томским имением	1896–1898
Коновалов Петр Васильевич	и.д. пом. управляющего Томским имением	1896
Мальцев Павел Иудович	старший пом. управляющего Томским имением	1896–1898
Никитин Вениамин Степанович	младший пом. управляющего Томским имением	1896–03.03.1899
	старший пом. управляющего Томским имением	03.03.1899–17.08.1902
Павлович Витольд-Фаддей Леонардович	младший пом. управляющего Томским имением по найму	01.07.1896–29.02.1900
Хмелевцев Федор Ксенофонович	младший пом. управляющего Томским имением	01.07.1896–16.09.1897
	старший пом. управляющего Томским имением	13.04.1910–01.07.1911
Пиновский Владимир Феликсович	младший пом. управляющего Томским имением	14.02.1897–1898
Витт Генрих Робертович	младший пом. управляющего Томским имением	01.06.1897–10.06.1903
Юхнев Павел Михайлович	младший пом. управляющего Томским имением	04.10.1897–14.04.1898
Соболев Порфирий Николаевич	управляющий Томским имением	01.07.1898–23.02.1901

Окончание таблицы

Ф.И.О.	Должность	Период исполнения обязанностей
Акерблом Сергей Иванович	младший пом. управляющего Томским имением по найму	26.01.1899– 29.02.1900
Христиани Иоганн-Георг- Генрих Вильгельмович	младший пом. управляющего Томским имением	21.12.1899– 03.01.1902
	старший пом. управляющего Томским имением	03.01.1902– 16.06.1906
Богатырев Николай Николаевич	младший пом. управляющего имением (в т.ч. Томским)	29.02.1900– 08.02.1906
Лундстрем Франц Карлович	старший помощник управляющего Томским имением	30.03.1900–?
Тиханин Николай Андреевич	младший пом. управляющего Томским имением	22.09.1900– 17.08.1902
	старший пом. управляющего Томским имением	17.08.1902– 01.11.1909
Назаров Диомид Диомидович	управляющий Томским имением	09.06.1901– 10.10.1905
Журин Николай Николаевич	младший пом. управляющего Томским имением	17.08.1902– 18.10.1906
	старший пом. управляющего имением (в т.ч. Томским и Барнаульским)	18.10.1906– 02.07.1909
Шульце Альфред Яковлевич	младший пом. управляющего имением	14.10.1902– 07.06.1909
	старший пом. управляющего имением	07.06.1909– 01.07.1911
Запольский Владислав Казимирович	старший пом. управляющего Томским имением	01.05.1903– 10.03.1910
Редлих Эмилий-Леопольд Павлович	младший пом. управляющего Томским имением	15.06.1903– 25.01.1911
Киоц Адам Георгиевич	управляющий имением I разряда (в т.ч. Бийским и Томским с 10.10.1905(?))	18.06.1904– 01.10.1910
Ключников Святослав Флорентьевич	младший пом. управляющего Томским имением	03.05.1908– 13.09.1910
	старший пом. управляющего имением	13.09.1910– 01.07.1911
Мольденгауер Виктор Федорович	младший пом. управляющего Томским имением	1906– 03.06.1908
Давидович Николай Иванович	и.д. младшего пом. управляющего Томским имением	20.07.1906– 03.12.1907
Вульфус Фридрих Германович	зав. Новониколаевским лесопильным заводом	?–16.07.1907
Васильев Константин Павлович	конторщик Томского имения	1907–?
Гроновский Владислав Владиславович	старший пом. управляющего имением I разряда (в т.ч. Томским)	19.12.1908– 01.07.1911

В апреле 1911 г. имения Алтайского округа были ликвидированы, их функции были переданы лесничествам и арендным районам. На территории бывшего Томского имения были сформированы Калтайское, Нижне-Обское и Ново-Николаевское лесничества.

Несмотря на краткосрочный 15-летний период деятельности Томского имения, данное административно-хозяйственное образование, его руководители сыграли важную роль в протекавших на рубеже веков социально-экономических процессах, связанных со строительством объектов Сибирской железной дороги и возникавших по его линии населенных пунктов, приемом возрастающего потока переселенцев, формированием Ново-Николаевска как быстро растущего городского образования, предоставлением ему кабинетских земель как основы развития. Несомненно, в истории Томского имения еще много нераскрытых тем, которые требуют продолжения исследовательской работы.

Библиографический список

Бабарыкин Б.В., Пережогин А.А. Справочник личного состава чиновничества Алтая (1747–1917). Барнаул, 2017. 270 с.: ил.

История города Ново-Николаевска (1893–1908): сборник документов. Новосибирск, 2020. 370 с.: ил.

Карпенко Е.А. Формирование взглядов кабинетской администрации на коммерческую эксплуатацию лесов в Алтайском округе (1896–1911 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2019. №5(109). С. 44–48.

Кошелев А.В. К истории строительства здания управляющего Томским имением Алтайского округа ведомства Кабинета Его Императорского Величества в п. Ново-Николаевском // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2020. Вып. XXVI. С. 268–278.

Источники

Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. Томск, 1908. 210, 56, 80, [16] с., [1] л. ил.

Памятная книжка Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911. 240, 43, [4] с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ-III). Т. 16. №12738.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285; Ф. 485. Оп. 5. Д. 540, 541, 542, 543.

A.V. Koshelev

The Museum of Novosibirsk, Novosibirsk, Russia

THE TOMSK ESTATE OF THE ALTAI TERRITORY DEPARTMENT OF THE CABINET OF HIS IMPERIAL MAJESTY: BORDERS, MANAGEMENT STRUCTURE, GOVERNING

The article introduces new archival data on the history of the Tomsk estate of the Altai district – one of the 12 estates established by an imperial decree of April 11, 1896 on the lands of the Cabinet of His Imperial Majesty and operating until 1911. On the basis of archival cartographic materials, information is considered about the

boundaries of the Tomsk estate, which occupied the northern part of the Altai District, administrative-territorial formations and large forests – pine forests located within the boundaries of the estate, the organization of the estate management structure, with the location of the estate manager and his office in the village (from December 28, 1903 according to the old style – the city) of Novo-Nikolaevsk, the residence of the main officials who managed the estate and its parts. According to archival and bibliographic data, brief information is presented about the managers of the Tomsk estate V.S. Shubenko, P.N. Sobolev, D.D. Nazarov, A.G. Kiyutse, along with the list of managers and assistants to the manager of the Tomsk estate in chronological order.

Keywords: Novosibirsk, Cabinet of His Imperial Majesty, Altai district, Novo-Nikolaevsk, Tomsk estate, officials of the Tomsk estate

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.10

УДК 902-05:069

Л.С. Марсадолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

АРХЕОЛОГИ М.П. ГРЯЗНОВ, В.И. МАТЮЩЕНКО И ЭРМИТАЖ

Многие десятилетия жизнь и деятельность Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) была связана с Государственным Эрмитажем. Многолетняя дружба связывала его и с Владимиром Ивановичем Матющенко (1928–2005). Этим археологам удача сопутствовала как в раскопках в поле, так и в кабинете за письменным столом, что было достигнуто напряженным повседневным трудом. Наиболее ценные материалы из раскопок М.П. Грязнова были переданы в Эрмитаж (Пазырык-1, Аржан-1), а в фондах музея он читал курс по трасологии для студентов ЛГУ. Археологам хорошо известны научные труды В.И. Матющенко по истории сибирской археологии, материалы раскопок памятников эпохи бронзы в Томской и Омской областях (Еловка, Ростовка и другие), а также курганов хуннского времени в Сидоровке. В данной статье кратко рассмотрены основные этапы работы М.П. Грязнова в Эрмитаже и его дальнейшие связи с этим музеем. Автор статьи был знаком с М.П. Грязновым и В.И. Матющенко, учился у них археологии, набирался опыта и неоднократно помогал им, как в Эрмитаже, так и за его пределами.

Ключевые слова: М.П. Грязнов, В.И. Матющенко, Эрмитаж, Пазырык, Аржан, государственная премия

Впервые с Эрмитажем и его коллекциями М.П. Грязнов познакомился в 1920-е гг. Он много лет составлял картотеку интересующих его коллекций из фондов и экспозиции Эрмитажа, а также из фондов многих сибирских музеев. Эта картотека может быть образцом и для современных археологов. Многочисленные рисунки и выписки систематизировались им по регионам (Алтай, Минуса, Забайкалье и др.), по археологическим памятникам и культурам, а также по классам археологических предметов – кельты, кинжалы и ножи, каменные изваяния, предметы конского снаряжения и др. Рисунки, фотографии и выписки он тщательно складывал в красивые специально изготовленные папки,

которые по мере необходимости становились подручными материалами для его научных работ.

Встреча и сотрудничество на раннем этапе формирования научных интересов, в 1920-е гг., М.П. Грязнова с будущими классиками сибирской археологии – Сергеем Александровичем Теплоуховым и Сергеем Ивановичем Руденко на всю жизнь определили его судьбу: постепенно и он стал Археологом и Ученым с большой буквы.

В 1929 г. Алтайская экспедиция этнографического отдела Русского музея под руководством С.И. Руденко и М.П. Грязнова раскопала 1-й Пазырыкский курган – уникальный памятник середины V в. до н.э., получивший мировую известность. В 1937 г., после выделения Этнографического музея из состава Русского музея, многие археологические коллекции, в том числе и материалы из Пазырыка-1, были переданы в Эрмитаж [Грязнов, 1929; 1937].

В один из самых трудных периодов жизни Михаила Петровича, после тюрьмы и ссылки в Вятку, его в 1937 г. приняли на работу в Эрмитаж, хранителем сибирских археологических коллекций. Летом 1939 г. Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством М.П. Грязнова проводила археологическую разведку на Центральном Алтае. На обширном могильном поле в Яконуре экспедиция раскопала 17 разновременных объектов, среди которых особо выделяется курган №5, где было обнаружено первое на Алтае катакомбное погребение эпохи ранних кочевников [Грязнов, 1940].

В 1941 г. в Эрмитаже была подготовлена к изданию огромная книга-монография «Пазырык», макет которой позднее был рассыпан из-за начавшейся войны. В 1945 г. эта книга М.П. Грязнова стала основой для защиты его докторской диссертации, а в 1950 г. была издана в Эрмитаже в кратком варианте [Грязнов, 1950]. Во время Великой Отечественной войны Грязнов возглавил в 1941 г. первый эшелон с эвакуированными сокровищами Эрмитажа в Свердловск и был хранителем сибирских коллекций в этом городе. После войны коллекции вернулись в Эрмитаж, и началась многолетняя работа по их хранительскому учету и научному изучению.

С 1946 г. Михаил Петрович руководил археологическими экспедициями, работавшими в Алтайском крае, Новосибирской и Иркутской областях, а в 1955–1970 гг. – в зоне затопления Красноярской ГЭС [Грязнов, 1956; 1999]. Большинство материалов этих экспедиций было передано на постоянное хранение в Эрмитаж. В отделении Сибири многие годы работали ученицы и участники экспедиций Грязнова – Мария Павловна Завитухина и Людмила Леонидовна Баркова, которые также обрабатывали и его музейные коллекции [Баркова, Марсадилов, 1987; 2003; Засецкая, Марсадилов, Тишкин, 2016].

В 1971–1974 гг. Грязнова пригласили быть научным руководителем раскопок кургана Аржан-1 в Туве, знаменитого археологического па-

мятника VIII в. до н.э. Уникальная круговая конструкция кургана в виде солнца с лучами, комплекс разнообразных предметов вооружения и конского снаряжения изменили очень многие прежние научные представления о начале раннескифской эпохи в степях Евразии [Грязнов, 1980].

Михаил Петрович был мастером извлечения максимальной информации из каждой древней вещи и памятника. Эти качества давали ему возможность восстанавливать историю древнего населения Сибири в совершенно новых аспектах и с такими подробностями, которые, казалось, не были доступны для археологии. Уникальными были его спецкурсы «Археология Сибири» и «Трасология», которые он много лет читал для студентов кафедры археологии ЛГУ [Грязнов, 1982]. Ряд занятий для студентов по трасологии проходили в Эрмитаже, и автор, будучи аспирантом, помогал Грязнову в подборе материалов из фондов музея к лекциям. М.П. Грязнов был научным консультантом моей дипломной работы и научным руководителем в Эрмитаже кандидатской диссертации «Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.)» [Марсадолов, 1985].

В результате многолетних научных трудов М.П. Грязнов стал выдающимся российским ученым, исследователем археологических памятников Южной Сибири, доктором исторических наук, заслуженным деятелем науки РСФСР [Аванесова, Кызласов, 1985; Матюшенко, 1987; Марсадолов, 1996, 2002, 2017; Тишкин, 2007; и др.]. Полный библиографический список 158 научных работ с 1924 по 1999 гг. был опубликован Л.М. Всевиовым [2002].

В начале 1983 г. Государственный Эрмитаж и Ленинградское отделение Института археологии АН СССР выступили инициаторами выдвижения научных работ М.П. Грязнова на соискание Государственной премии СССР. Многие археологи и научные сотрудники знали об этом событии и во вторник, 31 мая 1983 г., к 10 часам пришли в конференц-зал Эрмитажа на расширенное заседание ученого совета, посвященное общественному обсуждению цикла его работ «Древности Южной Сибири», опубликованных в 1968–1980 гг. (три монографии и 32 статьи). мудро, красиво и эмоционально на этом заседании выступили: академик Б.Б. Пиотровский (председатель, директор Эрмитажа); доктора исторических наук В.И. Матюшенко, А.Д. Столяр, Ю.А. Заднепровский, Я.А. Шер, А.М. Беленицкий и кандидаты исторических наук В.П. Дьяконова, И.В. Куклина, Г.Б. Зданович.

Первым на этом заседании выступил Владимир Иванович Матюшенко – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Омского университета, который отметил нижеследующее:

«Нам, сибирякам, трудно строго оценить работы Михаила Петровича Грязнова, опубликованные за этот сравнительно короткий, десятилетний, период, по той простой причине, что мы над этим не задумывались. Не задумывались по той простой причине, что мы по-

нимаем их как сущую реальность в археологической литературе, на которую следует ориентироваться в работе повседневно. Очевидно, это и есть оценка работ Михаила Петровича Грязнова с нашей стороны. Но поскольку речь зашла о выдвижении этого цикла работ на соискание Государственной премии СССР 1983 года, есть необходимость посмотреть более пристально на эту серию работ. И увидеть можно действительно ряд очень интересных сторон, таких моментов, которые заставляют нас очень высоко оценить эти работы.

Прежде всего, хотелось бы сказать, что исследования Михаила Петровича Грязнова всегда вызывают удивительное доверие к достоверности. Исторические источники всей серии этих работ вне всякой критики. У меня и моих коллег не возникает никаких сомнений в том, что Михаил Петрович Грязнов недостаточно последовательно и скрупулезно исследовал тот или иной комплекс, что-то упустил, не заметил. Наоборот, читая эти работы, мы не всегда с должной полнотой воспринимаем их с первого чтения.

Хочется также отметить, что публикации Михаила Петровича Грязнова последнего десятилетия выходят далеко за пределы Южной Сибири, хотя цикл и назван «Древности Южной Сибири». И обидно, что исследователи других регионов нашей страны не совсем еще полно восприняли эти работы и оценили их, не учитывают те научные выводы, которые получены Михаилом Петровичем Грязновым по проблемам бронзового века, скифологии на азиатской части нашей страны. У исследователей европейской части страны есть основания задуматься над тем, а что же можно извлечь из работ М.П. Грязнова для решения своих проблем. В исследованиях Михаила Петровича они найдут разработки многих вопросов и по части исследования больших археологических комплексов, и по части хронологии памятников.

И все это в конечном счете дает основание думать, что те учреждения, которые выступили инициаторами выдвижения работ Михаила Петровича Грязнова на соискание Государственной премии СССР 1983 года, сделали, безусловно, очень полезный общественный шаг.

Заключая, я бы сказал, что работы Михаила Петровича Грязнова составляют целую эпоху в сибиреведении, и достойно оценить эту эпоху в лице Михаила Петровича Грязнова – это долг археологической общественности».

Подводя итоги этого заседания, директор Эрмитажа, академик Борис Борисович Пиотровский сказал: «Работы Михаила Петровича Грязнова замечательны тем, что его очень крупные открытия сопровождаются глубоким научным исследованием и интерпретацией. Очень показательно, что книжечка „Аржан“ выставлена на соискание Государственной премии. Она небольшая по размеру, но она является образцом публикации, краткой и очень содержательной. И именно глубокая

содержательность всех работ, великолепная интерпретация, бережное отношение к фразам без лишних слов – это характерные черты работ Михаила Петровича. Конечно, Михаил Петрович, кроме того, является новатором в изучении избранных им направлений научных исследований. Эти его новаторские точки зрения очень ценны. Они двигают науку вперед. Я считаю своей обязанностью убедить моих коллег по Комитету Государственных и Ленинских премий в том, что за работы Михаила Петровича Грязнова голосовать надо».

Б.Б. Пиотровского и М.П. Грязнова более 50 лет, начиная с 1930-х гг., связывали дружеские отношения и общие научные интересы по скифской проблематике и по эпохе бронзы. Они принадлежали к числу ученых, работы которых отличаются ярким, творческим, лаконичным и своеобразным исследовательским талантом.

После этого заседания состоялись две встречи автора со стенографисткой З.Г. Гавриловой, специально приглашенной на это заседание из городского центра стенографисток. Вместе с Марией Павловной Завитухиной мы исправляли неправильно услышанные археологические термины, названия памятников, фамилии. По моей просьбе стенографистка передала мне за помощь один экземпляр стенограммы, а остальные были отправлены в Москву.

В декабре 1983 г. в газетах и по радио было сообщено, что Михаилу Петровичу Грязнову правительство присудило Государственную премию СССР за цикл работ «Древности Южной Сибири». Многие археологи из разных городов России и зарубежья с радостью поздравили Михаила Петровича с высокой оценкой его работ.

Заслуженная награда нашла своего «Героя Археологии». Это было и своевременно и в то же время слишком поздно. В это время Михаил Петрович уже тяжело болел и почти не поднимался с постели. Он мужественно переносил операции и сильные боли. Многие археологи по мере своих возможностей помогали ему.

В 1983–1984 гг. в стране еще не было карточек на товары, но наиболее дефицитные продукты тогда распределялись по предварительным записям-заказам только на предприятиях и в учреждениях, по одному заказу на человека. Неработающие пенсионеры, к числу которых принадлежали Михаил Петрович и его жена Мария Николаевна Комарова, не получали таких заказов. Поэтому в Эрмитаже я записывался на двойную «порцию заказов», чтобы еженедельно их половину отнести своему Учителю. Да и заказы-то эти были довольно простые для наших дней: одна-две банки рыбных и мясных консервов, гречка, стущенка, пачка хорошего чая или кофе, изредка колбаса и фрукты. По дороге на квартиру к Михаилу Петровичу я дополнительно в магазине покупал свежие молочные продукты и хлеб. Это была хоть и небольшая, но помощь в те трудные для него последние месяцы.

До последних своих дней Грязнов консультировал сотрудников, аспирантов Эрмитажа и из других учреждений по важным научным и музейным вопросам. После смерти Михаила Петровича 18 августа 1984 г. его сын, замечательный фотограф Орик Михайлович Грязнов (названный отцом в честь скифского царя), осенью того же года передал через меня в Государственный Эрмитаж оставшиеся в кабинете археологические материалы из кургана Аржан-1, которые после приемки поступили на постоянное хранение в музей. Уникальные бронзовые навершия в виде фигурок горных баранов и древние ткани из Аржана-1 позднее украсили постоянную выставку в зале «Древней Сибири» Эрмитажа, а также временные выставки в России и за рубежом, в том числе в Британском музее в Лондоне.

Почти вся научная библиотека М.П. Грязнова и часть его архива были куплены Омским государственным университетом при содействии В.И. Матющенко. Владимир Иванович и его ученики были создателями и организаторами ряда научных конференций «Исторические чтения памяти М.П. Грязнова» в Омске, начиная с 1987 г.

В конце 1970-х гг. на квартире М.П. Грязнова автор познакомился с приехавшим из Омска Владимиром Ивановичем Матющенко, основателем омской научной школы археологии. Затем мы неоднократно встречались на научных конференциях (в том числе в Омске), дарили друг другу новые археологические издания. Российским и зарубежным археологам хорошо известны материалы раскопок В.И. Матющенко уникальных памятников у д. Еловка в Томской области, у д. Ростовка около Омска и особенно монография «300 лет истории сибирской археологии» [Матющенко, 2009]. Недаром даже археологический сборник, посвященный памяти В.И. Матющенко, его ученики назвали «Рыцарь сибирской археологии» [Тихонов, 2007]. В этом же сборнике был опубликован список 275 научных работ В.И. Матющенко с 1957 по 2005 г. [Тихонов, 2007, с. 59–85].

Особо мне запомнилась встреча с Владимиром Ивановичем в Государственном Эрмитаже, вскоре после его раскопок в 1986 г. кургана №1 в Сидоровке, впоследствии ставшего широко известным памятником. В.И. Матющенко сделал интересный доклад на научном заседании в отделе археологии Эрмитажа, вызвавшем много вопросов. Вначале материалы этого кургана им датировались концом скифской эпохи. После доклада мы спустились в хранилище на 1-й этаж, и я показал ему материалы хуннского Иволгинского могильника в Забайкалье, которые я хранил. Иволгинские бронзовые поясные пластины со сценой борьбы разных зверей являлись близкими аналогиями золотым пластинам из Сидоровки. Вследствии материалы этого комплекса из Сидоровки также были датированы хунно-сарматским временем [Матющенко, Тагаурова, 1997].

Жизненные пути Михаила Петровича Грязнова и Владимира Ивановича Матющенко были до краев полны и трудностями, и творческой

красотой научных поисков, открытий и свершений. Несмотря на принадлежность к разным поколениям, их объединяла искренняя человеческая доброжелательность, «юношеский» интерес к новым археологическим открытиям; широта научных интересов – от эпохи камня до Средневековья; подготовка многих учеников и последователей; отличное знакомство с научными работами своих предшественников и особые способности к обобщению большого археологического материала на основе своих новых раскопок и исследований.

Библиографический список

- Аванесова Н.А., Кызласов Л.Р. Памяти Михаила Петровича Грязнова // Советская археология. 1985. №4. С. 277–283.
- Баркова Л.Л., Марсадалов Л.С. М.П. Грязнов (1902–1984) // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1987. Вып. 52. С. 96–97.
- Баркова Л.Л., Марсадалов Л.С. М.П. Завитухина (1926–2001). Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб., 2003. Вып. LX. С. 249–250.
- Всевиов Л.М. Список опубликованных работ М.П. Грязнова // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. I. С. 10–17.
- Грязнов М.П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае // Природа. 1929. №11. С. 971–984.
- Грязнов М.П. Пазырыкский курган. М.; Л., 1937. 44 с.
- Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1940. Вып. I. С. 17–21.
- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 90 с.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1956. №48. 163 с.
- Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 61 с.
- Грязнов М.П. Археологическая трасология: Программа спецкурса по археологии. Свердловск, 1982. 7 с.
- Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб., 1999. 136 с.
- Засецкая И.П., Марсадалов Л.С., Тишкин А.А. Памяти Л.Л. Барковой (1928–2014) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №1 (13). С. 152–156.
- Марсадалов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.
- Марсадалов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996. 100 с.
- Марсадалов Л.С. Главные научные темы в творчестве М.П. Грязнова // Сибирские древности. Памятники археологии и художественное творчество. Омск, 2002. С. 6–10.
- Марсадалов Л.С. История датирования больших Пазырыкских курганов (сложившиеся направления и научные школы) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2017. №8 (20). С. 88–110.
- Матющенко В.И. Михаил Петрович Грязнов и его место в советской археологии // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. 1. Омск, 1987. С. 6–9.
- Матющенко В.И. 300 лет истории сибирской археологии. Омск, 2009. 549 с.
- Матющенко В.И., Тагаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997. 198 с.

Тихонов С.С. Рыцарь сибирской археологии // Рыцарь сибирской археологии: сборник, посвященный памяти В.И. Матющенко, известного отечественного археолога, доктора исторических наук, профессора. Омск, 2007. С. 4–12.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.

L.S. Marsadolov

The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

**ARCHAEOLOGISTS M.P. GRYAZNOV, V.I. MATYUSHCHENKO
AND THE STATE HERMITAGE MUSEUM**

Many decades the life and work of Mikhail Petrovich Gryaznov (1902–1984) was connected with the State Hermitage museum. Long-term friendship bound him with Vladimir Ivanovich Matyushchenko (1928–2005). These archaeologists were lucky in the excavations in the field and in the office behind a desk that was reached by stressful daily work. The most valuable materials from the excavations of M.P. Gryaznov were transferred to the Hermitage (Pazyryk-1, Arzhan-1), and in the museum's funds he taught a course in tracology for students of LSU. Archaeologists are well aware of the scientific works of V.I. Matyushchenko on the history of Siberian archaeology, materials from excavations of the Bronze Age sites in the Tomsk and Omsk regions (Elovka, Rostovka and others), and the mounds of the Xiongnu era in Sidorovka. This article briefly discusses the main stages of M.P. Gryaznov's work in the Hermitage and his further relations with this museum. The author of the article was familiar with M.P. Gryaznov and V.I. Matyushchenko, studied archaeology with them, gained experience and repeatedly helped them, both in the Hermitage and beyond.

Keywords: M.P. Gryaznov, V.I. Matyushchenko, Hermitage, Pazyryk, Arzhan, State award

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.11

УДК 94(571.15)

Л.Н. Мукаева

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

**СТАРИННОЕ ГОРНОЕ СЕЛО ЧЕРГА: ОТ ПРИТРАКТОВОГО
ПУНКТА НА ЧУЙСКОМ ТРАКТЕ К АЛТАЙСКОМУ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМУ ХОЗЯЙСТВУ СО РАН**

В статье рассмотрена история создания и развития одного из первых русских населенных пунктов Горного Алтая – села Черга, которое возникло в 1820-х гг. как поселение крестьян, приписанных к горным заводам Кабинета. По заключению автора, Черга сыграла важную роль в хозяйственном освоении северо-западной части Горного Алтая. Чергинские крестьяне с успехом занимались пашенным земледелием, скотоводством, горным пчеловодством, част-

ным извозом и таежными промыслами. В окрестностях Черги во 2-й половине XIX в. сложились крупные молочные фермы предпринимателей, использовавших в своих хозяйствах передовые технологии и новации. В советское время Черга с окрестными селами превратилась в один из крупнейших многоотраслевых совхозов Горного Алтая. Традиции новаторства в Черге в полной мере проявились в 1980-х гг., когда на основе животноводческо-растениеводческого комплекса Чергинского совхоза сложилось Алтайское экспериментальное хозяйство СО АН СССР, действующее и в начале XXI в.

Ключевые слова: Семинская долина, Черга, крестьяне, хозяйственное освоение, Алтайское экспериментальное хозяйство СО РАН

Село Черга Шебалинского района Республики Алтай было образовано заводскими крестьянами ведомства Колывано-Воскресенских (с 1834 г. – Алтайских) заводов в просторной долине р. Черга, левого притока р. Сема (алтайское наименование – Себе). Точная дата образования заводской деревни Черга неизвестна. Предположительно это произошло в 1820 г. или несколько ранее, поскольку известно, что Чергу основали выходцы из дер. Верх-Каменк. (с. Алтайское Алтайского края), появившейся в 1817 г. Раньше этой даты Черга образоваться не могла [Мукаева, 2014, с. 42]. Исторически Черга – это первый русский населенный пункт на горно-алтайском участке Чуйского тракта и второе старожильческое село, сложившееся в Катунской речной системе после Маймы (1811 г.). Место для поселения оказалось удобным. Река Сема, представляющая значительный левый приток Катуня, в месте впадения в нее р. Черга образует широкую живописную долину, окруженную лесистыми горами, среди которых самой высокой является гора Стая, но и она не поднимается выше линии лесов. В административном отношении село относилось к Алтайской волости, позже, в 1893 г., оно вошло в состав Сростинской волости, а в 1911 г. Черга была приписана к Шебалинской волости. Заселению Черги в XIX в. способствовало следующее обстоятельство: на село, располагавшееся на границе «калмыцких (алтайских) стойбищ», не распространялся официальный запрет губернской администрации 1831 г. на переселение русских крестьян в Алтайские горы. Исходя из социального статуса чергинских крестьян, село считалось заводским (кабинетским) поселением на землях Горного Алтая. В XIX в. Черга заполнялась крестьянами предгорных волостей Бийского округа, привлеченными сюда возможностями создания за короткий срок доходного хозяйства. В 1830 г. в селе насчитывалось 48 душ мужского пола. Вокруг села имелось 1978 десятин пахотной земли, 1479 десятин сенокосных и 1700 десятин лесных угодий. Основной земледельческой системой, которую практиковали крестьяне, была переложная. Хлеб сеяли на одном и том же месте в течение 4–6 лет, затем землю забрасывали в залежь. Для посевов крестьяне выбирали земельные участки, расположенные в долине Семы и у подножья горных склонов, защищенных от ветров. Другой ведущей отраслью Черги было много-

скотное скотоводство. Значительными промыслами в экономике села являлись пчеловодство, охота, рыбная ловля, извоз, сбор дикорастущих растений и кедрового ореха в кедровниках Семинского перевала.

Одним из факторов, способствовавших заселению и хозяйственному освоению бассейна р. Черги в досоветское время, было то, что через село проходил Чуйский тракт, проложенный стараниями бийских купцов и намеченный, по выражению ученого П.А. Чихачева, самой природой [Мукаева, 2008, с. 230–231]. Тракт начинался в Бийске, затем шел через село Алтайское, деревни: Сарасу и Комар. Черга оказалась на оживленном месте между двумя значительными перевалами Чуйского торгового пути: Комаринским, находящимся в вершине рчк. Комар на высоте более 580 м, и Семинским белком, высота которого составляет 1917 м. Первые описания Черги оставили геологи. Так, в 1842 г. село посетил знаменитый путешественник, геолог П.А. Чихачев. Он составил точное описание Черги, природных ресурсов этой территории и способов их освоения крестьянами. Исследователь привел два названия деревни: Черга, Усть-Чергинская. Он отметил, что плодородные земли широкой долины, в которой располагалось село, во многих местах возделаны под пашни, и везде много леса. Предельной точностью отличаются его зарисовки растительного и животного мира [Чихачев, 1974, с. 36–38]. Опытный геолог составил картину горных пород, выходы которых он наблюдал во время своего следования по маршруту экспедиции через Чергу [Мукаева, 2011, с. 111]. Во 2-й половине XIX в. Черга посещалась В.В. Радловым, Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым, В.В. Сапожниковым и другими исследователями, оставившими интересные описания села и его жителей.

История Черги досоветского времени интересна тем, что здесь во 2-й половине XIX в. предпринимались попытки создания крупных товарных сельскохозяйственных предприятий рыночного типа. Речь идет о фермах предпринимателей Маткевича и Недзвецкого, арендовавших землю у Кабинета по р. Булухта в одноименном урочище, непосредственно рядом с Чергой. Крупное комплексное предприятие – ферма томского предпринимателя Маткевича, включавшая молочное хозяйство, зерновое производство, пасеку, выращивание лекарственных растений, была основана в 1876 г. Первоначально хозяйство Маткевича занимало 300 десятин арендованной земли, на которой предприниматель разместил пахотные и сенокосные угодья, пастбища и одну пасеку. Ежегодные арендные платежи составляли по 40 коп. с каждой десятины, и 1 рубль он платил за место, на котором располагалась пасека. Свое хозяйство рачительный хозяин основал на рациональной основе. Вложив значительные средства, он смог создать прибыльное земледельческое хозяйство в этой местности, довольно холодной по сравнению со Степным Алтаем, поэтому здесь созревали только озимые хлеба. Маткевичу удалось организовать рациональное пасечное пчеловодство, на его пасеке стояли хорошие рамочные

ульи, которые он одним из первых стал применять на Алтае. Предприниматель преуспел в разведении улучшенных пород крупного рогатого скота. Для молочного скота он построил утепленные помещения. В 1880-х гг. предприниматель держал 390 голов крупного рогатого скота, в том числе быков чистокровных голландской и холмогорской пород [Мукаева, 1995, с. 54]. Селекционным путем, сначала скрещиванием холмогорской породы с местными, затем голландской с холмогорской, он вывел 200 голов новой породы крупного молочного скота [История..., 1991, с. 207]. Энергичный и способный арендатор завел прекрасное дойное стадо. Молоко он перерабатывал на масло на построенном здесь же маслодельном заводе, а молочную продукцию сбывал в Бийске и Томске [История Алтай, 1995, с. 206]. В 1888 г. предприниматель обратился в Горное Правление Алтайского горного округа с просьбой предоставить ему в аренду на 25 лет дополнительные земли. Окружное начальство пошло ему навстречу [История..., 1991, с. 207]. В итоге предпринимателю достались в аренду по р. Булухте свыше 600 десятин, на которых он занимался пчеловодством, сеял хлеб, выращивал улучшенные породы крупного молочного скота. В его фермерском хозяйстве впервые на Алтае были проделаны удачные опыты заготовки зеленой травы на зиму, которые заключались в следующем: только что скошенную траву складывали в огромные ямы, выкопанные в земле, и солили. При таком способе заготовки кормов трава не гнила и не сохла, сохраняя все качества свежескошенной в течение зимнего времени. В 1890-х гг. Маткевич предпринял опыты по разведению перчатной мяты, из которой он намеревался получать масло. Он надеялся на прибыльность этого предприятия. Недаром, он писал: «мята здесь растет роскошно, гораздо лучше, чем в средних губерниях России» [История Алтай, 1995, с. 203, 206]. Подводя итог первому опыту ведения крупного фермерского хозяйства в Горном Алтае, следует отметить, что Маткевичу пришлось столкнуться с большими трудностями в преодолении бюрократических «рогаток», которыми была обставлена аренда кабинетской земли. В результате его хозяйство просуществовало до его смерти в 1906 г. Наследники фермера, несмотря на рентабельность и прибыльность сельскохозяйственного комплекса, сдали усадьбу, маслодельню и пасеку в аренду крестьянам села Куяган [Старцев, Гончаров, 1999, с. 82].

Ферма бийского врача Недзвецкого была основана в 1880 г. недалеко от заведения Маткевича по той же р. Булухте. Недзвецкий под ферму арендовал 120 десятин земли, на которой он занялся разведением многоскотного хозяйства. По данным официальной статистики, он в 1883 г. держал 60 голов крупного рогатого скота, 14 лошадей, из них 10 кобылиц, 40 коз и 10 свиней. На его ферме преобладала обыкновенная русская порода скота, за исключением нескольких монгольских коров, завезенных из Китая. Хозяйство развивалось неплохо, но просуществовало недолго. После своего назначения на должность медицинского

инспектора Недзвецкий вынужден был переехать из Бийска в Барнаул. Предприниматель не мог по-прежнему сам управлять фермой, и поскольку он не смог найти опытного управляющего, был вынужден закрыть свое предприятие в 1883 г. [История Алтая, 1995, с. 206].

В конце XIX в. Черга представляла большое красивое и богатое село зажиточных крестьян. Поскольку село располагалось на оживленном Чуйском тракте, оно имело ярко выраженный торговый облик. В нем располагались четыре большие торговые лавки, склады, хлебозапасный магазин, мельница, кожевенный завод и оптовый склад вина, который в народе назывался «последней монополькой». Дело в том, что на территории Горного Алтая строжайше запрещались винокурение и продажа винно-водочных изделий, а Черга являлась последним населенным пунктом на Чуйском тракте после Алтайского, где и был оптовый склад вина. В Черге имелись красивая церковь и церковно-приходская школа. Благодаря «чудесному» воздуху, живописным видам, дешевизне проживания село стало одним из самых привлекательных курортно-дачных уголков Алтая, облюбованных дачниками. По времени возникновения Черга являлась первым курортом Горного Алтая. Каждое лето сюда приезжало множество отдыхающих из Бийска, Барнаула, Томска и других сибирских городов. Дачникам предлагались хорошие недорогие квартиры, высококачественные продукты питания, кумыс, интересные горные экскурсии по окрестностям на горы Стая и Гольшка, по долинам р. Черга и Сема, а также на Катунь, Манжерокские пороги, Камышлинский водопад. Стоимость услуг была умеренной. Так, квартира обходилась в 8 руб. в месяц, за полное содержание – в 12 руб. Кумыс продавали казахи, которые специально на лето пригоняли в окрестности Черги дойных кобылиц. Ведро кумыса стоило 2 руб., баран – 2,50 руб., сотня яиц – 1 руб., молоко – 3–4 коп. за горшок. Отдыхающим предлагались напрокат оседланные лошади по 25 коп. на целый день. Поскольку извозный промысел здесь был издавна развит, то лошади и услуги проводников для близких и отдаленных экскурсий в Черге обходились дешевле, чем в Чемале. В начале XX в. посещаемость Черги дачниками сильно упала. Основная причина этого явления заключалась в возникновении и развитии в Горном Алтае других, более привлекательных курортов. В начале XX столетия основной поток дачников устремился в Чемал, Эликманар, Узнезю и другие села на правом берегу Катунь. Черга, называемая любимым дачным уголком Алтая, в начале XX в. «вышла из моды», хотя по-прежнему являлась притягательным местом для разных людей, в том числе и для тех, кому не хватало места в Чемале и Эликманаре [Сапожников, 1926, с. 56]. Очень много для популяризации Чергинского курорта сделал томский врач М.Г. Курлов. В начале XX в. он, увлеченный идеями культурного садоводства и садово-паркового искусства, построил на Элековом луку,

по которому протекал целебный и не замерзающий зимой ручей, дачу с большим садом и парком для летнего отдыха для себя и своей семьи. Так в Черге были заложены основы садово-парковой культуры.

После установления советской власти в Горном Алтае началось создание коммун, затем с 1929 г. – колхозное строительство. Жители Черги тоже объединились в колхоз. В послевоенное время, в 1960-е гг. на базе МТС и нескольких колхозов образовался Чергинский мараловодческий совхоз, центральной усадьбой которого являлась Черга. Здесь располагались большая средняя школа с интернатом, библиотека, больница, профилакторий санаторного типа, где отдыхали работники и служащие совхоза, несколько магазинов, Дом культуры. Помимо маралов Чергинский совхоз разводил племенных животных [Дмитрий Константинович Беляев..., 2002]. 1 января в 1980 г. на базе реорганизации и передачи мараловодческого совхоза «Чергинский» институту Цитологии и Генетики СО АН СССР было создано новое предприятие – Алтайское экспериментальное хозяйство (ныне АЭХ СО РАН). Целью передачи являлось сохранение генофонда редких и исчезающих видов животных. Инициатором создания АЭХ был директор Института цитологии и генетики СО АН СССР, президент Международной федерации генетиков, академик Д.К. Беляев. На базе хозяйства образовалось научное подразделение СО АН, основными задачами которого стали развитие генетики и теории селекции домашних животных и создания на этой основе высокопродуктивных типов и гибридных животных; сохранение аборигенных, редких пород домашних и диких видов животных с целью использования их в селекции или доместикации; разработка рациональных систем охраны природной среды и природопользования в условиях интенсивной хозяйственной деятельности. На момент передачи Чергинского маралосовхоза СО АН СССР в нем числилось шесть ферм: Чергинская, Камлакская, Улус-Чергинская, Актельская, Мухор-Чергинская, Верх-Кукуинская, действующие и поныне [Дмитрий Константинович Беляев..., 2002].

В настоящее время Алтайское экспериментальное хозяйство входит в состав научно-производственного комплекса – Институт цитологии и генетики, который осуществляет над ним научно-методическое руководство. АЭХ СО РАН самостоятельно планирует свою деятельность и определяет перспективы развития, исходя из спроса на производственную продукцию, услуги и необходимости обеспечения производственного и социального развития хозяйства. Основных направлений хозяйства несколько: это племенное животноводство, растениеводство, ориентированное на кормопроизводство и элитное семеноводство. Главная задача комплексного развития АЭХ СО РАН заключается в обеспечении материальной базы для научных исследований, на основе которой можно осуществлять региональные, общероссийские и международные научные программы по генетике, селекции и одомашниванию животных.

На территории АЭХ действует режим заказника. Здесь имеется зоосад, посещаемый школьниками Республики Алтай и многочисленными туристами. В систему АЭХ входит посещаемый туристами в течение круглого года Чергинский зубрятник, содержащий популяцию зубров, вторую по численности этих редких зверей в России. В окрестностях Камлака располагается Горно-Алтайский ботанический сад, сохраняющий растительное разнообразие региона. В Черге и Камлаке имеются отличные краеведческие музеи, популяризирующие историко-культурное наследие населения Семинско-Чергинской долины.

Таким образом, Черга является старинным русским селом Горного Алтая с 200-летней историей и интересным историко-культурным наследием, нуждающимся в изучении и сохранении.

Библиографический список

Дмитрий Константинович Беляев. Книга воспоминаний. Новосибирск, 2002. 282 с.

История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – начало XX века. Барнаул, 1991. 352 с.

История Алтая. Ч. 1. С древнейших времен до 1917 года. Барнаул, 1995. 479 с.

Мукаева Л.Н. Заселение и хозяйственное освоение русским населением Горного Алтая в досоветское время // История Горного Алтая. Ч. 1. Горный Алтай в досоветский период. Горно-Алтайск, 1995. С. 18–61.

Мукаева Л.Н. Горно-поисковое дело Кабинета на Алтае в досоветское время. Горно-Алтайск, 2008. 343 с.

Мукаева Л.Н. Из истории изучения Горного Алтая П.А. Чихачевым в 1842 г. // Вестник Томского государственного университета. 2011. №353. С. 110–116.

Мукаева Л.Н. Политика Кабинета в Горном Алтае в досоветское время. Горно-Алтайск, 2014. 112 с.

Сапожников В.В. Пути по Русскому Алтаю. Новосибирск, 1926. 166 с.

Старце А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.): учебное пособие. Барнаул, 1999. 215 с.

Чихачев П.А. Путешествие в Восточный Алтай / пер. с франц. В.В. Цыбульского. М., 1974. 358 с.

L.N. Mukaeva

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

THE ANCIENT MOUNTAIN VILLAGE OF CHERGA: FROM THE TRAKT POINT ON THE CHUYSKY TRACT TO THE ALTAI EXPERIMENTAL FARM OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

The article considers the history of the creation and development of the first Russian village in the Altai Mountains – the village of Cherga, which appeared in 1820-s a settlement of peasants assigned to the Cabinet mining plants. According to the author, Cherga played an important role in the economic development of the north-western part of the Altai Mountains. Cherga peasants were successfully engaged in arable

farming, cattle breeding, mountain beekeeping, private hauling and taiga fisheries. In the vicinity of Cherga in the second half of the 19th century, there were large dairy farms of entrepreneurs who used advanced technologies and innovations in their farms. In Soviet times, Cherga with the surrounding villages turned into a large multi-industry state farm in the Altai Mountains. The traditions of innovation in Cherga were fully manifested in the 1980-s, when the Altai Experimental Farm of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of USSR was formed on the basis of the Cherginsky State Farm, which was still active at the beginning of the 20th century.

Keywords: Seminskaya Valley, Cherga, peasants, economic development, Altai experimental farm SB RAS

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.12

УДК 903.2

С.А. Пилипенко

*Новосибирский государственный университет
экономики и управления, Новосибирск, Россия*

КОНСЕРВАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ БЕРЕСТЫ В КОНСТРУКЦИИ НОЖЕН САБЕЛЬ ВОСТОЧНОЙ ПОЛЬШИ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XVI–XVIII ВВ.

Вопросы применения бересты в конструкции ножен ножей и сабель уже не раз становились предметом наших исследований. Не является исключением и эта работа. Проводимые в последние годы исследования в Причерноморье и изучение музейных коллекций позволяет нам выявлять не только новые единицы холодного оружия XVII–XVIII вв., в конструкции ножен которых присутствует береста, но и общие технологические традиции с более ранними образцами холодного оружия из археологических памятников средневековых кочевников юга Западной Сибири. Одними из актуальных вопросов изучения конструктивных особенностей ножен клинкового вооружения XVI–XVIII вв. Северного Кавказа и Восточной Польши является исследование преемственности в применении бересты в их конструкции.

Ключевые слова: Сабля-чечуги, армянская сабля, ножны, береста, средневековые кочевники, Западная Сибирь, Восточная Польша, Северный Кавказ, Причерноморье

Вопрос использования бересты в конструкции ножен сабель в XVI–XVIII вв. на территории Северного Кавказа и Восточной Европы весьма неоднозначен и требует специального исследования. На сегодняшний день рядом авторов введены в научный оборот сведения об использовании бересты у ряда клинков из музейных собраний Швеции, России и Украины. При этом специально никто не изучал данный технологический аспект конструкции ножен.

В 2014 г. В.С. Курмановский [2014, с. 150] в работе, посвященной позднесредневековым саблям из Кубанской области из собрания от-

дела археологии ГИМ, при изучении четырех сабель из могильников у станций Белореченского и Тульской (инв. 37258, оп. 337, №295, 967–968; инв. 42402, оп. 335, №153, 154) отметил наличие бересты на оборотных сторонах обеих сабель [Курмановский, 2014, с. 153–154]. Оба клинка автор датирует XVII в.

По мнению польского исследователя сабель В. Квасневича [2005, с. 34–35], обтяжка оборотной стороны ножен сабли была типичной для «ордынок». Но об этом мы поговорим позже. В.С. Курмановский [2014, с. 153], соотнося эти клинки с упоминаемыми в столбцах Оружейной палаты 1660–1670-х гг. саблями «с медной оправой на черкасское дело», связывал их с Кавказом и Кубанью.

В 2017 г. В.М. Прокопенко [2017, с. 243] в работе, посвященной сабельным «обоймам с крылышками» ножен XV–XVIII вв., опубликовал информацию о двух саблях-чечугах с фотографиями. Одна из собрания Королевской сокровищницы (Швеция), вторая – из коллекции Б. Оржечковича [Прокопенко, 2017, с. 258–259]. Анализ фотографий в публикации позволил выявить берестяное покрытие ножен обеих сабель с установлением технологических приемов их оформления в XVI–XVIII вв. [Пилипенко, 2019, с. 198]. Ножны были покрыты крупными прямоугольными листами бересты, снятыми пластовым методом, рисунком коры вдоль длины клинка сабли светлой, внешней стороной внутрь. Несмотря на значительный корпус аналогий из археологических памятников Юга Западной Сибири и Украины, датированных IX–XIV вв., ножны всех выявленных сабель и мечей покрыты берестой двумя другими способами: спиральным – связанным генетически с древнекиргизской традицией, и пластовым, но с расположением рисунка коры поперек листа [Пилипенко, 2019, с. 199]. Единственной в настоящий момент археологической аналогией такого расположения берестяного элемента ножен с рисунком коры вдоль клинка выступает меч из погребения 5 кургана №7 могильника Шумаево-II, территория Южного Урала, датированный автором золотоордынским периодом [Харламов, 2015, с. 49]. В ближайшее время выйдет отдельная работа, посвященная конструкции ножен из могильника Шумаево-II.

В 2018 г. вышли две работы, в которых упоминается клинковое оружие с элементами оформления ножен берестой.

Первая работа, автора В.С. Курмановского, посвящена происхождению сабель-«ордынок». Рассматривая вопросы поступления сабель на территорию Московского государства, автор приходит к выводу о происхождении сабель из довольно обширного региона от Крыма (сабли булатные гирийские, ширинские), Нагайской орды (сабли нагайские) до Северного Кавказа на основе анализа письменных источников XV–XVII вв. [Курмановский, 2018, с. 32]. По мнению автора, сабли, сработанные на «черкасское дело», возможно, следует связывать с пред-

ставителями адыгских народов Северного Кавказа. Среди расходных материалов для изготовления ножен для этой разновидности сабель присутствует и береста.

Вторая работа, авторов А.В. Дедюлькина, В.С. Курмановского, посвящена публикации материалов воинского погребения из кургана №14 могильника Черноморка-2, расположенного близ г. Сочи, датированного в пределах XVI–XVIII вв. [Дедюлькин, Курмановский, 2018, с. 234]. В состав закрытого погребального комплекса входила сабля с елманью, на остатках ножен которой фиксируются следы покрытия берестой. Микрохимическая проба и анализ методом ИК-спектроскопии показали, что в пробе отсутствует животный белок, т.е. вещество не является кожей, но очень похоже на бересту [Дедюлькин, Курмановский, 2018, с. 237]. Это первый известный нам случай анализа вещества из археологического комплекса для подтверждения того, что это береста.

Еще одним интересным аспектом, связанным с применением бересты в конструкции ножен XVI–XVIII вв., является констатация факта облицовки берестой только одной стороны ножен. Это было отмечено всеми исследователями: В.М. Прокопенко, опубликовавшим фотографии сабель-чечуг, где это наглядно видно, А.В. Дедюлькиным и В.С. Курмановским в вышеозначенной работе, подтвердившими схожесть сабли из кургана №14 могильника Черноморка-2 с традициями поздних северокавказских сабель-«ордынок» 2-й половины XVII – начала XVIII в., хорошо известных по польским материалам. Сабли из Львовской коллекции Б. Оржечковича и Королевкой сокровищницы в Швеции также отражают традицию покрытия только тыльной стороны. В ходе нашей переписки по этому вопросу с В.С. Курмановским он констатировал факт невозможности проверки наличия бересты на лицевой части ножен, так как они покрыты кожей и другими элементами декора*. О покрытии оборотной стороны ножен польских сабель-чечуг писал польский исследователь В. Квасневич [2005, с. 35]. Изготавливались они группой армянских оружейников во Львове, входившем тогда в состав Речи Посполитой. Происхождение львовских чечуг или армянских сабель, которые пользовались исключительной популярностью, польский ученый З. Жигульский не связывал с армянским этносом. По его мнению, эти сабли следует связывать с татарско-киргизской культурной сферой [Квасневич, 2005, с. 34–35].

Таким образом, мы видим общие истоки происхождения оформления рассматриваемых сабель с территории Северного Причерноморья и территорий, подвластных Крымскому ханству, с выявляющимся осколком некогда могучей Золотой Орды. Развивая эту мысль, мы

---

* Хочу выразить искреннюю благодарность за консультацию по теме исследования научному сотруднику отдела средневековой археологии ИА РАН, к.и.н. В.С. Курмановскому.

предполагаем, что технология применения бересты в ножнах была неразрывно связана с традициями производства сабель «на черкасское дело», которые законсервировались после распада других бывших улусов Золотой Орды и сохранились в Крымском ханстве и прилегающих к нему горах Северного Кавказа. Возможно, дополнительным внешним консервирующим фактором выступало влияние на эти территории Османской Турции, с исчезновением которого прервалась и традиция изготовления клинков с ножнами, покрывавшимися берестой.

Относительно группы армян-оружейников из Львова, они вполне могли прибыть с территории Крымского ханства, транслируя привычную там оружейную традицию в Речи Посполитой. Широкому распространению сабель с ножнами, покрытыми берестой, способствовали довольно частые миграции кочевников на территории Польского и Московского государств. Например, касимовские татары или литовские татары-караимы, которых пригласил на службу один из литовских князей, с тех пор так и проживают не только в Крыму, но и в Литве и Польше.

Относительно покрытия берестой лицевой части ножен изучаемых сабель, после исследования образцов клинкового вооружения Южного Урала и юга Западной Сибири IX–XIV вв. [Пилипенко, 2019, с. 196] уверен, что ножны покрывались полностью и лишь потом обшивались или обивались кожей, тканью(?). Отсутствие кожного покрытия с оборотной стороны ножен может быть следствием стирания его в ходе эксплуатации. Для этого необходимо изучить музейные собрания. Но на этот вопрос мы получим ответ в будущих исследованиях.

Библиографический список

Дедюлькин А.В., Курмановский В.С. Воинское погребение из кургана 14 могильника Черноморка-2 // Военная археология. М., 2018. Вып. 4. С. 233–251.

Квасневич В. Польские сабли. СПб., 2005. 224 с.

Курмановский В.С. Сабли из позднесредневековых погребений Кубанской области в собрании отдела археологии ГИМ // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. Тула, 2014. С. 150–162.

Курмановский В.С. К вопросу о происхождении сабель «ордынок» // Историческое оружие в музейных и частных собраниях. Вып. 1. М., 2018. С. 30–39.

Пилипенко С.А. Реконструкция средневековых берестяных ножен из топковских курганов Кольванского района НСО // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул, 2014. С. 167–171.

Пилипенко С.А., Мушинская Ю.С. Этнографические берестяные ножны из собрания музеев Новосибирской и Иркутской областей // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сб. науч. ст. Вып. XXIV. Барнаул, 2018. С. 233–239.

Пилипенко С.А. Береста в оформлении ножен сабель-чечюг XVII–XVIII вв. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXV. Барнаул, 2019. С. 196–200.

Прокопенко В.М. «Обоймы с крылышками» – один из типов обойм сабельных ножен XV–XVIII в. // История давньої зброї. Дослідження 2016. К., 2017. С. 243–283.

Харламов П.В. Палаша кочевников X–XIV вв. с территории степного Волго-Уралья // Этнос. Общество. Цивилизация: Четвертые Кузеевские чтения. Уфа, 2015. С. 47–51.

S.A. Pilipenko

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

CONSERVATION AND TRANSFORMATION OF THE TRADITION OF APPLICATION OF BIRCH BARK IN THE CONSTRUCTION OF SABERS OF EAST POLAND AND NORTH CAUCASUS IN THE 16TH – 18TH CENTURIES

The use of birch bark in the design of knife sheaths and sabers have become the subject of our research more than once. These theses are no exception. Research carried out in recent years in the Black Sea region, and the study of museum collections, allow us not only to identify new pieces of cold steel weapons of the 17th–18th centuries, with the scabbard made of birch bark, but also to identify common technological traditions with earlier samples of cold weapons from the archaeological sites of medieval nomads in the south of Western Siberia.

One of the topical issues in the study of the design features of the sheath of bladed weapons of the 16th–18th centuries. In the North Caucasus and Eastern Poland, there are issues of continuity in the use of birch bark in their design.

Keywords: Saber-chechugi, Armenian saber, scabbard, birch bark, medieval nomads, Western Siberia, Eastern Poland, North Caucasus, Black Sea region

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.13

УДК 39:663.4

Е.Ю. Рахматулина

*Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический
и природно-ландшафтный музей-заповедник, Усть-Каменогорск, Казахстан;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

О ТРАДИЦИЯХ ДОМАШНЕГО ПИВОВАРЕНИЯ У СТАРООБРЯДЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ XIX – 1-й ТРЕТИ XX в.

Статья выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках проекта НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в Центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов»

Статья посвящена важной составляющей культуры старообрядческого населения Юго-Западного Алтая XIX – 1-й трети XX в. – традиции домашнего пивоварения. Представлены специфика и характер употребления пива в регионе,

технология его приготовления, описаны особенности предметов питейного комплекса старообрядцев: лагунов и самолепных корчаг. В статье были использованы материалы этнографических исследований XIX – 1-й трети XX в., а также предметы из фондовых коллекций Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника (г. Усть-Каменогорск, Восточный Казахстан). Сделаны выводы о том, что массовый характер распространения традиции домашнего пивоварения был обусловлен общей консервативностью культурно-бытовых устоев старообрядческого населения Юго-Западного Алтая, спецификой их религиозного и празднично-обрядового комплекса мероприятий, а также периодом «сухого закона», действовавшего в 1914–1924 гг.

Ключевые слова: Юго-Западный Алтай, старообрядцы, домашнее пивоварение, этнография, традиционные крестьянские праздники, пивные лагуны, самолепные корчаги

Как известно, культурно-бытовые традиции значительной группы старожильского населения Юго-Западного Алтая – старообрядцев заметно различались от традиций великорусского крестьянского населения европейской части России и Сибири. Отличия проявлялись в самых разных аспектах крестьянского жизненного уклада, в том числе в сфере культуры питания и употребления напитков. Например, по многочисленным свидетельствам современников XIX – начала XX в. чай являлся табуированным напитком у староверов различного толка. Как указывал писатель-краевед Г. Гребенщиков [1912, с. 28], такое специфическое отношение к чаю у алтайских староверов происходило из-за религиозного подтекста, обусловленного тем, что «чай делает поганый китаец, поклоняющийся дракону». Однако чай и чайные принадлежности – самовар, плиточный чай и посуда держались специально для заезжих гостей почти в каждом более или менее зажиточном доме.

В то же время обычай варки и употребления домашнего пива, существовавший как в традиционных центрах домашнего пивоварения европейской России – северном и центральном районах [Осипова, 2017, с. 464], так и у староверческого населения Юго-Западного Алтая, свидетельствует о преемственности данных аспектов культуры. Как и на русском Севере, на Алтае пиво было обязательным угощением при обрядах крестьянского жизненного цикла и различных мероприятиях – свадьбах, «помочах» (помочи – обычай коллективной взаимопомощи селян для выполнения совместной срочной работы: постройка дома, сенокос и др.), проводах парней в рекруты и т.д. Исследователи обращают внимание на особую ритуальную ценность пива, отличавшую его от других напитков – кваса и браги. Квас употреблялся скорее как повседневный нехмельной напиток, в то время как брага относилась к довольно простым заменителям пива [Осипова, 2017, с. 463].

В отличие от питейных традиций староверческого населения региона, доминирующим горячительным напитком «расейских» крестьян Сибири XIX в. и многочисленных переселенцев являлось т.н. «хлебное

вино» (водка) холодной очистки крепостью от 38 до 42 градусов, широко продававшееся в специальных заведениях – кабаках, трактирах, винных лавках [Скубневский, Мариупольский, 2014, с. 208]. Сами старове-ры употребляли его редко, хотя способы перегонки были известны. При этом в некоторых домах специально ставили самогон в качестве оплаты наемной работы, главным образом для переселенцев.

По свидетельству этнографа М. Швецово́й, домашнее пиво в дере-внях Змеиногорского округа в конце XIX в. варили и употребляли в течение всего года, однако наиболее оживленный период приходился на праздничные дни осени и зимы, когда был собран урожай и сделаны запасы меда. В ряду осенних праздников своими масштабами и пышно-стью выделялись т.н. «сезжие» храмовые праздники, на которые съез-жались гости, родные и знакомые сельчан. Специально к торжествам в хозяйствах заготавливалось пиво с медом, на что уходило по две не-дели, поскольку пиво в такие дни употреблялось «в невероятном коли-честве» [Швецова, 2017, с. 310]. Широко отмечались праздники для по-мочан. В противоположность сибирякам, поляки в самый день помочей не устраивали угощения: помочан кормили только обедом, все остальное время они работали. Однако в первый же праздник после помочей для них организовывалась «гулянка», где работников поили пивом, угощали праздничным обедом, катали на лошадях и пр. [Швецова, 2017, с. 310].

Из зимних празднований в деревнях употребляли особенно много пива на святки. Также специально варилось пиво и для проведения ста-рообрядческих молебнов, устраиваемых в домах с приглашением дьяка, певчих и молящихся. По заведенному обычаю после непродолжитель-ной молитвы начиналась трапеза с угощением домашних и гостей пив-ным медовым напитком [Гребенщиков, 1912, с. 42].

Фактором, повлиявшим на упрочение позиций пивоварения и само-гоноварения, стало введение в 1914 г. т.н. «сухого закона», запрещавшего производство и продажу пива, водки и других крепких алкогольных на-питков в любом месте, кроме ресторанов. В ограничительных условиях при закрытых казенных лавках произошло усиление интереса к домашнему производству. Послабления в вопросах производства и продажи алкого-ля были сделаны Советской властью с начала 1920-х гг.: с 3 февраля 1922 г. возобновилась продажа пива, к 26 августа 1923 г. в стране было завершено действие «сухого закона» [Скубневский, Мариупольский, 2015, с. 242].

Весомый вклад в изучение вопроса в советский период внесла ка-захстанская экспедиция Академии наук СССР 1927 г., комплексно ис-следовавшая доколхозный жизненный уклад старообрядцев Бухтармы (Восточный Казахстан). В монографии «Бухтарминские старообрядцы» 1930 г., подготовленной по результатам экспедиции, советскими этно-графами были подробно описаны характер употребления пива кер-жацким населением, технология его приготовления и связанные с его

употреблением ритуалы. Так, характерной особенностью питейной культуры кержацкого населения являлось употребление пива не только в праздничные, но и в обычные воскресные дни, когда гости выпивали «по 5–6 ведер пива» (1 ведро – 12 литров. – *Прим. авт.*). Крестьянское общество делилось на половозрастные группы и в процессе гуляния разделялось на мужские, женские и молодежные компании. Бухтарминская молодежь начинала употреблять пиво примерно с 16 лет, пили отдельно от взрослых. Угощение гостей пивом было обязанностью хозяев. Отказ от угощения воспринимался хозяином как оскорбление.

Процесс домашнего пивоварения включал два этапа. *Первый этап* – приготовление сусла. Закваска из ржаной муки смешивалась с соломой, сахаром и водой и на сутки помещалась в специальный сосуд высотой 25–30 см в т.н. *корчагу*, имевшую специальное отверстие для слива вниз. Корчага ставилась в предварительно натопленную русскую печь для упревания сусла. В закваску для приобретения красивого цвета пива могли идти и шкурки тыквы. Пиво делалось также на опаре путем запаривания муки или отрубей на горячей воде, перед этим запаривался хмель. Опару ставили в теплое место на 1–2 дня, когда она поднималась шапкой, добавляли воду (холодную или кипяченую). Затем все процеживали и сливали в лагун. *Второй этап* проходил в лагуне. Пиво отстаивалось неделю, чтобы достичь нужной крепости – до состояния, когда «Бог пойдет по душе». Стоять пиво могло и более недели – с месяц, но при этом было необходимо постоянное добавление воды и меда, чтобы не кислило. В пиво клали от 1 до 4 кг меда на ведро; таким образом, на средний лагун, вмещающий 8–10 ведер пива, шло от 12 до 40 кг меда [Бломквист, Гринкова, 1930, с. 163]. В целом общее количество пива, заводившегося в семье, зависело от достатка хозяев.

Добавление хмеля на раннем этапе приготовления придавало бухтарминскому домашнему пиву несколько горьковатый вкус. Сами кержаки объясняли свое пристрастие к пиву тем, что «привышны стали», подкрепляя поговоркой: «Перва чашечка колом, друга соколом, а третья да четверта с бичом летит» [Бломквист, Гринкова, 1930, с. 164]. Качество напитка было предметом обсуждения гостей, ценилось пиво выстоянное, крепкое, после употребления 2–3 стаканов которого было достаточно, чтобы «не привыкший к нему не смог подняться с места» [Гребенщиков, 1912, с. 42]. Нередки были случаи, когда после праздника взрослое население деревни долго не выходило на работу в понедельник, а хозяйки не принимались за дойку коров.

Неотъемлемой принадлежностью пивной культуры являлась посуда для розлива готового напитка из лагуна. Деревянная утварь для напитков – разнообразные ендывы, скобкари, деревянные ковши и другая посуда для пива, известная у северновеликоруссов, на Бухтарме не встречалась. Пиво из лагуна цедили в ведра, из которых разливали кра-

шенным металлическим ковшом в фаянсовые чашки без ручек (диаметром около 15 см) – т.н. «касешки» [Бломквист, Гринкова, 1930, с. 155]. Посуда типа «касешки» использовалась также для кваса и молока. Пить же пиво из чайной чашки с ручкой у стариков считалось за грех. Заметим, что разнообразная фаянсовая и фарфоровая посуда китайского и российского фабричного происхождения имела хождение в кержацком быту вследствие налаженных торговых контактов и отсутствия специальной посуды собственного изготовления.

Материальные свидетельства широкого распространения пивоварения в среде сельского старообрядческого населения на территории Юго-Западного Алтая в конце XIX – 1-й трети XX в. представлены в ряде коллекций Восточно-Казахстанского областного музея-заповедника г. Усть-Каменогорска. Прежде всего, это традиционная утварь для приготовления пива: самолепные глиняные корчаги и деревянные лагуны (рис.).

А – корчага самолепная. Начало XX в. Катон-Карагайский район, с. Коробиха. ВКОЭМЗ ГИК-27-10061; Б – лагун. 50-е гг. XX в., с. Бутаково, ВКОЭМЗ ГИК-14-4282

Небольшая коллекция корчаг – 23 ед. хр. и пивных лагунов – 25 ед. хр. была сформирована от сдатчиков – жителей сел Катон-Карагайского и Глубоковского районов Восточно-Казахстанской области (села Печи, Белое, Коробиха, Фыкалка, Урьль и др.), т.е. регионов компактного проживания старообрядцев. Сопроводительные документы предметов показывают, что утварь изготавливалась в частных хозяйствах или покупалась на ярмарках, в лавках, бондарных мастерских в период 1890–1940-х гг. Внешний облик представляет собой толстостенный сосуд с туловом округлой формы, сужающимся в верхней и нижней части, в придонной части которого на расстоянии 1,7–3 см от дна расположено отверстие для слива. Поверхность утвари зачастую неровная, шероховатая, черного либо темно-коричневого цвета. Корча-

ги часто использовались и для других домашних дел, в том числе для хранения жидкого, перетапливания меда, приготовления опары и сусла, которое разрешалось употреблять в постные дни. Так, для постного сусла проросшие зерна пшеницы или ржи сушили, мололи на ручных жерновах, замешивали на воде и ставили в печку на 4 часа. Когда утварь вынимали из печи, открывалось отверстие возле дна, через которое вытекало сусло. В сусло добавляли ягоды: кислицу, калину – и ели ложками [ВКОЭМЗ. Ф. 1573. Оп. 1. Д. 4. Л. 16].

В домашнем быту сельчан имели хождение пивные лагуны двух типов – небольшие *лагушки* (*лагушечки*), высотой до 25 см, выполненные из цельного куска дерева, и *лагуны* – бондарные изделия большего объема высотой 65–42 см с диаметром дна до 40 см. Утварь покрывалась масляными красками – зеленой, голубой, красной или оставалась полностью неокрашенной. Лагуны имели по два отверстия. Верхнее было предназначено для залива ингредиентов, нижнее, затыкавшееся деревянным «гвоздем», служило для сцеживания готового пива. По свидетельству информаторов – жителей региона, использование деревянных лагунов ушло в прошлое, поскольку пиво стали делать «в пластмассовых и стеклянных банках» [ВКОЭМЗ. Ф. 1573. Оп. 1. Д. 4. Л. 15].

Таким образом, изученные материалы этнографических исследований, а также предметы питейной культуры из фондовой коллекции Восточно-Казахстанского областного музея-заповедника позволяют сделать вывод о том, что традиция домашнего пивоварения, являясь привнесенной в этнорегион, имела широкое распространение в среде русского старообрядческого населения Юго-Западного Алтая в XIX – 1-й трети XX в. Массовый характер традиции был обусловлен общей консервативностью культурно-бытовых устоев старообрядческого населения, спецификой их религиозного и празднично-обрядового комплекса мероприятий, а также десятилетним периодом т.н. «сухого закона» 1914–1924 гг.

Библиографический список

- Бломквист Э.А., Гринкова Н.П. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. 460 с.
- Гребенщиков Г.Д. Река Уба и убинские люди: литературно-этнографический очерк // Алтайский сборник. 1894–1930. Т. 11. 1912. 80 с.
- Осипова К.В. Традиции употребления пива на Русском Севере: этнолингвистический аспект // Славянский альманах. 2017. №3–4. С. 463–478.
- Скубневский В.А., Мариупольский А.М. Некоторые аспекты формирования рынка спиртных напитков Сибири в период действия акцизной системы во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2014. Т. 2. С. 206–211.
- Скубневский В.А., Мариупольский А.М. Спиртовая отрасль Алтая в период антиалкогольных кампаний XX в. // Экономическая история Сибири. Барнаул, 2015. С. 237–247.
- Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков: в 5 т. Т. 5. Барнаул, 2017. С. 255–346.

Источники

Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник (далее – ВКОЭМЗ). Ф 1573. Оп. 1. Д. 4. Л. 15. Информатор Бородулина Анна Николаевна, 1923 г.р., уроженка с. Черемшанка, Глубоковский район.

ВКОЭМЗ. Ф. 1573. Оп. 1. Д. 4. Л. 16. Информатор Русакова Раиса Васильевна, 1934 г.р., с. Урыль Катон-Карагайского района.

E.Yu. Rakhmatulina

The East Kazakhstan Regional Architectural Ethnographic and Natural Landscape Museum-Reserve, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

ABOUT THE OF HOME BREWING TRADITIONS OF THE OLD BELIEVERS' POPULATION OF THE SOUTHWESTERN ALTAI IN THE 19TH – FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURIES

The article is devoted to an important component of the culture of the Old Believers' population of Southwestern Altai in the 19th – first third of 20th centuries which is the home brewing traditions. The specificity and nature of drinking beer in the region, the technology of its preparation are presented, the features of the items of the drinking complex of the Old Believers are described: lagoons and self-made pots (korchags). The article used materials from ethnographic studies of the 19th – first third of the 20th centuries, and items from the stock collections of the East Kazakhstan Regional Architectural, Ethnographic and Natural Landscape Museum-Reserve (Ust-Kamenogorsk, East Kazakhstan). It is concluded that the massive spread of the home brewing tradition was due to the general conservatism of the cultural and everyday foundations of the Old Believers of the Southwestern Altai, the specifics of their religious and festive-ritual complex of events, as well as the period of abstention law which was in force in 1914–1924 .

Keywords: Southwestern Altai, Old Believers, home brewing, ethnography, traditional peasant holidays, beer lagoons, self-made pots (korchags)

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.14

УДК 908(571.150).08

К.Д. Рябцева

Управление государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края, Барнаул, Россия

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 2020 г. (Россия)

В статье приводятся основные результаты работы созданного в 2017 г. управления государственной охраны культурного наследия Алтайского края за четыре года. Основными направлениями деятельности являются реализация полномочий по государственному надзору за состоянием, содержанием и ис-

пользованием объектов культурного наследия, принятие мер по государственной охране, учету и популяризации, увеличению количества проводимых ремонтных и реставрационных работ, установление ответственности за нарушения требований охранного законодательства. За период работы управления наблюдается положительная динамика по основным направлениям деятельности по охране памятников истории и архитектуры в Алтайском крае. В рамках совершенствования региональной нормативной правовой базы Алтайохранкультура подготовлено более 1000 нормативных правовых актов. В регионе положено начало формированию судебной практики привлечения к ответственности по фактам проведения незаконных археологических полевых работ, а также совершение сделок с археологическими предметами в нарушение требований, установленных законодательством Российской Федерации. Это заложило фундамент правовой основы эффективной защиты интересов государства в сфере государственного надзора за оборотом культурных ценностей и археологических предметов.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, государственный надзор, разрешительная деятельность, нормативные правовые акты, охранные обязательства, предметы охраны, границы территории, зоны охраны, сохранение, реставрация, ремонт

Алтайский край уникален многообразием культурных ландшафтов, он богат самобытными народными традициями, фольклором, архитектурными ансамблями, археологическими памятниками и музейными коллекциями.

В рамках государственной политики в сфере охраны культурного наследия в Алтайском крае приоритетной целью является реализация полномочий по государственному надзору за состоянием, содержанием и использованием объектов культурного наследия, мер по государственной охране и увеличению количества проводимых ремонтных и реставрационных работ на памятниках истории и культуры, установлению ответственности за нарушения требований охранного законодательства.

В соответствии п. 2 ст. 10 Федерального закона от 25.06.2002 №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [Об объектах..., 2002] создано и действует с января 2017 г. Управление государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура). Основными направлениями работы являются контрольно-надзорная и разрешительная деятельность в отношении объектов культурного наследия, обеспечивающая сохранность таких объектов, а также мероприятия по их учету и популяризации.

На территории Алтайского края расположены 4469 объектов культурного наследия, принятых на государственную охрану в соответствии с законодательством Российской Федерации: 2297 памятников истории и культуры федерального и 2172 – регионального значения, а также 21 выявленный объект. В числе объектов культурного наследия 1541 памятник истории, 647 памятников архитектуры, 2263 памятника археологии и 18 памятников искусства. Локализованы 99 ансамблей (59 федерального и 40 – регионального значения), в состав которых входят 342 объекта культурного наследия.

По количеству объектов наследия Алтайский край сопоставим с Псковской областью (4332 объекта) и Костромской областью (3216 объектов). В Сибирском федеральном округе Алтайский край лидирует.

Необходимо отметить тот факт, что 73% памятников истории и архитектуры региона расположены на территории муниципальных районов (Барнаул – 14%; Бийск – 11%; иные города – 2%), в отношении объектов археологического наследия эта цифра значительно выше и составляет 95,6% (г. Барнаул – 2,4%; г. Бийск – 1,5%; иные города – 0,5%).

В число объектов археологического наследия Алтайского края входит объект «Денисова пещера», расположенный на территории Солонешенского района. Данный памятник представляет собой уникальную универсальную научную (археологическую) ценность и отвечает основным критериям для включения в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

В частности, антропологические находки из культурного слоя начальной стадии верхнего палеолита (около 50 тыс. л.н.) в Денисовой пещере подтвердили самостоятельный путь развития человека на территории Северной Азии. В пещере обнаружены останки ранее неизвестного науке ископаемого человека, который по месту обнаружения антропологических останков получил название «человек алтайский», или «денисовец». В настоящее время Алтайохранкультурой ведется плановая работа по включению этого яркого и интересного объекта археологического наследия в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

На сегодняшний день утверждены границы территории памятника археологии федерального значения «Денисова пещера», особый режим использования территории и предмет охраны. Сведения о границах территории внесены в ЕГРН. Собственнику и пользователю объекта направлены охранные обязательства и паспорт объекта. Зоны охраны объекта «Денисова пещера» установлены приказом Алтайохранкультурой на основании разработанного проекта, получившего положительное заключение государственной историко-культурной экспертизы. Аттестованным экспертом дано положительное заключение государственной историко-культурной экспертизы по отнесению объекта к числу особо ценных, которое одобрено Министерством культуры Российской Федерации, подготовлен проект распоряжения Правительства РФ.

В Алтайском крае ведется работа по предотвращению изменений объектов культурного наследия при проведении работ по их сохранению и текущей эксплуатации. По состоянию на 31 декабря 2020 г. утверждено 1271 (до 2017 г. – 271) предмет охраны объектов культурного наследия федерального и регионального значения. Документы закрепили особенности памятников, подлежащие обязательному сохранению.

В рамках совершенствования региональной нормативной правовой базы в 2020 г. Алтайохранкультурой подготовлено 724 нормативных правовых акта (26 – в 2017 г., 36 – в 2018 г., 247 – в 2019 г., за четыре

года – 1033), наиболее значимыми из которых являются Постановление Правительства Алтайского края от 19 декабря 2017 г. №461 «О региональном государственном надзоре за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия в Алтайском крае», шесть административных регламентов предоставления государственных услуг и функций.

Рис. 1. Принятие нормативных правовых актов

Приказами Алтайохранкультуры в 2020 г. утверждено и направлено собственникам для исполнения 208 охранных обязательств (2017 г. – 72, 2018 г. – 74, 2019 г. – 139), ограничения (обременения) которых зарегистрированы в управлении Росреестра по Алтайскому краю.

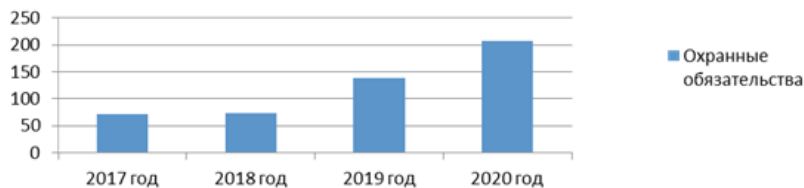

Рис. 2. Утверждение охранных обязательств

Таблица 1

Деятельность Алтайохранкультуры по подготовке нормативных правовых актов и охранных обязательств

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Подготовлено нормативных правовых актов	26	36	247	724
Утверждено и направлено охранных обязательств	72	74	139	208

На основании прилагаемого к охранным обязательствам акта технического состояния составляется перечень работ по его сохранению, обязывающий собственника в дальнейшем проводить в установленные сроки ремонт

и реставрацию, а государственный орган – осуществлять контроль за исполнением законодательства собственником объекта культурного наследия.

С этой целью проводится работа по предупреждению и пресечению нарушений, в том числе касающихся ненадлежащего содержания и использования памятников истории и архитектуры. Правообладателям разъясняются положения законодательства в области охраны ОКН, а также обязательные требования, соблюдение которых оценивается при осуществлении государственного надзора. За 2020 г. в адрес собственников объектов культурного наследия направлено более 2000 уведомлений (2018 г. – 200, 2019 г. – более 2000) о необходимости проведения ремонтно-реставрационных работ и соблюдения требований законодательства в сфере охраны памятников, о порядке производства работ, составе документов, необходимых для получения разрешительной документации.

Организации, осуществляющие управление многоквартирными домами, обладающими статусом объектов культурного наследия, предупреждены о необходимости усиления контроля за использованием общего имущества, в том числе фасадов зданий, принятии мер по недопущению аварийного состояния фасадов и своевременности проведения ремонтных работ.

В 2020 г. в отношении 894 ОКН организованы мероприятия в рамках федерального (463) и регионального (431) государственного надзора (2017 г. – 36, 2018 г. – 140, 2019 г. – 933). Количество проведенных мероприятий как в 2019 г., так и в 2020 г. в 7 раз превышает уровень 2018 г. По факту повреждений памятников истории и архитектуры направлено девять заявлений (2018 г. – четыре заявления, 2019 г. – восемь) в правоохранительные органы для решения вопросов о возбуждении уголовных дел по признакам преступлений, по трем из них возбуждены уголовные дела. Ввиду неисполнения собственниками ранее выданных предписаний продолжена претензионная работа, направлено исковое заявление в суд о понуждении собственников к принятию мер по сохранению памятников (2018 г. – два иска, 2019 г. – шесть исков, по которым вынесены положительные решения), составлено восемь протоколов об административных правонарушениях (2019 г. – два).

Судебные решения об обязанности провести ремонтно-реставрационные работы приняты в отношении собственников пострадавших от пожара памятников «Контора купца Морозова» (Барнаул, ул. Ползунова, 31) и здания бывшей налоговой инспекции на ул. М. Олонская, 21 (Дом Поскотинова), а также требующих ремонта объектов:

– г. Барнаул ул. Чкалова, 52 (Дом жилой, квартирно-эксплуатационная часть Минобороны);

– г. Бийск ул. Мухачёва, 87, хозяйственные постройки Бывшего Архиерейского подворья на ул. Иркутской;

– с. Павловск, «Павловский сереброплавильный завод (Каменский тракт, 7), «Дом купца Стригина» (военкомат);

– г. Змеиногорск, ул. Волкова, 84 «Змеиногорский ликеро-водочный завод» (Межрегиональное территориальное управление Росимущество по Алтайскому краю и Республике Алтай).

В рамках организованного взаимодействия и при методической поддержке Алтайохранкультуры пограничным УФСБ России по Алтайскому краю в 2020 г. впервые возбуждены дела об административных правонарушениях по факту проведения незаконных археологических полевых работ (ч. 3 ст. 7.15 КоАП РФ), а также совершение сделок с археологическими предметами в нарушение требований, установленных законодательством Российской Федерации (ст. 7.15.1 КоАП РФ). Индустриальным районным судом г. Барнаула правонарушителям назначены штрафы с конфискацией незаконно изъятых из земли археологических предметов. Это стало первым прецедентом как в Алтайском крае, так и в Сибирском федеральном округе.

Алтайохранкультурой в ходе осуществления надзорной деятельности в 2020 г. выявлено незаконное проведение археологических работ на памятнике археологии федерального значения «Стародраченино-1, курганная группа». Впервые в Алтайском крае виновное лицо привлечено к уголовной ответственности по ст. 243.2 УК РФ. Заринским районным судом виновному лицу назначено наказание в виде штрафа с конфискацией незаконно изъятых из земли археологических предметов и орудия преступления – металлоискателя.

Начало формирования судебной практики рассмотрения вышеуказанной категории дел будет являться правовой основой эффективной защиты интересов государства в сфере государственного надзора за оборотом культурных ценностей и археологических предметов.

Таблица 2

Надзорная деятельность

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Проведено надзорных мероприятий	36	140	933	894
Направлено заявлений в правоохранительные органы	–	4	8	9
Направлено исковых заявлений в суд	–	2	6	1
Направлено уведомлений с целью предупреждения и пресечения нарушений в области сохранения ОКН в адрес собственников о необходимости проведения ремонтно-реставрационных работ и соблюдения требований законодательства	150	> 200	> 2000	> 2000

В целях регулирования градостроительной деятельности в исторических центрах городов Алтайского края с 2017 г. ведется работа по установлению зон охраны объектов культурного наследия.

По состоянию на 31 декабря 2020 г.:

- обеспечены границами территорий 648 ОКН (15% от 4469 ОКН), что на 7% превышает уровень 2019 г., с 351 (8%) до 648 (15%);
- обеспечены зонами охраны 528 ОКН (24% от 2206 ОКН), что на 23% превышает уровень 2019 г., с 25 (1%) до 528 (24%);
- предметами охраны 1271 ОКН (28% от 4469 ОКН), что на 12% превышает уровень 2019 г., с 715 (16%) до 1271 (28%).

В 2020 г. на основании ранее разработанной проектной документации утверждены зоны охраны 503 ОКН. В рамках подпрограммы «Наследие» государственной программы Алтайского края «Развитие культуры Алтайского края» на 2015–2020 гг. в 2020 г. подготовлены проекты зон охраны по 78 ОКН (2018 г. – 20 ОКН, 2019 г. – 427 ОКН) и границы территорий 116 ОКН (2018 г. – 17 ОКН, 2019 г. – 434 ОКН), утверждение документов планируется в 2021 г.

Зоны охраны являются необходимым условием для сохранения объектов в их исторической градостроительной среде. И их утверждение в значительной степени регулирует градостроительную деятельность в центрах исторических городов и в обязательном порядке отражается в генеральном плане населенного пункта, правилах землепользования и застройки. После утверждения документы направляются в администрации муниципальных образований.

Осуществление государственного надзора в области охраны объектов культурного наследия, методическая и профилактическая работа с собственниками (пользователями) объектов культурного наследия, органами местного самоуправления способствовали тому, что на протяжении 2017–2020 гг.:

- уменьшилось количество строительно-ремонтных работ, проводимых на зданиях-памятниках в нарушение действующего законодательства, т.е. в отсутствие согласования и разрешения управления и организациями, не имеющими лицензии на осуществление деятельности по сохранению объектов культурного наследия;
- ежегодно увеличивается количество обращений по вопросам согласования проектной документации и получения разрешений на производство работ по сохранению памятников;
- улучшилась ситуация по недопущению размещения информационных и рекламных конструкций на объектах культурного наследия и сохранению их первоначального облика;
- активизировалась работа по установке информационных табличек на памятники, расположенные в сельских поселениях.

В целях сохранения богатейшего культурного наследия и повышения эффективности работы в Алтайском крае реализуются подпрограмма «Наследие» в рамках региональной государственной программы «Развитие культуры Алтайского края» и Краевая адресная инвестиционная программа – КАИП (ремонт и реставрация объектов здравоохранения).

нения, культуры образования, находящихся в краевой и муниципальной собственности) [http://www.ukn22.ru].

Ремонтные работы на памятниках военной истории получают финансовую поддержку посредством участия муниципальных образований в государственных программах «Проект поддержки местных инициатив» (курирует Министерство финансов Алтайского края) и «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края» на 2012–2020 гг. (курирует Министерство сельского хозяйства Алтайского края).

Ежегодно в Алтайском крае значительно расширяется деятельность по сохранению объектов культурного наследия.

Таблица 3

Разрешительная деятельность Алтайохранкультуры

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Выдача заданий и разрешений	152	208	217	443
Согласование научно-проектной документации	11	20	26	15
Утверждение отчетной документации о выполненных работах	9	15	25	146
Выдача актов приемки выполненных работ	9	15	25	146
Выдача заключений о наличии либо отсутствии ОКН на земельных участках, подлежащих хозяйственному освоению	304	426	624	412
Рассмотрение проектов по размещению информационных табличек	47	41	141	176

За счет бюджетов разных уровней организованы и проведены работы по сохранению зданий-памятников, используемых учреждениями культуры, образования и здравоохранения при наличии разрешительной документации, в Барнауле, Бийске, Славгороде, Бийском, Быстроистокском, Змеиногорском районах и др. Финансирование реставрационных работ также осуществлялось из внебюджетных источников и за счет средств частных собственников.

В 2019 г. собственниками памятников истории и архитектуры разработано 26 проектов реставрации, а работы проводились на 45 объектах культурного наследия. За счет средств краевого и муниципального бюджетов велись работы по восстановлению 36 памятников истории и культуры, наиболее масштабные из них:

- «Дом культуры „Химик“» в г. Яровое;
- «Клуб в честь 10-летия Октября» – здание городского театра драмы в г. Рубцовске;
- «Магазин Трубицина» по ул. Пушкина, 48 в г. Барнауле;
- «Школа» по пер. Муромцевскому, 8 в г. Бийске;
- «Усадьба Асанова» – краеведческий музей г. Бийска.

Завершен в 2019 г. ремонт семи многоквартирных домов, являющихся памятниками, организованный комитетом Жилищно-коммунального хозяйства г. Барнаула и Фондом капитального ремонта многоквартирных домов в г. Бийске (г. Барнаул – пр. Ленина, 81, пр. Ленина, 92, пр. Калинина, 3, ул. Анатолия, 145, пр. Ленина, 107, пр. Ленина, 82; г. Бийск – ул. Казанцевых, 58).

Конечно, нельзя не отметить наиболее знаковый объект: завершена реставрация объекта культурного наследия «Церковь Знамения» в с. Курья Курьинского района в рамках подготовки к празднованию юбилея М.Т. Калашникова. Это работа по сохранению и восстановлению наследия в полном смысле слова: и духовного, и исторического, и материального.

Наиболее удачным и масштабным примером реализации проекта реставрации за счет частных вложений в прошлом году было открытие после реставрации гостиницы «Алтай» в г. Барнауле. И завершение работ в городе Бийске на памятнике, который сейчас активно включается в развитие общественного и культурного пространства центральной части города – «Аптека Горбунова», расположенном на ул. Кирова.

Памятники, на которые в 2020 г. выполнены проекты реставрации:

- «Магазин Сухова» по ул. Льва Толстого, 31 в г. Барнауле;
- «Здание Богадельни» по просп. Красноармейскому, 4 в г. Барнауле;
- «Дворец пионеров» по ул. Пионеров, 2 в г. Барнауле;
- «Городская больница» по просп. Комсомольскому, 736 в г. Барнауле;
- «Пассаж Второва» по ул. Льва Толстого, 144 в г. Бийске.

На следующих объектах в 2020 г. велись наиболее масштабные работы:

- «Средняя школа» – здание краевого музея изобразительных искусств в г. Барнауле;
- «Магазин Трубицина» по ул. Пушкина, 48 в г. Барнауле;
- «Здание инструментального магазина» по ул. Ползунова, 39 в г. Барнауле;
- «Дом управляющего шлифовальной фабрики» по ул. Ленина, 2 в с. Колывань Курьинского района.

Работы по ремонту многоквартирных жилых домов, организованные Фондом капитального ремонта МКД, в 2020 г. завершены на объекте «Дом жилой» по ул. Казанцевых, 58 в г. Бийске. Завершился ремонт пяти многоквартирных домов, являющихся ОКН, организованный комитетом жилищно-коммунального хозяйства г. Барнаула, пр. Ленина, 81, пр. Калинина, 3, ул. Анатолия, 145, пр. Ленина, 107, пр. Ленина, 82.

В 2020 г. продолжены работы по сохранению за счет средств федерального бюджета на объектах:

- «Банк» по ул. Володарского, 145 в г. Славгороде;
- «Особняк купеческий» по ул. М. Горького, 36 в г. Барнауле.

За счет внебюджетных средств в 2020 г. велись работы по сохранению памятников архитектуры, среди них:

- «Казенный винный склад», пр. Комсомольский, 122, 122г в г. Барнауле;

- «Аптека Крюгера» по ул. Пушкина, 64 в г. Барнауле;
- «Здание административное» по пр. Ленина, 62 / ул. Молодежная, 22;
- «Усадьба городская. Особняк» по ул. Интернациональной, 78 в г. Барнауле;
- «Пассаж Клевцова», ул. Льва Толстого, 119 в г. Бийске;
- «Дом Яковлева, кон. XIX – нач. XX в.», ул. Короленко, 50 / ул. М. Горького, 30 в г. Барнауле.

В 2020 г. общий объем финансирования работ по сохранению ОКН составил 388,3 млн руб., в том числе 11,8 млн руб. из федерального бюджета, 263,9 млн руб. из краевого бюджета, 24,0 млн руб. из муниципальных бюджетов и 88,6 млн руб. внебюджетных средств.

Таблица 4

Финансирование работ по сохранению памятников истории и архитектуры, млн руб.

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Общий объем средств	234,7	538,7	473,6	388,3
из федерального бюджета	20,8	14,3	5,3	11,8
из краевого бюджета	75,5	208,8	327,3	263,9
из муниципальных бюджетов	40,6	49,1	46,4	24,0
из внебюджетных источников	93,8	266,5	94,6	88,6

По данным Алтайохранкультуры на ремонтно-реставрационные работы всех объектов наследия Алтайского края (2206 памятников истории и архитектуры, не включая памятники археологии) потребность в финансовых средствах составляет более 70 млрд руб. – это почти годовой бюджет Алтайского края (общий объем доходов краевого бюджета на 2020 г. составляет 112 млрд 417 млн руб.).

В 2020 г. вся страна праздновала 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. В 2019 г. Губернатором Алтайского края В.П. Томенко предложено выделить 75 млн руб. из краевого бюджета на ремонт и благоустройство памятников военной истории. Следует отметить, что это превышает сумму краевых средств за предшествующие 10 лет по двум ранее действовавшим целевым программам (68,7 млн руб. по двум программам).

Всего в Алтайском крае памятников Великой Отечественной войны 1043, из них 335 являются авторскими работами, выполненными известными Алтайскими скульпторами и архитекторами. Среди них П.Л. Миронов, Г.К. Чумичев, В.М. Михайлов, П.А. Шетинин, В.Ф. Рублев, Л.В. Рублева, В. Чалых, А.Ф. Акимов, И.Ц. Зоммер и другие.

В начале 2020 г. совместно с муниципальными образованияами завершена работа по формированию перечня объектов культурного наследия, посвященных событиям Великой Отечественной войны, для за-

ключения соглашений на финансирование. Особое внимание уделено проблеме регистрации права собственности на объекты, участвующие в программе по ремонту и благоустройству памятников Великой Отечественной войны. Министерством культуры Алтайского края, как главным распорядителем бюджетных средств, заключены соглашения с муниципальными образованиями.

В 2020 г. отремонтировано и благоустроено 115 объектов культурного наследия – памятников Великой Отечественной войны.

Дополнительно 38 объектов в настоящее время включены в «Проект поддержки местных инициатив». Планируется выполнение работ на общую сумму более 31 млн руб. В течение последних пяти лет поддержка муниципального образования оказывается в рамках государственной программы «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края» на 2012–2020 гг. В 2020 г. заявки поданы на ремонт четырех объектов культурного наследия.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что за последние четыре года наблюдается положительная динамика по основным направлениям работы по охране памятников истории и архитектуры в Алтайском крае.

Главным условием обеспечения сохранности объектов культурного наследия в настоящее время является совершенствование государственной политики на основе всестороннего учета состава и состояния объектов культурного наследия, современных социально-экономических условий развития общества, реальных возможностей органов власти, местного самоуправления, общественных и религиозных организаций, иных лиц, особенностей национально-культурных традиций народов Российской Федерации и множества других факторов.

Библиографический список

Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 №73-ФЗ // СЗ РФ. 2002. №26. Ст. 2519.

Управление государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края: официальный сайт. URL: <http://www.ukn22.ru/>

K.D. Ryabtseva

*The Department of State Protection of the Cultural Heritage
of the Altai Region, Barnaul, Russia*

THE MAIN AREAS OF ACTIVITY OF THE DEPARTMENT OF STATE PROTECTION OF THE CULTURAL HERITAGE OF THE ALTAI REGION IN 2020 YEAR (Russia)

The article devotes to the main results of the work of the Department of State Protection of the Cultural Heritage of the Altai Territory, created in 2017. The main areas of activity are the implementation of powers for state supervision

over the state, maintenance and use of cultural heritage sites, measures for state protection, accounting and popularization, an increase of the number of repair and restoration work carried out, and the establishment of responsibility for violations of the requirements of protective legislation. During the period of the department's work, there has been a positive trend in the main areas of activity for the protection of historical and architectural sites in the Altai Region. As part of improving the regional regulatory legal framework, the department has prepared more than 1000 regulatory legal acts. In the region, the beginning of the formation of judicial practice of bringing to responsibility for the facts of illegal archaeological field work, as well as transactions with archaeological objects in violation of the requirements established by the legislation of the Russian Federation. This laid the foundation for the legal basis for the effective protection of the interests of the state in the field of state supervision over the circulation of cultural values and archaeological objects.

Keywords: cultural heritage objects, state supervision, licensing activities, regulatory legal acts, security obligations, objects of protection, territory boundaries, protection zones, preservation, restoration, repair

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.15
УДК 39(571.151)

Н.А. Тадина, Т.С. Ябыштаев

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

ПРАЗДНИК ЭЛ ОЙЫН В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ РИТУАЛЬНОЙ РОЛИ РОДОВЫХ ЛИДЕРОВ АЛТАЙЦЕВ

В статье освещены основные вопросы, связанные с развитием ритуальной роли глав сёоков-родов, называемых зайсанами. На основе собранного полевого материала дана периодизация становления их ритуальной роли в деле создания, организации и проведения общереспубликанского праздника Эл Ойын, первоначально планировавшегося как региональный чемпионат по национальным видам спорта. Дана характеристика ритуальной практики почитания природной среды Алтая-божества, осуществляемой собравшимися зайсанами утром в день открытия праздника Эл Ойын. Приведен обзор документов, а именно региональных законов, принятых по вопросам организации с учетом традиционной символики почитания природы Алтая при определении места и срока проведения мероприятия, приобретшего общереспубликанское значение и выступающего в статусе межрегионального праздника, на который съезжаются фольклорные группы и спортсмены-любители соседних районов Тувы, Хакасии, Кемеровской области и Алтайского края.

Ключевые слова: алтайцы, республика, народный праздник, традиции, почитание Алтая

В Республике Алтай популярен национальный праздник Эл Ойын (Народные игры), возникший в постсоветский период этнического возрождения как наследник межродовых встреч в среде алтайцев и ставший общереспубликанским мероприятием межрегионального

значения. В нем остается важным участие родовых глав – зайсанов, а собранные материалы позволяют определить периоды развития их ритуальной роли:

1) конец 1980-х – середина 1990-х гг. (становление общественной значимости будущих родовых литеров через участие в создании и подготовке праздника Эл Ойын);

2) конец 1990-х – 2000-е гг. (участие в определении срока и места проведения праздника Эл Ойын, сотворении утренних ритуалов почитания Алтая в день открытия Эл Ойын, демонстрации маркеров сёоков-родов, обычно родовых флагов определенного цвета с изображением родовых почитаемых животных, птиц, деревьев и пр.);

3) начало 2010-х гг. – настоящее время (участие в урегулировании антропогенного влияния на окружающую природную среду во время проведения праздника Эл Ойын, участие в решении возврата статуса «кочующего» праздника, принятии запрета фейерверков и прочих шумных мероприятий в вечернее и ночное время).

Первоначально праздник Эл Ойын задумывался для проведения соревнований по национальным видам спорта, а инициаторами в реализации этой идеи была активная часть алтайцев – журналисты, спортсмены-любители и общественные деятели того времени. История происхождения этого праздника изложена в одной из статей электронной газеты «Звезда Алтая» в юбилейный 2018 год, когда Эл Ойыну исполнилось 30 лет. Из воспоминаний известного республиканского журналиста, зайсана рода иркит А. Сельбикова о подготовке к первому Эл Ойыну: «Первая группа энтузиастов (корреспондент комсомольско-молодежного отдела «АЧ» Сергей Темеев, журналист, переводчик и известный шатрист Борис Кортин, завотделом информации и спорта «ЗА» Григорий Немов, сотрудник научно-методического центра Валерий Тюхтенов, директор спортшколы «Ирбизек» Мадий Каланаков) собралась в нашей редакции. Напомнив о значении национальных видов спорта и необходимости чемпионата, Георгий Александрович предложил мою кандидатуру в качестве председателя инициативной группы. В группу пригласили сотрудников Горно-Алтайского НИИ алтаистики Клару Укачину и Валерия Ойношева, корреспондента радио Алтайчи Санашкина, режиссера Ногона Шумарова, тренера Кызыл-Озекской госконюшни Анатолия Иванова и других имеющих непосредственное отношение к национальному спорту людей. По предложению Сергея Темеева и Бориса Кортина утвердили название – Эл Ойын (Народный праздник). Местом проведения председатель Онгудайского районного спорткомитета Казак Койлукович Майчиков предложил выбрать Ело: «Там недавно провели районную спартакиаду, построили большой стадион...». Зампредседателя райисполкома В.П. Паянтинова, переговорив с руководством совхоза «Еловский» и сельского Совета, получила от

них добро. Позже мы узнали, что идею районное начальство встретило, мягко говоря, прохладно, поэтому Валентина Казакпаевна сама собрала районный оргкомитет по проведению праздника и сама же его возглавила» [Эл Ойын..., 2018].

Первый праздник Эл Ойын состоялся в 1988 г. в с. Ело Онгудайского района. Затем проводился раз в два года, по четным годам, причем каждый раз в новом районе республики. Структура праздника Эл Ойын выработана в единый сценарий: утренний ритуал освящения места праздника, открытие мероприятия, конкурс традиционного костюма и жилища, выступления творческих коллективов, выставка-ярмарка изделий народных промыслов и ремесел, спортивные национальные состязания. Участники праздника могут соревноваться в девяти видах спорта: борьбе на поясах (күреш), стрельбе из лука (ок-жаа адыш), поднятии камня (көдүрге таш), беге с партнером на спине (тонжаан жүтүриш), выбивании плетью бабок (камчы), подбрасывании ногой воланчика (тебек), игре в алтайские шашки (шатра), объезде и укрощении необученной лошади, скачках и других конных видах соревнований. Спортивные состязания имеют разработанную систему правил, организованное судейство, призы, в решении которых участвуют и родовые лидеры – зайсаны. Участие в национальных видах спорта определяет личное и коллективное первенство: выступающие борются не за свой личный приз, а главное – за честь района, селения и, конечно, сёока-рода.

Праздник Эл Ойын проводится с учетом символики традиционной культуры алтайцев, что закреплено в законе «О праздничных и памятных днях, юбилейных датах в Республике Алтай», принятом в 2005 г. и периодически корректируемом. Данное мероприятие назначается в начале июля четного года, в четный день новолуния второй половины недели и длится три дня. Праздник переезжал с места на место и за 18 лет побывал во многих районах Горного Алтая. Идея «кочующего» праздника подчеркивала былую кочевую жизнь алтайцев-скотоводов. Возникнув как межрегиональный праздник алтайского народа, Эл Ойын поочередно проходил в районах, где большинство населения южные алтайцы, а после 2000 г. – в районах смешанных русско-алтайских сел и стал инструментом, объединения северных и южных алтайцев, казахов, русских. Его проведение имеет общереспубликанский масштаб, потому что этот праздник обошел почти все районы республики. Эта особенность на одном из сайтов Интернета была освещена так: «Праздник Эл Ойын выступает как общенациональная идея, объединяющая все районы Горного Алтая, его разнообразные этнические группы и диалекты» [Празднование...].

Все население республики к празднику готовится заранее, каждый район проводит свой Эл Ойын, отбирая участников, которые могут быть делегированы от района, представляя свои таланты. Подготовку

и проведение праздника возглавляет специальный комитет, в который входят представители правительства республики, главы районных администраций и делегаты от каждого района, в роли которых обычно бывают зайсаны. В «Положении о народном празднике Республики Алтай Эл Ойын» сказано, что целями и задачами являются сохранение обычаев алтайского народа, повышение интереса подрастающего поколения к их изучению, развитие традиционных народных промыслов и ремесел, утверждение принципов толерантности во взаимодействии народов региона [Положение Межрегионального праздника...].

Началу Народных игр предшествует обряд поклонения Алтаю и освящения земли, на которой состоится праздник. В алтайской этнической среде основным принципом взаимоотношений выступает престиж старших. Ни одно общественное мероприятие, в том числе и праздник Эл Ойын, не проходит без участия старших, в том числе зайсанов, иначе событие не будет иметь социальную значимость. В день проведения праздника рано утром старейшины группой, состоящей из четного количества участников, поднимаются на восточный склон наиболее почитаемой в окрестности вершины. Повернувшись в сторону восходящего солнца, с просьбой об успехе предстоящего мероприятия повязывают на березу белые ритуальные ленты (парное число каждый), кропят молоком на четыре стороны и разжигают огонь, совершая обряд поклонения божеству-Алтаю. В огонь кладут «угощение»: принесенные с собой сыр, лепешки, масло, талкан – мелко дробленный обжаренный ячмень. Ритуальными действиями выражается чувство уважения и благодарности духам Алтая, что проходит в приватной обстановке – без СМИ, сопровождающих и прочих лиц [Ябыштаев, 2019, с. 141].

В 2006 г. праздник Эл Ойын, получивший республиканский статус и ставший всенародно признанным, вернулся на место исхода. Организуемый и финансируемый из федерального бюджета, он потерял возможность передвижения по районам. Основной причиной стали затраты на строительство площадок в каждом районе проведения. Постоянным местом явилась долина Кабайлу Межелик, что на алтайском языке означает «Ложбина с колыбелью». Эта священная долина на протяжении последних четырех Народных игр пострадала от антропогенных перегрузок, в народе говорят «об усталости местных духов природы», поэтому предлагается проводить праздник не через 2, а через 4 года. Силами активной части алтайцев, в том числе родовыми зайсанами, был отменен вечерний фейерверк, противоречащий устоям почитания природы. Согласно картине мира алтайцев считается, что Алтай, приютивший людей, – живое божество, и у каждого места есть дух-покровитель, который не следует беспокоить [Тадина, 2020, с. 36]. Проблему возврата «кочующего» праздника зайсаны – родовые главы поднимают на съездах-курултаях. По причине проведения на одном

и том же месте уменьшился интерес к празднику Эл Ойын, а при «кочующем» мероприятии была возможность побывать в других районах, так как ландшафт и население республики разнообразны.

Народные игры Эл Ойын сложились как многосторонний праздник. Одних интересуют спортивные состязания, других – конкурс творческих коллективов, третьих – выставки изделий народного творчества, а разные мероприятия совершаются одновременно, и порою непросто посетить каждое событие. Состязание во всем – на «лучшую юрту», «лучшее блюдо национальной кухни», «лучшую сбрую», «лучший национальный костюм». Эл Ойын стал местом демонстрации не только традиционного костюма, но и современной одежды в народном стиле. В течение всех дней идет состязание творческих коллективов. Соревнуются исполнители песен «об Алтае и Эл Ойыне». Соревнуются мастера игры на народных инструментах, звучат «комыс»-варган, смычковый «икили», струнный «топшуур». Заслуживают внимания творческие коллективы из соседних регионов: шорский «Чылдыс» из Новокузнецка и телеутский «Эне Байат» из Беловского района, Кемеровской области, хакасский «Тан» из Республики Хакасия, казахские певцы из Монголии, Баян-Улгенского аймака и монгольские исполнители «Танца орла». Приезд гостей способствует общению и знакомству с их творческими успехами. Мероприятия проходят весело, шумно, зрители участвуют в обсуждении итогов, включаются в борьбу. Сила, ловкость, смелость, выносливость, упорство участников – это персонифицированное молодчество и удаль их группы, их села, их сёока-рода. Игра и состязание и сегодня для алтайских этнических групп – составная часть быта и этнической культуры, без нее немыслима социализация личности и признание авторитета, социальной значимости родовых лидеров-зайсанов.

Библиографический список

Тадина Н.А. Современный бурханизм через историю в ритуальной жизни алтайцев // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 31. С. 31–40.

Ябыштаев Т.С. Пути возрожденного зайсаната в Республике Алтай // Вестник Томского государственного университета. 2019. №440. С. 139–145.

Источники

Положение Межрегионального праздника алтайского народа Эл Ойын // Министерство культуры Республики Алтай [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culture-altai.ru/index.php/80-all-news/584-polozhenie-el-ojyn.html> (дата обращения 10.03.2021).

Празднование Эл-Ойын на Алтае // Отдых на Алтае [Электронный ресурс]. URL: <http://gotoaltay.ru/altay/kulturnye-i-istoricheskie-dostoprimechatelnosti/kulturnye/prazdnovanie-jel-ojyn-na-altae>

Эл Ойын. Тридцать лет // Звезда Алтая [Электронный ресурс]. URL: <https://zvezdaaltaya.ru/2018/06/yel-ojyn-tridcat-let/> (дата обращения 10.03.2021)

N.A. Tadina, T.S. Yabyshtaev

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

**EL OYIN HOLIDAY IN THE LIGHT
OF THE CHANGED RITUAL ROLE OF ALTAIAN CLAN LEADERS**

The article under study highlights the main issues related to the development of the ritual role of the syook (clans) heads called zaisans. On the basis of the collected material, the periodization is given of their ritual role formation in the creation, organization and holding of the El Oyin holiday, which was originally planned as a championship in national sports. The article describes the ritual practice of worshipping the Altai deity carried out by the assembled zaisans in the morning on the opening day of the El Oyin holiday. The article also gives an overview of the documents, namely – regional laws, adopted on organization issues. These laws take into account the traditional symbols of reverence for the Altai nature while determining the location and the date of the event of nationwide significance which attract folklore groups from such neighboring regions as Tuva, Khakassia, Kemerovo region and Altai Territory.

Keywords: Altai people, republic, folk holiday, traditions, reverence for Altai

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.16

УДК 902(571.13)+39(571.13)

К.Н. Тихомиров

*Омский историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская»,
Большеречье, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведе-
ния Института археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия*

**РЕКРЕАЦИОННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ
БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

Рекреация – важнейшая часть современной жизни. Однако в России, до сих пор мало развит внутренний и особенно сельский (этнографический) и археологический туризм. В работе производится анализ возможности проведения указанных видов познавательного отдыха широких масс населения на территории Большереченского района – одного из самых туристически развитых в Среднем Прииртышье. В результате автор приходит к выводу о том, что здесь есть несколько территорий, наиболее подходящих для указанной деятельности: это цепь старых русских деревень, районы компактного проживания татар – потомков переселенцев из Средней Азии, уникальные места сосредоточения объектов археологического наследия (урочища Батаково и Инберень, грива Чигарь и др.). Для ознакомления с этими местами предлагается несколько видов маршрутов (линейно-радиальный, радиально-кольцевой и т.д.) различной археологической и этнографической тематики, при проведении которых возможно ознакомление с традиционными занятиями сельского населения, осмотр археологических памятников разного типа и посещение археологических раскопок.

Ключевые слова: Западная Сибирь, северная лесостепь, левобережье Среднего Прииртышья, археологический, сельский (этнографический) туризм, рекреация

Один из самых важных способов сохранения культурного наследия – его популяризация. Как правило, она происходит в залах музеев или на его территории, в населенном пункте. Но существуют объекты культурного наследия и вне зданий музеев – и тем не менее очень значимые. К ним, согласно ст. 3 закона №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия...», относятся «достопримечательные места», которыми являются и «совместные творения человека и природы», включая культурные и природные ландшафты [«Об объектах...», ст. 3]. Такие объекты культурного наследия невозможно популяризировать из залов музеев, но они должны быть включены в указанную деятельность.

В Большереченском районе есть несколько территорий, которые могут быть отнесены к достопримечательным местам. Это этнографические достопримечательности: старые русские села Омского Прииртышья и места компактного проживания западносибирских татар. Среди объектов культурного наследия важными являются и компактные скопления археологических памятников, и ландшафты, в которых они существуют: урочища Батаково, Чигарь, Остров и др. Бесспорно, самым интересным из них является первое, расположенное на участке левобережной иртышской поймы с многочисленными остатками размытой террасы, мелкими речками, озерами, болотами, создавшими уникальные природные условия, и скоплением более сотни разнообразных памятников – от эпохи неолита до развитого Средневековья. Все эти места могут стать объектами популяризации культурного наследия и совмещенной с ней рекреации.

К сожалению, ознакомление населения с культурным достоянием края, в котором оно живет, еще недостаточно, в результате чего появляются необъективные негативные отзывы о работе по популяризации археологического наследия [Про Батаково, 2021]. Этого можно избежать, если активизировать деятельность по ознакомлению с культурным достоянием регионов широких масс населения. Для чего необходимо оценить возможности рекреационной деятельности, создать схемы расположения памятников культуры на местности, разработать и сделать доступными для ознакомления экскурсионно-туристические маршруты, разработать и установить информационные указатели, в том числе с QR-кодом – для получения информации об объектах культурного наследия самостоятельно.

Привлекательность Большереченского района Омской области обусловлена в числе прочего его транспортной доступностью. Он находится всего в 144 км от областного центра. В райцентре имеется ряд замечательных уникальных туристических объектов.

Важным рекреационным объектом здесь является историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская». В его состав входят Картинная галерея, Краеведческий музей и экспозиция сельских усадеб под открытым небом. Здесь же расположен Большереченский государственный зоопарк имени В.Д. Соломатина – единственный в России сельский зоопарк и дендропарк с уникальными для этих мест растениями.

Большереченский район расположен в центре Омской области на левом берегу р. Иртыш. Он находится на восточной окраине Ишимской равнины. В рельефном отношении это пониженная равнина с большим количеством котловин и расположенных между ними разнообразных грив. Его территория относится к северной подзоне лесостепной зоны. Здесь множество мелких медленнотекущих речек, непроточных озер и болот. В основном на территории района произрастают мелколиственные листопадные леса, среди которых доминируют коренные березняки, кое-где на террасах имеются искусственные елово-сосновые насаждения. Особенно здесь выделяется участок левобережной поймы – уникальный природный феномен, известный как Батаковская пойма [Переладова, 2017]. Природа создала здесь замечательный комплекс, содержащий большое разнообразие редких растений, многие из которых включены в Красную книгу. Однако здесь не только природный, но и уникальный археологический микрорайон, содержащий многочисленные объекты археологического наследия, от эпохи неолита до развитого Средневековья. С учетом этого в 1990-е гг. здесь был создан Национальный археологический и природный парк «Батаково» под руководством Л.И. Погодина.

Первые профессиональные археологические исследования на его территории начались в конце 1960-х – 1-й половине 1970-х гг., когда здесь проводили археологические работы ученые из Уральского государственного университета под общим руководством В.Ф. Генинга. Полученные материалы раскопок на древних городищах, поселениях и могильниках близ д. Инберень и д. Черноозерье значительно удревнили и скорректировали историю не только Большереченского района, но и всего Среднего Прииртышья в целом. Они, в числе других работ этого времени (В.И. Магющенко, В.А. Могильникова), практически создали археологию ранних этапов истории Среднего Прииртышья.

Следующим значительным этапом исследований этого региона стали работы Л.И. Погодина и А.Я. Труфанова, которые вместе с сотрудниками дирекции Национального археологического и природного парка «Батаково» с начала 1990-х гг. обследовали значительные площади Большереченского района, сосредотачивая свое основное внимание на урочище Батаково. При этом ими были обнаружены и исследованы в разной степени более 142 разнотипных объектов археологического наследия (курганные и грунтовые могильники, поселения, городи-

ща, стоянки) хронологической принадлежности от финала неолита до эпохи Средневековья. Для этих памятников были составлены научные описания, планы, произведена их фотофиксация. На части из них были проведены раскопки, давшие прекрасные материалы по древней истории Среднего Прииртышья.

В результате была подготовлена рукопись, содержащая исчерпывающую аналитическую записку, характеризующую особенности расположения памятников в урочище Батаково и его окрестностях, закономерности расположения памятников, распределения памятников по типам и по культурно-хронологической принадлежности, подробные научные описания памятников, их планы. Она была снабжена исчерпывающим справочно-библиографическим аппаратом. К сожалению, работа над ней не была закончена.

В настоящее время эти работы продолжают сотрудники музея-заповедника «Старина Сибирская» и Института археологии и этнографии СО РАН [Тихомиров, 2019; Тихомиров, Тихомирова, 2020].

Среди многочисленных объектов археологического наследия здесь выделяется ряд памятников, которые могут быть интересны туристам. Одним из показательных может стать курганный могильник Боровянка-II, расположенный на территории охотбазы. Насыпи курганов большие и хорошо видны с дороги на базу. Особенно хорошо видна насыпь кургана №1, стоящего на открытом месте. Этот район также содержит ряд объектов археологического наследия, которые чрезвычайно интересны в научном плане и в то же время привлекательны для экскурсионной деятельности. К ним можно отнести городища Батаково-XIX, Батаково-X (Инберень-VII) и поселения Батаково-I (Инберень-IV), Батаково-X (Инберень-V), датируемые от эпохи бронзы до раннего железного века. Их исследование позволило значительно скорректировать древнюю историю левобережного Прииртышья. Важным фактором для рекреационной деятельности является то, что все комплексы располагаются вдоль дороги от с. Ингалы до с. Старокарасук, идущей мимо указанной охотбазы и далее вдоль бровки первой надпойменной террасы. Поэтому можно разработать сквозной линейно-радиальный маршрут с проездом по всем показательным объектам археологического наследия в этом месте. К тому же он будет проходить по сосновому бору, богато му грибами и ягодами.

Еще один радиально-кольцевой маршрут можно разработать на гриве Чигарь, расположенной в левобережной долине р. Иртыш в районе д. Ростовка. Здесь на небольшом участке в березовом лесу сконцентрированы несколько десятков объектов археологического наследия разных типов и эпох, такие как комплекс Боровянка-XVII [Полеводов, Погодин, 2003], с которого были получены материалы поздней бронзы и коллекция уникальных антропоморфных предметов из бронзы [По-

годин, Полеводов, Труфанов, 2008], поселение саргатской культуры Боровянка-XXXVa и др.

Следует сказать, что археологические памятники, расположенные на территории района, позволяют проводить тематические экскурсии по древностям этого региона. Наиболее обеспечены материалами эпохи развитой – поздней бронзы, переходного периода к раннему железному веку и раннего железного века. Возможной тематикой могут стать наглядные иллюстрации типов памятников (курганы, городища, поселения, жилища и т.д.). Также в указанных регионах возможно проведение археологического туризма с участием в раскопках на различных объектах археологического наследия от эпохи развитой бронзы до раннего Средневековья.

Важным направлением может стать проведение экскурсий по старым русским деревням указанного района (Такмык, Щипицыно, Ингалы, Старокарасук, Могильно-Посельское и др.), а также посещение экспозиции под открытым небом с традиционным двором и ремеслами в историко-культурном музее-западнике «Старина Сибирская» на территории самого Большеречья. Все они находятся вдоль трассы Омск–Тара и могут быть эффективно использованы на линейно-радиальном экскурсионном маршруте по истории и этнографии русского населения Западной Сибири.

Важным этнографическим направлением проведения экскурсий может стать знакомство с историей и культурой западносибирских татар. Уникальность Большереченского района в том, что на его территории представлены несколько групп татар. В районах д. Аубактан, Яланкуль и с. Уленкуль, д. Черналы, Тусказань, Каракуль компактно проживают потомки сибирских бухарцев. И здесь можно сделать кольцевые маршруты разной сложности. Например, д. Большемуры, существовавшая в XVI в., расположена недалеко от трассы и имеет удобный подъезд. Более сложный маршрут связан с посещением группы татарских поселений Уленкульского сельского поселения (с. Уленкуль, д. Черналы, Тусказань, Каракуль), но интерес туристов может вызвать действующий в с. Уленкуль музейный комплекс «Усадьба сибирского татарина», наглядно демонстрирующая культуру данного населения.

Наиболее сложным из них представляется маршрут в район д. Аубактан, Яланкуль. В этом месте проживают татары – потомки выходцев из Средней Азии, и здесь можно познакомиться с традиционным коневодством и озерным рыболовством.

Таким образом территория Большереченского района обладает значительными археологическими и этнографическими ресурсами для рекреации, во время которой можно много узнать об истории и культуре жителей этого района, древней истории населения Среднего Прииртышья, увидеть различные типы археологических памятников, посетить археологические раскопки и даже принять участие в них.

Библиографический список

Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/.

Переладова Ю.А. Большереченский дендропарк и Батаковская пойма как единый экспозиционный ресурс // Аношинские чтения. Омск, 2017. С. 258–262.

Погодин Л.И., Полеводов А.В. Труфанов А.Я. Бронзовая антропоморфная пластика могильника Боровянка-XVII // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург, 2008. С. 195–206.

Полеводов А.В., Погодин Л.И. Комплекс эпохи поздней бронзы некрополя Боровянка-XVII // Новое в археологии Среднего Приртышья. Омск, 2003. С. 40–48.

Про Батаково // LIVEJOURNAL. URL: <https://belyaefff.livejournal.com/156590.html>.

Тихомиров К.Н. Археологические работы историко-культурного музея-заповедника «Старина Сибирская» по исследованию и сохранению культурного наследия Большереченского района в 2016–2018 гг. // Аношинские чтения. Омск, 2019. С. 73–80.

Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н. Новые сведения по истории Аубактанско-Яланкульского куста поселений татар Большереченского района Омской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVI. Новосибирск, 2020. С. 825–829.

K.N. Tikhomirov

Omsk Historical and Cultural Museum-Reserve “Antiquity Siberian”, Bolsherechye, Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museum Sciences of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Omsk, Russia

RECREATIONAL ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC RESOURCES OF THE BOLSHECHENSKY DISTRICT OF THE OMSK REGION

Recreation is the most important part of modern life. However, in Russia, there is still underdeveloped an internal and, especially rural (ethnographic) and archaeological tourism. The paper analyzes the possibility of organization of educational recreation for people in the territory of the Bolshechensky district – one of the most touristic regions in the Middle Irtysh. As a result, the author comes to the conclusion that there are several areas which are the most suitable for the specified activity: this is a chain of old Russian villages, the area of compact residence of Tatars – descendants of immigrants from Central Asia, unique places of archaeological heritage sites (the Batakakovo and Inberen meander core, Chigar meander core etc.). For these places, several types of routes are offered (linear radial, radial-ring, etc.). Being of various archaeological and ethnographic themes they make it possible to show the tourists the traditional routine of the rural population, archaeological sites of different types and archaeological excavations.

Keywords: Western Siberia, northern forest-steppe, left bank of Middle Irtysh, archaeological, rural (ethnographic) tourism, recreation

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ В ФОНДАХ ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В данной работе автор рассматривает возможности использования в археологических исследованиях материалов, хранящихся в государственных и ведомственных архивах. За последние три века ученые, путешественники, служилые люди собрали богатейшую информацию по археологии, этнографии, географии, статистике азиатской части России и сопредельных территорий в целом и Западной Сибири в частности. К сожалению, эти сведения археологи используют весьма редко, что противоречит методологии, требующей использовать разные виды источников. Вместе с этим сужается источниковая база работ. Это связано с тем, что сведения о ряде объектов древности и Средневековья были полностью или частично уничтожены или забыты, поэтому информация о них сохранилась только в архивах. Хранящиеся в этих учреждениях документы по территориальному охвату и хронологической глубине значительно превышают объемы дел, собранных в археологических музеях сибирских университетов. К сожалению, исследователи редко обращаются к подобным данным.

Ключевые слова: археологические памятники, архивные материалы, полнота исследований

В Омском государственном историко-краеведческом музее хранится коллекция культовых предметов, привезенных в Омский краеведческий музей в 1939 г. его директором А.Ф. Палашенковым. Коллекцию составляют семь деревянных фигур идолов, одетых в несколько слоев одежды, около двух десятков жердей с насаженными на них навершиями (половинкам спилов с деревьев). Судя по старым описаниям, под одежду идолов были помещены монеты середины XIX – 1-й трети XX в. и почтовые марки, выпущенные к юбилею династии Романовых в 1913 г. Все предметы находились на культовом месте манси(?) и были взяты участниками экспедиции при возвращении на пароходе из поселка Саранпaul (ныне Березовский район Ханты-Мансийского автономного округа – Югры). Сведения об обстоятельствах изъятия предметов со святилища, об их дальнейшей судьбе в музее нашлись в БУОО «Исторический архив Омской области» (ИАОО, далее – Архив), после работы в его фондах.

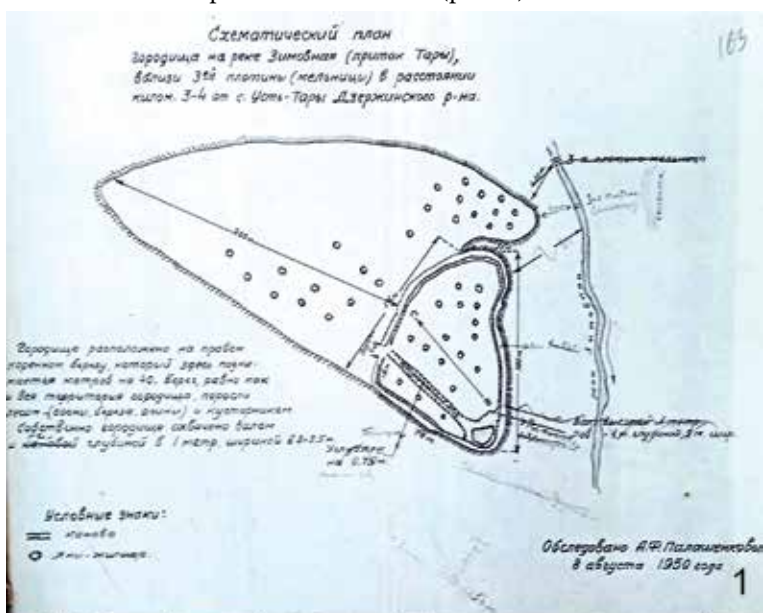
В ходе знакомства с фондами Архива мне встретились несколько фондов, содержащих или потенциально содержащих сведения об археологических памятниках. Это фонды 86 (Зап.-Сиб. Отдела Русского географ. общества – ЗОРГО), 366 (Г.Е. Катанаева), Р-1076 (Омского историко-краеведческого музея), Р-2200 (А.Ф. Палашенкова), Р-3557 (В.И. Матющенко), которые были просмотрены с разной степенью тщательности. Но даже их краткое изучение позволило сделать несколько выводов:

1. В архивах может отложиться материал по самым разным темам. Так, в фонде А.Ф. Палашенкова, который начал формироваться со 2-й половины 1930 г., материалы по археологии и этноархеологии можно сгруппировать по следующим темам: археологические памятники Омской области, археология Ханты-Мансийского автономного округа, древности Казахстана, русские крепости севера Западной Сибири, культура зырян и манси Северного Урала, ненцев Таймыра, средневековые пути сообщения, кладбища Омской крепости, укрепления Горькой линии, города Сибирского ханства и т.д. Большинство фотографий, чертежей, схем, записей до сих пор не опубликовано и может быть полезно ученым. Не менее богат и фонд ЗОРГО, члены которого с 1887 г. провели широкие археологические, этнографические, географические работы на Васюгане, в Барабинской лесостепи, в Казахстане, на Алтае, в Саянах, Монголии и т.п. Именно их трудами был создан Музей ЗОРГО, являющийся сейчас крупнейшим музеем Омской области. Фонд В.И. Матющенко содержит богатейшую информацию как по истории сибирской археологии с середины 1950-х гг., так по изучению таких базовых памятников сибирской археологии, как Самусь-I, Самусь-IV, Еловка, Ростовка, Красноозерка и т.д.

Когда-то в инструкциях по проведению разведок была рекомендация по знакомству с архивными материалами, касающимися места проведения работ. Предположу, что если с полевыми отчетами предшественников археологи знакомятся, то с фондами госархивов – вряд ли.

2. Полнота исследования истории археологического памятника значительно увеличивается при изучении архивных материалов. Например, в фонде А.Ф. Палашенкова есть сведения о любительских раскопках тарского купца II гильдии Е.И. Малахова. Последний раз, если не считать упоминаний его имени в небольших работах историографического характера, эти материалы были описаны А.П. Богдановым в конце XIX в. А ведь предметы, найденные купцом, когда-то занимали достойное место в коллекции Московского университета и были представлены на выставке в Париже в 1867 г. В последние годы омскими археологами были выявлены и описаны несколько памятников в районе д. Заготзерно (Большереченский район). В 1960 г. их описал В.И. Матющенко, проводивший разведку в Большереченском и Тарском районах Омской области. И эти же памятники раскапывал И.Е. Малахов в середине 1860-х гг. Он же копал курганы близ юрт Айткуловских (ныне – Тарский район). В вышеупомянутой разведке их нашел и частично раскопал В.И. Матющенко, а в 2003 г. эти же курганы довелось «открыть» и мне. В качестве примера можно привести и городище на реке Зимовной (правый приток р. Тары близ д. Усть-Тара в Тарском районе). Это городище открывал В.И. Матющенко, затем археологи из Свердловска, проводившие сплошное обследование Иртыша в пределах Омской области – от границы с Казахстаном на юге до широты устья р. Тара на

севере. В очередной раз памятник выявили при паспортизации в начале 1990-х гг. Но уже в 1950 г. на памятник был составлен план, и он был включен в список охраняемых объектов (рис.-1).

Материалы из фонда А.Ф. Палашенкова: 1 – городище на реке Зимовной [ИАОО. Ф. 2200. Д. 235. Л. 294]; 2 – место расположения русской деревни Ананьино [ИАОО. Ф. 2200. Д. 235. Л. 375]

3. Природно-географическая ситуация в районе расположения памятников. Конечно, археологи не забывают о ней при описании памятника. Однако очевидно, что эта ситуация существует на момент фиксации объекта. Динамику же ее изменения специалисты в случае необходимости изучают по специальной литературе. И не факт, что коллеги опишут природные условия, в которых расположен именно памятник, а не район, в котором он находится. Отчасти этот пробел могут восполнить архивные материалы. А.Ф. Палашенко в 1950–1960-х гг. несколько раз проезжал по одинаковым маршрутам и описывал или фиксировал на планах природно-географическую ситуацию, которая выглядела несколько иначе, чем в наши дни. Как пример приведу останец, где расположена д. Ананьино, которую уже полтора десятка лет раскапывает Л.В. Татаурова (рис.-2). Заболоченное и поросшее болотной растительностью нижнее течение речки Пятой на плане показано заливом, сам останец покрыт древесной растительностью, а на террасе расположены два кургана. В 1937 г. А.Ф. Палашенков описал городище Искер, природно-географическую ситуацию на нем, дороги, ведущее к вершине останца, а также колодец у речки Сибирки, где, по его данным, брали воду жители городища. На ситуацию с доступной водой он обратил внимание в описании русских деревень на правом берегу Иртыша от пос. Чернолущья до д. Карташово (Омский, Горьковский, Муромцевский районы). По его наблюдениям, коренная терраса на этом участке очень высока, а грунтовые воды залегают глубоко (свыше 20–30 м). Поэтому для обеспечения себя водой жители или запруживали небольшую речку в близлежащем логу (вся терраса сильно рассечена логами), или же переселялись на несколько километров от Иртыша, где подземные воды залежали не так глубоко. Может быть, с этим обстоятельством связано и то, что, этот участок Иртыша русские крестьяне активно начали заселять во 2-й половине XVIII в.?

Заключение. Даже беглое знакомство с архивными материалами показывает, что каждый исследователь может найти необходимые ему данные, которых, скорее всего, нет в вузовских археологических музеях. Однако эта работа требует немало времени и определенной удачи, поскольку не всегда в запрошенном деле могут быть нужные сведения. И наоборот, кажущееся неинтересным дело может содержать интересный материал. Так, в деле о памятниках революции в Тарском уезде были сведения о месте казни участников Тарского бунта 1722 г., собранные в 1939 г. тарским краеведом А.В. Вагановым. Но, полагаю, что такие материалы нужно изучать, и, может быть, следует начать с обычного, доступного исследователям реестра сибирских памятников, по структуре похожего на Госреестр для музейных коллекций, работающий по принципу Wiki?

Источники

Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-2200. Оп. 1. Д. 235. Ф. 86; Ф. 366; Ф. Р-1076, Ф. Р-3557

S.S. Tikhonov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Omsk; Novosibirsk, Russia

**MATERIALS ON ARCHAEOLOGY IN THE FUNDS
OF THE “HISTORICAL ARCHIVE OF THE OMSK REGION”**

The paper examines the possibilities of using materials stored in state and departmental archives in archaeological research. Over the past three centuries, scientists, travelers, service people have collected a wealth of information on archaeology, ethnography, geography, statistics of the Asian part of Russia and adjacent territories in general and Western Siberia in particular. Unfortunately, archaeologists rarely use this information, which contradicts the methodology requiring the use of different types of sources. At the same time, the source base of works is getting narrow. This is due to the fact that information about a number of objects of antiquity and the Middle Ages was completely or partially destroyed or forgotten, therefore information about them was preserved only in the archives. The documents stored in these institutions in terms of territorial coverage and chronological depth significantly exceed the volume of cases collected in archaeological museums of Siberian universities. Unfortunately, researchers rarely turn to such materials.

Keywords: archaeological sites, archival materials, completeness of research

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.18

УДК 902:528.9(571.150)

А.С. Федорук

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ КУЛУНДИНСКОГО
И РОМАНОВСКОГО РАЙОНОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

Несмотря на многолетнее археологическое изучение территории степной Кулунды, до настоящего времени здесь зафиксированы далеко не все, даже четко выраженные в рельефе, древние памятники. Существует множество участков, где археологическое обследование никогда не проводилось. Но и на хорошо освоенных территориях региона имеются памятники, не отраженные на официальных картах и тем самым практически не защищенные от повреждений и даже полного разрушения. В качестве примера автором публикуются сведения о двух осмотренных им в мае 2020 г. курганных могильниках, расположенных на территории Кулундинского и Романовского районов Алтайского края. На основе полученных наблюдений делаются выводы о том, что для сохранения археологического наследия региона необходимы не только фиксация всех объектов и разработка комплектов защитной документации на каждый памятник, но и проведение постоянной разъяснительной работы среди местного населения.

Ключевые слова: Алтайский край, Кулундинский район, Романовский район, объекты археологического наследия, курганные могильники, аварийное состояние, распахка

Несмотря на многолетнее археологическое изучение районов степной Кулунды, до настоящего времени здесь выявляются ранее не известные памятники. В регионе существуют участки, на которых археологическое обследование никогда не проводилось. Но и на картах, казалось бы, хорошо освоенных территорий обозначены не все древние объекты, даже визуально фиксируемые. В частности, в мае 2020 г. во время одной из поездок по автотрассе Р-321 автором было осмотрено два курганных могильника, не отмеченных на археологических картах региона.

Жи́ра-2, курганный могильник (рис. 1). Расположен в Кулундинском районе Алтайского края на распахиваемом поле к востоку от оз. Жи́ра (Джи́ра), в 980 м к юго-западу от своротка с трассы Р-321 (участок Кулунда – Благовещенка) на с. Ананьевка, в 585 м на юг–юго-запад от трассы и в 345 м на восток–северо-восток от дороги на с. Ананьевка, в 700 м на юг–юго-восток от казахского кладбища. На момент осмотра визуально зафиксирована одна интенсивно распахиваемая курганная насыпь диаметром 17 метров и высотой в центральной части до 0,35 метра. Участок распаханной насыпи выделялся более светлым цветом и меньшим количеством растительности, отчего четко прослеживался на распаханном поле. Следов грабительской западины на поверхности насыпи не прослеживается, как и рва по ее периметру. Последующее изучение космоснимков данного участка позволило увидеть, что, возможно, выявленный объект расположен в центральной части ныне полностью распаханного курганного могильника. На снимках достаточно четко видна цепочка из не менее четырех светлых пятен, подобных участку зафиксированного кургана. Предположительно зафиксированный объект – единственный оставшийся в настоящее время выраженным в рельефе курган из цепочки, тянувшейся с юга–юго-востока на север–северо-запад. Не исключено также, что в древности эта цепочка курганов являлась частью единого могильного поля с ранее выявленным объектом «Жи́ра-1, курганная группа», расположенным в 0,65 км на север–северо-запад от выявленного кургана [Федорук и др., 2013, с. 187–191].

Курган у с. Романово (рис. 2). Находится в Романовском районе Алтайского края на распахиваемом поле в 20 м к западу от полевой дороги, идущей вдоль лесополосы, в 780 м на север–северо-запад от трассы Р-371 (от своротка на полевую дорогу вдоль лесополосы), в 2 км на запад–северо-запад от северо-западного современного края с. Романово. Визуально фиксируется один курган достаточно крупных размеров – диаметр насыпи около 20 м, высота насыпи до 0,8 м. Насыпь интенсивно распахивается, следов ограбления или рва по периметру насыпи не зафиксировано. В результате последующего сопоставления данных с опубликованными материалами, схемами территориального планирования Романовского района, учетными карточками памятников района, беседами с ранее работавшими на территории района исследователями,

Рис. 1. Место нахождения объекта «Жира-2, курганный могильник»

Рис. 2. Расположение ОАН «Романово-2, курган»

сотрудниками Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края выяснилось, что, вероятно, данный объект был выявлен еще в 1979 г. Г.Е. Ивановым, получил наименование «Романово-II, курган» и повторно обследовался в 1993 г. С.Д. Ведяниным и Я.В. Фроловым [Ведянин, Тишкин, 1995, с. 204]. В таком случае, на чертеже схемы территориального планирования Романовского района, отражающем местоположение поставленных на госучет объектов археологического наследия (ОАН), допущена ошибка – указанный объект на ней отмечен на расстоянии 1,8 км к западу–юго-западу от осмотренного автором кургана.

В результате мы вынуждены вновь поднять проблему защиты объектов археологического наследия. По факту вышеупомянутые памятники, как и сотни других (несмотря на то, впервые это выявленный объект или давно стоящий на госохране), особенно находящиеся сегодня в зоне активной хозяйственной деятельности, должным образом не защищены. При этом использование современной, заметно более мощной техники, в частности при сельскохозяйственных работах, создает дополнительную угрозу для их сохранности (как пока не выявленных, так и учтенных). Очевидно, что на сегодняшний день крайне необходимы не только фиксация, четкая локализация с последующей постановкой на государственный учет памятников археологии (что должно вести к появлению официально установленных границ, предметов охраны ОАН и режимов использования их территорий), но и проведение ознакомительной и разъяснительной работы с местными жителями. Видимо, только появление на каждый памятник комплекта защитных документов вкупе с просвещением населения способно притормозить процесс уничтожения археологического наследия региона.

Библиографический список

Ведянин С.Д., Тишкин А.А. Результаты археологической разведки в Романовском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V, ч. II. С. 204–208.

Федорук А.С., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук О.А. К археологической карте Кулунды // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири. Барнаул, 2013. С. 185–192.

A.S. Fedoruk

Altai State University, Barnaul, Russia

TO ARCHAEOLOGICAL MAP OF KULUNDINSKY AND ROMANOVSKY DISTRICTS OF THE ALTAI REGION

Despite the long-term archaeological survey of the steppe Kulunda, by this time, far from all ancient monuments have been registered on this territory, even those distinctly expressed on the surface. There are many places where archaeological survey has not

been carried out. But even in the well-developed territories of the region there are objects of archaeological heritage that are not reflected on the official maps of the territories and thus are practically not protected from damage and even complete destruction. As an example, the author publishes information about two burial mounds he examined in May 2020, located on the territory of the Kulundinsky and Romanovsky districts of the Altai region. Based on the observations obtained, it is concluded that in order to preserve the archaeological heritage of the region, it is necessary not only to fix all objects, but also to develop sets of protective documentation for each monument, as well as to conduct constant explanatory work among the local population.

Key words: Altai region, Kulundinsky district, Romanovsky district, objects of archaeological heritage, burial mounds, emergency condition, plowing

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.19

УДК 903.53(571.150)

Я.В. Фролов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**КУРГАНЫ ЭЛИТЫ ПЕРИОДОВ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ
И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ЮГЕ КУЛУНДЫ
(некрополи Волчихинского района Алтайского края)**

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №19-49-220006 «Крупные курганы элиты древних и средневековых кочевников на территории Алтайского края как объекты экскурсионно-туристической деятельности: историко-археологические и естественно-научные исследования»)

Волчихинский район Алтайского края располагается в южной части Кулундинской равнины. Эта территория является пограничной зоной южной Кулунды и Приобского плато. Большая часть района представляет собой степь, в настоящее время распаханную. В Волчихинском районе сосредоточена значительная группа некрополей элиты древности и Средневековья. Она входит в большой массив могильников с крупными курганами в южной части Кулунды. В состав волчихинской группы входит 17 могильников. Это такие некрополи, как Пятков Лог-I, Солоновка-I, Вострово-I, III. Самые грандиозные надмогильные конструкции встречены на могильнике Пятков Лог-I. Они достигают 90–100 м в диаметре. Это крупные курганы высотой 6 м, окруженные широким рвом и внешним валом. К югу от этого могильника, на границе северо-западных предгорий Алтая, в Алейской степи исследовался похожий памятник Бутры. Данный некрополь датируется концом скифо-сакского времени. По всей вероятности, к этому периоду могут относиться курганы некрополя Пятков Лог-I и большинство других элитных насыпей Волчихинского района.

Ключевые слова: Алтайский край, курганная группа, «элитные» погребальные сооружения, ранний железный век, скифо-сакское время, Кулунда, Приобское плато

На территории Кулундинской равнины есть несколько зон, где сконцентрированы некрополи, содержащие курганы элиты периодов древности и Средневековья. Это большие серии могильников, включа-

ющих курганы более 30 м диаметром и 1,5 м высоты. На юге Кулунды выделяются несколько больших групп «царских» некрополей. Самая восточная из них сконцентрирована в Волчихинском и Михайловском районах Алтайского края. Северо-западнее расположена группа курганов из Ключевского района (Ключи-I-III, Васильчуки-I-IX). К юго-западу от этих некрополей, на берегу р. Иртыш, выделяется группа «царских» некрополей Семиярско-Кривинского археологического комплекса. Некрополи Волчихинского района располагаются в северо-восточной зоне Михайловско-Волчихинской группы некрополей.

Волчихинский район Алтайского края располагается в южной части Кулундинской равнины. Эта территория является пограничной зоной южной Кулунды и Приобского плато. Большая часть района представляет собой степь, в настоящее время распаханную. В южной части района расположен боровой массив, занимающий ложе Касмалинской долины древнего стока.

Территория, где располагаются курганы, является переходной зоной между Кулундинской равниной и Приобским плато – юго-западный отрогом, который формирует северный борт Касмалинской долины древнего стока. На гребне и северном склоне этого борта и располагаются все выявленные курганы элиты на территории Волчихинского района.

Первые археологические исследования курганных некрополей в Волчихинском районе были проведены уже в XIX в. В 1862 г. через территорию района проходил маршрут экспедиции В.В. Радлова. В дневнике своей экспедиции он пишет о том, что по дороге между Касмалинским (современное с. Мамонтово) и с. Селиверстово (Волчихинский район) находятся длинные цепи курганов. Замеченные В.В. Радловым [1989, с. 70] курганы находятся на территории современных Волчихинского и Романовского районов. Кроме того, в работе «Древние Аборигены Сибири» 10 мая 1862 г. В.В. Радлов [1884, с. 27] отмечает, что раскопал два кургана в 5 верстах от с. Боровой Форпост в урочище Сын-Таса. На одном из курганов находилась «обтесанная четырехугольная плита», что выделяло данный объект. Этот курган был не ограблен и содержал богатое парное захоронение воинов с конем, относящееся к эпохе Средневековья. Об этом же могильнике В.В. Радлов [1989, с. 452] пишет в другой своей публикации «Древности Сибири», но датирует раскопки 14–15 мая. В своем дневнике путешествия 1862 г. автор указывает, что 10 мая он приехал в с. Боровой Форпост и заночевал в ауле Эркинбая. Затем 11 мая он проехал более 20 верст до аула Майкы. С 12 по 15 мая находился у киргизов Внутренней Орды [Радлов, 1989, с. 71]. Судя по этой информации, раскопанные курганы находились более чем в 30 милях к западу-юго-западу от с. Боровой Форпост, где-то на современной границе Михайловского района Алтайского края и Республики Казах-

стан. Таким образом, в работах В.В. Радлова имеются разночтения, на что уже указывал автор данной работы [Фролов, 1994, с. 97]. О том, что раскопки курганов Сын-Таса В.В. Радлов проводил в 60 верстах от Борового Форпоста, пишет Е.А. Артюх [2005, с. 49].

Археологическое изучение Волчихинского района было продолжено уже в советское время. Так, на карте и в списке археологических памятников из Атласа Алтайского края, подготовленных А.П. Уманским, на территории Волчихинского района обозначены три курганные группы: Боровой Форпост, Солоновка и Волчиха [Уманский, 1978, с. 22, 26]. В 1976 г. А.С. Васютин и Б.Н. Пяткин [1977, с. 148–151] открыли две курганные группы в районе с. Боровой Форпост «на 20 км слева от дороги д. Ракиты – с. Волчиха и озере Бычье – на южном берегу этого озера». Две разведки, в 1980 и 1981 гг., по территории района предпринял П.И. Навротский. В результате им было открыто 13 новых археологических памятников, в том числе и курганные могильники: Селиверстово-I, II, III; Новокормиха-I, II; Усть-Волчиха-I, II [Фролов, 1994, с. 97]. В 1988 г. могильник Усть-Волчиха-V обнаружил А.Б. Шамшин. В 1993 г. территория района обследовалась Я.В. Фроловым. Им было открыто восемь новых памятников, в том числе курганные могильники Вострово-I, II; Селиверстово-II, IV; Солоновка-I [Фролов, 1994, с. 98]. В 2005 г. обследование состояния памятников археологии Волчихинского района провел К.Ю. Кирюшин. Им были открыты несколько новых курганных групп – Вострово-III, Пятков Лог-I и II, Солоновка-II. Еще несколько курганных могильников, содержащих крупные курганы, были выявлены Я.В. Фроловым в ходе мониторинга памятников района в 2015 и 2016 гг. Это некрополи Новокормиха-III и IV, Усть-Волчиха-VI–VII, Волчиха-I, III и Чичье-III.

К настоящему времени в Волчихинском районе известно 17 курганных могильников, включающих курганы элиты древних обществ, имеющие диаметр более 30 м (рис. 1). Площадь всех описанных в настоящей работе некрополей Волчихинского района интенсивно распахивается, в результате многие насыпи полностью сnivelированы. Оставшиеся нетронутыми распашкой курганы сохранили насыпи лишь частично. У всех таких курганов две боковые стороны насыпи, расположенные вдоль направления вспашки поля, срезаны и насыпь визуально приобретает линзовидную форму. В работе при описании курганов диаметр насыпи дается по максимальному размеру сохранившейся части полы надмогильного сооружения.

Первая группа курганов (Пятков Лог-I и II, Новокормиха-II и IV) находится на гребне водораздела между Касмалинской долиной древнего стока и р. Кучук – притоком р. Кулунда. Гребень, на вершине которого размещаются курганные поля, является самой высокой точкой в юго-восточной части Кулунды и юго-западной точкой отрога Приобского плато.

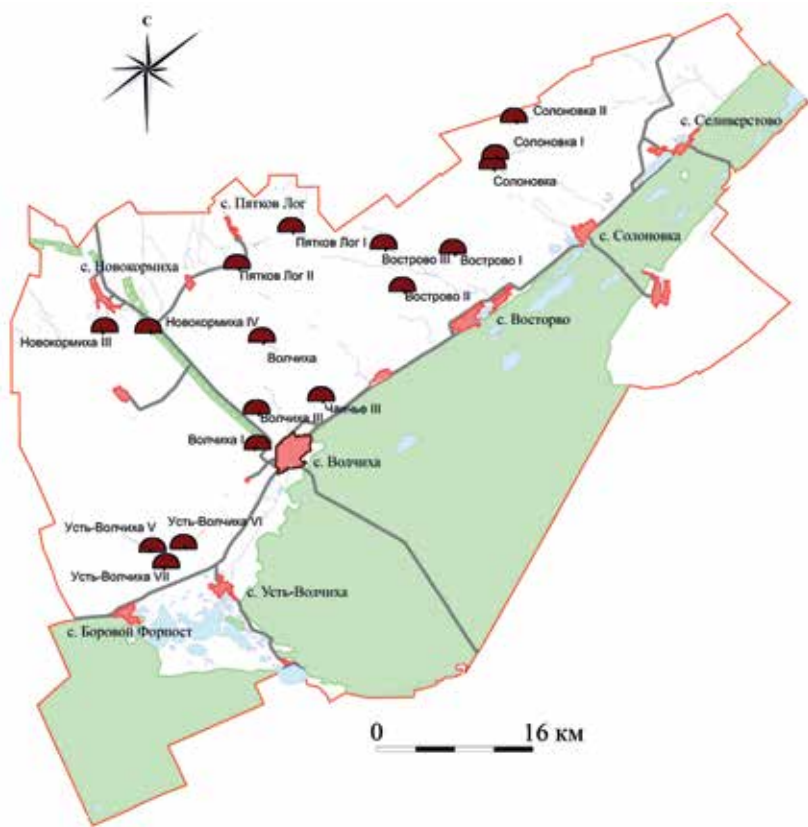

Рис. 1. Карта-схема расположения некрополей, содержащих курганы элиты древности и Средневековья на территории Волчихинского района

1. Пятков Лог-I, курганный могильник находится в 5,5 км к востоку–юго-востоку от с. Пятков Лог. Памятник представляет собой обширное могильное поле, стержнем которого является цепочка из крупных курганов, вытянувшаяся в направлении юго-запад – северо-восток на расстояние 2 км. Она насчитывает более 20 курганов. Все наиболее крупные нераспаханные насыпи располагаются в северо-восточной части некрополя. Два наиболее выдающихся кургана занимают крайнюю северо-восточную позицию. Они имеют сходную конструкцию надмогильных сооружений. Это курганная насыпь высотой до 6 м, окруженная рвом и внешним валом. Валы имеют ширину около 12–15 м. Ров – 8–10 м. Диаметр северного кургана №1 достигает 105 м. Диаметр кургана №2 – 90 м (рис. 2). В центре курганов имеются грабительские воронки

диаметром 10–12 м, окруженные мощным кольцевым грабительским отвалом. По кругу в насыпях имеется еще несколько грабительских ям. К северо-западу и к западу от курганов №1 и 2 располагается обширное курганное поле, насчитывающее более 50 распаханых курганных насыпей диаметром 12–20 м. Другие нераспаханные насыпи могильника, входящие в центральную цепочку, также имеют значительные размеры: курган №3 – диаметр 36 м, курган №4 – 40 м, №5 – 45 м, №6 – 32 м.

Рис. 2. Космоснимок курганов №1 и 2 курганного могильника Пятков Лог-I

2. Пятков Лог-II, курганный могильник находится в 2 км к югу от с. Пятков Лог, на той же гриве водораздела, что и могильник Пятков Лог-I, в 5 км к западу-юго-западу от него. Гребень возвышенности постепенно понижается в юго-западном направлении. Памятник состоит из девяти курганных насыпей, сгруппированных в две цепочки, ориентированных по линиям ЮЗ-СВ. Единственный нераспаханный курган №1 на памятнике имеет диаметр 43 м и высоту 3 м. К северо-востоку от него расположен еще один крупный распаханый курган диаметром 40 м и высотой 2 м.

3. Новокормиха-IV, курганный могильник располагается в 4 км к юго-востоку от с. Новокормиха. Некрополь располагается на том же гребне водораздела, что и могильники Пятков Лог-I и Пятков Лог-II в 10 км к юго-западу от последнего. Грива водораздела здесь продолжает полого снижаться. На могильнике зафиксировано два крупных нераспаханных кургана. Курган №1 имеет диаметр 55 м и высоту 3 м, в насыпи имеется несколько крупных западин. Две из них имеют диаметр около 7 м. Одна расположена по центру насыпи, а другая находится юго-западнее центральной. Второй курган расположен в 0,6 км к востоку от первой насыпи и имеет диаметр 30 м и высоту 1,5 м. Рядом, в лесополосе, фиксируется еще одна сильно разрушенная насыпь кургана.

4. Новокормиха-II, курганный могильник расположен в 3 км к югу от с. Новокормиха. Визуально фиксируется один курган с земляной насыпью округлой в плане формы. Диаметр насыпи кургана 33 м, высота – 0,5 м. Курган хорошо выражен в рельефе. Насыпь распаивается.

Другая группа курганов, включающих захоронения элиты древних обществ, располагается на южном склоне водораздела (северном склоне борта Касмалинской долины древнего стока) в 6–10 км от его гребня – это курганные группы Вострово-I–III, Солоновка, Солоновка-I, Волчиха.

5. Волчиха, курганный могильник находится в 3,75 км к юго-западу от бывш. с. Малиновка, в 8 км к северо-северо-западу от с. Волчиха. Памятник состоит из 17 курганов. Основная их часть вытянута в цепочку в направлении С–Ю. Еще четыре кургана располагаются в 0,6 км к западу–северо-западу от крайнего северного кургана цепочки. Три из них не распаиваны. Они имеют следующие размеры: №2 – диаметр 36 м, высота 1,2 м; №3 – диаметр 35 м, высота 1,2 м; №4 – диаметр 38 м, высота 2 м. В основной цепочке крупные размеры имеют пять курганов – их размеры: №6 – диаметр 31 м, высота 1,5 м; №7 – диаметр 30 м, высота 1,2 м; №9 – диаметр 31 м, высота 1,3 м; №13 – диаметр 34 м, высота 2 м; №16 – диаметр 30 м, высота 1,5 м.

6. Вострово-I, курганный могильник находится в 6 км к северу–северо-западу от с. Вострово. Визуально фиксируется 14 курганов с земляными насыпями округлой и подовальной формы. Четыре из них (№3, 7–9) имеют насыпи крупных размеров. Размеры курганов: №3 – диаметр 36 м, высота 1,2 м; №4 – диаметр 20 м, высота 0,4 м; №5 – диаметр 17 м, высота 0,3 м; №6 – диаметр 28 м, высота 1 м; №7 – диаметр 32 м, высота 1 м; №8 – диаметр 30 м, высота 0,7 м; №9 – диаметр 38 м, высота 1,3 м. Все насыпи этих курганов имеют задреновавшиеся следы грабительских раскопок и многочисленных нор.

7. Вострово-II, курганный могильник расположен в 6,5 км к северу–западу от с. Вострово. Памятник состоит из 28 курганных насыпей, вытянутых в цепочку в направлении З–В. Большинство курганов рас-

паханы и имеют диаметр 15–20 м. Частично сохранились насыпи двух курганов. Западный курган №1 имеет диаметр 30 м и высоту 1,5 м и курган №2 – диаметр 40 м и высоту 2,5 м.

8. Вострово-III, курганный могильник расположен в 12 км к северо-западу от с. Вострово. Памятник состоит из пяти нераспаханных насыпей крупных курганов, вытянувшихся в цепочку с севера–северо-востока – на юг–юго-запад. Их размеры с севера на юг: №1 – диаметр 68 м, высота 6 м; №2 – диаметр 58 м, высота 5 м; №3 – диаметр 51 м, высота 4,5 м; №4 – диаметр 48 м, высота 4 м; №5 – диаметр 65 м, высота 5 м.

9. Солоновка-I, курганный могильник расположен в 10 км к северо–северо-западу от с. Солоновка. Курганное поле содержит 18 крупных нераспаханных курганных насыпей и более 10 небольших распаханых насыпей. Курганы сгруппированы в три основных параллельных цепочки, ориентированных в направлении СВ–ЮЗ. Наиболее крупные курганы включены в центральную цепочку, состоящую из десяти курганов. В центральной цепочке размеры насыпей следующие (номера курганов указаны с северо-востока): №1 – диаметр 38 м, высота 1,2 м; №2 – диаметр 53 м, высота 4 м; №3 – диаметр 57 м, высота 4 м; №4 – диаметр 63 м, высота 5 м; №5 – диаметр 42 м, высота 4 м; №6 – диаметр 48 м, высота 5 м; №7 – диаметр 52 м, высота 5 м; №8 – диаметр 56 м, высота 4 м; №9 – диаметр 37 м, высота 3 м; №10 – диаметр 52 м, высота 5 м. Восточная цепочка курганов включает насыпи следующих размеров: №11 – диаметр 60 м, высота 5 м; №12 – диаметр 67 м, высота 5 м; №13 – диаметр 60 м, высота 5 м; №14 – диаметр 55 м, высота 4 м. Северная цепочка курганов состоит из 10 распаханых курганов диаметром 15–29 м и высотой 0,3–0,5 м. Все нераспаханные курганы содержат грабительские воронки по центру и по периметру насыпей.

В 0,5 км к юго-западу к могильному полю примыкает группа курганов, получившая название Солоновка. Вероятно, она является продолжением общего могильного поля.

10. Солоновка, курганный могильник расположен в 10,5 км к северо-западу от с. Солоновка. Памятник состоит из четырех нераспаханных курганов. Их размеры: №1 – диаметр 50 м, высота 3 м; №2 – диаметр 43 м, высота 3 м; №3 – диаметр 58 м, высота 5 м; №4 – диаметр 62 м, высота 5 м. Все нераспаханные курганы содержат грабительские воронки по центру и по периметру насыпей.

11. Солоновка-II, курганный могильник расположен в 6,5 км к югу–юго-востоку от с. Кочки. Могильник включает один нераспаханный курган диаметром 42 м и высотой 3 м. По центру и по краям насыпи встречено несколько грабительских воронок.

Третья группа памятников располагается на северном (обращенном к югу) склоне борта долины древнего стока, вблизи ее ложа, в самой нижней части северного склона. Она насчитывает шесть могильников.

12. Волчиха-I, курганный могильник находится в 2 км к западу от с. Волчиха. Визуально фиксируется пять курганов с земляными насыпями округлой в плане формы. Четыре из них имеют большие размеры. Диаметр насыпи кургана №1 – 35 м, высота – 0,6 м. Диаметр насыпи кургана №3 – 37 м, высота – 0,5 м. Диаметр насыпи кургана №4 – 34 м, высота – 0,4 м. Диаметр насыпи кургана №5 – 50 м, высота – 0,8 м. Все курганы хорошо выражены в рельефе. Их насыпи распахиваются.

13. Волчиха-III, курганный могильник находится в 4,5 км к северо-западу от с. Волчиха. Территория объекта культурного наследия располагается на северном краю долины древнего стока, у начала склона водораздела, на распахиваемом поле. Визуально фиксируется два кургана с земляными насыпями округлой в плане формы. Диаметр насыпи кургана №1 – 30 м, высота – 0,3 м. Диаметр насыпи кургана №2 – 17 м, высота – 0,2 м. Курганы хорошо выражены в рельефе. Их насыпи распахиваются.

14. Чаичье-III, курганный могильник находится в 4,6 км к северо-востоку от с. Волчиха. Визуально фиксируется курган с земляной насыпью в плане формы. Его размеры: диаметр 36 м, высота 0,7 м. Насыпь кургана распахивается.

15. Усть-Волчиха-V, курганный могильник находится в 6,5 км к северо-западу от с. Усть-Волчиха. Визуально фиксируется пять курганов с земляными насыпями округлой и подовальной формы. Размеры курганов: №1 – диаметр 40 м, высота 1,2; №2 – диаметр 36 м, высота 1 м; №3 – диаметр 33 м, высота 1,2 м; №4 – диаметр 45 м, высота 1 м; №5 – диаметр 26 м, высота 0,4 м. Насыпи курганов №1, 3, 4 опахиваются или частично распахиваются. Все насыпи этих курганов имеют задерновавшиеся следы грабительских раскопок и многочисленные норы. Насыпь кургана №4 сильно повреждена в результате сооружения лесополосы. Остальные насыпи курганов распахиваются полностью.

16. Усть-Волчиха-VI, курганный могильник находится в 4,3 км к северу-северо-западу от с. Усть-Волчиха. Памятник располагается на распахиваемом поле, в лесополосе и на территории заброшенного полевого стана. Визуально фиксируется три кургана с земляными насыпями округлой и подовальной формы. Размеры курганов: №1 – диаметр 30 м, высота 0,4 м; №2 – диаметр 46 м, высота 1,3 м; №3 – диаметр 10 м, высота 0,4 м.

17. Усть-Волчиха-VII, курганный могильник находится в 4,3 км к северо-западу от с. Усть-Волчиха. Визуально фиксируется восемь курганов с земляными насыпями округлой и подовальной формы. Размеры курганов: №1 – диаметр 35 м, высота 0,7 м; №2 – диаметр 26 м, высота 0,4 м; №3 – диаметр 26 м, высота 0,5 м; №4 – диаметр 36 м, высота 1,3 м; №5 – диаметр 14 м, высота 0,3 м; №6 – диаметр 14 м, высота 0,3 м; №7 – диаметр 14 м, высота 0,4 м; №8 – диаметр 23 м, высота 0,5 м. Насыпь кургана №5 опахивается, имеет задерновавшиеся следы грабительских раскопок и многочисленные норы. Остальные насыпи курганов распахиваются полностью.

В результате многолетних исследований территории Волчихинского района в этой зоне зафиксировано 66 курганов, имеющих крупные насыпи. Они входят в состав 17 могильников. Все известные некрополи элиты занимают гребень и северный склон борта Касмалинской долины древнего стока. Самые крупные курганы занимают высшую точку ландшафта, расположенную на гребне (увале), разделяющем Кулундинскую равнину и Приобское плато. Среди большинства могильников, обычно состоящих из 1–5 крупных насыпей, выделяется могильное поле Солонька-I, включающее 18 курганов диаметром 38–67 м. Это один из немногих некрополей элиты периодов древности и Средневековья, где в одном месте сосредоточено значительное количество крупных курганов. Выделяется и могильник Пятков Лог-I, имеющий курганы очень больших размеров, окруженные широким рвом и внешним валом. К югу от этого могильника, на границе северо-западных предгорий Алтая, в Алейской степи, исследовался похожий памятник – Бугры. Данный некрополь датируется концом скифо-сакского времени [Тишкин, 2012, с. 509]. По всей вероятности, к этому периоду могут относиться и курганы некрополя Пятков Лог-I, а также большинство других элитных насыпей Волчихинского района.

Многолетние наблюдения за состоянием курганных некрополей Волчихинского района фиксируют их активное разрушение в ходе распашки. Оставшиеся нетронутыми части насыпей курганов элиты древних обществ Алтая с каждым годом разрушаются все больше. Перед органами охраны памятников Алтайского края стоит задача по их сохранению. Требуется остановить распашку пока еще оставшихся нетронутыми насыпей крупных курганов. Эти памятники являются уникальными объектами, представляющими специфику культурного ландшафта на территории Кулундинского и Волчихинского районов Алтайского края, и их исчезновение приведет к потере значимого ресурса в деятельности культурного туризма.

Библиографический список

- Артюх Е.А. Археологические исследования В.В. Радлова в 1862 г. // Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы. Барнаул, 2005. С. 47–51.
- Васютин А.С., Пяткин Б.Н. К археологической карте Алтая // Археология Южной Сибири. Известия кафедры археологии. Кемерово, 1977. Вып. 9. С. 148–151.
- Радлов В.В. Древние аборигены Сибири // Живописная Россия. 1884. Т. XI. С. 3–30.
- Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989. 751 с.
- Тишкин А.А. Значение археологических исследований крупных курганов скифо-сарматского времени на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa, Joanni Chochorowski dedicatae*. Krakow, 2012. С. 501–510.
- Уманский А.П. Археологические памятники // Алтайский край. Атлас. М.; Барнаул, 1978. Т. I. С. 26.
- Фролов Я.В. История археологического изучения Волчихинского района Алтайского края // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул, 1994. С. 96–99.

Ya. V. Frolov

Altai State University, Barnaul, Russia

**MOUNDS OF THE ELITE OF THE LATE ANTIQUITY
AND THE MIDDLE AGES IN THE SOUTH OF KULUNDA
(Necropolis of the Volchikhinsky District of the Altai Territory)**

The Volchikhinsky District of the Altai Territory is located in the southern part of the Kulunda Plain. This territory is the border zone of the southern Kulunda and the Priobskoye plateau. Most of the region is a steppe zone. This area is plowed. A large group of burial grounds of the elite of antiquity and the Middle Ages is concentrated in the Volchikhinsky district. It belongs to a large group of burial grounds with large mounds in the southern part of Kulunda. The Volchikha group includes 17 burial grounds. These are such necropolises as Pyatkov Log-I, Solonovka-I, Vostrovo-I, III. The most grandiose grave structures were found at the Pyatkov Log-I burial ground. They reach 90–100 m in diameter. These are large burial mounds 6 m high. They are surrounded by a wide ditch and rampart. To the south of this burial ground on the border of the northwestern foothills of Altai in the Aleiskaya steppe, a similar monument, Bugry, was investigated. This necropolis dates back to the end of the Scythian-Saka time. The mounds of the Pyatkov Log-I burial ground and most of the other elite mounds of the Volchikhinsky region also belong to this period.

Keywords: Altai Territory, barrow group, “Elite” burial structures, early Iron Age, Scythian-Saka time, Kulunda, Priobskoye plateau

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.20

УДК 908(571.150)

М.А. Целищева

*Алтайская региональная краеведческая общественная организация
«Наследие Алтай», Барнаул, Россия*

**«УЧИЛИЩЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ»
В БАРНАУЛЕ – ИСТОРИЯ УЧЕБНОГО ЗДАНИЯ
середины XX в.**

В 2018–2019 гг. автор принял участие в работе коллектива по разработке проекта реставрации фасадов здания памятника архитектуры регионального значения «Училище профессиональное техническое» и в разработке проекта зон охраны объекта культурного наследия. На основе использования впервые привлекаемых архивных материалов и других источников выполнена научно-проектная документация. В дальнейшем была проведена государственная историко-культурная экспертиза представленной документации, по результатам рассмотрения которой экспертами вынесено заключение о соответствии документов действующему законодательству Российской Федерации в области охраны объектов культурного наследия. Здание было построено в г. Барнауле Алтайского края в 1942 г. и подготовлено для размещения в нем ремесленного училища №4,

эвакуированного из г. Сталинграда (ныне г. Волгоград). Здание переменной этажности, с цокольным этажом расположено в центре города в ряду каменной застройки советского периода на проспекте Ленина, с отступом от красной линии. Является примером учебного здания в формах советского неоклассицизма.

Ключевые слова: учебное здание, техническое училище, памятник архитектуры, памятники истории и культуры, объекты культурного наследия.

В годы первых пятилеток существенно менялся образ Барнаула. Начало изменениям было положено в 1932 г. строительством текстильного (меланжевого) комбината. В этом же году городской Совет принял постановление об отводе участка под жилищное строительство меланжевого комбината с западной стороны промышленной площадки. 20 мая 1936 г. на заседании архитектурно-планировочной комиссии барнаульского городского коммунального хозяйства был рассмотрен проект планировки первой и второй очереди жилищного строительства промышленного района г. Барнаула, представленный первой архитектурно-планировочной мастерской (г. Москва). Докладывал автор проекта архитектор Волосевич и инженер от меланжевого комбината Лойко. В итоге комиссия постановила представленный второй вариант планировки жилстроительства промышленного района г. Барнаула утвердить с внесением ряда замечаний. Так, постановили считать площадь, где строится с сентября 1935 г. звуковой кинотеатр, районной и, исходя из этого, обязали меланжевый комбинат для ее оформления построить на площади здания райсовета, почту, телеграф, телефонную станцию и другие сооружения. Комиссия указала Запсибпроекту, что при разработке им схемы планировки г. Барнаула не было учтено здание кинотеатра с центральным решением на площади, являющейся в данный момент основным ориентиром районной площади и района в целом [ГААК. Ф. Р. 490. Оп. 1. Д. 1. Л. 83–84]. Кинотеатр был построен по типовому проекту в 1936 г., строительство здания положило начало формированию районной площади, в дальнейшем получившей название площади Октября [Целищева, 2011, с. 54]. В этом же году текстилькомбинатом была построена средняя школа, которая главным фасадом также была ориентирована на площадь Октября, оформляя ее западную сторону [Целищева, 2018, с. 366–370]. В 1937 г. Барнаул становится административным центром Алтайского края. Был утвержден первый советский генеральный план города (арх. В.К. Александров) [Степанская, 2006, с. 132]. Октябрьская площадь на генплане города 1937 г. была запланирована как транспортная развязка. Полностью архитектурный ансамбль площади был сформирован в 1950-е гг.

Здание училища расположено в центре города на проспекте Ленина, с отступом от красной линии. Созданное до Великой Отечественной войны на базе судостроительного завода ремесленное училище №4 в августе 1942 г. было эвакуировано из г. Сталинграда (ныне Волгоград)

в г. Барнаул Алтайского края. Прибывший эшелон с ребятами и оборудованием разместили в недостроенном здании на площади Октября. Для экстренной подготовки здания к зиме были привлечены все учащиеся и работники училища. Тогда же ремесленное училище №4 получило новый номер – 12. Учились и работали ученики на военном заводе №77 (завод «Трансмаш») [Барнаул. Летопись города..., 2007, с. 241]. На карте г. Барнаула конца 1940-х – начала 1950-х гг. видно, что прямоугольное здание расположено вдоль пр. Ленина.

С 1960 по 1962 г. к зданию выполнили двухэтажную с подвалом пристройку из силикатного кирпича, уходящую вглубь участка. Решение о строительстве было принято горисполкомом еще в 1956 (№346). Документы на строительство пристройки, разработанные государственным институтом по проектированию спортивных сооружений «Гипроспорт», были утверждены инспекцией государственного архитектурно-строительного контроля (ГАСК) в апреле 1959 г. (№105). Строительство пристройки началось в 1960 г. Так, в мае 1960 г. заложили фундаменты на глубину 2,8 м, шириной 90 см. Интересно, что на проекте детальной планировки центральной части города (эскиз застройки), выполненной Ленгипрогородом в 1961 г., здание уже обозначено с еще строившейся и не сданной в эксплуатацию пристройкой [Музей. ФГС. О. 4. К. 1. Л. 50. Ф1_1]. Решением исполкома Барнаульского городского Совета депутатов трудящихся от 7 февраля 1963 г. (№61) был утвержден акт государственной приемочной комиссии (от 27.12.1962) о приемке двухэтажного спортзала (пристройки) технического училища №12 по пр. Ленина, 89 (кв. 385). Строителем-подрядчиком выступило СМУ-2 треста «Барнаулцелинстрой». Сметная стоимость составила 51,0 тыс. руб. [ГААК. Ф. Р. 490. Оп. 1. Д. 230. Л. 19, 21, 23, 25, 29, 38, 54]. В это же время к главному фасаду был пристроен полукруглый в плане одноэтажный вестибюль, через который осуществляется вход в здание. В 1969–1970 учебном году были сформированы группы, в которых, наряду со специальностью, учащиеся получали общее среднее образование. С 1972 г. училище переходит к подготовке рабочих с получением среднего (полного) общего образования. К этому времени училище уже располагало достаточной материально-технической базой, квалифицированными кадрами мастеров производственного обучения и преподавателей специальных дисциплин. Исполкомом Барнаульского городского Совета депутатов трудящихся было принято Решение от 9 августа 1989 г. №237/37 о согласовании среднего профессиональному училищу №12 места расположения земельного участка для проектирования и строительства пристройки к зданию СПТУ-12 по пр. Ленина, 89 (в квартале 388) [ГААК. Ф. Р. 312. Оп. 7. Д. 1248. Л. 90]. С 1993 г. в училище стали готовить радиомехаников, чуть позже – операторов ЭВМ и программистов.

В 1994 г. здание поставили на государственную охрану как памятник архитектуры регионального значения. На момент постановки на государ-

ственный учет здание находилось на балансе хлопчатобумажного комбината, в нем располагался Дом культуры профтехобразования. В 2001 г. был проведен капитальный ремонт крыши со сменой обрешетки, крышу покрыли оцинкованной сталью. В 2002 г. в здании находился центр развития творчества детей и юношества и краевое государственное бюджетное образовательное учреждение начального профессионального образования «Профессиональный лицей №12», часть помещений сдавалось в аренду. В этом же году специалисты НПЦ «Наследие» обследовали здание и составили акт, в котором отметили, что стены здания из силикатного кирпича, крыша чердачной конструкции, с кровлей из листового металла, междуэтажные перекрытия по деревянным балкам. Между цокольным и первым этажами перекрытие монолитное железобетонное. Лестничные площадки из монолитного железобетона. Ступени лестничных маршей наборные, из бетона мозаичного состава. Восточное трехэтажное крыло, ориентированное на проспект Ленина, оштукатурено и декорировано квадратным рустом, увенчано профилированным карнизом и фризом. Фасад, обращенный на проспект Ленина, имеет симметричную композицию, с полукруглым входным тамбуром по центральной оси. Карниз тамбура тянутый. Фланговые части выделены легкими ризалитами в одну ось окон. Простенки фасада и тамбур оформлены рустованными пилястрами со стилизованными композитными капителями. В декоративное убранство входят также круглые розетки в межоконном пространстве второго-третьего этажей. Окна прямоугольные, на третьем этаже по главному фасаду с подоконными полочками. Окна второго этажа в ризалитах имеют наличник с прямым сандриком. Протяженное западное двухэтажное крыло неоштукатуренное. К торцовому северному фасаду примыкают кирпичные ворота проезда с арочными проемами и колоннами. Решетки ворот кованые металлические. Потолки помещений декорированы лепниной. Виды лепного орнамента: бусины, стилизованные листья аканта, тяги. В здании имеются колонны. Стволы колонн оформлены филенками, обрамленными бусами. Капители орнаментированы ионикой, венками и композицией из скрещенных инструментов. В результате осмотра здания специалисты рекомендовали провести ремонт коридора и вестибюля с сохранением и восстановлением лепного декора, а также ремонт столярных изделий по первоначальному образцу (окна, двери входного узла) [Акт..., 2002].

В 2004 г. Постановлением администрации г. Барнаула №1673 был утвержден земельный участок площадью 0,6892 га, номер земельного участка по земельному кадастру 22:63:040406:0012. В апреле 2013 г. специалисты НПЦ «Наследие» вновь обследовали здание по пр. Ленина, 89. В составленном акте было отмечено, что здание учебного корпуса (лит. А, А1, А2, А3, А4, А5) общей площадью 5764,5 кв. м занимает краевое государственное бюджетное образовательное учреждение начального профессионального образования «Профессиональный

лицей №12». Стены кирпичные, восточное крыло (литер А) оштукатурено и окрашено фасадными красками. По дворовому фасаду (литер А) имелись отслоения окрасочного слоя. Стены западного крыла (литеры А3, А4) – неоштукатуренные, при визуальном обследовании были обнаружены выветривания швов и разрушения наружной версты кладки. На фасадах здания (литеры А, А3, А4) было размещено современное электротехническое и инженерное оборудование, что искажало первоначальный облик здания. Декоративное оформление имело восточное крыло здания (литер А), ориентированное на проспект Ленина: профилированный венчающий карниз и фриз, карниз тамбура, квадратный руст, пилястры, розетки, подоконные полочки и наличники. Декоративные элементы были окрашены. В здании (литеры А, А4) на первом, втором этажах и в подвале имелись колонны – кирпичные, прямоугольного сечения в плане, оштукатуренные. В помещении столовой (№23, литер А), расположенной в цокольном этаже, – колонны с филленчатыми стволами и лепными капителями, стволы большей части колонн были обшиты. Входные двери на основе пластикового стеклопакета; двери в помещениях – современные деревянные, филленчатые, без остекления, имелись и простые плотничные двери. Окна пластиковые с единообразной расстекловкой, приближенной к первоначальной. В коридорах цокольного и первого этажей имелись карнизы тянутой формы с лепными элементами – листьями аканта, бусинами, ионикой. При визуальном обследовании были обнаружены отслоения окрасочного слоя и загрязнения. В итоге специалисты рекомендовали выполнить реставрацию фасадов в соответствии с разработанным проектом, выполнить организованный водосток, перенести наружные блоки кондиционеров с главного фасада, разместить на фасаде информационную надпись [Акт..., 2013]. В апреле 2014 г. на основании Постановления Администрации Алтайского края от 28 апреля 2014 г. №205 прошла реорганизация краевого государственного бюджетного образовательного учреждения среднего профессионального образования «Алтайский государственный колледж», к которому присоединили краевое государственное бюджетное образовательное учреждение начального профессионального образования «Профессиональный лицей №12» и краевое государственное бюджетное образовательное учреждение начального профессионального образования «Профессиональное училище №37». В ноябре 2014 г. на основании Распоряжения Администрации Алтайского края от 25 сентября 2014 г. №2208 краевое государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Алтайский государственный колледж» зарегистрировало право оперативного управления на трехэтажное с подвалом здание по пр. Ленина, 89 в г. Барнауле, общей площадью 5764,5 кв. м. В середине 2010-х гг. провели капитальный ремонт

фасадов здания. В 2015 г. при проведении мониторинга объекта культурного наследия было отмечено, что здание находится в краевой собственности, передано в оперативное управление под учебное здание.

В 2018 г. ООО «Архитектурно-реставрационная мастерская» был выполнен проект реставрации фасадов, автор принимала участие в работе данного коллектива, в подготовке раздела «Комплексные научные исследования». Приказом Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура) от 18 июня 2019 г. №136 был утвержден предмет охраны объекта культурного наследия «Училище профессиональное техническое». В этом же году была проведена государственная историко-культурная экспертиза проектов зон охраны объектов культурного наследия регионального значения, расположенных в г. Барнауле и Алтайском крае. В акт экспертизы вошло 214 объектов, в том числе и здание по пр. Ленина, 89. Заказчиком экспертизы выступило ООО «Алтайгипрозем», автор принял участие в работе данного коллектива. Приказом Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура) от 11 февраля 2020 г. №45 было утверждено охранное обязательство собственника ОКН (объект культурного наследия). Приказом Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура) от 25 августа 2020 г. №732 были утверждены границы территории и режим использования ОКН. В 2021 г. был согласован проект размещения информационной надписи объекта культурного наследия регионального значения «Училище профессиональное техническое».

Здание, расположенное по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, проспект Ленина, 89 является объектом культурного наследия регионального значения «Училище профессиональное техническое», 1950-е гг. согласно Постановлению Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28 декабря 1994 г. №169. Является примером общественного здания в формах советского неоклассицизма. Объект включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением ему регистрационного номера 221610412060005.

Библиографический список

- Акт технического состояния от 26.09.2002 // Архив НПЦ «Наследие».
Акт технического состояния от 01.04.2013 // Архив НПЦ «Наследие».
Барнаул. Летопись города: хронология, события, факты. Барнаул, 2007. 623 с.
Степанская Т.М. Архитектура Алтая XVIII–XX вв. Барнаул, 2006. 300 с.
Целищева М.А. 75 лет со времени окончания строительства Дома культуры Барнаульского меланжевого комбината (ДК БМК) // Барнаульский хронограф. 2012 г. Барнаул, 2011. С. 54–58.
Целищева М.А. «Средняя школа» 1930-х годов в Барнауле: история памятника архитектуры // Баландинские чтения. 2018. Т. XIII. С. 366–370.

Источники

Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.Р. 490. Оп. 1. Д. 1, Д. 230; Ф.Р. 312. Оп. 7. Д. 1248.

Музей истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина (Музей). ФГС. О. 4. К. 1. Л. 50. Ф1_1.

М.А. Tselishcheva

*Altai regional local history non-government organization «Altai Heritage»,
Barnaul, Russia*

“VOCATIONAL TECHNICAL SCHOOL” IN BARNAUL – A HISTORY OF THE EDUCATIONAL BUILDING OF THE MIDDLE OF THE 20TH CENTURY

In 2018–2019, the author took part in the teamwork on the development of a project of restoration of facades of the regional significance heritage monument “VOCATIONAL TECHNICAL SCHOOL” and in the cultural heritage site protection project development. The team has prepared project documentation on the ground of the first-time use of archival materials and other sources. Next, there a state historical and cultural examination of the submitted documentation was carried out, according to the results of which the experts have concluded the compliance of the documents with the current legislation of the Russian Federation in the field of protection of cultural heritage objects. The building was built in Barnaul, Altai Krai in 1942 and was prepared to accommodate the vocational school No. 4, evacuated from Stalingrad (Volgograd). The building has a variable number of storeys with a basement floor and is located in the city center in a row of stone buildings of the Soviet period on Lenina Prospect, with an indentation from the building line. It is an example of an educational building in the forms of Soviet neoclassicism.

Keywords: educational building, technical school, evacuated school, architectural monument, monuments of history and culture, objects of cultural heritage

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.21

УДК 908:27(571.150)

М.А. Целищева

*Алтайская региональная краеведческая общественная организация
«Наследие Алтай», Барнаул, Россия*

КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В БАРНАУЛЕ – ОБРАЗЕЦ НЕБОЛЬШОГО ЦЕНТРАЛЬНО-КУПОЛЬНОГО ХРАМА начала XX в.

В рамках выполнения гранта президента Российской Федерации в 2018 г. Красная книга объектов культурного наследия Алтайского края пополнилась материалами, посвященными объектам религиозного назначения, находящимся под угрозой разрушения. Автор в данной статье на основе архивных источников представляет сведения о постройке бесприходной кладбищенской церк-

ви в г. Барнауле в начале XX в. с момента подготовки и утверждения документов в Томском строительном управлении, выбора места постройки и до современности. В частности, подробно описывает процесс строительства храма, приводит найденные в Томском архиве чертежи здания. Строительство велось на средства, пожертвованные по завещанию А.И. Алковой и представленные купцом Смирновым от имени М.М. Смирновой деньги. Храм строился по плану, составленному Г. Бодуновым. Объект культурного наследия является примером каменной культовой архитектуры русско-византийского стиля. Образцом небольшого центрально-купольного храма – кладбищенской церкви начала XX в.

Ключевые слова: церковь, храм, каменная культовая архитектура, объект культурного наследия, памятник архитектуры

В январе 1902 г. Барнаульская городская Дума рассмотрела вопрос о постройке каменного храма на христианском кладбище по Московскому (Гоньбинскому) тракту, выбрав попечителем над стройкой гласного Думы купца первой гильдии В.Д. Сухова. Решено было строить храм, с тем, чтобы он не был причислен к приходским храмам и имел бы отдельного священника для исполнения ежедневных служб и треб [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 3. Л. 9–11об.]. В июне 1902 г. из Томской Духовной Консистории в Строительное отделение Томского губернского управления были направлены на рассмотрение и утверждение проект чертежей, расчет устойчивости и пояснительная записка на постройку каменной во имя Воздвижения Животворящего Креста церкви на новом кладбище в г. Барнауле [ГАГО. Ф. 3. Оп. 41. Д. 841. Л. 21, 26]. В пояснительной записке было отмечено, что на месте предполагаемого построения церкви грунт твердо-глинистый, глубоко промерзающий. Общая площадь храма – 8,82 кв. саж., двух боковых частей по 1,96 кв. саж., площадь трапезной – 2,67 кв. саж. С расчетом площади храма по 1 кв. саж. на 15–18 человек получалась вместимость церкви до 250 человек. Под фундамент решено было выкопать рвы глубиной 3,5 арш. и 1,5 арш. ширины. Толщина стен фундамента, сложенных из железняка, равнялась 4,5 кирпича, толщина цоколя – 4 кирпича и высота 1,5 кирпича. Толщина наружных стен составляла 3,5 кирпича, толщина подпружных арок – 3 кирпича, высота в замках при пролете 0,79 саж. составляла 2,5 кирпича. Перекрытие средней части храма представляло сложный свод, состоящий из четырех распалубков и четырех лотков. В северной и южной частях церкви предполагались коробчатые своды, в алтарной и трапезной – крестовые своды толщиной в 1 кирпич в замках и 1,5 кирпича в пятах. Во избежание промерзания сводов предложено было покрыть их войлоком. Полы должны были быть выполнены из разноцветного кирпича. Над камерой калорифера предполагалось устроить водики на железных балках длиной 1,41 саж. при пролете в 1,17 саж., для этого потребуются шестипрокатная балка №15 по сортировке Тильманса. Под потолком храма (калорифер) предложено было устроить четырехкирпичные каналы, по которым должен прохо-

дуть нагретый воздух к четырем жаровым душникам под четыремя лотками. Душники для испорченного воздуха должны размещаться вверху подошвы четырех лотков центрального сводчатого перекрытия. В окнах предложено было вставить железные решетки, подоконники выполнить внутри цементные, а снаружи покрыть железом. Крышу из 12- фунтового железа предложено было покрасить медянкою. Стены внутри храма должны быть оштукатурены. Стропила предложено было использовать из пятивершкового леса, кружала – из двухдоймового, мачта – из семи-вершкового восьмигранника. Оконные рамы предложили прислонные, двери филенчатые. Колокол должен быть установлен приблизительно до 50 пудов. Работы необходимо было производить с соблюдением технических условий [ГАТО. Ф. 3. Оп. 41. Д. 841. Л. 28–29].

В августе 1902 г. был составлен акт по освидетельствованию грунта на новом кладбище на месте предполагаемого строительства храма. В акте было отмечено, что поверхностный слой земли на глубину 3/4 аршина представлял собой растительную землю. Дальнейший грунт на глубину пять аршинов и глубже представлял твердую красную глину. Грунтовые воды отсутствовали, поэтому грунт отнесли к весьма надежному для строительства храма [ГАТО. Ф. 3. Оп. 41. Д. 841. Л. 27]. Строительство велось на средства, пожертвованные по завещанию А.И. Алковой и предоставленные купцом Смирновым от имени М.М. Смирновой деньги. Храм строился по плану, составленному Г. Бодуновым [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 3. Л. 10]. 26 мая 1903 г. началось строительство каменного храма во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня на новом кладбище по Московскому тракту [Барнаул. Летопись города..., 2007, с. 69]. В сентябре 1908 г. благочинный церковей Барнаула протоиерей А. Завадовский сообщил городской Думе о предстоящем освящении нового каменного храма на загородном кладбище и просил назначить церковного старосту. Сам он предложил на должность старосты заведующего барнаульским винным складом потомственного почетного гражданина А.Н. Моденовского, с условием, если последнему разрешит его начальство. В октябре 1908 г. городская Дума на своем заседании рассмотрела вопрос о выборе церковного старосты кладбищенской церкви. Поскольку церковь была бесприходной, городская Дума должна была выбрать старосту на трехлетие с 1908 по 1911 гг. Гласные предложили свою кандидатуру на должность церковного старосты, а именно купца В.Д. Сухова, за которого проголосовали единогласно [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 7. Л. 352–352об.]. 5 сентября 1909 г. состоялось освящение церкви [ГААК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 28. Л. 19–20]. В ноябре 1909 г. на очередном заседании городской Думы был поднят вопрос об отводе земельного участка под военное кладбище в г. Барнауле. По мнению городской Управы, под военное кладбище можно было отвести часть городского кладбища по Московскому тракту в размере 380 кв. саж. Го-

родская Дума постановила утвердить отвод земельного участка в размере 380 кв. саж. на новом кладбище под военные захоронения [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 460].

По сведениям справочной книги по Томской Епархии за 1909/1910 гг. каменная церковь во имя Воздвижения Креста Господня на новом кладбище в г. Барнауле являлась приписной к Покровской церкви [Справочная книга..., 1911, с. 375–376]. В клировой ведомости за 1910 г. было записано, что церковь зданием каменная, в одной связи с такою же колокольнею, крепка, покрыта железом, причта не положено. В августе 1912 г. на заседании городской Думы вновь рассмотрели вопрос о выборе старосты бесприходной Крестовоздвиженской кладбищенской церкви. Было выдвинуто четыре кандидата на должность старосты, двое из которых отказались (В.Д. Сухов и Н.В. Голев), один не дал согласие на баллотировку (И.И. Поляков), в итоге 22 гласных проголосовало за А.Ф. Талалева, который был избран на следующие три года [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 11. Л. 210]. Но в октябре Талалаев отказался от должности церковного старосты, и городская Дума вынуждена была провести новые выборы и утвердить церковным старостой Н.В. Голева. Гласные Думы обратились к Попечительству о кладбищах с просьбой выделить денег на содержание кладбищенской церкви [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 11. Л. 308]. В феврале 1913 г. гласные городской Думы рассмотрели вопрос об изыскании средств на содержание Крестовоздвиженской кладбищенской церкви. Средства необходимы были на охрану, отопление и другие расходы, так как кладбищенская бесприходная церковь не имела своих доходов. Гласные повторно обратились к Попечительству о городских кладбищах с вопросом изыскать средства на содержание указанной церкви. В ответ Попечительство дало разъяснение, что в круг его обязанностей входит только благоустройство двух кладбищ – Иоано-Предтеченского и Крестовоздвиженского, на это в его распоряжении имеется единственный источник дохода – это плата за отводимые места под могилы, и что Попечительство имеет право расходовать эти средства только на благоустройство кладбищ. В итоге гласные Думы разрешили старосте нанять сторожа для церкви, назначив ему содержание 20 руб. в месяц за счет городской казны, а также принять на счет города содержание кладбищенской церкви, выделив 264 руб. за счет запасного капитала с проведением по дополнительной смете [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 12. Л. 151–152]. В 1914 г. справочная книга по Томской Епархии опубликовала данные о церквях. Так, к Покровской церкви в г. Барнауле была приписана каменная церковь во имя Воздвижения Креста Господня на новом кладбище [Справочная книга..., 1914, с. 269].

Декретом Советской власти от 23 января 1918 г. церковь была отделена от государства. Все церковное имущество было объявлено собственностью государства и передано в пользование религиозным общинам. В 1920-х гг. кладбищенская церковь была превращена в приходскую.

18 марта 1922 г. состоялось заседание губернской комиссии по изъятию церковных ценностей в г. Барнауле. Представителей религиозных общин ознакомили с распоряжением центральной власти и инструкцией ВЦИК [ГААК. Ф. Р. 10. Оп. 4. Д. 20. Л. 31]. В 1923 г. Алтайское церковное управление (обновленцев) вышло с просьбой в административный отдел разрешить им 13 мая совершить крестный ход из Крестовоздвиженской и других церквей до Петропавловского собора, а от собора к р. Обь для исполнения обряда водоосвящения [ГААК. Ф. Р. 531. Оп. 1. Д. 61. Л. 181]. В ноябре 1923 г. вышло распоряжение Алтайского губернского исполкома о том, что на основании указаний центральных учреждений категорически запрещалось закрытие или ликвидация храмов, молитвенных домов и др., всех культов и передача их для других целей без специального на то постановления Президиума губисполкома. Госучреждения и представители власти не должны были вмешиваться во внутрицерковные дела. Государственным органам предоставлялось право наблюдения за сохранностью культового имущества и надлежащим его использованием. Запрещалось государственной власти вмешиваться в борьбу различных течений церкви в деревне и не покровительствовать никаким религиозным течениям. С санкции губернского исполкома, при наличии законных оснований к расторжению существующих договоров, считалось целесообразным закрепление по договору молитвенных домов и храмов за наиболее прогрессивными религиозными течениями [ГААК. Ф. Р. 531. Оп. 1. Д. 11. Л. 9]. На 19 декабря 1923 г. в Барнауле было 15 действующих религиозных общин, в том числе и Крестовоздвиженская (кладбищенская) община [ГААК. Ф. Р. 531. Оп. 1. Д. 1. Л. 25].

В октябре 1924 г. вышло постановление Алтайского губернского исполнительного комитета о перерегистрации религиозных общин [ГААК. Ф. Р. 531. Оп. 1. Д. 61. Л. 16]. В ноябре 1924 г. административный отдел горисполкома передал в губернский отдел Госполитуправления (ОГПУ) списки священнослужителей, членов церковного Совета и верующих, которые были предоставлены религиозными общинами. Община Крестовоздвиженской церкви относилась к общине обновленцев [ГААК. Ф. Р. 531. Оп. 1. Д. 61. Л. 22]. В 1925 г. административный отдел разрешил крестный ход 19 января из Крестовоздвиженской и других церквей до Петропавловского собора, а от собора на «иордан-пруд» [ГААК. Ф. Р. 531. Оп. 1. Д. 61. Л. 48]. 25 ноября 1931 г. на очередном заседании Президиума Барнаульского городского Совета рассмотрели вопрос о закрытии кладбищ. Было принято решение сад-городское кладбище со всеми постройками и имуществом передать для физкультурного стадиона и для строительства парка отдыха и культуры. Для этого была создана комиссия, чтобы в месячный срок проработать данный вопрос и доложить Президиуму. Городскому отделу народного образования (ГОРОНО) поручили учесть необходимые средства в бюджете на 1932 г. Для организации парка и стадиона решили провести несколь-

ко субботников [ГААК. Ф. Р. 312. Оп. 3. Д. 267. Л. 1]. 20 июля 1932 г. на месте сад-городского кладбища торжественно открыли парк культуры и отдыха Меланжевого комбината им. Ударников [Барнаул. Летопись города, 2007, с.170]. Решением Западно-Сибирского крайисполкома от 3 октября 1932 г. Крестовоздвиженская церковь была закрыта, здание передано под избу-читальню библиотеки сад-городского района. В дальнейшем здание бывшей церкви было приспособлено под библиотеку, заложен оконный проем на западном фасаде, утрачен первоначальный интерьер. В январе 1942 г. решением горисполкома Многопромсоюзу предоставили помещения бывшей церкви в парке Меланжевого комбината под общественную столовую [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 67. Л. 80]. Но уже в марте 1942 г. для организации макаронно-лапшевой фабрики депутаты горсовета передали Горпищепромкомбинату здание бывшей церкви [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 67. Л. 197]. В июле 1945 г. горисполком направил уполномоченному Совету по делам религиозных культов при СНК СССР по Алтайскому краю список бывших церквей, занимаемых в настоящее время различными организациями. Так, в бывшей кладбищенской церкви в парке Меланжевого комбината (кв. 431) находилась мастерская по реставрации электроламп БМК (Барнаульский меланжевый комбинат) [ГААК. Ф. Р. 834. Оп. 4. Д. 748. Л. 4].

В конце 1940-х гг. было принято решение о размещении в бывшей кладбищенской Крестовоздвиженской церкви планетария. В 1950 г. в здании церкви были разобраны глава и барабан купола, интерьеры реконструированы и приспособлены под планетарий – основной объем был разделен перегородками на главный экспозиционный зал с куполом, вестибюль, кинопроекторную, кабинет директора, лестницу. В проекционной были сохранены первоначальные кованные решетки. 12 марта 1950 г. в здании бывшей церкви разместился планетарий, второй по величине в СССР. В здании установили аппарат «П-3», который показывал звездное небо обоих полушарий и движение солнца. Купол планетария имел в поперечнике 9,4 м. Учреждение пользовалось спросом. Первым директором стал И.И. Старков. Уже в ноябре 1951 г. планетарий посетил 50-тысячный посетитель. В 1952 г. тысячи барнаульцев собрались на астрономической площадке планетария для наблюдения солнечного затмения. В 1960 г. к южному фасаду здания была сделана пристройка с декоративной колоннадой. В марте 1970 г. депутаты рассмотрели вопрос (№154/52) о реконструкции парка БМК [ГААК. Ф. Р. 312. Оп. 7. Д. 213].

В 1994 г. здание бывшей церкви было поставлено на государственную охрану как памятник архитектуры. В этом же году провели ремонт крыши, частично заменили окна без сохранения первоначальной расстекловки. В 2005 г. по заданию комитета по культуре г. Барнаула специалистами НПЦ «Наследие» был проведен мониторинг памятника. Приказом Управления Алтайского края по культуре и архивному делу от 26

июля 2012 г. №350 были утверждены предмет охраны, границы территории и правовой режим земельного участка в границах территории ОКН (объект культурного наследия). В ноябре 2012 г. приказом Министерства культуры РФ объект был включен в единый государственный реестр.

В 2012 г. специалистами НПЦ «Наследие» было обследовано здание и составлен акт, в котором они отметили, что здание церкви «Во имя Воздвижения Животворящего Креста Господня» расположено в центральной части парка «Изумрудный» Октябрьского района г. Барнаула на территории бывшего загородного кладбища. Крестообразное в плане, сложенное из красного кирпича, на ленточном кирпичном фундаменте, с кирпичным цоколем компактное здание. Имеет центрическую крестообразную объемно-пространственную композицию. Ядром его является восьмигранник, к которому примыкают крестообразно расположенные ризалиты. Вход в церковь с западной стороны оформлен в виде арочного портала с широким килевидным архивольтом, выложенным из клинчатого кирпича и декорированным сухариками. Над входом расположена неглубокая полуциркульная ниша, где, по-видимому, располагалось окно, заложенное позже кирпичом. Пластическое решение фасадов основано на повторении архитектурных деталей. Углы здания акцентированы лопатками. Стены церкви прорезают чередующиеся строенные и одиночные оконные проемы, украшенные наличниками с килевидными архивольтами, выложенными из клинчатого кирпича и декорированными сухариками. Над строеными оконными проемами расположены неглубокие декоративные ниши с килевидными завершениями. Членение по горизонтали осуществляется профилированной тягой, опоясывающей здание под оконными проемами и карнизом, набранным из горизонтальных рядов кладки с декором в виде «сухариков». Места пересечения ризалитов с основным объемом (над линией карниза) декорированы кокошниками. Ризалиты завершаются килевидными закомарами, которые профилированы архивольтами и арочными тягами и декорированы сухариками. Интерьеры «рукавов», перекрытые цилиндрическими сводами, открываются арочными проемами в подкупольное пространство (купол – восьмигранный, завершался главкой на глухом барабане). Конструкция крыши – стропильная. Кровельные покрытия выполнены из оцинкованной стали. На момент осмотра здания кирпичные своды были оштукатурены и окрашены вододисперсионным составом. В помещении лестничной клетки и в западном помещении обнаружены следы увлажнения стены около окна и места промерзания кладки. В подвале имелись поздние столбы для опирания железобетонных плит перекрытия. Входная дверь была современная металлическая, двустворчатая. В помещениях двери деревянные – однопольные филенчатые и высокие двупольные филенчатые, окрашенные масляной краской. В помещениях 1-го этажа

имелись штукатурные потолочные тяги и розетки. В итоге специалисты рекомендовали выполнить проект реставрации и воссоздания памятника архитектуры, провести комплексную реставрацию [Акт..., 2012]. В 2014 г. специалисты НПЦ «Наследие» провели мониторинг памятника и отметили, что состояние здания неудовлетворительное, наблюдались высолы, разрушение наружной версты кирпичной кладки, выветривание швов, трещины. Состояние отмостки было также неудовлетворительным. Водосток частично разрушен. В итоге было предложено провести ремонтно-реставрационные работы по фасадам, гидроизоляцию фундаментов и устройство водостока.

В 2018 г. в Барнауле началась процедура передачи РПЦ Крестовоздвиженского храма, который почти 70 лет занимает планетарий. В 2019 г. здание, где ранее размещался планетарий, официально, по документам было передано Барнаульской епархии. Был также подписан договор между мэрией и Барнаульской и Алтайской епархией о том, что планетарий будет еще два года находиться в здании храма. В дальнейшем для переезда планетария рассматривается здание бывшего кинотеатра «Родина». В 2020 г. была проведена государственная историко-культурная экспертиза проекта приспособления ОКН регионального значения «Кинотеатр Родина», 1941 г., по адресу: г. Барнаул, пр. Ленина, 19 для размещения планетария, разработанная Творческой мастерской архитектора А.Ф. Деринга «Классика».

Здание, расположенное по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, пр. Сибирский, 38, является объектом культурного наследия регионального значения «Крестовоздвиженская церковь», 1908 г., согласно постановлению Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28 декабря 1994 г. №169. Является примером каменной культовой архитектуры русско-византийского стиля, образцом небольшого центрально-купольного храма – кладбищенской церкви начала XX в. Приказом Министерства культуры РФ от 16 ноября 2012 г. №1398 объект включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением регистрационного номера 221210003020005.

Библиографический список

Акт технического состояния от 04.10.2012 // Архив НПЦ «Наследие». Барнаул. Летопись города: хронология, события, факты. Барнаул, 2007. 623 с. Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 год. Томск, 1911. 810 с. Справочная книга по Томской епархии. Томск, 1914. 594 с.

Источники

Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 51. Оп. 1. Д. 3, 7, 8, 11, 12; Ф. 138. Оп. 1. Д. 28; Ф. Р. 10. Оп. 4. Д. 20; Ф. Р. 531. Оп. 1. Д. 1, 11, 61; Ф. Р. 312. Оп. 3. Д. 267; Оп. 1а. Д. 67; Оп. 7. Д. 213; Ф. Р. 834. Оп. 4. Д. 748.

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 41. Д. 841.

M.A. Tselishcheva

*Altai regional local history non-government organization «Altai Heritage»,
Barnaul, Russia*

**HOLY CROSS EXALTATION CHURCH IN BARNAUL –
A MODEL OF SMALL CENTRAL-DOMED TEMPLE
OF THE BEGINNING OF 20TH CENTURY**

Under the grant of the President of the Russian Federation in 2018, the Red Book of Cultural Heritage Objects of the Altai Krai was replenished with materials dedicated to religious objects under threat of destruction. In this article on the ground of archival sources, the author presents information about the construction of a cemetery church without a parish in Barnaul at the beginning of the 20th century since documents' preparation and approval in the Tomsk Construction Department, selection of the construction place to the present. In particular, she describes in detail the process of building a church, cites drawings of the building found in the Tomsk archive. The construction was carried out with funds donated under the will of A.I. Alkova and presented by the merchant Smirnov on behalf of M.M. Smirnova money. The temple was built according to the plan drawn up by Mr. Bodunov. The object of cultural heritage is an example of stone church architecture of the Russian-Byzantine style and an example of a small central-domed temple – a cemetery church of the early 20th century.

Keywords: church, temple, stone church architecture, object of cultural heritage, architectural monument

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.22

УДК 908:7(571.150)

М.А. Целищева, М.А. Слуцкий

*Алтайская региональная краеведческая общественная организация
«Наследие Алтай», Барнаул, Россия*

**«ОСОБНЯК КРИЧЕВЦЕВА» В БИЙСКЕ – ПРИМЕР ЖИЛОГО
ДОМА С ЭЛЕМЕНТАМИ УСАДЬБЫ КОНЦА XIX В.,
ВЫПОЛНЕННОГО В ФОРМАХ ЭКЛЕКТИКИ
С ЭЛЕМЕНТАМИ БАРОККО И ПСЕВДОРУССКОГО СТИЛЯ**

В связи с разработкой проекта границ территории и режима использования территорий объекта культурного наследия, на основании архивно-библиографических материалов автором была подготовлена историческая справка на бийский купеческий жилой особняк. В данной статье представлены сведения об истории и первом владельце здания, а также о дальнейшем использовании данного объекта с конца XIX в. и по настоящее время. В тексте приводятся сведения и о другом недвижимом имуществе предпринимателя В.А. Кричевцева и его родных, находящемся в г. Бийске, а также о роде деятельности хозяина особняка, который торговал с Северо-Западной Монголией разными товарами, занимался развитием скотоводства и коневодства. Сложной формы в плане зда-

ние состоит из нескольких одно-, двухэтажных объемов одной высоты, имеет подвал, сложную чердачную крышу. Ярко выраженная угловая композиция фасадов богато декорирована по уличным и части дворового фасада, в месте парадного входа. Объект имеет ценность как городское здание с эклектичным декором, также имеет градостроительное значение, оформляя пересечение улиц.

Ключевые слова: особняк купеческий, жилой дом, кирпичное здание, объект культурного наследия, памятник архитектуры

Начало формирования градостроительной системы Бийска совпадает с развитием ряда русских поселений в Западной Сибири в начале XVIII в. Бийская крепость вошла в состав Кольванской оборонительной линии и представляла собой типичный сибирский деревянный острог. К середине XIX в. сформировалась базарная площадь между посадом и крепостью. С развитием капитализма в России Бийск приобретает черты торгового города, становясь городом купцов, где улицы застраиваются торговыми домами. Магазины сочетаются с жилыми помещениями. Большая часть строений возводилась в формах эклектики, реже встречались элементы модерна. В начале XX в. центром города являлась базарная площадь [Степанская, 2009, с. 225]. Ее формировали торговые дома Фирсова, Платонова, Второва, Клевцова [Целищева, 2019, с. 396–402], Сычева, Игнатьева [Целищева, Слуцкий, 2015, с. 230–236]. От базарной площади отходили параллельно в одном направлении две улицы с торговыми домами и особняками Ивановой, Кашина, Ерина, Рождественского, Варвинских [Целищева, 2020, с. 164–170]. Позже стали застраиваться соседние с ними улицы и переулки.

Здание расположено в исторической части города Бийска, северо-восточным фасадом обращено на переулок Рабочий (быв. пер. Вознесенский). Ранее оформляло угол квартала, выходя юго-восточным фасадом на улицу Короткую (прерывающуюся в настоящее время). Сложной формы в плане здание состоит из нескольких одно-, двухэтажных объемов одной высоты, имеет подвал, сложную чердачную крышу. Ярко выраженная угловая композиция фасадов богато декорирована по уличным и части дворового фасада, в месте парадного входа. Основной первоначальный объем с жилыми помещениями – одноэтажный, Г-образный в плане, с крышей различных углов наклона, восточным углом выходит на пересечение улиц. К первоначальной части здания с севера пристроены два прямоугольных в плане объема меньших габаритов: один вытянут вдоль красной линии переулка Рабочего, второй уходит в глубину участка, продолжен брандмауэрной стеной, разделяющей участка. Оба объема двухэтажные, по высоте равные основному, имеют подвал. Со стороны двора, в месте внутреннего угла поздних объемов, организован входной узел в служебные помещения, представляющий собой квадратную в плане деревянную пристройку, размещенную в уровне второго этажа и опирающуюся на кирпичную колонну. Вход в подвал, помещения первого и второго этажей осуществляется

раздельно. В интерьере основного объема продольная и поперечная капитальные стены выделяют парадные комнаты, выходящие окнами на уличные фасады. В юго-западной части здания расположены вестибюль и большая угловая комната. Помещения сообщаются с поздними объемами в уровне 1-го этажа и подвала. По коньку основного объема проходит гребень из кованных решеток, ограниченный флюгером с высеченной датой «1906 г.» [Архив НППЦ «Наследие»].

Кирпичное одноэтажное здание по ул. Короткой, 46 было построено в 1889 г. как жилой особняк по заказу бийского мещанина В.А. Кричевцева. Часть здания он приспособил под гостиницу. В 1892 г. сестра В.А. Кричевцева – Мария Андреевна вышла замуж за будущего знаменитого бийского купца 1 гильдии Н.И. Ассанова [Целищева, 2012, с. 182]. Кричевский в это время торговал в Монголии. В 1896 г. был составлен список бийских торговцев, ведущих через Кош-Агачский таможенный участок заграничную торговлю с Северо-Западной Монголией. В списке указан и бийский мещанин В.А. Кричевский, который в этом году вывез товаров на сумму 2000 тыс. руб. [ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 17. Л. 8об.]. В 1899 г. В.А. Кричевцев торговал в Монголии мануфактурными, галантерейными и другими товарами [Скубневский, 1996, с. 62]. Рядом на ул. Короткой под №48 и 50 стоят два деревянных дома, которые также принадлежали семье Кричевцевых. В 1909 г. был составлен список лиц всех сословий по г. Бийску, владеющих на праве собственности землей в количестве не менее 20 десятин или другим недвижимым имуществом, стоящим не менее 500 руб. Под №24 проходит В.А. Кричевцев, бийский мещанин, которому на данный момент было 41 год, русский, умел говорить и читать, православный, в г. Бийске проживал 10 лет, имел недвижимого имущества на 4000 руб., часть года проживал и торговал в Монголии. Под №23 указан его отец А.П. Кричевцев, 66 лет, у которого имущество было оценено в 1000 руб. [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 291. Л. 13]. В это время А.П. Кричевцев состоял членом Бийского общества поощрения рысистого коннозаводства [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 512. Л. 40–41]. В Сибирском торгово-промышленном ежегоднике на 1914/1915 гг. В.А. Кричевцев указан как занимающийся скотопромышленностью [Сибирский..., 1914, отд. IV, с. 76]. Василий Андреевич Кричевцев занимался развитием скотоводства и коневодства, вел обширную торговлю, обороты которой составляли до 300–400 тыс. рублей в год. В составленных списках лиц и учреждений, пользующихся правом выбора гласных бийской городской Управы на 1912–1916 гг., указан и В.А. Кричевцев, имевший ценз в 6000 руб. [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 312. Л. 4]. В 1914 г. Василий Андреевич вошел в состав «Бийского лесопромышленного товарищества», основной капитал товарищества на тот момент составлял 120 тыс. руб., а до этого он стал членом товарищества «Электросвет», сферой деятельности которого была бийская электростанция с капиталом в 84 тыс. руб. [ГААК. Ф. 82. Оп. 1. Д. 114. Л. 353–354].

В 1917 г. были составлены списки домовладельцев с указанием доходности от недвижимого имущества. Так, под №192 в списке проходит Кричевцев Андрей Петрович, у которого на ул. Короткой была усадьба – одноэтажный деревянный дом с каменным подвалом, деревянный каретник, два амбара и навес. Усадьба была оценена в 800 руб., облагаемая доходность составила 408 руб., налог – 61,2 руб. Под №193 в списке указан Кричевцев Василий Андреевич, имевший на ул. Короткой усадьбу, состоящую из одноэтажного каменного дома, двухэтажной каменной бани и ледника, каменной кладовой с подвалом, деревянно-двухэтажного сеновала, каменной конюшни и каретника. Все недвижимое имущество было оценено в 900 руб., облагаемая доходность составила 513 руб., налог на имущество – 76,95 руб. [ГААК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1. Л. 14]. В этом же году из составленного списка лиц, имеющих право участвовать в выборах в бийскую городскую Думу, мы можем узнать, что Василию Андреевичу на тот момент было 47 лет, а его жене Марии Николаевне – 33 года [ГААК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 39. Л. 73].

Помимо домов на ул. Короткой, у В.А. Кричевцева была усадьба на ул. Пушкинской – одноэтажный деревянный дом и флигель, деревянная конюшня, навес и каретник. Недвижимое имущество было оценено в 240 руб., облагаемая доходность составила 105,6 руб., налог на имущество – 8,45 руб. [ГААК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 8. Л. 40; Ф. 174. Оп. 1. Д. 413. Л. 173об.]. В это время на ул. Казачьей, рядом с усадьбой наследников Д.Ф. Халтурина, находилась усадьба Екатерины Львовны Кричевцевой (возможно, родственницы В.А. Кричевцева) – двухэтажный деревянный дом, двухэтажный деревянный флигель и два деревянных амбара, все имущество было оценено в 800 руб. [ГААК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2. Л. 5]. В доме по ул. Казачьей, 61 проживало пять человек, из них Е.Л. Кричевцевой было в это время 54 года, Пелагее и Анне Кричевцевым соответственно 21 и 20 лет, а также в доме жили Кузевановы Пелагея и Николай, которым было по 44 года [ГААК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 39, Л. 87]. Ранее, в 1910 г. бийскому мещанину А.П. Кричевцеву городская Управа выдала разрешение на постройку деревянного двухэтажного на каменном фундаменте дома, амбара и навеса, каменной конюшни и каретника на его усадьбе по ул. Казачьей в 3-й части (кв. 25) [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 305. Л. 12об.].

В начале 1920-х гг. здание по ул. Короткой, 46 было муниципализировано. Так, судя по составленным жилищным отделом Главного управления коммунального хозяйства спискам муниципализированных домовладений по г. Бийску Бийского уезда Алтайской губернии за 1922–1926 гг., два здания по ул. Короткой, 46 и 48 (Кричевцева) были муниципализированы 25 августа 1922 г. (№24.08.87). Здание №50 на момент муниципализации принадлежало Фотиеву [ГА РФ. Р. 4041. Оп. 4. Д. 940]. В дальнейшем в одноэтажном каменном здании (ул. Короткая, 46) разместились учреждения, связанные с лесозаготовками. В ноябре

1920 г. был составлен акт, где было указано, что здание, ранее принадлежавшее В.А. Кричевцеву, – каменное одноэтажное, крыша железная, в нем находится пять комнат и две кухни [ГААК. Ф.Р. 12. Оп. 2. Д. 535. Л. 48]. С конца 1920-х гг. оно было передано под аптекоуправление и аптечные склады. В 1920-е гг. сделана кирпичная одноэтажная пристройка к зданию. В 1960–1970-е гг. был частично утрачен подкарнизный ажурный металлический подзор. С 1985 г. в здании располагался специализированный производственный участок по торговой технике. В 1989 г. здание поставили на государственную охрану.

Распоряжением комитета по управлению государственным имуществом администрации Алтайского края от 27 марта 2000 г. №254 здание было передано на баланс краевого государственному бюджетному учреждению «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края» (НПЦ «Наследие»), сдавалось в аренду. В 2004 г. при обследовании здания специалистами НПЦ «Наследие» был составлен акт, в котором отметили, что здание арендует ПК «Алтайторгтехника», эксплуатируется как офисное и производственное. Был произведен ряд перепланировок с устройством котельной с северной стороны здания: пробиты новые оконные проемы, устроено дополнительное перекрытие и произведена пристройка к западному фасаду. Здание сохранило элементы первоначальных интерьеров: потолочные плафоны и карнизы. На момент осмотра водопровод и канализация в здании отсутствовали. Имелись крупные фрагменты разрушения наружной версты кирпичной кладки, ажурные водосточные трубы были утрачены, покрытие аттиков, парапетных столбиков имелось не везде. Кирпичная кладка аттиков с северо-восточного угла была разрушена. В итоге специалисты рекомендовали провести реставрацию всех фасадов с воссозданием утраченных элементов декора, реставрацию кирпичной кладки низа стены, реставрацию сохранившихся элементов декора в интерьере [Акт..., 2004].

Распоряжением администрации Алтайского края от 2 февраля 2007 г. №293-р здание безвозмездно было передано некоммерческому партнерству «Бийский центр развития народного творчества». В этом же году специалистами НПЦ «Наследие» был составлен акт техосмотра здания. В акте было отмечено, что на момент осмотра оно не эксплуатировалось, общее состояние здания было неудовлетворительным. Наблюдалось разрушение наружной версты цоколя: выпадение кирпичей, выветривание швов, оконные проемы подвала были заложены. В стенах из керамического кирпича имелись крупные фрагменты разрушения наружной версты кирпичной кладки. В северной части здания были пробиты новые оконные проемы. Внешнее декоративное убранство здания – кирпичный декор с применением лекального кирпича. Наружная верста кирпичной кладки аттиков, по низу стен и с северо-восточного угла раз-

рушена. Перекрытие деревянное, штукатурка по дранке, имелось осыпание штукатурного слоя, а также наблюдались участки в предаварийном состоянии (провисание конструкций перекрытия). Стены – кирпичные, оштукатуренные, перегородки деревянные оштукатуренные по дранке, были возведены новые перегородки, а первоначальные перегородки частично разобраны. Оконные блоки – деревянные первоначальные, состояние неудовлетворительное; дверное заполнение – филенчатые двери, окрашенные масляной краской, износ до 50%, лестница – бетонная. Проемы оформлены штукатурными наличниками тянутой формы, имелись сколы, выбоины, большой окрасочный слой. Полы – деревянные, покрытие – линолеум. В отдельных помещениях сохранился потолочный лепной декор: карнизы, плафоны. В заключении специалисты рекомендовали провести инженерное обследование, ремонтно-реставрационные работы по устранению аварийности перекрытий и реставрацию всех фасадов с воссозданием утраченных элементов декора, реставрацию сохранившихся элементов декора в интерьере [Акт..., 2007]. В 2009 г. специалистами НПЦ «Наследие» было выполнено инженерное обследование и обмерные чертежи памятника архитектуры «Особняк Кричевцева» (ул. Короткая, 46, г. Бийск) [ГААК. Ф. Р. 1849. Оп. 1. Д. 839–841].

Приказом Управления Алтайского края по культуре и архивному делу от 24 декабря 2014 г. №554 были утверждены предмет охраны, границы территории и правовой режим земельного участка в границах территории объекта культурного наследия. Приказом Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края от 27 октября 2017 г. №118 было утверждено охранное обязательство собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. В 2019 г. был составлен акт государственной историко-культурной экспертизы проектов зон охраны объектов культурного наследия регионального значения, расположенных в г. Бийске Алтайского края. В акт экспертизы вошел и «Особняк Кричевцева» (ул. Короткая, 46). В этом же году Приказом Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края от 11 декабря 2019 г. №782 были утверждены границы территории и режим использования территории ОКН.

Здание, расположенное по адресу: Алтайский край, г. Бийск, ул. Короткая, 46 / пер. Рабочий, 7 является объектом культурного наследия регионального значения «Особняк Кричевцева», 1889 г., согласно Решению Алтайского краевого Совета народных депутатов от 24 марта 1989 г. №108. Является примером жилого дома с элементами усадьбы конца XIX в., выполненного в формах эклектики с элементами барокко и псевдорусского стиля (рис.). Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 21 апреля 2015 г. №1029 объект был включен

Памятник архитектуры «Особняк Кричевцева», 1889 г., Алтайский край, г. Бийск, ул. Короткая, 46 / пер. Рабочий, 7. Общий вид. Фото 2009 г. Архив НПЦ «Наследие»

в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением ему реестрового номера 221410141820005.

Библиографический список

- Акт технического состояния от 28.10.2004 // Архив НПЦ «Наследие».
Акт технического состояния от 28.07.2007 // Архив НПЦ «Наследие».
Архив НПЦ «Наследие».
Сибирский торгово-промышленный ежегодник на 1914–1915 г.: справочное издание. СПб., 1914. 653 с.
Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861–1917 гг.: Энциклопедия. Барнаул, 1996. 112 с.
Степанская Т.М. Памятники архитектуры г. Бийска // Бийск: энциклопедия. Бийск. 2009. С. 223–225.
Целищева М.А. Недвижимое имущество семьи Ассановых // Бийский Вестник: альманах. Бийск, 2012. №1 (33). С. 181–184.
Целищева М.А. Пассаж Клевцова – образец торгового здания купеческого зодчества конца XIX века с эклектичным декором // Баландинские чтения. 2019. Т. XIV. С. 396–402.
Целищева М.А. «Дом Варвинских» – бийское городское здание с эклектичным декором: история и современное использование // Баландинские чтения. 2020. Т. XV. С. 164–170.
Целищева М.А., Слуцкий М.А. Объекты культурного наследия регионального значения «Торговый дом Гилева» и «Торговый дом Игнатъева» (г. Бийск) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2015. Вып. XXI. С. 230–236.

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Р. 4041. Оп. 4. Д. 940.
Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 192. Оп. 1. Д. 17;
Ф. 174. Оп. 1. Д. 291, 512, 312, 413, 305; Ф. 82. Оп. 1. Д. 114; Ф. 54. Оп. 1. Д. 1, 2, 8;
Ф. 175. Оп. 1. Д. 39; Ф. Р. 12. Оп. 2. Д. 535; Ф. Р. 1849. Оп. 1. Д. 839, 840, 841.

М.А. Tselishcheva, M.A. Sluckii

*Altai regional local history non-government organization «Altai Heritage»,
Barnaul, Russia*

“KRICHEVTSEV’S MANSION” IN BIYSK AS AN EXAMPLE OF A DWELLING HOUSE WITH ELEMENTS OF THE MANOR HOUSE OF THE LATE XIX CENTURY, MADE IN ECLECTIC FORMS WITH ELEMENTS OF BAROQUE AND RUSSIAN-BYZANTINE STYLE

On the ground of archival and bibliographic materials, the author has prepared a historical certificate for the Biysk merchant dwelling mansion within the development of the draft of the territory boundaries and the land-use regime for the object of cultural heritage. This article provides information about the history and first owner of the building, as well as the further use of this object from the end of the XIX century and to the present. There is also information about another estate property of entrepreneur V.A. Krichevtsev and his relatives, located in Biysk, as well as about the type of activity of the owner of the mansion, who traded with North-Western Mongolia with various goods, was engaged in cattle- and horse-breeding. The building consists of several one-, two-story volumes of one height, has a basement, and a complex attic roof. The pronounced angular facade composition is richly decorated along the street and part of the courtyard facade and at the front entrance. The object has value as an urban building with eclectic decoration, also has urban planning significance, formalizing the intersection of streets.

Keywords: merchant mansion, dwelling house, brick building, cultural heritage object, architectural monument

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.23
УДК 902(470.40/.43)

Е.Г. Шалахов

*Государственное бюджетное учреждение культуры
Республики Марий Эл «Замок Шереметева», Юрино, Россия*

ЮРИНСКИЕ ДРЕВНОСТИ. ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ, НАЧАТЫХ А.Х. ХАЛИКОВЫМ

В статье рассматриваются и анализируются результаты полевых работ Марийской археологической экспедиции и автора на сезонной охотничьей стоянке эпохи камня и ранней бронзы. Полянская-V стоянка, расположенная в западной части Республики Марий Эл, была отнесена ее первооткрывателем А.Х. Халиковым к кругу памятников балахининской неолитической культуры,

представленной сотнями поселенческих памятников в Среднем Поволжье. Основной керамический комплекс стоянки состоит из фрагментов стенок и венчиков сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией. Набор каменных орудий, собранных А.Х. Халиковым на памятнике, не выразителен. Кремневый комплекс представлен ножевидными пластинами и скобле-режущими инструментами. Следов жилищ не зафиксировано. В конце 1970-х гг. Полянская-V стоянка была частично разрушена в ходе создания инженерной защиты Юринской низины от подтопления водами Чебоксарского водохранилища. В дальнейшем на площади памятника осуществлялся выпас домашнего скота. Ввиду отсутствия возможности проведения стационарных раскопок памятника В.В. Никитиным (Марийская археологическая экспедиция) и нами регулярно осуществлялись сборы подъемного материала. Наиболее результативными эти сборы были в 2000–2005 гг. Существенно пополнилась коллекция кремневого инвентаря Полянкой-V стоянки. Благодаря нашим находкам метательных орудий в нарушенном ветровой эрозией культурном слое стоянки удалось точнее определить культурную принадлежность пористой керамики, которая также встречается на площади памятника. Посещение стоянки группами охотников эпохи неолита иллюстрируют кремневые наконечники, имеющие аналогии в вещевом инвентаре волосовских поселений Марийского Поволжья.

Ключевые слова: балахнинская культура, каменные орудия, керамика, археологическая коллекция

Полянская-V стоянка открыта в июне 1958 г. казанским археологом А.Х. Халиковым в ходе работ разведочного отряда МарАЭ в Левобережье р. Волга (рис. 1). Первооткрыватель так описывал местоположение и топографию памятника: «Стоянка расположена в 1,3 км к востоку от с. Полянка Юринского района на краю наддуговой террасы левого берега р. Волги у подножия небольшого дюнного всхолмления» [Халиков, 1960, с. 31]. Ныне с. Полянка фактически слилось с пос. Юрино, поэтому отыскать точные координаты памятника археологии довольно затруднительно. В недавно изданном своде памятников Республики Марий Эл, исследованных МарАЭ, указывается, что Полянка-V находится «в 1300 м к востоку от пос. Юрино» [Никитин, 2009, с. 271].

На первом этапе исследования Полянкой-V стоянки А.Х. Халиков ограничился сбором подъемного материала, который был зафиксирован на протяжении 120 м – в обнажениях террасы, подвергшейся сильной ветровой эрозии. Встречена керамика трех культурных горизонтов: лепная плоскодонная раннесредневекового облика с примесью дресвы в глиняном тесте; тонкостенная эпохи бронзы – с уплощенными днищами и растительными примесями в тесте, хорошо заглаженной поверхностью и резной орнаментацией; толстостенная эпохи неолита с примесью песка и орнаментацией, характерной для носителей ямочно-гребенчатой традиции [Халиков, 1960, с. 31].

Кроме керамики А.Х. Халиковым [1960, с. 31] была собрана коллекция кремневых изделий, состоящая в основном из дебетажа и ножевидных пластин. Интерес первооткрывателя к каменному инвента-

рю определил следующий этап исследования Полянской-V стоянки. На двух участках, где визуально прослеживался культурный слой с кремнем и фрагментами неолитической керамики, проведены рекогносцировочные работы [Халиков, 1960, с. 30, рис. 11], подтвердившие позднеолитический статус «основного слоя» памятника [Халиков, 1960, с. 32].

После работ А.Х. Халикова стоянка Полянская-V почти выпала из поля зрения исследователей. Вскоре она, как и многие другие археологические объекты Юринского Поветлужья, испытала на себе негативное влияние со стороны гидростроителей Чебоксарской плотины. Всего в 350 м от стоянки возводилась оградительная бетонная дамба, призванная защитить от затопления Юринскую сельскохозяйственную низину, и по северной периферии памятника была проложена дорога со щебеночным покрытием для подвоза строительных материалов.

В конце прошлого века на Полянской-V стоянке работал В.В. Никитин, признавший памятник разрушенным. Коллекция находок из разведочных сборов В.В. Никитина [2009, с. 271] на поверхности стоянки значительно пополнила халиковскую: кремневые скребки, ножи, каменное тесло, а также фрагменты неолитической (культура носителей ямочно-гребенчатой керамики), волосовской и древнемарийской керамики.

Последние археологические работы на Полянской-V стоянке проведены МарАЭ и автором настоящей статьи в 2004–2005 гг. Эти работы можно охарактеризовать как спасательные, так как значительная часть стоянки практически превратилось в пастбище крупного рогатого скота с личных подворий пос. Юрино.

На небольшом остане дюнного образования, переходящего в вытоптаный животными склон террасы, нами зафиксирован разрушенный выпасами и ветровой эрозией культурный слой в виде светло-коричневого гуммированного песка мощностью до 15 см.

В 2005 г. в обнажениях культурного слоя на площади 50×30 см подняты мелкие фрагменты тонкостенной с гребенчатой орнаментацией посуды с растительными примесями в глиняном тесте и пористой структурой. В целом эта керамика походит на ту, которую до нас на Полянской-V стоянке собрал А.Х. Халиков [1960, с. 31], отнеся ее к эпохе бронзы. Здесь же нами обнаружены изделия из камня – кремневый наконечник дротика и наконечник стрелы из белого халцедона.

Наконечник дротика (рис. 2.-1) имеет перо подтреугольной формы и сужающийся к основанию черешок. Орудие охоты изготовлено на крупном отщепе валунного кремня. Все широкие грани обработаны аккуратной уплощающей ретушью. Общая длина наконечника составляет 6,8 см, длина пера – 4,2 см, ширина пера – 3,4 см. Ближайшие аналогии изделию мы видим в кремневом комплексе энеолитического поселения Большая Гора [Большов, 1995, с. 60, рис. 5.-45; Никитин, 2017, с. 539, рис. 257.-19], изученного в Звениговском районе Республики Марий Эл.

Для изготовления наконечника стрелы (рис. 2.-2) древний мастер выбрал редкое для Марийского Поволжья сырье – халцедоновую пластину или отщеп. Белый полупрозрачный халцедон может иметь уральское происхождение. Изделие по всей поверхности обработано уплощающей ретушью. Общая длина наконечника составляет 3,6 см, длина пера – 2,7 см, ширина пера – 1,6 см. Очень близкое полянскому кремневое изделие найдено на поселении Большая Гора [Никитин, 2017, с. 539, рис. 257.-15]. Указанный памятник относится к развитому этапу средневожского варианта волосовской культурно-исторической общности [Никитин, 2017, с. 104–109].

Таким образом, новые материалы, полученные в ходе работ на Полянской-V стоянке, убедительно свидетельствуют о том, что охотничья стратегия воловских коллективов, направленная на поиски богатых биоресурсами мест, практически не изменилась с эпохи камня. Для своего кратковременного базиро-

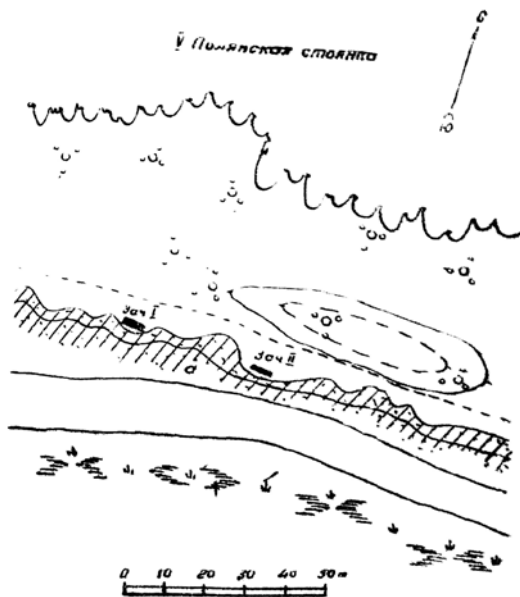

Рис. 1. План Полянской-V стоянки (по: [Халиков, 1960])

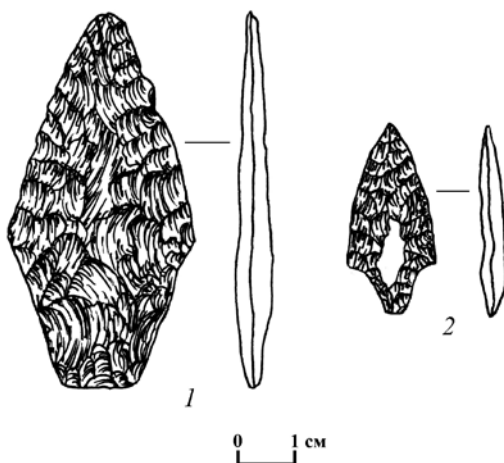

Рис. 2. Каменный инвентарь Полянской-V стоянки:
1 – наконечник дротика;
2 – наконечник стрелы

вания охотники энеолитического времени выбрали тот же выгодный участок береговой террасы над древней поймой р. Волга, что и их предшественники неолитической эпохи, оставившие керамику с ямочно-гребенчатой орнаментацией.

Библиографический список

Большов С.В. Поселение Большая Гора (предварительные результаты исследования) // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1995. С. 50–60.

Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009. 416 с.

Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности. Йошкар-Ола, 2017. 765 с.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Йошкар-Ола, 1960. 188 с. (Труды Марийской археологической экспедиции. Т. 1).

E.G. Shalakhov

*State Budget Institution of Culture of the Republic
of Mari El “Sheremetev’s Castle” Yurino, Russia*

YURINSKY ANTIQUITIES. CONTINUATION OF THE RESEARCH INITIATED BY A.H. KHALIKOV

The article discusses and analyzes the results of field work of the Mari archaeological expedition and the author on a seasonal hunting site of the Stone and Early Bronze Age. Polyanskaya V site, located in the Western part of the Republic of Mari El, was attributed by its discoverer (A.H. Khalikov) to the circle of monuments of the Balakhna Neolithic culture, represented by hundreds of settlement monuments in the Middle Volga region. The main ceramic complex of the site consists of fragments of walls and corollas of vessels with pit-comb ornamentation. In the late 1970s, the Polyanskaya V site was partially destroyed during the creation of engineering protection of the Yurinskaya lowland from flooding by the waters of the Cheboksary reservoir. Due to the lack of possibility to conduct stationary excavations of the monument, V.V. Nikitin (Mari archaeological expedition) and we regularly collected lifting material. These fees were most effective in 2000–2005. The collection of flint inventory of the Polyanskaya V site has been significantly expanded. Thanks to our findings of throwing tools in the damaged by wind erosion cultural layer of the site, it was possible to more accurately determine the cultural identity of porous ceramics, which are also found on the monument square. Visiting the site by groups of hunters of the Eneolithic era is illustrated by flint arrow that have analogies in the inventory of Volosovo type settlements of the Mari Volga region.

Keywords: Balakhna culture, stone tools, ceramics, archaeological collection

РАЗДЕЛ 2. РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.24

УДК 902(571.16)

А.П. Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ЛЕВОБОЕРЕЖЬЯ УСТЬЯ р. УРТАМКА (Кожевниковский район Томской области)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект №20-09-42058\20 «Основные особенности развития
оборонного зодчества в Сибири в эпоху Петра I»)

Статья посвящена обзору результатов археологического обследования левобережья устья р. Уртамка (Кожевниковский район Томской области). Целью исследований была локализация места расположения Уртамского острога, отмеченного на карте 1701 г. С.У. Ремезова на левом берегу р. Уртамка. Обследование этой территории позволило выявить возвышенную площадку (Уртамское-П), огражденную с трех сторон подквадратным рвом шириной 2 м и глубиной 0,4 м. Общие размеры ограждения составляли 200 м, что формально соотносится с периметром Уртамского острога, указанном в письменном источнике конца XVII в. (1687 г.). Однако археологическое исследование участка рва и внутренней огражденной площадки вновь выявленного укрепленного поселения Уртамское-П не позволило выявить характерного для Раннего Нового Времени профиля рва и оснований тыновой стены. Такие результаты затрудняют их соотношение с Уртамским острогом. Кроме того, в культурном слое обнаруженного поселения найдены остеологические материалы и фрагменты венчиков керамических сосудов ирменской культуры (эпоха поздней бронзы). Необходимо отметить, что для территорий, занятых несколькими археологически исследованными острогами (Томский, Умревинский, Саянский и др.) факты обнаружения более ранних археологических материалов достаточно типичны. Однако ограждение рвом подквадратных очертаний жилой площадки укрепленного поселения Уртамское-П существенно отличает его от ближайшего ирменского городища Багурино-1. Ограждения рвом П-образной формы более характерны для городищ позднего Средневековья на территории соседней Барабы (Тюменка, Чиняиха). В целом проведенные археологические исследования отразили общую тенденцию – сложность локализации острога как археологического памятника.

Ключевые слова: археологическая разведка, Верхнее Приобье, городище, поселение, острог

Археологические исследования на территории малых притоков Верхней Оби всегда были достаточно результативными в рамках выявления объектов археологического наследия и уточнения месторасположения «известных» ранее памятников. К Уртамскому острогу это имеет прямое отношение, поскольку его реальное расположение до сих пор точно не известно. Этот оборонительный пункт был основан в 1684 г. на

территории современного Кожевниковского района Томской области [Раев, 2013]. Основными задачами Уртамского острога являлись защита южной границы Томского разряда, контроль движения по «Калмыцкому и Бухарскому перевозу» и заселение территории вокруг острога [Резун, Васильевский, 1989, с. 279; Барсуков, 2012, с. 149].

Сооружение Уртамского острога позволило продолжить процесс освоения Верхнего Приобья. Его жителями в дальнейшем был построен Умревинский острог (основан в 1703 г.), сыгравший важную роль на начальном этапе освоения русским населением территории современного Новосибирского Приобья [Миненко, 1990, с. 22]. Одним из первых исследователей, предпринявших попытку поиска Уртамского острога, является Виктор Федорович Смолин – археолог, работавший в Томске с 1918 по 1920 г. [Кузьминых и др., 2003, с. 37]. Данные об обследовании им предполагаемого местонахождения острога приводит позднее А.П. Дульзон. «По словам В.Ф. Смолина признаки древнего жилья имеются на „Глядень-горе“, поэтому он предполагает, что Уртамский острог находился именно там» [Дульзон, 1956, с. 101]. Тем не менее в настоящее время «Глядень-гора» однозначно не идентифицирована. Поэтому в современной археологии Сибири Уртамский острог фигурирует в основном как не локализованный памятник вследствие недостаточной информативности письменных и картографических источников XVII–XVIII вв. [Черная, 2016, с. 116].

Таким образом, для локализации Уртамского острога необходимо ответить на два важных вопроса. Во-первых, находился острог выше или ниже устья р. Уртамка относительно направления течения р. Обь. Во-вторых, какими конструктивными особенностями, важными для локализации обладал острог (размер, тип, видимые оборонительные укрепления). Определенный ответ на первый вопрос о расположении Уртамского острога дает одно из самых ранних его картографических изображений начала XVIII в. [Ремезов, 1701] (рис. 1.-1). Он локализован на левом берегу р. Уртамка при ее впадении в р. Обь. На этой карте, созданной спустя всего 17 лет после его основания, укрепления Уртамского острога изображены в виде подпрямоугольника из тыновых стен без башен. Однако следует подчеркнуть, что это изображение находится в явном противоречии с данными письменных источников конца XVII в. В частности, в докладе строителя Уртамского острога – боярского сына Юрия Соболевского от 29 декабря 1687 г. в Сибирский приказ указано: «в 192 году (в 1684 г.) <...> острог поставили двумя башнями». При этом размеры острога «кругом» составляли 84 печатных сажени, высота – две сажени «и в землю пущено по аршину» [Из истории..., 1978, с. 60, 61]. По описанию Ю. Соболевского можно достаточно точно определить размеры периметра Уртамского острога. Учитывая, что «печатная сажень», как одно из названий официальной «казенной сажени», составляла 216 см [Романова, 2017, с. 224], периметр этого оборонительного сооружения был 181,44 м.

Рис. 1. Маршрут обследования левобережья устья р. Уртамка (Кожневиковский район Томской области): 1 – расположение Уртамского острова на карте С.У. Ремезова 1701 г.; 2 – территория исследования

Интерпретировать такое несоответствие письменных и картографических источников начального периода существования Уртамского острова вполне возможно тем, что С.У. Ремезов оперировал в легенде своей карты неким условным обозначением, соответствующим «новопостроенному» острову. Косвенным подтверждением этого предположения являются два факта. Один из них – использование сходного изображения для обозна-

чения на других картах еще нескольких острогов, например, в очередной раз перенесенного Кетского острога [Бородовский, Горохов, 2020, с. 112, рис. 7.-3]. Другим фактом является ранний строительный период Умревинского острога начала XVIII в., выявленный в ходе археологических раскопок его деревянных оборонительных укреплений, представленный только тыновыми стенами [Бородовский, Горохов, 2009, с. 160, рис. 27].

Для картографического материала 2-й половины XVIII в. характерна локализация Уртамского острога в сравнении с началом этого столетия уже на совершенно другом месте. Например, на карте расстояний населенных пунктов Кольвано-Воскресенских заводов, составленной в 1771 г. [РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 478. Л. 1(1)]. Уртамский острог уже обозначен на правом берегу р. Уртам у впадения ее в р. Обь. На Генеральной карте канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства, составленной в 1777 г., «Уртамской» острог также указан на правом берегу р. Уртам при впадении ее в Обь [РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 224 Л. 1]. В 1794 г. на карте Кольвано-Воскресенских Заводов и рудников [РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 480. Л. 1] тоже отмечено место деревни Уртамской на правом берегу р. Уртам у впадения ее в р. Обь. В начале XIX в. на Карте Кольвано-Воскресенского Заводского Округа 1823 г. [РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 3117. Л. 1] на том же месте расположения Уртамского острога ошибочно нанесена надпись «Умревинской». На этой карте такая подпись повторяется два раза: в одном случае – на месте реального расположения Умревинского острога, в другом – на месте Уртамского острога (по версии карты 1771 г.).

В рамках выяснения этих топографических противоречий расположения Уртамского острога автором был обследован участок левобережья предустьевой части р. Уртамка у подошвы коренной террасы левого берега р. Обь (рис. 1.-2). Ранее на самой террасе напротив с. Уртам было выявлено укрепленное поселение Уртамское-I (координаты ОАН: N 56.15302° E 83.96091°) (рис. 1.-2). На левобережье устья р. Уртамка проведено обследование грунтовой дороги, проложенной по низкой террасе этого притока Оби. Здесь удалось выявить ранее не известный ОАН Уртамское-II (рис. 2.-4).

Поселенческий комплекс Уртамское-II представлял собой возвышенную площадку, огражденную с трех сторон рвом подквадратного очертания. Размеры ограждения составляли 40×60 м, периметр 200 м, площадь 2400 кв. м. С юго-юго-западной стороны ограждения в виде рва со стороны р. Уртамка отсутствовали. Ширина рва составляла 2 м, глубина 0,4 м (рис. 2.-1). На юго-западном участке площадки, огражденной рвом, был заложен шурф размером 1×3 м для выявления остатков деревянных оборонительных конструкций, расположенных с внутренней стороны рва (рис. 2.-2).

Стратиграфические разрезы шурфа, заложенного у внутреннего края рва, были представлены дерновой поверхностью мощностью до 4 см, под которой располагался гумус толщиной до 10–15 см, перекрывавший лин-

Рис. 2. Расположение ОАН Уртамское-II: 1 – ров Уртамского-II до раскопок; 2 – раскоп участка западного рва Уртамского-II; 3 – фрагменты ирменской керамики из Уртамского-II; 4 – топография Уртамского-II

зы с мешанного желтоватого суглинка мощностью до 10 см. Материковая поверхность была представлена светло-желтым суглинком с гумусными вкраплениями от поноров и корневищ растений. Стратиграфия северной стенки была представлена дерном мощностью до 4 см, под которым располагался гумус толщиной до 10–12 см, разделенный на несколько участков двумя линзами мешанного желтоватого суглинка, залегавшими непосредственно под дерном и покоившимися на условной материковой поверхности, частично находясь в заполнении рва. Мощность этих прослоек составляла до 10 см. Происхождение этих суглинистых прослоек, очевидно, было связано как с выкидом из рва, так и его последующим заполнением. Сам ров имел более рельефные очертания на уровне дерновой поверхности, тогда как его дно на уровне условной материковой поверхности не имело четких границ (стенок). Оно плавно переходило в общий «материковый уровень» с незначительным аморфным понижением (до 5–7 см) в центральной части своего максимального углубления в светло-коричневый суглинок. Южный стратиграфический разрез шурфа имел толщину дерна до 4 см, который лежал на более равномерном слое гумуса толщиной до 15 см. Ближе к северо-восточному краю этого стратиграфического разреза слой гумуса перекрывал тонкую прослойку мешанного суглинка, мощность которой составляла до 3 см. Эта прослойка и гумус располагались на условной

материковой поверхности в виде светло-коричневого суглинка. Западный стратиграфический разрез шурфа в своей верхней части был представлен дерном мощностью до 5 см, под которым находился гумус толщиной до 15 см. Этот слой перекрывал линзу мешаного суглинка толщиной до 3 см. Условная материковая поверхность была представлена светло-коричневым суглинком. Восточный стратиграфический разрез шурфа в своей верхней части был представлен дерном мощностью до 5 см, под которым находился гумус толщиной до 12 см. Этот слой перекрывал линзу мешаного суглинка толщиной до 2 см. Условная материковая поверхность была представлена светло-коричневым суглинком.

На вскрытом участке в ходе раскопок не удалось обнаружить характерного профиля острожного рва и остатков тыновых стен конца XVII – начала XVIII в. Более того, учитывая упоминания в письменных источниках работ по сооружению рва в 1746 г. [ГАНО. Ф. Д-104. Оп. 1. Д. 1. Л. 52], не удалось проследить и нескольких строительных периодов его существования [Бородовский, 2020]. Это затрудняет однозначную интерпретацию указанной огражденной площадки в качестве места локализации Уртамского острога на левобережье р. Уртамка. Хотя периметр огражденной площадки (200 м) близок к аналогичному параметру (более 180 м), указанному в письменном источнике конца XVII в. [Из истории..., 1978, с. 60, 61].

Однако удалось установить, что внутри площади, огражденной рвом, на поселении Уртамское-II имеются признаки культурного слоя более раннего времени. Среди находок кроме костей крупных копытных животных были обнаружены фрагменты керамики периода поздней бронзы (ирменская культура) (рис. 2.-3). Такие результаты в полной мере отражают достаточно типичную ситуацию, когда на месте расположения многих сибирских острогов (Томского, Умревинского, Саянского) неоднократно фиксировались артефакты более ранних периодов освоения этих территорий. Тем не менее геометрическая форма рва не совсем типична для укреплений поселений периода поздней бронзы Верхнего Приобья. Ближайшее достоверно атрибутированное поздним «ирменским временем» (IX–VIII вв. до н.э.) городище Батурино-1 в Кожевниковском районе Томской области имеет округлую форму рва [Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996, с. 125, рис. 193, с. 130, рис. 1.-2]. Тогда как незамкнутые подпрямоугольные рвы укрепленного поселения Уртамского-II имеют явные аналогии среди позднесредневековых памятников Барабы (Тюменка, Чиняиха) [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 9, рис. 6, с. 10, рис. 7]. При этом необходимо отметить, что для некоторых городищ (Черный Борок-20) на севере Верхнего Приобья с наличием позднесредневековых культурных слоев достаточно типичны факты наличия ирменской керамики [Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996, с. 47, рис. 41.-4–7].

В целом археологическое обследование левобережья устьевого участка р. Уртамка подтвердило для Уртамского острога одну общую проблему – сложность его локализации.

Библиографический список

Барсуков Е.В. «Перевоз» через реку Обь XVII в.: географический и историко-культурный аспекты // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. №3 (19). С. 148–155.

Бородовский А.П. Заполнение рвов как источник для реконструкции экологии и жизнедеятельности населения Умревинского острога XVIII века // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень, 2020. Вып. 6. С. 296–299.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог (археологические исследования 2002–2009 гг.). Новосибирск, 2009. 242 с.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог: результаты археологических исследований 2010–2017 годов. Новосибирск, 2020. 220 с.

Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области (материалы к археологической карте Среднего Приобья) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. V. С. 89–328.

Из истории земли Томской 1604–1917: сборник документов и материалов. Вып. 1. Томск, 1978. 224 с.

Кузьминых С.В., Михайлов Е.П., Савенко С.Н., Старостин П.Н. Виктор Федорович Смолин: основные вехи жизненного и творческого пути // Абашевская культурно-историческая общность: история, развитие, наследие. Чебоксары, 2003. С. 35–47.

Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. Новосибирск, 1990. 184 с.

Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Кольванского района Новосибирской области // Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Новосибирск, 1996. Вып. 2. 192 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990. 260 с.

Раев Д.В. Уртамский острог // Историческая энциклопедия Сибири (С-Я). Новосибирск, 2013. С. 376.

Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. 309 с.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. 1701. 26 листов. [Электронный ресурс]. URL: <http://chronologia.org/rare/remezov/remezov.html> (дата обращения 25.01.2021).

Романова Г.Я. Объяснительный словарь старинных русских мер. М., 2017. 304 с.

Чёрная М.П. О чем «рассказывает» история и что «показывает» археология: источники и методы изучения русской культуры Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. №1. С. 114–122.

Источники

ГАНО. Ф. Д-104. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.

РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 3117. Л. 1.

РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 224. Л. 1.

РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 480. Л. 1.

A.P. Borodovskiy

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

**ARCHAEOLOGICAL EXAMINATION OF THE LEFT BANK
OF THE URTEMKA RIVER MOUTH
(the Kozhevnikovskiy district of the Tomsk region)**

The article is devoted to a review of the archaeological survey results of the left bank of the Urtamka River mouth (the Kozhevnikovskiy District of the Tomsk Oblast). The purpose of the research was to localize the station of the Urtam ostrog, marked on the map of 1701 by S.U. Remezov, located on the left bank of the Urtamka River. The survey of this territory made it possible to detect an elevated area (Urtamskoe-II), fenced on three sides by a sub-square ditch 2 m wide and 0.4 m deep. The total dimension of the fence was 200 m, which formally correlates with the perimeter of the Urtam ostrog, indicated in a written source of the late 17th century (1687). However, the archaeological study of the ditch section and the inner fenced area of the newly identified fortified settlement Urtamskoe-II did not reveal the cross-section of the ditch and the foundations of the log wall that are characteristic for the Early New Time. Such results complicate their connection with the Urtam ostrog. In addition, the osteological materials and fragments of the rims of ceramic vessels from the Irmen culture (Late Bronze Age) were found in the cultural layer of the discovered settlement. It should be noted that for the territories occupied by several archaeologically investigated ostroms (Tomskiy, Umrevinskiy, Sayanskiy, etc.), the facts of the discovery of the earlier archaeological materials are quite typical. However, the ditch fence of the sub-square outlines of the residential area of the fortified settlement Urtamskoe-II significantly distinguishes it from the nearest Irmen settlement of the Baturino-1. Fencing with a "П" shaped moat are more typical for the settlements of the late Middle Ages on the territory of neighboring Baraba (Tyumenka, Chinyaikha). In general, the archaeological research carried out reflected the general tendency which is the complexity of localizing the ostrog as an archaeological site.

Keywords: archaeological exploration, Upper Ob region, ancient settlements, settlements, ostrog

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.25

УДК 902(571.151)

Е.В. Водясов, О.В. Зайцева

Томский государственный университет, Томск, Россия

**ПРЯМОУГОЛЬНЫЕ ЖЕЛЕЗОПЛАВИЛЬНЫЕ ПЕЧИ
ГОРНОГО АЛТАЯ: ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА И ХРОНОЛОГИИ**

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект №18-78-10076)

В статье рассмотрена проблема появления в Горном Алтае прямоугольных коробчатых печей, являвшихся для своего времени крупнейшими железоплавильными сооружениями Сибири и Центральной Азии. Проведенные археоло-

гические работы в 2018–2020 гг. вкпе с полученной серией радиоуглеродных дат позволили установить, что печи этого типа появились в Юго-Восточном Алтае не в эпоху Тюркских каганатов, как считалось ранее, а в предшествующее время – в пределах III–V вв. н.э. В статье обсуждается устройство и производительность коробчатых печей. Высказана гипотеза о том, что прототипом крупных прямоугольных коробчатых печей могли служить похожие по форме хуннские гончарные печи, синхронность которых установлена по радиоуглеродным датам. Внезапное исчезновение прямоугольных печей коробчатого типа на Алтае в VII–VIII вв. и такое же внезапное появление аналогичных печей в Японии объясняется возможной миграцией носителей металлургических традиций в эпоху Второго Восточно-тюркского каганата.

Ключевые слова: археометаллургия, железоплавильные печи, Горный Алтай, хуннуско-сяньбийское время

Введение

Прямоугольные коробчатые железоплавильные печи с множеством отверстий для подачи воздуха были широко распространены в эпоху Средневековья на огромных просторах Азии (Южная Сибирь, Япония, Камбоджа). Пожалуй, самой известной среди этих печей является японская татара печь, в которой традиционно производили сталь для самурайских мечей. Плавильные технологии в японской печи часто назывались уникальным способом производства железа, однако Джиллиан Джулеф, проанализировав распространение этих печей в Южной и Юго-Восточной Азии, пришла к важному выводу о том, что японские технологии являются не уникальной традицией Японского архипелага, а частью намного большей паназиатской традиции использования прямоугольных печей [Jullef, 2009].

К сожалению, при анализе различными учеными прямоугольных коробчатых печей в разных уголках Азии [Jullef, 2009; Hendrickson et al., 2019], а также при поиске надежных аналогий печам этого типа археологические материалы Горного Алтая никогда не использовались. Хотя именно в этом регионе прямоугольные коробчатые печи составляли основу черной металлургии в I тыс. н.э. Н.М. Зиняков назвал их печами кош-агачского типа и был первым, кто активно исследовал металлургию железа в Горном Алтае в 1976–1979 гг. Он датировал кош-агачские печи VI–X вв. н.э., связывая эту технологию с пришлыми древнетюркскими традициями времен формирования Первого Тюркского каганата [Зиняков, 1988]. Несмотря на то что открытые в конце 1970-х гг. плавильные печи имели уникальную сохранность и являлись крупнейшими железоплавильными сооружениями I тыс. н.э. для всей Северной и Центральной Азии, их дальнейшее изучение по непонятным причинам было прервано почти на 40 лет.

В 2018 г. мы решили возобновить исследование алтайских печей коробчатого типа на стоянке Куяхтанар, расположенной в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Проведенные исследования позволили

по-новому реконструировать многие детали алтайских прямоугольных печей, уточнить предложенную ранее датировку и с новой позиции взглянуть на проблему распространения коробчатых печей в Азиатском регионе. Результаты раскопок подробно опубликованы в отдельной статье [Vodyasov et al., 2020]. Также всем желающим доступны трехмерные модели конструкции печи и шлаковой ямы, выложенные в открытый доступ на платформе Sketchfab: модель наземной части печи (<https://skfb.ly/6PUpr7>), модель подземной части печи (<https://skfb.ly/6PUprg>) и модель раскопанной печи, шлаковой ямы и соединяющего их канала (<https://skfb.ly/6PUpt>).

Устройство печей кош-агачского типа

Сегодня на Алтае раскопками изучено 16 прямоугольных печей [Зиняков, 1988; Vodyasov et al., 2020], все они расположены в Кош-Агачском районе, благодаря чему и получили свое название. В целом для печей этого типа характерны следующие черты.

1. Все печи соорудились на склонах речных террас для удобного выпуска жидкого шлака.

2. Печи имели прямоугольную форму приблизительного размера 2×1 м. Наземная часть сооружалась из глиняных стен толщиной около 0,35 м и высотой до 1 м. На каждой продольной стене плавильщики делали от восьми до 12 отверстий для равномерной подачи воздуха по всей площади плавильной камеры.

3. Вдоль вытянутых сторон печей выкапывался небольшой котлован для установки воздуходувных устройств. Меха не сохранились, но, судя по форме печей, вероятно, в древности использовались меха коробчатого типа.

4. Подземная часть прямоугольной формы обкладывалась каменными плитами высотой до 1 м. Реконструируемая высота плавильной камеры достигала 2 м. По этим параметрам кош-агачские печи являлись крупнейшими железоплавильными сооружениями своего времени для Северной и Центральной Азии.

5. На дне печей находился шлаковый блок весом около 350 кг (такое количество шлака формировалось за одну плавку).

6. Печи имели шлаковые ямы приблизительного размера 5×3 м, вырытые в склоне террас. Для выпуска жидкого шлака в яму сооружались каналы, обложенные плитами.

7. Печи были многоразового использования. На разных памятниках Алтая зафиксировано от трех до семи плавок в одной печи.

8. Для печей характерно отсутствие глиняных сопел.

9. Рядом со всеми печами отсутствует культурный поселенческий слой, что указывает либо на кочевой образ жизни плавильщиков, либо на то, что производственные площадки были вынесены за пределы поселений.

Как демонстрируют археологические данные, печи кош-агачского типа имеют одинаковое устройство и повторяют друг друга вплоть до мелочей. Возникает даже ощущение, что эти печи соорудились по определенному шаблону – настолько точно они воспроизводят друг друга. Что не менее важно, никакого эволюционного развития этого типа печей на Алтае мы не видим. Эта технология появилась здесь внезапно и в уже в готовом виде.

Анализ металлургической продуктивности

За одну плавку в прямоугольных печах кош-агачского типа образовывалось около 350 кг шлакового блока на дне горна, что неоднократно зафиксировано в ходе раскопок [Зиняков, 1988; Vodyasov et al., 2020]. При этом установлено, что печи были многоразовыми. Так, при раскопках железоплавильной печи №4 на стоянке Куяхтанар на дне горна нами найдено 350 кг шлака, еще 750 кг шлака обнаружено в предгорновой яме. Трехкратные подмазки глиной на внутренних стенках печи, а также три слоя золы и шлака в разрезе предгорновой ямы вкупе с весом всех шлаков позволяют говорить о трех плавках железной руды, каждая из которых давала около 350 кг шлакового блока.

В ходе многочисленных экспериментальных исследований установлено, что вес горнового шлака может составлять от 30% до 50% от веса загружаемой руды [Serneels, Crew, 1997; Crew, 2013], а наилучшее соотношение веса руды к весу древесного угля составляет примерно 1:1,5. Следовательно, для образования такого количества шлака древние плавильщики должны были переплавить около 900 кг обожженной руды за одну плавку и израсходовать около 1350 кг древесного угля.

Этнографические материалы по традиционной сибирской металлургии показывают, что у разных народов Западной и Восточной Сибири выход крицы от общего веса руды составлял около 20% [Vodyasov, 2018]. Археологические эксперименты дают похожие результаты [Paynter, Blakelock, Hatton, 2012]. Таким образом, приблизительный вес крицы, производимой за один цикл, составлял 180 кг.

Однако при реконструкции металлургической производительности важно помнить, что «сырая» крица теряет значительное количество веса во время многоэтапных кузнечных проковок. Наиболее ярко это демонстрирует один из экспериментов, проведенный Питером и Сюзанной Крю в 2001 г. В процессе переплавки 12 кг руды ученые получили 2,4 кг «сырой» крицы, однако после многочисленных проковок вес готовой железной заготовки уменьшился до 257 г [Paynter, Blakelock, Hatton, 2012]. Таким образом, вес готовой железной заготовки может сократиться до 10 раз от веса «сырой» крицы. Хотя нужно учитывать, что древние мастера были значительно опытнее современных археологов-экспериментаторов, поэтому сокращение веса крицы в 10 раз следует рассматривать как максимальный показатель.

Приведенные данные позволяют рассчитать, что металлурги на стоянке Куяктанар получили в железоплавильной печи №4 *минимум* 54 кг готового железа. Сегодня в Горном Алтае раскопано 16 печей кош-агачского типа, в которых провели 35 плавок [Vodyasov et al., 2020], что способно было дать около 6,5 т железных криц, из которых вышло минимум 630 кг готового железа.

Как сообщают средневековые арабские источники, средний вес наконечника стрелы равнялся 7 г [Коробейников, 2008]. Таким образом, полученной продукции из 16 печей хватило бы на изготовление более 100 000 наконечников стрел, что говорит об очень высокой металлургической продуктивности кош-агачских печей в масштабах древних производств железа. Мы также должны помнить, что металлургия железа в Горном Алтае изучена крайне слабо и неравномерно, поэтому реальная производительность была на порядки выше приводимых расчетов.

Не менее интересна реконструкция трудозатрат, связанная с добычей древесного угля. Для производства 6,5 т криц нужно было переплавить около 16 т руды и 24 т древесного угля. Археологические раскопки стоянки Куяктанар показали, что для плавки использовались листовенницы средним диаметром около 5 см. Часть из них прекрасно сохранилась внутри шлакового блока *in situ* [Vodyasov et al., 2020]. По современным данным, выход угля с 1 куб. м древесины листовенницы составляет около 160 кг, т.е. для производства 24 т угля нужно заготовить 150 куб. м сырой листовенницы общим весом около 140 т. Если взять за единицу ствол листовенницы диаметром 5 см, высотой 5 м и соответственно весом 10 кг, то для производства такого количества угля необходимо было срубить около 14 000 деревьев.

Приводимые расчеты, пусть и приблизительные, демонстрируют, что металлургия железа в Горном Алтае требовала огромных ресурсов и трудозатрат и приводила к серьезным изменениям природных ландшафтов. Кош-агачские печи являлись одними из самых продуктивных железоплавильных сооружений в древнем мире и самыми крупными во всей Сибири. Такие объемы производимого железа вряд ли можно объяснить собственными нуждами древнего населения. Наиболее вероятно, что древние плавильщики Алтая снабжали металлом различные политические центры Степного пояса Евразии. По крайней мере, известно, что в начале VI в. н.э. тюрки плавил железо для Жужаньского каганата, являясь его данниками [Бичурин, 1950]. Нельзя исключать и производство железа для торговли и обмена. В 568 г. посланник Византии Земарх отправился в Тюркский каганат для установления дружеских отношений между государствами и описывал, что тюрки пытались продать ему крицы и «хвастались тем, что на их землях есть железо» [Жданович, 2014].

Хронология и происхождение печей кош-агачского типа

Н.М. Зиняков [1988] считал, что печи кош-агачского типа существовали в VI–X вв., и объяснял их появление на Алтае миграциями древних тюркских коллективов и образованием в 552 г. Первого Тюркского каганата. Согласно китайским письменным источникам, древние тюрки были умелыми металлургами и до образования Первого Тюркского каганата находились в зависимости от Жужаньского каганата, выплачивая ему дань железом [Wensuo, 2016; Мураками и др., 2019]. Данные китайских записей стали основой для датировки Н.М. Зиняковым печей VI–X вв. Радиоуглеродного датирования проведено не было, а культурный слой с археологическими находками, как было сказано выше, рядом с печами отсутствует. Все это серьезно усложняло хронологическую атрибуцию печей кош-агачского типа.

В ходе раскопок металлургической площадки на стоянке Куяхта-нар мы получили 11 радиоуглеродных дат для железоплавильной печи №4 [Vodyasov et al., 2020]. Корреляция дат, а также датирование последних годовичных колец листовенниц, законсервированных внутри шлакового блока, позволили датировать печь IV–V вв. н.э., т.е. временем, предшествующим образованию Первого Тюркского каганата.

Еще более древние даты получены для печи, расположенной на берегу небольшого пересохшего озера в правобережье р. Юстыд, в том же месте, где известны похожие по форме прямоугольные хуннские гончарные печи [Кубарев, Журавлева, 1986]. Рядом с выявленной железоплавильной печью в 2019 г. нами были отобраны два железных шлака горнового типа, внутри которых взят уголь для AMS-датирования [Водясов, Зайцева, 2020]. Анализ проводился в AMS-Лаборатории Национального Тайваньского университета. Для первого шлака (образец NTUAMS-5804-1) получена AMS-дата 1792 ± 61 BP. С учетом калибровки в программе OxCal 4.3 с использованием калибровочной кривой IntCal 20 [Reimer et al., 2020] дата укладывается в 205 AD – 361 AD для 68,2% вероятности (1σ).

Для второго шлака (образец NTUAMS-5805-1) получена AMS-дата 1731 ± 59 BP. С учетом калибровки в программе OxCal 4.3 с использованием калибровочной кривой IntCal 20 [Reimer et al., 2020] дата укладывается в 251 AD – 403 AD для 68,2% вероятности (1σ). Как видно, полученные даты из разных шлаков весьма близки и сходятся в пределах середины III – IV в. н.э.

Для хуннской гончарной печи №1, расположенной всего в 50 м от плавильных печей, ранее была получена дата – 1830 ± 40 BP [Кубарев, Журавлева, 1986]. Авторы предложили датировать печь 112 г. н.э. Однако опубликованная дата не была откалибрована. В этой связи мы провели ее калибровку в программе OxCal 4.3 с использованием калибровочной кривой IntCal 20 [Reimer et al., 2020] и получили для хуннской керамической печи №1 интервал 130 AD – 309 AD для 68,2% вероятности (1σ).

Проведенные исследования позволили говорить о синхронности прямоугольных гончарных и железоплавильных печей в III–IV вв. н.э. и связать возможное происхождение печей кош-агачского типа с миграциями на территорию Юго-Восточного Алтая нового населения в хуннуско-сяньбийское время. Не исключено, что ими могли являться кочевники-металлурги, оставившие памятники кок-пашского типа, поскольку ареалы этих памятников и прямоугольных печей совпадают, как и наблюдается их хронологическая близость.

Мы не смогли найти прямых аналогов печам коробчатого типа в памятниках Евразии III–V вв. н.э. Алтайские вытянутые коробчатые печи с множеством отверстий для дутья на двух вытянутых стенах являются сегодня древнейшими в мире, поэтому вопрос о месте изобретения уникальных плавильных сооружений остается открытым.

Не менее интересно и то, что история печей кош-агачского типа на Алтае обрывается так же внезапно, как и начинается. По всем имеющимся сегодня радиоуглеродным датам [Гутак, Русанов, 2013; Агатова и др., 2018; Мураками и др., 2019; Vodyasov et al., 2020; Водясов, Зайцева, 2020] традиция крупных прямоугольных печей появляется в Горном Алтае в III–V вв. и «неожиданно» исчезает в VII–VIII вв. н.э. По крайней мере, сегодня нет ни одной радиоуглеродной даты, доказывающей существование металлургии железа на Алтае в конце I тыс. н.э. и на всем протяжении II тыс. н.э.

Вряд ли такие уникальные технологии могли забыться просто так. Скорее всего, их исчезновение связано с тем, что плавильщики покинули Алтай и унесли металлургические знания с собой. Возникает вопрос: куда могла переместиться технология алтайских коробчатых печей в VII–VIII вв.?

В Азии известно всего два региона, где в I тыс. н.э. существовали похожие прямоугольные печи с множеством отверстий для дутья, – Южная Сибирь и Япония. Металлургия железа появляется в Японии в середине VI в., а коробчатые печи идентичной конструкции массово распространяются в VIII в. [Tate, 2005; Aizawa, 2017], т.е. в то же время, когда они уже исчезли в Южной Сибири.

По мнению Джиллиан Джулеф, японские вытянутые печи являются следствием долгой эволюции шри-ланкийских горнов, работавших на дутье ветра, и распространения этой традиции в Азиатском регионе. На наш взгляд, предложенная эволюционная модель возникновения коробчатых печей из шри-ланкийских традиций весьма любопытна, но не объясняет появление этой традиции в Японии. Археологические данные демонстрируют, что на Шри-Ланке на протяжении всего I тыс. н.э. развивался особый тип железоплавильных ветряных горнов, имеющих множество отверстий лишь на одной стене, расположенной лицом к потоку ветра [Jullef, 2009]. При этом мы знаем, что

в Японии в VII–VIII в. уже наблюдается массовое распространение коробчатых горнов с множеством дутьевых отверстий на двух вытянутых сторонах [Anazawa, 2017], тогда как на Шри-Ланке горны этого типа вообще не известны, и ветряные горны продолжали там свое развитие вплоть до XI в. [Jullef, 2009, fig. 5].

На наш взгляд, ветряные горны Шри-Ланки и коробчатые вытянутые печи Японии, несмотря на общую черту в виде множества отверстий, представляют собой совершенно разные типы металлургических сооружений и являются различными традициями, которые вряд ли были связаны между собой. Для подтверждения гипотезы, предложенной Дж. Джулеф, хорошим аргументом стали бы археологические свидетельства шри-ланкийских печей в Японии. Однако они до сих пор не найдены.

По другой версии черная металлургия пришла в Японию из Кореи, испытывая сильное влияние китайских традиций [Nagata, 2015]. Есть также мнение, что импульсом возникновения ранней металлургии в Корее являлась территория Дальнего Востока [Park, Rehren, 2011]. Однако археологические материалы показывают, что в Корее накануне проникновения железных технологий в Японию были распространены совсем другие железоплавильные печи [Park, Rehren, 2011]. Более того, ни в Корее, ни в Китае коробчатые печи вообще не известны. Таким образом, Южная Сибирь и Япония являются единственными регионами в Азии, где существовали похожие прямоугольные печи в I тыс. н.э.

Заключение

Вопрос о происхождении крупных прямоугольных печей кош-агачского типа до сих пор не решен, так как аналогов им в металлургических памятниках Евразии 1-й половины – середины I тыс. н.э. так и не найдено. Однако не исключено, что прототипом крупных прямоугольных сооружений кош-агачского типа могли служить похожие по форме хуннские гончарные печи. Именно в долине Юстыда мы археологически фиксируем материальное воплощение уникальной инженерной идеи о создании крупных теплотехнических сооружений прямоугольной формы, что нашло отражение как в железоделательном, так и керамическом производствах в III–IV вв. н.э.

Исчезновение прямоугольных печей на Алтае и дальнейшее массовое распространение похожих печей в Японии вряд ли является случайным совпадением. Естественно, вопрос происхождения японской металлургии требует отдельного исследования, но уже сейчас, на наш взгляд, имеются весомые доказательства тесной связи алтайской и японской металлургии. События, приведшие к исчезновению традиций кош-агачских печей на Алтае и их возможному появлению в Японии, хронологически совпали со временем формирования и развития Второго Восточно-Тюркского каганата. Его восточные границы доходили вплоть

до Корейского полуострова, поэтому возможность распространения на огромных пространствах схожих традиций в пределах одного каганата вполне допустима. Не исключено, что решение проблемы происхождения японской металлургии лежит в Алтайских горах. Для проверки этой гипотезы необходимы целенаправленные работы по поиску и изучению прямоугольных печей на территории Монголии и Китая.

Библиографический список

Агатова А.Р., Непоп Р.К., Слюсаренко И.Ю., Панов В.С. Новые данные комплексных исследований памятников железоплавильного производства в долинах рек Куектанар и Тюргун (Юго-Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, №2. С. 90–99.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. 382 с.

Водясов Е.В., Зайцева О.В. Древнейшие памятники черной металлургии в Горном Алтае: новые данные из долины реки Юстыд // Сибирские исторические исследования. 2020. №2. С. 127–147.

Гутак Я.М., Русанов Г.Г. О возрасте железоплавильных печей урочища Куяктанар (Горный Алтай) // Вестник Сибирского государственного индустриального университета. 2013. №2 (4). С. 18–20.

Жданович О.П. Посольство Земарха в ставку тюркского кагана (перевод и комментарии фрагментов труда Менандра Протектора) // Золотоордынское обозрение. 2014. №2 (4). С. 6–20.

Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск, 1988. 276 с.

Коробейников А.В. Средневековый трактат «Arab archery» о параметрах луков и стрел // Иднакар. 2008. №2. С. 107–118.

Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986. С. 101–119.

Мураками Я., Соенов В.И., Трифанова С.В., Эбель А.В., Богданов Е.С., Соловьев А.И. Изучение памятников черной металлургии на Алтае в 2017 году // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2019. №60. С. 167–174.

Anazawa Y. Iron production in ancient and medieval Japan, in: Gelman E.I., Vostretsov Yu.E., Ivliev A.L. (Eds.), *Multidisciplinary Studies in Archaeology. Volume 3. Crafts and Trades*. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East. FEBRAS. Vladivostok, 2017. Pp. 14–32.

Crew P. Twenty-five years of bloomery experiments: perspectives and prospects // *Accidental and Experimental Archaeometallurgy*, HMS Occasional Publication No. 7. London, 2013. P. 27–54.

Hendrickson M., Leroy S., Castillo C., Hua Q., Vega E., Phon K. Forging empire: Angkorian iron smelting, community and ritual practice at Tonle Bak // *Antiquity*. 2019. №93 (372). P. 1586–1606.

Juleff G. Technology and evolution: a root and branch view of Asian iron from first-millennium bc Sri Lanka to Japanese steel // *World Archaeology*. 2009. №41 (4). P. 557–577.

Nagata K. Mass and Heat Balance of Pig Iron Making by Tataru // *Metals and Civilizations. Proceedings of the Seventh International Conference on the Beginnings*

of the Use of Metals and Alloys (BUMA VII). Srinivasan S., Ranganathan S., Giumlia-Mair A. (Eds.). National Institute of Advanced Studies. Bangalore, 2015. P. 62–67.

Park J.S., Rehren Th. Large-scale 2nd to 3rd century AD bloomery iron smelting in Korea // *Journal of Archaeological Science*. 2011. №38. P. 1180–1190.

Paynter S., Blakelock E., Hatton G. Bloomery iron smelting – experimentation and archaeology // *Plas Tan y Bwlch. Snowdonia National park. Research report series* 25. 2012. 52 p.

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., ..., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 kcal BP) // *Radiocarbon*. 2020. №62 (4). P. 725–757.

Serneels V., Crew P. Ore-slag relationships from experimentally smelted bog-iron ore // *Early Ironworking in Europe, archaeology and experiment. International Conference Plas Tan y Bwlch*. 1997. P. 78–82.

Tate M. History of Iron and Steel Making Technology in Japan. Mainly on the smelting of iron sand by Tataru // *Tetsu-to-Hagane*. 2005. №91 (1). P. 2–10. https://doi.org/10.2355/tetsutohagane1955.91.1_2.

Vodyasov E.V. Ethnoarchaeological research on Indigenous iron smelting in Siberia // *Siberian Historical Research*. 2018. №2. P. 164–180.

Vodyasov E.V., Zaitceva O.V., Vavulin M.V., Pushkarev A.A. The earliest box-shaped iron smelting furnaces in Asia: New data from Southern Siberia // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2020. 31. №102383. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2020.102383>.

Wensuo L. On iron metallurgy and related questions in ancient Xinjiang during the Xiongnu and Turks Periods // *Historical Ethnology*. 2016. № 1 (1). P. 219–235.

E.V. Vodyasov, O.V. Zaitceva

Tomsk State University, Tomsk, Russia

THE RECTANGULAR IRON-SMELTING FURNACES OF GORNY ALTAI: THE PROBLEM OF ORIGIN AND CHRONOLOGY

The article raises the questions related to the appearance of unique rectangular box-shape furnaces in the Altai mountains. These furnaces were the largest iron-smelting construction in Siberia and Central Asia. Archaeological field work carried out in 2018–2020 coupled with the series of radiocarbon dates made it possible to establish that furnaces of this type appeared in the Southeastern Altai not in the era of the Türkic Khaganates, as it was previously thought, but in a previous time within the 3rd–5th centuries AD. The article discusses the design and productivity of the box-shape furnaces. It is hypothesized that the similar in shape Xiongnu pottery kilns type could have been a prototype of large rectangular structures of the box-shape linear furnaces. Radiocarbon analyzes have proven the synchronicity of the Xiongnu pottery kilns and the rectangular furnaces. The sudden disappearance of the box-shape furnaces in the Altai Mountains in the 7th–8th centuries AD and the same sudden appearance of the similar furnaces in Japan in the same period is explained by the possible migration of smelters in the era of the Second East Türkic Khaganate.

Keywords: archaeometallurgy, iron-smelting furnaces, Gorny Altai, Xiongnu-Xianbei time

В.В. Горбунов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КУРГАНЫ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ С ДЕРЕВЯННОЙ РАМОЙ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №19-49-220006 «Крупные курганы элиты древних и средневековых кочевников на территории Алтайского края как объекты экскурсионно-туристической деятельности: историко-археологические и естественно-научные исследования»)

Рассматривается серия из семи могильников, в девяти курганах которых вокруг захоронений людей устанавливались конструкции из четырех невысоких стенок. Они сооружались из одинарных бревен, брусьев или досок, образующих квадрат, прямоугольник или трапецию. Данные памятники обнаружены на территории Приобского плато и Бийско-Чумышской возвышенности. Приводятся сведения о размерах курганов и рам, о расположении рам относительно могил, о датировке и культурной принадлежности памятников, в которых они обнаружены. С учетом этих данных выделяется два типа деревянных сооружений: рамы-ограды и рамы-перекрытия. Ограды использовались самодийской частью населения сrostкинской культуры во 2-й половине IX – 1-й половине XI в. для выделения сакральной площадки вокруг центрального, самого значимого захоронения в кургане. Рамы с перекрытиями являлись разновидностью надмогильного сооружения. Они применялись в ареале сrostкинской культуры во 2-й половине X – XII в. и появились в результате контактов с населением Среднего Прииртышья и Барабы.

Ключевые слова: раннее и развитое Средневековье, сrostкинская культура, курган, погребение, рама, ограда, перекрытие

Среди средневековых курганов на территории Лесостепного Алтая выделяется группа объектов, под земляными насыпями которых зафиксированы деревянные сооружения четырехугольной формы, окружающие захоронения людей. До сих пор они не становились предметом специального исследования. Между тем их бытование как во времени, так и в пространстве отражает вполне устойчивую традицию, существовавшую у части населения сrostкинской культуры в конце эпохи раннего – начале развитого Средневековья.

Такие деревянные сооружения зафиксированы в девяти курганах на семи могильниках, три из которых располагаются на левобережье Оби в районе Приобского плато: Камень-1, Рогозиха-1, Прудской, а четыре – на правобережье Оби в пределах Бийско-Чумышской возвышенности: Ближние Елбаны-VI, VIII, IX, Новотроицкое-1.

На могильнике Камень-1 в 1974 г. был раскопан курган №1 (размеры 12,8×9,5 м, высота 0,4 м), под земляной насыпью которого, на уровне древнего горизонта (далее – УДГ), расчищена деревянная рама. Она имела прямоугольную форму размерами 2,2×1,4 м и была ориентирована длин-

ной осью по линии ЮВВ–СЗЗ. Ее конструкция включала четыре бревна, где продольные бревна (длина 2,8–3 м), перекрывали поперечные (длина 1,6 м). Окончания бревен выступали за пределы конструкции. На поперечных бревнах отмечены остатки дерева от продольного перекрытия. Внутри рамы, также на УДГ, зафиксированы разрозненные кости скелета человека, без инвентаря. К востоку от рамы был вкопан деревянный столб. По аналогиям данный объект был датирован концом I – началом II тыс. н.э. и отнесен к сrostкинской культуре [Могильников, Уманский, 1998, с. 184–185, рис. 1].

Могильник Рогозиха-1, раскопанный в 1985 г., содержал четыре объекта сrostкинской культуры, в одном из которых отмечено деревянное сооружение – это курган №9 (диаметр 15 м, высота 0,15 м). Его насыпь окружал ров, а в центре кургана зафиксирован грабительский шурф, разрушивший погребение взрослого мужчины и ребенка на УДГ. Инвентарь не найден. В месте захоронения находились остатки дерева, видимо, оставшиеся от конструкции, аналогичной Камню-1. Северо-восточнее нее располагалась столбовая яма [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 108, рис. 35.-1]. По инвентарю из других сrostкинских курганов (№10 и 15) этого памятника он датируется 2-й половиной X – 1-й половиной XI в. [Тишкин, Горбунов, 2000, с. 56]. Курган №9 с этими объектами сближает размер насыпи и наличие рва, которого нет ни у одного кургана каменской культуры на данном некрополе.

При раскопках сrostкинского могильника Прудской в 2001 г. в трех курганах выявлены деревянные ограды на УДГ. Каждый из них содержал по два погребения с одиночной ингумацией. В кургане №3 (диаметр 11 м, высота 0,25 м) ограда представляла собой раму из четырех брусьев, образующих конструкцию квадратной формы, размерами 5×5 м, высотой 0,15–0,18 м. Ее стенки ориентированы по сторонам света с отклонением по оси ЮЗ–СВ. Брусья соединялись между собой в паз и имели выступающие окончания. Восточный брус перекрывал северный и южный, а северный – перекрывал западный. Рама сооружена вокруг центральной могилы-1, а ее южная стенка перекрывала боковую могилу-2. Здесь не наблюдалось подкопа могилы под стену, а наоборот раму установили поверх сооруженного погребения, и затем она слегка просела в заполнение могильной ямы. В кургане №4 (диаметр 10 м, высота 0,2 м) от ограды сохранилась только часть южной стенки в виде деревянного бруса, распавшегося на пять частей. Его общая длина 5 м, ориентация по оси ЮЗ–СВ, высота 0,15 м. Здесь ограда первоначально окружала центральную могилу-1 и перекрывала боковую могилу-2 аналогично предыдущему объекту. В кургане №6 (диаметр 10 м, высота 0,35 м) от ограды сохранилась восточная стенка из деревянного бруса, распавшегося на две части, общей длиной 3,55 м, ориентацией по оси ЮЮВ–ССЗ, высотой 0,1 м. Первоначально рама была сооружена вокруг могилы-1 и, вероятно, южной стенкой перекрывала могилу-2, как

в курганах №3 и 4. Восточнее рамы, в изголовье могил-1 и 2, расчищены два деревянных столба. По сопроводительному инвентарю курганы могильника Прудской датируются 2-й половиной X – 1-й половиной XI в. [Горбунов, Тишкин, 2001, с. 282–287].

На могильнике Ближние Елбаны-VI в 1994 г. был раскопан сrostкинский курган №4 (размеры 12×10 м, высота 0,65 м), содержавший пять погребений по обряду одиночной ингумации, располагавшихся в ряд, и деревянную ограду. Она представляла собой раму из трех сохранившихся досок, образующих конструкцию квадратной формы, размерами 4×4 м. Ее углы ориентированы по сторонам света с отклонением по оси ЮЗ–СВ. Доски соединялись в паз и имели выступающие окончания. Северная и южная перекрывали восточную. С внешней стороны восточной и северной досок параллельно им лежали более короткие доски. Рама сооружена вокруг центральной могилы-3. Ее северная стенка частично перекрывала боковую могилу-4. Снаружи к южной стенке почти вплотную примыкала боковая могила-5. Данный курган датирован IX–X вв. [Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995, с. 247–248, рис. 1.-2].

Могильник сrostкинской культуры Ближние Елбаны-VIII раскапывался в 1946–1947 г. В кургане №1 (диаметр 9–10 м, высота 0,5 м) было зафиксировано пять погребений по обряду одиночной ингумации и фрагмент деревянной ограды. От нее сохранился прямой угол из бревен от восточной (1,8 м) и южной (1 м) стенок, ориентированный по оси ССВ–ЮЮЗ. Вероятно, рама оконтуривала пространство вокруг центральной могилы-5, частично перекрывая восточной стенкой боковую могилу-4, а снаружи к ее западной стенке примыкала боковая могила-3. В изголовье могил 4 и 5 севернее рамы находились два деревянных столба. Памятник был датирован X в. [Грязнов, 1956, с. 145, 151, табл. LIII.-II].

Раскопки могильника Ближние Елбаны-IX были начаты в 1913 г. Н.С. Гуляевым, а средневековый курган №1 (диаметр 8 м, высота 0,3 м) доисследован М.П. Грязновым в 1949 г. Под его насыпью на УДГ зафиксировано обугленное деревянное сооружение, возведенное над единственной могилой по обряду ингумации со шкурой коня. Его основу составляла трапециевидная рама из четырех бревен, со свободно выступающими окончаниями, размерами 2,8×2,2 м, ориентированная длинной осью по линии ЮЗ–СВ. На северо-восточной стороне продольные бревна перекрывали поперечное, а на юго-западной стороне – наоборот. На раме и внутри нее находились остатки продольного бревенчатого перекрытия. Северо-восточнее и восточнее рамы зафиксировано 24 ямки с остатками деревянных столбов. Курган датирован XII–XIII вв. [Грязнов, 1956, с. 154–155, табл. LX]. Нами данный объект датируется 2-й половиной XI – XII в. и относится к сrostкинской культуре.

На могильнике Новотроицкое-1 в 1984 г. исследован средневековый курган №27 (диаметр 11 м, высота 0,5 м), под насыпью которого на

УДГ зафиксирована деревянная ограда, окружавшая могилу по обряду одиночной ингумации. Она представляла собой раму трапециевидной формы (размеры посередине 4,8×4,5 м) из четырех бревен, ориентированную стенками по сторонам света. Бревна северной и южной стенок лежали на бревнах западной и восточной стенок заподлицо. К востоку от рамы находились два деревянных столба [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 61–62, рис. 40]. Сопроводительный инвентарь позволяет датировать курган 2-й половиной X – 1-й половиной XI в., а погребальный обряд – отнести его к сrostкинской культуре.

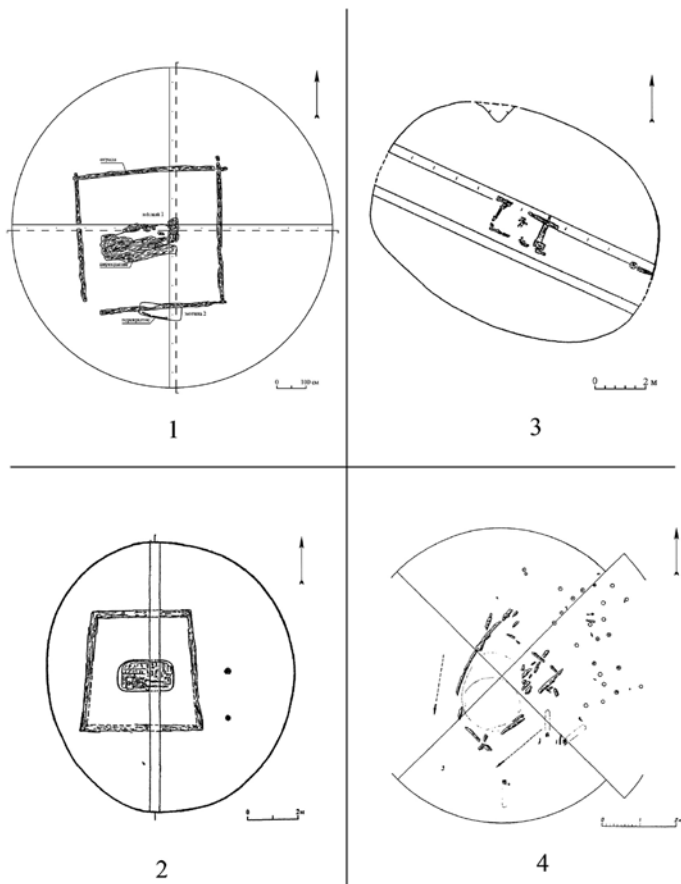
По расположению относительно могил, размерам и конструктивным особенностям рассматриваемые деревянные сооружения можно разделить на два типа.

К первому типу относятся рамы-ограды квадратной или трапециевидной формы (рис.-1–2). Они ограничивают в кургане определенное сакральное пространство вокруг центрального захоронения площадью от 16 до 25 кв. м. Их конструкция состоит из четырех бревен, брусьев или досок, окончания которых накладываются друг на друга в паз или внахлест, с выступанием или впритык, образуя углы сооружения. Когда в кургане есть боковые могилы, ограда часто перекрывает одну из них, что говорит о том, что она сооружалась после совершения всех захоронений, за какое-то время до возведения насыпи. В половине случаев к востоку от ограды вкапывались деревянные столбы.

Всего сооружения данного типа прослежены в шести курганах на памятниках Ближние Елбаны-VI, Ближние Елбаны-VIII, Новотроицкое-1, Прудской. Судя по их датировке, рамы-ограды использовались в погребальном обряде населения сrostкинской культуры на грязновском и шадринцевском этапах, т.е. во 2-й половине IX – 1-й половине XI в. Все они связаны с захоронениями по обряду одиночной ингумации, который отражал самодийский компонент в составе сrostкинской общности [Неверов, Горбунов, 2001, с. 177]. Если в кургане было несколько погребений, то рама-ограда устанавливалась вокруг центрального из них, как правило, наиболее «богатого». Однако в целом курганы с рамами-оградами по степени богатства существенно уступают курганам с центральными захоронениями по обряду ингумации с конем, которые часто окружались рвом.

Появление в середине IX в. у населения сrostкинской культуры Лесостепного Алтая традиции сооружения рам-оград, возможно, как-то связано с влиянием кочевников Кимакского каганата. Так, собственно кимаки Верхнего Прииртышья возводили вокруг центральных могил каменные ограды-стенки, а кыпчаки Барабы и Западной Кулунды – ограды-стенки из сырцовых кирпичей [Могильников, 2002, с. 71–73]. Но у первых в таких могилах присутствуют захоронения по обряду ингумации с конем, а у вторых – по обряду ингумации со шкурой коня. Поэтому сложно

объяснить, почему в сrostкинском объединении это влияние отразилось не на элите, хоронившей умерших в сопровождении коня, а на социальной группе более низкого статуса. Видимо, нельзя исключать чисто местного, самодийского происхождения этой традиции.

Деревянные рамы из памятников сrostкинской культуры: 1 – Прудской, курган №3; 2 – Новотроицкое-1, курган №27 (по: [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 40]); 3 – Камень-1, курган №1 (по: [Могильников, Уманский, 1998, рис. 1]); 4 – Ближние Елбаны-IX, курган №1 (по: [Грязнов, 1956, табл. LX])

Начиная с середины X в. племена сrostкинской культуры проникают на территорию западной части Кузнецкой котловины, и там появляется ряд курганных могильников с аналогичными рамами-оградами: Шабаново-3, Озерки-I, II, V, [Илюшин, 1998, рис. 2–3, 10, 12;

Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко, 2012, рис. 30, 45, 51]. Однако нужно отметить, что у населения Кузнецкой котловины с VIII–IX вв., если не раньше, существовала и собственная традиция использования деревянных рам для захоронений по обряду кремации и сооружения жертвенников в курганах [Бобров, Васютин, Онищенко, 2010, с. 60–62].

Ко второму типу относятся более узкие рамы прямоугольной или трапецевидной формы с внутренним пространством от 3 до 6 кв. м (рис.-3–4). Они огораживают либо место наземного захоронения, либо место непосредственно вокруг могильной ямы. Их конструкция состоит из четырех бревен, наложенных друг на друга внахлест, с выступанием окончатый, и служит основанием для размещения надмогильного перекрытия. К востоку от нее вкапывались деревянные столбы, а в одном случае присутствует ров. Сооружения этого типа прослежены в трех курганах на памятниках Ближние Елбаны-IX, Камень-I, Рогозиха-1. Их датировка показывает, что рамы с перекрытиями использовались населением сrostкинской культуры на шадринцевском и змеевском этапах, т.е. во 2-й половине X – XII в. Они связаны с захоронениями по обряду наземной ингумации и ингумации со шкурой коня в могильной яме, которые являются довольно редкими.

Появление на территории Лесостепного Алтая захоронений под рамами-перекрытиями можно связать с проникновением сюда населения из Среднего Прииртышья и Барабы. Именно там зафиксированы более массовые наземные и ямные погребения с ингумацией и ингумацией со шкурой коня под рамами-перекрытиями и срубам, порой обгоревшие, которые могли сочетаться со рвами: Чулым-2, Третье Отделение-1, Венгерово-VII, Осинцево-IV, Бобровский, Соляное и др. [Бараба в тюркское время, 1988, с. 19–20, 70–71, 104–106; Могильников, Уманский, 1998, с. 185]. Эти памятники сооружались на протяжении 2-й половины VIII – XII в.

Наиболее активные контакты между населением Лесостепного Алтая и Среднего Прииртышья, видимо, начались в середине X в., когда происходит усиление сrostкинского объединения и расширение его ареала, а затем продолжились в середине XI в. с усилением объединения кыпчакских племен [Неверов, Горбунов, 2001, с. 178]. Традиция надмогильного перекрытия с использованием рамы сохраняется и в монгольское время. Например, деревянные сооружения похожего типа зафиксированы в нескольких курганах могильника 2-й половины XIII – начала XIV в. Телеутский Взвоз-I на Приобском плато [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 121–122].

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники второй половины I тысячелетия н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 243–252.

Бараба в тюркское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин и др. Новосибирск, 1988. 176 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. Кемерово, 2010. 276 с.

Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII – первой половине XI вв. н.э.: природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово, 2012. 213 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 281–287.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 163 с.

Илюшин А.М. Курганный комплекс Шабаново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск, 1998. С. 54–78.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002. 362 с.

Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы Камень I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 184–187.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Сrostкинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 176–178.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Археологические памятники эпохи средневековья в Павловском районе // Павловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул; Павловск, 2000. С. 54–63.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул, 2002. 276 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005. 204 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

V.V. Gorbunov

Altai State University, Barnaul, Russia

BARROWS OF THE SROSTKI CULTURE OF THE FOREST-STEPPE ALTAI WITH A WOODEN FRAME

The article considers a series of seven burial grounds in nine mounds of which around the graves of people, structures of four low walls were installed. They were constructed from single logs, beams or planks forming a square, rectangle or trapezoid. These sites were found on the territory of the Priobsky plateau and the Biysko-Chumysh elevation. The article provides information about the size of the mounds and frames, the location of the frames relative to the graves, the dating and cultural affiliation of the sites in which they were found. Taking into account these data, two types of wooden structures are distinguished: frames-fences and frames-overlap. The fences were used by the Samoyed part of the population of the Srostki culture in the second half of the 9th – first half of the 11th centuries to mark out the sacred site around the central, most significant burial in the

mound. Frames with overlaps were a kind of tombstone structure. They were used in the area of the Srostki culture in the second half of the 10th – 12th centuries and appeared as a result of contacts with the population of the Middle Irtysh region and Baraba.

Keywords: early and advanced Middle Ages, Srostki culture, barrow, burial, frame, fence, overlap

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.27

УДК 902(5-191.2):004.738.5

С.П. Грушин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

МИНИАТЮРНЫЕ КОЛОНКИ БМАК НА ЕВРОПЕЙСКИХ ИНТЕРНЕТ-АУКЦИОНАХ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-09-40082

Статья посвящена рассмотрению возможностей использования артефактов из частных собраний, продаваемых на европейских интернет-аукционах, в научных исследованиях. В качестве примера анализируется данные сайта крупнейшего в мире аукционного дома «Сотбис». Дается характеристика 18 предметов (миниатюрные колонки из Бактрии). Такие предметы представляют собой цилиндрической или биколической формы каменные изделия с желобами на основаниях и боках. Основными сложностями при обращении к подобному виду источников в научных исследованиях являются такие аспекты, как депаспортизованность, проблема аутентичности и верификации информации, регион происхождения, неполная информация. Тем не менее анализируемые предметы укладываются в культурные стереотипы БМАК и находят полные аналогии в хорошо документированных и стратифицированных памятниках данного культурного ареала, что является определенным основанием их аутентичности. Поэтому, несмотря на отмеченные нюансы, делается вывод о необходимости учета подобных предметов в научных исследованиях.

Ключевые слова: артефакты, БМАК, миниатюрные колонки, частные коллекции, интернет-аукционы

Рынок антикварных вещей в Европе имеет большую историю и традиции. С развитием информационных технологий, в частности Интернета, продажи и аукционы переместились в онлайн-сферу. Это не только расширило потенциальный круг покупателей, но и дало возможность зафиксировать отдельные категории вещей, которые практически утеряны для научной аудитории. Беглый анализ европейских интернет-ресурсов выявил достаточно большое число сайтов-магазинов, аукционов, на которых предлагаются или предлагались артефакты. Особенности представления предметов, информация о них на разных площадках имеет свои особенности. В статье рассматриваются возможности использования информации об артефактах, представленных на аукционах в научных исследованиях.

В качестве примера можно проанализировать интернет-магазин одного из крупнейших аукционных домов мира – «Сотбис». Совместно с аукционным домом «Кристис» он занимает около 90% мирового рынка аукционных продаж антиквариата, предметов искусств и т.д. и является крупнейшим в мире аукционным домом (по суммарной выручке от продаж за 2011 г.). В компании существует научно-исследовательский отдел, который включает современные лаборатории Нью-Йорка и Лондона. Отдел занимается вопросами консервации антикварных предметов и их атрибуции, т.е. существует определенная степень гарантии от подделок. Важно отметить, что на официальном сайте компании сохраняются информационные следы уже свершившихся сделок, что позволяет отследить и зафиксировать предметы с момента функционирования электронных торгов и сайта как минимум с 2001 г.

Среди предметов, проданных на электронной площадке «Сотбис», есть относительно представительная категория артефактов Бактрийско-Маргианской археологической культуры (БМАК). Среди них значительную по численности серию составляют изделия, которые в научной литературе получили название «миниатюрные колонки» (*miniature columns*). Такие предметы представляют собой каменные изделия цилиндрической или биконической формы с желобами на основаниях и боках [Дубова и др., 2019; Грушин и др., 2020; и др.].

Одним из центральных вопросов по использованию интернет-аукционов в качестве источника для научных исследований является полнота и объективность информации о предмете. На официальном сайте аукциона «Сотбис» обычно можно найти следующую доступную информацию о продаваемых артефактах: название коллекции или собственника собрания, название предмета, датировка, историко-географическое происхождение, материал, функциональная принадлежность, фотография, стартовый ценовой коридор, окончательная цена, если предмет продан. Некоторые изделия имеют более подробную информацию, такую как некоторые размеры (например, высота предмета) или порода камня (мрамор). Однако даже по фотографиям становится понятным, что такие определения породы камня не всегда являются однозначными, а часто и ошибочными. Важно отметить, что есть возможность получить дополнительные сведения, например о сохранности артефакта. Однако эта функция доступна только зарегистрированным пользователям сайта и осуществляется по запросам потенциальных покупателей. В отдельных случаях есть возможность восстановить некоторые отсутствующие показатели изделий. Наличие указания высоты предмета дает возможность по фотографии восстановить такие показатели изделия, как примерный диаметр верхней и нижней базы, диаметр максимального сужения, наличие дополнительных деталей. Если же таких сведений о предмете нет, то восстановить параметры предмета не представляется возможным, так все публикуемые на сайтах фотографии

артефактов даются без масштаба. Несмотря на это обстоятельство, представленные фотографии достаточно качественные, что дает возможность специалистам приблизительно определить породу камня, из которого изготовлен предмет. Как правило, колонки обозначаются на сайтах как «ритуальные объекты» или «каменные идолы». Ниже приводим информацию по некоторым предметам, которую удалось получить на сайте аукциона «Сотбис» в том виде, как она помещена.

Ритуальный «бактрийский» объект из камня, примерно конец III – начало II тысячелетия до нашей эры (рис.-1а, б). Слегка вогнутой цилиндрической формы с желобом в верхней части. Высота 12 3/4 дюйма (32,4 см). Восстановленная информация по фото (рис.-1б): диаметр нижней базы – 15,5 см, верхней – 13 см, минимальный диаметр по центру 9,5 см. Дополнительные детали по фото: желоб шириной 1,5 см присутствует как на нижней, так и на верхней базе, спускается на боковую поверхность на 3,5 см.

Собрание Марион Шустер, Лозанна, Швейцария. Ритуальный «бактрийский» объект из камня, примерно конец III – начало II тысячелетия до нашей эры (рис.-2).

Собрание Марион Шустер, Лозанна. Ритуальный «бактрийский» объект из камня, примерно конец III – начало II тысячелетия до нашей эры (рис.-3).

Частная коллекция Дэвида Силвестера. Бактрийский ритуальный объект из бело-коричневого камня, конец III тысячелетия до н.э. (рис.-4).

Коллекция Билла Блесса. Бактрийский ритуальный объект из мрамора (?) III тыс. до н.э. «столбообразной» формы с «рифлеными» верхом и основанием. Высота 15 дюймов – 38,1 см (рис.-5).

Три бактрийских каменных ритуальных объекта, конец III – начало II тыс. до н.э. (рис.-6–8).

Три бактрийских каменных ритуальных объекта, конец III – начало II тыс. до н.э. (рис.-9–11).

Три бактрийских каменных ритуальных объекта, конец III – начало II тыс. до н.э. (рис.-12–14).

Бактрийский каменный ритуальный объект, конец III – начало II тыс. до н.э. (рис.-15).

Коллекция Роберта и Анжелики Нортман. Мраморный (?) цилиндр (вероятно, бактрийский), II тыс. до н.э. (рис.-16). Розовый мрамор (?) с тонкими белыми прожилками, предмет плавно расширяется у основания, имеет двойную бороздку на нижнем и верхнем основании. Высота предмета 33 см. Бока отполированы, имеются мелкие сколы и потертости.

Коллекция Роберта и Анжелики Нортман. Мраморный (?) цилиндр, вероятно, «бактрийский», II тыс. до н.э. (рис.-17). Розовый мрамор (?) с белыми вкраплениями, слегка расширяющаяся у основания двойная бороздка, вырезанная снизу и сверху, а также изогнутые стороны. Высота предмета 33 см. В основании имеются сколы в двух местах, в верхней базе сколы в одном месте, полированная поверхность на двух разных участках.

Каменные «миниатюрные колонки» БМАК на интернет-аукционе «Сотбис»
(доступ: www.sothebys.com)

Ритуальный «бактрийский» объект из мрамора (?), конец III – начало II тыс. до н.э. (рис.-18). Вогнутой цилиндрической формы с мелким каналом сверху и снизу. Высота 14 1/4 дюйма – 36,2 см. Имеются сколы по краям.

Таким образом, на сайте «Сотбис» удалось получить информацию о 18 миниатюрных колонках БМАК. Отдельные предметы можно найти и на других интернет-площадках. Всего таким путем нами получены данные о 36 подобных изделиях (включая коллекцию «Сотбис»). Кроме миниатюрных колонок на аукционах имеется информация и о других категориях предметов БМАК, например, таких как каменные диски, посохи, сосуды и др. Информацию об этих предметах также необходимо проанализировать и вводить в широкий научный оборот.

Описанная выше серия предметов в целом полностью укладывается в культурные стереотипы БМАК и находит полные аналогии в хорошо документированных и стратифицированных памятниках данного культурного ареала. Наиболее крупным подобным объектом является поселение Гонур-Депе в Маргиане, на котором получены «миниатюрные колонки», в том числе в погребениях и жилищах. В общей сложности таких изделий обнаружено более 100 экз. [Грушин, Дубова, Фрибус, 2020, с. 72]. Исключение может составлять предмет из коллекции Роберта и Анжелики Нортман. (рис.-16). Судя по фотографии, на боковой поверхности предмета имеются не только два симметрично расположенные вертикальные желоба, характерные для некоторых предметов БМАК, но и дополнительные заполированные или прочерченные (?) вертикальные борозды на боковой поверхности, причем они не имеют продолжения на обоих основаниях. Однако с очевидностью об этом говорить не приходится, так как о подобных особенностях судить только по фотографии проблематично.

Отметим, что все предметы, судя по имеющейся на сайтах информации, скорее всего, происходят с территории Афганистана, что может быть связано с продолжающейся уже несколько десятилетий политической нестабильностью внутри страны. Как уже не раз отмечалось в научной литературе, исторические артефакты открыто продавались на рынках древностей в Кабуле. Судя по их большому количеству, они происходят из нескольких крупных памятников, разграбленных «черными копателями».

Обращение к такому неоднозначному источнику информации об артефактах, как частные коллекции и интернет-аукционы, порождает целый комплекс проблем, которые определяют порой глубокий скептицизм среди специалистов, вплоть до полного отказа от рассмотрения их в качестве исторического источника. Например, при организации ряда крупных международных научных собраний специально подчеркивается, что доклады, основанные на подобных материалах, в программу мероприятий не включаются и тексты на эту тему не публикуются. Рассмотрим некоторые из причин такого отношения к подобным предметам.

1. Практически все предметы депаспортизированы (за редким исключением отсутствует информация об источнике их поступления).

2. Проблема достоверности предметов, отсутствие гарантий от подделок. Предметы относительно просты в изготовлении, но их стоимость достаточно высока (\$2500–9000), что не исключает вероятности их современного изготовления. Только крупные аукционные дома типа «Сотбис» проводят определенную экспертизу, которая позволяет говорить об их аутентичности.

3. В качестве источника происхождения предмета в большинстве случаев указывается Бактрия. В редких случаях указываются более конкретные районы, например Северный Афганистан, район Балха.

4. Ограниченная возможность верификации информации, так как большая часть предметов находится в частных собраниях.

5. Неполная информация о предметах (отсутствуют данные о параметрах, нет качественных фото), не всегда есть возможность восстановить такую информацию.

Несмотря на вышеотмеченные сложности, на наш взгляд, такие артефакты необходимо учитывать в научных исследованиях. Примеры исследований, основанных на артефактах из частных собраний, в науке известны и, будучи составлены знающими специалистами, вводят в научный оборот большой объем информации, которая в противном случае будет просто утеряна для науки [Sarianidi, 1998; Vidale, 2017; и др.]. То обстоятельство, что подобные предметы укладываются в культурные стереотипы БМАК и находят полные аналогии в хорошо документированных и стратифицированных памятниках данного культурного ареала, является определенным основанием их аутентичности. С нашей точки зрения, необходимо публиковать любую имеющуюся информацию о депортированных древних предметах, иначе они полностью будут утрачены для научного изучения. Вероятно, необходим избирательный подход к публикации, она возможна при соблюдении как минимум определенной гарантии достоверности артефактов.

Библиографический список

Грушин С.П., Дубова Н.А., Фрибус А.В. Миниатюрные колонки БМАК: их морфологические особенности и возможное назначение // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ). СПб., 2020. С. 71–74.

Дубова Н.А., Фрибус А.В., Грушин С.П., Сатаев Р.М., Турик В.Г. Крупные каменные изделия Маргианы (Туркменистан, эпоха бронзы): местонахождения и разнообразие форм // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). СПб., 2019. С. 51–53.

Sarianidi, V.I. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. Moscow, 1998. 335 p.

Massimo Vidale. Treasures from Oxus the art and civilization of Central Asia. London; New York, 2017. 224 p.

S.P. Grushin

Altai State University, Barnaul, Russia

MINIATURE COLUMNS OF BMAC IN EUROPEAN ONLINE AUCTIONS: OPPORTUNITIES FOR USE IN SCIENTIFIC RESEARCH

The paper is devoted to the consideration of the possibilities of using artifacts from private collections that are sold at European online auctions in scientific research. As an example, the data from the website of the world's largest auction house Sotheby's are analyzed. The description of 18 artifacts (miniature columns from Bactria) is given. Such artifacts are cylindrical or biconical shaped stone products with gutters on the bases and sides. The main difficulties when referring to this type of sources in scientific research are such aspects as lack of certification, the problem of authenticity and verification of information, the region of origin, incomplete information. Nevertheless, the analyzed objects fit into the cultural stereotypes of the BMAC and find complete analogies in the well-documented and stratified sites of this cultural area, which is a certain basis for their authenticity. Therefore, despite the noted nuances, it is concluded that it is necessary to take into account such artifacts in scientific research.

Keywords: artifacts, BMAC, miniature columns, private collections, online auctions

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.28

УДК 903.53«638»(571.150)

П.К. Дашковский¹, А.Н. Ожиганов¹, И.А. Савко², Е.А. Шершнева¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

*²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия*

НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КУРГАНОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА МОГИЛЬНИКЕ ХАНКАРИНСКИЙ ДОЛ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Алтайского края (проект №19-49-220002 «Памятники Чинетинского археологического микрорайона на Алтае: культурно-историческая интерпретация артефактов и возможности использования полученных результатов в туристическом кластере региона»), а также РФФИ и Министерства культуры, образования и спорта Монголии (проект №19-59-44002 «Этнорелигиозные и социальные процессы как факторы межкультурного взаимодействия населения в трансграничном пространстве Алтая, Тувы и Монголии: история и современность»)

В статье представлены результаты исследования курганов №26 и 33 на могильнике Ханкаринский дол, расположенном в Краснощековском районе Алтайского края. Раскопки проводились Краснощековской археологической экспедиций Алтайского государственного университета при участии студентов Барнаульского государственного педагогического университета. В результате раскопок было выявлено, что оба кургана были ограблены, что затрудняет их хронологическую атрибуцию. При этом инвентарь в виде фрагментов золотой фольги был обнаружен только в кургане №33. Зафиксированные при раскопках кургана №33

особенности погребального обряда: положение умерших на правом боку, ориентация головой на восток, сопроводительное захоронение лошади вдоль северной стенки могилы, ритуальная пища – имеют определенные аналогии в ранее исследованных объектах пазырыкской культуры, как на некрополе Ханкаринский дол, так и на соседних могильниках Инской дол и Чинета-II. Кроме того, такие признаки погребального обряда находят параллели с аналогичными показателями по памятникам пазырыкского периода, раскопанным в Центральном и Юго-Восточном Алтае. Курган №26 с учетом анализа погребальной конструкции, восточной ориентации умершего, наличия ритуальной мясной пищи, расположения рядом с цепочкой курганов пазырыкской культуры дает основание предварительно отнести его к скифо-сакскому периоду.

Ключевые слова: погребальный обряд, скифо-сакский период, могильник, Алтай, артефакты

В 2020 г. исполнилось 20 лет Краснощековской археологической экспедиции Алтайского государственного университета, которая под руководством П.К. Дашковского ежегодно проводит раскопки разновременных памятников Чинетинского археологического микрорайона. Указанный археологический микрорайон расположен в окрестностях с. Чинета Краснощековского района Алтайского края [Дашковский, 2017а; и др.]. В пределах данного археологического микрорайона выявлены объекты верхнего палеолита, афанасьевской, пазырыкской, тюркской, кыргызской и сросткинской культур. Кроме того, обнаружены объекты, которые отражают процессы проникновения в скифскую эпоху на территорию Северо-Западного Алтая носителей различных культурных традиций, отличных от пазырыкской культуры [Дашковский, Кунгуров, 2003; Дашковский, 2015а; 2017б; 2018; 2019; Дашковский, Шершнева, 2020; Дашковский, Ожиганов, 2019; и др.]. Не менее интересно обнаружение каменных стел раннескифского периода, которые найдены как на уровне современной поверхности, так и в переиспользованном виде в качестве плит перекрытия каменных ящиков, датированных более поздним периодом. Одно из направлений работы Краснощековской археологической экспедиции связано с изучением курганов пазырыкского времени. Некрополь Ханкаринский дол зафиксирован на второй надпойменной террасе левого берега Ини (левый приток Чарыша) в 1,2–1,5 км к юго-юго-востоку от с. Чинета. Первоначально курганы пазырыкской культуры были выявлены в центральной части могильника Ханкаринский дол. Однако последующие исследования позволили обнаружить аналогичные объекты в южной и северной частях некрополя. Данная публикация посвящена предварительным результатам изучения курганов №26 и 33, раскопанных на могильнике Ханкаринский дол.

Курган №26 выявлен в центральной части могильника, к востоку от ранее раскопанной цепочки курганов (№4–17), относящихся к пазырыкской культуре. Из-за задернованности почвы он почти не выделялся на современной поверхности. Диаметр каменной насыпи, сложенной в 1–2

слоя из мелких и средних по размеру камней, достигал с севера на юг 7,25, а с запада на восток – 6,5 м. Высота сооружения из камня 0,4 м, а вместе со слоем грунта составляла 0,5 м. В центральной части насыпи прослежена западина диаметром с севера на юг 1,75 м, а с запада на восток – 1,5 м. Под насыпью кургана выявлено могильное пятно подпрямоугольной формы с округлыми углами, ориентированное по линии ЮВ–СЗ. В процессе дальнейшего исследования установлено, что могильная яма имела следующие размеры по уровню древнего горизонта: 2,2×1,11×2,45 м. Глубина могилы дана от нулевого репера. В могиле обнаружено разрушенное, вероятно, грабителями погребение человека. В восточной части могилы обнаружены ребра человека, которые находились в беспорядочном положении вперемешку с позвонками. При этом череп человека отсутствовал. Кости таза также оказались частично разрушенными. В первоначальном положении оказались только кости ног и рук. На основании отдельных костей скелета, которые находились *in situ*, удалось установить, что умерший был уложен на спину с вытянутыми ногами и ориентирован головой на восток. Руки умершего были вытянуты вдоль тела. В 10 см к северу от плечевой кости обнаружена ритуальная пища – позвонки барана. Никаких предметов сопроводительного инвентаря не найдено.

Курган №33 выявлен в южной части могильника. Из-за задернованности почвы он почти не выделялся на современной поверхности. Диаметр каменной насыпи, сложенной в 1–3 слоя из мелких и средних по размеру камней, достигал с севера на юг 9,25, а с запада на восток – 10,25 м. Высота сооружения из камня достигала 0,5 м, а вместе со слоем грунта – 0,65 м. В центральной части насыпи прослежена западина диаметром с севера на юг 2,9 м, а с запада на восток – 2,8 м (рис. 1). Под насыпью кургана выявлено могильное пятно подпрямоугольной формы с округлыми углами, ориентированное по линии ЮВ–СЗ. В процессе дальнейшего исследования установлено, что могильная яма имела следующие размеры по уровню древнего горизонта: 3×1,97×2,24 м. Глубина могилы дана от нулевого репера. В могиле обнаружено разрушенное, вероятно, грабителями погребение человека (рис. 2). Умерший, судя по сохранившимся *in situ* костям ног, был уложен в скорченном положении, вероятно, на правом боку и был ориентирован головой на восток. Кости скелета оказались сильно разрушенными и смещенными с первоначального местоположения. Череп человека обнаружен на глубине 2,16 м, остальные кости – на глубине 2,17–2,29 м. В 0,2 м к юго-востоку от черепа выявлены остатки ритуальной пищи – кости барана. Непосредственно рядом с черепом к югу от него зафиксировано два скопления фрагментов золотой фольги (рис. 3). В 12 см к западу от черепа находился камень средних размеров: 34×38 см, на котором обнаружены две плечевые кости. Ребра и позвонки скелета были хаотично разбросаны в центральной части могилы. Крестец обнаружен на глубине 2,17 м у правой большеберцовой кости в районе предполагаемой ступни.

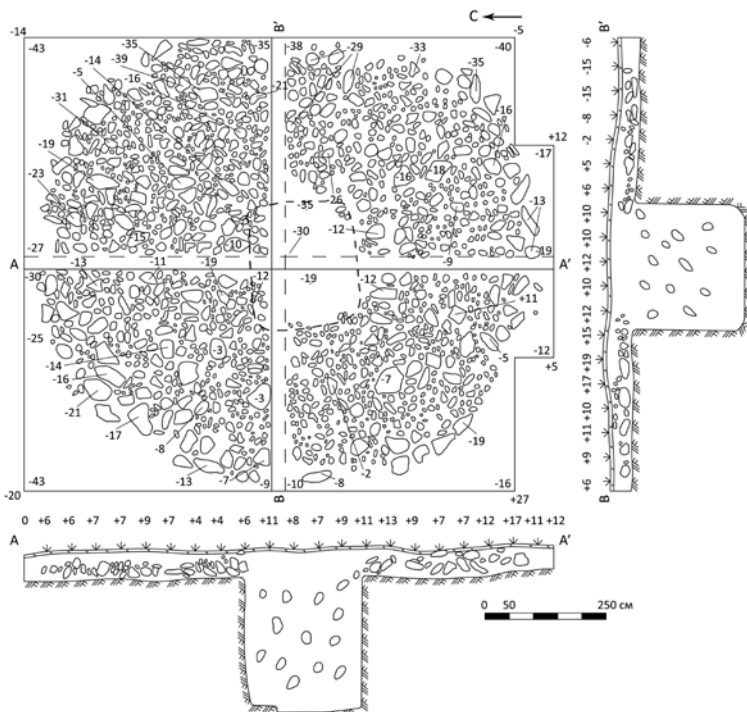

Рис. 1. План насыпи кургана №33 могильника Ханкаринский дол

Вдоль северной стенки могилы на глубине 1,8–2,14 м обнаружено сопроводительное захоронение лошади, которая была уложена на живот с подогнутыми копытами (рис. 2). Лошадь была ориентирована, как и человек, головой на восток. Череп лошади был немного приподнят. Сопроводительное захоронение лошади оказалось не потревоженным.

Несмотря на то что курганы №26 и 33 из могильника Ханкаринский дол оказались ограбленными, представляется возможным установить их культурную принадлежность. В частности, зафиксированные при раскопках кургана №33 особенности погребального обряда (вероятное положение умерших на правом боку, ориентация головой на восток, сопроводительное захоронение лошадей вдоль северной стенки могилы, ритуальная пища) имеют определенные аналогии в ранее исследованных объектах пазырыкской культуры как на некрополе Ханкаринский дол, так и на соседних могильниках Инской дол и Чинета-II [Дашковский, 20156; 2016; 20176; Дашковский, Ожиганов, 2017; Дашковский, Демин, 2018; и др.]. Кроме того, отмеченные особенности погребального обряда находят параллели с аналогичными показателями по памятникам пазырыкской культуры из Цент-

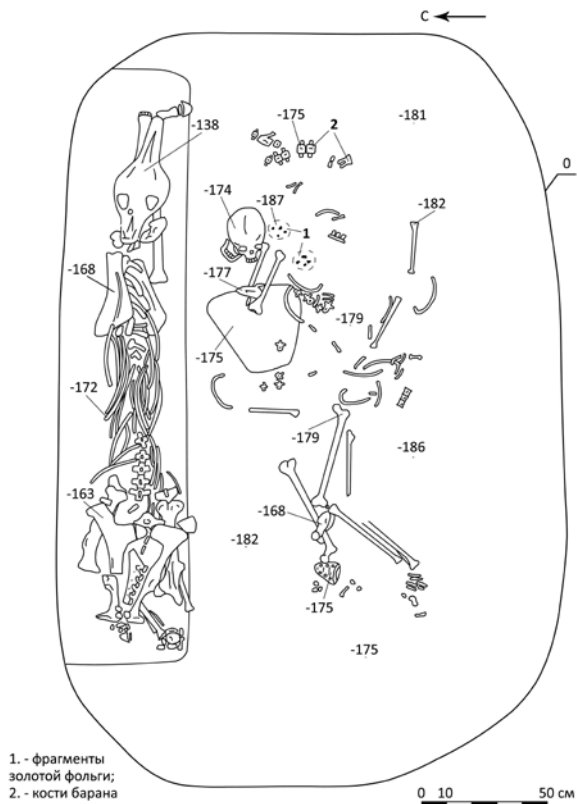

Рис. 2. План погребения в кургане №33 могильника Ханкаринский дол

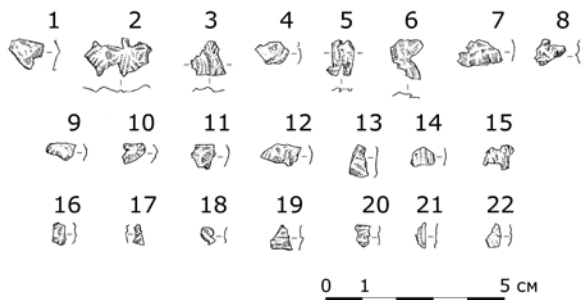

Рис. 3. Инвентарь из кургана №33 могильника Ханкаринский дол:
1-22 – фрагменты фольги

рального и Юго-Восточного Алтая [Кубарев, 1987; 1991; 1992; Кубарев, Шульга, 2007; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; и др.]. Обнаружение фрагментов золотой фольги, которой, возможно, было покрыто какое-то изделие, также встречается в курганах пазырыкской культуры Алтая.

В кургане №26 могильника Ханкаринский дол зафиксировано вытянутое положение умершего на спине, но с ориентацией головой на восток. Такое вытянутое положение умершего в могиле не является характерным признаком для пазырыкской культуры. В то же время ранее такая особенность в положении умершего в погребении фиксировалась на некоторых других объектах скифо-сакского периода в горных районах Алтая. Во-первых, такая особенность выявлена в элитных курганах пазырыкской культуры, в которых обнаружены погребения с колодами. Внутри колод умершие как раз были положены вытянуто на спине. Во-вторых, серия таких погребений выявлена в Северо-Западном Алтае, в т.ч. на некоторых курганах Чинетинского археологического микрорайона, а также в районе среднего течения Катуня [Дашковский, 2017б; Кирюшин, Стапанова, 2004, с. 16–17; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 164–165]. Связано это, вероятно, с межкультурным взаимодействием различных племен в контактной зоне гор и предгорий в скифо-сакский период. Не случайно курган №26 могильника Ханкаринский дол находился на небольшом расстоянии к востоку от основной курганной цепочки, в которой были совершены погребения по классическому погребальному обряду пазырыкской культуры. При этом особенности погребальной конструкции, восточная ориентация умершего, наличие ритуальной мясной пищи в специально отведенном для нее месте, расположение объекта рядом с цепочкой курганов пазырыкской культуры позволяют предварительно отнести курган №26 к скифо-сакскому периоду. Курган №33 указанного могильника может быть более определенно отнесен к пазырыкской культуре, вероятно, к завершающему ее этапу. Дальнейшее исследование курганов в северной части некрополя Ханкаринский дол, а также проведение радиоуглеродного анализа будут способствовать изучению этнокультурных процессов на Алтае и в сопредельных регионах в скифо-сакскую эпоху.

Библиографический список

Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул, 2015а. 224 с.

Дашковский П.К. Исследование курганов скифской эпохи в Западном Алтае в 2014 г. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2015б. Вып. XXI. С. 88–92.

Дашковский П.К. Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2016. Вып. IX. С. 42–66.

Дашковский П.К. Исследования Краснощекской археологической экспедиции на Алтае в 2001–2016 гг.: обзор экспедиционных работ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017а. Вып. XXVIII. С. 83–87.

Дашковский П.К. Результаты изучения погребального обряда кочевников Северо-Западного Алтая скифской эпохи (по материалам могильника Чинета-II) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурахе. Барнаул, 2017б. С. 112–116.

Дашковский П.К. Радиоуглеродное и археологическое датирование погребения скифского времени на могильнике Чинета-II (Алтай) // Народы и религии Евразии. 2018. №2 (15). С. 9–23.

Дашковский П.К. Курган эпохи палеометалла из могильника Ханкаринский дол (Горный Алтай) // Народы и религии Евразии. 2019. №3. С. 11–33.

Дашковский П.К., Демин М.А. Раскопки кургана №29 пазырыкской культуры в южной части могильника Ханкаринский дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2018. Вып. XXIV. С. 78–83.

Дашковский П.К., Кунгуров А.Л. Верхнечинетинский пещерный комплекс на р. Иня (средний Чарыш) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, №1. С. 59–62.

Дашковский П.К., Ожиганов А.Н. Предварительные результаты исследования курганов №28 и №33 на могильнике Чинета-II в Краснощековском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2019. Вып. XXV. С. 57–63.

Дашковский П.К., Ожиганов А.Н. Продолжение исследования курганов скифского времени на могильнике Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXIII. С. 88–91.

Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Результаты изучения кургана №30 скифского времени на памятнике Чинета-II (Алтай) // Народы и религии Евразии. 2020. №1. С. 42–55.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.

P.K. Dashkovskiy¹, A.N. Ozhiganov¹, I.A. Savko², E.A. Shershneva¹

¹*Altai State University, Barnaul, Russia;*

²*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia*

NEW RESULTS OF THE RESEARCH ONTO THE EARLY IRON AGE BURIAL MOUNDS AT THE KHANKAISKY DOL BURIAL GROUND

The article presents the results of the study of mounds N26 and N33 at the Khankarinsky Dol burial ground, located in the Krasnoshchekovsky district of the Altai Territory. The excavations were carried out by the Krasnoshchekovskaya archaeological expedition of Altai State University with the participation of students of the Barnaul

State Pedagogical University. As a result of the excavations, it was revealed that both mounds had been robbed, which makes their chronological attribution difficult. At the same time, the inventory in the form of fragments of gold foil was found only in mound No. 33. Recorded during the excavation of mound No. 33 features of the burial rite is the position of the deceased on his right side, facing to the East, accompanying burial of the horse along the Northern wall of the grave, ritual food, have certain analogies to previously explored objects of the Pazyryk culture on the necropolis Khankarinsky Dol and the nearby burial grounds Inskoy Dol and Chineta-II. In addition, such signs of the funeral rite find parallels with similar indicators for the sites of the Pazyryk period excavated in the Central and South-Eastern Altai. Mound No. 26, taking into account the analysis of the burial structure, the eastern orientation of the deceased, the presence of ritual meat food, the location next to the chain of mounds of the Pazyryk culture, gives reason to tentatively attribute it to the Scythian-Saka period.

Keywords: funeral ceremony, the Scythian-Saka period, the burial mound, Altai, artifacts

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.29

УДК 902(574.3)

Е.А. Дмитриев

*Казахандинский университет им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТНИКОВ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН)

Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН Республики Казахстан, проект AP09259147 «Культура кочевого населения Сарыарки в Средневековье (по материалам погребальных и ритуальных комплексов)»

Осуществлена обобщенная характеристика эмпирических типов памятников монгольского времени в Сарыарке, разделенных предварительно на две группы: первая (аллохтонная) – представлена предполагаемыми захоронениями раннемонгольской археологической культуры; вторая (автохтонная) – продолжает условно имманентное развитие погребальной архитектуры и обрядности огузско-кимако-кыпчакского населения в реалиях золотоордынского владычества и влияния ислама. Для идентификации захоронений ранних монголов используется признак (установка кости ноги мелкого рогатого скота вертикальным образом в изголовье умершего), характерный для обрядности населения Прибайкалья. Остальные параметры (надмогильная конструкция и т.п.) довольно тривиальны для населения раннего и отчасти развитого Средневековья Сарыарки. В золотоордынское время конструкция надмогильных сооружений стала претерпевать изменения. Каменные насыпи заменяются земляными. Появляются подкурганые сырцовые оградки, имеющие в том числе «пештаки». Распространяются безынвентарные захоронения, совершенные в соответствии с киблой.

Ключевые слова: Сарыарка, развитое Средневековье, погребальный, ритуальный, комплекс

В рамках статьи предлагается обратиться к предварительной характеристике погребальных и ритуальных комплексов монгольского времени в Сарыярке. Обозначенный в заглавии акцент на типологических особенностях следует кратко прояснить. Проблема типологии как области знания обо всех видах сравнительного анализа типов, теории типов и их соотношений (по М. Мальмеру) [Malmer, 1962, pp. 48, 881; 1963, pp. 16, 251; 1976, pp. 97–98] занимает особое место в зарубежных исследованиях и разрабатывалась, хоть и в на порядок меньшем объеме, советскими археологами [Клейн, 1991]. В данной работе, характеризуя те или иные аспекты раскопанных комплексов, типологические особенности будут представлять собой эмпирические типы (см.: [Клейн, 1991, с. 85–121]), т.е. отражать все фиксируемые значимые и/или тривиальные реалии памятников. Это отступление необходимо ввиду того, что в задачи археологии входит также выявление культурных (естественных) типов, фактура которых отражает психологическую действительность древнего социума [Клейн, 2012].

Несмотря на тиражирование в публикациях термина «Сарыярка», необходимо указать на наличие некоторых разночтений и вольностей в трактовке его географических границ. Данная проблема была обстоятельно рассмотрена в статьях А.З. Бейсенова [2000; 2001], предложившего в качестве научной дефиниции использовать рекомендованный Г.Ц. Медоевым [1956, с. 174] вариант, ограничивающий данную территорию «на западе Тургайской столовой страной, на востоке ... отрогами Калбы и Тарбагатая, а с юга ... пустыней Бетпакдала и озером Балхаш».

На данный момент объем фактуальной базы по раскопанным комплексам развитого Средневековья Сарыярки следует признать недостаточным для формирования целостного облика археологических культур. Однако проведенные ранее исследования позволяют констатировать их типологическое разнообразие. Дальнейшее изложение будет охватывать две группы памятников. Первая – сопоставима с собственно монгольскими захоронениями (по К.А. Акишеву) [Акишев, Хасенова, Мотов, 2008], вторая, вероятно, отражает погребальную архитектуру и обрядность автохтонного населения в золотоордынское время.

Предполагаемые захоронения *раннемонгольской археологической культуры* идентифицированы по характерному расположению костей ноги и позвонков МРС в могилах, что, согласно Н.В. Именохову [1989], является важным атрибутом обрядности ранних монголов в Прибайкальском регионе. Параллели этой традиции в погребениях комплекса Бозок были прослежены К.А. Акишевым [Акишев, Хасенова, Мотов, 2008], которым впервые была декларирована проблема выявления подобных захоронений. На данный момент представляется возможным расширить их фактуальную базу, пополнив материалами памятников Аюлы [Варфоломеев, Кукушкин, Дмитриев, 2017], Карасуыр [Усманова и др., 2018] и курганом №3 могильника Ауликколь [Петров, Смагулов, 2018, с. 173].

Захоронения маркированы на дневной поверхности курганными насыпями (Карасуыр, Аулиеколь), крупным камнем (Аюлы) или не обозначались надмогильными конструкциями (Бозок). Раскопанные каменные и земляной курганы имели округлую в плане форму диаметрами 4–12 м, высотой до 0,7 м. Причем в трех случаях отмечены вертикально установленные объекты у насыпей (Карасуыр).

Погребения представляли собой ямы размерами 2–2,5×0,52–1,32×0,65–1,48 м, ориентированные по линиям Ю–С (3), З–В (3), ЮЗ–СВ (1), ЮЮЗ–ССВ (1), ЗСЗ–ВЮВ (1). В одном случае зафиксированы остатки гроба (Бозок). В качестве способа обращения с телами применялось труположение. Останки укладывались на спине, преимущественно в вытянутом положении (иногда варьировалось положение рук: кисти на тазовых костях или руки слегка расставлены и согнуты в локтевых суставах). Ориентировка костяков варьировалась: северная (3), западная (3), северо-восточная (1), западно-северо-западная (1), северо-северо-восточная (1).

Необходимо подчеркнуть наличие в захоронениях костей мелкого рогатого скота (МРС), особенно их состав и расположение – вертикально установленная кость ноги (зачастую в изголовье) и несколько позвонков МРС у туловища погребенного. Аналогичная комбинация и/или расположение костей отмечено на памятниках Бозок, Карасуыр, Аулиеколь. Повторный разбор остеологической коллекции погребения Аюлы позволил установить наличие пары позвонков МРС, дополняющих ранее опубликованные данные о кости ноги и лопатке.

Сопроводительный инвентарь представлен предметами вооружения (фронтальные накладки на лук, наконечники стрел, кинжалы, берестяные колчаны, пластины ламинарного доспеха) и конского снаряжения (удила), украшениями (серьги), предметами быта (кресала с огнивыми кремнями, чаша), аксессуарами (пряжка, колокольчик) и т.п.

Принадлежность исследованных захоронений к раннемонгольской археологической культуре основывается на погребальной обрядности и, как было отмечено выше, – на составе костей МРС и их расположении в могиле [Именохоев, 1989]. Предметный комплекс не противоречит датировке захоронений XIII – 1-й половиной XIV в. Дополнительно усиливает предлагаемую культурную атрибуцию захоронений буддийская религиозная принадлежность некоторых умерших (по материалам могильника Карасуыр).

Комплексы *золотоордынского времени* исследованы на памятниках Долинское [Рыков, 1935, с. 43, 64–67], Жартас [Маргулан, 1959], Джучи [Смаилов, 2001], Тасмола-IV [Кадырбаев, Бурнашева, 1970], Котыртас [Кукушкин А.И., Дмитриев, Кукушкин И.А., 2019], Нураталды-2 [Ломан и др., 2017], Бозок [Хабдулина, Билялова, Бонора, 2018] и Аулиеколь [Петров, Смагулов, 2018]. Они представлены несколькими типами

сооружений: курганами (Тасмола-IV, Аулиеколь, Жартас), курганами с сырцовыми оградками (Долинское, Котырмас, Нураталды-2, Бозок), могилами, оконтуренными рвами и не обозначенными надмогильными конструкциями захоронениями (Бозок), а также мавзолеями (Джучи, Бозок, Аулиеколь). Данные по могильникам Джучи и Бозок в статистике не учитываются ввиду их обобщенного характера. Это касается и сооружений мавзолейного типа.

Курганы без оград имели земляные насыпи диаметрами 3–14 м, высотой до 1,2 м. Могилы представляли собой грунтовые ямы размерами 1,4–2,4×0,35–1,5×0,8–1,8 м, ориентированные по линиям З–В (4), Ю–С (1), ЮВ–СЗ (1). В ряде случаев останки умерших находились в деревянном ящике без дна, гробовищах (Тасмола-IV, Аулиеколь) или были покрыты березовой корой (Жартас). Положение костяков стандартное – на спине, головой на восток (2), север (1), запад (2) и северо-запад (1). В погребении 2 кургана №1 могильника Аулиеколь, на приступке находились кости лошади, включавшие череп, конечности и хвостовые позвонки.

Показательный ритуальный комплекс исследован на могильнике Жартас, где в специально подготовленной яме, устроенной в материке, расчищены кости собаки, уложенной головой на восток.

Сопроводительный инвентарь состоял из 43 серебряных монет, блюда, ножей, кресала, фрагментов колчана, шести наконечников стрел, стремян, удила и др. Иногда в насыпи сооружений и погребениях фиксировались кости животных.

Курганы с сырцовыми оградками до раскопок имели округлую (11–13 м) и овальную (11×12 м) в плане форму насыпи, высотой до 0,65 м. В двух случаях фиксировались рядом расположенные ямы, предназначенные для замеса сырцовых кирпичей. В процессе разбора насыпей фиксировались отдельные кости МРС и лошади. Подкурган-ные ограды (размеры – 5–6,8×4,7–5,7 м, ориентировка – ЮВ–СЗ (2), ЮЮВ–ССЗ (1), углами по сторонам света (1)) представляется возможным разделить на четырехугольные постройки без пештаков (Нураталды-2, Долинское, Бозок) и с ними (длина 1,2–1,5 м) (Котырмас, Нураталды-2). Общей чертой оград являются спроектированные выходы с юго-восточной, юго-юго-восточной и южной сторон. В ряде случаев удалось установить, что пол внутреннего пространства оградок был обмазан глиной (Нураталды-2 и Котырмас) или алебастром (Бозок). Погребальные камеры, маркированные на поверхности надгробиями (Бозок) или саганой (Котырмас, Долинское), представляли собой ямы размерами 1,85–2,5×0,45–1,6×0,7–1,6 м, ориентированные по линиям ЮВ–СЗ (6). Иногда в них помещалось гробовище или подстилка из коры деревьев. Останки умерших людей были уложены на спину и ориентированы головами на северо-запад (5). Сопроводительный инвентарь зафиксирован только в захоронениях могильников Нура-

талды-2 и был представлен зеркалом, наконечниками стрел, костяными накладками на колчан, ножом, удилами, стремями, имеющими аналоги в комплексах XIII–XIV вв. степной Евразии.

Обобщая данные по исследованным памятникам монгольского времени на территории Сарыарки, представляется возможным обозначить, предварительно, наличие комплексов раннемонгольского облика и золотоордынского времени.

Захоронения раннемонгольской археологической культуры обозначались в ряде случаев каменными и земляными насыпями или отдельным камнем. Предметный комплекс близок кыпчакскому, но его своеобразие подчеркивается новым типом стремян [Ломан и др., 2017, рис. 7.-6, 8] с отверстием в верхней части дужки (взамен выделенно-пластинчатых и петлевидных округлой и арочной форм в комплексах раннего Средневековья региона). Главной идентифицирующей чертой является установка вертикально в районе черепа или туловища кости ноги МРС, дополненная несколькими позвонками, положенными, главным образом, в районе туловища.

Золотоордынское время знаменует поступательное распространение ислама в Сарыарке, что естественным образом отразилось на некоторых аспектах погребальной обрядности. На смену каменным приходят земляные насыпи. Появляются сырцовые ограды четырехугольной формы, в том числе с пештаками [Ломан и др., 2017, рис. 1.-2; Кукушкин А.И., Дмитриев, Кукушкин И.А., 2019, рис. 3], совокупно отражающие планировку портално-купольных мавзолеев. Широкое распространение получают безынвентарные захоронения, обрядность которых соответствует кибле [Хабдулина, Билялова, Бонора, 2018, с. 23].

Библиографический список

Акишев К.А., Хасенова Б.М., Мотов Ю.А. К вопросу о монгольских погребениях XIII–XIV вв. (по материалам некрополя городища Бозок) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Астана, 2008. С. 56–65.

Бейсенов А.З. О значении термина «Арка» в ареалах расселения тюркоязычных народов среднеазиатско-казахстанского региона // Ош и Фергана: археология, новое время, культурогенез, этногенез. Бишкек, 2000. Вып. 4. С. 113–116.

Бейсенов А.З. Ежелгі Сыр өңірі және Сарыарка // Труды Международных Маргулановских чтений, посвященных 10-летию независимости Республики Казахстан, на тему «Достижения и перспективы археологической науки независимого Казахстана». Кызылорда, 2001. С. 139–143.

Варфоломеев В.В., Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Средневековое погребение у аула Аюлы // История и археология Семиречья. Алматы, 2017. №5. С. 167–173.

Именохоев Н.В. К вопросу о культуре ранних монголов (по данным археологии) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск, 1989. С. 55–62.

Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З. Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 42–53.

- Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991. 448 с.
- Клейн Л.С. Археологическое исследование: Методика кабинетной работы археолога. Кн. 1. Донецк, 2012. 622 с.
- Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Кукушкин И.А. Кенотаф золотоордынского времени на могильнике Котырмас (Центральный Казахстан) // Археология Казахстана. 2019. №4 (6). С. 19–31.
- Ломан В.Г., Дмитриев Е.А., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И. Золотоордынские погребения могильника Нураталды-2 // Археологическое наследие Центрального Казахстана. Алматы, 2017. С. 209–218.
- Маргулан А.Х. Раскопки воина XIV века в долине реки Нуры // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 248–261.
- Медоев Г.Ц. Погребенные долины Сары-Арка (Центральный Казахстан) // Известия Всесоюзного Географического общества. М.; Л., 1956. Т. 88. Вып. 2. С. 174–178.
- Петров П.Н., Смагулов Т.Н. Нумизматические находки XIV века из некрополя у озера Ауликколь // Stratum plus. 2018. №6. С. 167–184.
- Рыков П.С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). Отчет о работах // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. М.; Л., 1935. Вып. 109–110. Т. II. С. 40–68.
- Смаилов Ж.Е. Археологические исследования комплекса Жошы-Хана // Отан тарихы. 2001. №2. С. 90–106.
- Усманова Э.Р., Дремов И.И., Панюшкина И.П., Колбина А.В. Монгольские воины Улуса Джучи по материалам могильника Карасуыр (Улытау, Центральный Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, №2. С. 106–113.
- Хабдулина М.К., Билялова Г.Д., Бонора Ж.Л. Распространение ислама в восточном Дешт-и-кыпчаке по материалам городища Бозок // Народы и религии Евразии. 2018. №1 (14). С. 16–30.
- Malmer M.P. Jungneolithische Studien // Acta Archaeologica Lundensia. Bonn-Lund, 1962. Series 8, №2. 959 s.
- Malmer M.P. Metodproblem inom järnalderns konsthistoria // Acta Archaeologica Lundensia. Bonn-Lund, 1963. Series 8, №3. S. 76–221.
- Malmer M.P. Comments on Relative chronology // Norwegian Archaeological Review. 1976. No 9 (2). Pp. 97–104.

E.A. Dmitriev

*E.A. Buketov Karaganda University, Karaganda, Kazakhstan;
Altai State University, Barnaul, Russia*

TYOPOLOGICAL FEATURES OF THE SITES OF MONGOLIAN TIME (CENTRAL KAZAKHSTAN)

The article presents a generalized characteristic of the empirical types of the Mongolian time sites in Saryarka. They were previously divided into two groups: the first (allochthonous) one is represented by the alleged burials of the Early Mongolian archaeological culture; the second (autochthonous) one continues the conditionally immanent development of burial architecture and rituals of the Oguz-Kimak-Кыпчак population in the realities of the Golden Horde dominion and the influence of Islam. To identify the burials of the early Mongols, a feature is used (the installation of the

small ruminant's leg bone in a vertical manner at the head of the deceased), which is characteristic of the rituals of the population of the Baikal region. The rest of the parameters (the grave structure, etc.) are rather trivial for the population of the early, and partly, the developed Middle Ages of Saryarka. In the Golden Horde time, the construction of the grave structures began to undergo changes. Stone embankments were replaced by earthen ones. Sub-kurgan adobe enclosures, including peshtaks, appeared. Non-inventory graves made in accordance with the qibla began to spread.

Keywords: Saryarka, developed Middle Ages, burial, ritual, complex

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.30

УДК 903.4(571.17)

А.М. Илюшин

*Кузбасский государственный технический
университет имени Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ МУСОХРАНОВО-6А В КАСЬМИНСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МИКРОРАЙОНЕ

В статье публикуются и исследуются материалы из раскопа шурфа №6 на поселении Мусохраново-6А, расположенного в долине среднего течения р. Касьма на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области. Описываются результаты и материалы археологических раскопок. Публикуется репрезентативная коллекция археологических находок, представленная фрагментами венчиков и днища керамической посуды и игровой костью. Отдельные экземпляры керамической посуды украшены орнаментом. Источники систематизируются (форма венчика, техника нанесения орнамента, зональное расположение элементов и мотивов орнамента), подвергаются сравнительно-историческому анализу с аналогичными материалами из Кузнецкой котловины. На основании сравнительного анализа делается вывод, что исследованные материалы по совокупности культурных характеристик можно отнести к двум историческим периодам – переходному времени от периода поздней бронзы к раннему железному веку и Средневековью. Культурный слой поселения характеризуется как смешанный, состоящий из артефактов позднеирменской и шандинской археологических культур.

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, Касьма, поселение, Мусохраново-6А, керамика, ирменская культура, шандинская культура

Полевые работы Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции Гуманитарного научного центра КузГТУ по программе «Исследования Касьминского археологического микрорайона», который был выделен в 1994 г. [Илюшин, Сулейменов, 1994, с. 39–43], привели к открытию в 2009 г. поселения Мусохраново-6А. Памятник располагается в 0,6 км на восток–юго-восток от д. Мусохраново на мысовидной первой надпойменной террасе левого берега р. Касьма, на краю заболоченной пойменной низины, которая во времена полноводья представляла собой

полноценный водоем [Илюшин, 2010, с. 32–33; 2015, с. 647; Илюшин, Бутьян, 2010, с. 124–130]. Информация по истории обнаружения памятника и материалы раскопок шурфа №5 уже введены в широкий научный оборот [Илюшин, 2020, с. 32–33]. Цель настоящей работы – ввести в широкий научный оборот материалы, полученные в результате раскопок разведочного шурфа №6 на поселении Мусохраново-6А в 2009 г., и дать их культурно-хронологическую характеристику.

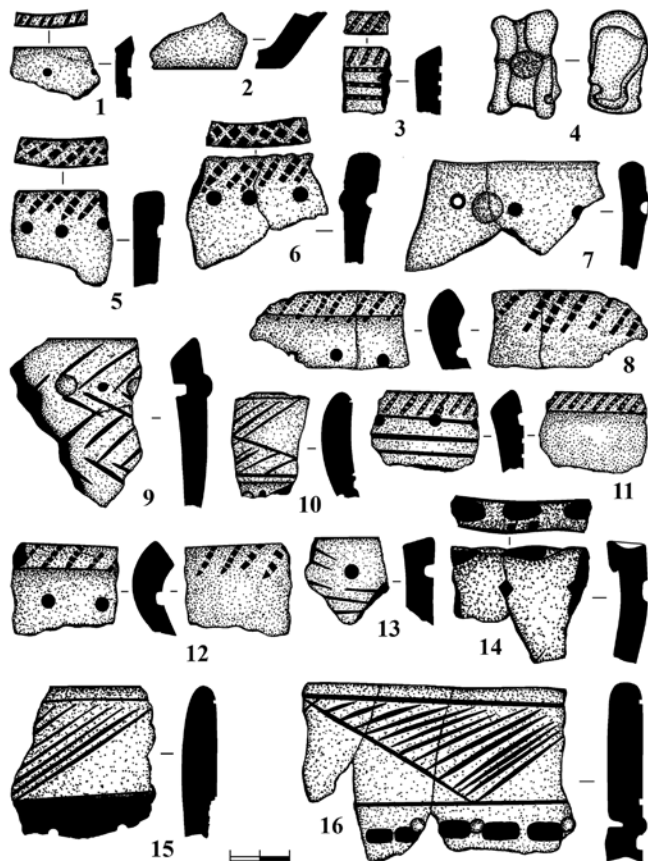
Шурф №6 был заложен в южной части памятника рядом с западной №4. Размеры шурфа 4×4 м, стенками ориентирован по сторонам света. В процессе раскопок пошагово были исследованы три слоя грунта. Стратиграфия почвы – дерн, чернозем, предматериковый смешанный слой из чернозема и светло-серого суглинка и материк светло-серый суглинок. После зачистки материка в юго-западной части раскопа была зафиксирована грунтовая яма, которая уходила за пределы западной стенки шурфа. Поэтому к шурфу в юго-западной части была сделана прирезка 1,5×1 м, вытянутая с юга на север, что позволило полностью выявить границы и исследовать грунтовую яму, она представляла собой остатки жилища животного, в которой отсутствовали археологические находки.

При раскопках первого слоя преимущественно в нижней части дерна и верхнем слое чернозема были найдены 24 фрагмента керамической посуды, каменное изделие (молочный кварцит) и игральная кость (альчик), а также 45 фрагментов костей животных.

При раскопках второго слоя в слое чернозема были найдены 74 фрагмента керамической посуды, каменный скребок и три каменных изделия (кварцит молочного цвета), а также 101 фрагмент костей животных.

При раскопках третьего слоя преимущественно в нижней части слоя чернозема и частично в смешанном предматериковом слое, были найдены 15 фрагментов керамической посуды, а также 19 фрагментов костей животных.

Всего при раскопках шурфа №6 было найдено 129 археологических предметов (из них 113 фрагментов керамической посуды, пять каменных изделий и игральная кость), а также 165 фрагментов костей животных, преимущественно лошади. Из 113 фрагментов керамической посуды 28 были орнаментированы и девять представляли собой фрагменты с плоским дном. Орнаментированные фрагменты керамической посуды были найдены только в первом (7 экз.) и втором (21 экз.) слоях. Для определения культурно-хронологической принадлежности материалов из раскопа шурфа №6 приведем наиболее репрезентативные материалы из этого раскопа (рис.-1–16). Эти находки позволяют описать и исследовать технику нанесения орнамента, форму венчиков и орнамент на уровне элементов и мотивов и сравнивать их с материалами других памятников.

Поселение Мусохраново-6А. Находки из шурфа №6:
 1-3, 5-16 – фрагменты керамической посуды; 4 – игральная кость (альчик).
 1-7 – первый слой, 8-16 – второй слой

Первое, что обращает на себя внимание, – это наличие исключительно плоских днищ от посуды, которая была найдена в этом раскопе (рис.-2). Во-вторых, это находки кварцита белого (молочного) цвета, который использовался для высекаания искры и встречается в захоронениях развитого Средневековья на территории Кузнецкой котловины, в том числе и в курганной группе Мусохраново-1, расположенной в 0,4 км к западу-северо-западу от поселения Мусохраново-6А [Илюшин, 1997, с. 38; 1999, с. 46; 2008а, с. 165, рис. 2.-2; 2010а, с. 105; 2014, с. 50, рис. 84.-9; Сулейменов, Илюшин, 2019, рис. 11.-9]. В-третьих, при визуальном исследовании коллекции материалов из раскопа шурфа №6

(рис.-1-16) складывается впечатление, что они представлены культурными традициями двух хронологических периодов: позднеирменским, или переходным периодом от эпохи бронзы к раннему железному веку (рис.-7, 9, 10, 13, 15, 16), и развитым Средневековьем (рис.-1, 3, 5, 6, 8, 11, 12, 14). Фрагмент плоского дна и игральная кость (рис.-2, 4) могут относиться к двум вышеназванными периодами.

На фрагментах древней керамической посуды имеются округлые и скошенные внутрь венчики. Последние характерны для ирменско-большереченской керамической посуды на поселении Маяк на юге Кузнецкой котловины [Членова, 1994, табл. 1]. При орнаментации этой посуды использовались резные линии и тычковая техника. По набору мотивов в зоне венчика и шейки имеются горизонтальные линии, заштрихованные треугольники вершинами вниз, заштрихованные треугольники, соединенные вершинами, горизонтальная елочка, «жемчужник» и ямки разной формы (рис.-7, 9, 10, 13, 15, 16). Эти мотивы орнамента в Кузнецкой котловине и на сопредельных территориях принято относить к ирменской, большереченской и тагарской археологическим культурам [Илюшин, Ковалевский, 2012, с. 69–71; Ковалевский, 2006, табл. 18; табл. 19; Членова, 1994; табл. 2; рис. 49; рис. 50; и др.].

Фрагменты керамической посуды развитого Средневековья имеют округлые, прямые и скошенные внутрь и наружу венчики (рис.-1, 3, 5, 6, 8, 11, 12, 14). При орнаментации этой посуды использовались резные линии и тычковая техника. Все срезы венчиков у них были украшены разными элементами: резные насечки, гребенка, ямки от пальце-ногтевых вдавлений. В зоне венчика и шейки сосуды были украшены такими мотивами, как горизонтальные разреженные ряды ямок округлой и ромбической формы, горизонтальные полосы из наклонной гребенки, горизонтальные прорезные линии и прорезные линии, проработанные гребенкой. У двух сосудов с внутренней стороны зона венчика украшена мотивом горизонтальной полосы из наклонной гребенки (рис.-8, 12). Ближайшие аналогии средневековой керамике наблюдаются в пределах Касьминского археологического микрорайона. Они имеются на культовой площадке Торопово-7А (развитое и позднее Средневековье), в материалах XI–XIV вв. на комплексе археологических поселений Торопово-4 и поселении Торопово-7 [Борисов, Илюшин, Онищенко, 2017, с. 54–60, рис. 2.-2; 2019, с. 26–32, рис. 2.-2–5, 7, 8, 12; Илюшин, 2019, с. 47–53, рис. 1.-1–3; Илюшин, Ковалевский, 2012, с. 84–85; Илюшин, Сулейменов, 2020, с. 40–45, рис. 1.-10, 11, 13, 15, 16; и др.], а также на погребальных памятниках Сапогово-2 (XI–XII вв.), Торопово-1 (XIII–XIV вв.) и Мусохраново-1 (XII–XIII вв.) [Илюшин, 1997, рис. 23.-2; рис. 26.-2; 1999, рис. 27.-5; Илюшин, Бутьян, 2010, рис. 4; рис. 5; и др.].

Анализ коллекции находок из раскопок шурфа №6 позволяет сделать вывод о том, что на этом участке поселения Мусохраново-6А одно-

временно имеются артефакты начальной фазы переходного периода от эпохи бронзы к эпохе железа (по Н.Л. Членовой) и развитого Средневековья. Культурный слой является смешанным, вероятно, в результате естественных (оползание грунта, воздействие весенних паводков, норы животных и др.) и антропологических (хозяйственная деятельность и строительство жилья) факторов, имевших место на территории памятника. Таким образом, культурный слой памятника является смешанным из двух компонентов переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку и развитому Средневековью. Древний компонент по аналогии может быть отнесен к поздней стадии функционирования ирменской археологической культуры, а средневековый – к шандинской археологической культуре развитого Средневековья в Кузнецкой котловине.

Библиографический список

Борисов В.А., Илюшин А.М., Онищенко С.С. Средневековое жилище в раскопе №10 на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXIII. С. 54–60.

Борисов В.А., Илюшин А.М., Онищенко С.С. Новые материалы по раскопкам жилища на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2019. Вып. XXV. С. 26–32.

Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997. 119 с.

Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово, 1999. 208 с.

Илюшин А.М. Курганные могильники Камысла и Новокамышенка (по материалам раскопок А.Т. Кузнецовой в 1927 году) // Археология Степной Евразии. Кемерово, 2008а. С. 160–184.

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2009 году на территории Кемеровской области. Кемерово, 2010. 152 с.

Илюшин А.М. К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново-9) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010а. №1. С. 97–106.

Илюшин А.М. Курганы кыштымов в долине Ура. Кемерово, 2014. 216 с.

Илюшин А.М. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2010–2012 гг. // Археологические открытия 2010–2013 годов. М., 2015. С. 647.

Илюшин А.М. Раскопки на Торопово-7А в касьминском археологическом микрорайоне // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае: археология, этнография, устная история и музееведение. Вып. 14. Барнаул, 2019. С. 47–53.

Илюшин А.М. Материалы исследований на поселении Мусохраново-6А в Касьминском археологическом микрорайоне // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2020. Вып. XXVI. С. 41–45.

Илюшин А.М., Бутьян В.А. Археологические разведки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2009 году // Профессиональное образование и социогуманитарное знание: тенденции и проблемы. Кемерово, 2010. С. 124–130.

Илюшин А.М., Бутьян В.А. Раскопки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 2009 года на курганной группе Мусохраново-1 // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2010. №4. С. 175–184.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы. Кемерово, 2012. 212 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Комплекс археологических памятников в долине реки Касьма // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1994. С. 39–43.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Исследования на комплексе археологических памятников Торопово-7А // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае: археология, этнография, устная история и музееведение. Барнаул, 2020. Вып. 15. С. 40–45.

Ковалевский С.А. Погребально-поминальные памятники ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины. Кемерово, 2006. 111 с.

Сулейменов М.Г., Илюшин А.М. Раскопки курганов близ села Мусохраново // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. №9. С. 53–65.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. 170 с.

A.M. Ilyushin

Gorbache Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

STUDIES IN THE MUSOHRANOVO-6A SETTLEMENT IN THE KOSMINSKA ARCHAEOLOGICAL MICRODISTRICT

The article publishes and explores materials from the excavation of pit No. 6 at the Musokhranovo-6A settlement, located in the valley of the middle reaches of the Kasma river in the Leninsk-Kuznetsk district of the Kemerovo region. The results and materials of archaeological excavations are described. A representative collection of archaeological finds is published, represented by fragments of corollas and the bottom of ceramic utensils and dice. Individual copies of ceramic utensils are decorated with ornaments. Sources are systematized (corolla shape, ornament application technique, zonal arrangement of ornament elements and motifs) are subjected to comparative historical analysis with similar materials from the Kuznetsk basin. Based on a comparative analysis, it is concluded that the materials studied on the totality of cultural characteristics can be attributed to two historical periods – the transition time from the late Bronze Age to the early Iron Age and the Middle Ages. The cultural layer of the settlement is characterized as the mixed one consisting of artifacts of Late Irish and Shandin archaeological culture.

Keywords: Kuznetsk basin, Kasma, settlement, Musohranovo-6A, ceramics, Irmen culture, Shandin culture

А.А. Казаков^{1,2}, Я.В. Фролов²

¹Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА
УСТЬ-БЕЛОКУРИХА-3: АВАРИЙНЫЕ РАСКОПКИ 1990 Г.
В ЗОНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА АВТОДОРОГИ БИЙСК – БЕЛОКУРИХА**

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФИ (проект №19-49-220006 «Крупные курганы элиты древних и средневековых кочевников на территории Алтайского края как объекты экскурсионно-туристической деятельности: историко-археологические и естественно-научные исследования»)

В статье публикуются материалы могильника Усть-Белокуриха-3. Памятник располагается в Смоленском районе Алтайского края. Могильник разрушен в ходе строительных работ. На памятнике насчитывалось пять курганов. На могильнике раскопан один курган. Его насыпь была сложена из камня. В центре кургана находилось одно погребение. Умерший в могиле был уложен на спину, головой ориентирован на юго-запад, ноги подогнуты. Особенности погребального обряда позволяют отнести памятник к периоду раннего железа. Предварительно некрополь можно отнести к быстринской культуре. Отсутствие визуально выделяющихся насыпей на памятнике характерно для состояния большинства курганных некрополей подобного рода в северных предгорьях Алтая. Эти памятники были разрушены в ходе интенсивного антропогенного воздействия на данную территорию. Продолжающаяся распашка территорий памятников в предгорной зоне создает дополнительную угрозу ухудшения состояния курганных некрополей.

Ключевые слова: курганный могильник, ранний железный век, скифское время, северные предгорья Алтая, быстринская культура

В северных предгорьях Алтая достаточно остро встают проблемы, связанные с выявлением и исследованием курганных могильников. Активное образование гумусового слоя, смыв гумуса со склонов к подошвам гор приводит к нивелированию курганных насыпей. На этих территориях большинство древних объектов визуально не фиксируются. Поэтому в северных предгорьях Алтая выявлено не так много курганных некрополей по сравнению с Горным Алтаем. В связи с этим дополнительная информация о курганных некрополях из данной зоны позволяет уточнять сведения о топографии расположения памятников подобного типа в северных предгорьях Алтая.

В Смоленском районе зафиксировано 18 курганных могильников. На большинстве из них насыпи курганов в настоящее время не видны, в подавляющем большинстве они распаханы. Изначально многие из этих памятников представляли собой крупные могильные поля, на-

считывающие десятки курганных насыпей [Абдулганеев, Тишкин, 1999, рис. 2.-1; Кунгурова, 2013, с. 182–184; Казаков и др., 2015, с. 104].

В Смоленском районе Алтайского края некрополей эпохи железа исследовано немного. Значительная их часть обнаружена в ходе масштабных аварийных работ, проводившихся в период строительства трассы Бийск – Белокуриха в 1987–1990 гг. [Абдулганеев, Казаков, Неверов, 1991, с. 58–59]. Выявленные и исследованные в ходе этих работ некрополи не имели ярко выраженных насыпей. Так, на момент раскопок насыпей над захоронениями могильника Точиленский Елбан не фиксировалось, но планиграфия некрополя и наблюдения над стратиграфией позволили предположить наличие насыпей над некоторыми могилами [Абдулганеев, Тишкин, 1999, с. 102, рис. 4.-1].

Насыпи над курганами могильника Усть-Белокуриха-3 на дневной поверхности также не фиксировались. Памятник был исследован летом 1990 г. А.А. Казаковым и М.Т. Абдулганеевым. Могильник расположен в 2,7 км к юго-юго-западу от южной окраины с. Точильное Смоленского района Алтайского края. Некрополь размещается на правом берегу р. Песчаная на мысовидном выступе террасы, образованном долиной р. Песчаная и ее правого притока р. Белокуриха в 1,5 км к северо-северо-западу от ее устья (рис. 1). Памятник был обнаружен при обследовании разрушений почвенного слоя, появившихся в ходе строительства автодороги Бийск – Белокуриха. На участке со снятым верхнем слоем гумуса к юго-западу от автодороги были зафиксированы несколько скоплений камней, являющихся разрушенными землеройной техникой насыпями курганов. В этом месте обнаружены пять насыпей курганов, образующих цепочку, ориентированную по оси СЗ–ЮВ. Цепочка ориентирована вдоль края террасы долины р. Песчаная, имеющего значительный уклон в сторону реки (рис. 1.-2). Не исключено, что данные объекты являлись лишь частью некрополя, расположенного на этом мысовидном выступе. Насыпи других курганов, покрытые мощным слоем гумуса, могли быть уничтожены в результате строительства автодороги, а также сnivelированы в ходе распашки территории к северо-востоку от автотрассы.

На памятнике был раскопан один курган с частично разрушенной насыпью. На современной дневной поверхности насыпь не выделялась. Ее юго-восточная часть была повреждена – часть каменной наброски была смещена с первоначального места (рис. 2.-1). Насыпь кургана состояла из рваного камня средним размером 25×15×15 см, ее диаметр составлял 7 м. Высота насыпи достигала 0,5 м от уровня погребенной почвы. По периметру насыпи прослежена крепида из крупных булыжников. С востока кольцо крепиды представляло собой достаточно плотный ряд камней, в остальных секторах булыжники по краю размещались разреженно. С западной стороны от погребения, располагавшегося в центре сооружения, прослежено еще одно внутренне полукольцо из крупных камней (рис. 2.-1).

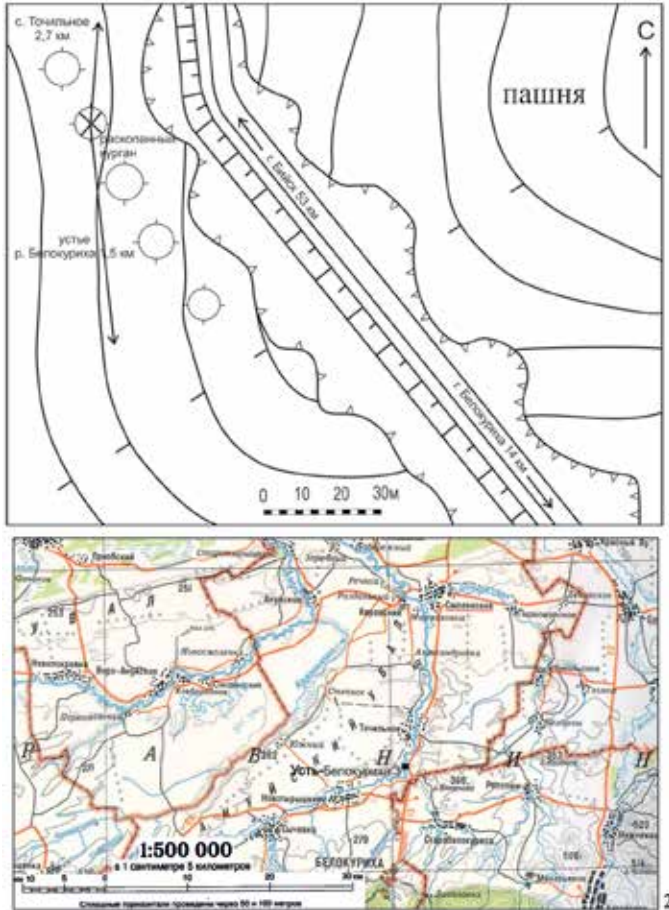

Рис. 1. 1 – топографический план могильника Усть-Белокуриха-3;
2 – карта-схема расположения могильника Усть-Белокуриха-3

В центре кургана размещалась могильная яма овальной формы (рис. 2.-2). Она имела размеры 2,1×1,4 м. Длинной осью могильное пятно ориентировано по линии ЮЗЗ–СВВ. Заполнение могильной ямы представляло собой гумусированную почву с мелким камнем – таким же, как в насыпи. Ближе к дну могилы в заполнении встречены угли. Могильная яма имела наклонные стенки. Ее размеры по дну составляли 1,6×1 м. Дно зафиксировано на глубине 0,6 м от уровня погребенной почвы. В могиле обнаружен скелет умершего, уложенный на спине, головой на юго-запад. Поскольку северо-восточная часть могилы была

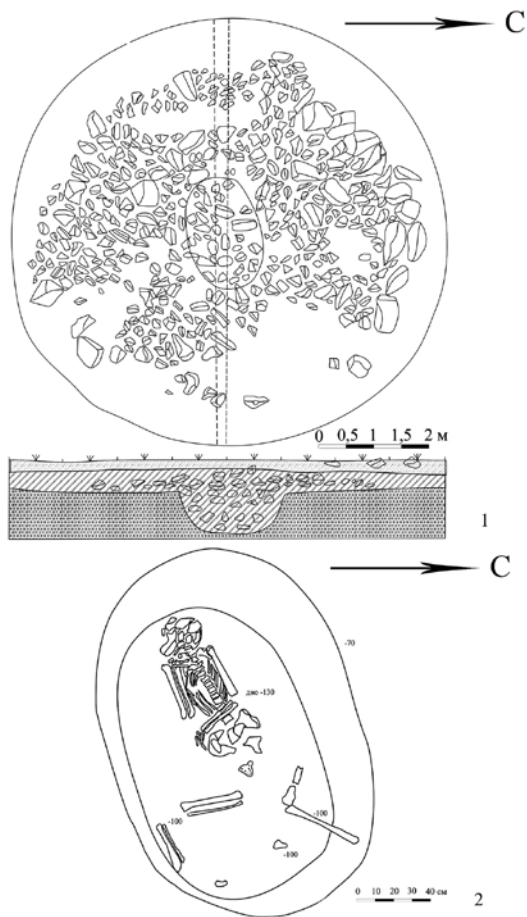

Рис. 2. 1 – план курганной насыпи на могильнике Усть-Белокуриха-3;
2 – погребение под курганной насыпью на могильнике Усть-Белокуриха-3

потревожена, расположение ног умершего установить сложно. В анатомическом порядке сохранилась только верхняя часть туловища. Левая рука умершего располагалась на поясе. Локтевые кости правой руки отсутствовали. Судя по конфигурации могильной ямы, погребенный в могилу был помещен с подогнутыми ногами. Расположение бедренной кости в могиле позволяет предположить, что согнутые в коленях ноги были уложены на правую сторону. Вещей в могиле не обнаружено.

Данное захоронение по особенностям погребального обряда наиболее близко к могилам раннего железного века. Такую датировку пред-

ложили в предварительной публикации данной могилы М.Т. Абдулганеев и А.А. Тишкин [1999, с. 103]. Ориентация погребенных в юго-западный сектор характерна для погребальной обрядности быстрианской культуры [Абдулганеев, Тишкин, 1999, с. 100; Казаков и др., 2015, с. 105–106]. Умершие, уложенные на спину с подогнутыми ногами, не часто, но достаточно широко встречаются в погребениях скифо-сакского времени в северных предгорьях Алтая [Абдулганеев, Тишкин, 1999, с. 102]. На спине с подогнутыми ногами лежал умерший в одном из захоронений могильника Каменка, который авторы раскопок отнесли к быстрианской культуре [Казаков и др., 2016, с. 127]. Данное положение тела умершего традиционно в погребальной практике пазырыкской культуры [Абдулганеев, Тишкин, 1999, с. 102]. Курганы быстрианской культуры, имеющие сходную каменную наброску насыпи с кольцевой крепидой, обнаружены на могильнике Каменка [Казаков и др., 2015, с. 104–105; Казаков и др., 2016, с. 126, 131]. Вышеизложенные аргументы позволяют отнести погребение к периоду раннего железа и предварительно соотнести с памятниками быстрианской культуры, в ареале распространения памятников которой и расположен могильник.

Исследования могильника Усть-Белокуриха-3 дополняют общую картину состояния погребальных памятников в северных предгорьях Алтая. Имеющиеся в значительных количествах курганные могильники в настоящее время в подавляющем большинстве случаев лишены внешних признаков. Их насыпи сnivelированы в ходе распашки. В результате создается серьезная угроза сохранности подобных объектов. Их трудно обнаружить в процессе визуального обследования. Продолжающаяся распашка их территории создает угрозу разрушения древних объектов в северных предгорьях Алтая.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Казаков А.А., Неверов С.В. Новые исследования на р. Песчаной // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 58–61.

Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А. Погребальные комплексы скифского времени левобережья низовьев Катунь // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1999. Вып. 4. С. 99–111.

Казаков А.А., Семибратов В.П., Редников А.А., Матренин С.С., Григоров Е.В. Исследование погребального комплекса быстрианской культуры Каменка в Советском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул, 2015. С. 103–109.

Казаков А.А., Семибратов В.П., Ситников С.М., Матренин С.С., Григоров Е.В. Новые исследования погребений быстрианской культуры на могильнике Каменка в Советском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII. Барнаул, 2016. С. 126–132.

Кунгурова Н.Ю. К карте расположения курганов в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2013. С. 181–191.

A.A. Kazakov^{1,2}, Ya.V. Frolov²

¹*Barnaul Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia;*

²*Altai State University, Barnaul, Russia*

IRON AGE BURIAL MOUND UST-BELOKURIKHA-3: EMERGENCY EXCAVATIONS IN CONSTRUCTION ZONE OF BIYSK-BELOKURIKHA HIGHWAY IN 1990

The article publishes materials from the Ust-Belokurikha 3 burial ground. The site is located in the Smolensk District of the Altai Territory. The burial ground was destroyed during construction work. There were five burial mounds on the site. One burial mound was excavated. Its artificial hill had been built of stone. There was one burial in the center of the mound. The deceased in the grave was laid on his back and his head was oriented to the southwest. His legs were bent. The specifics of the funeral rite allow dating the site to the Early Iron Age. Preliminary dating of the necropolis can be attributed to the Bystryanskaya culture. The absence of visually prominent mounds at the site is characteristic of most mound necropolises of this kind in the northern foothills of Altai. Those sites were destroyed during the intensive anthropogenic use of the area. Continuing plowing of the land containing archaeological sites in the foothill zone creates an additional threat to the deteriorating condition of the ancient burial mounds.

Keywords: burial mound, Early Iron Age, Scythian-Saka time, northern foothills of Altai, Bystryanskaya culture

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.32

УДК 903.02(571.1)

К.Ю. Кирюшин, Ю.Ф. Кирюшин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ ПЕСТРЯКОВО ОЗЕРО (юг Западной Сибири)

Статья посвящена публикации находок фрагментов керамической посуды, обнаруженной на поселении Пестряково Озеро (Завьяловский район Алтайского края). Выделена группа керамики, которая относится к раннему железному веку и Средневековью. Единичные фрагменты находят аналогии в материалах памятников ранней и поздней бронзы. В составе керамической коллекции поселения Пестряково Озеро выделяются группы керамики, которые относятся к неолиту или энеолиту. Это фрагменты сосудов, орнаментированные отпечатками «веревочки», наколами, отпечатками короткого гребенчатого штампа, шагающей гребенки. Достаточно информативна линейно-накольчатая и отступающе-накольчатая керамика. На внешней и внутренней поверхности, а также в сломках фиксируются следы от выгоревшей органики (волоса или шерсти животных). Подобная керамика широко представлена на территории юга Западной Сибири и связана с различными поселенческими и погребальными комплексами от Оби до Иртыша и различными культурными образованиями неолита и энеолита.

Ключевые слова: поселение, керамика, техника орнаментации, сравнительно-типологический анализ, неолит, энеолит

Неолит до сих пор остается наименее изученным периодом в древней истории нынешней территории Алтайского края. Во многом это связано с характером источников, имеющих в распоряжении исследователей. Как уже отмечалось, на территории степного и лесостепного Алтая «...материалы неолитической эпохи представлены в основном незначительными сборами с памятников вдоль ленточных боров или с дюнных озерных стоянок» [Кирюшин, 2002, с. 5]. Как правило, в сборах с памятников с разрушенным культурным слоем артефакты неолита встречаются вместе с материалами более позднего времени. В данной ситуации материалы многочисленных сборов становятся основными источниками научной информации.

Поселение Пестряково Озеро находится в Завьяловском районе Алтайского края, в 1,5 км к северо-востоку от с. Завьялово на южном берегу озера Пестряково. Памятник открыт С.П. Зверяко. Им в разные годы собрана коллекция каменных артефактов и керамики, которая была передана в 80-е гг. XX в. в Алтайский госуниверситет для научного исследования и публикации материалов [Кирюшин, Шамшин, 2000, с. 34]. В настоящее время в научный оборот введена только часть коллекции каменных артефактов (продукты первичного расщепления и орудия на пластинах) [Кирюшин, Кирюшин, 2021]. Цель данной публикации – ввести в научный оборот коллекцию керамики поселения Пестряково Озеро.

Коллекция керамики с поселения Пестряково Озеро, хранящаяся в АлтГУ, насчитывает 285 экз. Большая часть коллекции (127 экз.) представлена обломками неорнаментированной толстостенной посуды, среди которой восемь венчиков, 119 фрагментов стенок и два экземпляра от придонной части сосудов. Скорее всего, эта керамика датируется ранним железным веком и Средневековьем.

Довольно выразительна керамика, орнаментированная отпечатками гребенчатого штампа (94 экз.), среди которых пять венчиков и 89 фрагментов стенок. Судя по венчикам, в коллекции представлены обломки по крайней мере от трех сосудов. Орнамент нанесен либо одним и тем же штампом, либо очень похожими. На всех обломках совпадает количество зубцов (6), их форма и размеры. Отпечатки гребенчатого штампа образуют горизонтальные ряды «елочки». Один из фрагментов декорирован по венчику двумя рядами наколов. Еще у одного отпечатками гребенчатого штампа покрыта внутренняя поверхность сосуда по венчику. Данная группа керамики находит многочисленные аналоги в материалах поселенческих комплексов эпохи раннего Средневековья Алтайского края.

Девять фрагментов стенок и один венчик орнаментированы отпечатками шагающей гребенки. Отпечатки штампа плотно поставлены друг к другу и полностью покрывают поверхность фрагментов керамики. Подобная керамика имеет широкий круг аналогов в материалах поселенческих и погребальных комплексов елунинской культуры периода

ранней бронзы Алтайского края. К поздней бронзы может относиться фрагмент венчика, декорированный прочерченным орнаментом, образующим «сеточку».

Небольшая, но довольно выразительная группа керамики может датироваться неолитом и энеолитом (рис. 1-2).

Три фрагмента керамики украшены отпечатками «веревочки». Среди них два венчика (рис. 1.-1-2; 2.-1) и фрагмент стенки сосуда. У одного фрагмента отпечатками «веревочки» декорирована внешняя и внутренняя поверхность (рис. 1.-1; 2.-1). Срез венчика орнаментирован насечками, а тулово – ямками (рис. 1.-1-2). На внешней и внутренней поверхности, а также в сломках фиксируются многочисленные следы от выгоревшей органики, волоса или шерсти животных (рис. 1.-1-2; 2.-1). Подобная керамика присутствует в коллекциях поселенческих комплексов из юго-западных районов Алтайского края. Керамика с отпечатками ткани или веревочки в небольшом количестве присутствует в материалах поселения Рубцовское (долина Алея) [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016, с. 63, рис. 3.-5]. Отпечатками «веревочки» орнаментирована придонная часть сосуда и отдельные фрагменты керамики с поселения Алексеевка-I в Угловском районе Алтайского края [Кирюшин, Кирюшин, 2016, с. 19; рис. 5; 2017, с. 11-13, рис. 5.-6].

Отпечатками короткого гребенчатого штампа с четырьмя зубцами орнаментирован небольшой фрагмент стенки сосуда (рис. 1.-3; 2.-2). Небольшие размеры не позволяют реконструировать орнаментальную схему сосуда. На сохранившемся фрагменте фиксируются ряды елочки, разделенные рядом наклонно поставленных отрисков штампа. Зубцы на штампе читаются с трудом и при поверхностном рассмотрении напоминают насечки или наколы линзовидной формы (рис. 1.-3; 2.-2). В сломках фиксируются многочисленные следы от выгоревшей органики. Керамика, орнаментированная отпечатками гребенчатого штампа различной длины и ширины, имеет широкое распространение в материалах поселенческих комплексов неолита и энеолита Алтая [Кирюшин, 2015]. Короткий гребенчатый штамп встречается реже. Керамика, орнаментированная отпечатками короткого гребенчатого штампа, встречена в материалах шестого культурного горизонта (ранний неолит) поселения Тьткескень-2 в Горном Алтае [Кирюшин, Кирюшин, 2008, с. 41, рис. 43.-4-5]. На поселении Рубцовское в долине Алея отпечатки короткого гребенчатого штампа создают сложные композиции, которые трудно трактовать из-за фрагментарности материалов [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016, с. 60; рис. 5.-4].

Шестнадцать фрагментов керамики орнаментированы наколами (рис. 1.-4; 2.-3-5). Наколами подтреугольной формы (очень похожими на насечки) орнаментировано пять фрагментов (рис. 1.-4; 2.-3). Наколами круглой формы орнаментировано шесть фрагментов, каплевидными – три, линзовидными – два (рис. 2.-4-5). Подобная керамика широко

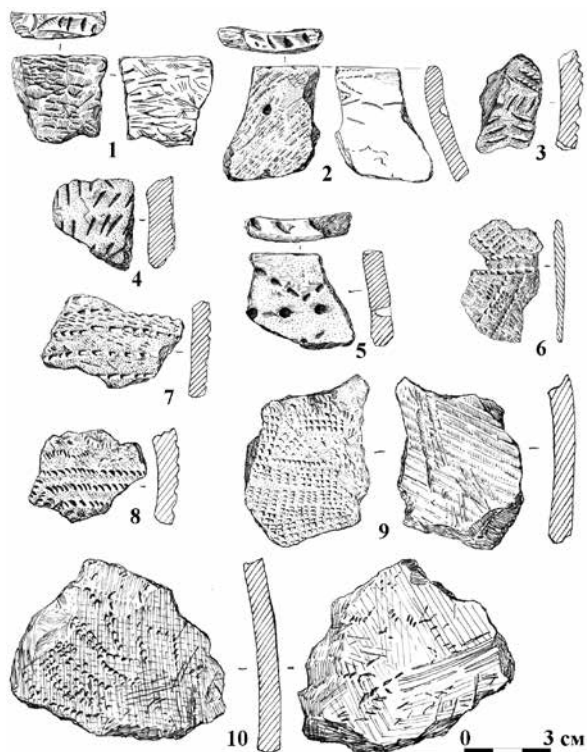

Рис. 1. Поселение Пестряково Озеро: 1–2 – керамика, украшенная отпечатками «веревочки»; 3 – керамика, декорированная отпечатками короткого гребенчатого штампа; 4 – керамика, орнаментированная наколами; 5, 7 – линейно-накольчатая керамика; 6, 8 – отступающе-накольчатая керамика; 9–10 – керамика, орнаментированная шагающей гребенкой

представлена в коллекциях поселенческих комплексов из юго-западных районов Алтайского края. Керамика, орнаментированная наколами различной формы, составляет достаточно представительную группу в материалах поселения Рубцовское (долина Алея) [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016, с. 60, рис. 4]. Фрагменты сосудов, декорированные наколами, широко представлены в материалах поселений Павловка-I [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2016, с. 10; рис. 2] и Алексеевка-I в Угловском районе Алтайского края [Кирюшин, Кирюшин, 2017, с. 8–9, рис. 1]. В небольшом количестве керамика, орнаментированная наколами, присутствует в коллекциях поселения Киприно (Барнаульско-Каменское Приобье) [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2017, с. 266, рис. 3.-7]. Керамика, орнаментированная неглубокими наколами различной формы, имеет широкое распространение

Рис. 2. Поселение Пестряково Озеро: 1 – керамика, украшенная отпечатками «веревочки»; 2 – керамика, декорированная отпечатками короткого гребенчатого штампа; 3–5 – керамика, орнаментированная наколами; 6, 8 – линейно-накольчатая керамика; 7, 9 – отступающе-накольчатая керамика; 10–11 – керамика, орнаментированная шагающей гребенкой

в материалах боборыкинской культуры Среднего Зауралья [Ковалева, Зырянова, 2010, рис. 14.-1; 18.-6; 19.-7; 20.-11; 35; 68; 96.-1; 103.-1].

Линейно-накольчатая и отступающе-накольчатая керамика представлена 16 фрагментами (рис. 1.-5–8; 2.-6–9). Различия между этими группами керамики заключаются в том, что при создании декора в первом случае мастер поднимал инструмент над поверхностью сосуда, в результате чего образовывались свободные от орнамента зоны (рис. 1.-5, 7; 2.-6, 8). Во втором случае орнамент не поднимался над поверхностью керамики и планомерно следовал намеченной линии рисунка, образуя непрерывную линию (рис. 1.-6–8; 2.-7, 9). Различия между этими группами керамики незначительны, они не всегда фиксируются при анализе археологических коллекций. В одном случае отступающе-на-

кольчатый орнамент нанесен поверх отпечатков шагающей гребенки (рис. 1.-6; 2.-7). Аналогичным образом орнаментирована керамика энеолитических поселений Новоильинка-III и Новоильинка-VI в Северной Кулунде [Кирюшин, 2015; 2015a]. В составе коллекции выделяется венчик сосуда, у которого линейно-накольчатая орнаментация сочетается с рядом ямок и насечками по срезу венчика (рис. 1.-5; 2.-6). На внешней и внутренней поверхности, а также в сломках фиксируются следы от выгоревшей органики, волоса или шерсти животных.

Линейно-накольчатая и отступающе-накольчатая керамика широко представлена на территории юга Западной Сибири и связана с различными поселенческими и погребальными комплексами от Оби до Иртыша и различными культурными образованиями неолита и энеолита [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2015; 2017; Кирюшин, Ситников, 2013; Кирюшин, Фролов, Редников, 2014; Кирюшин, Грушин, Ситников, 2015; Матющенко, Полеводов, 1994; Молодин, 1977; 1985; Чалая, 1972]. С чем связаны различия между этими группами керамики: с хронологией, с культурными традициями или иными причинами – еще предстоит разбираться. На данном этапе исследования можно только констатировать, что отступающе-накольчатая керамика широко представлена в материалах поселения Новоильинка-III и в коллекциях первого культурного горизонта поселения Новоильинка-VI в Северной Кулунде [Кирюшин, 2015; 2015a]. Линейно-накольчатая керамика представлена в материалах второго горизонта (жилище №1) поселения Новоильинка-VI [Кирюшин, 2017], что может свидетельствовать о более раннем возрасте этих орнаментальных традиций. Распространяются наблюдаемые тенденции на весь ареал линейно-накольчатой и отступающе-накольчатой керамики или они присущи отдельному памятнику – покажут будущие исследования.

Керамика, орнаментированная шагающей гребенкой (рис. 1.-9-10; 2.-10-11), представлена четырьмя фрагментами. Ряды шагающей гребенки ориентированы по вертикали (рис. 1.-9; 2.-10) или диагонали (рис. 1.-10; 2.-11). На обратной поверхности фрагментов фиксируются следы от шпателя (рис. 1.-9-10; 2.-10-11). В одном случае орнамент на внешней поверхности нанесен поверх вертикальных следов от заглаживания шпателем (рис. 1.-10; 2.-11). На внешней и внутренней поверхности, а также в сломках фиксируются многочисленные следы от выгоревшей органики, волоса или шерсти животных (рис. 1.-9-10; 2.-10-11). Керамика, орнаментированная шагающей гребенкой, имеет широкое распространение в материалах поселенческих комплексов Алтая неолита и энеолита.

Как уже отмечалось выше, рассматриваемая коллекция представлена сборами с разрушенной части памятника, что, безусловно, заставляет воздерживаться от окончательных выводов. Можно констатировать, что в коллекциях керамики с поселения Пестряково Озеро представлены материалы разных исторических эпох и археологических культур. Наиболее

интересна коллекция керамики, которая относится к неолиту или энеолиту. Не вызывает сомнений необходимость изучения планиграфии и стратиграфии поселения Пестряково Озеро. Будущие исследования позволят уточнить хронологию, периодизацию и культурную принадлежность культурно-хронологических комплексов поселения Пестряково Озеро.

Библиографический список

Кирюшин К.Ю. Керамика поселения Новоильинка-VI (по результатам исследований 2013–2014 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. №4/1 (88). С. 149–156.

Кирюшин К.Ю. Керамика эпохи энеолита с поселения Новоильинка-III (Северная Кулунда) // Археология, этнография и антропология Евразии. №1. Т. 43. 2015а. С. 28–39.

Кирюшин К.Ю. Культурная принадлежность поселенческих комплексов энеолита Северной Кулунды // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул, 2017. Т. I. С. 257–262.

Кирюшин К.Ю., Грушин С.П., Ситников С.М. Обследование поселения Бойниха-1 в 2014 году // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2015. Вып. XXI. С. 116–124.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескен-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул, 2008. 336 с.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Продукты первичного расщепления и орудия на пластинах поселения Пестряково Озеро (юг Западной Сибири) // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул, 2021. С. 95–102.

Кирюшин К.Ю., Фролов Я.В., Редников А.А. Бойниха-1 – памятник неолита и раннего железного века Барнаульского Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 112–119.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. С. 294.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Проблемы культурной принадлежности ранних погребений грунтового могильника Тузовские Бугры-I (одна из версий историко-культурной интерпретации) // Теория и практика археологических исследований. 2015. №2 (12). С. 52–68.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Керамика боборыкинского облика с поселений юго-западных районов Алтайского края // Теория и практика археологических исследований. 2016. №2 (14). С. 7–23.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Керамика неолита – ранней бронзы поселения Киприно-I (проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул, 2017. Т. I. С. 262–266.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Древнейшее прошлое Завьяловского района // Завьяловский район. История. События. Люди. Барнаул, 2000. С. 20–35.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М. Исследование поселения Новоильинка-III в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2013. Т. XIX. С. 207–211.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург, 2010. 308 с. : ил.

Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск, 1994. 223 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 174 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.

Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Керамика поселения Рубцовское-I (долина Аляя, юг Западной Сибири) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №4 (16). С. 60–73.

Чалая Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области. Пеньки 1, 2 // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 163–181.

K. Yu. Kiryushin, Yu.F. Kiryushin

Altai State University, Barnaul, Russia

CERAMICS OF THE PESTRYAKOVO LAKE SETTLEMENT (South of Western Siberia)

The article is devoted to the publication of finds of fragments of ceramic dishes discovered at the settlement of Pestryakovo Lake (Zavyalovsky district of Altai Territory). A group of ceramics which belongs to the early Iron Age and the Middle Ages, is pointed out. Single fragments find analogies in the materials of the sites of the Early and Late Bronze Age. The ceramic collection of the Pestryakovo Lake settlement includes groups of ceramics that belong to the Neolithic or Eneolithic. These are fragments of vessels ornamented with prints of a “string”, pricks, imprints of a short comb stamp, a dingle-dingle stamping. Linear-pricked and receding-pricked ceramics are quite informative. On the outer and inner surfaces, as well as in the fractures, traces of burnt-out organic matter (animal hair) are recorded. Such ceramics are widely represented in the south of Western Siberia and are associated with various settlement and burial complexes from the Ob to the Irtysh and various cultural formations of the Neolithic and Eneolithic.

Keywords: settlement, ceramics, ornamentation technique, comparative typological analysis, Neolithic, Eneolithic

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.33

УДК 39:902

С.А. Ковалевский

*Кузбасский государственный технический
университет имени Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДВУУШКОВЫХ КЕЛЬТОВ БОЛЬШЕЛОЖСКОГО ТИПА

Статья посвящена рассмотрению проблемы происхождения и датировки двуушковых кельтов, которые известны из поселений эпохи поздней бронзы и переходного времени от бронзы к железу Казахской степи и юга Западной Сибири (часть из них – случайные находки) и отождествляются большинством специалистов с древностями саргаринско-алексеевской, бегазы-дандыбаевской,

ирменской и большебереченской культур. Такие кельты датировались ранее началом I тыс. до н.э. В настоящее время произошли определенные количественные и качественные изменения. В частности, пополнился фонд археологических источников по периоду поздней бронзы и переходному времени от бронзы к железу, а также появились новые исследовательские концепции. Это дало нам возможность сопоставить археологические материалы эпохи поздней бронзы отдаленных регионов, а именно Восточной Европы, а также Казахской степи и юга Западной Сибири. Было выявлено значительное сходство кельтов древних культур Восточной Европы и региона, расположенного восточнее Урала. Высказывается предположение о том, что двуушковые кельты имеют восточноевропейское происхождение. Их появление в материалах археологических культур Казахстана и Южной Сибири должно быть датировано в пределах XIV–XI/X вв. до н.э.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, переходное время от бронзы к железу, кельты, юг Западной Сибири, Восточная Европа

В период поздней бронзы на территории Центрального и Восточного Казахстана, а также лесостепной части Западной Сибири появляются бронзовые кельты с двумя ушками по бокам, примыкающими к краю втулки. Такие кельты имели скрытую («слепую») втулку, как правило, овальной в плане формы, усиленную по краю валиком. Поперечное сечение подобных кельтов представляло собой симметричный клин, абрис полотна клинка обычно прямоугольный, иногда с небольшим расширением к лезвию. Довольно условно этот тип кельтов назван нами большеберечским по наиболее известной находке из поселения Большой Лог, исследованного в Омском Прииртышье.

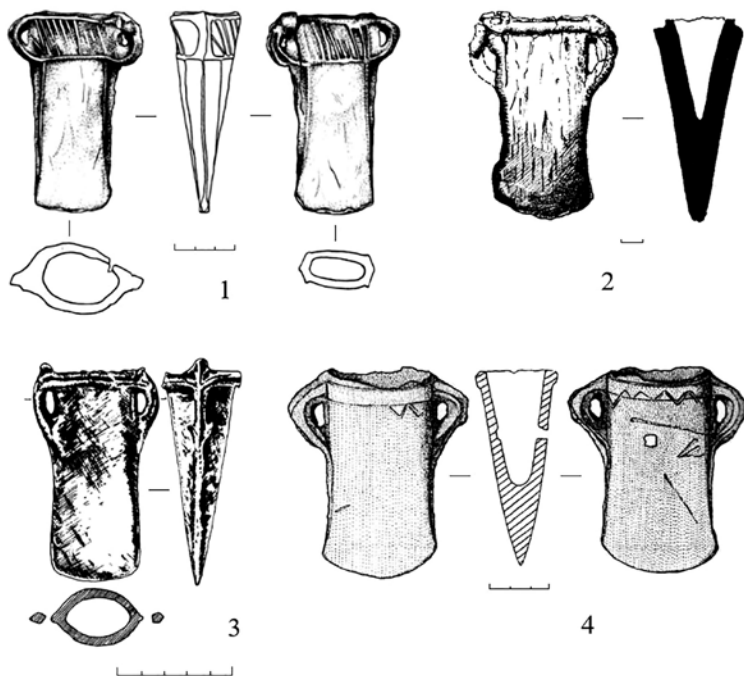
Стоит отметить, что самыми ранними являются сейминско-турбинские двуушковые кельты, встречающиеся на огромной территории от Синьцзяна и Алтая до устья Оки. В ходе трансформации культур, происходившей в степной и лесостепной зоне Евразии во II тыс. до н.э., сейминско-турбинские кельты сменяются новыми типами. В азиатской части Евразии появляются кельты самусьско-кижировской и минусинской групп, в Восточной Европе – дербеденовской и лобойковской [Черных, Кузьминых, 1989, с. 58–61, 146–157; Бочкарев, 2002, с. 116–117].

Происхождение кельтов, имеющих два ушка по бокам, примыкающих к краю втулки, усиленной валиком, видимо, следует связывать с позднейшим развитием названных групп. В настоящее время значительное число находок подобных изделий, относящихся к эпохе поздней бронзы и переходному времени от бронзы к железу, приходится на территорию Алтая, что свидетельствует об особой роли этого региона.

Наиболее ранние находки подобных кельтов к востоку от Урала, связываются с древностями саргаринско-алексеевской или бегазы-дандыбаевской культур. Серия радиоуглеродных дат, полученная для памятников саргаринско-алексеевской культуры степного Алтая, свидетельствует об их существовании в пределах XIV–X вв. до н.э. [Папин, 2015, с. 135–138]. Бегазы-дандыбаевская культура Казахстана также да-

тируется в настоящее время 2-й половиной II тыс. до н.э. – X в. до н.э. [Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014, с. 165].

Наибольший интерес представляет находка бронзового кельта с территории Семиярского поселения (Павлодарское Прииртышье). Особенностью семиярского кельта является орнамент в виде косых линий, покрывающий верхнюю треть изделия (рис.-1). Ушки данного кельта переходят в валик, опоясывающий край втулки. С.П. Грушин, В.К. Мерц, Д.В. Папин и Г.Ю. Пересветов [2006, с. 8–9], характеризую эту находку, называют в качестве наиболее близких ей аналогий двуушковые кельты из поселений Большой Лог и Ак-Мустафа.

Двуушковые кельты из памятников периода поздней бронзы Казахстана и юга Западной Сибири: 1 – Семиярское поселение [Мерц, 2006]; 2 – Ак-Мустафа [Кадырбаев, Курманкулов, 1992]; 3 – поселение Большой Лог [Генинг, Стефанов, 1993]; 4 – Бронзовый кельт из окрестностей г. Барнаул [Папин, Федорук, Шамшин, 2006]

Самим же В.К. Мерцем в качестве ближайшей аналогии приводится кельт, найденный в с. Борма Куйбышевской области и принадлежавший к срубной культуре. Автор статьи указывает на относительно более ранний возраст материалов Семиярского поселения, которое спе-

циалист относит к бегазы-дандыбаевской культуре, датируя его XIV–XIII вв. до н.э. [Мерц, 2006, с. 74–77, рис. 3.-13; 2017, с. 505].

Стоит сказать, что борминский кельт (как, впрочем, и семиарский) по классификации, разработанной Е.И. Ушурелу, относится к типу П.2.21 – Двуушковые кельты, с трапециевидным оформлением фасок, шестигранные или овально-шестигранные в сечении. С орнаментированным поясом между нижним краем ободка втулки и нижними краями ушек. Такие кельты, по наблюдению исследователя, были распространены в раннесабатиновское время в степной части Доно-Днепровского региона, но единично встречены и в Среднем Поволжье [Ушурелу, 2010, с. 28, 34, рис. 5]. Таким образом, кельт из Семиарского поселения пока что является одной из самых ранних находок, маркирующих появление кельтов с двумя ушками, примыкающими к краю втулки, на территориях к востоку от Урала. Другие найденные здесь кельты уже несколько иного большеложского типа, более просты в конструктивном отношении и, как правило, не имеют орнамента.

Так, М.К. Кадырбаев и Ж.К. Курманкулов с саргаринским временем связывают находку бронзового кельта (рис.-2) на поселении Ак-Мустафа (Центральный Казахстан). Сами авторы отмечали, что подобные кельты для памятников Казахстана редкость, только несколько экземпляров были случайно найдены в Восточном Казахстане [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 65, рис. 35.-4; с. 231].

С известной долей условности к саргаринско-алексеевской культуре можно отнести находку бронзового кельта (рис.-3) из материалов поселения Большой Лог (Омское Прииртышье) [Генинг, Стефанов, 1993, с. 98, рис. 15.-10]. По мнению В.Ф. Генинга и В.И. Стефанова, материалы данного памятника свидетельствуют об активных процессах взаимодействия местного ирменского и пришлого степного саргаринско-алексеевского населения при определенном взаимодействии с населением красноозерской культуры. Специалисты синхронизировали время существования поселения Большой Лог с древностями трушниковского этапа Восточного Казахстана, а также поздними стадиями развития саргаринско-алексеевской и ирменской культур [Генинг, Стефанов, 1993, с. 105–107].

Стоит сказать, что фрагменты литейных форм для отливки двуушковых кельтов известны и в материалах ирменских поселений юга Западной Сибири. Серия радиоуглеродных дат для памятников ирменской культуры также располагается в хронологическом диапазоне от XIV до XI/X вв. до н.э. [Молодин, 2008, с. 155–164; Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, с. 136–167; Папин, 2015, с. 135–138].

Так, форма для отливки предположительно двуушкового кельта с рельефным валиком вдоль его верхнего края найдена на производственной площадке поселения Березовый Остров-I, расположенного

на территории Новосибирского Приобья [Мыльникова, Дураков, 2008, с. 63, 66, рис. 4.-1; 5.-1, 16]. Само поселение содержит материалы ирменской культуры, а также переходного времени от бронзы к железу, или позднеирменской культуры. Авторы исследования относят производственный участок, где была найдена литейная форма, к переходному времени.

Фрагмент литейной формы для отливки, вероятно, двуушкового кельта (как и в предыдущем случае, сохранился оттиск только одного ушка) происходит из материалов раскопок Е.А. Васильева [1994, с. 17–19, рис. 4.-17] на территории Нижнего Притомья поселения Чекист (Усть-Киргизка) и соотносится специалистом с ирменским временем.

Двуушковые кельты большеложского типа, появившись на территории юга Западной Сибири в период поздней бронзы, продолжали изготавливаться и использоваться в переходное время от бронзы к железу и в начале раннего железного века. Об этом наглядно свидетельствуют находки таких изделий из материалов поселения большереченской культуры Мыльниково [Папин, Шамшин, 2005, с. 32–34; Головченко, Полянин, с. 37, рис. 3.-2], а также литейных форм для отливки двуушковых кельтов из поселений Омь-I, Гробница-III, Боровое-III, литейной мастерской Ближние Елбаны-XII [Мыльникова, Чемякина, 2002, рис. 10.-5, 6; Симонов, Ширин, 2006, с. 131, рис. 2.-2, 4; Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, рис. 1.-4, 5; Грязнов, 1956, табл. XXIII.-1, 4]. Несколько двуушковых кельтов являются случайными находками с территории Алтайского края [Абдулганеев, 1996, с. 128–129]. Один из кельтов (рис.-4) имеет геометрическую орнаментацию на верхней трети изделия [Папин, Федорук, Шамшин, 2006, с. 88; с. 96, рис. 6].

О.С. Лихачева, включила двуушковые кельты в состав предметов вооружения большереченской культуры (VIII–VI вв. до н.э.), справедливо указав, что они имеют близкие аналогии среди восточноевропейских образцов XV–XII вв. до н.э. Был даже предложен довольно своеобразный и многовековой путь «миграции» таких кельтов из Восточной Европы, через Среднюю Азию на территорию Лесостепного Алтая [Лихачева, 2013, с. 175–180]. В целом, поддерживая идею О.С. Лихачевой о восточноевропейском происхождении западносибирских двуушковых кельтов, стоит отметить, что подобные изделия появляются на территории Казахских степей и юга Западной Сибири несколько раньше, а именно в эпоху поздней бронзы. Это позволяет синхронизировать, с одной стороны, восточноевропейские, а с другой – немногочисленные казахстанские и западносибирские материалы.

На территории юга Восточной Европы кельты с двумя ушками, примыкающими к краю втулки, и валиком-ободком по его венчику относятся В.С. Бочкаревым к V (красномяцкой) группе металлических

изделий позднего бронзового века, которая обслуживала население поздней сабастиновской культуры [Бочкарев, 2017, с. 173–174].

В Волго-Камье такой элемент кельта, как упрочняющий валик по устью втулки, появляется на постсейминских кельтах (луговская, сусканская, черкаскульская культуры) в комплексах типа Дербеденевского клада (XVI–XV вв. до н.э.). Время существования кельтов с двумя ушками, петли которых примыкают к краю втулки, определяется в промежутке между лобойковско-головуровскими и кардашинскими типами кельтов белозерского времени. Наибольшее же распространение таких кельтов приходится на ранний атабаевский этап маклашеевской культуры, датирующийся А.А. Чижевским, А.В. Лыгановым и С.В. Кузьминых [2019, с. 107] XIV–XIII вв. до н.э.

Таким образом, основываясь на восточноевропейских аналогиях, происходящих из материалов ряда восточноевропейских культур позднего бронзового века, а также имеющихся радиоуглеродных датах, появление на территории Центрального и Восточного Казахстана, а также лесостепной части Западной Сибири бронзовых кельтов с двумя ушками по бокам, примыкающими к краю втулки, следует относить к XIV–XI/X вв. до н.э.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. «Неизвестные» памятники раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 128–134.

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы, 2014. 192 с.

Бочкарев В.С. Металлические топоры-кельты Европы эпохи поздней бронзы // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. С. 115–118.

Бочкарев В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum Plus*. Археология и культурная антропология. 2017. №2. С. 159–204.

Васильев Е.А. Древнейшее поселение в устье Киргизки // Северск. История и современность. Томск, 1994. С. 12–21.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Поселения Черноозерье-I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993. Вып. 22: Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. С. 67–111.

Грушин С.П., Мерц В.К., Папин Д.В., Пересветов Г.Ю. Материалы эпохи бронзы из Павлодарского Прииртышья // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 4–17.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка. М.; Л., 1956. 160 с. (Материалы и исследования по археологии. №48).

Головченко Н.Н., Полянин В.А. Случайные находки из окрестностей Мыльниково (Алтайский край, Первомайский район) // Полевые исследования

в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае: археология, этнография, устная история и музееведение. Барнаул, 2019. С. 34–39.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата, 1992. 247 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 7–47.

Лихачева О.С. Комплекс вооружения большереченской культуры // Известия Алтайского государственного университета. 2013. №4–1 (80). С. 175–180.

Мерц В.К. Археологические исследования в Бескарагае // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 73–82.

Мерц В.К. Семиярское поселение бронзового века в контексте проблемы формирования протогородской культуры в Верхнем Прииртышье // Мир Большого Алтая. Международный научный журнал. 2017. №3(4). С. 494–509.

Молодин В.И. Периодизация, хронология и культурная идентификация памятника Чича (Барабинская лесостепь) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск, 2008. С. 155–164.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: история, филология. 2014. Т. 13. №3. С. 136–167.

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А. Производственная площадка поселения Березовый Остров-1 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008. С. 56–68.

Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). Новосибирск, 2002. 200 с.

Папин Д.В. Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №2–6 (62). С. 135–138.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул, 2005. 202 с.

Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Находки бронзовых предметов с территории Кулундинской степи // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 83–96.

Симонов Д.А., Ширин Ю.В. Бронзолитейная мастерская быстрянской культуры на р. Чумыш // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3–4. С. 122–136.

Ушурелу Е.И. Генезис и эволюция двушковых топоров-кельтов Восточной Европы эпохи поздней бронзы // Revista Arheologică. Serie nouă. 2010. Vol. X. Nr. 1. Pp. 22–67.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. 320 с.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Ранний (атабаевский) этап маклашевской культуры // Археология Евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний железный век. 2019. №2. С. 99–123.

S.A. Kovalevsky

Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

THE QUESTION OF THE ORIGIN OF CELTS WITH ON THE SIDE EARS OF THE BOLSHELOZHISKY TYPE

The article is devoted to the consideration of the origin and dating of celts with on the side ears, which originate from the settlements of the Late Bronze Age and transition time from the Bronze Age to the Iron Age in the Kazakh steppe and south of Western Siberia (some of which are accidental finds) and are identified by most experts to be antiquities of the Sargarinsko-Aleekseyevskaya, Begazy-Dandybayevskaya, Irmenskaya and Bolsherechenskaya cultures. Previously, such celts were dated to the beginning of the first millennium, BC. At present, there have been certain quantitative and qualitative changes. In particular, the fund of archaeological resources for the Late Bronze Age and transition time from the Bronze Age to the Iron Age had been significantly replenished, and new research concepts have appeared. This gave us the opportunity to compare the archaeological finds of the Late Bronze Age of remote regions, namely the Eastern Europe and the Kazakh steppe and south of Western Siberia. A significant similarity was revealed between the celts of the ancient cultures of the Eastern Europe and the region located east of the Urals. It is suggested that the celts with on the side ears are of Eastern Europe origin. Their appearance among the artifacts of archaeological cultures of Kazakhstan and Southern Siberia is dated to the 14th – 11/10th centuries BC.

Keywords: late Bronze Age, transition time from Bronze to Iron, Celts, south of Western Siberia, Eastern Europe

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.34

УДК 903.4(571)

Н.А. Константинов¹, Г. Плетц², А.У. Урбушев³, В.И. Такпаева¹

¹Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия;

²Утрехтский университет, Утрехт, Нидерланды;

³Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

ПОСЕЛЕНИЕ КОЖОЛЮ-1 В ЦЕНТРАЛЬНОМ АЛТАЕ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект №20-78-00035)

В работе представлены результаты разведочных работ на поселении Кожолю-1, находящемся на восточной окраине с. Купчегень Онгудайского района Республики Алтай. Поселение расположено на площадке пологого склона в урочище Большой Кожолю. В нескольких местах памятник размывается сезонными стоками воды. На поселении собран подъемный материал, а также осуществлена зачистка двух участков самого крупного размыва в северо-восточной части памятника. В ходе работ получен относительно немногочисленный материал, представленный пятью десятками фрагментов венчиков, придонных

частей и стенок керамических сосудов, куском железного шлака, зернотеркой, фрагментом костяного наконечника стрелы и фрагментами костей животных. Орнаментация керамики представлена крупными и небольшими защитпами и различными вдавлениями (уголка лопатки, трубочки, прямоугольного штампа и вытянутого плоского штампа). Аналогии керамическому комплексу найдены в верхних слоях многослойных поселений Алтая, относящихся исследователями к средневековой эпохе.

Ключевые слова: Алтай, поселение, раннее Средневековье, фрагменты керамики, разведки

Несмотря на многолетнюю историю археологического изучения Алтая, поселения относятся к малоизученным археологическим памятникам региона. Особенно это касается средневековых комплексов, в связи с чем каждые новые данные имеют несомненную актуальность. В этой работе представлены материалы разведочных работ на поселении Кожолу-1, проведенные в 2019–2020 гг.

Поселение Кожолу-1 расположено на восточной окраине с. Купчегень Онгудайского района Республики Алтай. Поселение находится в урочище Большой Кожолу, на левом берегу р. Большой Ильгумень (рис. 1). Рядом с устьем лога находится несколько курганных могильников, зафиксированных в 1980-х гг. На трех из них экспедицией Горно-Алтайского областного краеведческого музея (ныне Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина) были проведены раскопки четырех объектов [Кочев, 2004].

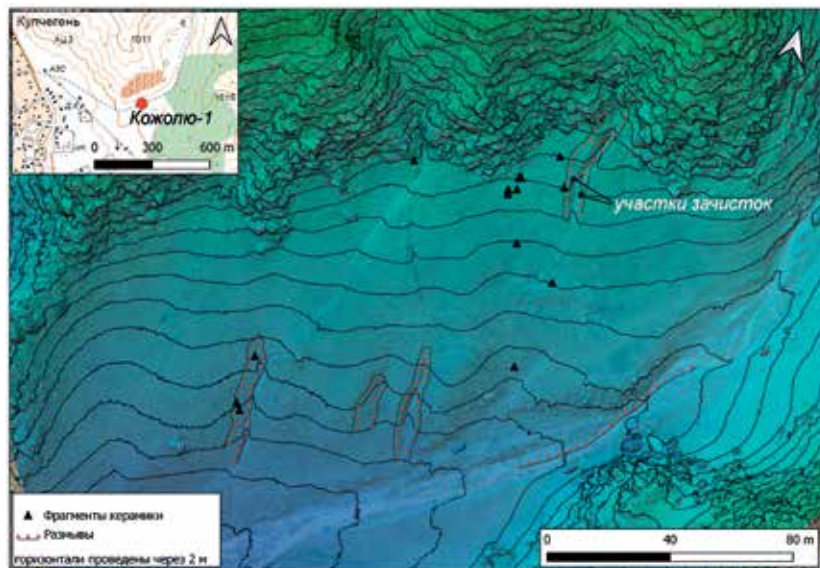

Рис. 1. План поселения Кожолу-1

Поселение находится на площадке относительно пологого склона. С северной и западной сторон участок ограничен скалами, с юго-восточной стороны – руслом сезонного тока воды, в юго-западной части памятника находится устье лога, выходящего в долину реки Б. Ильгумень. Сведения о памятнике получены от местного жителя В.М. Кухаева, который сообщил нам о находках в местах размывов фрагментов керамики и металлургических шлаков. Площадка имеет неправильную подпрямоугольную форму, вытянутую по линии ЮЗ–СВ. Размеры памятника составляют 210×90 м, общая площадь составляет около 1,6 га. Площадка с памятником поросла скудной, типично степной растительностью. По краям памятника, ограниченными гранитными скалами, имеются заросли маральника (кустарник рододендрон Ледебур) и других литофитов.

В северо-восточной, западной и южной частях памятника фиксируются размывы сезонными водами. Эрозионные процессы постоянны, поэтому необходимо осуществить аварийные раскопки памятника во избежание утраты участков культурного слоя. Наблюдаются также норы грызунов, в выбросах которых иногда обнаруживается подъемный материал. В ходе работы на памятнике производился осмотр выбросов из нор и осыпей стен оврагов. Осуществлена зачистка двух участков стены оврага в северо-восточной части памятника. Фрагменты лепных керамических сосудов собраны в местах размывов и на современной поверхности. Наибольшая концентрация подъемного материала фиксируется в восточной части памятника. Здесь в верхней, северо-восточной части площадки обнаружены фрагменты лепных керамических сосудов на современной поверхности, в выбросах нор грызунов, а также на месте размыва, глубина которого составляет до 1,2 м, а ширина – 2–2,5 м. Подъемный материал представлен 36 фрагментами лепных керамических сосудов, зернотеркой (рис. 2.-11), а также одним небольшим куском железного шлака.

В северо-восточной части памятника осуществлена зачистка стенок размыва. В зачистку на западной стороне размыва попал край хозяйственной (?) ямы, она была законсервирована. Вторая зачистка заложена на восточной стороне размыва. С этого разреза был произведен отбор проб грунта для естественно-научного изучения. Сейчас эти материалы находятся в процессе изучения в лаборатории PaleoData Института археологии и этнографии СО РАН. При зачистке стен размыва найдено 19 фрагментов керамики, фрагменты костей животных и фрагмент костяного наконечника стрелы. Фрагмент костяного квадратного в сечении наконечника стрелы ромбовидной формы (заготовки наконечника?) имел, вероятно, черешковый способ насада (рис. 3.-6).

Керамический комплекс представлен фрагментами венчиков, стенок и придонных частей сосудов (рис. 2; 3). Формы посуды в основном

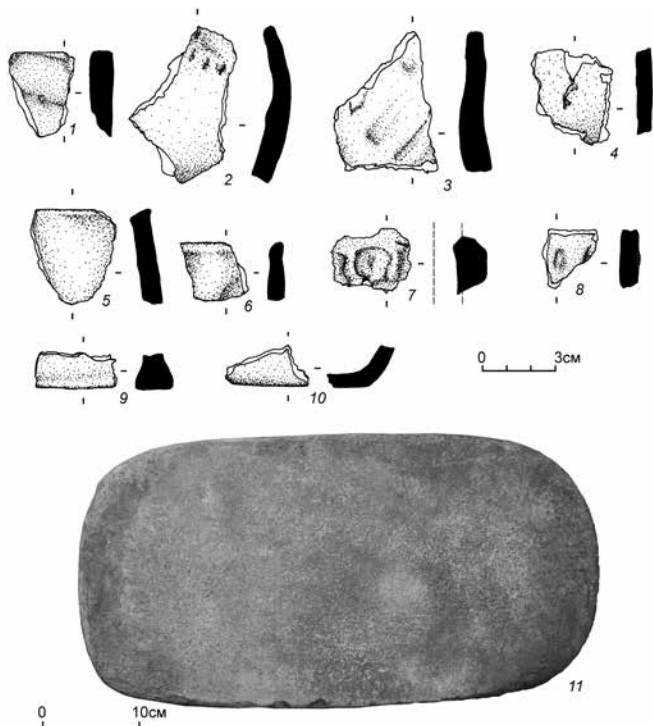

Рис. 2. Находки с поселения Кожолу-1. Подъемный материал

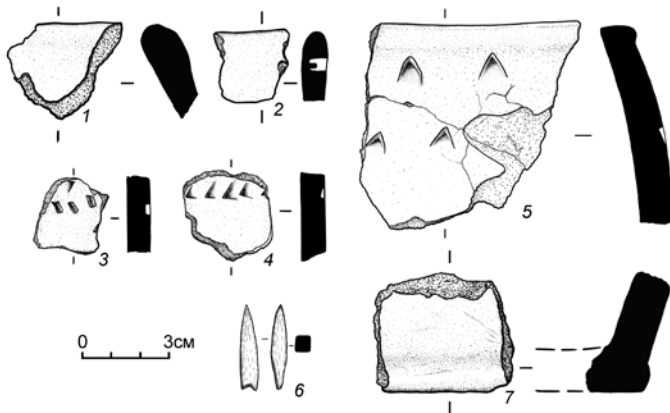

Рис. 3. Находки с поселения Кожолу-1:
1-4, 7 – подъемный материал; 5, 6 – зачистка 1

реконструируются в виде закрытых баночных сосудов. Керамика изготовлена довольно небрежно, тесто рыхлое. Из способов орнаментации фиксируются крупные и небольшие пальцевые защипы, вдавления уголка лопатки, трубочки, небольшого прямоугольного штампа и вытянутого плоского штампа. Аналогии керамике находятся в слоях поселений, относящихся исследователями к Средневековью [Кунгуров, 1994, с. 44; Шульга, 1998; 2015, с. 166–167; Константинов, 2021].

По особенностям керамического комплекса датировка памятника предварительно может быть установлена в пределах периода раннего Средневековья, т.е. 2-й половины I тыс. н.э. Дальнейшие работы, в том числе раскопки памятника, позволят уточнить датировку и расширят наши представления о поселенческих комплексах эпохи Средневековья.

Библиографический список

Константинов Н.А. Предметный комплекс поселения Купчегень-1 (Центральный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2021. №1 (33). С. 19–33.

Кочеев В.А. Раскопки Горно-Алтайского краеведческого музея на могильниках Усть-Кожолу в 1989 году // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2004. №12. С. 58–70.

Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 43–58.

Шульга П.И. Поселение Партизанская Катущка на Катунь // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 146–164.

Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск, 2015. 336 с.

N.A. Konstantinov¹, G. Plets², A.U. Urbushev³, V.I. Takpaeva¹

¹*Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia;*

²*Utrecht University, Utrecht, Netherlands;*

³*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia*

KOZHOLYU-1 SETTLEMENT IN CENTRAL ALTAI

The paper presents the results of archaeological survey at the Kozholyu-1 settlement, on the eastern outskirts of the Kupchegen village in Onguday District of Altai Republic. The settlement is located on the site of a gentle slope in the Bolshoi Kozholyu tract. In several places, the settlement is eroded by seasonal water flows. Material was collected at the destroying parts of settlement, and two sections of the largest erosion in the northeastern part of the site were cleaned up. In the course of the work, a relatively small amount of material was obtained, represented by a little more than 50 fragments of ceramic vessels, a piece of iron slag, a grain grater, a fragment of a bone arrowhead and fragments of animal bones. The ornamentation of pottery is represented by large and small finger clamps, indentations of the corner, a tube, a small rectangular stamp and an elongated flat stamp. Analogies to ceramics are found in the layers of settlements attributed by researchers to the Middle Ages.

Keywords: Altai, settlement, early Middle Ages, fragments of ceramics, survey

А.Л. Кунгуров¹, О.Ф. Кунгурова²

¹Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия;
²Финансовый университет при правительстве Российской Федерации,
Барнаульский филиал, Барнаул, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ МНОГОСЛОЙНЫХ РАЗНОКУЛЬТУРНЫХ КОМПЛЕКСОВ ВЕРХНЕГО ПРИЧУМЫШЬЯ: ПАМЯТНИКИ В УРОЧИЩЕ УЛУС

Верхнее Причумышье – это регион, объединяющий две разных орографических зоны: Бийско-Чумышскую возвышенность и Салаирский кряж. В настоящее время он является одним из наиболее исследованных археологических микрорайонов. Особенности формирования долины Чумыша привели к образованию долинно-балочного рельефа с большим количеством выразительных микродолин, мысов и малых притоков. В различные периоды истории участки долины, наиболее удобные для проживания и реализации присваивающего и производящего хозяйства, заселялись неоднократно. В статье представлены материалы, продолжающие цикл публикаций, посвященных многослойным разновременным археологическим памятникам Верхнего Причумышья (Целинный район Алтайского края). Работа характеризует поселение Улус. На этом памятнике зафиксированы культурные слои эпохи верхнего палеолита, развитого бронзового века и раннего железного века и периода поздней древности. Материалы представлены каменными орудиями, керамикой различной формы и разрушенными карьером погребениями андроновской культуры. Первоначально памятник был открыт создателем краеведческого музея с. Победа П.Ф. Рыженко в 50-х гг. прошлого века.

Ключевые слова: Горный Алтай, археология, М.Д. Копытов, Б.Х. Кадилов, Бийский краеведческий музей, каменные орудия, каменный наконечник стрелы, керамика

Публикация посвящена комплексу материалов, происходящих с урочища, имеющего местное наименование Улус. В него входят южные и юго-западные отроги правобережной цокольной возвышенности долины р. Чумыша (Побединская гора), под которой расположено село, имеющее наименование Победа (Целинный район Алтайского края). Первые находки здесь были сделаны в 1950-х гг. краеведом, учителем, а затем директором школы, создателем сельского краеведческого музея П.Ф. Рыженко. В начале 1960-х гг. при разработке карьера кирпичного завода на оконечности южного склона Побединской горы рабочие разрушили несколько андроновских могил, которые вместе с П.Ф. Рыженко осмотрел краевед из г. Мыски Кемеровской области В.А. Кац. Этот исследователь дал местонахождению наименование Карьер кирпичного завода. Достоверно не известно, производились ли раскопки в этом месте. На протяжении нескольких десятилетий П.Ф. Рыженко осматривал разрушения карьера, который давно

был заброшен и стал именоваться Старым карьером кирпичного завода. Поскольку Рыженко не являлся ни историком, ни археологом, а был по базовому образованию учителем литературы, он не догадывался осмотреть другие участки склона горы. Это было произведено А.Л. Кунгуровым в 1988–1989 гг. Именно тогда стало ясно, что археологический памятник не ограничивается участком, частично разрушенным при добычании суглинка, а охватывает все подножье Побединской горы, огибаемой Чумьшом. По совету П.Ф. Рыженко объект получил наименование Улус.

Памятник является многослойным и разновременным. По разрушениям кромки отрогов горы, при шурфовке, а также в процессе осмотра распаханных участков достаточно точно определена его площадь и выявлена датировка культурных комплексов. Высота горы составляет 245 м над у.м. (56 м над урезом воды реки). Археологический материал – керамика, кости животных, каменные орудия – распространены на расстоянии до 70–100 м от кромки подножья с юга и юго-запада. Это соответствует переходу поверхности от достаточно крутого склона к выположенному участку. Высота пологого подножья 10–15 м над урезом реки. Участок Старого карьера кирпичного завода частично разрушил южную оконечность склона, которая далее переходит в крутой цокольный отрог. С юга и юго-запада толщина рыхлых отложений достаточно велика (до 7–10 м) и представляет собой чехол лессовидного суглинка, перекрытый горизонтом чернозема степного обыкновенного. С северо-северо-запада участок подножья длиной от карьера около 300 м отрезает лог с молодым байрочным лесом, пересекающим пологую часть и выклинивающимся к цокольному крутому склону. Далее такие врезки в правый борт долины расположены регулярно и со всеми ними связаны археологические памятники. За первым логом расположен памятник периода поздней древности – начала Средневековья Улус-2 (рис. 3.-33–35).

Всего на Улусе зафиксированы материалы трех эпох: верхний палеолит, андроновская культура развитой бронзы и быстринская культура раннего железного века.

Верхний палеолит представлен 11 артефактами, которые, скорее всего, оказались на поверхности в процессе смыва рыхлой толщи при понижении базиса эрозии. Материал представлен четырьмя крупными и пятью мелкими отщепами, мелкой призматической пластиной (рис. 1.-3) и овальным дорсальным скреблом (рис. 1.-2). Скребло такого типа совершенно не характерно для эпох более поздних, чем верхний палеолит, и, скорее всего, относится к нижнекатунской культуре [Кунгуров, 1986]. Остальные изделия не столь показательны, хотя и изготовлены из темно-серого кварцита, схожего по структуре и цвету у всех предметов.

Андроновская культура представлена керамическим материалом в основном баночной формы. Соответствует форме и орнаментация: «елочка», нанесенная гладким (рис. 1.-4) и гребенчатым (рис. 1.-6, 9) штампом;

вертикальный зигзаг, оформленный оттисками гладкого (рис. 1.-10) и гребенчатого (рис. 1.-7, 8) штампа; параллельные линии (рис. 1.-5). В целом характер керамики соответствует андроновским поселенческим комплексам Верхнего Причумышья – Сосновый Лог, Манжиха-2, Гориное Озеро [Кунгуров, 2005]. Керамики, характерной для погребений, в коллекции с Улуса нет, что заставляет предполагать отсутствие погребения на этом отрезке долины, тем более что андроновский могильник Манжиха расположен всего в паре километров южнее Улуса.

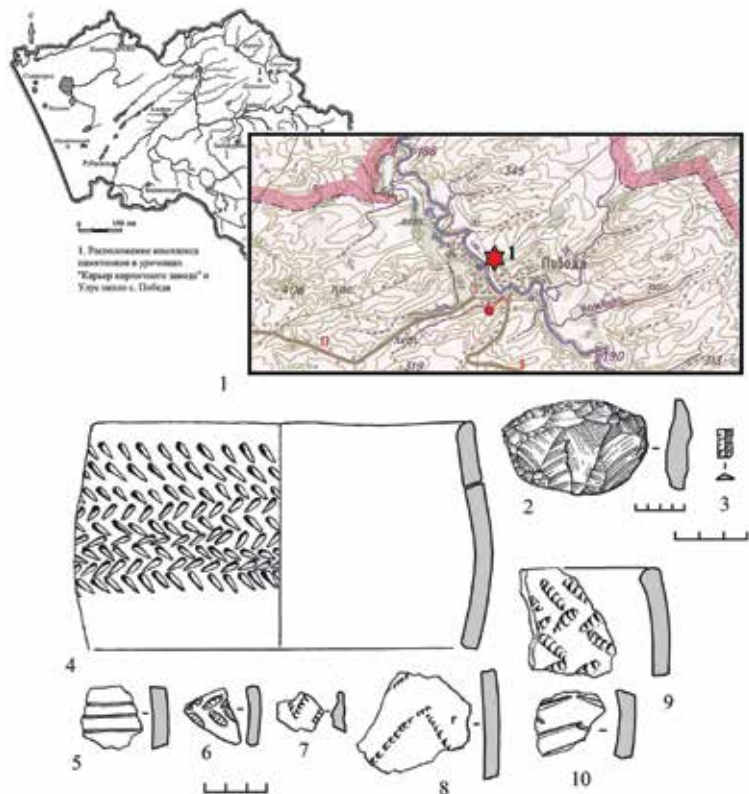

Рис. 1. Схема расположения урочища Улус (1), палеолитические артефакты (2, 3) и керамика андроновской культуры (4-10)

Быстрянская культура раннего железного века представлена немногочисленными бронзовыми украшениями, обломками литейных форм и обломками керамики. Бронзовые изделия представлены половинкой ажурной двухлопастной бабочковидной бляхи (рис. 3.-1) и округлой бляхой со срединной перемычкой, оформленной овальными

отверстиями (рис. 3.-2) [Кунгуров, Горбунов, 2001]. Оба изделия имеют с оборотной стороны остатки петелек для крепления к основе. Тремя экземплярами представлены обломки литейных форм, похоже, предназначенные для изготовления кельтов (рис. 3.-3-5). Позднее, при строительстве дороги, разрушившей часть террасы, П.Ф. Рыженко заметил остатки плавильной печи, выложенной из валунов. К сожалению, этот объект ему сохранить не удалось.

Основная масса материалов раннего железного века представлена характерной керамикой. Основная форма – закрытые банки различного размера (рис. 2; 3). Только двумя экземплярами представлены низкобортные чаши, одна – украшенная «чистым» «жемчужником» (рис. 2.-14), другая – «чистыми» ямками (рис. 2.-12).

Выделяются следующие разновидности орнаментики сосудов:

1. «Чистый» «жемчужник» (кроме отмеченной чаши) (рис. 2.-13; 3.-8, 10, 14, 19, 20);

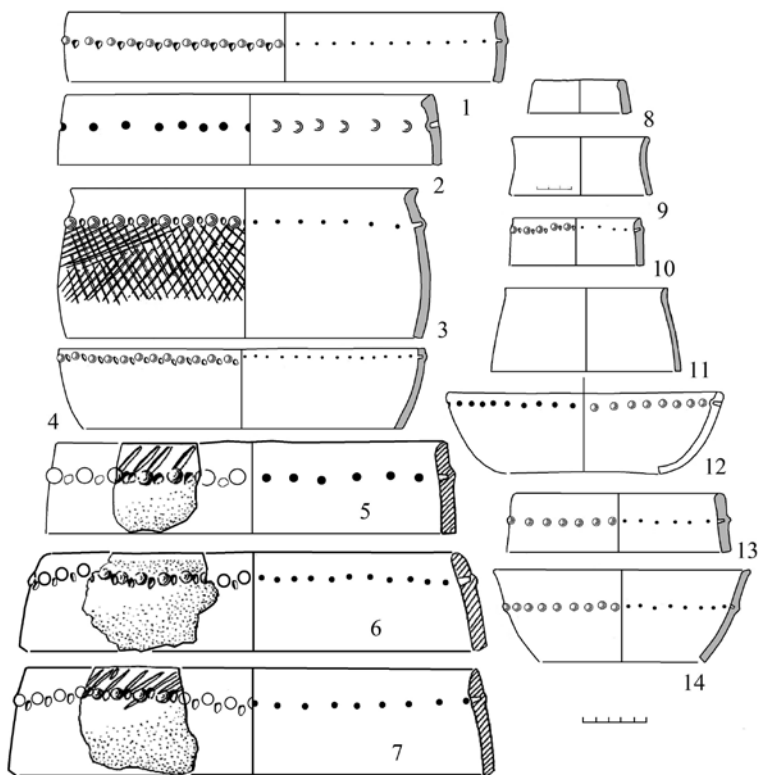

Рис. 2. Урочище Улус. Керамика быстрианской культуры

Рис. 3. Материалы урочища Улус. Бронзовые изделия (1, 2), обломки литейных форм (3-5) и керамика (6-35). Керамика поселения Улус-2 (33-35)

2. «Жемчужник» с разделителем (круглые и овальные ямки) (рис. 2.-1, 4, 6, 10; 3.-9, 11, 17, 18, 22);

4. «Жемчужник» с разделителем и сеткой ниже, по тулову (рис. 2.-3; 3.-12, 21, 29);

5. «Жемчужник» с разделителем и рядом наклонных оттисков сверху, под венчиком (рис. 2.-5, 7; 3.-23);

6. «Жемчужник» с разделителем и наклонными оттисками снизу и сверху (рис. 3.-30);

7. «Жемчужник» по валику, рассеченному оттисками гладкого штампа (рис. 3.-31);

8. Валик, рассеченный сеткой (гладкий штамп) (рис. 3.-16, 25);
  9. Валик «чистый» (рис. 3.-15);
  10. Сетка гребенчатая по тулову (рис. 3.-27);
  11. Прочерченная вертикально-волнистая имитация шва на кожаном сосуде (рис. 3.-32);
  12. «Чистые» ямки (кроме отмеченной чаши) (рис. 3.-6, 7, 13, 19, 24);
  13. Керамика без орнамента (рис. 2.-8, 9, 11).
- В целом керамика сходна с посудой других быстрианских поселений Верхнего Причумышья, отличаясь только малым использованием в орнаментике гребенчатого штампа [Кунгуров, 1997; 2005; Кунгуров, Кунгурова, 2019; 2021].

Посещение окрестностей с. Победа в 2019–2020-х гг. показало достаточно хорошую сохранность памятника Улус, который по-прежнему остается очень перспективным объектом для комплексного исследования.

Библиографический список

- Кунгуров А.Л. Палеолитические находки в предгорьях Алтая // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С. 66–69.
- Кунгуров А.Л. Памятники железного века верхнего Причумышья // Алтайский сборник. Барнаул, 1997. Вып. XVIII. С. 221–240.
- Кунгуров А.Л. Археологические памятники и находки в Целинном районе // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул, 2005. Вып. 1. С. 5–41.
- Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Случайные находки с Верхнего Чумыша (по материалам музея с. Победа) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001. С. 111–126.
- Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф. Исследование многослойных разнотурных комплексов Верхнего Причумышья: Усть-Шамониха-I // Теория и практика археологических исследований. 2019. №1 (25). С. 7–15.
- Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф. Исследование многослойных разнотурных комплексов Верхнего Причумышья: памятники в урочищах Коврижка и Курноска // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул, 2021. С. 37–43.

A.L. Kungurov¹, O.F. Kungurova²

¹*Altay State Museum of Local History, Barnaul, Russia;*

²*Finance University under the Government of the Russian Federation, Barnaul Branch, Barnaul, Russia*

RESEARCH INTO MULTI-LAYERED MULTICULTURAL COMPLEXES OF UPPER PRICHUMYSHYE: SITES IN THE ULUS AREA

The Upper Prichumyshye is a region comprising two different orographic zones, the Biysk Chumysh highland and the Salair Ridge. Currently, it is one of the most studied archaeological microdistricts. The peculiarities of the Chumysh valley formation led to the creation of a valley-beam relief with a large number of expressive micro-valleys, capes and small tributaries. In different periods of history, the areas of

the valley that were most convenient for living and implementation of appropriating and producing economy, were settled several times. The article presents materials that continue the cycle of publications devoted to the multi-layered archaeological sites of the Upper Prichumyshye (The Tselinnyi Region of the Altai Krai). The work characterizes the settlement of Ulus. This site contains cultural layers of the Upper Paleolithic era, the developed Bronze Age, the early Iron Age and the period of late antiquity. The materials are represented by stone tools, ceramics of various forms and ruined quarry burials of Andronian culture. Initially, the site was opened by the creator of the local museum v. Pobyeda P.F. Ryzhenko in the 50s of the last century.

Keywords: Altai Mountains, Upper Prichumyshye, archaeology, P.F. Ryzhenko, stone tools, burials, ceramics

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.36

УДК 903.02(574)

И.В. Мерц¹, И.А. Кукушкин², Е.А. Дмитриев²

¹Торайгыров университет, Павлодар, Казахстан;

*²Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова,
Караганда, Казахстан*

СЕНКИБАЙ-2 – НОВОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ЕЛУНИНСКОЙ КЕРАМИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ САРЫАРКЕ

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке бюджетных программ МОН РК «Грантовое финансирование научных исследований на 2020–2022 гг.» №АР08855976 «Эпоха раннего металла Северо-Восточных районов Центрального Казахстана» и «... на 2021–2023 гг.» №АР09260879 «Исследование маркеров социальной ранжированности общества бронзового века Сарыарки по данным погребальной обрядности»

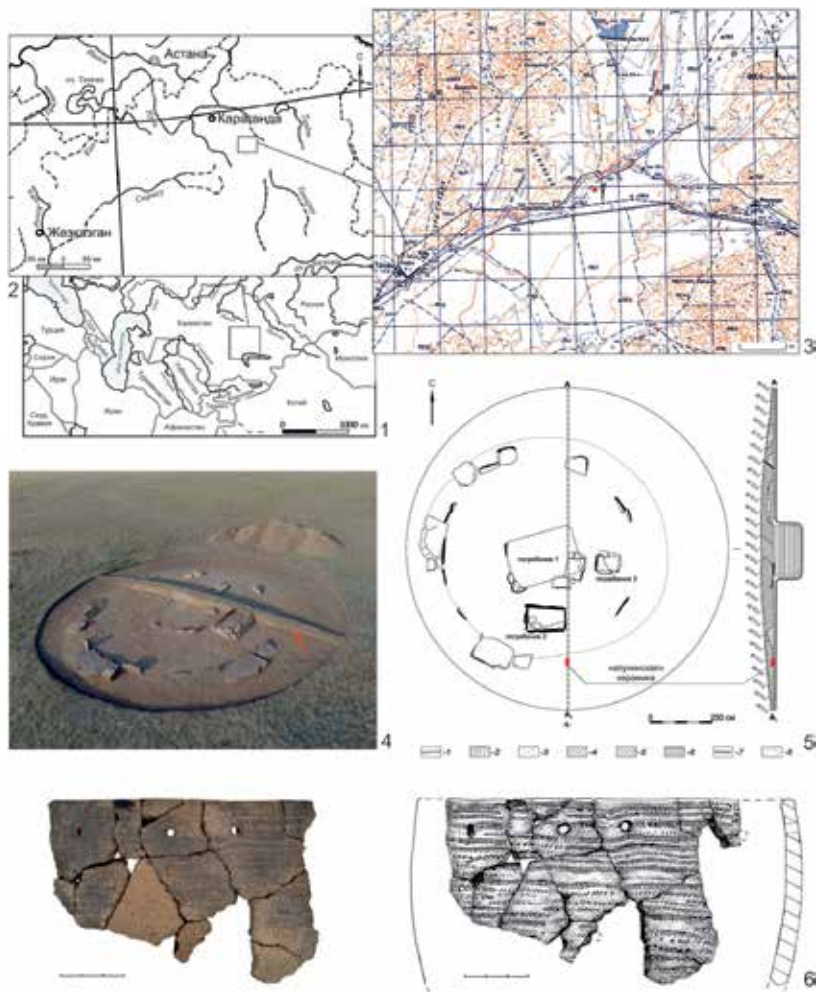
Статья посвящена публикации местонахождения керамики раннего бронзового века, обнаруженной при изучении петровского кургана-ограды на могильнике Сенкибай-2 в Центральной Сарыарке. На основании аналогий и серии радиоуглеродных дат из памятников региона установлено, что рассматриваемая керамика относится к елунинской археологической культуре и датируется 2-й половиной III тыс. до н.э. На данном этапе состояния источниковой базы остается открытым вопрос о характере местонахождения. Возможно, оно является остатками погребально-поминальных действий доандроновского «населения» или частью разрушенного культурного слоя поселения. Однозначно ответить на этот вопрос позволят новые полевые работы. В целом данная находка существенно отодвигает на юг ареал распространения елунинской культуры, который со временем, по-видимому, будет расширен вплоть до Северного Прибалхашья. Зафиксированное совместное залегание елунинских и петровских материалов дополняет информацию о топографии в регионе доандроновских комплексов и ставит проблему соотношения этих двух культурных образований.

Ключевые слова: Центральная Сарыарка, р. Талды, ранний бронзовый век, елунинская культура, местонахождение, керамика, миграции

Ранний бронзовый век Центрального Казахстана, несмотря на многолетние исследования региона, до сих пор остается практически не изученным периодом. В настоящее время только на его северо-восточной окраине выявлены немногочисленные археологические комплексы этого времени. Они представлены памятниками ямного и «восточноевропейского» типа, елунинской культуры, а также новыми объектами, не получившими еще культурную атрибуцию [Мерц В.К., Мерц И.В., 2010; Мерц, 2017; Доумани Дююйи и др., 2020]. Наиболее многочисленными из них являются елунинские памятники, отражающие локальный «шидертинский» вариант культуры, существовавший на раннем этапе ее развития – во 2-й половине III тыс. до н.э. [Грушин, 2013, с. 20; Мерц, 2015; 2017, с. 20]. При этом открытым вопросом является граница ее распространения в регионе. Проведенные первоначальный сбор и систематизация разрозненных археологических материалов раннего бронзового века из Центрального и Северного Казахстана позволили выявить комплексы елунинского типа как на западе и севере Сарыарки, так и в лесостепном Приишимье. Данные факты существенно расширяют ареал распространения елунинских памятников в Казахстане. Однако на этих, пока малочисленных и удаленных друг от друга на сотни километров, пунктах еще не проводились стационарные исследования. Вместе с тем уже сейчас можно ставить вопрос о существовании на данной территории в доандроновское время обширной культурной общности [Мерц, 2019, с. 78]. Поэтому введение в научный оборот новых археологических материалов является крайне важным для изучения как елунинской проблематики, так и всего периода ранней бронзы Казахстана, позволяя наполнять ее конкретным содержанием.

Данная работа посвящена публикации нового местонахождения керамики раннего бронзового века на могильнике Сенкибай-2 в Центральной Сарыарке, открытого экспедицией Сарыаркинского археологического института Карагандинского университета им. Е.А. Букетова под руководством И.А. Кукушкина. Среди основных задач исследования – полная характеристика археологического источника, определение его культурной и хронологической принадлежности.

Памятник находится в Шетском районе Карагандинской области, в 9 км к востоку от пос. Талды и в 5 км к западу от с. Жанажурт на трапециевидной площадке размером 5×1,8 км, образованной левым берегом реки Талды, около впадения в нее ручьев Кызылжартас и Каражартас (рис.-1-3). Детальное обследование территории некрополя позволило выявить несколько групп погребально-поминальных сооружений, насчитывающих 197 визуально фиксируемых объектов. Большинство из них относится к эпохе бронзы, но присутствуют также курганы раннего железного века и ритуально-поминальная ограда раннего Средневековья [Кукушкин, Дмитриев, 2018, с. 177; 2020, с. 96].

Местонахождение керамики елунинской культуры Сенкебай-2:
 1-3 – расположение памятника на картах региона; 4 – курган-ограда №178, вид с юго-запада; 5 – план кургана-ограды №178 (1 – дерн, 2 – супесь коричневого цвета, 3 – серый суглинок, 4 – супесь светло-коричневого цвета, 5 – грунт серого цвета, 6 – заполнение могилы, 7 – материк, 8 – границы погребальной площадки); 6 – елунинская керамика из южной части раскопа

Первые сведения о некрополях бронзового века в долине р. Талды были получены еще в конце 40-х – 50-е гг. XX в. Центрально-казахстанской археологической экспедицией АН КазССР [Маргулан и др., 1966,

с. 51, рис. 7]. С 2014 г. на могильнике Сенкибай-2 ведутся стационарные работы [Кукушкин, Дмитриев, 2020, с. 85]. В 2020 г. при исследовании кургана-ограды №178, расположенного в юго-западной части погребального поля, вне основных групп сооружений, были обнаружены обломки керамического сосуда раннего бронзового века.

До начала работ объект №178 представлял собой оплывший земляной курган диаметром 11,5 м, высотой до 0,4 м, по краям которого фиксировались отдельные каменные плиты. Под насыпью из светло-коричневой супеси были расчищены остатки разрушенной округлой каменной ограды диаметром 7 м, составленной из наклонно установленных плит, опиравшихся на подсыпку из серого суглинка. Внутри сооружения выявлены три могилы. Первая, центральная, перекрытая каменными плитами, содержала нарушенное погребение взрослого человека в грунтовой яме с остатками деревянной конструкции. Вторая и третья – были устроены в каменных «ящиках», в которых находились захоронения взрослого и детей. Особенности погребального обряда и керамического комплекса позволяют отнести курган-ограду №178 к петровским комплексам Сарыарки (ранний этап алакульской культуры). В связи с чем особого внимания заслуживает находка под бровкой, у южного края ограды, фрагментов верхней трети керамического сосуда, украшенного оттисками «шагающей» гребенки с протаскиванием. Они были обнаружены в слое коричневой супеси на глубине 0,35 м от дневной поверхности, примыкавшей к прослойке серого суглинка, фиксировавшего плиты ограды (рис.-5).

Обнаруженный сосуд представлен 18 фрагментами (венчики – 8 шт., стенки – 10 шт.), имеет открытую баночную форму. Диаметр устья составляет 19 см, толщина стенок – 0,6–0,7 см. Орнамент нанесен способом «шагания» с протаскиванием гребенчатым штампом шириной 1,3 см, с четырьмя зубцами прямоугольной формы размером 1,2×1 мм, расстояние между которыми составляет 2–1,5 мм. Орнаментальная композиция простая, срез венчика плоский, не украшен, стенки декорированы рядами горизонтальных лент «гребенки», покрывающими, видимо, всю поверхность. Сохранилось пять таких рядов, общее их количество могло достигать 14–18, что подтверждается находками аналогичных археологически целых сосудов. Следовательно, высота емкости могла достигать 26 см. В районе венчика имеются вытянутые и округлые отверстия с конусовидным сечением, видимо, от скоб, применяемых для ремонта изделия. Они имеют размер 0,6×0,3 и 0,5×0,5 см, расположены на расстоянии от 2,5 до 4,1–6,1 см друг от друга. Внутренняя сторона, видимо, была обработана мягким предметом. Тесто плотное, в нем присутствуют различные примеси. В изломе черепки черные, внешняя поверхность темно-коричневого цвета с черными пятнами (рис.-6).

В Сарыарке способ декорирования всей поверхности керамического сосуда «шагающей» гребенкой с протаскиванием характерен только для елунинской археологической культуры [Мерц, 2017, с. 20–23]. Ее керамический комплекс представлен двумя орнаментальными традициями – «шагающей» («шагающая» гребенка, «шагающая» гребенка с протаскиванием, гребенчатая качалка), получившей в науке название «кротовская», и «отступающе-накольчатой» (отступающая и протаскленная палочка) – «логиновской» [Грушин, 2003, с. 58]. В северо-восточной Сарыарке и в южной части Среднего Прииртышья к этим орнаментальным традициям добавляется третья, представленная посудой, украшенной «расчесами». Основу же составляет посуда, украшенная способом «шагания» [Мерц, 2015, с. 34; 2017, с. 13, 20]. Ближайшими к Сенкибаю-2 елунинскими памятниками являются расположенные в 285 км к северо-северо-востоку поселения Шидертинское-2, Жынгылды и могильник Шидерты-10 [Мерц, 2010, с. 161; Мерц, 2015, с. 28–30]. В западной Сарыарке подобные материалы известны на стоянке Жанбобек-1, а в лесостепном Приишимье – на поселениях Кеноткель-8–10, Вишневка-1, Карлуга и др. [Кукушкин, 2012, с. 190; Мерц, 2019, с. 78]. В настоящее время местонахождение керамики Сенкибай-2 является самым южным пунктом распространения керамики елунинского типа. Этот факт расширяет ареал культуры до Центральной Сарыарки и, по-видимому, со временем он будет отодвинут еще далее на юг, до Северного Прибалхашья. Необходимо отметить, что совместное залегание петровских и елунинских материалов зафиксировано впервые. Этот факт открывает новый аспект в изучении раннеандроновских памятников Центрального Казахстана, позволяя выявить новые материалы раннего бронзового века.

Пока остается открытым вопрос о характере рассматриваемого комплекса. Возможны следующие варианты: 1) обнаруженная керамика является остатками поминальных действий «елунинцев», в результате чего на территории андроновского могильника, возможно, будут выявлены еще и ранние погребения; 2) елунинский поселенческий слой перекрыт петровским некрополем. В данном случае, скорее всего, имеет место первый из предложенных вариантов, так как в Сарыарке, как и в горных районах Верхнего Прииртышья и Тарбагатай, некрополи раннего бронзового века располагались у подножия сопок, на ровных площадках первых надпойменных террас и на самых низких участках ложбин, около временного водотока. Известны случаи совпадения топографии могильников раннего и среднего бронзового века – Карагаш, Шолпан-IV и Канай [Мерц В.К., Мерц И.В., 2010, с. 134, 139; Ковалев, Мерц, 2015, с. 215]. Поселения устраивались на берегах рек, озер или временно затопляемых низин, в защищенных от ветра местах [Мерц, 2017, с. 8, 10]. Однако однозначно определить характер местонажде-

ния елунинской керамики Сенкибай-2 возможно будет только после тщательного обследования памятника.

Анализ условий залегания рассматриваемого сосуда в слое коричневой супеси, «прорезанной» конструкцией кургана-ограды №178, позволяет допустить его относительно более ранний возраст. На основании результатов радиоуглеродных исследований время существования елунинской культуры определяется в пределах XXV–XVIII вв. до н.э. При этом наиболее ранние даты – XXV–XXII вв. до н.э. – были получены из комплексов южной части Среднего Прииртышья и Сарыарки [Грушин, 2013, с. 20; Мерц, 2017, с. 20]. Отсутствие разработанной радиоуглеродной шкалы для андроновских памятников Казахстана осложняет решение вопроса соотношения елунинских и петровских комплексов. Известные ¹⁴C-даты петровских, алакульских и федоровских комплексов Сарыарки немногочисленны и не систематизированы, но в целом они не противоречат результатам радиоуглеродных исследований памятников Южного Урала, согласно которым время существования петровских комплексов устанавливается в пределах XIX–XVIII вв. до н.э. [Молодин и др., 2014, с. 140, 142]. По-видимому, именно XIX–XVIII вв. до н.э. датируются и петровские памятники Сарыарки. На этом основании можно предположить, что в начале II тыс. до н.э. произошло вытеснение «елунинцев» из Сарыарки петровским населением, что привело к полному изменению этнокультурной ситуации в регионе во II тыс. до н.э. [Мерц, 2017, с. 21]. Следовательно, елунинскую керамику Сенкибай-2 можно датировать в пределах 2-й половины III тыс. до н.э. Решение проблемы соотношения елунинских и раннеандроновских комплексов требует специального изучения на материалах стратифицированных памятников.

Таким образом, в 2020 г. экспедицией Сарыаркинского археологического института был получен новый материал по раннему бронзовому веку региона. По морфологическим признакам керамика Сенкибай-2 является типичной для всей территории распространения елунинской культуры, которая охватывает Юг Западной Сибири, Северный и Восточный Казахстан. Эта находка существенно расширяет ареал ее распространения до Центральной Сарыарки, и, по-видимому, это еще не окончательная граница. Подобные единичные находки указывают, что практически вся территория Сарыарки в доандроновское время была занята населением, близким в культурном плане к елунинскому. На основании стратиграфического положения, аналогий и данных радиоуглеродных исследований сосуд из Сенкибай-2 можно датировать 2-й половиной III тыс. до н.э. Зафиксированный случай совместного залегания елунинских и раннеандроновских материалов на одном памятнике дополняет знания об их топографии и особенностях протекавших на рубеже III–II тыс. до н.э. в Сарыарке этнокультурных процессов. Перво-

степенной задачей является комплексное исследование местонахождения Сенкибай-2 и выявление новых памятников раннего бронзового века в регионе.

Библиографический список

Грушин С.П. Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье в эпоху ранней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. I. С. 49–56.

Грушин С.П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III – первой четверти II тыс. до н.э.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2013. 54 с.

Доумани Дюпюи П.Н., Жунисланов А.С., Буллион Э., Рахманкулов Е.Ж., Киясбек Г.К., Ташманбетова Ж.Х., Исин А.И., Меркл Э., Гумирова О. Археологические исследования памятника Кокен (Восточный Казахстан): предварительные результаты // Маргулановские чтения – 2020. Алматы, 2020. Т. 2. С. 68–81.

Ковалев А.А., Мерц И.В. Ограда №9 могильника близ бывшего аула Канай в Восточном Казахстане (по архивным источникам) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чешурчешский культурный феномен. Ч. II. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель. СПб., 2015. С. 215–227.

Кукушкин А.И. Основные характеристики археологических памятников Нуринаского района Карагандинской области // Маргулановские чтения – 2012. Астана, 2012. С. 190–191.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Находка погребения с зеркалом на могильнике Сенкибай-2 (Центральный Казахстан) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2018. С. 173–177.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Алакульские захоронения могильника Сенкебай-2 // Маргулановские чтения – 2020. Алматы, 2020. Т. 2. С. 84–98.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 436 с.

Мерц В.К. Стоянка Жынгылды // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Павлодарская область. Алматы, 2010. С. 161.

Мерц В.К., Мерц И.В. Погребения «ямного» типа Восточного и Северо-Восточного Казахстана (к постановке проблемы) // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 134–144.

Мерц И.В. Керамика раннего бронзового века поселения Шидертинское-2 и могильника Шидерты-10 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №2. С. 28–37.

Мерц И.В. Культура населения Восточного Казахстана в эпоху ранней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 26 с.

Мерц И.В. Казахстанские комплексы елунинского типа // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). СПб., 2019. С. 77–79.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и Юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.

I.V. Merts¹, I.A. Kukushkin², E.A. Dmitriev²

¹*Toraighyrov University, Pavlodar, Kazakhstan;*

²*Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakstan*

SENKIBAY-2 – NEW LOCATION OF CERAMICS OF ELUNINO IN CENTRAL SARYARKA

The article describes the location where the Early Bronze Age ceramics was discovered during the study of the Petrovka Culture mound-enclosure in the Singkibay-2 burial ground in Central Saryarka. Based on analogies and a series of radiocarbon dates from the sites of the region, the analysed pottery can be attributed to the Elunino archaeological culture, and dated to the second half of the 3rd mil. BC. At the present state of the source base, the question of the nature of the location still remains open. Perhaps, it represents the evidence of the funeral-commemorative activities of the pre-Andronovo “population”, or a part of the destroyed cultural layer of the settlement. Only further field work will could address this issue. In general, this find significantly expands the distribution of the Elunino Culture to the south, which over time will possibly be extended further all the way to the northern coast of the Lake Balkhash. The recorded joint positioning of the Elunino and Petrovka materials provides the additional topographical information for the area of the pre-Andronovo complexes and puts forward the issue of the relationship between these two cultural formations.

Keywords: Central Saryarka, Taldy River, Early Bronze Age, Elunino Culture, location, ceramics, migrations

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.37

УДК 903.53(571.1)

В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

КОНЦЕНТРАЦИЯ ЭЛИТНЫХ КУРГАНОВ В БАРАБЕ: ПРИРОДНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ

Работа выполнена в рамках программы НИР, проект 0264-2021-0004
«Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях»

Многолетнее изучение памятников Барабинской лесостепи позволило выявить природный оазис – урочище Таи, активно заселяемое человеком во все исторические эпохи. Привлекательность урочища заключалась в благоприятной природной среде, обеспечивающей человеку существование и в годы пика водной активности, и в годы засухи. Важную роль играло и пересечение в зоне урочища Таи двух водных артерий – р. Омь и Тартас. В эпоху бытования саргатской культуры раннего железного века вокруг урочища Таи и в некотором удалении от него были сосредоточены могильники, содержащие элитные погребальные сооружения. Элитные курганы отличались от других своими параметрами, организацией сакрального пространства и уникальными находками, импортными по происхождению. Среди могильников выделяются масштабные, с сотнями элитных

объектов (могильник Усть-Тартасские курганы), сравнительно небольшие, в составе которых находились несколько элитных (Яшкино-1, Новый Тартас-2, Старый Сад, Тартас-2), и одиночные элитные курганы (Сопка, Одиночный курган Государево Озеро-1). Предполагается, что градация является следствием сложившейся социальной структуры саргатского общества.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь, ранний железный век, саргатская культура, элитные погребальные сооружения, природные оазисы, урочище Таи

Барабинская лесостепь занимает обширные пространства южной части Западносибирской равнины в Обь-Иртышском междуречье. Территория эта с момента появления здесь человека в позднем плейстоцене всегда была активно востребована многочисленными популяциями. Регион во многие исторические эпохи являлся транзитной зоной при передвижении групп населения как в широтном, так и в меридиональном направлении. Бараба привлекала человека обилием природных ресурсов, способствующих развитию экономики, достаточно мягким для высоких широт климатом, наличием водных и сухопутных путей [Миддендорф, 1871; Панадиади, 1953], а также богатством флоры, фауны, ихтиофауны. Длительное археологическое изучение региона, начатое еще в XIX в. (И.П. Фальк, В.В. Радлов, Г.О. Оссовский, С.М. Чугунов, Н.М. Ядринцев) и активно продолженное в послевоенный период XX в., позволило выявить серию перспективных для изучения археологических памятников [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980]. Была разработана концепция его историко-культурного развития от древнекаменного века до нового времени (время прихода сюда русскоязычного населения) [Молодин, 1983; 1985; Полосьмак, 1987; Бараба..., 1988; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990; Елагин, Молодин, 1991], существенно дополняемая и корректируемая в настоящее время (см., напр.: [Молодин, 2010; Молодин, Мыльникова, Новикова и др., 2011]).

Не является исключением ранний железный век, когда территорию западносибирских лесостепей от Зауралья до Енисея занимали носители традиций культур скифского и сарматского времени. На территории Барабы представителями таких культур были саргатская – на западе и большереченская – на востоке [Полосьмак, 1987; Корякова, 1988; Матвеева, 1993]. Культуры скифо-сарматского времени Сибири находились на стадии классообразования и формирования элиты [Тишкин, Дашковский, 2003], что реально отразилось в характере социальной структуры обществ, выразившись в том числе в достаточно массовом возведении элитных погребальных комплексов, примером чему – яркие погребальные памятники от Аржана-1 и 2 на востоке [Грязнов, 1980; Ćugunov, Parzinger, Nagler, 2010] до Филипповки на западе [Яблонский, 2013].

Степень изученности археологических памятников Барабинской лесостепи, в том числе раннего железного века, позволяет выделить

определенные тенденции в развитии материальной культуры этого хронологического периода. Именно на это время приходится основной всплеск формирования значительного количества элитных курганов.

С учетом имеющихся в нашем распоряжении источников под элитными курганами раннего железного века логично понимать земляные конструкции более 20 м в диаметре (некоторые достигают 50 м). Высота насыпи бывает не менее 2 м от уровня современной дневной поверхности. В.М. Массон [1994, с. 5] справедливо отмечал, что наличие целого спектра местных традиций приводило к значительному локальному разнообразию критериев элитности погребальных сооружений при наличии общей «генерализованной тенденции». При оценке земляных сооружений следует учитывать такой важный фактор, что земляные конструкции (их принято называть земляными насыпями, хотя этот термин, по существу, является неким сленгом и лишь в определенной степени отражает содержательную сущность явления), сооруженные древним населением в условиях лесостепных и степных районов, с приходом сюда славяноязычного населения с территорий Европейской России в XVII в. подвергались активному антропогенному влиянию. Во-первых, это варварское воздействие было спровоцировано поисками «могильного золота», породившими массовое явление – «бугровщичество». Особо подчеркнем, что атакам бугровщиков подвергались прежде всего крупные объекты, в том числе (правильнее – в первую очередь) элитные курганы раннего железного века, в которых достаточно часто содержались высокохудожественные предметы из золота и серебра. Свидетельством чему является широко известная Петровская коллекция [Руденко, 1962]. Не случайно поэтому высокохудожественные изделия в курганах раннего железного века встречаются не часто. Можно назвать, пожалуй, Сидоровку в Омской области [Матющенко, Татаурова, 1997] и Тютринский могильник [Матвеев, Матвеева, 1987], где элитные комплексы с уникальными предметами чудом сохранились и попали в руки профессионалов. Во-вторых, основным населением, попадающим в Сибирь из Европейской России, было крестьянство. Крестьяне интенсивно возделывали землю вокруг своих поселений, подвергая активной распашке и курганные земляные насыпи, а чернозем с насыпи, являясь плодородной почвой, нередко разбирался для подсыпки на огородах. Но особенно подверглись разрушению могильники с земляными насыпями уже в Новое время, когда стали использоваться мощные трактора и плуг с глубокой распашкой при еще слабо организованной в стране охране археологических памятников. Крупные земляные насыпи сначала опахивались по периметру, а затем нередко и уничтожались. В качестве примера приведем судьбу широко известного в Западной Сибири (да и в России) могильника Усть-Тартасские курганы, расположенного в Венгеровском районе Новосибирской области.

Могильник Усть-Тартасские курганы впервые описан в археологической литературе И.П. Фальком в 1771–1772 гг. как «огромный курганный могильник у устья реки Тартас». В 1889 г. В.М. Флоринский писал об Усть-Тартасском могильнике как «о настоящем некрополисе со множеством курганных могил» [Флоринский, 1889, с. 46], который состоял из 256 единиц. В 1895–1896 гг. раскопки могильника проводил С.М. Чугунов [1899]. В то же время А.А. Аргуновым был составлен план курганного поля, на котором «расположены 122 кургана» [Чугунов, 1899, с. 18]. В 1966 г. Т.Н. Троицкая [1966] писала, что из 122 курганов, отмеченных С.М. Чугуновым между селами Венгерovo и Туруновка, большая часть распаивается, от пяти больших курганов остались три. В.А. Борзунов [1971] в 1971 г. в могильник Усть-Тартасские (Венгеровские) курганы включил 54 кургана. При последнем мониторинге могильника в 2017 г., проводимом силами НПЦ Новосибирской обл., удалось зафиксировать 54 насыпи [Князев, 2018]. Остальные насыпи либо полностью распаиваны, либо уничтожены при строительных работах по улучшению Московского тракта. К сожалению, эта практика (правда, в меньших масштабах) продолжается и сегодня.

И тем не менее, несмотря на существующее антропогенное воздействие, в рассматриваемом регионе значительное количество элитных курганов еще сохранилось [Молодин, Новиков, 1998]. Основная их концентрация приурочена к уникальному природному оазису, каким является так называемое «урочище Таи», расположенное в месте слияния р. Омь и Тартас (рис. 1.-1–8). Вследствие весеннего паводка огромные пространства поймы, сформированные ледником еще в плейстоцене, затопляются. Вторая надпойменная терраса, оконтуривающая этот огромный водоем, во все времена привлекала к себе человека, так как она не затопляется даже в годы самых активных паводков. Этот фактор учитывался обитателями зоны. Не случайно именно здесь концентрировались поселенческие комплексы, сопровождаемые многочисленными некрополями и святилищами.

Вторым важнейшим фактором, на который уже ранее обращалось внимание [Молодин, 2016], было то обстоятельство, что урочище Таи являло собой уникальный оазис, представляющий в любые периоды трансгрессивных или регрессивных проявлений климата чрезвычайно привлекательную для человека зону. Во времена сильных обводнений Таи, становясь, по сути, огромным проточным озером, было чрезвычайно богато рыбой. Огромная площадь водоема, обогащаемого кислородом, при незначительной глубине являлось прекрасным нерестилищем, обладающим в результате колоссальными рыбными запасами. Немало-

---

* Фальк И.П. Экспедиция под руководством Иоганна-Петера Фалька. 1768–1774. URL: <http://www.ras.ru/lomoexpedition/96a21d9e-61a5-44f3-8528-b020f0e0642.aspx> (дата обращения 16.03.2021).

важно и то, что и добыча рыбы здесь не составляла особого труда, позволяла использовать самые разные приемы рыболовства. Урочище Таи было пригодно для гнездилищ огромного количества перелетных птиц. Образуя колонии, они привлекали в весенне-осенний период человека для заготовки дичи, в том числе и впрок, на зиму.

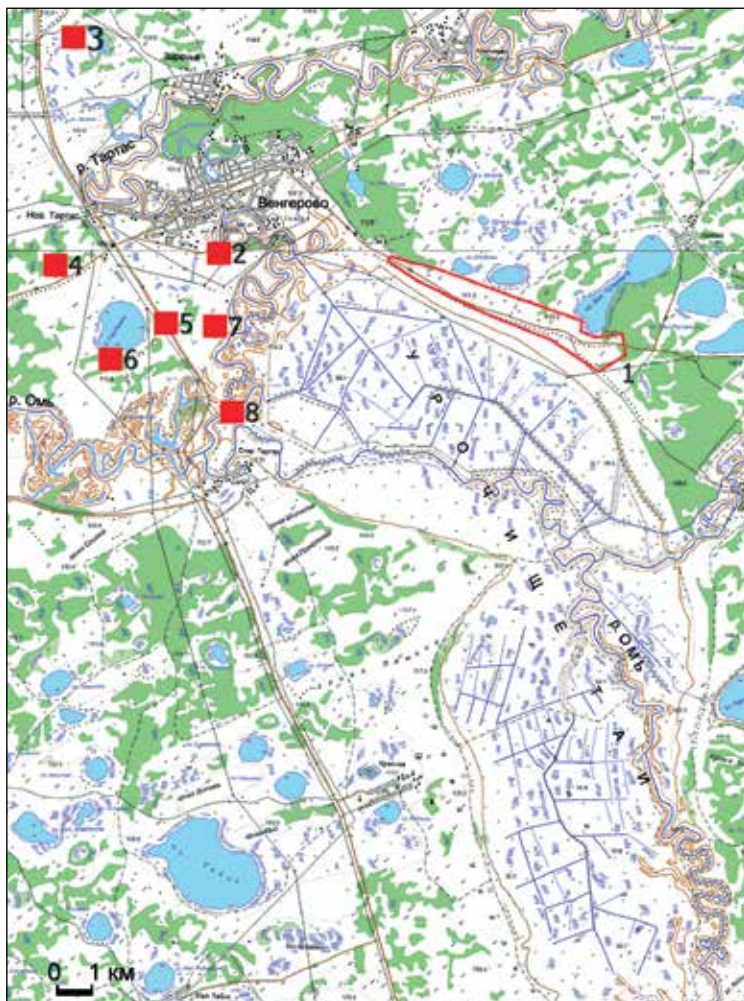

Рис. 1. Расположение могильников саргатской культуры раннего железного века в окрестностях урочища Таи: 1 – курганный могильник Усть-Тартасские курганы; 2 – Венгерово-6; 3 – Яшкино; 4 – Новый Тартас-2; 5 – Старый Сад; 6 – одиночный курган Государево Озеро-1; 7 – Тартас-2; 8 – Сопка

Как это ни парадоксально, но урочище Таи привлекало людей и в более засушливые периоды, когда водное зеркало существенно уменьшалось, порой оставаясь лишь в пределах протекающего через Таи р. Тартас и оконтуривающей урочище с юга р. Омь. В такие периоды на протяжении первой половины лета урочище освобождалось от воды, затем эти пространства превращались в луга с богатейшими запасами разнотравья, служившими прекрасной кормовой базой для скота. Такая ситуация способствовала развитию разных форм скотоводческого уклада, а также формированию запасов корма на грядущую зиму.

В обычные годы урочище выполняло сразу несколько функций: весной являясь нерестилищем, а уже летом и осенью – замечательными заливными лугами. Кроме того, территория, вплотную прилегающая к нему, была богата и водными ресурсами в виде двух крупных рек и множества озер; и обширными гнилыми пространствами, позволяющими культивировать и отгонное скотоводство, и, в более поздние исторические периоды, – земледелие. Кроме того, эти слабо заболоченные и облесенные участки Барабинской лесостепи обладали изобилием животных, в том числе промысловых, а также ягодой, грибами, орехом (на севере), что являлось существенным подспорьем в обеспечении человека биомассой, богатой углеводами и витаминами.

Подчеркнем то обстоятельство, что даже в периоды экстремальных климатических условий, которые нередко возникали на территории Западной Сибири, именно такие оазисы, как зона урочища Таи, были особенно заселены человеком, поскольку, несмотря на тот или иной катаклизм, здесь имелись более щадящие условия для жизнедеятельности, обеспечивающие выживание популяции, чем на окружающих территориях. Конечно, нельзя не отметить важный фактор, привлекающий на обозначенную территорию активные потоки населения, – возможность обеспечения как локальных, так и более широких миграций в широтном и в меридиональном направлениях. Этому способствовали речные системы – р. Омь и впадающий в нее Тартас, поскольку в условиях степей именно реки определяли пути передвижения популяций, которые часто мигрировали с женщинами, детьми, скотом.

Таким образом, очевидно, что рассматриваемый район Барабинской лесостепи был чрезвычайно привлекательным с точки зрения экологических и социокультурных характеристик.

Имеющиеся сегодня данные археологического мониторинга [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980; Молодин, Новиков, 1998; Зольников и др., 2008; Зольников и др., 2012; Кузьмин и др., 2012; Кузьмин и др., 2013] свидетельствуют о том, что территория, прилегающая к урочищу Таи, была богата археологическими памятниками, может быть, как никакой другой микрорайон данной территории. Не была исключением и ранний железный век, представленный памятниками преимущественно

но саргатской и большебереченской культур. Особое место среди этого массива занимают элитные могильники саргатской культуры, о которых идет речь в статье. Конечно, главной достопримечательностью здесь, как отмечено выше, является Усть-Тартасский могильник (рис. 1.-1). Раскопки, проведенные С.М. Чугуновым на элитных сооружениях памятника, невзирая на примитивную методику, демонстрируют незаурядные комплексы. Исследования уже наших дней Д.Г. Савинова и Н.В. Полосьмак одного из элитных курганов показали, к сожалению, его полное ограбление в древности. Однако выявленные нюансы погребальной практики, прежде всего система трех кольцевых рвов, оконтуривающих центральное захоронение [Полосьмак, 1987], свидетельствуют об элитном статусе сооружения. Столь высокая концентрация элитных курганов в одном месте дает основание предполагать и наличие здесь особого поселенческого центра саргатской культуры, который еще предстоит открыть.

Кроме Усть-Тартасского могильника с максимально высокой концентрацией элитных курганов, вокруг займища Таи выявлена еще серия курганных могильников, среди которых своими размерами выделяются элитные объекты.

В урочище Сопка (рис. 1.-8) раскопан курган №25 [Молодин, 2015, с. 101]. Центральное погребение представляло собой коллективную усыпальницу, большая часть которой оказалась потревоженной. В углу могилы сохранились несколько неограбленных особей, с ними найдены серебряные серьги. В насыпи кургана обнаружено захоронение с биметаллическим мечом – предметом достаточно редким, если не сказать – уникальным.

Еще два могильника расположены также на правом берегу урочища Таи. Могильник Тартас-2 (рис. 1.-7) состоит из нескольких насыпей. К сожалению, весь комплекс оказался полностью распаханным (и продолжает распахиваться в настоящее время).

На господствующей высоте правого берега урочища Таи находится могильник Венгерovo-6 (рис. 1.-2). Здесь были проведены охранно-спасательные раскопки элитного объекта [Молодин, Ефремова, Дураков и др., 2011]. Выявлена система из двух круглых и разомкнутых рвов. Центральное погребение было многократно разграблено. Сильно ограблены и остальные четыре могилы, в которых содержался обычный для саргатской культуры инвентарь. Вместе с тем в захоронении №2 сохранились круглая нашивная бляха из плющеной золотой фольги и золотой перстень со щитком, украшенным круглой голубой пастовой вставкой в напаянном гнезде-держателе, обрамленном по краю зернью (рис. 2). По стилистическим и технологическим признакам он сближается с серией перстней из Сибирской коллекции Петра I [Руденко, 1962] и с классическими скифскими [Петренко, 1978]. Набор технологиче-

ских приемов: пайка, зернь, пастовые вставки, безразмерная проволочная дужка с одним незакрепленным концом, по мнению И.П. Засецкой [1975], характерен для эллинистического и римского ювелирного дела. Таким образом, судя по форме и технологии изготовления, перстень является западным, вероятнее всего, позднеантичным импортом.

Рис. 2. Могильник Венгерово-6. Могила №2. Перстень

В непосредственной близости от урочища Таи находятся еще четыре памятника, содержащих, судя по метрическим параметрам, элитные курганы саргатской культуры. К их числу относится прежде всего могильник Яшкино-1 (рис. 1.-3), содержащий пять земляных объектов [Молодин, Новиков, 1998]. Один курган (диаметр 27 м – наименьший по своим параметрам) был раскопан нашей экспедицией вручную, что позволило выявить мельчайшие нюансы погребальной практики [Кобелева и др., 2013]. Оставшиеся наиболее крупные сооружения представляются особенно перспективными для раскопок.

Курганный могильник Новый Тартас-2 (рис. 1.-4) расположен в непосредственной близости от северо-западной окраины урочища Таи. В результате интенсивной распашки значительная часть земляных сооружений утрачена. У семи курганов сохранились центральные части,

несущие следы внедрения бугровщиков, но пригодные для раскопок. Некоторые из них могут быть элитными.

В 3 км от западной окраины урочища Таи находится памятник Старый Сад (рис. 1.-5). Он распахан, сохранились два объекта больших размеров, но сильно подпаханные, поросшие березами и с многочисленными следами ограбления.

Одиночный курган Государево Озеро-1 (рис. 1.-6) располагался в 6 км от западной окраины урочища Таи. Поскольку сооружение было сильно повреждено современным антропогенным воздействием, были произведены аварийно-спасательные работы. В результате получен материал саргатской культуры, несмотря на то что практически все находящиеся под конструкцией захоронения сильно разграблены [Молодин и др., 2017].

Таким образом, очевидно, что вокруг урочища Таи и в некотором удалении от него были сосредоточены могильники, содержащие элитные курганы. Тот факт, что каждое из таких сооружений содержало по нескольку захоронений, ко всему, нередко и коллективные усыпальницы, а также наличие грандиозного по своим параметрам могильника Усть-Тартасские курганы ярко свидетельствует о том, что в раннем железном веке вокруг урочища Таи кипела бурная жизнь. По-видимому, здесь располагались многочисленные кочевья саргатской культуры с уже формирующейся системой социального неравенства, наглядно проявившегося в погребальной практике – сооружении элитных усыпальниц.

Судя по имеющимся в данном регионе свидетельствам, поселения могли состоять из наземных построек (как, например, Ложка-6 [Полосьмак, 1987]), не всегда хорошо фиксируемые на уровне современной дневной поверхности. Не следует исключать наличие у носителей саргатской культуры, по крайней мере, в восточной части их дислокации, жилищ в виде войлочных переносных домов – юрт. В таком случае открытие даже крупных стационарных поселков может быть делом проблематичным.

Сложившаяся в раннем железном веке в Центральной части Барабинской лесостепи природно-климатическая и историко-культурная ситуация позволяет сделать несколько выводов.

1. Очевидно, что определяющим фактором сооружения элитных некрополей является благоприятная природная среда, которая способствовала концентрации значительных групп населения, формирующего могильники.

2. Привлекательным для человека во все времена (от периода верхнего палеолита до Нового времени) оазисом в означенном регионе было урочище Таи, способствующее ведению многоотраслевой экономики. Уникальность этой местности заключалась в том, что притягательность

ее для человека сохранялась и в период максимального пика водной активности, и в максимально засушливый период.

Привлечению в эту зону человеческих популяций способствовало и пересечение в ней двух крупных водных артерий (р. Тартас и Омь), текущих в широтном и меридиональном направлениях.

3. Перечисленные факторы, оказавшие содействие в формировании элитного слоя в среде населения восточного анклава саргатской культуры, нашли проявление в виде значительной концентрации в этом районе Барабы элитных погребальных комплексов. Весьма вероятно, что в силу каких-то причин сюда свозились умершие представители элитных популяций саргатского общества с достаточно обширной территории. Не следует, разумеется, исключать и наличие поселенческого центра, где элитная часть общества могла быть представлена достаточно широко.

Имеются также сравнительно небольшие некрополи, где среди рядовых элитные комплексы представлены несколькими сооружениями. Отмечены и могильники с единичным элитным курганом. Следует отметить и наличие одиночных элитных сооружений, редко, но все же встречающихся и в рассматриваемом регионе, и на более широких пространствах ареала саргатской культуры. По-видимому, отмеченная градация является следствием сложившейся социальной структуры саргатского общества, состоящего как из мощных объединений, так и из достаточно небольших по численности коллективов, однако с уже обозначенной социальной верхушкой.

Библиографический список

- Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988. 176 с.
- Борзунов В.А. Отчет об археологической разведке в зоне строительства оросительной системы в урочище Таи (Венгеровский район Новосибирской области) летом 1971 г. // Екатеринбург, 1971. Архив ИА РАН. Арх. №4471.
- Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 62 с.
- Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тыс. н.э. Новосибирск, 1991. 127 с.
- Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975. 79 с.
- Зольников И.Д., Кузьмин Я.В., Чемякина М.А., Новикова О.И. Геоархеологические наблюдения в центральной части Барабинской равнины летом 2008 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2008. Т. XIV. С. 160–163.
- Зольников И.Д., Постнов А.В., Лямина В.А., Глушкова Н.В., Славинский В.С., Чупина Д.А., Кузьмин Я.В., Бондаренко А.В., Новикова О.И., Дементьев В.Н., Селятицкая Н.А. ГИС-моделирование условий обитания, благоприятных для проживания древнего человека в горах Алтая и на юге Западно-Сибирской равнины // ИнтерКарто-ИнтерГИС-18: Устойчивое развитие территорий: теория ГИС и практический опыт. Смоленск, 2012. С. 283–288.

Князев А.О. Отчет о проведении археологических работ на территории Барабинского, Венгеровского, Новосибирского, Карасукского, Кочковского, Чулымского районов Новосибирской области в 2017 году. Новосибирск, 2018. Т. 1. 200 с. Архив НПП.

Кобелева Л.С., Наглер А., Дураков И.А., Демахина М.С., Хансен С., Молодин В.И. Саргатский могильник Яшкино-1 (продолжение исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2013. Т. XIX. С. 216–220.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск, 1988. 239 с.

Кузьмин Я.В., Зольников И.Д., Новикова О.И., Глушкова Н.В., Чупина Д.А., Софейков О.В., Ануфриев Д.Е., Дементьев В.Н. Анализ пространственного распределения археологических памятников Центральной части Барабинской лесостепи (Венгеровский район Новосибирской области) на основе ГИС-технологий // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12, №7. С. 87–96.

Кузьмин Я.В., Зольников И.Д., Софейков О.В., Новикова О.И., Глушкова Н.В., Чупина Д.А., Ануфриев Д.Е. Результаты геоархеологических исследований в Венгеровском районе Новосибирской области в 2012 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2012. Т. XVIII. С. 201–205.

Массон В.М. Развитие элитарных структур как прогрессивный феномен скифской эпохи // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 1–4.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Ювелирные изделия Тютринского могильника (к проблеме Сибирской коллекции Петра I) // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987. С. 191–201.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск, 1993. 174 с.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997. 197 с.

Миддендорф А.Ф. Бараба. Записки Академии Наук. СПб., 1871. 123 с.

Молодин В.И. Бараба в древности: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1983. 36 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.

Молодин В.И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (К юбилею проф. Т.Н. Троицкой). Новосибирск, 2010. С. 61–76.

Молодин В.И. Очерки истории сибирской археологии. Новосибирск, 2015. 311 с.

Молодин В.И. Природные оазисы в Барабинской лесостепи как основа жизнеобеспечения древнего человека // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень, 2016. Вып. 5, ч. 2. С. 121–124.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Сальникова И.С., Борзых К.А. Аварийные раскопки могильника саргатской культуры Венгерovo-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2011. Т. XVII. С. 188–194.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И. К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Тартас-1 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №3 (47). С. 40–56.

Молодин В.И., Ненахов Д.А., Ненахова Ю.Н., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С. Аварийные раскопки одиночного элитного кургана саргатской культуры Государево Озеро-1 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2017. Т. XXIII. С. 521–525.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района. Новосибирск, 1998. 140 с. (Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Вып. 3).

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990. 260 с.

Панадиади А.Д. Барабинская измененность. М., 1953. 231 с.

Петренко В.Г. Украшения скифии VII–III вв. до н.э. М., 1978. 143 с. (Археология СССР. САИ. Вып. Д. 4–5).

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987. 144 с.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. М., 1962. 51 с., табл. (Археология СССР. САИ. Вып. Д. 3–9).

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.

Троицкая Т.Н. Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции в 1966 году // Архив ИА РАН. Арх. №Р-1 3322.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980. 183 с.

Флоринский В.М. Топографические сведения о курганах Западной Сибири // Из известий Императорского Томского Университета за 1888/9 год. Томск, 1889. 71 с.

Чугунов С.М. Материалы для антропологии Сибири. Вып. 10. Курганы Канинского округа Томской губернии. Томск, 1899. 70 с., 2 вклейки.

Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка-1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М., 2013. 231 с.

Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan-2 in Tuva. *Atchäologie in Eurasien*. Dand 26. Mainz; Berlin, 2010. 330 s., 153 taf.

V.I. Molodin, L.N. Mylnikova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

THE CONCENTRATION OF ELITE KURGANS IN BARABA: ENVIRONMENTAL AND SOCIOCULTURAL FACTORS

long-term archaeological study of the Baraba forest-steppe revealed the plot of land Tai, a natural oasis, actively inhabited by humans in all historical epochs. The plot of land attractiveness is in the favorable environment, which ensured human existence both in the years of water activity and in the years of drought. A significant

role was also played by the intersection of the Om' and Tartas rivers in this Tai area. In the Sargat era of the Early Iron Age, the kurgans containing elite burial structures were concentrated there. Elite kurgans differed from others by their size, sacred space organization and unique imported goods. There are large-scale kurgans with hundreds of elite objects (Ust Tartas Kurgans burial ground), relatively small ones with several elite objects (Yashkino-1, Novyi Tartas-2, Staryi Sad, Tartas-2), and single elite kurgans (Sopka, Gosudarevo Ozero-1). It is assumed that the gradation is a consequence of the existing social structure of the Sargat society.

Keywords: Baraba forest-steppe, Early Iron Age, Sargat culture, elite burial structures, natural oases, the plot of land Tai

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.38

УДК 903.022(571.150)

Ц. Му

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА С «УШКАМИ» НА АЛТАЕ: КРАТКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ, АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №20-39-90022 «Керамическая посуда из памятников пазырыкской культуры скифо-сакского времени: комплексные исследования и реконструкции»)

Примерно со 2-й половины VI в. до н.э. на Алтае появилась керамическая посуда с «ушками». Ее оформление имеет свои особенности и не находит аналогий в культурах предшествующего периода. Эта статья посвящена изучению результатов исследований предыдущих лет и рассмотрению процессов распространения керамики «с ушками» на территории Китая (в Ганьсу и Синьцзяне) и в других соседних регионах. Приводятся опубликованные мнения ученых о находках в пазырыкских погребениях. Сравнительный анализ позволил автору статьи сделать предположение, что наличие керамической посуды с «ушками» в памятниках раннего железного века Центральной Азии является отражением миграционных процессов, в ходе которых произошло овладение фиксируемыми технологиями. Дальнейшие комплексные исследования имеющегося массива таких археологических источников позволит более детально понимать особенности взаимодействия разных древних популяций. Поэтому в данной статье обозначены необходимые направления научной работы.

Ключевые слова: Алтай, Восточный Синьцзян, бронзовый век, ранний железный век, керамическая посуда с «ушками», пазырыкская культура, миграции, распространение технологий

Введение

Керамическая посуда с «ушками» представляет собой изделия, у которых к горлу, шейке или тулову прикреплены дополнительные элементы, условно похожие на соответствующие части человеческого

тела. В раннем железном веке такие сосуды были распространены у населения, проживавшего в горах Алтая и в лесостепной зоне Верхнего Приобья. Они обнаружены в памятниках пазырыкской, каменной, быстрианской и староалейской культуры [История Алтая..., 2019; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 38–40]. Такие предметы материальной культуры имеют свои особенности и заслуживают отдельного изучения. Это касается решения проблем происхождения фиксируемых традиций, а также технологии изготовления и декорирования. На данном этапе важно выявить уже найденные экземпляры и рассмотреть опыт осуществленных интерпретаций.

Обзор исследований керамики «с ушками»

Обозначенная тема освещена в одной из публикаций В.Д. Кубарева [2001] и в исследованиях Н.Ф. Степановой, которые нашли отражение в двух монографиях [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Кирюшин, Степанова, 2004]. Первый автор анализировал шесть керамических сосудов с «ушками», которые были обнаружены им при раскопках памятников Бике-I и Бике-III в долине Нижней Катунь на территории Северного Алтая [Кубарев, 2001]. Он разделил такую посуду на два типа. К первому типу отнесены сосуды с двумя «ушками», которые представляли собой маленькие петлевидные «ручки», находившиеся у края венчика. Емкости второго типа имели два отверстия для подвешивания и оформленное подковообразными налепами усиление горла сосуда. Керамические изделия первого типа сопровождали погребенных людей в могилах памятника Бике-I, а сосуды второго типа найдены в курганах археологического комплекса Бике-III. По мнению В.Д. Кубарева [2001, с. 122–123], такая ситуация не является случайной и указывает на разноэтничность умерших. Исследователем высказано предположение, что «первая группа сосудов несколько древнее второй и приемы ее изготовления привнесены пришлым населением...». Им был обозначен круг аналогий рассмотренных изделий как на Алтае (Кайнду и Кара-Коба), так и в погребальных памятниках сако-савроматского мира Поволжья, Южного Приуралья и других регионов. Емкости второго типа («дорожная посуда») были довольно широко распространены на Алтае и могли попасть от населения с территории Верхнего Приобья. В.Д. Кубарев не исключал их происхождение в период поздней бронзы или даже раньше.

Н.Ф. Степанова рассмотрела девять керамических сосудов с «ушками» из курганов, раскопанных на могильнике Тьткескень-VI [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 95–96]. Она также разделила их на два типа по способу налепа «ушек», отражающих особенности оформления. Тип 1 характеризовал «ушки», «полученные в результате наклеивания жгута длинной стороной вокруг отверстия на венчике», не замыкаясь в кольцо. Тип 2 представлен двумя вариантами другой конфигурации. Ею были подробно рассмотрены аналогии (Верхняя Обь, Монголия, Тува,

Казахстан) и определена хронология бытования таких горшков. Отмечено, что аналогичная посуда в основном была распространена за пределами Горного Алтая. Она преобладает в северных районах, где отложилась в памятниках, датируемых с конца VI в. до н.э. В другом исследовании Н.Ф. Степанова обобщила данные о более 30 керамических изделиях с «ушками» и разделила их на три типа, которые детально охарактеризовала [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 38–40]. У первых двух были обозначены по два варианта, а третий отражал комочки глины или короткий жгут, налепленный одной стороной на сосуды без отверстий.

Важным стало заключение, что сосуды с «ушками» всех типов характерны только для памятников, расположенных на территории Нижней Катуня. Это объяснялось двумя причинами: «контактами населения или общим компонентом в составе населения» предгорной зоны [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 40].

Происхождение керамики «с ушками»

Керамика с «ушками» была довольно редкой на Алтае и прилегающих территориях в бронзовом веке [История Алтая, 2019]. Поэтому такая традиция не является местной, а ее происхождение заслуживает специального изучения.

В Центральной Азии есть регионы, где отражено широкое распространение керамики с «ушками». Можно указать такие области, как Шэньси, Ганьсу и Синьцзян [Ван Хайли, 2014, с. 67]. Нужно отметить другую зону с наличием подобной традиции – страны Средиземноморья (Древний Египет, Древняя Греция и Древний Рим). В Европе также найдено небольшое количество керамики с «ушками» (например, культуры катакомбного круга и кукутень-трипольская культура). Рассматриваемые изделия из Средиземноморья и Европы не могут быть связаны с формированием такой традиции на Алтае (нет явной связи по возрасту, а путь возможной передачи не прослеживается). Поэтому в данной статье предполагается, что происхождение керамики с «ушками» на Алтае происходит с территории северных и северо-западных провинций Китая (Шэньси, Ганьсу и Синьцзян), где посуда с характерными элементами («ушки») впервые появилась в неолитической культуре Яншао. Около 4000 г. до н.э. яншаоская культура распространилась на запад и достигла территории Ганьсу [Су Хайян, 2019, с. 103–108]. Керамика с «ушками» продолжила там свое развитие длительный период (от позднего неолита до раннего железного века) и широко распространилась. Древние народы Ганьсу и Восточного Синьцзяна тесно взаимодействовали. Поэтому керамика с «ушками» в эпоху бронзы стала типичной для Восточного Синьцзяна и просуществовала там до раннего железного века. По предварительной статистике, в памятниках от неолита до раннего железного века в Ганьсу и Восточном Синьцзяне насчитывается около 8000 глиняных сосудов с «ушками». Они принадлежат

разным археологическим культурам разных периодов и регионов [Ван Хайли, 2014, с. 67]. Взаимодействия между носителями культур были сложными, но совершенно понятно, что в период от неолита до раннего железного века керамика с «ушками» имела полный и ясный эволюционный контекст (от Восточного Ганьсу до Восточного Синьцзяна).

Восточный Синьцзян – это узел культурных обменов между Китаем и Западом. Он напрямую связан с Ганьсу и Хэси коридорами, через которые постоянно осуществлялось влияние культур [Шуй Тао, 1993, с. 447–490]. Кроме этого, Восточный Синьцзян граничит с Алтаем, а Иртыш был коридором связей со северными степями. Пазырыкская культура раннего железного века и местная археологическая культура Восточного Синьцзяна имеют сходные черты [Шао Хуэйцзю, 2018, с. 432], что является отражением дальнейших культурных факторов. Можно сказать, что восточная часть Синьцзяна – это перекресток контактов земледелия, скотоводства и кочевого животноводства, а также плацдарм для миграций разных типов людей и распространения технологий. Керамика с «ушками» была привнесена в Восточный Синьцзян в бронзовом веке. В раннем железном веке культурные связи из Восточного Синьцзяна распространились на север через пустыню Гурбантунгут в Алтай [Му, 2021, с. 114–116]. В этом контексте следует рассматривать керамику с «ушками».

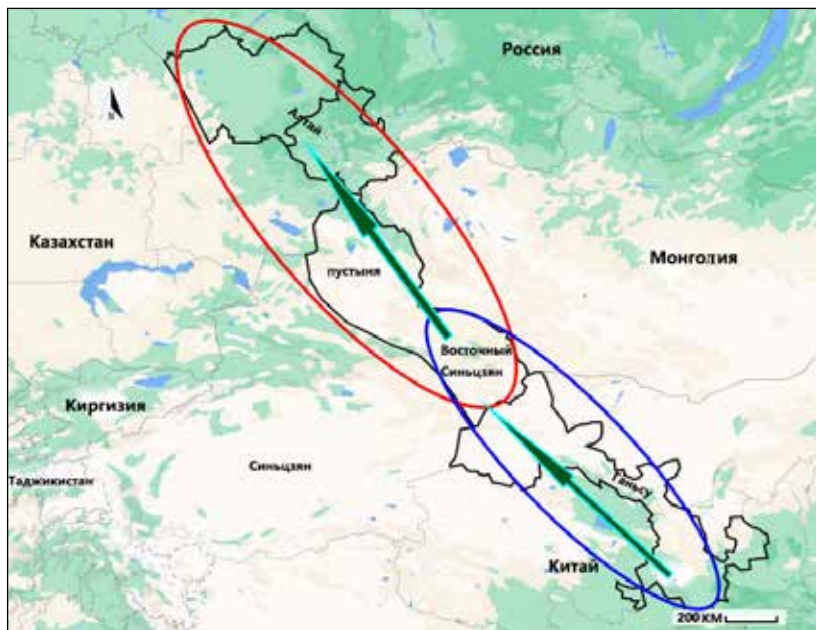

Рис. 1. Путь распространения керамики «с ушками»

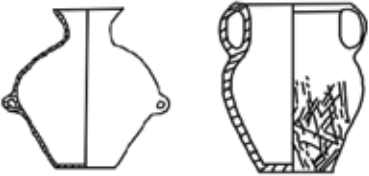
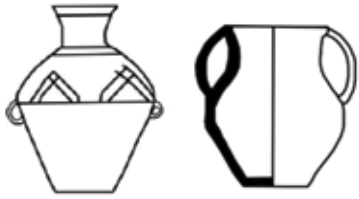
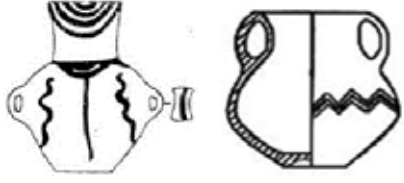

<p>Мацзяюская культура (1, 2) 3000–2000 гг. до н.э., центральная и южная часть провинции Ганьсу, северо-восточный Цинхай</p>	 <p style="text-align: center;">1 2</p>
<p>Цицзяская культура (3, 4) 2400–1500 гг. до н.э., восточная часть Ганьсу и прилегающие провинции</p>	 <p style="text-align: center;">3 4</p>
<p>Янбулакская культура (5) 1300–300 (?) гг. до н.э., Восточный Синьцзян</p> <p>Кайюская культура (6) 900–600 гг. до н.э., западная часть Ганьсу</p>	 <p style="text-align: center;">5 6</p>
<p>Пазырыкская культура 550–200 гг. до н.э., Алтай</p>	 <p style="text-align: center;">7 8</p>

Рис. 2. Керамика с «ушками» в археологических культурах разных периодов

Заключение

Поскольку мы предполагаем, что керамика с «ушками» распространилась из Восточного Синьцзяна на Алтай, то возникает ряд вопросов, которые в перспективе нужно решить: «Почему керамика с „ушками“ распространилась на Алтае в раннем железном веке, а не раньше? Это была миграция людей или только заимствование технологии? Как изготавливалась керамика с „ушками“ до и после того, как она попала на Алтай? Распространилась ли она с Алтая в другие регионы?» и т.д. Конечно, окончательные ответы на эти и другие вопросы сразу не появятся. Но нужно начать работу над ними на фоне миграций

в евразийских степях в раннем железном веке. Следует сначала выявить и сравнить материалы из курганов, которые имеют керамику с «ушками» и обнаружены в Восточном Сынцзяне и на Алтае. Таким образом, данная статья – это только начало исследований, которые потребуют времени, усилий и применения естественно-научных методов.

Библиографический список

История Алтая. Т. 1. Древнейшая эпоха, древность и средневековье Барнаул, 2019. 392 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул, 2004. 282 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.

Кубарев В.Д. Бике-I, III: погребальные памятники скифской эпохи Средней Катунь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. №7. С. 120–144.

Му Ц. Расписная керамика в пазырыкской культуре: результаты изучения и происхождение традиции // Новые материалы и методы археологического исследования. М., 2021. С. 114–116.

Ван Хайли [王海丽]. Ганьцин Дицью Фуэрху Пуси Яньцзю [Изучение происхождения и эволюции керамики с «ушками» в районе Ганьсу и Цинхае = 甘青地区腹耳壶谱系研究] // Дунбэйшифань дасюэ Шоши сюэвэй Луньвэнь [Магистерские работы Северо-Восточного педагогического университета = 东北师范大学硕士学位论文]. 2014. С. 67.

Су Хайян [苏海洋]. Лунь Мацзяю вэньхуа Синчэн Дэ Дунгъинь Ци Чуаньбо лусянь [О мотивации формирования культуры маджаяо и пути передачи = 论马家窑文化形成的动因及传播路线] // Цинхайминьцзу Дасюэ Сюэбао (Шэхуэйкэсюэ Бань) [Журнал Цинхайского университета национальнойности (издание по общественным наукам) = 青海民族大学学报 (社会科学版)]. 2019. С. 103–108.

Шао Хуэйцю [邵会秋]. Сынцзян субэйси вэньхуа яньцзю [Исследование культуры Субэйси в Сынцзяне = 新疆苏贝希文化研究] // Бяньцзян каогу яньцзю [Исследование приграничной археологии = 边疆考古研究]. 2012. №2.

Шуй Тао [水涛]. Сынцзян Цинтуншидай Чжу вэньхуа Дэ Бицзяо Яньцзю [Сравнительное исследование различных культур в бронзовом веке Сынцзяна = 新疆青铜时代诸文化的比较研究] // Госюэ Яньцзю Дицицзюань [Китайские исследования = 国学研究第一卷]. 1993. Т. I. С. 447–490.

J. Mu

Altai State University, Barnaul, Russia

CERAMIC DISHES WITH HANDLES IN ALTAI: BRIEF OVERVIEW OF STUDIES, ANALYSIS OF SOURCES AND RESEARCH PERSPECTIVES

Ceramic dishes with handles appeared in Altai approximately in the 2nd half of the 6th century B.C. Their design is very peculiar and has no parallel in the cultures of the preceding period. This article investigates the results of the earlier studies and

talks about the spread of ceramics with handles in China (in Gansu and Xinjiang) and its adjacent regions. The article also presents published opinions of scientists about the finds in the Pazyryk burials. Comparative analysis has allowed us to make the assumption that the presence of ceramics with handles in the Early Iron Age monuments in Central Asia is a reflection of migration during which people mastered the technologies of making such ceramic ware. Further comprehensive research of the existing data on these archaeological finds will provide a more detailed picture of the interaction between different ancient populations. Thus, this article describes the research lines which are ought to be carried out.

Keywords: Altai, Eastern Xinjiang, Bronze Age, Early Iron Age, ceramics with handles, Pazyryk culture, migration, technology diffusion

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.39

УДК 902(574)

С.А. Пилипенко¹, А.Е. Касеналин², Т.Н. Крупа³, Б.М. Хасенова⁴

*¹Новосибирский государственный университет
экономики и управления, Новосибирск, Россия;*

*²Институт истории и культуры Республики Казахстан,
Нурсултан, Казахстан;*

³Павлодарский педагогический университет, Павлодар, Казахстан;

*⁴Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Нурсултан, Казахстан*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ БОКК НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

Данная работа является первым опытом обобщения исследований погребений средневековых кочевников на всей территории Казахстана, в составе инвентаря которых входили женские головные уборы монгольского времени – бокки. Работа отражает неравномерность исследований погребений с бокками и различную степень сохранности находок в фондах музеев РК спустя годы после поступления инвентаря на хранение. Многолетние исследования советских, казахстанских, российских археологов в этой области позволяют не только систематизировать предшествующий опыт совместной работы, но и благодаря междисциплинарным методам вывести их на современный уровень.

Женский головной убор – бокка – это в настоящее время, не только скопление берестяных деталей каркаса и бус, но и утонченный образец части ансамбля женской одежды, состоящей из нескольких шапочек и берестяной части в виде цилиндра с различными вариациями колонны и различной системой крепления перьев. Сохранившиеся шелковые ткани и другие детали одежды, которые при умелой работе реставраторов и археологов, становятся гораздо более информативными. Результаты комплексного подхода имеют широкую сферу применения.

Ключевые слова: средневековые кочевники, археология, монголы, бокка, береста, реконструкция, Казахстан

Республика Казахстан – одна из динамично развивающихся в плане археологии стран СНГ. Археологические исследования в последние годы охватывают не отдельные районы, как было еще лет 30 назад, а целые регионы с востока на запад, включая центральные районы Казахстана. Раскопки приняли более планомерный характер. Но так было не всегда.

Целью нашей работы является краткое освещение исследований казахстанских и российских археологов одной из разновидностей женского монгольского головного убора бокка, или боктаг, с целью начальной систематизации немногочисленных сведений о находках бокк на территории Казахстана. Наша работа не претендует на полноту освещения этой проблемы. Мы лишь наметим основные вехи и этапы исследований наших коллег на средневековых кочевнических погребальных комплексах монгольского времени, в которых были встречены берестяные части корпусов бокк и другие детали их оформления [Пилипенко, Хасенова, 2017, с. 98].

Несмотря на многолетние исследования на территории Республики Казахстан, доля изучения средневековых погребальных комплексов монгольского периода весьма немногочисленна. И дело здесь не в том, что исследования не проводятся из-за обширности регионов или каких-то других причин, а в целом комплексе проблем. До сих пор не введены в научный оборот результаты исследований различных экспедиций, которые в разное время исследовали зону от Волги до Алтая, «заходя» с территории России, и осуществляли раскопочные и разведочные работы. Нам известны материалы из раскопок с территории Казахстана, хранящиеся ныне в ряде музеев РФ. Вторая проблема – это утрата уже найденных артефактов из раскопок. В 1961 г. Ф.Х. Арсланова исследовала Ждановский могильник в Павлодарском Прииртышье, где были обнаружены потрясающие по своей сохранности детали костюма эпохи Средневековья. Ученый ввела их в научный оборот, после чего коллекция оказалась утерянной. Нам не удалось ее выявить ни в Алматы, ни в Павлодаре [Пилипенко, Хасенова, 2017, с. 106]. В Казахстане работы по выявлению, атрибуции и реконструкции боктаг ведутся нами с 2014 г. [Пилипенко, Хасенова, 2017, с. 100].

В нашей предыдущей работе мы подняли вопрос о проблеме соотношения боктаг с саукеле, которая привела к многолетней историографической путанице в среде исследователей, в связи с интерпретацией материалов из курганов №14 и 25 Ждановского могильника [Пилипенко, Хасенова, 2017, с. 99].

Так, в 1960-х гг. Ф.Х. Арсланова [Арсланова, 1970, с. 55] серебряный головной убор, обнаруженный в разрушенном кургане у совхоза «25 лет Октября» Краснокутского района (в настоящее время с. Ауелбек Актогайского района), являвшийся кыпчакским, хорошо известным тогда по половецким каменным изваяниям, ошибочно отнесла к женским монгольским головным уборам боктаг (рис. 1.-1б). А когда она нашла остатки боктаг

в курганах №14 и 25 Ждановского могильника, правильно их назвала, но реконструировала по форме серебряного головного убора из кургана в Краснокутском районе, окончательно все запутав. Серебряный головной убор под названием «бокка» достаточно долго кочевал в этом качестве по страницам ряда исследователей, давая пример для аналогий при обобщающих исследованиях [Каримова, 2013, с. 10]. Усилил эту позицию комплекс из разграбленного кургана Кула-Айгыр [Баталов, 1992, с. 231], серебряные пластины которого также принимаются исследователями за украшения головного убора. Например, Р.Р. Каримовой [2013, с. 11] они были отнесены к аналогиям головного убора с «биконическим наверху». Мы же после знакомства с этим комплексом считаем их деталями элитного седла, возможно, женского (в комплексе есть серебряный кубок и бронзовое зеркало). Этот комплекс в ближайшее время будет нами перепубликован.

Мы считаем, что серебряный головной убор из разрушенного Краснокутского кургана является головным убором кыпчакского времени. Детали головных уборов из курганов №14 и 25 Ждановского могильника – боктаг.

Ранее мы уже предполагали, что головные уборы из курганов №14 и 25 Ждановского могильника относятся к боктаг. На основе сравнительного анализа с деталями головных уборов из таких погребений, как погребение 1 кургана №61, могильники Царев, Олень-Колодезь, погребение 2 кургана №5, Бахтияровка, мы пришли к выводу о правильности нашего предположения [Пилипенко, Хасенова, 2017, с. 106]. Более детально сравнив конструктивные детали боктаг и тканной шапочки и декоративных элементов из Ждановского могильника, мы смогли не только правильно идентифицировать берестяные детали бокки (рис. 1.-4), но и восстановить правильную форму первоначального края шелковой шапочки-башлыка от бокки (рис. 1.-3).

Полученная реконструкция полностью идентична шапочкам из погребений средневековых кочевников поволжского региона (рис. 1.-3а) [Мыськов, 2015, с. 207–208].

Значительно пополнили нашу исследовательскую базу бокки из Кустанайской области – погребения 1 кургана №1, могильника Калыбай-2 (рис. 1.-5б) [Хасенова, 2017, с. 85] и из Бозокского некрополя (рис. 1.-6, 7) [Хасенова, 2017, с. 85].

В погребениях некрополя Бозок, могильников Ждановский и Калыбай-2 были найдены жемчужины и раковины каури, которые могли относиться к оформлению головного убора. Жемчуг составлял основу декоративных украшений, покрывавших берестяную основу убора поверх ткани. Аналогичные украшения из белого жемчуга хорошо известны по археологическим памятникам с боктаг с территории Казахстана в могильниках Бозок, в курганах №14, 25 могильника Ждановский [Хасенова, 2011, с. 447] и сопредельных территорий: в кургане №9 могильника Телеутский Взвоз-I [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, рис. 31].

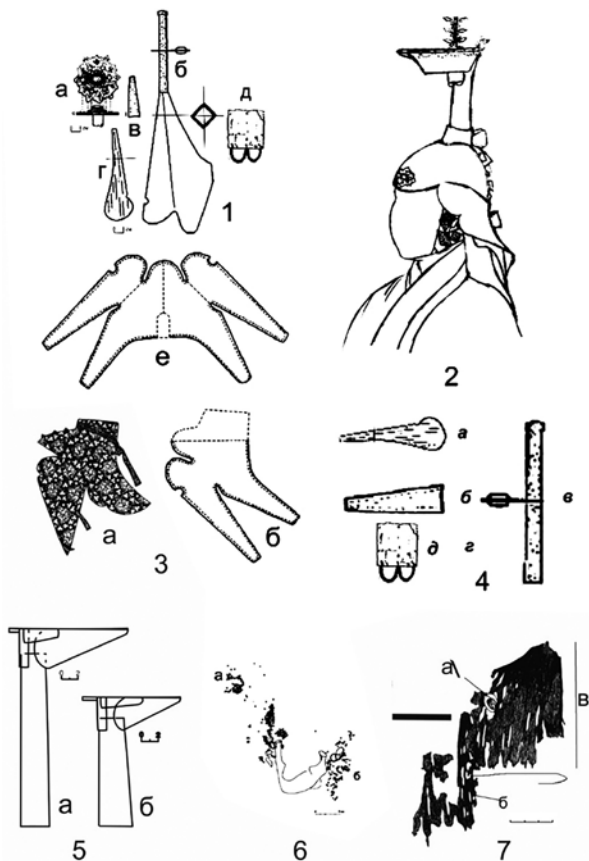

Рис. 1. Боктаг из Ждановского могильника: 1 – боктаг из кургана №14 Ждановского могильник в варианте реконструкции Ф.Х. Арслановой; а – золотая бляха от боктаг из кургана №25 Ждановского могильника; б – берестяной цилиндр из кургана №14; в, г – берестяные детали носика боктаг золотоордынской разновидности; д – подвесное украшение из кургана №14; е – разворот и край шапочки – основания убора из кургана №14 (вариант кроя С.А. Пилипенко); 2 – реконструкция внешнего вида боктаг из могильника Ждановский (рис. Е.А. Корж); 3 – соотношение внешнего вида шапочки от боктаг из: а – погребения у хутора Демочкин и б – кургана №14 Ждановского могильника (реконструкция С.А. Пилипенко); 4 – берестяные детали боктаг из кургана №14 могильника Ждановский; 5 – графические реконструкции боктаг в одном масштабе: а – кургана №14 могильника Ждановский, б – кургана №1 могильника Калыбай; 6 – ситуативное размещение украшений и деталей боктаг из погребения №2, раскоп 5 могильника Бозок; 7 – берестяной цилиндр из могильника Бозок

Значительный вклад в исследование золотоордынских древностей внесли археологи Нур-Султана и Павлодара.

В 2018 г. в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Проведение научно-исследовательских работ по идентификации антропологических материалов из памятников Средневековья Центрального Казахстана» при финансировании Управления культуры, архивов и документации Карагандинской области было произведено исследование мавзолея Булган Ана под руководством А.Е. Касеналина [Касеналин, Есенов, 2019, с. 138–141].

Мавзолей Болган Ана расположен на территории Улытауского района Карагандинской области, в 40 км к юго-востоку от г. Жезказган, в левой стороне автотрассы сообщением Жезказган – Кызылорда, на левом берегу р. Каракенгир, на небольшой возвышенности. В ходе раскопок мавзолея было выявлено женское погребение с остатками ткани, боккой и деталями седла с берестяными конструктивными элементами. Совместная работа археологов разных специализаций Павлодара, Нур-Султана, Новосибирска позволила не только правильно атрибутировать большую часть найденных материалов, но и с большой долей достоверности восстановить общий вид бокки из мавзолея Булган Ана. Бокка из мавзолея, как и бокки из могильников Калыбай-2, Ждановский, Бозок, относится к золотоордынской разновидности, с капителью в форме сапожка. При этом размеры бокк могут варьироваться в зависимости от периода бытования и ранговой системы. Тем самым наше предположение о том, что чем далее на запад от Павлодара находят бокки, тем больше вероятность того, что они относятся к золотоордынской разновидности, подтверждается находками из Булган Аны. Более подробно об интерпретации материалов бокк из могильников Калыбай-2, Бозок, Ждановский мы увидим в работе, которая находится в печати.

Среди находок, которые были переданы автором раскопок А.Е. Касеналиным для консервации и изучения, оказался и текстиль деталей головного убора. На черепе сохранились фрагменты шапочки из шелковой двулицевой ткани с подкладкой [Крупа, 2019, с. 142–170].

Шелковая двулицевая ткань (рис. 2.-5–7) с двусторонним декором. Ткань выполнена двумя равнозначными основами и двумя равнозначными утками, что позволяет формировать контрастные узоры с обеих сторон.

Ткань является частью бокки. Переплетение нитей основы и утка – простое. Плотность ткани – 27 нитей/кв. см из расчета: плотность по основе: 18 нитей/см, плотность по утку: 9 нитей/см. Нити имеют следующие характеристики: нити основы: первого порядка имеют I-кручение, тонина нитей – 0,53–0,83 мм; нити утка: первого порядка имеют I-кручение, тонина нитей – 0,86–1,29 мм. Шелк.

Шелковая ткань – подкладка бокки (рис. 2.-8; 3.-1). Переплетение нитей основы и утка – простое. Плотность ткани – 24 нити/кв. см из

расчета: плотность по основе: 12 нитей/см; плотность по утку: 11 нитей/см. Нити имеют следующие характеристики. Нити основы: первого порядка имеют I-кручение, тонина нитей – 0,73–0,9 мм. Нити утка: первого порядка имеют I-кручение, тонина нитей – 0,36–0,85 мм. Шелк.

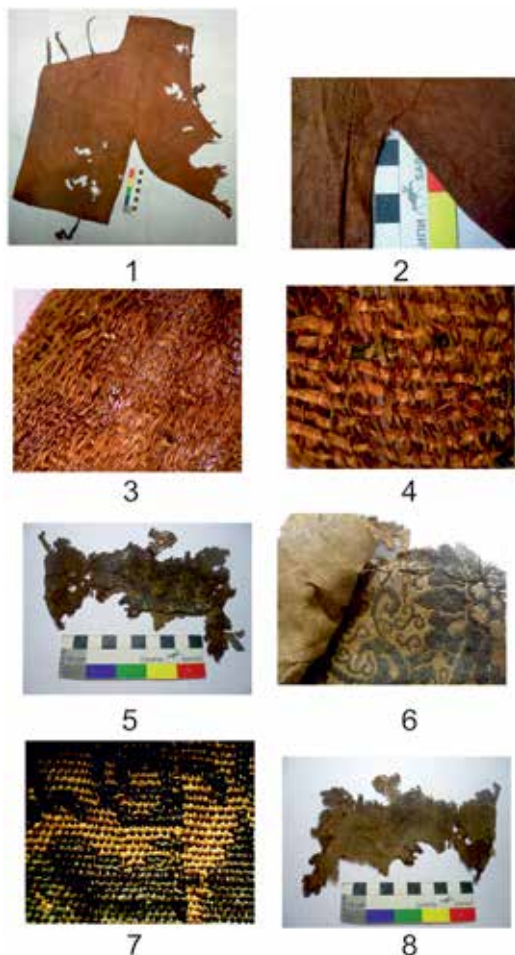

Рис. 2. 1 – красная парча, правая сторона. Общий вид; 2 – красная парча, правая сторона: текущее состояние поверхности ткани; 3 – красная парча, правая сторона (увеличение в 10 раз); 4 – красная парча, правая сторона (увеличение в 20 раз); 5 – шелковая двулицевая ткань. Общий вид; условно правая сторона (по готовому изделию); 6 – шелковая двулицевая ткань. Общий вид; условно левая сторона (по готовому изделию); 7 – шелковая двулицевая ткань (увеличение в 10 раз); 8 – шелковая ткань – подкладка бокки. Общий вид

Такая же ткань зафиксирована на берестяной конструкции бокки (рис. 3.-5). В районе черепа (рис. 3.-2-4) и непосредственно на берестяной конструкции бокки (рис. 3.-5) зафиксирована тонкая газообразная ткань – вуаль.

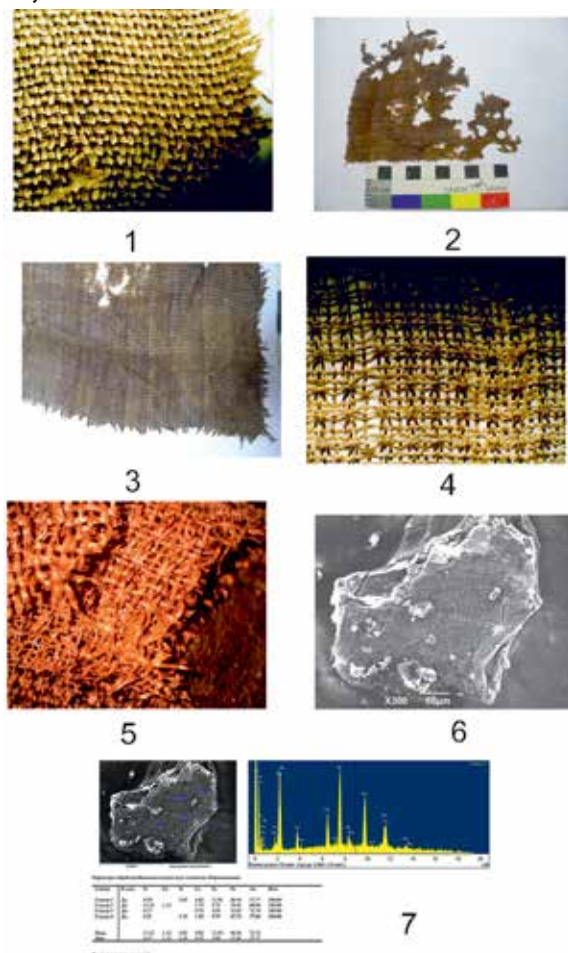

Рис. 3. 1 – шелковая ткань – подкладка бокки (увеличение в 10 раз); 2 – шелковая ткань – вуаль, общий вид; 3 – шелковая ткань – вуаль, фрагмент; 4 – шелковая ткань – вуаль (увеличение в 15 раз); 5 – шелковая ткань – вуаль и подкладка на конструкции бокки (увеличение в 20 раз); 6 – данные исследования морфологии поверхности золотной нити красной парчи с применением РЭМ; 7 – данные исследования состава золотной нити красной парчи с применением РЭМ

Шелковая ткань – вуаль (рис. 3.-2-5). Переплетение нитей основы и утка – вариативное простое. Плотность ткани – 20 нитей/кв. см из расчета: плотность по условной основе: 11 нитей/см; плотность по условному утку: 9 нитей/см. Нити имеют следующие характеристики. Нити основы: первого порядка имеют I-кручение, тонина нитей – 0,32–0,45 мм. Нити утка: первого порядка имеют I-кручение, тонина нитей – 0,34–0,5 мм. Шелк.

Удалось полноценно сохранить, выявить крой и изучить текстильные характеристики внешнего большого головного убора из шелковой красной парчи.

Парча красного цвета (рис. 3.-1-3) частично сохранила первоначальный цвет – красный. Ткань относится к разновидностям тканей с полутораслойным переплетением, в которых грунт образован нитями основы и основного шелкового утка, а декор – с применением дополнительного золотого утка.

В настоящее время на ткани полностью отсутствуют золотные нити: их следы присутствуют крайне редко (рис. 3.-3-4) и не дают полной картины золотого декора. Из всех имеющихся фрагментов этой ткани мы имеем более-менее целостный фрагмент с сохранившимся золотым декором только в одном месте с левой стороны ткани.

Переплетение нитей основы и утка – комбинированное (рис. 3.-3). Плотность ткани – 95 нитей/кв. см из расчета: плотность по основе: 53 нити/см; плотность по шелковому утку: 20 нитей/см; плотность по золотному утку: 22 нити/см. Нити имеют следующие характеристики. Нити основы: первого порядка имеют I-кручение, тонина нитей – 0,18–0,45 мм. Нити шелкового утка: первого порядка имеют I-кручение, тонина нитей – 0,45–1,16 мм. Золотная нить фактически не сохранилась, поэтому полноценно дать ее характеристику сложно. Видны следы органической подложки. Ширина подложки с золотым покрытием – 1,45 мм.

Данные растрово-электронного микроскопа (РЭМ) свидетельствуют о том, что наша нить выполнена из высококачественного золота (рис. 3.-7). Нить равномерно покрывает органическую подложку. Выполнена путем раскатки металла на органической подложке (рис. 3.-6). Золотная нить выполнена из золота – по данным рентгенофлуоресцентного микроанализа при помощи системы энерго-дисперсионного анализа INCA Energy (Oxford instruments, Великобритания)*.

---

* Данная работа проводилась совместно с Восточно-Казахстанским государственным техническим университетом им. Д. Серикбаева. Пользуясь случаем, выражаем огромную признательность Наталье Анатольевне Куленовой, к.т.н., ас. профессору, руководителю Центра опережающего развития «Veritas» (ЦОР «Veritas») и Айдару Беккадиловичу Садиебекову, научному сотруднику сектора спектрометрии и дифрактометрии ЦОР «Veritas» за плодотворное сотрудничество в области исследования древних технологий.

Ткань была окрашена мареной красильной (*Rubia tinctorum*) в красный цвет.

В ходе археологических работ были выявлены антропологические материалы и предметы материальной культуры золотоордынского периода. Предварительные итоги были опубликованы авторами раскопок, а также были публикации по анализам тканей из данного погребения. Подводя итог нашему краткому обзору вопросов изучения бокк на территории Казахстана, следует отметить ряд моментов.

1. На основе изучения конструктивных деталей женских головных уборов из могильников Ждановский из Северо-Восточного и Калыбай-2 – Северного Казахстана нами были выявлены и реконструированы берестяные основы каркасов боктаг, бытовавших в степях Евразии в монгольскую эпоху.

2. На основе материалов из курганов №14 и 25 Ждановского могильника впервые для территории Казахстана была корректно восстановлена форма верхней части боктаг, статусного головного убора Монгольской империи.

3. Выявленная в Ждановском могильнике берестяная часть боктаг имеет форму сапожка или головы птицы, характерную для территории Золотой Орды или Улуса Джучи, являясь, таким образом, свидетельством влияния этой традиции в степях Северо-Восточного Казахстана.

4. Продолжена работа по локализации погребений кочевников с боктаг на территории Казахстана. На сегодняшний момент выявлено три памятника, расположенных восточнее Урала: Калыбай-2, Бозок и Ждановский могильники.

5. Конструктивные особенности и система украшений боктаг из Ждановского могильника имеет прямые аналогии среди головных уборов Поволжского региона, включая золотую бляху, имеющую аналогию с нумизматической привязкой, позволяющей нам предположительно датировать погребения курганов №14 и 25 этого могильника в пределах 1340–1350 гг. Это позволяет говорить о тесных контактах Приишимья с центральными регионами улуса.

6. Комплекс тканей из раскопок мавзолея Болган Ана еще требует дополнительных широких исследований, нам предстоит еще многое проанализировать. Но уже сегодня можно сказать, что перед нами – неординарный и интереснейший пример набора древних тканей, который свидетельствует о высоком статусе умершей в обществе. Все найденные в мавзолее ткани относятся к разряду дорогих импортных и статусных тканей. Безусловно, погребенная в мавзолее Болган Ана принадлежала к высшей знати Золотой Орды.

Дальнейшая работа позволит уточнить или откорректировать наши выводы.

Библиографический список

Арсланова Ф.Х. Погребения золотоордынского времени в Павлодарской области // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 54–59.

Боталов С.Г. Аскизский курган монгольского времени Кула-Айгыр // Российская археология. 1992. №2. С. 230–239.

Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация) // Археология евразийских степей. Вып. 16. Казань, 2013. 212 с.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград, 2015. 483 с.

Касеналин А.Е., Есенов С.Г. Ұлытау өңіріндегі Алтын Орда дәуірі ескерткіштерінде жүргізілген зерттеулер // Сарыарқа және Алтын Орда: уақыт пен кеңістік. Сарыарқа и Алтын Орда: время и пространство. Saryarka and the Golden Horde: time and space. Алматы, 2019. С. 138–141.

Крупа Т.Н. Комплекс древних тканей из раскопок Болган ана в 2018 году: предварительные исследования // Сарыарқа және Алтын Орда: уақыт пен кеңістік. Сарыарқа и Алтын Орда: время и пространство. Saryarka and the Golden Horde: time and space. Алматы, 2019. С. 142–170.

Мыськов Е.П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой орды // Российская археология. 1995. №2. С. 36–43.

Пилипенко С.А., Хасенова Б.М. Об одном типе головных уборов из средневековых погребений Сарыарки // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Алматы, 2017. С. 98–112.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул, 2002. 276 с.

Хасенова Б.М. Костюм знатной женщины золотоордынского времени: бокка, шелк, жемчуг // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып. 3. С. 447–454.

Хасенова Б.М. Средневековый Тургай: погребальные сооружения, жертвенно-поминальные комплексы, предметный мир // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Алматы, 2017. С. 98–113.

S.A. Pilipenko¹, A.E. Kasenalin², T.N. Krupa³, B.M. Khasenova⁴

¹*Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia;*

²*Institute of History and Culture of the Republic of Kazakhstan, Nursultan, Kazakhstan;*

³*Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan;*

⁴*Gumile Eurasian National University. v, Nursultan, Kazakhstan*

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR STUDYING OF BOKKAS ON THE TERRITORY OF KAZAKHSTAN

This work is the first experience of generalizing research into the burials of medieval nomads throughout Kazakhstan, which included female headdresses of the Mongolian time – bokkas. The work reflects the unevenness of the study of burials with bokka, and a different degree of preservation of finds in the funds of museums of the Republic of Kazakhstan, years after the inventory was received for storage.

Many years of research by Soviet, Kazakh, Russian archaeologists in this area make it possible not only to systematize the previous experience of joint work, but also, thanks to interdisciplinary methods, bring them to the modern level.

Women's headdress – bokka, nowadays, is not only an accumulation of birch bark details of the frame and beads, but also a refined sample of an ensemble of women's clothing, consisting of several hats and a birch bark part in the form of a cylinder with various column variations and various feather attachment systems. The surviving silk fabrics and other details of clothing, which the skillful work of restorers and archaeologists, made much more informative. The results of an integrated approach have a wide scope of application.

Keywords: medieval nomads, archaeology, Mongols, bokka, birch bark, reconstruction, Kazakhstan

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.40

УДК 903.2(571.1)

С.А. Пилипенко¹, М.Г. Сулейменов²

*¹Новосибирский государственный университет
экономики и управления, Новосибирск, Россия;*

*²Кузбасский государственный технический
университет имени Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

БРОНЗОВЫЙ ЩИТОК ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЛУЧНИКА В КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЕ

Вопросы развития вооружения играли важную роль в жизни средневекового населения юга Западной Сибири. К одной из наиболее часто встречаемых категорий инвентаря в погребениях кочевников относятся детали предметов дистанционного боя: луков, стрел, колчанов. Классификации этой части вооружения посвящен ряд работ ведущих оружейников Сибири Ю.С. Худякова [1980, с. 118] и В.В. Горбунова [2006, с. 35–62]. Однако лучные наборы не исчерпываются луком, стрелами и колчанами. Существуют и другие детали лучного снаряжения, известные по кочевническим древностям Поволжья, такие как кольца лучников и защитные щитки [Руденко, 2005, с. 27–35], до последнего времени в средневековых памятниках Юга Западной Сибири они не были известны. При исследовании погребения 3 из кургана №3 могильника Конево А.М. Илюшиным [2012, с. 37] была найдена бронзовая пластинка, отнесенная им к панцирным пластинам. Знакомство с материалами погребения 3 кургана №3 могильника Конево вызвало сомнения в такой атрибуции выявленной бронзовой пластины.

Ключевые слова: средневековые кочевники, археология, лук, стрелы, защитный щиток, гастагна, лучник, Кузнецкая котловина

Вопросы развития военного дела средневекового населения юга Западной Сибири – одно из динамично развивающихся направлений современной археологической науки. Несмотря на систематизированные исследования в области эволюции оружия ближнего и дистанционного

боя, отдельные лакуны остаются не заполненными [Худяков, 1980, с. 118; Горбунов, 2006, с. 35–62]. Одной из таких лакун и посвящена наша работа.

При исследовании курганного могильника Конево в Кемеровской области в погребении 3 кургана №3 А.М. Илюшиным было найдено погребение человека с конем. Погребение было частично потревожено кладоискателями (рис.-1). Верхняя часть погребенного была разрушена, ниже тазовых костей сопроводительный инвентарь остался *in situ*. Были найдены: железное тесло (рис.-1А), железные наконечники стрел (рис.-1Г, 4), фронтальная концевая накладка на лук из рога (рис.-1Б, 3) и бронзовый предмет овальной формы, отнесенный А.М. Илюшиным [2012, с. 37, рис. 36.-1] к панцирным пластинам (рис.-1В, 5).

Приведем его описание: бронзовая пластина овальной формы, размером 6×12 см, продольные края слегка подогнуты внутрь, но не образуют явных заворотов. Ближе к краям пластины, примерно на половине ее длины, на расстоянии 1 см от края пробиты две группы парных отверстий, по два с каждого края, для фиксации на мягкой основе (рис.-2).

Нас заинтересовали как форма, так и расположение изделия в погребении. Положение одиночной пластины в погребении даже в положении *in situ* поверх костяка погребенного (в нашем случае на правом колене), по нашему мнению, еще не является фактом ее использования для защиты конкретного участка тела погребенного при жизни. Хотя само положение пластины в погребальном пространстве может быть вполне осознанным.

Для средневековых кочевников начала II тыс. н.э. Кузбасса и сопредельных территорий юга Западной Сибири нахождение доспехов и их деталей в погребальных комплексах чрезвычайно редкая находка. В лучшем случае мы можем найти от одной пластины до полосы, положенных в погребение [Горбунов, 2003, табл. 8.-55–59; Адамов, 2000, с. 44–45]. Возможно, это объясняется дороговизной самого доспеха, который в целом виде мог укладываться в погребение только в случае пресечения рода по мужской линии.

Для выяснения функционального назначения бронзовой пластины из погребения 3 кургана №3 могильника Конево нами были изготовлены две полноразмерные копии пластины, в которых проделали отверстия. После непродолжительной работы пластины были выгнуты методом холоднойковки и приобрели объем, аналогичный описываемой находке. Было лишь одно отличие от оригинала: для эксперимента мы использовали кровельное железо, что в принципе не так уж и важно для нашего исследования. В работе принимали активное участие активисты этноархеологического клуба «Кыпчак» – студенты НГУЭУ Даниил Белокопытов и Вадим Корнилов.

Проверяя версию А.М. Илюшина о функциональном назначении пластины как элемента защитного вооружения, мы стыковали пласти-

ны боковыми сторонами между собой и смотрели, как они будут «работать» в качестве наколенников. При скреплении нескольких пластин вместе получается сворачивание пластинчатого полотна вокруг ноги. Но при такой системе крепления, как на нашей пластине, они не будут прилегать плотно друг к другу. Таким образом, необычность формы пластины не позволяет использовать ее для защиты колена.

При размещении же пластины на запястье она четко укладывается на свое место и отверстия «работают» положительно. Овальная форма и система отверстий вдоль продольных сторон и их изгиб к внутренней стороне полностью удовлетворяют требованиям защиты руки от удара тетивы.

Нами была реконструирована система крепления бронзовой пластины-щитка к запястью. Парные отверстия предполагают как минимум два варианта фиксации щитка с мягкой основой с одним ремешком с каждой стороны или с двумя. Для чего нами были изготовлены овальная заготовка и поперечные кожаные ремешки, которые были положены перпендикулярно пластине с наложением на отверстия. После чего ремешки и подкладка были сшиты вместе через отверстия в металлической пластине. Крепление оказалось достаточно прочным. Концы ремешков мы разрезали по их оси до пластины. Таким образом, при наложении пластины на запястье она лучше держится при попеременном затягивании двух ремешков, а не одного (рис.-6).

Бронзовую пластину-щиток вряд ли можно отнести к панцирным пластинам. Материал, из которого изготовлен щиток, – это бронза, что не характерно для панцирных пластин эпохи Средневековья юга Западной Сибири. Для их изготовления использовалось только железо, в Кемеровской области конкретно [Илюшин, 2005, табл. 8.-56; Илюшин, Сулейменов, 2007, с. 79] и сопредельных регионах, в частности [Адамов, 2000, с. 32–63; Горбунов, 2003, с. 32–60].

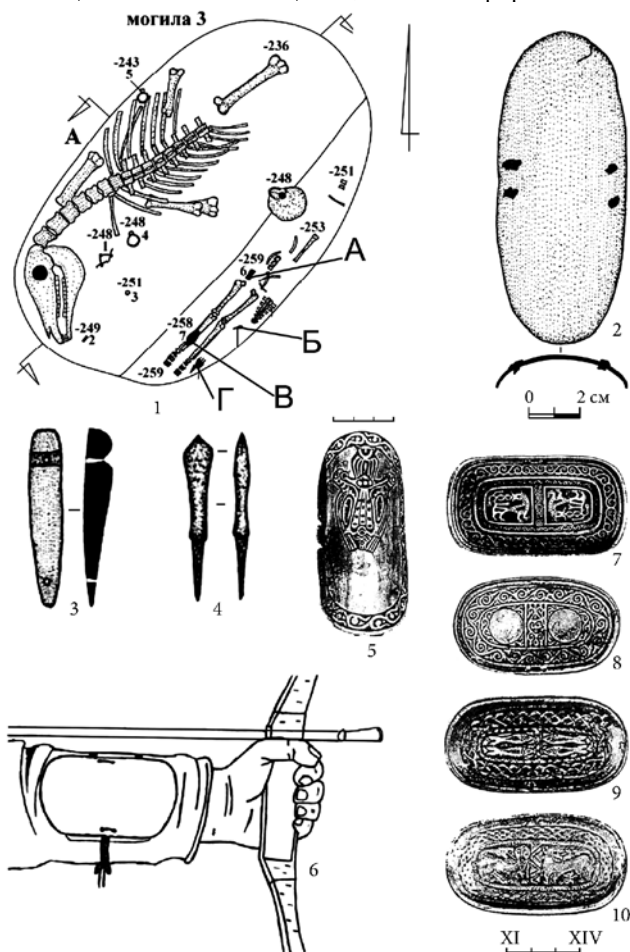
Сочетание этой пластины с остальным инвентарем (наконечники стрел, накладка на лук) свидетельствует, скорее всего, в пользу того, что эта пластина относится не к защитному вооружению типа панциря, а входит в набор стрелкового вооружения конного лучника. Набор предметов – стрелы и накладки на лук – вполне стандартный для погребений средневековых кочевников 1-й половины II тыс. н.э.

Данную пластину следует отнести к защитным щиткам, прикрывающим кисть руки от удара тетивой лука.

Дополнительное исследование научной литературы не выявило защитных щитков среди предметов вооружения средневекового населения Кемеровской, Новосибирской, Томской областей, Алтайского края и Горного Алтая в начале II тыс. н.э.

Так что для горной, степной и лесостепной части юга Западной Сибири этот тип вооружения встречен нами впервые.

Однако среди средневековых материалов Предуралья и Зауралья нами были встречены абсолютно идентичные по размеру и системе крепления защитные пластины-щитки, овальной формы.

1 – план погребения 3 из кургана №3 могильника Конево (по: [Илюшин, 2012, рис. 136]): А – тесло, Б – накладка на лук, В – защитный щиток, Г – наконечники стрел; 2 – бронзовый защитный щиток; 3 – концевая фронтальная накладка на лук; 4 – наконечник стрелы; 5 – защитный щиток с Билярского городища; 6 – графическая реконструкция крепления защитного щитка из погребения 3 кургана №3 могильника Конево (реконструкция С.А. Пилипенко, рисунок А.А. Ламбиной); 7–10 – защитные щитки с территории Урало-Поволжья

Только в отличие от нашего защитного щитка они изготовлены из рога и серебра, покрыты высокохудожественным рельефным антропоморфно-зооморфным орнаментом. Они выполняли ту же функцию, что и наш защитный щиток.

Для защитных щитков с территории Предуралья и Зауралья К.А. Руденко была разработана типология пластин. Все пластины отнесены к одному типу – овално-выпуклых и к восьми вариантам. Первые два варианта, №1 и 2 с пометкой «к», для костяных – роговых защитных пластин. Остальные шесть вариантов относятся к серебряным пластинам-щиткам. Различаются изделия только рисунком и сюжетом изображений. Все опубликованные им щитки, в общем, стандартны по форме и расположению отверстий. Практически все они были найдены в угорских культовых местах или кладах и датируются в пределах XI–XIV вв. н.э. [Руденко, 2005, с. 27–35] (рис.-7–10).

Бронзовый защитный щиток из могильника Конево также может быть отнесен к этому типу пластин. Для учета нашей пластины предлагаем дополнить классификацию К.А. Руденко еще одним вариантом – №9б. Он должен отражать технологические особенности изготовления бронзовых пластин. Материал изготовления щитка – бронза – необычен для всех известных нам защитных щитков из других регионов. Эта технологическая черта выделяет его из общей массы аналогичных находок. Обращает на себя внимание и полное отсутствие орнаментации, что также является исключением. Возможно, мы имеем дело с более дешевым вариантом защитного щитка. И этим фактом он становится более интересным. Мы считаем, что этот предмет использовался в повседневной жизни и, в отличие от его серебряных собратьев, не предназначался для культовых подношений. Возможно, бронзовые защитные щитки были чем-то средним между роговыми и серебряными защитными щитками.

Расположение защитного щитка в районе ног, где были сосредоточены находки, относящиеся к стрелковому набору (колчан со стрелами и лук с накладкой), вполне логично.

Как показали проведенные нами эксперименты и изыскания, можно считать установленным фактом отнесение бронзовой неорнаментированной пластины из погребения 3 кургана №3 могильника Конево Кемеровской области к разряду защитных щитков – для защиты запястья руки лучника от удара тетивы. Наличие защитного бронзового щитка в погребении всадника однозначно свидетельствует в пользу высокого профессионализма погребенного и его специализации как конного воина-лучника.

На сегодняшний день это пока единственный выявленный защитный щиток в археологических памятниках юга Западной Сибири в памятниках I-й половины II тыс. н.э. Учитывая единичность находки не только для Кемеровской области, но и для сопредельных территорий

юга Западной Сибири, факт можно рассматривать как свидетельство контактов местного населения с территориями Урало-Поволжского региона в предмонгольский период.

Библиографический список

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск, 2000. 256 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху Средневековья. Кемерово, 2005. 240 с.

Илюшин А.М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово, 2012. 188 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Комплекс вооружения кочевников развитого средневековья на курганной группе Конево // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. №4. С. 79–83.

Руденко К.А. Защитные пластины Предуралья и Зауралья // Finno-Ugrica. 2005. №1 (7–8). С. 27–35.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. VI–XII вв. Новосибирск, 1980. 176 с.

S.A. Pilipenko¹, M.G. Suleimenov²

¹*Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk, Russia;*

²*Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev,
Kemerovo, Russia*

THE BRONZE SHIELD FROM THE BURIAL OF A MEDIEVAL ARCHER IN THE KUZNETSK DEPRESSION

A number of works written by leading Siberian weapons experts are devoted to the classification of this piece of personal armour. Issues of weapons development played a significant role in the lives of the medieval people in the South of Western Siberia. One of the most frequently encountered categories of inventory in the burials of nomads includes ranged weapons: parts of bows, arrows, quivers. Yu.S. Khudyakova [1980, p. 118] and V.V. Gorbunova [2006, p. 35–62].

However, bow sets are not limited to bows, arrows and quivers. There are also other parts of archery equipment known from the nomadic antiquities of the Volga region, such as archers' rings and pavises [Rudenko, 2005, p. 27–35], items that have never been found in the South of Western Siberia until recently. During his exploration of burial ground 3 from mound 3 of Konevo, A.M. Ilyushin [2012, p. 37] found a bronze plate, which he believed belonged to plate armour. However, further study of the objects found in burial ground 3 of mound 3 of Konevo, raised doubts whether this attribution of the excavated bronze plate is justified.

Acquaintance with the materials of burial 3 of mound 3 of the Konevo burial ground, raised doubts about such an attribution of the revealed bronze plate.

Keywords: medieval nomads, archeology, bow, arrows, protective shield, pavise, gastagna, archer, Kuznetsk depression

С.С. Радовский, И.А. Вальков

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КЕРАМИКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА С ПОСЕЛЕНИЯ ФИРСОВО-15 (по материалам раскопок 2020 г.)

В статье рассматривается комплекс фрагментов глиняной посуды и керамических изделий раннего железного века, полученный в 2020 г. в ходе раскопок на поселении Фирсово-15. Данный памятник расположен в Первомайском районе Алтайского края, работы проводились в юго-западной части поселения. В ходе исследования были обнаружены фрагменты глиняной посуды, происходящие не менее чем от 108 сосудов. В их числе 73 орнаментированных венчика, 18 венчиков без орнамента и 24 стенки. Орнаментальная композиция чаще всего включает в себя не более двух элементов, одним из которых обязательно является «жемчужник» или округлая ямка (накол). Помимо фрагментов сосудов к материалам раннего железного века, вероятно, относятся четыре фрагмента глиняных пряслиц, а также керамическая «фишка». Полученные материалы являются типичными для рассматриваемой эпохи и относятся к староалейской культуре Верхнего Приобья.

Ключевые слова: ранний железный век, Алтай, Верхнее Приобье, керамика, староалейская культура

Культурам населения Алтая раннего железного века в настоящее время посвящен значительный объем научных работ. Разработаны вопросы датировки, культурной принадлежности, а также локализации памятников рассматриваемого периода. В большинстве случаев их изучение построено на основе материалов погребальных комплексов, отличающихся значительным объемом и разнообразием получаемых данных [Троицкая, Бородовский, 1994; Могильников, 1997; Кирюшин, Тишкин, 1997; Фролов, 2008; и др.]. При этом материалы поселений в значительно меньшей степени введены в научный оборот и реже привлекаются исследователями при построении культурно-исторических концепций. Тем не менее они позволяют изучать аспекты, связанные с хозяйством, бытом, динамикой этнокультурных процессов и ареалом распространения населения рассматриваемого периода.

На основе изучения керамического комплекса именно поселенческих памятников стало возможным понимание генезиса каменной, староалейской и быстрианской культур скифо-сакского времени, сформировавшихся на основе смешения инородных групп (кочевники скифского круга) и местного населения (большереченская культура) [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 74–76; Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 66]. В свою очередь, наличие фрагментов каменных сосудов на староалейских поселениях иллюстрирует процесс взаимодействия данных культур [Фролов, 2014а, с. 250]. В связи с этим актуальным представляется

ввод в научный оборот новых материалов, полученных в 2020 г. при раскопках экспедицией Алтайского государственного университета поселения Фирсово-15, расположенного в Первомайском районе Алтайского края. Работы проводились на незатронутом пашней участке в юго-западной части поселения, где была вскрыта площадь в 32 кв. м (рис. 1).

Рис. 1. Место расположения раскопа 2020 г. на памятнике Фирсово-15

Материалы, полученные в ходе работ на Фирсово-15, являются разновременными. К настоящему моменту можно говорить о четырех культурно-хронологических горизонтах, находящих отражение в особенностях керамического комплекса поселения: неолит – энеолит (?), развитый и поздний бронзовый век, ранний железный век. В данной работе мы остановимся на наиболее позднем комплексе.

Большую часть идентифицируемой керамики раннего железного века составляют находки фрагментов глиняной посуды (115 экз.), происходящих не менее чем от 108 сосудов. В их числе 73 орнаментированных венчика, 18 венчиков без орнамента и 24 стенки. Сосуды имеют преимущественно баночную форму, возможно, среди них присутствуют и чаши (рис. 2.-10). Четыре фрагмента происходят от слабопрофилированных горшков (рис. 2.-5, 19). Цвет изделий серый, светло- и темно-коричневый. Часть сосудов имеет нагар.

Венчики чаще всего прямые (рис. 2.-1, 6–8) или загнуты внутрь (рис. 2.-16, 20). Реже края немного отогнуты наружу, в отдельных случаях на них имеется небольшой «наплыв» (рис. 2.-5, 8, 19). Срез венчиков округлый (63 экз.), прямой (18 экз.) (рис. 2.-1) или приостренный (10 экз.) (рис. 2.-3, 7), часть скошена вовнутрь (8 экз.) (рис. 2.-2–3, 7, 9). Во всех рассматриваемых случаях срез венчиков не был украшен.

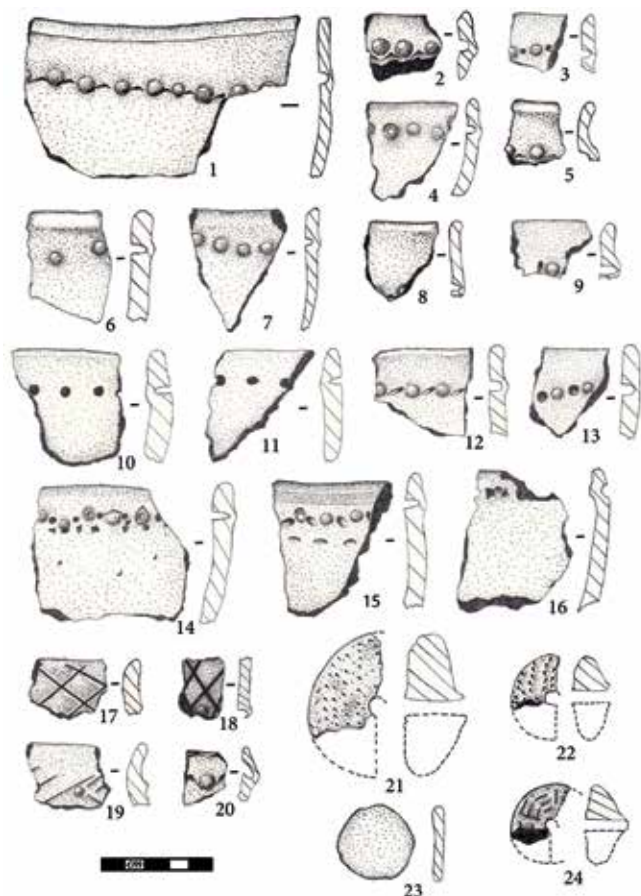

Рис. 2. Находки фрагментов глиняной посуды и керамических изделий на памятнике Фирсово-15 (рисунки выполнены В.Е. Алексеевой)

Наиболее информативным показателем для керамики раннего железного века является орнамент. На рассматриваемом поселении, по всей видимости, украшалась только верхняя часть сосудов. В основном орнамент располагается в одну строку (89 экз.), в единичных случаях – в две (рис. 2.-14-15).

Большая часть учтенных фрагментов украшена жемчужинами – 85 единиц, из них 28 – «чистым жемчужником» (рис. 2.-4, 6-7). В качестве разделителя чаще всего фиксируется отпечаток уголка лопатки (24 экз.) (рис. 2.-1-2, 5, 8, 20). На 15 обломках сосудов между жемчужинами располагаются округлые налеты (вдавнения) (рис. 2.-3, 13), в одном случае ниже данной

композиции наносились оттиски «раздвоенной палочки» (рис. 2.-14). В пяти случаях «жемчужник» сочетался с подпрямоугольными или семечковидными вдавлениями, поставленными вертикально (рис. 2.-9). Между «жемчужинами» фиксируются также косые овальные и семечковидные вдавления (5 фрагментов) (рис. 2.-12), единожды второй строкой идут овальные ямки, расположенные горизонтально (рис. 2.-15). На одном фрагменте в качестве разделителя нанесены резные линии, образующие горизонтальную елочку (рис. 2.-19). Предположительно к раннему железному веку относятся два обломка от одного сосуда, орнамент которого представлен «жемчужником», выше которого располагалась косая сетка (рис. 2.-17, 18).

Другим видом орнамента являются округлые наколы (вдавления). В чистом виде данный мотив присутствует на шести фрагментах (рис. 2.-10, 11). В одном случае вдавления разделены острой палочкой, подпрямоугольной в сечении (рис. 2.-16).

Орнаментальная композиция довольно проста и, как правило, включает в себя не более двух элементов, одним из которых обязательно является округлый накол (вдавление) либо «жемчужник». Эти элементы могут сочетаться и на одном сосуде. В этом случае ямки выступают в качестве разделителя.

Схема орнамента керамического комплекса поселения Фирсово-15 в целом характерна для общностей лесостепного и предгорного Алтая скифо-сакского времени [Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 34–37]. Украшение сосудов в виде часто поставленного «жемчужника» без разделителя и в сочетании с вдавлениями различной формы фиксируется у населения староалейской культуры Верхнего Приобья [Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 57; Степанова, Фролов, 2017, с. 74, рис. 1.-12–23]. Можно отметить, что место расположения поселения Фирсово-15 относится к ареалу расселения племен староалейской культуры [Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 62–63].

Рассматриваемая керамика полностью соотносится с материалами данного поселения, полученными при раскопках предыдущих лет [Лузин, 1990, с. 47, рис. 1.-23, 29; Грушин и др., 2014, с. 92, рис. 2.-22–24, 26, 27, 29–31]. Аналогии рассматриваемому комплексу наблюдаются как на близлежащих поселениях Фирсовского археологического микрорайона – Фирсово-II-X, XVIII [Фролов, 2014а, с. 249], так и на памятниках более отдаленных территорий – Турина Гора, Коловый Мыс, Костенкова Избушка и мн. др. [Демин, Уманский, Шульга, 1993, рис. 1; Семибратов, Казаков, Папин, 2004, рис. 6, 7; Степанова, Фролов, 2017, рис. 6].

Несмотря на бесспорную принадлежность поселения раннего железного века к староалейской культуре, ряд особенностей орнамента позволяет говорить о своеобразии керамического комплекса обозначенного памятника. Так, фрагменты с композицией «жемчужник» в сочетании с оттиском уголка лопатки составляют четверть всех исследо-

ванных орнаментированных изделий. Данный разделитель довольно редко присутствует на памятниках староалейской культуры относительно других элементов (ямки, насечки) [Степанова, Фролов, 2017, с. 74]. При этом рассмотренный орнамент является типичным для большереченской общности переходного времени от бронзового века к железному [Папин, Шамшин, 1998, рис. 6.-4, 10; 9.-1, 2, 17; 10.-17–22; и др.]. Данный факт служит подтверждением гипотезы об участии большереченского населения в формировании староалейской культуры.

Показательно полное отсутствие в материалах данного поселения сосудов, украшенных «жемчужником», разделенным оттисками гребенчатого штампа. Данный вид орнамента, в особенности нанесенный в несколько рядов, является отличительной особенностью керамического комплекса каменной культуры Лесостепного Алтая [Шамшин, Сингаевский, 2007, с. 54–56; Степанова, Фролов, 2017, с. 74–75]. Единственным фрагментом сосуда, который можно связать с присутствием или влиянием «каменцев», является изделие с орнаментом в виде жемчужин, разделенных резными линиями, образующими горизонтальную елочку (рис. 2.-19). Указанный факт может свидетельствовать о незначительных контактах населения староалейской культуры, проживавшего на данном поселении, с группами «каменцев». Возможно, данный памятник является более ранним относительно других комплексов, на которых присутствуют смешанные материалы обозначенных общностей. Вероятно, в пользу ранней даты основного комплекса полученных материалов свидетельствует распространение орнамента в виде сочетания «жемчужника» и оттиска уголка лопатки как элемента большереченской культуры предыдущего периода.

Отдельно следует рассмотреть два фрагмента от одного сосуда, орнаментированного резной сеткой по кромке венчика, ниже которой расположен ряд «жемчужника». Несмотря на то что данная композиция на керамике поселений относится некоторыми исследователями к раннему железному веку [Абдулганеев, Владимиров, 1997, рис. 17.-1, 7; 18.-2, 5; 20.-1; Симонов, Ширин, 2006, рис. 6.-2], вероятно, часть таких фрагментов принадлежит периоду поздней бронзы [Степанова, Фролов, 2017, с. 79–80]. Возможно, данный орнамент является продолжением традиции населения культуры переходного времени от бронзового века к железному, в рамках которой было распространено подобное украшение посуды [Папин, Шамшин, 1998, с. 90].

Примечательным является фрагмент сосуда баночной формы, орнаментированный вдавлениями, разделенными острой палочкой, подпрямоугольной в сечении. Данное оформление керамики не характерно для керамического комплекса Алтая скифо-сакского времени. Полных аналогий указанному изделию нами не найдено.

Помимо фрагментов сосудов к материалам раннего железного века следует относить и некоторые другие керамические изделия, характер-

ные для этого периода. Среди таковых – четыре фрагмента глиняных пряслиц, а также керамическая «фишка» (рис. 2.-21–24). Неорнаментированное пряслице имеет подпрямоугольную в разрезе форму. Все аналогичные предметы с орнаментом – конусовидные, следует заметить, что данная форма не совсем присуща пряслицам раннего железного века и фиксируется только в 7,5% случаев [Фролов, 2014б, с. 110].

Одно из пряслиц орнаментировано резными линиями, образующими заштрихованные треугольники (рис. 2.-24). Указанное оформление подобных изделий характерно для староалейского населения и является четким культурно-дифференцирующим маркером [Фролов, 2008, с. 179]. Два других пряслица украшены наколами семечковидной формы. В одном случае вдавления расположены параллельными рядами (рис. 2.-21), в другом – образуют композицию в виде завитка (меандра) (рис. 2.-22). Обозначенный орнамент более характерен для каменной культуры [Фролов, 2014б, с. 110] и имеет немногочисленные аналогии в памятниках лесостепного Алтая и Новосибирского Приобья [Могильников, Уманский, 1992, с. 73, рис. 2.-4; Троицкая, Бородовский, 1994, таб. III.-14].

Керамическая «фишка» округлой формы изготовлена из стенки сосуда (рис. 2.-23). Данная категория изделий периодически встречается на поселениях раннего железного века, однако назначение таких предметов в настоящее время не определено однозначно [Молодин, Мильникова, Нестерова, 2012, с. 103]. Следы продольной шлифовки, фиксируемые на «фишках», вероятно, свидетельствуют об их использовании в керамическом производстве [Абдулганеев, 1993, с. 186].

Примечательно, что керамический комплекс, отнесенный нами к раннему железному веку, фиксировался в культурном слое поселения вплоть до материка, а также в отдельных объектах. Данное обстоятельство позволяет предположить существование на исследованной площади жилищной или хозяйственной конструкции староалейской культуры, нарушающей более ранние слои эпохи бронзы.

Вопросы датировки поселенческих материалов довольно затруднительны в результате возможного длительного проживания в поселках и отсутствия во многих комплексах узко датирующих вещей. Основной комплекс памятников староалейской культуры определяется в пределах VI–IV вв. до н.э., после чего происходит процесс ассимиляции данного населения «каменцами», завершившийся в конце III – II в. до н.э. [Фролов, 2008, с. 166–173]. Отмечается, что не позже III в. до н.э. исчезают такие яркие культурно-дифференцирующие предметы, как пряслица с орнаментом в виде заштрихованных сегментов [Фролов, 2008, с. 171], аналогичные изделия, обнаруженному и в материалах рассматриваемого поселения (рис. 2.-24). В результате можно сделать вывод о датировке староалейского поселения Фирсово-15 в рамках VI–IV вв. до н.э., о чем говорит наличие типичного вида пряслиц и немногочисленные находки керамики каменной культуры.

Таким образом, нами проанализирован керамический комплекс памятника Фирсово-15, связанный со староалейской культурой Алтая скифо-сакского времени. На основе материалов поселения стало возможным проследить общие и особенные черты вещественного комплекса памятника. Обращает на себя внимание количество предметов раннего железного века, полученных на относительно небольшой площади раскопок. Возможно, данная ситуация связана с расположением на указанной территории каких-либо построек, что создает перспективы дальнейших изысканий на указанном поселении.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. Поселение Дмитриевская Грива // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 181–191.

Абдулганеев М.Т., Владимирова В.Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. Барнаул, 1997. 147 с.

Грушин С.П., Фролов Я.В., Миляев Г.А., Леонтьева Д.С. Результаты раскопок 2013 г. на поселении Фирсово-XV // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 87–94.

Демин М.А., Уманский А.П., Шульга П.И. Раскопки на поселении Турина Гора-I // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. С. 194–196.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.

Лузин С.Ю. Разведочные работы на поселении Фирсово-XV // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 46–49.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 196 с.

Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы Масляха-I по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 69–93, 198–208.

Молодин В.И., Мильникова Л.Н., Нестерова М.С. Вторичное использование фрагментов керамики на поселении кротовской культуры Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2012. Т. 11, вып. 7. С. 91–109.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Поселения переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку в лесостепном Алтайском Приобье // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 85–109.

Семибратов В.П., Казаков А.А., Папин Д.В. Культурно-хронологические комплексы поселения Коловый Мыс-III // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2004. Вып. 2. С. 17–26.

Симонов Д.А., Ширин Ю.В. Бронзолитейная мастерская быстрянской культуры на р. Чумыш // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 4. С. 122–136.

Степанова Н.Ф., Фролов Я.В. Керамика с поселений раннего железного века лесостепного Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2017. №1 (17). С. 71–85.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул, 2008. 479 с.

Фролов Я.В. Комплекс памятников раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона: проблемы межкультурного взаимодействия // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань, 2014а. С. 249–252.

Фролов Я.В. Пряслица из погребальных комплексов раннего железного века барнаульского Приобья // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Барнаул, 2014б. Вып. 1. С. 109–111.

Шамшин А.Б., Сингаевский А.Т. Этнокультурная ситуация на территории барнаульского Приобья в конце III в. до н.э. – начале I в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007. Вып. 5. С. 51–78.

S.S. Radovsky, I.A. Valkov

Altai State University, Barnaul, Russia

CERAMICS OF THE EARLY IRON AGE FROM THE SETTLEMENT OF FIRSOVO-15 (ACCORDING TO DIGGING MATERIALS 2020)

The article examines a complex of fragments of pottery and ceramic products of the Early Iron Age, obtained in 2020 during excavations at the village of Firsovo-15. This site is located in the Pervomaisky district of the Altai Territory, the work was carried out in the southwestern part of the settlement. During the study, fragments of earthenware originating from at least 108 vessels were found. Among them there are 73 ornamented rims, 18 rims without ornaments and 24 walls. The ornamental composition, in general, includes no more than two elements, one of which is a pearl or a rounded fossa. In addition to the vessel fragments, the Early Iron Age materials probably include four fragments of clay spindle whorls and a ceramic “chip”. The obtained materials are typical for the considered epoch and belong to the Old Aleic culture of the Upper Ob region.

Keywords: Early Iron Age, Altai, Upper Ob region, ceramics, Old Aleic culture

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.42

УДК 903.4»6377»(571.150)

И.А. Савко

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия*

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЧЕКАНОВСКИЙ ЛОГ-1 В ПРЕДГОРНОМ АЛТАЕ ОСЕНЬЮ 2020 Г.

Статья посвящена результатам обследования объекта археологического наследия «Чекановский Лог-1, поселение» расположенного на правом берегу р. Алей, в настоящий момент относящемся к северной береговой линии Гилевского водохранилища в Третьяковском районе Алтайского края. В ходе развед-

ки был проведен осмотр археологического комплекса на предмет разрушения, составлен глазомерный план, сделано общее описание современного состояния памятника. На размытой части объекта собран подъемный материал, который представляет собой керамику позднего бронзового века, предположительно относящуюся к саргаринско-алексеевской культуре, а также обломок терочника или зернотерки. По итогу проведенных мероприятий можно сделать вывод об аварийном состоянии объекта, в пользу чего говорит размывание прибойной линии вследствие деятельности водохранилища. Значительное антропогенное воздействие связано с использованием его площади как места для отдыха и сельскохозяйственных нужд.

Ключевые слова: предгорный Алтай, позднебронзовый век, саргаринско-алексеевская культура, археологический мониторинг

Мониторинг разрушающихся объектов археологического наследия имеет важное значение для сохранения культурного наследия. Значительная часть объектов археологического наследия предгорного Алтая находится на прибрежном участке Гилевского водохранилища. Первоначально в районе водохранилища в ходе экспедиций В.А. Могильникова в 1970-е гг. было открыто около 30 памятников археологии, в основном сконцентрированных близ сел Гилево и Корболиха, среди которых наиболее часто встречались курганы эпохи Средневековья [Савко, 2019, с. 116]. Остальные памятники открыты в 1990-е – начале 2000-х гг. вдоль береговой линии водоема экспедиций БГПУ (ныне АлтГПУ) под руководством М.А. Демина и С.М. Ситникова [Демин, Ситников, 2007, с. 3–7] и представляли собой поселения и грунтовые могильники эпохи палеометалла. Всего в районе водохранилища известно около 50 объектов археологического наследия, значительная часть из которых находится вдоль размывающегося берега, что неизбежно приводит к потере и утрате исторических ценностей.

Осенью 2020 г. было проведено обследование одного из крупнейших поселений Гилевского водохранилища – Чекановский Лог-1. Объект археологического наследия выявлен в 1996 г. сотрудниками БГПУ М.А. Деминым и В.Б. Бородаевым [Демин, Ситников, 1998, с. 43], и приурочен к первой надпойменной террасе левого берега р. Алей, ныне находится на северной береговой линии Гилевского водохранилища в Третьяковском районе Алтайского края, в 3,5 км к юго-востоку от с. Корболиха и в 6,5 км к северу от с. Староалейское (рис. 1).

Поселение изучалось экспедицией БГПУ с 1997 г. В ходе раскопок исследованы остатки двух жилищ полуземляночного типа. Обнаружена большая серия рудодробильных (отбойники, терочники, ступка) и металлообрабатывающих (лощила, молоточки) орудий [Демин, Ситников, 2007, с. 94]. Среди бронзовых находок были найдены: двухлопастные, со скрытой втулкой, наконечники стрел; серпы с широким лезвием, изогнутым обухом и крюком в верхней части; четырехгранные бронзовые шилья [Демин, Ситников, 2007, с. 66–94]. Среди костяных изделий

наиболее примечательны псалии стержневидной формы с округлыми утолщениями, которые свидетельствуют о сравнительно поздней датировке памятника (IX–VIII вв. до н.э.) [Демин, Ситников, 2007, с. 85–86]. Кроме того, была получена значительная серия саргаринско-алексеевской и в меньшей степени – бегазы-дандыбаевской, ирменской, а также станковой керамики.

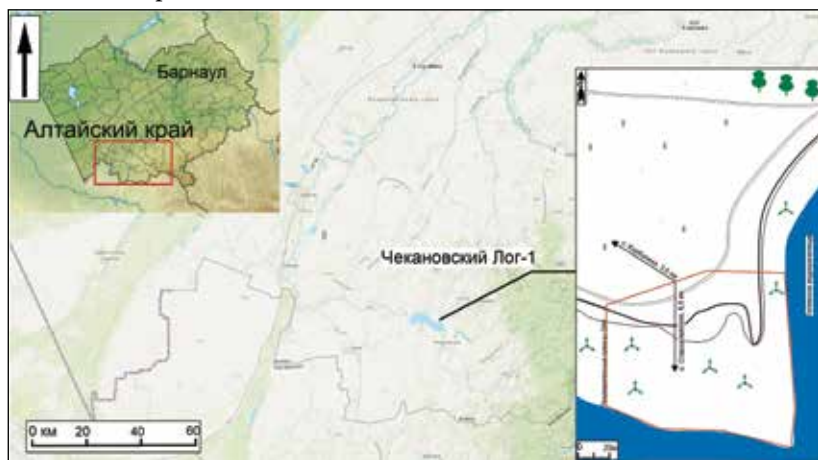

Рис. 1. Карта расположения поселения Чекановский Лог-1

На сегодняшний день на месте, где расположено поселение, проходит действующая грунтовая полевая автомобильная дорога, ведущая на трассу Корболиха – Староалейское. На площади объекта проводится регулярный ежегодный сенокос и выпас крупного и мелкого рогатого скота, что привело к полному нивелированию возможных рельефных признаков древних построек. Восточную часть поселения занимает дугообразный останец, используемый отдыхающими для разведения костров и отдыха на природе. Западная часть осматриваемого участка занята луговой растительностью. Центральный участок занимает бывшее место раскопа 1998–1999 гг., которое заросло деревьями и кустарником, но выделяется по оставленным отвалам, специально ссыпанным под обрыв, и ополживанию некогда обрывистого берега.

Осенний водосброс Гилевского гидроузла значительно опустил уровень воды, что позволило собрать археологический материал на размытом участке памятника. Невыразительный и мелкий подъемный материал оставлен на объекте археологического наследия в целях дальнейшего более точного определения его границ. Найденные на затопляемой площади поселения находки представляли собой: неорнаментированные фрагменты венчиков (рис. 2.-1, 3, 8) и придонную часть

сосуда (рис. 2.-7); экземпляр венчика с орнаментом в виде ногтевого заступа (рис. 2.-2); фрагменты стенок, украшенные гладким (рис. 2.-4) и мелким гребенчатым штампом (рис. 2.-5, 6); обломок терочника или зернотерки, имеющий овальную форму, затертую рабочую поверхность и небольшую пологую ложбинку, углубленную к центру (рис. 2.-9). Обнаруженные находки аналогичны найденным в ходе раскопок артефактам и предварительно относятся к саргаринско-алексеевской культуре периода поздней бронзы, датируемой по относительной хронологии XII–VIII вв. до н.э. [Ситников, 2015, с. 118–119], а по абсолютной – XIV–IX вв. до н.э. [Папин, 2015, с. 135, 137].

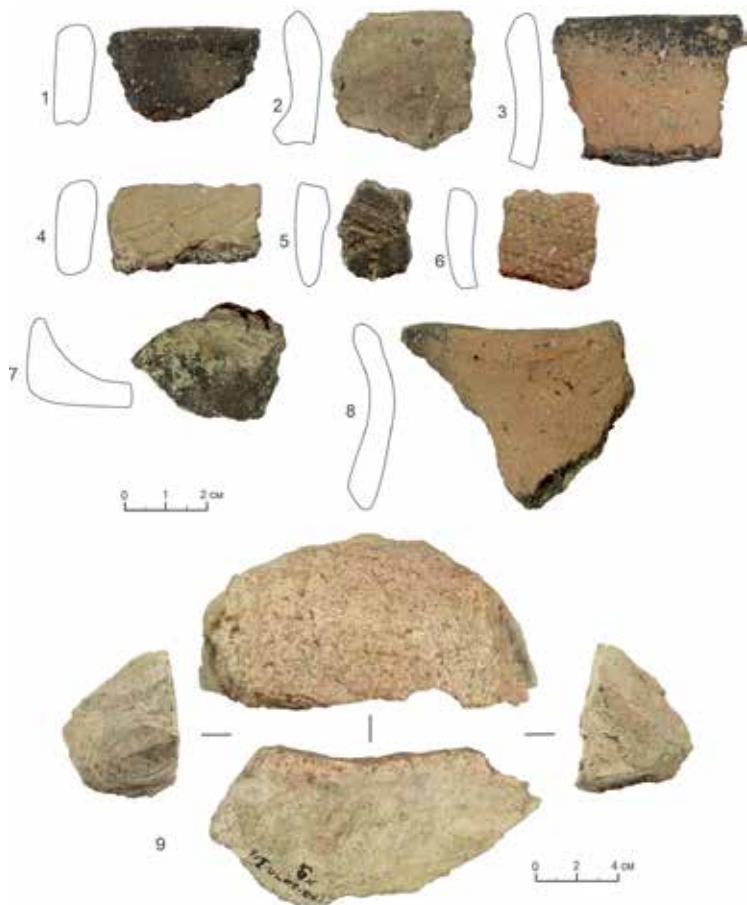

Рис. 2. Подъемный материал поселения Чекановский Лог-1 (1–8 – керамика, 9 – камень)

Несмотря на то что подъемный материал был обнаружен уже на ранее разрушенных участках размывающегося берега, по итогу проведенных мероприятий можно сделать вывод об аварийном состоянии поселения периода поздней бронзы Чекановский Лог-1. Помимо естественных причин разрушения памятника археологии присутствует значительное антропогенное воздействие, связанное с использованием его площади как места для отдыха и сельскохозяйственного использования (заготовка сена, выпас скота). В этой связи нам представляется необходимой организация археологического мониторинга территории данного объекта историко-культурного наследия.

Библиографический список

Демин М.А., Ситников С.М. Поселение Чекановский Лог-1 – новый памятник эпохи поздней бронзы Юго-Западного Алтая // Древности Алтая. Извещения лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С.43–54.

Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Барнаул, 2007. Ч. 1. 274 с.

Папин Д.В. Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Вып. 2/6 (62). С. 135–138.

Савко И.А. История археологических исследований в зоне строительства Гилевского водохранилища в 1970-е гг. // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2019 г.: Вып. 13. Барнаул, 2019. С. 116–122.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул, 2015. 254 с.

I.A. Savko

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia*

ARCHAEOLOGICAL SURVEY OF THE LATE BRONZE AGE CHEKANOVSKY LOG-1 SETTLEMENT IN ALTAI FOOTLAND IN AUTUMN 2020

The article is devoted to the results of the survey of the archaeological heritage site “Chekanovsky Log-1 settlement” located on the right bank of the Alei river which currently belongs to the northern coastline of the Gilevsky reservoir in the Tretyakovsky district of the Altai Territory. During the exploration, the archaeological complex was examined for destruction, an eye plan was drawn up, and a general description of the current state of the monument was made. On the eroded part of the object, lifting material was collected, which was ceramics of the Late Bronze Age, presumably related to the Sargarin-Alekseevsk culture, as well as a fragment of a grater or grain grater. Based on the results of the measures taken, it is possible to draw a conclusion about the emergency state of the object, which is supported by the erosion of the surf line due to the activity of the reservoir. Significant anthropogenic impact is associated with the use of its area as a place for recreation and agricultural needs.

Keywords: foothill Altai, Lower Bronze Age, Sargarin-Alekseevskaya culture, archaeological monitoring

В.О. Сайберт, С.П. Грушин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ОХРАННЫХ РАБОТ НА ПАМЯТНИКЕ МГК-2/6-3 В 2019 Г.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта №19-39-90004

Статья посвящена результатам исследований 2019 г. комплекса памятников Малый Гоньбинский Кордон-2/6, расположенного в Тальменском районе Алтайского края. На ранее зафиксированном разрушенном участке археологического объекта проведены аварийно-спасательные работы и заложен раскоп площадью 48 кв. м. Раскопками было исследовано два объекта – жилище и окончание рва с конструкцией над ним. Обнаруженное в ходе раскопок жилище, скорее, всего представляло собой углубленную в землю конструкцию, сооружение надо рвом имело подквадратную в плане форму, в центре которой фиксировался трапециевидный в разрезе ров. В ходе работ был получен керамический комплекс, представленный круглодонными сосудами с отогнутым наружу венчиком, а также зафиксированы несколько фрагментов неопределимых костей животных и зубы лошади. На основании обнаруженного материала памятник предварительно можно отнести ко 2-й половине V – VI в. н.э. В культурном отношении керамический комплекс относится к одицовской культуре.

Ключевые слова: городища, аварийные раскопки, охрана памятников, раннее Средневековье

В июне 2019 г. Тальменской археологической экспедицией Алтайского государственного университета были проведены археологические раскопки на объекте наследия «МГК-2/6-3, городище». Он расположен в Тальменском районе Алтайского края, на высокой террасе правого берега р. Обь в 1 км к северо-западу от санатория «Обские Плесы». Основная задача исследования состояла в осуществлении раскопок аварийного участка городища, который был обнаружен в 2018 г. Этот участок образован траншеей, которая разрушила значительную часть городища МГК-2/6, включая жилищные комплексы, часть рва, на площади более 325 кв. м. Для фиксации обнажившихся в бортах траншеи объектов была произведена зачистка, в ходе которой выявлены профили пяти жилищ, два участка рва городища Малый Гоньбинский Кордон-2/6-3 [Сайберт, Грушин, Вальков, 2020, с. 131–134].

Исходя из обнаруженных ранее разрушений раскоп был заложен с учетом полной фиксации сохранившихся объектов, видимых в разрезе, и таким образом было исследовано одно жилище и участок рва с конструкцией над ним, общая площадь составила 48 кв. м.

Постройка надо рвом. В ходе работ был обнаружен контур сохранившейся части котлована подстройки, расположенной надо рвом. Этот

объект фиксировался в разрезе, зачищенном в 2018 г. Конструкция в плане имела подквадратную форму и заполнена темной почвой с вкраплениями угля. В ходе зачистки объекта было выявлено ступенчатое дно. В юго-восточном углу конструкции зафиксированы остатки деревянных плах, такие же плахи обнаружены в северо-восточном и северо-западном углах конструкции. Плахи, возможно, являются остатками деревянного настила. В центре исследованного объекта фиксировался более темный контур рва шириной 140 см. Зачистка рва показала, что он имеет форму перевернутой трапеции, сужается к дну, дно плоское. Глубина рва от уровня фиксации в северной части 81 см, в южной, примыкающей к краю террасы, – 36 см. Находок в заполнении рва не обнаружено.

Жилище. В 60 см от края исследованной конструкции располагался контур жилища №1. Объект наполовину разрушен, размер сохранившейся части сооружения 6,6×2,6 м. Котлован с закругленными углами, стенки закругляются у дна. В южной стенке зафиксирован выступ шириной 70 см. Глубина объекта от уровня фиксации составила до 40 см на разных участках. Вдоль стен котлована фиксировались небольшие фрагменты угля. Большая часть находок сконцентрирована у южной стенки, здесь же зафиксированы остатки деревянных плах и яма с прокаленным заполнением. Ближе к восточной стенке котлована обнаружена столбовая яма с деревянным столбом. Среди находок встречены пять развалов сосудов, которые концентрируются в южной части постройки. Все сосуды круглодонные, с отогнутым наружу венчиком. Орнаментальные композиции на всех сосудах различны.

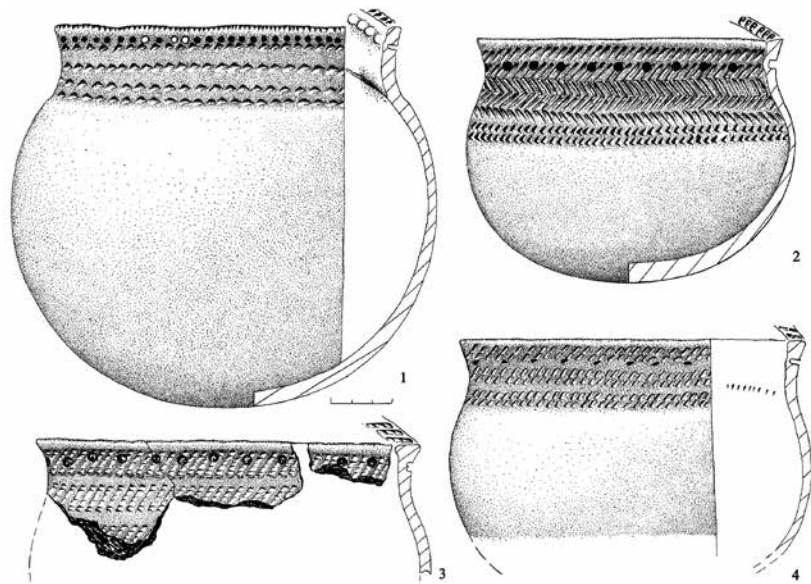
Сосуд №1 (рис.-1). Срез венчика украшен наклонными оттисками гребенчатого штампа. Под венчиком сосуд украшен тремя горизонтальными рядами наклонных оттисков гребенчатого штампа. Поверх штампа под венчиком нанесен горизонтальный ряд ямочных вдавлений. Диаметр сосуда по венчику ~19 см.

Сосуд №2 (рис.-2). Диаметр сосуда по венчику ~17 см, в самой широкой его части ~21 см. Срез венчика украшен наклонными оттисками вдавлений. На край венчика нанесены насечки. Под венчиком сосуд украшен рядом часто поставленных ямочных вдавлений, под ним четыре ряда оттисков угла лопаточки. С внутренней стороны сосуда на шейке при переходе в тулово фиксируется складка, это говорит о том, что сосуд изготовлен на форме и венчик крепился к тулову в конце изготовления.

Сосуд №3. Срез венчика украшен наклонными оттисками гребенчатого штампа. Под венчиком сосуд украшен горизонтальным рядом наклонных оттисков гребенчатого штампа. Поверх штампа под венчиком нанесен горизонтальный ряд ямочных вдавлений. Под ним еще два ряда наклонных оттисков гребенчатого штампа.

Сосуд №4 (рис.-3). Срез венчика украшен наклонными оттисками гребенчатого двузубого штампа. Под венчиком сосуд украшен горизон-

тальным рядом наклонных оттисков гребенчатого двузубого штампа. Поверх штампа под венчиком нанесен горизонтальный ряд ямочных вдавлений подтреугольной формы. Под ним еще два ряда наклонных оттисков гребенчатого двузубого штампа. С внутренней стороны сосуда фиксируется небольшой ряд насечек.

Керамический комплекс городища Малый Гоньбинский кордон-2/6-3

Сосуд №5 (рис.-4). Срез венчика украшен наклонными оттисками гребенчатого штампа. Под венчиком сосуд украшен горизонтальным рядом наклонных оттисков гладкого штампа. Под ним два горизонтальных ряда «елочки», выполненной гладким штампом. Под венчиком поверх «елочки» нанесен ряд ямочных вдавлений. Под елочкой нанесены два ряда оттисков угла лопаточки. Диаметр сосуда по венчику 15 см.

Кроме керамики были найдены несколько фрагментов неопределимых костей животных и зубы лошади. Обнаруженное в ходе раскопок жилище, скорее всего, представляло собой незначительно углубленную в землю срубную конструкцию, в целом типичную для одинцовской культуры. Чего нельзя сказать о сооружении, обнаруженном надо рвом. Ранее подобных конструктивных объектов на территории городищ одинцовской культуры известно не было. На территории Лесостепного Алтая полностью раскопаны только два памятника – это городище Сошниково-I и МГК-2/6-2 [Казаков, 1998, с. 192–205; Сайберт, Казаков, Грушин, 2019, с. 102–107]. Первое имеет замкнутую систему фортификации, на втором памятнике,

который близок по своей планировке и располагался вплотную к исследуемому нами городищу МГК-2/6-3, построек на оконечностях рва также не зафиксировано. Не известны они и на памятниках верхнеобской и релкинской культур. Вопрос о назначении обнаруженной постройки на рвом требует отдельного и более детального рассмотрения.

В ходе работ на городище был получен керамический комплекс, который по всем признакам характерен для периода раннего Средневековья. Проводя аналогии с материалами других памятников Верхнего Приобья, керамику городища МГК-2/6-3 можно отнести к одинцовскому этапу одинцовской культуры Барнаульско-Бийского Приобья и одинцовскому этапу верхнеобской культуры Новосибирского Приобья, датированным V–VI вв. н.э. [Казаков, 2014, с. 97–107; Троицкая, 1992, с. 22–35].

Проведенные раскопки также позволили отобрать значительное количество проб угля для проведения радиоуглеродного анализа – для установления абсолютной даты исследуемого памятника. Дальнейшее исследование аварийного участка городища позволит значительно дополнить имеющийся пласт знаний о данном периоде в истории населения лесостепного Алтая.

Библиографический список:

Казаков А.А. Городище Сошниково-I // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 192–205.

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул, 2014. 152 с.

Сайберт В.О., Грушин С.П., Вальков И.А. Охранные работы на памятнике МГК-2/6-3 в 2018 г. (предварительные результаты) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2020. Вып. XXVI. С. 131–134.

Сайберт В.О., Казаков А.А., Грушин С.П. Жилища одинцовской культуры второй половины V–VI вв. (по материалам городища Малый Гоньбинский кордон-2/6-2) // Известия Алтайского государственного университета. 2019. №2 (106). С. 102–107.

Троицкая Т.Н. Орнаментация керамики культуры // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. 150 с.

V.O. Saibert, S.P. Grushin

Altai State University, Barnaul, Russia

PRELIMINARY RESULTS OF SECURITY WORKS AT MGK-2/6-3 SITE IN 2019

The article is devoted to the results of studies of the Maly Gonbinsky Cordon-2/6 complex, located in the Talmenskiy district of the Altai Region in 2019. At the previously recorded destroyed area of the archaeological site, rescue operations were carried out and an excavation was laid at the 48 sq. m. Excavations have investigated two objects – a dwelling and the end of the ditch with a structure above it. The dwelling discovered during the excavations most likely represented a structure deepened into the ground,

the structure above the ditch had a sub-square shape in the center of which a trapezoidal ditch was fixed in section. In the course of the work, a ceramic complex was obtained, represented by round-bottomed vessels with a rim bent outward, and also several fragments of indeterminate animal bones and horse teeth were recorded. Based on the material found, the site can be preliminarily attributed to the 2nd half of the 5th – 6th centuries AD. Culturally, the ceramic complex belongs to the Odintsovo culture.

Keywords: ancient settlements, emergency excavations, preservation of sites, early Middle Ages

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.44

УДК 903.2(571.151)

Н.Н. Серегин¹, А.А. Тишкин¹, С.С. Матренин², Т.С. Паршикова¹

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Барнаульский юридический институт МВД РФ, Барнаул, Россия*

КОЛЛЕКЦИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ОРУДИЙ ТРУДА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ КОМПЛЕКСА ЧОБУРАК-I (СЕВЕРНЫЙ АЛТАЙ)

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФ
(проект №20-78-10037 «Ранние тюрки Центральной Азии:
междисциплинарное историко-археологическое исследование»)

Статья посвящена введению в научный оборот коллекции железных орудий труда из погребений жужанского времени, исследованных на археологическом комплексе Чобурак-I. Публикуемые материалы происходят из 11 непогребенных курганов, раскопанных экспедицией Алтайского государственного университета. Приведены сведения о 12 ножах и четырех шильях, а также о других изделиях с не установленным пока функциональным назначением. Авторами представлена информация об особенностях расположения данных вещей в могилах, выполнено морфологическое описание зафиксированных экземпляров, осуществлено их сравнение с уже известными предметами из других памятников булан-кобинской культуры Алтая, а также из комплексов, раскопанных на сопредельных территориях. Установлено, что анализируемые находки имели довольно продолжительный период бытования в рамках сянбийско-жужанского времени (II–V вв. н.э.). Публикуемые материалы расширяют источниковую базу для изучения системы жизнеобеспечения населения Алтая на рубеже поздней древности и Средневековья. Обнаруженные изделия актуализируют продолжение исследований в области комплексного анализа орудий труда и бытовых предметов животноводов региона в обозначенный исторический период.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, орудия труда, нож, шило, хронология

Благодаря многолетним археологическим исследованиям, осуществленным экспедициями разных учреждений на территории Алтая, к настоящему времени сформирована представительная серия желез-

ных орудий труда из некрополей булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.). Имеется опыт анализа таких предметов [Константинова, 2014; Соенов, Константинова, 2014, 2015; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018; и др.]. Вместе с тем многие вопросы, связанные с интерпретацией указанных артефактов, остаются открытыми. Сложность изучения подобных изделий в значительной степени обусловлена плохой сохранностью металла, что затрудняет качественное морфологическое описание и функциональную атрибуцию находок. Приходится также констатировать, что значительная их часть не введена в научный оборот и не систематизирована.

В данном контексте актуальной является публикация коллекции железных орудий труда из погребально-поминального комплекса Чобурак-I, в составе которого экспедицией Алтайского государственного университета исследована серия объектов булан-кобинской культуры жужанского времени (2-я половина IV – V в. н.э.). Данный памятник расположен в Чемальском районе Республики Алтай, в 3,6 км к югу от с. Еланда. В 11 раскопанных захоронениях идентифицированы следующие железные изделия.

Курган №29. В детском погребении (в районе грудной клетки умершего) расчищен фрагмент клинка ножа длиной 7,7 см с шириной обуха (спинки) 0,2–0,3 см (рис. 1.-1).

Курган №29а. В ходе разборки каменной насыпи обнаружено захоронение молодого человека, у которого оказался нож довольно хорошей сохранности длиной 9,6 см. Изделие имеет треугольный в сечении клинок с обломанным острием, слегка выгнутую спинку (шириной 0,15–0,25 см) и вогнутое лезвие, а также прямой черен для крепления деревянной рукояти (рис. 1.-2).

Курган №30. В захоронении мужчины у правого плеча зафиксирован корродированный нож длиной 9,7 см с треугольным в сечении клинком, с прямой спинкой (толщина до 0,6 см) и обломанным острием (рис. 1.-3). В районе пояса человека выявлен предмет в виде стержня длиной 9,6 см с овальным поперечным сечением, сужающимся к одному концу (рис. 2.-1).

Курган №31. У погребенного мужчины в районе пояса найден обломанный коротколезвийный нож (общая длина сохранившейся части составляет около 6,7 см) с треугольным в сечении клинком, с прямой спинкой и слегка наклоненным в сторону лезвия череном для крепления рукояти (рис. 1.-4).

Курган №31а. В сопроводительном инвентаре мужчины присутствовал нож, который располагался в районе пояса умершего. Судя по сохранившимся фрагментам, данный образец небольшой длины (до 6 см) имел треугольный в сечении клинок с прямой спинкой (шириной 0,2–0,3 см) и прямой черен для рукояти (рис. 1.-5).

Курган №32. У правой руки погребенного мужчины выявлены отдельные железные фрагменты ножа, на основании которых невозможно точно определить его морфологические признаки и размеры (рис. 1.-6).

Курган №32а. В захоронении женщины в области пояса обнаружен фрагмент корродированного стержня с квадратным поперечным сечением (размерами 0,6×0,6 см), у которого прослежен тлен от несохранившейся деревянной рукояти (рис. 2.-2). Данный предмет, по-видимому, являлся шилом.

Курган №33. В районе тазовых костей женщины располагалось несколько орудий труда: черешковый нож с треугольным в сечении клинком (длиной 11,2 см) и слегка выгнутой спинкой шириной до 0,6 см (рис. 1.-8); фрагмент трехгранного шила длиной 4,9 см (рис. 2.-4); обломок «инструмента» в виде стержня с обломанными концами (длиной 7,9 см) и овальным поперечным сечением (рис. 2.-3).

Курган №34. Из погребения женщины происходит небольшой фрагмент черешкового ножа с треугольным в сечении клинком, размещавшийся в районе пояса умершей (рис. 1.-7).

Курган №34а. В мужском захоронении в области пояса зафиксированы два сохранившихся в обломках черешковых ножа разного размера, один из которых имел клинок со слегка выгнутой спинкой (рис. 1.-9–10). Там же найдено шило в виде короткого трехгранного стержня (рис. 2.-5).

Курган №38. В погребении мужчины в разных местах отмечены находки нескольких изделий. За головой человека и рядом с ритуальной мясной пищей, сохранившейся в виде костей овцы, лежал обломок коротколезвийного ножа (рис. 1.-11), а также стержень с прямоугольным поперечным сечением и петлевидным навершием (рис. 2.-7) и «рукоять» полукруглой формы (рис. 2.-8). У пояса (слева) найдены фрагмент острия ножа (рис. 1.-12) и часть «инструмента» в виде массивного стержня длиной 7 см с овальным поперечным сечением (рис. 2.-6).

Ножи относятся к массовым универсальным орудиям труда. Они применялись в деревообработке, косторезном деле, скорняжном производстве, при сборе растительного сырья, разделке туш животных, в качестве столовых приборов, а также для решения многих других повседневных задач^{*}. Публикуемое собрание состоит из 12 изделий различной степени сохранности. Зафиксированные образцы отличаются коротким (до 13 см) клинком с толщиной спинки не более 0,6 см. Данные предметы входили в состав инвентаря шести мужских (курганы №30, 31, 31а, 32, 34а, 38), двух женских (курганы №33, 34) и одного детского (курган №29) погребения. Кроме того, один экземпляр обнаружен

---

^{*} При работе с материалами из погребальных комплексов Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. одним из авторов настоящей публикации документированы сведения о присутствии железных ножей в более чем 230 захоронениях, относящихся ко всем этапам булан-кобинской культуры.

в насыпи кургана №29а, под которой исследовано захоронение молодого человека. Материалы раскопок некрополя Чобурак-I демонстрируют расположение ножей преимущественно в области «пояса» умерших людей и редкость иных вариантов их локализации относительно тела покойных (за головой, у руки, на груди). Только в одном случае установлено, что нож лежал вместе с остатками ритуальной мясной пищи, от которой сохранились кости овцы.

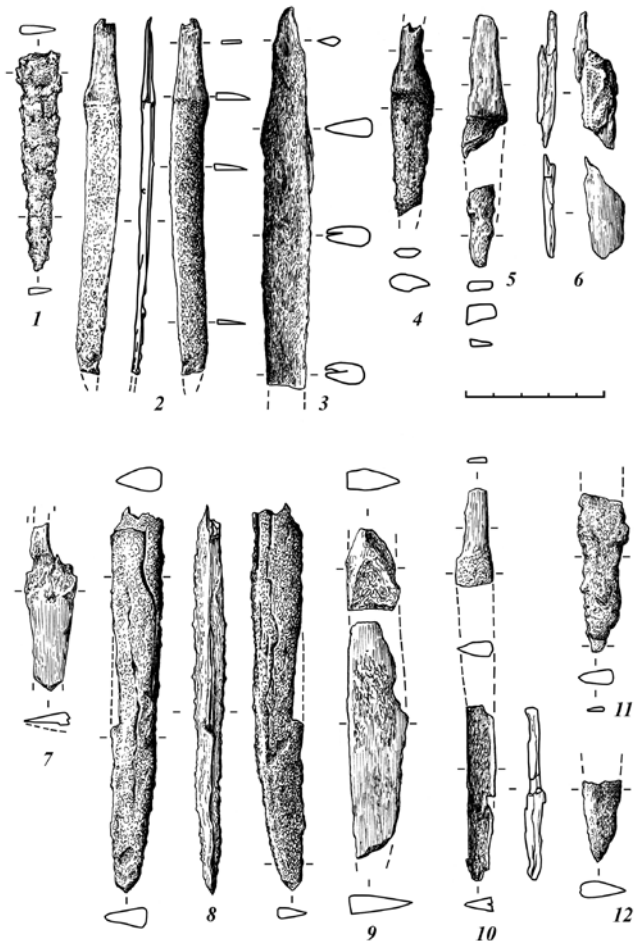

Рис. 1. Железные ножи из комплекса Чобурак-I:
 1 – курган №29; 2 – курган №29а; 3 – курган №30; 4 – курган №31;
 5 – курган №31а; 6 – курган №32; 7 – курган №34; 8 – курган №33;
 9, 10 – курган №34; 11–12 – курган №38. Рисунки выполнены И.А. Чудилиным

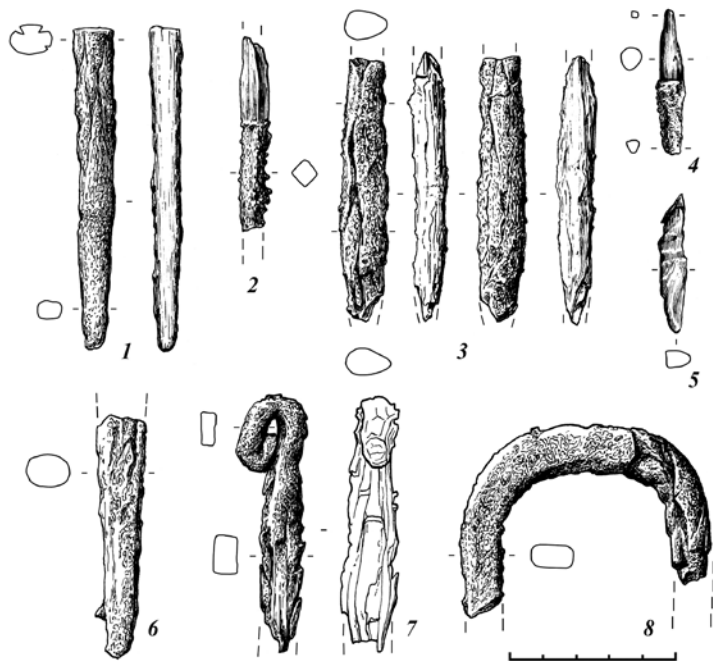

Рис. 2. Железные шилья и фрагменты изделий неизвестного назначения из комплекса Чобурак-I: 1 – курган №30; 2 – курган №32а; 3–4 – курган №33; 5 – курган №34а; 6–8 – курган №38. Рисунки выполнены И.А. Чудилиным

Среди найденных ножей пять наиболее полно сохранившихся изделий были подвергнуты пробной классификации на основе выделенных таксонов с разной степенью изменчивости морфологических признаков. Группа отражает материал изготовления поражающей части ножа; разряд демонстрирует форму поперечного сечения клинка; раздел отражает оформление спинки (обуха) клинка; отдел указывает на положение рукояти относительно оси клинка; тип определяется по конструкции рукояти; вариант учитывает особенности перехода клинка в рукоять, наличие и отсутствие перекрестия, навершия, иные детали крепления рукояти. Результаты систематизации изделий выглядят следующим образом.

Группа I. Ножи из железа.

Разряд I. С треугольным в разрезе клинком.

Раздел I. С прямой спинкой (обухом).

Отдел I. С прямо насаженной рукоятью.

Тип 1. Отдельно изготовленная рукоять из дерева (не сохранилась) укреплена на металлический черен. *Вариант а* – имеется одно плечико

со стороны лезвия; без перекрестия, без навершия и без других дополнительных элементов. Включает 2 экз. из курганов №30 и 31а (рис. 1.-3, 5).

Отдел II. С наклонно насаженной рукоятью.

Тип 2. Отдельно изготовленная рукоять из дерева (не сохранилась) укреплена на металлический черен, который слегка наклонен относительно клинка. *Вариант а* – имеются два плечика; без перекрестия, без навершия и без других дополнительных элементов. Включает один экземпляр из кургана №31 (рис. 1.-4).

Раздел II. Со слегка выгнутой спинкой (обух имеет дугообразный изгиб в сторону лезвия).

Отдел I. С прямо насаженной рукоятью.

Тип 3. Отдельно изготовленная рукоять из дерева (не сохранилась) укреплена на прямой металлический черен. *Вариант а* – имеется одно плечико со стороны лезвия; без перекрестия, без навершия и без дополнительных элементов. Включает 2 экз. из курганов №29а и 34а (рис. 1.-2, 10).

Рассматриваемые изделия подтверждают преобладание у населения булан-кобинской культуры черешковых ножей с прямой отдельно изготовленной деревянной рукоятью, ограниченной от клинка одним плечиком со стороны лезвия. В Центральной Азии ножи с обозначенными морфологическими признаками впервые массово отложились в памятниках хунну (сюнну) Монголии и Забайкалья II в. до н.э. – I в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. XVI.-3, 8–9; Могильников, 1992, табл. 107.-1–2, 43–44; Давыдова, 1995, табл. 56.-1; 91.-7; 1996, табл. 5.-18, 8.-5, 23.-3, 27.-7, 33.-3; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 209, зур. 7; т. 235, зур. 2; т. 246, зур. 1; Хүүннүгийн Өв, 2011, р. 243, fig. 370; и др.]. Достаточно рано (II–I вв. до н.э.) они использовались в предметном комплексе населения тесинской культуры Среднего Енисея, что, вероятно, связано с проникновением в регион групп населения, знакомых с материальными традициями хунну (сюнну) [Пшеницина, 1979, табл. VII.-18, 21; Савинов, 2009, рис. 7.-7–8, XXIV.-14, LV.-4]. Широкое распространение рассматриваемых ножей в Алтае-Саянском регионе произошло со II в. н.э., что совпадает с началом активного использования похожих по конструкции длиннолезвийных изделий в качестве оружия ближнего боя [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. VIII.-1–3, 7, 9–12, 16, 18; Кызласов, 1969, рис. 22.-3, 7; Вайнштейн, 1970, рис. 14.-1; 17.-2; 21.-2; 25.-3; 29.-1–3; 42.-1; 49.-5; 73.-6; 75.-3; 97.-6; Дьяконова, 1970, табл. IX.-5, 19, 27; Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81.-50, 67; Николаев, 2000, табл. 81.-1; 84.-13; 114.-5; 116.-7; Памятники..., 2010, с. 60; и др.].

Время бытования железных ножей с рассмотренными характеристиками у носителей булан-кобинской культуры Алтая определяется, судя по имеющимся материалам, рамками II–V в. н.э. [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 37.-19; 40.-10; 44.-12–13; 46; Мамадаков, 1990, рис. 85.-12–15; Соенов, Константинова, 2015, с. 20–21, рис. 5; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 126, табл. 36–37]. Оптимальность и высокая

эффективность конструкции обусловила существование подобных изделий до настоящего времени.

Шилья из могильника Чобурак-I представлены четырьмя экземплярами из двух мужских (курганы №34а, 38) и двух женских (курганы №32а, 33) погребений. В трех случаях они лежали в районе тазовых костей умершего человека, в одном – у головы. Чаще всего такие изделия выполнены из железного трех- или четырехгранного стержня, на который насаживалась деревянная рукоять, сохранившаяся в виде тлена (рис. 2.-2, 4-5). В погребальном инвентаре населения булан-кобинской культуры Алтая идентифицировано 15 аналогичных предметов из закрытых комплексов сяньюбийского и жужанского времени (Айрыдаш-I, Белый-Бом-II, Булан-Кобы-IV, Верх-Уймон, Карбан-I, Степушка-I, Улуг-Чолтух-I, Усть-Бийке-III, Чобурак-I, Яломан-II). В научный оборот введено небольшое количество таких артефактов [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 21.-6; Соенов, Константинова, 2015, рис. 4; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 38.-4, 6-7; и др.]. Зафиксированное железное шило с прямоугольным сечением, имеющее рукоять с навершием в виде кольца-петли (рис. 2.-7), обнаруживает определенное сходство с экземплярами из неопубликованных погребений II – I-й половины IV в. н.э. некрополей Айрыдаш-I, Булан-Кобы-IV и Карбан-I. В целом шилья являются универсальными орудиями колюще-проворачивающего действия, применяющимися особенно широко в кожевенном производстве. В типологическом отношении такие изделия являются консервативной категорией материальной культуры, не несущей информации для определения относительной хронологии памятников.

В ходе раскопок погребений могильника Чобурак-I зафиксированы четыре железных изделия, функциональная атрибуция которых проблематична. Среди них два массивных стержня с овальным поперечным сечением из курганов №30 и 38 (рис. 2.-1, 6) предварительно можно интерпретировать как зубила. Точные аналогии таким предметам в погребальных памятниках Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени пока не известны. Обломанный с двух концов стержень с овальным поперечным сечением из кургана №33 (рис. 2.-3) также может являться инструментом. Предмет полукруглой формы из кургана №38 (рис. 2.-8), по-видимому, представляет собой рукоять какого-то предмета; не исключено что он выступал частью металлической посуды.

Представленные изделия не являются показательными с точки зрения хронологии, так как имели довольно продолжительный период бытования. Вместе с тем публикуемые вещественные материалы булан-кобинской культуры из раскопок могильника Чобурак-I расширяют источниковую базу для изучения системы жизнеобеспечения населения Алтая на рубеже поздней древности и Средневековья. Данные находки актуализируют продолжение исследований в области комплексного анализа орудий труда и бытовых предметов скотоводов региона в хуннуско-сяньбийско-жужанское время.

Библиографический список

- Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения кызылганской и сымын-чурекской культуры) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III. Л., 1970. С. 7–79.
- Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до нашей эры – первых веков нашей эры // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М.; Л., 1966. С. 185–291.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб., 1995. 287 с. (Археологические памятники сюнну; вып. 1).
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб., 1996. 176 с. (Археологические памятники сюнну; вып. 2).
- Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III. Л., 1970. С. 80–209.
- Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976. 221 с.
- Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Горного Алтая гунно-сарматского времени: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2014. 23 с.
- Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 43–95.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 211 с.
- Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.
- Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 196–205. (Археология СССР).
- Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 254–273. (Археология СССР).
- Николаев Н.Н. Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. С. 70–85.
- Памятники кокельской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб., 2010. 252 с.
- Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 70–89.
- Савинов Д.Г. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб., 2009. 226 с.
- Соенов В.И., Константинова Е.А. Железные стамески гунно-сарматского времени из могильника Верх-Уймон (Алтай) // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. №2. С. 13–18.
- Соенов В.И., Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Горно-Алтайск, 2015. 248 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.
- Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул, 2018. 368 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 3).
- Төрбат Ц., Амаргүвшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав археологийн дурсгалууд (хурлийн үеэс моголын үе). Улаанбаатар, 2003. 295 т. (на монг. яз.).
- Хүүннүгийн Өв. Нүүдэлчдийн анхны төр-Хүннү Гүрний соёл. Улаанбаатар, 2011. 296 т. (на монг. яз.).

N.N. Seregin¹, A.A. Tishkin¹, S.S. Matrenin², T.S. Parshikova¹

¹Altai State University, Barnaul, Russia;

*²Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Barnaul, Russia*

COLLECTION OF IRON TOOLS FROM THE BURIALS OF ROURAN PERIOD OF THE CHOBURAK-I COMPLEX (NORTHERN ALTAI)

The article presents a collection of iron tools from the burials of the Rouran period, studied at the Choburak-I funeral complex. The published materials come from eleven undisturbed burials excavated by the expedition of the Altai State University. The article provides information about twelve knives, four awls, and products with an unidentified functional purpose. The authors provided information on the peculiarities of the location of these items in the graves, made a morphological description of the recorded specimens, compared them with already known items from other sites of the Bulan-Koby archaeological culture of Altai, and from complexes excavated in adjacent territories. It was established that the analyzed objects had a rather long period of existence within the framework of the Xianbei-Rouran period (2nd – 5th centuries AD). The published materials expand the source base for studying the life support system of the Altai population at the turn of the late antiquity and the Middle Ages. The presented findings actualize the continuation of research in the field of a comprehensive analysis of tools and household items of cattle breeders in the region in the indicated period.

Keywords: Altai, Bulan-Koby culture, tools, knife, awl, chronology

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.45

УДК 903.5(571.1)

М.Г. Сулейменов, А.М. Илюшин

*Кузбасский государственный технический
университет имени Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

КОСТЯНЫЕ НАКЛАДКИ НА КОЛЧАН ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

В статье исследуются костяные колчаные накладки, найденные в средневековых погребениях воинов из Кузнецкой котловины. Эти находки суммарно представлены на рисунке. Костяные накладки выполняли функцию укрепления конструкции и одновременно украшали колчан. Известные на данный момент случаи их нахождения в средневековых погребальных комплексах на территории Кузнецкой котловины описываются и обобщаются. Фиксируются размеры костяных накладок и оценивается степень их сохранности. Отдельные изделия украшены орнаментом. Приводится описание элементов и мотивов орнамента, нанесенного на костяные пластины. По элементам и мотивам орнаментации или ее отсутствию приводится широкий круг аналогий из памятников раннего и развитого Средневековья Центральной Азии и Восточной Европы. Осуществляется первичная классификация накладок на колчан по материалу

изготовления и их форме. Выделенные типы отнесены к двум археолого-этнографическим комплексам (погребения человека по обряду кремации на стороне и погребения человека по обряду труположения с тушей или шкурой коня) и археологическим культурам – саратовской и шандинской.

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, Средневековье, колчан, костяные накладки, орнамент

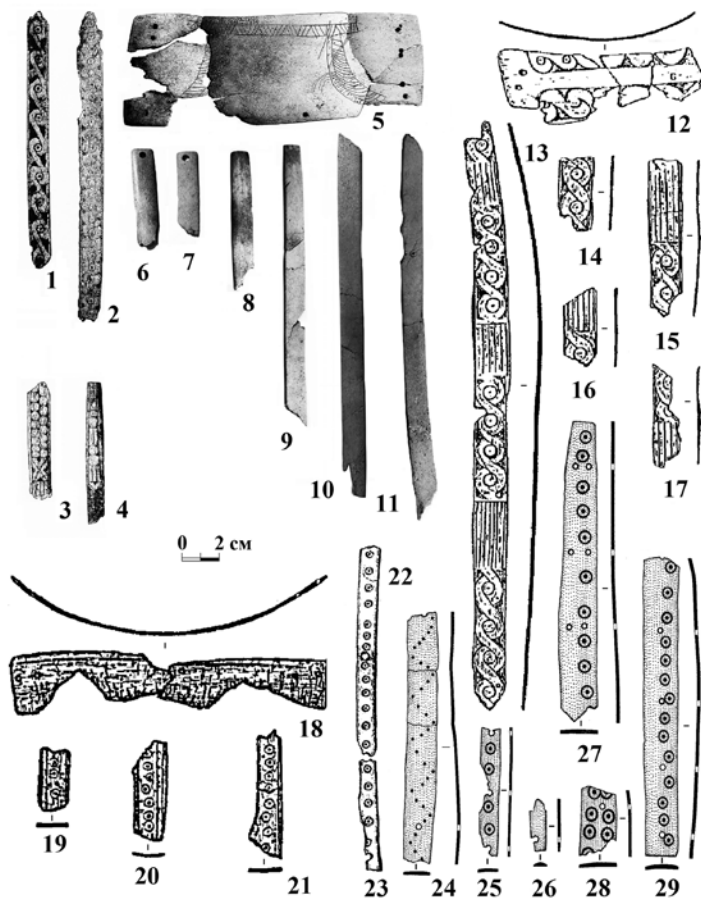
Костяные накладки на колчан являются одной из деталей, укрепляющих и украшающих этот предмет снаряжения лучника. В эпоху Средневековья на территории степной и лесостепной Евразии эти изделия являются достаточно редкой находкой. Такие костяные пластины уже подвергались исследованиям отдельными специалистами [Кюрти, 1984; Горелик, 2014; Малиновская, 1974; Николаев, 2006; Овчинникова, 1990; Флёрова (Нахапетян), 2000; Худяков 1980; 1986; 1991; 1997; Худяков, Мякинников, 1991], что подтверждает ценность это источника и интерес к нему при изучении истории вооружения и военного дела. На территории Кузнецкой котловины эти источники имеются, но специальному исследованию не подвергались. Поэтому целью настоящей работы является сбор информации и описание находок костяных колчаных пластин-накладок из раскопок средневековых памятников Кузнецкой котловины, их первичная систематизация и сравнительный типолого-хронологический анализ с привлечением широкого круга аналогий. Для достижения цели применяются методы описания, типологической классификации и сравнительно-исторический анализ.

Базу источников исследования составляют находки костяных накладок на колчан из средневековых погребальных комплексов Кузнецкой котловины, которые были опубликованы. Очередность описания находок определяется последовательностью их введения в широкий научный оборот.

Впервые костяные накладки на колчан из раскопок А.И. Мартынова в 1961 г. на курганном могильнике Тарасово-2 были опубликованы О.А. Митько. Он описал комплекс находок, который датировал VIII–IX вв. Среди находок были костяные узкие накладки на тулово и элемент оформления горловины колчана [Митько, 1991, с. 101, 103, рис. 1.-1–7]. Позднее А.М. Илюшин [2005, с. 36] датировал памятник XI–XIII вв. Всего было найдено пять костяных пластин. Среди них выделяется два фрагмента размерами 9,7×3,3 и 9,2×2,7 см, с прочерченными от подпрямоугольной изогнутой пластины горловины колчана по верхнему краю горизонтальными линиями с продольными парными отверстиями у прямоугольных торцевых сторон. Среди узких накладок имеются фрагменты размерами 3,6×1,8, 5,8×2,1 и 7,5×2,1 см с прочерченными вдоль краев линиями и украшенные циркульным орнаментом диаметром не более 0,5 см (рис. 1.-18–21). Общая длина широких накладок 19,0 см, а их изгиб составляет 4 см. Все пластины заполированы. Аналогичные изделия, украшенные циркульным орнаментом, известны в материалах памятни-

ков тюркской и кыргызской культуры, вплоть до 1-й половины II тыс. н.э. в Туве, Хакасии и Ачинско-Мариинской лесостепи, Среднем Причулымье, а также в материалах ундугунской культуры Восточного Забайкалья XIII–XIV вв. [Беликова, 1996, рис. 64.-12; 90.-12-16; Евтюхова, 1948, с. 60–67; Мартынова, 1985, рис. 108.-5; Нестеров, 1982, рис. 3.-2; Савин, Семенов, 1990, рис. 2.-I; 3.-II; Худяков, 1980, табл. XXXVII.-3, 5, 6; 1986, с. 59–60; 1997, с. 100, рис. 67; и др.]. На территории Восточной Европы циркульный орнамент на костяных колчаных накладках известен в материалах XIII–XIV вв. [Малиновская, 1974, с. 132–175, рис. 1.-22].

Находки костяных пластин на колчан из средневековых погребальных памятников Кузнецкой котловины: 1–11 – Шестаки-II; 12–17 – Саратовка; 18–21 – Тарасово-2; 22, 23 – Камысла (Промышленная-1); 24–29 – Ишаново

В 1997 г. В.В. Бобров [1997] опубликовал материалы своих раскопок на курганном могильнике Камысла (Промышленная-1), который был открыт и обследован А.Т. Кузнецовой в 1927 г. Автор раскопок датировал курган X в. В 2008 г. А.М. Илюшин [2008, с. 173; 2016, с. 175–178] датировал памятник концом XII–XIII вв. В частично разрушенной грунтовой могиле были найдены две узкие костяные пластины от обкладки колчана, на которых имелся циркульный орнамент. Общая длина двух фрагментов костяных накладок составляет 19,9 см, а их ширина – 0,9–1,1 см. На слегка изогнутых пластинах имеются три симметричных круглых крупных отверстия. Лицевая сторона пластин покрыта рядом из 18 элементов циркульного орнамента (рис. 1.-22–23). По орнаментации костяные колчаньи накладки, как и изделия из Тарасово-2, имеют широкий круг аналогий на сопредельных и удаленных территориях Центральной Азии, датируемых в интервале со 2-й половины I тыс. по середину II тыс., а также на территории степей Восточной Европы в XIII–XIV вв. [Беликова, 1996, рис. 64.-12; 90.-12–16; Евтюхова, 1948, с. 60–67; Малиновская, 1974, с. 132–175, рис. 1.-22; Мартынова, 1985, рис. 108.-5; Нестеров, 1982, рис. 3.-2; Савин, Семенов, 1990, рис. 2.-I; рис. 3.-II; Худяков, 1980, табл. XXXVII.-3, 5, 6; 1986, с. 59–60; 1997, с. 100, рис. 67; и др.].

В 1999 г. при публикации материалов курганного могильника Саратовка описываются шесть экземпляров костяных колчанних пластин, найденных в насыпи кургана №41, датированного X–XI вв. [Илюшин, 1999, с. 20, 58, рис. 48.-1–6]. В их числе одна широкая изогнутая подпрямоугольная пластина размерами 11,3×3,9 см, имеющая парные отверстия у края и украшенная по краям композицией из горизонтальных S-образных «волют» и циркульного орнамента. Величина изгиба широкой пластины составляет 1,5 см (рис. 1.-13). Пять других узких фрагментов пластин размерами 31,5×1,9, 8,2×1,8, 5,6×1,6, 4,1×1,8 и 4,0×1,9 см были украшены орнаментом из чередующихся прямоугольников с прямой штриховкой прорезными линиями и блоками из двух 8-образных фигур с циркульным орнаментом в центре петель. Общая длина четырех мелких фрагментов пластин со схожими элементами орнамента составляет 21,9 см (рис. 1.-13–17). Аналогии этому криволинейному орнаменту на накладках колчана имеются в материалах из курганов №1 и 2 на Михайловском могильнике в Ачинско-Мариинской лесостепи, которые датированы VI–IX вв. [Мартынова, 1995, с. 97, рис. 108.-1–4, 6–8, 10]. В Минусинской котловине аналогичные изделия встречены в погребениях всадников с лошадьми на могильниках Уйбат-II и на р. Таштык, которые датированы IX–X вв., а также в древнетюркском захоронении на могильнике Терен-Кель [Кызласов, Король, 1990, с. 52, табл. XIV.-9; Евтюхова, 1948, с. 63, рис. 114; Худяков, 1988, с. 59, рис. 1.-2–8, 10–14]. В последнем случае на одной из пластин имеется орнаментальная композиция из криволинейного орнамента и штрихованных прямоуголь-

ников. Стоит отметить, что аналогичным образом украшены накладки на колчан из городища Саркел – Белая Вежа, из слоя, датированного не ранее середины XI в. [Флёрова (Нахапетян), 2000, рис. 5.-2, 12].

В 2014 г. Н.А. Кузнецов опубликовал материалы раскопок курганного могильника Шестаки-II, раскопанного им в 1998–2000 гг. Памятник предварительно был датирован VIII–X вв., затем автор датировал его VII–VIII вв. [Кузнецов, 2003, с. 103; 2014, с. 60]. На этом могильнике при раскопках кургана №1 в «грабительском выкиде» были найдены двумя скоплениями костяные пластины на колчан, которые не были подвержены воздействию огня [Кузнецов, 2014, с. рис. 6.-4–9; 7.-2–8]. Первое скопление состояло из четырех фрагментов узких костяных пластин-накладок, которые были украшены индивидуальным орнаментом (рис. 1.-1–4). Первая пластина размерами 14,2×1,2 см, украшена рельефным резным орнаментом в виде «волюты» разделенной циркульным орнаментом. Вторая пластина, размерами 17,0×1,3 см, украшена рельефным орнаментом из 8-образных фигур с циркульным орнаментом в центре петель. Третья пластина, 6,4×1,2 см, украшена продольными резными линиями, между которыми рельефно выступают X-образная площадка и двойной ряд из восьми кругов. Четвертая пластина, 7,7×1,2 см, с округлым отверстием у прямоугольного окончания, украшена рельефным орнаментом из элементов пар кругов, разделенных площадкой с прочерченными продольными полосами и X-образной площадкой. Второе скопление насчитывает семь фрагментов костяных пластин-накладок (рис. 1.-5–11). Первая широкая изогнутая пластина подпрямоугольной формы размерами 16,5×6,1 см имеет парные отверстия по краям и одиночное – в середине нижней части. Эта пластина украшена в верхней части графити из полосы, образуемой параллельными линиями, внутри которых расположен зигзаг из тройных линий. К краям верхней полосы вертикально примыкают лунообразные изгибы полос с внутренней штриховкой из линий. Все остальные пластины узкие, размерами 5,5×1,2, 4,6×1,1, 7,4×1,2, 15,3×1,1 см 19,1×1,3 и 21,0×1,3 см. Две из них имеют округлые отверстия близ прямоугольных окончаний. Самая длинная пластина слегка изогнута и украшена одним элементом циркульного орнамента. Костяные пластины из первого скопления по своей орнаментации имеют аналогии в аварских древностях с VI в. на могильнике Сегед-Фехерто-Б в прикарпатской Венгрии, а также в материалах монгольского времени на погребальном памятнике Балкин Хутор в Калмыкии [Кюрти, 1984, рис. 2.-11, 12; Горелик, 2014, с. 126, табл. 2.-5, 6; Малиновская, 1974, рис. 1.-9, 10; табл. II.-2]. Длинные гладкие костяные колчановые пластины встречаются в погребальных памятниках Среднего Чулыма середины XI – XIII в. и памятниках кыргызских кыштымов Минусинской котловины XIII–XIV вв. [Беликова, 1996, рис. 21.-16, 17; 22.-9; 42.-18; Худяков, 1997, с. 38; Худяков, Ким, 2001, с. 62–63].

Курганный могильник Ишаново, раскопанный ККАЭЭ в 2004–2008 гг., полностью опубликован и датирован в узком интервале началом XIII в., а в широком – XIII в. [Илюшин, 2014, с. 80]. Костяные накладки на колчан были найдены в могиле 3 кургана №9, интерпретированной как захоронение конного лучника [Илюшин, Сулейменов, 2008, с. 68]. Шесть узких орнаментированных пластин располагались в могиле в одну линию длиной 60 см. Вероятно, они крепились к одной стороне, укрепляли конструкцию и украшали колчан [Илюшин, 2014, с. 72, рис. 74.-14–18, 20]. Узкие костяные пластины различались по форме, размерам и орнаментации (рис. 1.-24–29). Самая маленькая, 2,8×0,9 см, концевая пластина без орнамента имела отверстие ближе к торцу. Другая пластина, 13,4×1,7 см, была украшена продольным зигзагообразным орнаментом из круглых ямок-точек и имеет округлое отверстие для крепления. Три пластины, размерами 16,3×2,2, 16,1×1,9 и 6,9×1,0 см, были украшены по центру разреженной линией циркульного орнамента и имели одинарные и парные округлые отверстия для крепления. Еще один фрагмент пластины, размером 3,7×1,9 см, был украшен орнаментом из двух линий циркульного орнамента и имел одно округлое отверстие для крепления. Циркулярный орнамент на костяных накладках колчана имеет широкий круг аналогий в материалах со 2-й половины I тыс. до середины II тыс. в Центральной Азии [Беликова, 1996, рис. 64.-12; 90.-12–16; Евтюхова, 1948, с. 60–67; Мартынова, 1985, рис. 108.-5; Молодин, Соловьев, 2004, с. 6, 107, табл. V.-6; Нестеров, 1982, рис. 3.-2; Савин, Семенов, 1990, рис. 2.-I; 3.-II; Худяков, 1979, с. 202, табл. IV.-1, 2; 1980, табл. XXXVII.-3, 5, 6; 1986, с. 59–60; 1997, с. 100, рис. 67; и др.]. Циркулярный и точечный орнамент на костяных колчаных накладках известен в Восточной Европе в материалах XIII–XIV вв. [Малиновская, 1974, с. 132–175, рис. 1.-22; табл. XVII].

В соответствии с типологией, предложенной для аналогичных европейских средневековых материалов [Флёрова (Нахапетян), 2000, с. 105], все описанные колчаные накладки по материалу изготовления относятся к одной группе костяных, а по форме и размерам – к двум типам.

Тип 1. Узкие, прямые, длинные накладки с орнаментом и без него (рис. 1.-1–4, 6–11, 13–17, 19–29). Накладки этого типа применялись для придания жесткости продольной поверхности тулова колчана и его украшения. В Кузнецкой котловине этот тип накладок известен на погребальных памятниках Тарасово-2, Камысла, Саратовка, Шестаки-II и Ишаново, которые датируются разными интервалами – с VII по XIII в.

Тип 2. Широкие, прямоугольные с изогнутым профилем (рис. 1.-5, 12, 18). С помощью таких накладок укреплялась и украшалась горловина колчана. В Кузнецкой котловине этот тип накладок зафиксирован на погребальных памятниках Тарасово-2, Саратовка и Шестаки-II, которые датируются разными интервалами – с VII по XII в.

Оба типа костяных накладок на колчан в Кузнецкой котловине встречаются в двух археолого-этнографических комплексах (АЭК) – погребенных по обряду кремации на стороне и погребений человека по обряду труположения с тушей или шкурой коня. К первому АЭК относятся находки на памятниках Саратовка и Шестаки-II из курганов, датированных VII–VIII (VIII–IX вв.) и X–XI вв., которые соотносятся со вторым и третьим этапами развития саратовской археологической культуры [Илюшин, 2005, с. 112]. Ко второму АЭК относятся находки на памятниках Камысла (конец XII – XIII в.), Ишаново (XIII в.) и Тарасово-2 (XI–XIII вв.), которые соотносятся с первым и вторым этапами шандинской археологической культуры [Илюшин, 2005, с. 122]. В заключение необходимо отметить, что исследуемые артефакты находят аналогии как на сопредельных с Кузнецкой котловиной территориях, так и на значительном удалении от этого региона, как правило, в воинских погребениях. При этом основная масса аналогий имеет единый или близкий культурно-хронологический горизонт, что представляет значительный интерес для исследования развития военного дела и вооружений степной и лесостепной Евразии. Кроме этого, необходимо отметить, что изучение элементов и мотивов орнамента, украшавших костяные колчаные накладки, может стать предметом исследования средневекового искусства.

Библиографический список

- Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск, 1996. 272 с.
- Бобров В.В. Курган могильника Промышленная-1 // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997. С. 108–116.
- Горелик М.В. Реалии кубачинских рельефов. Оружие // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир; Краснодар, 2014. Вып. 14. С. 124–137.
- Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. 110 с.
- Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово, 1999. 160 с.
- Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005. 240 с.
- Илюшин А.М. Курганные могильники Камысла и Новокамышенка (по материалам раскопок А.Т. Кузнецовой в 1927 году) // Археология Степной Евразии. Кемерово, 2008. С. 160–184.
- Илюшин А.М. Курганы кыштымов в долине Ура // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 8. Кемерово, 2014. 216 с.
- Илюшин А.М. Типолого-хронологический анализ материалов раскопок кургана на могильнике Камысла (Промышленная-1) // Фундаментальные научные исследования: теоретические и практические аспекты. Т. II. Кемерово, 2016. С. 175–178.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Погребение конного лучника в Кузнецкой степи (к вопросу о развитии военного дела в эпоху средневековья) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. №4/2. С. 60–66.

Кузнецов Н.А. Предметы вооружения из курганов верхнеобской культуры в Кузнецкой котловине (могильник Шестаки-II) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. I. С. 102–106.

Кузнецов Н.А. Оружие дистанционного боя из курганного могильника Шестаки-II // Из кузнецкой старины. Новокузнецк, 2014. Вып. 5. С. 59–73.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990. 216 с.

Кюрти Б. Об азиатском происхождении одного типа аварских колчанов в Карпатском бассейне // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1984. С. 112–121.

Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 132–175.

Маргынова Г.С. Таштыкские племена на Кавказе. Красноярск, 1985. 112 с.

Митько О.А. Средневековые игольники // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1991. С. 100–109.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск, 2004. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. 184 с.

Нестеров С.П. Погребение с конем на р. Таштык (по материалам раскопок С.А. Теплоухова) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 95–102.

Николаев В.С. Колчаны кочевников Предбайкалья и Прибайкалья в XIII–XIV вв. // Известия лаборатории древних технологий. 2006. №4. С. 284–298.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990. 223 с.

Савин А.М., Семенов А.И. Колчан древнетюркского времени из Монгун-Тайги (МТ-1958–Х-2) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 81–96.

Флёрова (Нахапетян) В.Е. Костяные детали луков, колчанов и налучий Белой Вежи // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. Донецк, 2000. С. 101–116.

Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 194–206.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 226 с.

Худяков Ю.С. Древнетюркский орнаментированный колчан из могильника Терен-Кель // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. №16. Вып. 3. Новосибирск, 1988. С. 59–61.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. 189 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. 160 с.

Худяков Ю.С., Ким С.А. Вооружение кыргызских кыштымов // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск, 2001. С. 50–75.

Худяков Ю.С., Мякинников В.В. Колчаны древних тюрок Среднего Енисея // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1991. С. 60–66.

M.G. Suleymenov, A.M. Ilyushin

Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

BONE LININGS ON THE QUIVER FROM THE MEDIEVAL BURIALS OF THE KUZNETSK BASIN

The article examines bone quiver linings found in medieval burials of soldiers from the Kuznetsk basin. These finds are summarized in the figure. Bone linings performed the function of strengthening the structure and at the same time decorated the quiver. Currently known cases of their being in medieval funeral complexes on the territory of the Kuznetsk basin are described and summarized. The dimensions of bone linings are fixed, and the degree of their preservation is estimated. Individual products are decorated with ornaments. Description of elements and motifs of ornamentation applied on bone plates is given. Based on the elements and motives of ornamentation or its absence, a wide range of analogies are given from monuments of the early and developed Middle Ages of Central Asia and Eastern Europe. The initial classification of linings for quiver is carried out according to the production material and their shape. The identified types are assigned to two archaeological and ethnographic complexes (burials of a person according to the rite of cremation on the side and burials of a person according to the rite of corpse with a carcass or skin of a horse) and archaeological cultures – Saratov and Shandinsky.

Key words: Kuznetsk basin, Middle Ages, quiver, bone linings, ornament

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.46

УДК 902»653»(571.150)

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КОМПЛЕКТ ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ ПЕРИОДА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ ЗАРИНСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект №19-49-220006 «Крупные курганы элиты древних и средневековых кочевников на территории Алтайского края как объекты экскурсионно-туристической деятельности: историко-археологические и естественно-научные исследования»)

Заринский район в археологическом отношении является одной из менее всего изученных территорий Алтайского края. Систематические обследования там проводились редко. Однако этот регион важен для изучения древней и средневековой истории, так как он находится на границе Западной и Южной Сибири. В последнее время стала часто поступать информация об археологических находках, которые получены при использовании металлоискателей. В статье рассматривается зафиксированная компетентными органами ситуация, связанная с частичным разрушением историко-культурного памятника федерального значения и незаконным извлечением из него предметов из железа. Изучение кон-

фискованных артефактов осуществлялось на основании официального запроса Управления ФСБ России по Алтайскому краю. Даются подробные описания изделий (удила, тесло, два наконечника стрел), которые дополнены детальными иллюстрациями. Сделано заключение, что найденный комплект относится к периоду раннего Средневековья и может быть связан со сrostкинской культурой.

Ключевые слова: Алтайский край, Заринский район, Стародраченино, археологический памятник, раннее Средневековье, курган, удила, тесло, наконечник стрелы

Целенаправленные археологические обследования и раскопки в Заринском районе Алтайского края проводились редко, хотя данная территория, несомненно, имеет хорошие перспективы для выявления памятников всех исторических эпох. Об этом свидетельствуют имеющиеся немногочисленные археологические объекты и находки [Грушин, Кокшенев, 2004; Гончаров, 2005; Кунгурова, 2013; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016; Тишкин, Фролов, 2020; и др.]. Правобережье Верхней Оби с крупным притоком Чумышом в древности и Средневековье являлась своеобразной культурно-экологической областью, находящейся на стыке Западной и Южной Сибири [Тишкин, 2007, с. 85–85]. Это накладывало определенный отпечаток на формирование и развитие необходимых сфер системы жизнеобеспечения проживавших там народов. В период раннего Средневековья указанный регион входил в границы распространения сrostкинской культуры [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 65], что находит отражение пока в небольшом количестве выявленных археологических памятников, среди которых есть поселения, городища и погребальные комплексы. В современных условиях очень важно выявить и грамотно документировать объекты историко-культурного наследия, которые, как, например, полезные ископаемые, составляют богатство нашей страны, требующее сохранения и приумножения. Однако этой государственной собственности постоянно угрожает опасность со стороны разных разрушительных факторов. В последнее время такой угрозой стало широкое применение металлоискателей, с помощью которых идет добыча не только брошенных металлических объектов хозяйственного плана, но и предметов археологического наследия. Одна из таких ситуаций стала темой данной публикации.

Так, комплект железных изделий, состоявший из удила, тесла и двух наконечников стрел, был незаконно извлечен жителем г. Заринска С.Г. Титовым с помощью металлоискателя на одном из курганов памятника Стародраченино-1 в апреле 2020 г.* По словам находчика, вещи лежали компактно на глубине около 30 см. Эти материалы и фотоснимок объекта, частично вскрытого в разных местах (рис. 1), были переданы для изучения на кафедру археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета на основании официального запроса из Управления ФСБ России по Алтайскому краю. В ходе такой работы

---

* Информацию о привлечении к уголовной ответственности за содеянное смотрите в настоящем сборнике статей [Запрудский и др., 2021].

Рис. 1. Стародраченино-1. Вид на вскрытые участки кургана

предметный комплекс был детально описан, сфотографирован и зарисован (рис. 2–4). Результаты идентификации изделий найдут отражение в нижеизложенном тексте. Сначала важно указать на то, что сотрудники Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края в ходе визуального осмотра памятника археологического наследия «Стародраченино-1, курганная группа» зафиксировали его повреждение. В результате информация поступила в правоохранительные органы, и последовало соответствующее разбирательство, окончившееся уголовным делом. Этот и другие состоявшиеся прецеденты направлены на исправление негативных ситуаций, связанных с увеличением количества случаев использования металлодетекторов для целенаправленной добычи древних и средневековых металлических изделий на памятниках археологии. Очень важно усилить данную работу. Даже на таком хорошо открытом со всех сторон археологическом комплексе, как городище Пикет у с. Сростки [Папин и др., 2017], вся территория изрыта кладоискателями, не говоря уже о памятниках, которые находятся в стороне от населенных пунктов. В прошлом году таким же образом пострадал обнажившийся культурный слой известного памятника периода ранней бронзы Березовая Лука в Алейском районе. А поселение Рубцовское, находящееся рядом городом, несмотря на обращение в прокуратуру, было разнесено при вытаскивании труб шламопровода. И такие случаи можно перечислять в приличном количестве. Важно своевременно на них реагировать, как это произошло в рассматриваемой ситуации.

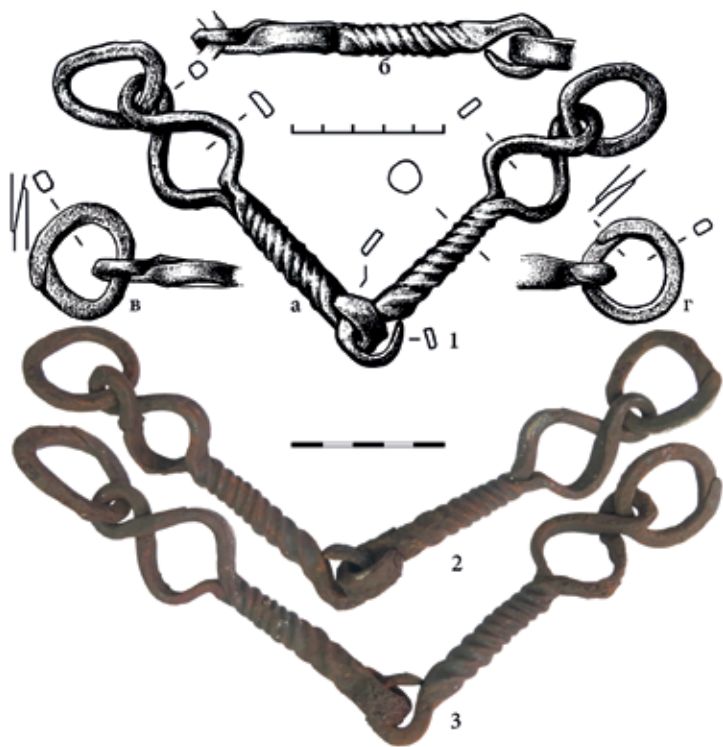

Рис. 2. Стародраченино-1. Железные удила

Курганная группа Стародраченино-1 находится в Заринском районе Алтайского края, неподалеку от одноименного села [Гончаров, 2005, с. 39; Кунгурова, 2013, с. 190]. Она указана в «Перечне объектов археологического наследия на территории Алтайского края, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» (http://ukn22.ru/upload/medialibrary/113/OAN-_2_.pdf), и относится к категории историко-культурных памятников федерального значения (Решение исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов №225 от 21.05.1991). Данное обстоятельство обеспечивает государственную охрану указанного памятника, а найденные с помощью металлоискателя железные предметы непосредственно соотносятся с ним и представляют собой единый комплекс.

Двусоставные железные удила (рис. 2)* имеют крюковое соединение. Грызла звеньев витые, а окончания восьмерковидные, в малое

* Все рисунки вещей для статьи выполнены И.А. Чудилиным, а фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным.

отверстие которых с двух сторон помещены дополнительные кольца, слегка уплощенные при ковке (рис. 2.-1а). Сохранность изделия хорошая (рис. 2.-2, 3). Видны характерные технологические операции кузнеца. Длина всего изделия в развернутом виде определяется в районе 26,5 см. Звенья практически идентичны (рис. 2.-1: а, б), но длина одного составляет 11,4 см, а второго – 11,85 см. Толщина витого грызла в обоих случаях оказалась 1,1 см. Дополнительные кольца получились разными по форме (рис. 2.-1: в, г). Одно сделано округлым, с внешним диаметром около 3,5 см и с внутренним 2,25 см, толщиной до 0,5 см. Второе кольцо ближе к «стремявидной» форме. Его внешние размеры – 3,75×3,3 см, а внутренние – 2,5×2,2 см, толщина – до 0,55 см. У обоих колец видны места соединения загнутого и сплющенного дрота. Звенья делались из раскованного и скрученного прута (рис. 2).

В отличие от удил железное тесло оказалось сильно корродировано (рис. 3). Его длина составляет 7,8 см (все эти и последующие размеры получены с помощью штангенциркуля). Возможно, что лезвие (длиной 4,2 см) было сточено при интенсивной работе. Втулка с внешними размерами 4,6×3,3 см несомкнутая и занимает большую часть изделия. Внутренние ее параметры – 3,7×2,7 см. Толщина полотна по краю втулки – 0,5 см, а в центре – 0,6 см.

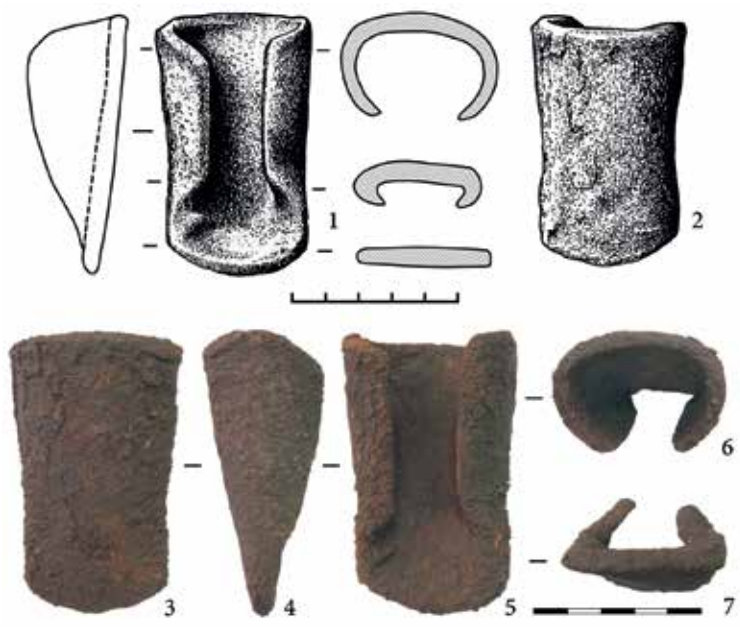

Рис. 3. Стародраченино-1. Железное тесло

Первый наконечник стрелы – железный, трехлопастной, черешковый (рис. 4.-1). Лопасты у основания обломаны. Видно, что они там имели фигурные отверстия. Черешок внизу согнут. Он отделен от пера маленьким, но выделяющимся упором. Длина изделия составляет 10,3 см, из них на перо с упором приходится 4,3 см. Ширина размаха двух лопастей пера оказалась 3,2 см, а одной лопасти – до 2 см. Поражающая часть и острие были заточены.

Второй (бронебойный), трехлопастной, железный черешковый наконечник стрелы имеет длину 9,9 см (рис. 4.-2). Черешок также отделен небольшим упором. Перо состоит из двух частей. Боеголовка выделена, ее длина 2,3 см, есть следы заточки. Длина пера с упором – 4,5 см, ширина – 1,3 см.

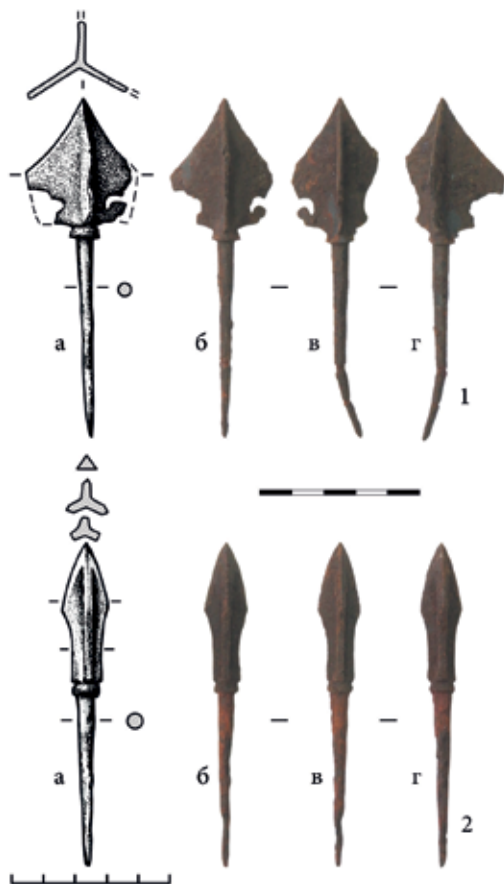

Рис. 4. Стародраченино-4. Железные наконечники стрел

Все представленные предметы однозначно являются археологическими артефактами. Об этом свидетельствуют не только характерная корродированная поверхность, образовавшаяся от длительного пребывания в земле, но и хорошо известные аналогии, обнаруженные специалистами в ходе раскопок раннесредневековых курганов в Алтайском крае и на сопредельных территориях. Весь комплект находок датируется 2-й половиной IX – 1-й половиной X в. н.э. и может быть связан со сrostкинской культурой, испытавшей в указанный период кыргызское влияние [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 56–57, с. 77–78]. Следует также отметить, что аналогичные изделия использовались тюрками Алтая на курайском этапе существования их культуры [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 12–14, рис. на с. 31].

В заключение следует указать, что все археологические объекты требуют сохранения и изучения, а не только те, которые попали в списки памятников федерального значения, что их особо не убергает от негативных воздействий. Об этом свидетельствует ситуация, возникшая с курганными группами Стародраченино-1 и 2, которые еще раньше пострадали от грабительских раскопок [Гончаров, 2005, с. 39], а теперь зафиксированы новые проникновения. Одним из вариантов решения подобных проблем являются спасательные раскопки. Однако для этого необходимы соответствующие ресурсы. В Российской Федерации давно назрела необходимость масштабного выявления и изучения историко-культурного наследия страны в рамках специальной долгосрочной государственной программы или национального проекта, как это сделано, например, в Республике Казахстан.

Библиографический список

- Гончаров А.В. К археологической карте Заринского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2005. Вып. XIV. С. 35–39.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Кунгуров А.Л. Поселения сrostкинской культуры на территории Лесостепного Алтая: идентификационные признаки // Известия Алтайского государственного университета. 2016. №4 (92). С. 218–229.
- Грушин С.П., Кокшенев В.В. Захоронение с антропоморфной скульптурой в Среднем Причумышье // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. С. 35–48.
- Кунгурова Н.Ю. К карте расположения курганов в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2013. Вып. XVIII–XIX. С. 181–191.
- Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Фролов Я.В. Городище Пикет – памятник переходного времени от бронзового века к железному Бийско-Катунского междуречья // Теория и практика археологических исследований. 2017. №1 (17). С. 13–35. DOI: [https://doi.org/10.14258/tpai\(2017\)1\(17\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2017)1(17).-02)
- Тишкин А.А. Культурно-экологические области и контактные зоны на юге Западной Сибири // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культуругенез. СПб., 2007. С. 85–95.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул, 2011. 136 с.: ил.

Тишкин А.А., Фролов Я.В. Металлические находки с территории г. Заринска, Заринского и Кытмановского районов Алтайского края: датировка и рентгенофлюоресцентный анализ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2020. Вып. XXVI. С. 209–216. DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.36

A.A. Tishkin

Altai State University, Barnaul, Russia

EARLY MEDIEVAL IRON PRODUCTS SET FROM THE ZARINSKY DISTRICT, ALTAI REGION

The Zarinsky District in archaeological terms is one of the least studied territory of the Altai Territory. Systematic surveys were rarely carried out there. However, this region is important for the study of ancient and medieval history, as it is located on the border of Western and Southern Siberia. Recently, information about archaeological finds that were obtained using metal detectors has become frequent. The article examines the situation recorded by the competent authorities associated with the partial destruction of a historical and cultural monument of federal significance and the illegal extraction of iron objects from it. The study of the confiscated artifacts was carried out on the basis of an official request from the Directorate of the FSB of Russia in the Altai Territory. Detailed descriptions of artifacts (bit, adze, two arrowheads) are given, which are supplemented by detailed illustrations. It was concluded that the found set belongs to the period of the early Middle Ages and may be associated with the Srostki culture.

Keywords: Altai Territory, Zarinsky District, Starodrachenino, archaeological site, earlier Middle Ages, barrow, bit, adze, arrowhead

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.47

УДК 902(571.150)

А.А. Тишкин¹, А.А. Казаков²

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Барнаульский юридический институт МВД РФ, Барнаул, Россия*

СБОРЫ ПОДЪЕМНОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА У СЕЛА КУРЛЕК В КРАСНОГОРСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

На протяжении многих лет на кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета регулярно поступает информация об археологических находках, которые при разных обстоятельствах обнаруживаются на территории края, соседних и отдаленных регионов. Такие обращения не остаются без внимания. Результаты конструктивного взаимодействия находят отражения в публикациях, в том числе на страницах научно-периодического издания «Сохранение и изучение культурного наследия Алтая». В данной статье представлены краткие сведения о памятнике, который

находится в аварийном состоянии из-за постоянного подмыва берега р. Иша у села Курлек Красногорского района Алтайского края. Летом 2017 г. местный житель во время рыбалки собрал фрагменты керамики и камни, упавшие из культурного слоя на осыпь и отмель. Данная коллекция отражает несколько культурно-хронологических пластов и требует специального изучения. Важным является выявление поселения раннего железного века, отражающее один из исторических этапов освоения северных предгорий Алтая разными социумами.

Ключевые слова: Алтайский край, Красногорский район, Курлек, Иша, археологический памятник, ранний железный век, керамика

В самом начале июня 2017 г. доценту кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (АлтГУ) И.И. Назарову, который занимается изучением этнографии кумандинцев, поступило сообщение из Красногорского района о том, что на берегу р. Иша местным жителем обнаружены фрагменты керамики с орнаментом и отдельные камни. Эта информация была передана одному из авторов статьи, который 9 июня, направляясь с коллегами на базу практик в Чемальский район Республики Алтай, созвонился с находчиком и заехал по дороге к нему, чтобы вместе осмотреть место памятника и собранный подъемный материал.

Как оказалось, большинство находок представляли собой обломки глиняной посуды разного времени. Их нашел и собрал Евгений Сапрыгин 4 июня 2017 г. во время рыбалки, когда при осмотре разрушавшегося берега реки увидел скопления фрагментов керамики. Затем в течение нескольких дней сборы были продолжены. Обломки от сосудов очищались от грязи, омывались и складывались в коробку. При осмотре места археологического памятника в срезе берега фиксировались остатки культурного слоя (рис. 1.-1), а на осыпях и отмели лежали остатки артефактов (рис. 1.-2). Древнее поселение сильно пострадало от постоянного подмыва рекой берега, а также в ходе возведения современных построек (на этом месте находилась сельская усадьба). Как выяснилось, местные жители уже давно находили там керамику, но по этому поводу никуда не обращались. Поселения раннего железного века и другие археологические памятники ранее исследовались на территории Красногорского района Алтайского края. Однако на протяжении последних лет такие работы не проводились. Зато активизировались «черные копатели», которые занимаются незаконной деятельностью и с металлоискателями ищут разные предметы старины. Следы их присутствия отмечены и на территории обнаруженного древнего поселения у с. Курлек. Представленная выше информация нашла краткое отражение в заметке, предназначавшейся для местной газеты «Восход». Она была размещена в одной из социальных сетей и сопровождалась фотоснимками (<https://ok.ru/group/54855228522620/topic/67749774379900>). Там также сообщалось, что в Алтайском крае создано Управление государственной охраны объектов культурного наследия. Поэтому по всем соответствующим вопросам нужно обращаться туда, а для исследования

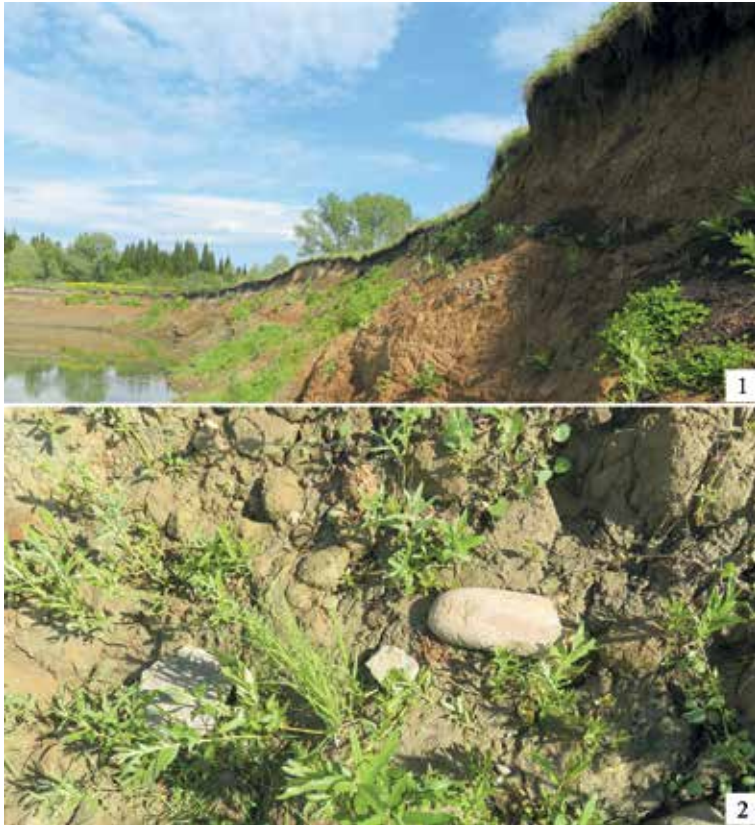

Рис. 1. Поселение у с. Курлек: 1 – вид на остатки культурного слоя; 2 – находки на осыпи берегового обрушения (фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

аварийного участка поселения требуется проведение археологических раскопок на основании специального разрешения.

Коллекция, переданная Е. Сапрыгиным в АлтГУ, представляет собой порядка 200 фрагментов керамики от разных частей сосудов. Есть обломки плоских днищ. Типологически вычлняются четыре комплекса разных культурно-хронологических горизонтов. Первый относится к раннему железному веку и, вероятнее всего, связан с быстринской культурой (рис. 2.-1-3). Второй отражает переходный период к раннему Средневековью или финал раннего железного века, демонстрируя посуду фоминского этапа кулайской культуры (рис. 2.-4-5). Третий комплекс оказался самым представительным и доминирующим в количественном отношении. Он характеризует материалы майминской культуры (рис. 2.-

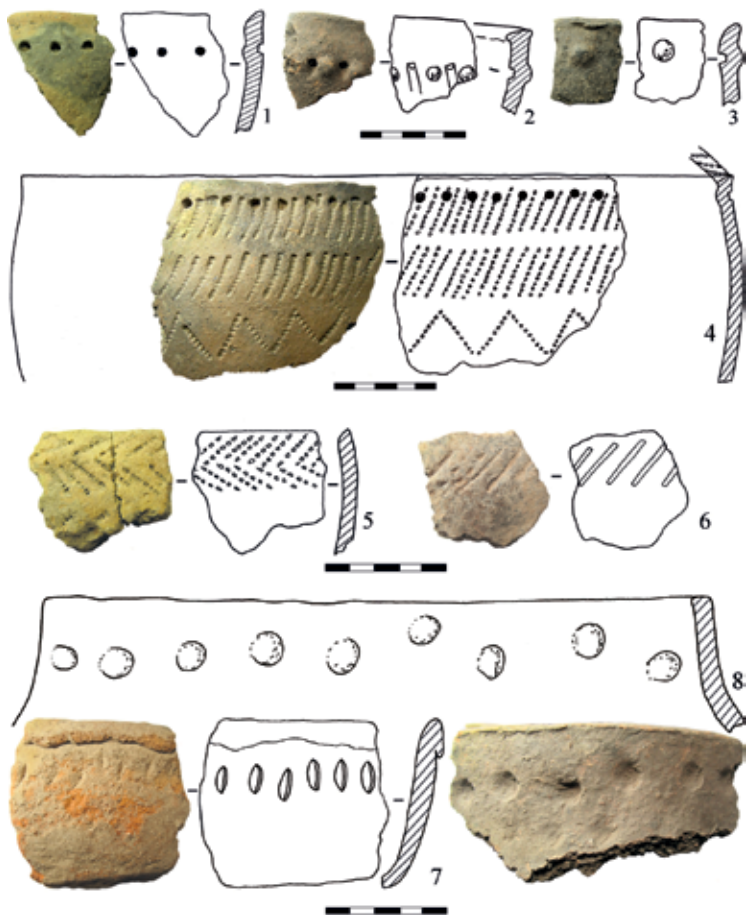

Рис. 2. Керамика поселения Курлек: 1–3 – быстринская культура;
4–5 – кулайская культура; 6–8 – майминская культура
(иллюстрация подготовлена авторами совместно)

6–8). Последний набор находок (фрагмент венчика круговой поливной керамики, кусок чугунной сковороды, два обломка железных предметов неясного назначения) явно свидетельствует о русском заселении территории. Найденные фрагменты зернотерки и куранта (рис. 3) трудно отнести к одному из перечисленных комплексов, так как подобные приспособления бытовали с глубокой древности до этнографической современности.

Недостаточная репрезентативность материала и отсутствие какого-либо документирования находок не дают возможности осуществить

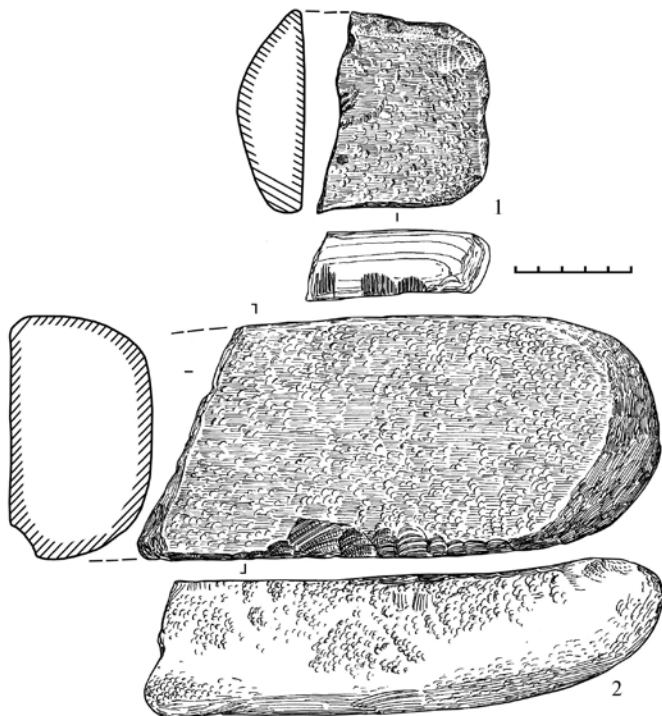

Рис. 3. Обломки зернотерки и куранта с поселения Курлек
(рисунок выполнен А.Л. Кунгуровым)

статистическую обработку и сделать какие-либо заключения. Вполне возможно, что сборы отражают разные места, так как на отмели керамика могла быть принесена с паводком. Следует еще указать, что Е. Сапрыгин позднее в электронном письме упоминал многочисленные находки шлака, обнаруженные неподалеку, а также сообщал, что им получены сведения от жителей с. Курлек, где они еще находили керамику и как уже давно раскопали «старые могилы с монетами в горшках». Эти данные свидетельствуют о необходимости детального археологического обследования территории вокруг села и вообще продолжить работу в районе.

Судя по опубликованным данным, в 1987 г. С.П. Дорофеевым на отмелях р. Иша в районе с. Курлек была собрана коллекция керамики, которая им передана в музей с. Красногорское [Абдулганеев, 2005; 2007, с. 244]. В недавно вышедшей монографии, подготовленной с использованием материалов М.Т. Абдулганеева по майминской археологической культуре, указано, что поселение Курлек располагается на левом берегу р. Иша на террасе высотой порядка 15 м [Кунгурова, Абдулганеев, 2019,

с. 17]. Источник получения этих данных не указан. Керамика представлена как единый комплекс. Однако при ближайшем рассмотрении можно типологически выделить две разнокультурные группы. Одна из них представлена фрагментами глиняной посуды фоминского этапа кулайской культуры, а вторая относится к майминской археологической культуре. Керамика опубликована достаточно качественно. Поэтому выносить ее в приложение не имело смысла [Абдулганеев, 2005, с. 9, рис. 1–3; Кунгурова, Абдулганеев, 2019, с. 145, рис. 57.-1–3, 4: 1–3]. Встречен даже такой культурно-диагностирующий элемент, как S-видный гребенчатый штамп [Кунгурова, Абдулганеев, 2019, с. 145, рис. 57.-2: 1).

Оба представленных керамических комплекса имеют перспективы для дальнейшего изучения, в том числе при проведении технико-технологического анализа. Необходима полная публикация всех находок в контексте полученных результатов.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. Археологические находки из музея с. Красногорское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2005. Вып. XIV. С. 7–10.

Абдулганеев М.Т. Красногорский район в древности // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2007. Вып. XVI. С. 237–304.

Кунгурова Н.Ю., Абдулганеев М.Т. Майминская культура. По материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины 1-й пол. 1 тыс. н.э. Барнаул, 2019. 214 с.

A.A. Tishkin¹, A. A. Kazakov²

¹Altai State University, Barnaul, Russia;

²Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

ARCHAEOLOGICAL MATERIAL PICKED UP NEAR KURLEK VILLAGE IN THE KRASNOGORSKY DISTRICT OF THE ALTAI TERRITORY

For many years, the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of the Altai State University has been regularly receiving information about archaeological finds discovered in different circumstances in the Altai Territory, as well as in neighboring and remote regions. Such information is checked and followed by investigation. The results of constructive interaction have been reflected in publications, such as presented in a scientific periodical “Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai”. This article provides brief information about an archaeological site in critical condition due to the constant bank caving by the Isha River near the village of Kurlek in the Krasnogorsky District of the Altai Territory. In the summer of 2017, when fishing, a local resident collected fragments of ceramics and stones that fell from the cultural layer to the scree and river hirst. The collection reflects several cultural and chronological layers and requires special studying. It is important to identify a settlement of the Early Iron Age, which reflects one of historical stages in developing the northern Altai foothills by different social groups.

Keywords: Altai Territory, Krasnogorsky district, Kurlek, Isha, archaeological site, Early Iron Age, ceramics

А.А. Тишкин¹, Н.А. Пластеева², М.В. Саблин³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург, Россия;

³Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ ЛОШАДЕЙ, ОБНАРУЖЕННЫЕ НА АЛТАЕ ПРИ РАСКОПКАХ ПАЗЫРЫКСКИХ КУРГАНОВ НА ПАМЯТНИКАХ КАТАНДА-II И АРАГОЛ (по материалам Зоологического института РАН)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект №19-59-15001 «Лошади и их значение в жизни древнего населения Алтая и сопредельных территорий: междисциплинарные исследования и реконструкции»)

Статья продолжает публикацию сведений об остеологических остатках пазырыкских лошадей, которые хранятся в фондах Зоологического института РАН (г. Санкт-Петербург). Среди имеющихся коллекций выявлены материалы из курганов таких памятников Алтая, как Катанда-II и Арагол. Первый археологический комплекс в 1920-е гг. изучался С.И. Руденко. Он располагается на участке долины вблизи впадения р. Катанда в Катунь. Там неподалеку в 1865 г. проводил работы В.В. Радлов. В 1925 г. С.И. Руденко удалось раскопать два древних кургана с погребениями рядовых кочевников, которые сопровождалась ритуальными захоронениями лошадей. Второй комплекс был открыт и изучался в 1924–1925 г. на территории Восточного Алтая, неподалеку от известной группы «царских» курганов в урочище Пазырык. В 1929 г. отрядом В.С. Адрианова в ходе плановых работ исследовались три погребальных объекта скифо-сакского времени, где в двух захоронениях оказались костяки лошадей. Всего в указанных курганах найдены остеологические остатки семи коней. В хранилище выявлены неполные скелеты этих животных. Зафиксированные материалы легли в основу археозоологических определений.

Ключевые слова: Алтай, археологические раскопки, пазырыкская культура, лошади, остеологическая коллекция, Зоологический институт РАН, археозоология

В прошлогоднем выпуске аналогичного сборника статей авторами на основе выявленной информации был представлен обзор остеологических коллекций, полученных во время археологических раскопок на Алтае и хранящихся в фондах Зоологического института РАН (г. Санкт-Петербург) [Тишкин, Пластеева, Саблин, 2020]. После этого работа по уточнению фиксируемых материалов была продолжена с учетом сведений из таких музеев, как Государственный Эрмитаж и Русский этнографический музей, а также с привлечением публикаций и архивных материалов. Полученные результаты, касающиеся двух памятников (Катанда-II и Арагол), найдут отражение в данной статье, основная цель которой заключается в обобщении археологических данных и археозоологических определений, необходимом для дальнейшего комплексного изучения лошадей пазырыкской культуры.

В 1925 г. на Алтае под руководством С.И. Руденко были раскопаны два кургана в долине р. Катунь, в 1 км от места впадения в нее левого притока р. Катанда. Оба этих объекта ныне относятся к пазырыкской культуре скифо-сакского времени, а сам памятник Катанда-II находится в Усть-Коксинском районе Республики Алтай неподалеку от одноименного села [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 31]. Сведения о них были кратко опубликованы [Руденко, 1960, с. 13–14, табл. XXI–XXIII]. Здесь укажем только информацию общего характера и ту, которая касается захоронений лошадей.

Курган №1 имел каменную насыпь диаметром 9 м и высотой 0,4 м. На ее поверхности просматривалась западина. В могильной яме (размерами 2,5×1,5 м, глубиной 3,25 м), в северной части ее, обнаружены два скелета лошадей. Погребения двух людей оказались ограбленными и разрушенными. Из находок отмечены железные удила, костяная пронизка и раковина.

Курган №2 представлял собой каменную насыпь (диаметром 13,8 м, высотой 0,65 м), в центре которой фиксировалась западина. В могильной яме (размерами 3,4×2,35 м, глубиной 3,4 м) к северу от погребения женщины находился скелет коня, ориентированный головой на восток. При нем обнаружены железные удила, роговые подпружные пряжки, пряжка-блок для уздечного повода и подвеска из цветного металла.

Стоит указать, что на территории долины р. Катунь около с. Катанда располагается существенное число курганов. Самый крупный из них в 1865 г. раскапывал В.В. Радлов [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 9, 31, 32]. Однако эти работы не охватили всю могильную яму [Радлов, 1989], поэтому по инициативе и под руководством С.И. Руденко в 1954 г. состоялось ее доисследование. В северной части было обнаружено самое многочисленное захоронение коней среди всех известных «царских» курганов пазырыкской культуры. Полученные результаты опубликованы [Гаврилова, 1957]. Кости от 22 лошадей также хранятся в фондах Зоологического института РАН и уже нами рассматривались в одной из недавних публикаций [Пластеева, Тишкин, Саблин, 2018].

Следующий археологический памятник, о котором речь пойдет в данной статье, расположен в небольшом урочище около устья р. Арагол, на правом берегу р. Большой Улаган, в 5–7 км выше по течению от хорошо известного комплекса Пазырык. Он был открыт и частично исследовался в 1924–1925 гг. Алтайской экспедицией Этнографического отдела Государственного Русского музея под руководством С.И. Руденко. В 1929 г. отрядом В.С. Адрианова там раскопаны три кургана скифо-сакского времени. Полученные результаты были частично опубликованы С.И. Руденко [1960, с. 14–16, табл. XVII, XXII, XXIII]. Следует указать, что в 1929 г. отрядом М.П. Грязнова параллельно велись исследования Первого Пазырыкского кургана [Грязнов, 1950; Руденко,

1960, с. 14]. Поэтому в обозначении ниже рассматриваемых остеологических материалов, находящихся в фондах Зоологического института РАН, имелись такие варианты этикеток: «Алтай. Арагол. Грязнов 1929», «Арагол 5, 6. Грязнов 1929» и «Арагол. Грязнов 1929 г.». Данное обстоятельство потребовало дополнительных уточнений, с опорой на указанный номер коллекции (№4391), под которым были зафиксированы находки из раскопок на памятнике Арагол. Следует также указать, что все работы на археологических комплексах Пазырык и Арагол в 1929 г. проводились под общим руководством С.И. Руденко.

Развернутая информация о результатах раскопок трех указанных курганов нашла отражение в небольшой монографии Л.С. Марсадолова [1997, с. 19–20, рис. 15–16], где впервые представлены планы могил и даны прорисовки найденных предметов материальной культуры. Опираясь на эти сведения, кратко представим исследованные объекты, в которых обнаружены скелеты лошадей.

Курган №5 имел каменную насыпь диаметром 8 м и высотой 0,6 м. В могильной яме глубиной 3 м находился деревянный сруб с непогребенным погребением мужчины. За его северной стенкой лежали два скелета лошадей («один над другим, головами на восток» [Руденко, 1960, с. 15]). При них найдены удила, удила с псалиями и две обоймы для перекрестья ремней из цветного металла, а также роговая подпружная пряжка [Марсадолов, 1997, с. 20, рис. 15.-III: 10–13].

Курган №6 имел каменную насыпь диаметром 12 м и высотой 0,5 м. В могильной яме глубиной 3,1 м располагался деревянный сруб с потревоженными погребениями двух людей. В северной части лежали два коня с подогнутыми ногами, головами на восток, с удилами из цветного металла [Марсадолов, 1997, с. 20, рис. 16.-III: 9–10].

Ныне территория, на которой расположен представленный археологический памятник, находится в Улаганском районе Республики Алтай [Константинов и др., 2018, с. 19, 22].

Остеологические материалы вышеуказанных лошадей, несмотря на давность раскопок, оказались доступны для изучения в хранилище Зоологического института РАН (г. Санкт-Петербург). В данной статье представлены предварительные результаты археозоологических определений и их первичный анализ. Эти заключения будут учтены при обобщении аккумулярованных сведений о пазырыкских лошадях Алтая и сопредельных территорий. Некоторые образцы включены в программу палеогенетических исследований. Стоит отметить, что в хранилище обнаружены не целые скелеты, а отдельные кости (например, череп, нижняя челюсть, по одной бедренной, большеберцовой, плечевой или лучевой). Такой перечень представлен в упомянутой статье, где не были выделены материалы из Катанды-II, и они представлены в совокупной характеристике с материалами из Арагола [Тишкин, Пластеева, Саблин, 2020, с. 205].

Как уже было указано, в двух курганах на могильном поле вблизи устья р. Катанды были захоронены три особи лошадей, неполные скелеты которых представлены в сохранившейся коллекции под такими шифрами: 4391-24, 4391-24а, 4391-26, 4391-27. В наличии имеются целые и фрагментированные черепа и нижние челюсти от трех особей, три правые бедренные и три правые большеберцовые кости, две правые плечевые кости и одна левая лучевая кость. Все скелеты принадлежат старым жеребцам. Индивидуальный возраст двух особей составил 15–18 лет, а еще одной – более 18 лет. По высоте в холке две лошади соответствовали группе животных ниже среднего роста (128–136 см), одна может быть отнесена к категории животных среднего роста (136–144 см). Единственный целый череп жеребца под №4391а имеет несколько отверстий в теменной кости от удара чеканом [Тишкин, Пластеева, Саблин, 2020, рис. 2.-1]. Видимых патологических изменений на костях скелета лошадей не отмечено. Результаты сделанных промеров отражены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Абсолютные размеры черепов лошадей из курганов Катанды-II, мм

Шифр особи	Длина базиллярная	Длина зубного ряда	Ширина лба	Высота черепа перед P2
4391-24а	480	173,3	208,3	–
4391-24б	–	155,7	209,6	99,5
4391-27	–	163,8	210,9	96,5

Таблица 2

**Абсолютные размеры костей лошадей из курганов Катанды-II, мм
(n – число экземпляров, dex/sin – правая/левая сторона тела)**

Признак	Элемент скелета		
	плечевая n=2, dex	лучевая n=1, sin	большеберцовая n=3, dex
Длина наибольшая	270–291	337	338,7 / 326–350
Ширина диафиза	30,8–33,7	38,3	38,0 / 36,3–39,5
Ширина верхнего конца кости	81,1–93,1	85,3	86,7–93,7
Ширина нижнего конца кости в суставе	71,8–73,8	67,1	68,5 / 66,5–71,6

В курганах №5 и 6 памятника Арагол были захоронены по две особи лошадей. В сохранившейся коллекции представлены неполные скелеты от двух животных. От первой особи выявлены фрагменты черепа, нижней челюсти, шейный позвонок и большеберцовая кость. Возраст лошади составлял 2–3 года. Пол не установлен. От второй особи сохранились фрагменты черепа, целая нижняя челюсть, две целые плечевые

и лучевые кости (правые и левые), правая лопатка, левые большеберцовая и таранная кости. Кости принадлежали жеребцу в возрасте 12–15 лет (табл. 3). Высота животного в холке, реконструированная по длине трубчатых костей, составляла 128–136 см, что соответствует группе животных ниже среднего роста по градации В.О. Витта [1952].

Таблица 3

Абсолютные размеры костей жеребца из Арагола, мм

Признак	Элемент скелета		
	плечевая	лучевая	большеберцовая
Длина наибольшая	278	325	340
Ширина диафиза	30,7	37,6	38,1
Ширина верхнего конца кости	85,2	80,0	95,5
Ширина нижнего конца кости в суставе	70,8	62,4	70,8

Материалы, представленные в статье, дополняют сведения, которые ранее были получены по результатам изучения лошадей из «рядовых» и «элитных» курганов пазырыкской культуры, раскопанных на Алтае. Они будут учтены при дальнейших исследованиях.

Библиографический список

Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // Советская археология. 1952. Вып. XVI. С. 163–205.

Гаврилова А.А. Раскопки второго Катандинского могильника // Советская археология. 1957. Вып. XXVII. С. 250–268.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 92 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.

Константинов Н.А., Вавулин М.В., Зайцева О.В., Урбушев А.У. Исследование археологических памятников долины реки Большой Улаган (Восточный Алтай) // Древности Сибири и Центральной Азии [Электронный ресурс]. Горно-Алтайск, 2018. №9 (21). С. 17–33.

Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). СПб., 1997. 56 с.

Пластеева Н.А., Тишкин А.А., Саблин М.В. Лошади из Большого Катандинского кургана (Алтай) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2018. Вып. 2. С. 107–109.

Радлов В.В. Из Сибири: (страницы дневника). М., 1989. 718 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с. + 128 табл.

Тишкин А.А., Пластеева Н.А., Саблин М.В. Остеологические коллекции лошадей из археологических памятников Алтая в Зоологическом институте РАН // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2020. Вып. XXVI. С. 203–209. DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.35

A.A. Tishkin¹, N.A. Plasteeva², M.V. Sablin³

¹Altai State University, Barnaul, Russia;

*²Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;*

³Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

**OSTEOLOGICAL REMAINS OF HORSES DETECTED IN ALTAI
DURING EXCAVATIONS FROM THE PAZYRYK BARROWS
AT THE KATANDA-II AND ARAGOL SITES (Based on Materials
from the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences)**

This article continues the publication of information about the osteological remains of the Pazyryk horses, which are stored in the funds of the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg). Among the available collections, materials from the burial mounds of such Altai sites as Katanda-II and Aragol were identified. The first archaeological complex in the 1920s was studied by S.I. Rudenko. It is located in a section of a valley near the confluence of the Katanda River with the Katun River. There, nearby in 1865 V.V. Radlov conducted his work. In 1925, two ancient burial mounds with the burials of ordinary nomads, who were accompanied by ritual burials of horses, were excavated. The second complex was discovered and studied in 1924–1925 on the territory of Eastern Altai, not far from the well-known group of “royal” burial mounds in the Pazyryk tract. In 1929, a detachment of V.S. Adrianov during the planned work researched three burial objects of the Scythian-Saka time with the skeletons of horses in two burials. In total, in these mounds, the osteological remains of seven horses were recorded. Incomplete skeletons of these animals were found in the storage. The recorded materials formed the basis for archaeozoological determinations.

Keywords: Altai, archaeological excavations, Pazyryk culture, horses, osteological collection, Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences, archaeozoology

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.49

УДК 902(571.1)

А.А. Тишкин¹, Г.Г. Русанов²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

*²АО «Сибирское производственно-геологическое объединение»,
Малоенисейское, Россия*

**СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ НА ТЕРРИТОРИИ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ И РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ**

В ходе разведочных изысканий и других специальных работ геологам часто приходится изучать значительные территории, а также осматривать разрушения природного и антропогенного характера. За годы работ на территории Алтайского края и Республики Алтай одному из авторов статьи пришлось неоднократно сталкиваться с разными памятниками археологии и древними изделиями. Информация об этом была передана на кафедру археологии, этнографии и музеологии

Алтайского государственного университета и найдет отражение в подготовленной публикации. Эти материалы отражают связь с древними погребальными объектами разных культур, фиксируют производственные участки, где плавилы железо, и демонстрируют важную единичную находку. В статье описаны обстоятельства их обнаружения, произведена культурно-хронологическая атрибуция предметного комплекса и представлены результаты анализов. Иллюстрации дополняют содержательную сторону осуществленных интерпретаций. Перечисленные находки будут переданы в Музей археологии и этнографии Алтай АлтГУ, а указанные местонахождения требуют дополнительного обследования и возможных раскопок.

Ключевые слова: Алтайский край, Республика Алтай, случайная находка, нож, погребение, керамический сосуд, быстринская культура, пазырыкская культура, рентгенофлуоресцентный анализ, плавильная печь

Материалом для данной статьи послужили случайные находки, полученные в разные годы при проведении геолого-съёмочных работ и бурения скважин на территории Алтайского края и Республики Алтай сотрудниками Горно-Алтайской экспедиции. Такая информация, несомненно, важна не только для научного изучения, но и для учета выявленных памятников историко-культурного наследия обоих субъектов Российской Федерации. Обнаруженные археологические комплексы требуют целенаправленного обследования и документирования, а аварийные погребения необходимо в ближайшее время исследовать.

Металлический двулезвийный нож был найден 26 июля 2012 г. буровым мастером Владимиром Васильевичем Соломиным у восточной границы Поспелихинского района Алтайского края, в междуречье р. Чарыш и Локтевка, у выхода их на Предалтайскую равнину, на поверхности надпойменной террасы, общей для этих двух рек. Находка сделана в 4 км к югу от с. Калмыцкие Мысы (рис. 1.-1)*, из которого на юг идет грунтовая дорога в с. Новофирсово. К востоку от этой дороги, примерно параллельно ей, располагается лесополоса. С восточной стороны ее и по краю пахотного поля проложена обычная полевая дорога. Именно на ней в пыли (около южной оконечности линии защитных посадок) и был замечен древний предмет.

Плоский нож, покрытый слоем светлых матово-зеленых окислов, имеет длину 9,8 см, из них на клинок, у которого обломано острие, приходится 5,8 см (рис. 1.-2-7). Толщина и ширина черена плавно увеличивается от окончания в сторону рабочей части рассматриваемого орудия труда. Он крупный относительно размеров клинка и имеет такие параметры: 4×1-1,8×0,15-0,3 см. Лезвия имели заточку, но одно из них было острее, так что тонкий край со временем загнулся. На обеих поверхностях ножа имеются крупные царапины, по всей видимости, нанесенные сельскохозяйственной техникой. Эти следы и довольно мощные окислы могут указывать на местонахождение изделия не на поверхности, а в земле, откуда его извлекли в процессе пахоты. Клинок имеет листовидную

---

* Место находки обозначено крупным красным кружком.

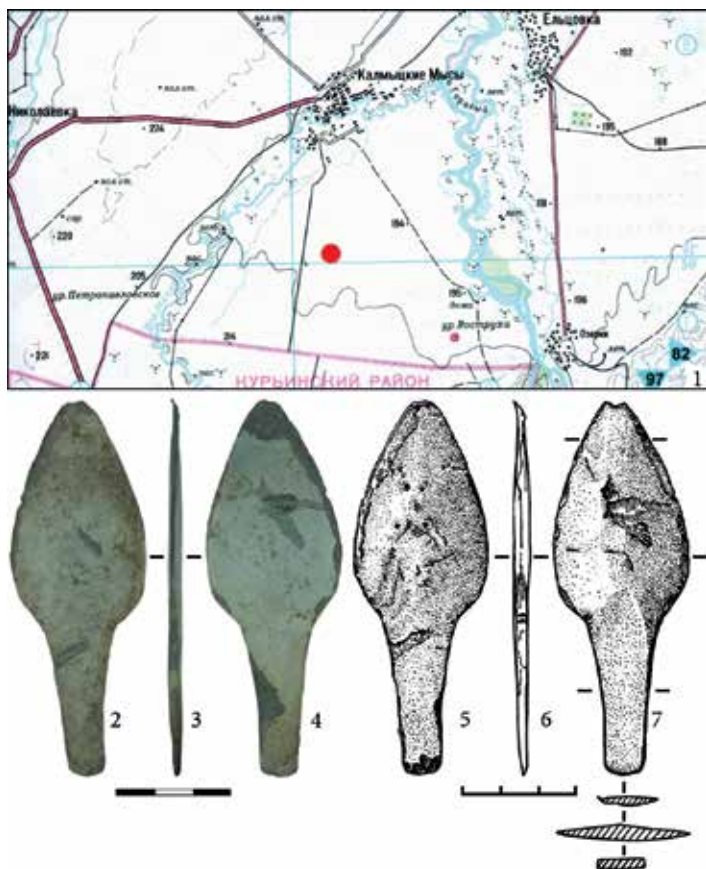

Рис. 1. Местонахождение бронзового ножа и курганов на территории Алтайского края: 1 – часть карты-схемы около границы Поспелихинского и Курьинского районов; 2–4 – фотоснимки древнего изделия (сделаны А.А. Тишкиным); 5–7 – прорисовка находки (выполнена А.Л. Кунгуровым)

форму. Его наибольшая ширина составляет 3,5 см, а толщина с учетом окисленной поверхности слегка превышает 0,3 см. Плечики покатые, с одной стороны хорошо акцентирован переход клинка в черен.

С помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра INNOV-X SYSTEMS ALPHA SERIES™ (модель «Альфа-2000», производство США) на кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул) получены сведения о химическом составе сплава. Сначала тестировалась поверхность ножа, покрытая окислами, и получен следующий поэлементный ряд: Sn (олово) – 62,54%; Cu (медь) –

35,36%; Fe (железо) – 1,49%; Pb (свинец) – 0,36%; As (мышьяк) – 0,25%. Затем трижды в разных местах исследовался участок черена, на котором механическим путем были удалены следы коррозии. Эти схожие результаты свидетельствуют о качественном медно-оловянном (бронзовом) сплаве: 1) Cu – 89,09%; Sn – 10,82%; Pb – 0,09%; 2) Cu – 89,25%; Sn – 10,66%; Pb – 0,09%; 3) Cu – 89,19%; Sn – 10,72%; Pb – 0,09%. Аналогичный результат был получен при изучении прибором окончания клинка, освобожденного от окислов: Cu – 88,28%; Sn – 11,63%; Pb – 0,09%. Несколько увеличенное содержание олова, возможно, связано с систематической заточкой ножа, который, скорее всего, был отлит в односторонней форме, а затем дополнительно оформлен для нужного функционального состояния.

Детально представленная находка, несомненно, относится к эпохе бронзы. При этом ее можно предварительно датировать ранним периодом и связать с елунинской археологической культурой. Сама форма ножа простая и нацелена на хозяйственное использование. Подобные изделия выполняли режущие функции и особенно хороши при работе с кожей и берестой. С ходу выполненный поиск аналогий не дал идентичных экземпляров. Поэтому данный процесс надо продолжить в соответствующем контексте. Однако необходимо отметить наличие архаичных черт у рассматриваемой находки, которые имеют ножи афанасьевской культурно-исторической общности (см., например: [Погожева и др., 2006, рис. 68; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010, рис. 7.-1; и др.]). Близкое по предполагаемому времени изделие обнаружено на стоянке Экибастуз-17 в Казахстане [Мерц, 2019, рис. на с. 91].

Завершая тему, связанную с идентификацией найденного металлического ножа, необходимо отметить еще один факт. Примерно в 6 км к юго-востоку от указанного места в сторону с. Озерки, в урочище Воструха, в 3 км к западу от левого берега Чарыша на той же террасе и на поле находятся два или три кургана высотой примерно 1 м, насыпи которых выложены камнями (рис. 1.-1)*.

Следующие находки были получены в Кош-Агачском районе Республики Алтай. В ходе осмотра правого берега р. Джазатор в 2,15 км выше устья левого притока р. Ильдегем были обнаружены две могилы. Там у дороги река, делая крутую излучину, интенсивно подмывает правый берег и образует обрыв высотой 11 м. Одна могила почти полностью обрушилась в реку. В стенке обнажения остались лишь плоские камни, лежавшие на глубине более 1 м. Среди них находились отдельные человеческие кости (ребро, фрагмент верхней челюсти и др.), которые, судя по размеру, могли быть детскими. Там же лежал маленький металлический нож с обломанным клинком, покрытый окислами зеленого цвета (рис. 2). Вторая видимая могила оставалась целой. Данная

---

* Место расположения курганов обозначено маленьким красным кружком с точкой в центре.

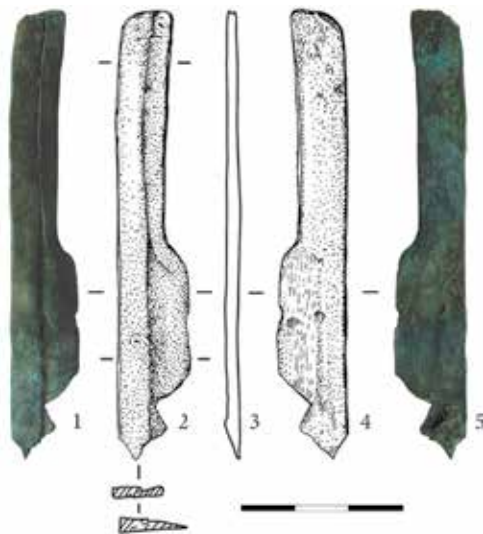

Рис. 2. Медный нож из обрушившейся могилы на берегу р. Джазатор (фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным, прорисовки выполнены А.Л. Кунгуровым)

информация с более точными координатами была передана археологу Горно-Алтайского государственного университета Н.А. Константинову для проведения обследования и спасения археологического объекта.

Судя по находке ножа, обрушившаяся могила относится к пазырыкской культуре скифо-сакского времени. Аналогичные изделия широко использовались ранними кочевниками Алтая в погребальной практике [Марсадолов, 1997, рис. 16.-4, 11; Кирюшин и др., 2020, табл. 35.-5, 6, 37.-1-8; и др.]. Их в основном находят рядом с сопроводительной пищей для покойника в виде крестцовой или крестцово-поясничной части овцы, положенной на деревянное блюдо. С помощью вышеуказанного рентгенофлуоресцентного спектрометра осуществлено тестирование металлической находки для определения химического состава сплава. Сначала исследовалась поверхность рукояти, покрытая окислами. Получены следующие показатели: Cu – 99,37%; As – 0,37%; Ni (никель) – 0,14%; Fe – 0,07%; Pb – 0,05%. Затем в двух разных местах изучался участок, освобожденный от коррозии. Зафиксированы такие результаты: 1) Cu – 99,26%; As – 0,54%; Ni – 0,13%; Pb – 0,07%; 2) Cu – 99,27%; As – 0,57%; Ni – 0,16%. Представленные заключения свидетельствуют, что ритуальный нож был изготовлен из отлитой медной пластины. Размеры сохранившейся части изделия следующие: длина – 8,35 см, из которых рукоять занимает 4,5 см; ширина клинка – 1,3 см, рукояти – 0,95 см; толщина обуха клинка и рукояти одинаковая и со-

ставляет 0,2 см. Рукоять отделена от клинка хорошо заметным скошенным уступом шириной 0,3 см. На одной стороне ножа (рис. 2.-1, 2) хорошо видна неровная линия, которая образовалась в ходе изготовления необходимого орудия путем загибания краев пластины и последующей проковки. Вторая сторона относительно ровная (рис. 2.-3-5). Лезвие клинка было хорошо заточено.

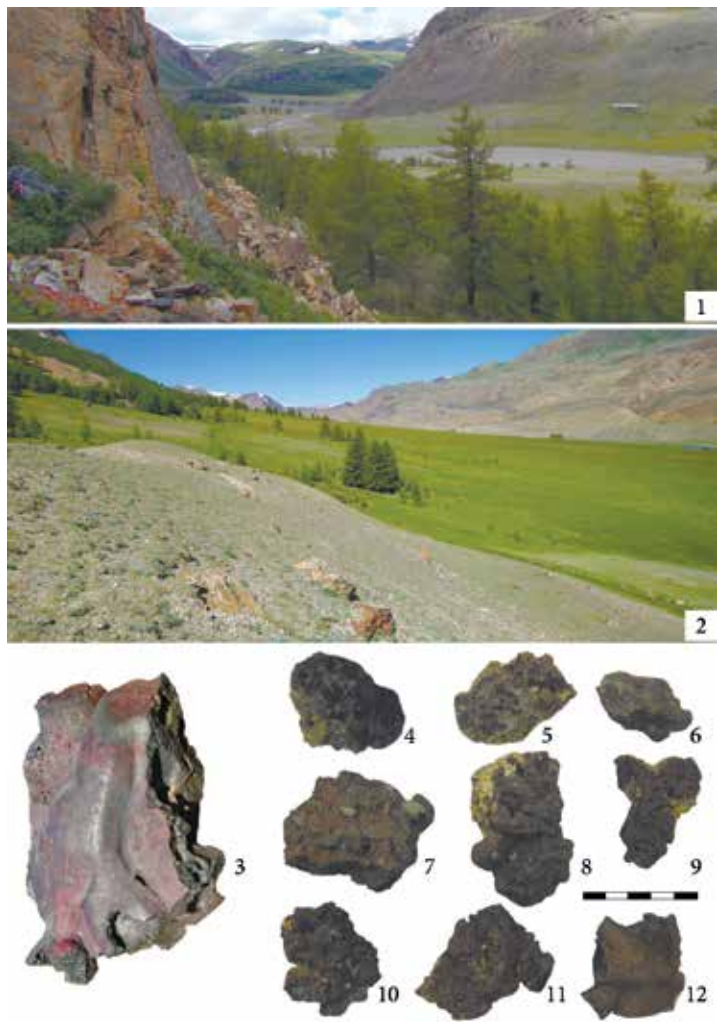

Рис. 3. Местонахождения остатков железоплавильных печей (1, 2) и куски шлака (3-12) (фотоснимки выполнены В.С. Рузаевым)

Следующие важные находки происходят из долин р. Джело (рис. 3.-1) и Талдура (рис. 3.-2) в районе Южно-Чуйского хребта (Кош-Агачский район Республики Алтай). В июне 2019 г. и августе 2020 г. геолог Горно-Алтайской экспедиции Василий Семенович Рузаев нашел остатки печей и шлак возле них (рис. 3.-3–12). Эти объекты требуют отдельного изучения, поэтому в данной статье их только обозначим. В настоящее время такая тема стала специально разрабатываться [Водясов, Зайцева, Константинов, 2019; Пушкарев, Вавулин, 2019; Vodyasov et al., 2020], и важно учитывать все объекты для понимания хронологии и масштаба деятельности в разные периоды древней и средневековой истории.

Первый пункт выявлен в долине р. Джело (левый приток р. Талдура). Он находится в 4 км выше устья на абсолютной высоте 2270 м. На переднем плане представленного фото (рис. 3.-1), в правом нижнем углу (между лесом и речкой), видна часть поляны, на которой найдены остатки печи со скоплениями шлака (координаты X – 15559450; Y – 5537150). У противоположного склона находится животноводческая стоянка, а левее и выше нее у поворота долины Джело располагаются скалы с выходами гематита. Демонстрируемые условия являются благоприятными для плавки железа.

Второй пункт зафиксирован на правом борту долины р. Талдура. Он находится на абсолютной высоте 2130 м (координаты X – 15567146; Y – 5536526). На представленном снимке (рис. 3.-2) в левом нижнем углу видна поверхность морены, где обнаружены скопления шлака и обожженной глины. Образцы шлака были взяты для анализа. На том же моренном вале фиксируются остатки печи.

Аналогичный пункт нашел один из авторов статьи в июне 2008 г. Остатки печи (шлак и обожженная глина) отмечены на левом берегу ручья Бураты у выхода его в Чуйскую котловину на абсолютной высоте 2030 м. Оттуда до месторождения Рудный Лог (спекулярит или чешуйчатый гематит) расстояние составляет всего 8–10 км к югу. Имеются результаты химического (силикатного) анализа шлака из долины рч. Бураты на содержание основных породообразующих окислов. Они получены 7 июля 2010 г. в ОАО «Западно-Сибирский испытательный центр» (г. Новокузнецк). Основная цель заключалась в определении содержания железа и его видов (трехокись, двуокись), так как спектральными полуколичественным и количественным анализами железо не определяется. Представим выявленные показатели: SiO₂ – 33,22%; TiO₂ – 0,07%; Al₂O₃ – 1,87%; Fe₂O₃ – 6,12%; FeO – 56,51%; MnO – 0,08%; MgO – 0,24%; CaO – 0,88%; Na₂O – 0,02%; K₂O – 0,39%; P₂O₅ – 0,04%; CO₂ – 0,10% (S общая – 0,10%; ППП (потери при прокаливании) – 0,05%; Σ (сумма) – 99,69%;). Высокие содержания FeO свидетельствуют о том, что в качестве руды для плавки использовался гематит.

Следует также указать, что результаты изучения железоплавильной печи в долине р. Чуя, на правом берегу приустьевой части ручья Куяхтанар опубликованы [Гутак, Русанов, 2013].

2 октября 2020 г. в Солтонском районе Алтайского края на гриве между селами Тосток и Сузоп при обследовании старого заброшенного карьера глубиной около 5 м (рис. 4.-1) одним из авторов статьи обнаружено, что в стенке под толщей чернозема мощностью 0,6 м (на кровле покровных лессовидных суглинков) торчали кости. Ниже на осыпи лежали разрозненные части человеческого скелета (рис. 4.-2, 3). Судя по ситуации, при разработке карьера была частично задета древняя неглубокая могила, которая стала постепенно обваливаться в ходе природного воздействия. При дальнейшем осмотре обнаружен маленький глиняный сосуд темного цвета (рис. 5). Все упакованные находки были доставлены на кафедру археологии, этнографии и музеелогии АлтГУ для изучения.

Керамический горшок темного цвета был заполнен землей, у него отсутствовала часть венчика и тулова (рис. 5.-1, 2). Сосуд закрытой баночной формы имеет плоское дно диаметром около 4 см. Высота изделия составляет 8,8–8,9 см, диаметр по венчику, который имеет местами

Рис. 4. Место обнаружения древней могилы в Солтонском районе у с. Тосток

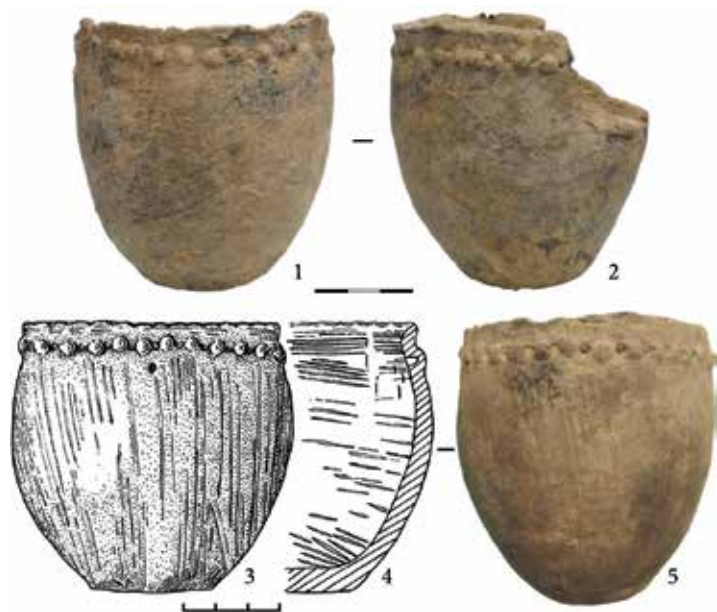

Рис. 5. Керамический сосуд из древнего погребения у с. Тосток
(рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым, фотоснимки сделаны авторами статьи)

выраженный срез, – 7,8–7,9 см. Толщина стенок 0,4–0,5 см. На поверхности и внутри заметны следы заглаживания (рис. 5.-3–5). Обжиг был недостаточно хорошим, сломы в основном черные. Емкость у венчика орнаментирована рядом чередующихся «жемчужин» и ямок. Аналогии описанному сосуду можно в достаточно количестве найти в материалах быстринской культуры скифо-сакского времени [Фролов, 2019]. Обнаруженный памятник следует обозначить «Тосток». Необходимо доисследовать оставшуюся часть могилы, а также произвести небольшие раскопки, чтобы определить характер могильника.

Представленные выше находки будут переданы в Музей археологии и этнографии Алтая АлтГУ, а выявленные памятники есть смысл зафиксировать для дальнейшего изучения.

Библиографический список

Водясов Е.В., Зайцева О.В., Константинов Н.А. Феномен железоплавильных печей кош-агачского типа в Горном Алтае // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. Улан-Удэ, 2019. С. 130–132.

Гутак Я.М., Русанов Г.Г. О возрасте железоплавильных печей урочища Куяхтанар (Горный Алтай) // Вестник Сибирского государственного индустриального университета. 2013. №2 (4). С. 18–29.

Кириюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П. Тыткескенский археологический микрорайон Северного Алтая: культурно-хронологические комплексы поздней древности и раннего Средневековья. Барнаул, 2020. 296 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 4).

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Афанасьевско-чумурчская курганная группа Кургак Гови (Хууртай Говь) и вопросы внешних связей афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 91–108.

Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). СПб., 1997. 56 с.

Мерц В.К. Краткая история развития материальной культуры Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2019. 142 с.

Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006. 234 с.

Пушкарев А.А., Вавулин М.В. Результаты поиска археометаллургических объектов с помощью магнитной разведки на стоянке Куяхтанар // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. №62. С. 165–169. DOI: 10.17223/19988613/62/19

Фролов Я.В. Быстринская культура // История Алтая: В 3 т. Т. 1. Древнейшая эпоха, древность и средневековье Барнаул, 2019. С. 234–242.

Evgeny V. Vodyasov, Olga V. Zaitceva, Mikhail V. Vavulin, Andrei A. Pushkarev. The earliest box-shaped iron smelting furnaces in Asia: New data from Southern Siberia // Journal of Archaeological Science: Reports 31 (2020) 102383 <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2020.102383>

A.A. Tishkin¹, G.G. Rusanov²

¹*Altai State University, Barnaul, Russia;*

²*Siberian Production and Geological Association, Maloeniseiskoe, Russia*

RANDOM FINDS ON THE TERRITORY OF THE ALTAI KRAI AND THE REPUBLIC OF ALTAI

In the course of exploration and other special work, geologists often have to study large areas, and inspect natural and anthropogenic destruction. Over the years of work on the territory of the Altai Territory and the Altai Republic, one of the authors of the article had to repeatedly research various archaeological sites and ancient products. Information about this was transferred to the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of Altai State University and will be reflected in the prepared publication. These materials reflect the connection with ancient burial objects of different cultures, record production sites where iron was smelted, and demonstrate an important single find. The article describes the circumstances of their discovery, makes the cultural-chronological attribution of the subject complex and presents the results of the analyzes. The illustrations complement the content of the interpretations carried out. The listed finds will be transferred to the Museum of Archaeology and Ethnography of Altai ASU, and the indicated locations require additional research and possible excavations.

Keywords: Altai Territory, Republic of Altai, accidental find, knife, burial, ceramic vessel, Bystryanskaya culture, Pazyryk culture, X-ray fluorescence analysis, melting furnace

О.А. Федорук, А.С. Федорук

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КЕРАМИКИ 1-Й ПОЛОВИНЫ XX в. С ТЕРРИТОРИИ ТАБУНСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Работа посвящена публикации материалов технико-технологического анализа керамики, обнаруженной на четырех ныне не существующих населенных пунктах, основанных в период проведения Столыпинских реформ на территории современного Табунского района Алтайского края. В результате исследования установлено, что здесь преобладали керамические изделия из глин средней и сильной степени ожелезненности, различной пластичности. Зафиксировано три рецепта формовочных масс. Обжиг большинства изделий производился при высоких температурах с доступом кислорода. Основная масса изделий не подвергалась дополнительной обработке поверхности, встречаются также глазированные изделия, один сосуд был орнаментирован.

Полученные данные хорошо соотносятся с имеющимися письменными и этнографическими источниками. Дальнейшее проведение технико-технологического анализа керамики «русского» периода, а также работа в русле археолого-этнографических исследований может дать более полную информацию об уровне развития гончарного производства на Алтае, а также выявить специфику и локальные особенности его отдельных районов.

Ключевые слова: гончарство, керамика, 1-я половина XX в., Алтай, технико-технологический анализ

Керамика XX в., происходящая с территории Алтайского края, редко становится самостоятельным объектом научного исследования. При обилии разнообразных письменных и этнографических данных рассмотрение предметов материальной культуры в качестве источников дополнительной информации зачастую игнорируется. Вместе с тем всестороннее изучение керамических изделий, и в частности технологии их изготовления, позволяет более детально изучить гончарные традиции населения Алтая и существенно дополнить имеющиеся письменные и этнографические источники. Рассмотрение керамики отдельных районов и населенных пунктов края дает возможность проследить процессы культурной адаптации различных групп населения и вычлнить локальную специфику гончарного производства.

Целью настоящей работы является введение в научный оборот результатов технико-технологического изучения керамики, происходящей из ряда населенных пунктов, основанных в период проведения столыпинских аграрных преобразований на территории современного Табунского района Алтайского края.

С помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 изучались поверхность образцов и свежие изломы по методике, разработанной А.А. Бобринским [1978; 1999]. Основная задача в работе сводилась к выявлению специфики культурных традиций на двух ступенях производственного процесса: навыков отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс, относящихся к подготовительной стадии изготовления керамики [Бобринский, 1978, с. 15]. При исследовании особенностей исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин (для этого они дополнительно нагревались в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °С), пластичность, характер содержащихся в них грубых примесей, случаи использования одной или двух глин.

Коллекция из с. Егоровка (Пятилетка). Село существовало с 1909 по 1950-е гг. По данным за 1926 г. состояло из 88 хозяйств (проживало 489 человек). Основное население – украинцы [Список населенных мест..., 1928, с. 362]. В последние годы бывшая территория села стала распахиваться. Рассматриваемая керамика поднята весной 2020 г. с поверхности пашни в восточной части села. Ранее уже опубликованы результаты изучения семи образцов, обнаруженных в 2017 г. на распаханном участке в северной части села [Федорук и др., 2020].

Исследован 21 образец. Пять сосудов были покрыты глазурью: по два образца – желтой и прозрачной глазурью, еще один – зеленой. Толщина стенок от 0,4 до 0,7 см. Все сосуды изготовлены с применением гончарного круга.

Исходное сырье представлено в 10 случаях среднежелезистыми глинами, столько же образцов было изготовлено из сильножелезистых глин. Один сосуд был изготовлен из смеси ожелезненной и нежелезистой глины. В 10 случаях использовалось пластичное сырье, в шести – среднепластичное, в пяти – низкопластичное. Всего зафиксировано семь видов исходного сырья (табл.).

Виды исходного сырья

	Глины	Егоровка	Петропавловка	Славянка	Ольшанка
Среднежелезистые	пластичные	6	6	1	8
	среднепластичные	3	5	1	–
	низкопластичные	1	–	–	–
Сильножелезистые	пластичные	4	–	2	–
	среднепластичные	3	1	4	–
	низкопластичные	3	–	–	–
Нежелезистые	пластичные	–	–	1	–
	низкопластичные	1	–	–	–

Большинство сосудов изготовлено из одного вида глины без искусственных добавок, один экземпляр был изготовлен из смеси двух глин. В исследованной ранее коллекции со сборов в данном населенном

пункте также было зафиксировано два образца с искусственной примесью органики (выжимки навоза) [Федорук и др., 2020, с. 110]. Таким образом, в данном населенном пункте присутствуют сосуды, изготовленные по трем различным рецептам формовочных масс: один вид глины, смесь двух глин, глина+органика.

Изучение цвета поверхности и изломов образцов позволяет предполагать, что обжиг изделий происходил в различных условиях. Семнадцать образцов имеют равномерно красный окрас излома, что свидетельствует о высокотемпературном обжиге (650–700 °С и выше) в окислительной среде (с доступом кислорода). Один образец имеет трехцветный окрас (черный по центру и красный по краям), еще один образец имел двухцветный, черно-красный слом. Двух- или трехцветный окрас излома мог получаться при обжиге сосудов в условиях окислительной атмосферы при кратковременной выдержке при температурах каления. Два образца на сломе были темно-серыми, такой цвет мог получаться в результате обжига при низких температурах либо в восстановительной среде без доступа кислорода.

В целом новая коллекция идентична ранее изученной по исходному сырью, формовочным массам и условиям обжига.

Коллекция из с. Петропавловка. Населенный пункт существовал с 1909 по 1970-е гг. В 1926 г. в селе насчитывалось 103 хозяйства (601 человек). Основное население – украинцы [Список населенных мест..., 1928, с. 362]. Территория поселка в настоящее время частично распаивается. Исследована керамика, поднятая с поверхности пашни в центральной части села в мае 2020 г.

Исследовано 12 образцов. Толщина стенок сосудов от 0,3 до 0,8 см. Все сосуды изготовлены с применением гончарного круга.

В качестве исходного сырья в 11 случаях была использована среднеожеженная глина, в одном – сильноожеженная. Шесть экземпляров было изготовлено из среднепластичной глины и столько же из пластичной. Всего зафиксировано три разновидности исходного сырья (табл.).

Все исследованные сосуды изготовлены из одного определенного вида глины, применение искусственных добавок не зафиксировано.

Большинство сосудов имели слом однородного красного цвета, один образец на сломе был черного цвета, еще один – серого. Три образца имели трехцветный окрас – ярко-красный по краям и более темный в центре.

Коллекция из с. Славянка (участок №39, Бель-Табун). Существовало в период с 1909 по 1959 г. В 1926 г. поселок являлся центром Славянского сельсовета Славгородского района Славгородского округа Сибирского края и насчитывал 130 хозяйств (674 человека). Основное население – украинцы [Список населенных мест..., 1928, с. 364]. Исследованию подвергнуты фрагменты сосудов, поднятые с поверхности южной части села летом 2020 г.

Исследовано девять образцов. Один сосуд покрыт желтой глазурью. Толщина стенок от 0,4 до 1,8 см. Все сосуды изготовлены с применением гончарного круга.

Исходное сырье представлено сильноожеженными (шесть сосудов), среднеожеженными (два экземпляра) и нежеженными (один сосуд) глинами. Среднепластичное сырье использовано при изготовлении пяти сосудов, пластичное – четырех. Всего зафиксировано пять разных видов исходного сырья (табл.).

Все исследованные образцы изготовлены по одному рецепту формовочных масс: использование одного вида глины. Искусственных добавок не зафиксировано. Судя по цвету изломов, сосуды обжигались при высоких температурах в окислительной среде.

Коллекция из с. Ольшанка. Село существовало с 1909 по 1970 г. В 1926 г. состояло из 86 хозяйств (435 человек). Основное население – украинцы [Список населенных мест..., 1928, с. 360]. Исследованию подвергнуты фрагменты сосудов, поднятые с поверхности в центральной части села летом 2020 г.

Исследовано семь образцов. Все сосуды изготовлены с применением гончарного круга. Толщина стенок от 0,5 до 0,8 см. Все исследованные образцы были изготовлены из одного вида исходного сырья – среднеожеженной пластичной глины (табл.). Случаев добавления искусственных примесей не зафиксировано. Керамика была подвергнута высокотемпературному окислительному обжигу (слом однородного красного цвета).

Суммируя полученные результаты, можно говорить о том, что в исследованной серии керамики преобладали изделия из глин средней и сильной степени ожеженности, встречаются также изделия из нежеженной глины. Для изготовления посуды использовали в основном пластичные и среднепластичные глины, редко – низкопластичные. В ходе анализа представленных коллекций зафиксировано три рецепта формовочных масс. Большая часть посуды была изготовлена из одного вида глины, встречаются также изделия из смеси двух глин, из глины с искусственной добавкой органики (выжимки навоза).

Все исследованные сосуды были изготовлены с применением гончарного круга, однако более детально установить способ конструирования сосудов не представляется возможным из-за небольшого размера фрагментов. Большинство гончарных изделий было обожжено при высоких температурах в окислительной среде, зафиксированы также изделия, обожженные при низких температурах либо в восстановительной среде без доступа кислорода. Основная масса исследованных сосудов не подвергалась дополнительной обработке поверхности. Встречаются также глазированные сосуды. Отмечено использование трех различных глазурей: бесцветной, зеленой, желтой. Один сосуд был дополнительно декорирован орнаментом в виде двух прямых прочерченных линий. Что касается фор-

мы сосудов, то достоверно определить ее для большинства образцов затруднительно в силу фрагментированности коллекции. Форму одного образца (из с. Ольшанка) можно определить как горшок, еще один фрагмент (с. Петропавловка) представлял собой часть ручки, возможно, от кувшина.

Сопоставление полученных результатов с опубликованными этнографическими данными и письменными источниками позволило выявить, что в изученной керамической коллекции присутствуют сосуды, изготовленные по двум из трех наиболее распространенных на Алтае видов формовочных масс: использование одного вида глины, смесь двух глин, смесь глины и песка [Мамонтова, 2015, с. 18]. Что касается еще одного ранее выявленного рецепта – глина+органика (выжимки навоза), то данный рецепт не был зафиксирован в ходе этнографических исследований на территории края. Однако по данным соседних регионов установлено использование органики (навоза) при изготовлении лепной посуды в домашнем керамическом производстве русского населения Сибири [Татаурова, 1997, с. 11].

Обжиг изделий мог производиться в печи или горне, применялись также более примитивные костровой и очажной виды обжига [Мамонтова, 2015, с. 20]. Костровой, очажной и печной обжиг были характерны для домашнего производства, горны использовались в гончарных мастерских [Татаурова, 1997, с. 12; Володина, 2012, с. 116–117]. Зафиксированные в исследуемой коллекции виды глазури и орнаментация также являлись одними из наиболее распространенных на Алтае [Мамонтова, 2014, с. 119].

Таким образом, полученные в результате технико-технологического анализа данные хорошо соотносятся с письменными и этнографическими источниками. Дальнейшая работа по технико-технологическому анализу русской керамики, а также проведение археолого-этнографических исследований может дать более полную информацию об уровне развития гончарного производства на Алтае, а также выявить его специфику и локальные особенности.

Библиографический список

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 5–109.

Володина В.С. Русское гончарное производство в Томской губернии XVII – начала XX в. по материалам письменных источников // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. №2 (18). С. 111–118.

Мамонтова О.С. Гончарство русского населения Алтая в конце XIX – первой половине XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2014. 258 с.

Мамонтова О.С. Гончарство русского населения Алтая в конце XIX – первой половине XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2015. 25 с.

Список населенных мест Сибирского края. Том I. Округа Юго-Западной Сибири. Новосибирск, 1928. 831 с. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000245182/>

Татаурова Л.В. Керамическое производство Нижней Тары в XVII–XX веках (по данным археологии и этнографии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 17 с.

Федорук О.А., Федорук А.С., Головченко Н.Н., Назаров К.А. Технико-технологический анализ керамики русского периода с территории Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2019 г. Барнаул, 2020. Вып. 15. С. 107–112.

O.A. Fedoruk, A.S. Fedoruk

Altai State University, Barnaul, Russia

**TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL STUDY OF CERAMICS
OF THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY FROM
THE TERRITORY OF THE TABUNSKY DISTRICT OF THE ALTAI REGION**

The article is devoted to the publication of materials of a technical and technological analysis of ceramics discovered on four nowadays non-existent settlements, founded during the Stolypin reforms, on the territory of the modern Tabunsky district of the Altai region. As a result of the study, it was found that ceramic products from clays of medium and strong ferrous content, of various plasticity prevailed there. Three recipes for molding materials have been founded. Most of the products were fired at high temperatures with oxygen access. Most of the crockery were not subjected to additional surface treatment; glazed items are also found, one vessel was ornamented.

The data obtained agree with the available written and ethnographic sources. Further work on the technical and technological analysis of “Russian” ceramics, as well as conducting archaeological and ethnographic research, can provide more complete information about the level of development of pottery production in Altai, as well as reveal the specifics and local features of different districts.

Keywords: pottery, ceramics, the first half of the 20th century, Altai, technical and technological analysis

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.51

УДК 903.5(571.1)

А.В. Харинский^{1,2}, М.А. Портнягин¹, Г.Л. Иванов³

*¹Иркутский национальный исследовательский
технический университет, Иркутск, Россия;*

²Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия;

³Иркутский областной краеведческий музей, Иркутск, Россия

**СОЛЯНКА – ПОЙМЕННОЕ ГОРОДИЩЕ-СВЯТИЛИЩЕ
КУДИНСКОЙ ДОЛИНЫ (Предбайкалье)**

Древние святилища, расположенные на возвышенных участках местности, стали известны исследователям на территории Кудинской долины (Предбайкалье) уже в конце XIX в. Их территория отделена от окружающей мест-

ности оградительными сооружениями – валами или рвами. В связи с этим они получили название городища-святилища. На их территории проводились ритуалы, посвященные небесным божествам. В настоящее время подобные археологические объекты датируются в пределах I – начала II тыс. н.э.

В 2019 г. на одном из древних святилищ, расположенных в местности Солянка, проводились земляные рекогносцировочные работы. В отличие от остальных городищ-святилищ, Солянка находится в пойме реки на небольшом холме, окруженном канавой. Диаметр святилища 36 м. Судя по его геоморфологическому положению, вероятно, оно было посвящено «хозяину» реки Куды или долины, по которой она протекает. К югу от древнего святилища располагается современная ритуальная площадка. На ней бурятское население проводит обряды, посвященные «хозяину местности». В ее центре установлен деревянный столб сэргэ, возле которого располагаются очаг, скамейки и столы, используемые для проведения ритуала.

Ключевые слова: Байкальский регион, Кудинская долина, городище-святилище, канавка-ров, сэргэ, шурфовочные работы

Первые сведения об археологическом объекте Солянка были получены в 1978 г. В.В. Свиным от местного населения. Исследователь упоминает о нем как о древнем городище – укрепленном поселении, которое приписывается гуннам (I в. н.э.) [Свинин, Аксенов, 1978, л. 7]. В 1979 г. памятник осмотрен археологическим отрядом Иркутского государственного университета под руководством В.С. Зубкова [1979], но никаких сведений о нем приведено не было, фотографии также отсутствовали.

Весной 2017 г. А.В. Харинским, Г.Л. Ивановым и М.А. Портнягиным предприняты поиски городища в местности Солянка (Эхирит-Булагатский район Иркутской области). Памятник был обнаружен. Он располагается на левом берегу р. Куды, в 320 м к северу от молочно-товарной фермы Солянка. В 290 м к югу от территории археологического объекта проходит проселочная дорога из д. Черемушки в улус Батхай. Окрестности памятника поросли луговыми и степными ассоциациями растений. Археологический объект занимает округлый холм, с западной, северной и восточной сторон окруженный низкой поймой р. Куды, покрытой кочками. Холм (высота 487 м над уровнем мирового океана) по кругу обнесен канавкой-рвом и расположенной с наружной стороны от него небольшой насыпью. Ширина насыпи 1 м, высота до 30 см, ширина канавки 0,7 м. Диаметр огороженного пространства (по внешним краям насыпи) 36 м.

В 110 м к югу от холма, обнесенного канавкой-рвом, на первой надпойменной террасе локализуется современное святилище, на котором местное бурятское население проводит ритуалы, посвященные «хозяину местности». И современное святилище, и расположенное к северу от него более древнее искусственное сооружение – холм, обнесенный канавкой-рвом, объединяются в пределах единого сакрального про-

странства. Их территории были включены в состав одного археологического объекта Солянка. Между древним и современным святилищами располагается кочкарник, занимающий пространство шириной 48 м.

В центре современного святилища находится сэргэ – символическая деревянная коновязь. Сэргэ располагалось у жилища или в том месте, где, по преданиям, есть свой сакральный хозяин. К нему привязывали своих коней хозяева и гости. Для этого в верхней части столба вырезались три горизонтальных канавки. Верхняя из них предназначалась для привязывания коней небожителей – представителей верхнего мира, средняя – для лошадей обитателей среднего мира – людей, нижняя – для коней представителей подземного мира. Сэргэ, находящееся в местности Солянка, венчает коническая маковка, ниже которой находятся два расположенных друг под другом конуса, обращенные вершиной вниз. Оформление вершины сэргэ происходило с помощью топора. В 2017 г. на сэргэ было повязано несколько хадаков (шелковых ритуальных шарфов) белого, желтого, зеленого, голубого и красного цветов. В 2019 г. хадаков на сэргэ уже не было. У основания сэргэ уложены крупные гальки и железное лошадиное стремя.

К северо-западу от сэргэ находятся две большие деревянные катушки для наматывания проводов, служившие во время проведения ритуалов столами. К югу от сэргэ лежат две перевернутых лавки, к западу располагается обложенный камнями очаг. Ныне действующее святилище занимает северо-восточную оконечность существовавшего несколько десятилетий назад бурятского поселения, от которого сохранились ямы, столбы и другие атрибуты протекавшей здесь когда-то хозяйственной деятельности. К северу и северо-востоку от территории современного святилища простирается кочкарник – низкая пойма р. Куды.

Летом 2019 г. с целью определения границ археологического объекта, уточнения его хронологии и функционального назначения на памятнике проведены шурфовочные работы. В его южной части на месте современного святилища заложено два шурфа (№1 и 2) размером 1×2 м, ориентированных длинными стенками по линии Ю–С. Третий подобный шурф (№3) разбит в центре древнего святилища, на вершине холма. Через канавку-ров в северной части древнего святилища проложена траншея размером 1×4 м (рис. 1.-1).

Отсчет высот во время археологических работ производился от репера №1, установленного на вершине холма древнего святилища. Он представляет собой деревянный столбик, вкопанный в землю, вершина которого принималась за условный «0». На планах шурфов и траншеи нивелировочные отметки записывались в сантиметрах с учетом их высоты от уровня репера. Горизонтالي на топоплане проведены через 0,5 м.

Шурф №1 располагался к северо-востоку от сэргэ и в 36 м к юго-востоку от края кочкарника. Стратиграфия шурфа приводится по западной и северной стенкам (рис. 1-2).

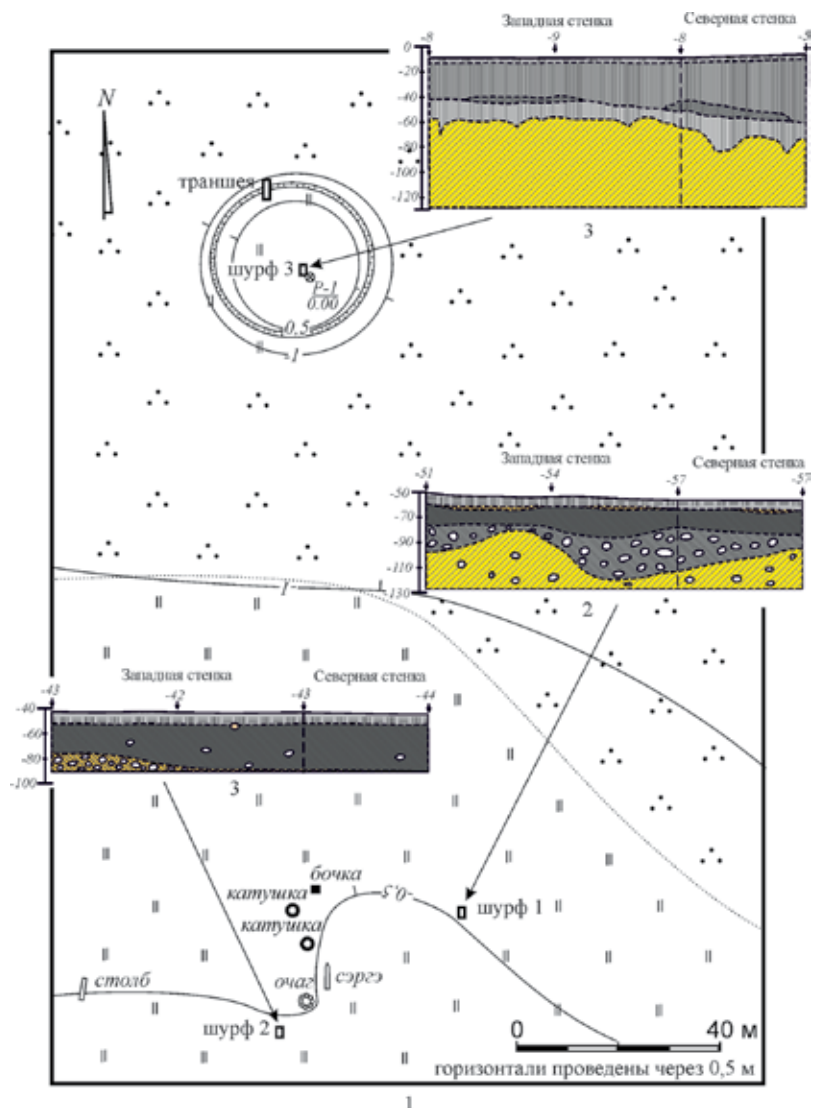

Рис. 1. 1 – план святилища Солянка; 2–4 – стратиграфия стенок шурфов (2 – шурф №1; 3 – шурф №2; 4 – шурф №3)

Геологические отложения	Мощность, м
Светло-серый растительный слой (дерн)	0,07–0,08
Бурый суглинок	0,00–0,02
Черный гумусированный суглинок	0,16–0,22
Галька в темно-сером суглинке с волнистой нижней границей	0,03–0,35
Желтый песок с галькой	вскрыт на 0,47

Шурф №2 располагался в 43 м от шурфа №1 по азимуту 230°, к юго-западу от сэргэ. Стратиграфия шурфа приводится по западной и северной стенкам (рис. 1.-3).

Геологические отложения	Мощность, м
Светло-серый растительный слой (дерн)	0,25–0,30
Черный гумусированный суглинок	0,00–0,02
Галька в буром суглинке	Вскрыт на 0,13

В обоих шурфах археологический материал не обнаружен. Стратиграфия шурфов отличается друг от друга. Это связано с разным геоморфологическим положением участков, на которых они заложены. Первый из них располагался у края водоема, вследствие чего в его нижней части отмечен желтый песок с галькой. Второй шурф разбит на краю первой надпойменной террасы. Поэтому в его основании фиксируются бурый суглинок с галькой, формирующий эту террасу.

Шурф №3 локализовался в 130 м от шурфа №1 по азимуту 343°, в центре древнего святилища. Стратиграфия шурфа приводится по западной и северной стенкам (рис. 1.-4).

Геологические отложения	Мощность, м
Серый растительный слой (дерн)	0,02–0,03
Серая опесчаненная супесь	0,26–0,30
Темно-серая опесчаненная супесь	0,00–0,07
Светло-серая опесчаненная супесь, из основания слоя заложены криогенные трещины длиной до 16 см и шириной в основании до 25 см	0,12–0,17
Желтый песок	Вскрыт на 0,7

Глубина шурфа составила 1,2 м. Им были вскрыты голоценовые и верхнепледстоценовые отложения вплоть до речного аллювия, не содержащего органики. Археологический материал в шурфе не обнаружен. Его стратиграфия отличается от двух предыдущих шурфов. Верхние слои, представленные супесями, сильно опесчанены. Галька отсутствует, что указывает на иной генезис холмика, на котором находилось древнее святилище, чем участков, на которых были разбиты шурфы № 1 и 2.

Для выяснения конструктивных особенностей древнего святилища и определения его возраста в 14 м от шурфа №3 по азимуту 329°

заложена траншея. Она ориентирована длинной стороной по линии Ю–С и пересекает канавку-ров, и примыкающую к ней с юга территорию святилища. Нумерация квадратов в траншее велась с севера на юг. Стратиграфия южной части траншеи приводится по южной, западной и восточной стенкам (рис. 2).

Геологические отложения	Мощность, м
Серый растительный слой (дерн)	0,05–0,09
Светло-серая опесчаненная супесь	0,10–0,22
Темно-серая опесчаненная супесь с прослойками желтого песка мощностью до 12 см в основании на некоторых участках	0,00–0,07
Светло-серая опесчаненная супесь	0,00–0,11
Желтый песок	Вскрыт на 0,35

В результате раскопок выяснилось, что создание канавки, огибающей холм-святилище, проходило в два этапа, между которыми имеется определенный временной период. На первом этапе вокруг холма была вырыта канавка шириной около 2,2 м и глубиной около 0,3 м. Ее внутренняя пологая стенка хорошо фиксируется в разрезе западной стенки археологической траншеи. Южная часть канавки заполнена в нижней части темно-серой опесчаненной супесью, а в средней части – бурой опесчаненной супесью (рис. 2.-1). Первоначальная канавка, окружающая святилище, заложена из слоя темно-серой супеси. Земля, извлеченная из нее, отсыпалась в сторону холмика. В результате чего происходило выравнивание его склонов и формирование сакральной площадки. В разрезе восточной стенки археологической траншеи границы первоначальной канавки читаются не так отчетливо, как в западной ее стенке. Судя по представленному в ней стратиграфическому разрезу, нижняя часть канавки заполнялась темно-серой супесью, которая частично сползла в нее со стороны холмика в результате склоновых процессов. Верхняя часть первичной канавки заполнена темно-серой супесью, переброшенной сюда во время прокладки вторичной канавки. Верхние слои рыхлых отложений, залегающих в кровле сакральной площадки, представлены темно-серой и светло-серой супесью, частично переброшенной из окружающей ее канавки.

Вторичная канавка была выкопана спустя некоторое время после создания первичной канавки. Она располагалась вдоль ее внешней стороны. Глубина вторичной канавки составляла 0,4 м, ширина 1 м. Землю, извлеченную во время ее копки, отсыпали с двух сторон от нее. В результате чего была частично заполнена внутренняя часть первичной канавки, а снаружи вторичной канавки образовалась небольшая насыпь. Внутренняя стенка вторичной канавки пологая. Угол наклона составляет 40–45°. Дно канавки горизонтальное. Пропорции внешней стенки канавки зафиксировать не удалось. Канавка послойно заполнена

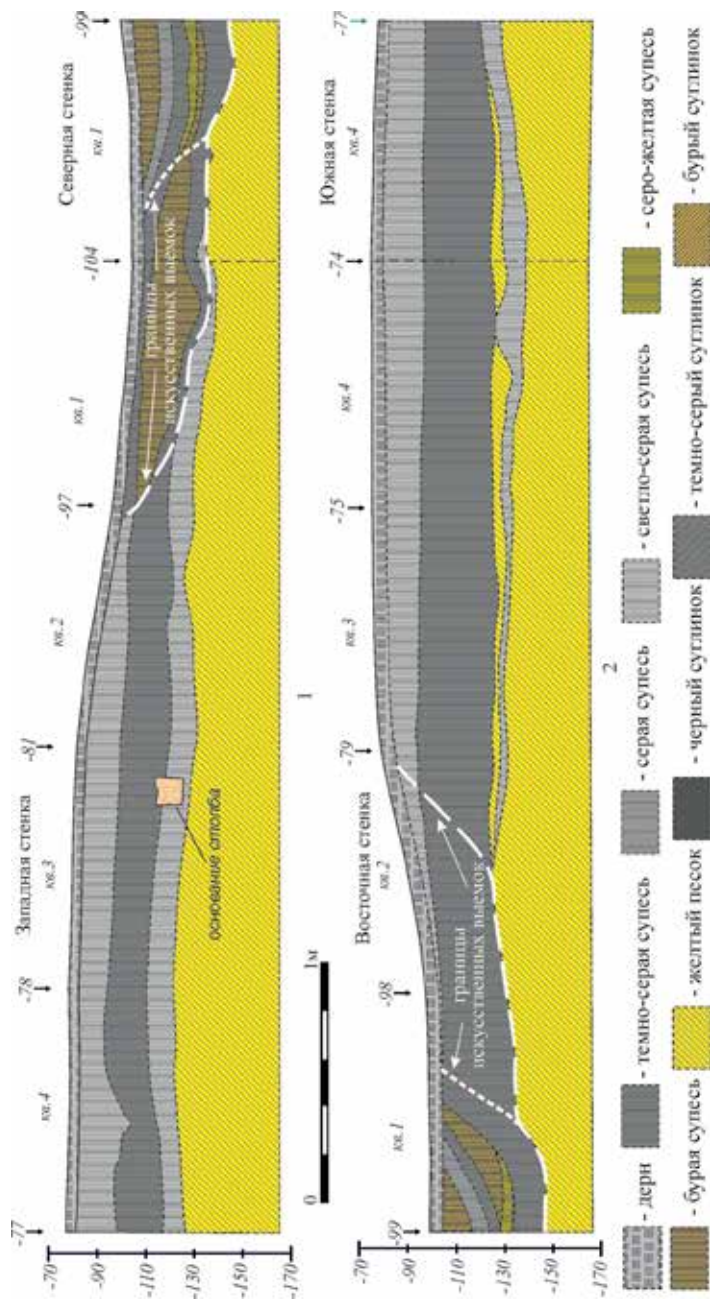

Рис. 2. Святылище Солянка. Стратиграфия стенок траншей:
 1 – западная и северная стенки; 2 – восточная и южная стенки

следующими отложениями (снизу вверх): темно-серая супесь – до 14 см; бурая супесь – до 5 см; серо-желтая супесь – до 4 см; темно-серая супесь – до 7 см; серая супесь – до 8 см; бурая супесь – до 12 см. Сверху над рыхлыми отложениями в канавке и на сакральной площадке сформировался дерновый слой светло-серого цвета. Современный перепад высот между краем сакральной площадки и центром вторичной канавки, заполненной рыхлыми отложениями канавки, составляет около 20 см.

У западной стенки археологической траншеи, в северной части квадрата 3, обнаружена нижняя часть вертикально установленного деревянного столбика (рис. 2.-1). Столбик круглый, диаметром 11 см. Высота сохранившейся части 11 см. Его основание располагается на глубине 44 см от современной поверхности, в нижней части нижнего слоя светло-серой супеси. С какого уровня была заложена яма, в который установили столб, определить не удалось. Относится ли установка столба ко времени функционирования древнего святилища или он был вкопан позже, на данном этапе исследований сказать затруднительно.

Глубина археологической траншеи составила 0,86 м. Во время земляных работ, предпринятых в 2019 г., на древнем святилище не были обнаружены материалы, позволяющие установить его узкую датировку. Свидетельств, которые бы указывали на его принадлежность хунну, не обнаружено. В целом возраст археологического объекта Солянка, с учетом того, что он включает два одновременных объекта – древнее и действующее святилище, можно определить в хронологическом диапазоне от I тыс. н.э. до сегодняшнего времени.

Функциональная характеристика той части объекта, которую мы именуем древним святилищем, носит предварительный характер и основана на его конструктивных и топографических особенностях. К их числу относятся: обособленность древней части археологического объекта Солянка (холм, окруженный кочкарником), отделение ее от окружающего ландшафта оградительным сооружением (канавка-ров), сакральное отношение к этому месту у современного бурятского населения. Подобные сооружения, именуемые городищами-святилищами, в Кудинской долине известны с конца XIX в. [Агапитов, 1887; Харинский, 2007; 2013]. Все они располагаются на возвышенных участках местности, доминирующих над окружающим ландшафтом, и ограждены с наиболее доступных сторон земляными насыпями (валами) и расположенными возле них канавками (рвами). Зачастую оградительные сооружения имеют лишь символический характер и не служат для оборонительных целей. В настоящее время Солянка – единственное городище-святилище, которое располагается не на возвышенности, а в пойме, на невысоком холмике. Возможно, подобная локализация связана с местопребыванием сакрального объекта, которому было посвящено это святилище. Большинство предбайкальских городищ-святилищ рассма-

триваются как объект, на котором проводились ритуалы, посвященные небесным духам-покровителям, поэтому они и располагались на возвышенностях. Городище-святилище Солянка находится в пойме Куды, в связи с чем можно предположить, что этот объект посвящен или хозяину реки, или хозяину долины (поймы), по которой протекает Куда.

Библиографический список

Агапитов Н.Н. Археологические исследования в Иркутской губернии // Тр. V археологического съезда в Тифлисе. М., 1887. С. 81–86.

Зубков В.С. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Куды в зоне Кудинской оросительной системы. Иркутск, 1979 (Архив Лаборатории археологии ИГУ).

Свинин В.В., Аксенов М.П. Отчет об археологической разведке в долине р. Куды в зоне Кудинской оросительной системы в 1978 году. Иркутск, 1978. (Архив Лаборатории археологии ИГУ).

Харинский А.В. Капсальские «городища» // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2007. Вып. 5. С. 200–217.

Харинский А.В. Кудинские городища-святилища: планиграфия и конструкция // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №2 (22). С. 133–136.

Artur V. Kharinskii^{1,2}, Matvei A. Portniagin¹, Grigorii L. Ivanov³

*¹Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russian Federation;*

²Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation;

³Irkutsk Museum of Regional Studies, Irkutsk, Russian Federation

SOLYANKA – FORT-SANCTUARY IN THE FLOODPLAIN OF THE KUDA RIVER (Baikal Region)

Ancient sanctuaries located on elevated areas became known to archaeologists in the territory of the Kudinskaya Valley (Baikal region) at the end of the 19th century. Their territory is separated from the surrounding area by protective structures – ramparts or ditches. In this regard, they received the name of the fort-sanctuary. Rituals dedicated to heavenly deities were held on their territory. Currently, such archaeological sites are dated within the Ist -beginning of the 2nd millennium AD.

In 2019, earth reconnaissance work was carried out at one of the ancient sanctuaries located in the Solyanka area. Unlike other sanctuary settlements, Solyanka is located in the floodplain of the river on a small hill surrounded by a ditch. The diameter of the sanctuary is 36 m. Judging by its geomorphological position, it was probably dedicated to the owner of the Kuda River or the valley along which it flows. To the south of the ancient sanctuary is the modern sanctuary. On it, the Buryat population conducts rites dedicated to “the owner of the area”. In its center there is a wooden pole serge, near which there is a hearth, benches and tables used for the ritual.

Keywords: Baikal region, Kuda Valley, ancient fort -sanctuary, ditch, serge, pit work

РАЗДЕЛ 3. МУЗЕИ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.52

УДК 903.08(574):069

К.Е. Бояринцева

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан*

ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ КАЗАХОВ XIX – НАЧАЛА XX в.: АНАЛИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

В статье рассматривается период формирования и расцвета казахской ювелирной школы. Основной материал для изучения – женские ювелирные украшения. Классификация украшений приводится на примере предметов музейных коллекций в Республике Казахстан и Российской Федерации и включает в себя комплексы изделий для головы, шейно-нагрудные, поясные и украшения для рук. Отмечается семантическое значение как отдельных материалов изготовления, так и самостоятельных изделий. Также в семантическом отношении рассматривается влияние доисламских верований и исламской религии. Отдельное внимание уделяется локальным особенностям украшений и оказанному культурному влиянию со стороны соседствующих народов. Рассмотрены основные техники, материал и орнаментация, выделение магико-религиозной функции в качестве доминирующей. Методологической основой статьи являются культурологический и семиотический подходы, а также методы сравнительно-сопоставительного и исторического анализа.

Ключевые слова: ювелирное искусство, казахи, семантика, оберег, этнографические коллекции, музей

После освобождения от золотоордынской зависимости обозначилось стремление кочевой знати к политической самостоятельности. С образованием в последней трети XV в. Казахского ханства происходило сложение самой казахской народности. Подвижность хозяйства позволила освоить новые территории. Вместе с тем рост городской культуры обусловил возрождение и развитие народных ремесел.

Для периода с XVI по XVIII в. характерны жанровые противоречия в ювелирных изделиях: военная стилистика сменяется элементами фольклора, ведутся попытки внедрения традиционного орнамента. Регулярные нападения джунгар, политическая раздробленность и междоусобицы привели к ослаблению связей между племенными объединениями – жузами. Равновесие и порядок в государстве наблюдается лишь к концу XVIII столетия: хозяйство процветает, строительство возобновляется, ремесла совершенствуются [Занегина, 1991]. Период

с XIX до начала XX в. стал временем сложения традиционной казахской ювелирной школы. Именно в то время в сознании народа укоренились общие нормы, стилистика, техники и формы изготовления изделий с локализацией отдельных элементов.

Предметом нашего исследования являются ювелирные украшения казахов, чем обусловлен выбор темы, касающейся изучения имеющихся коллекций в музеях Казахстана и России. Спектр изделий, изготавливаемых ювелирами-зергерами, весьма велик и включает детали костюмов, атрибуты гигиены, приборы для сервировки стола, элементы убранства и музыкальных инструментов. Основной составляющей их деятельности являются женские украшения – наиболее ценная часть приданого невесты, выполнявшая функцию оберега и являвшаяся определителем возраста и социальной принадлежности.

Ювелирные украшения представлены в этнографических коллекциях музеев и формируются согласно следующим комплексам: региональный – в зависимости от местности и этнотерриториального объединения (жуза); по месту и способу ношения. Согласно общепринятой классификации они подразделяются на украшения для головы (волос и головных уборов), шейно-нагрудные, поясные и украшения для рук.

Главным достоинством и гордостью казахской девушки испокон веков считаются волосы, к украшению которых относились с особым трепетом. На протяжении жизни казахские женщины сменяли три головных убора: «такия», «сәукеле» и «кимешек». Обильно декорировался ювелирными изделиями «сәукеле», как священный предмет свадебной обрядности. По составу украшения для данного головного убора подразделяются на составные и сплошные типы [Тохтабаева, 1984, с. 17].

К составным украшениям относятся «синсиля» – цепь из нескольких рядов серебряных пластин с множеством штампованных подвесок, соединенных между собой кольцами и звеньями. Стилизованные подвески оформляются в форме змеиной головы, лепестка или пики. Они традиционно крепились к краю «саукеле» и свисали на лоб [Горожанкина, 1997; Тохтабаева 1984, с. 16].

Одинарные цепи крепились по бокам головного убора. Создавались изделия такими техниками, как штамп, кручение, плетение. Подобные цепи имеются в коллекции Государственного музея искусств им. А. Кастеева (г. Алматы) в количестве трех экземпляров и датируются началом XX в. Подвески, выполненные из светлого металла, имеют геометрические и растительные формы.

Сплошные украшения представляют собой цельнометаллические, вытянутые по вертикали пластины сложной формы. Они часто инкрустировались вставками сердолика (символ благоденствия у народов Центральной Азии) и кораллами в пожелании достатка и плодородия. Пластины обрамляли «сәукеле» по горизонтали и декорировались зо-

оморфным орнаментом. К распространенному сплошному украшению смешанного характера (для всех типов головных уборов) относится подвеска «үкіаяқ» («коготь филина»), преобладающая в северном регионе Казахстана. Такие подвески прикреплялись попарно с двух сторон у висков. Предмет из коллекции Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника (г. Усть-Каменогорск) изготовлен на рубеже XIX–XX вв. из серебра. Он состоит из двух частей: верхней (в виде треугольника, используемого, возможно, в качестве оберега «тұмар») и нижней (в виде металлических когтей филина). Эти части соединены между собой подвесками и колечками. Первые расположены по краям изделия, выполнены посредством нанизанных коралловых бусин. По углам треугольной части отмечены вставки из бирюзы.

Два экземпляра «үкіаяқ» упрощенной формы с рублевыми подвесками с бусинами из коралла представлены в коллекции Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург). Сам оберег служил защитой от сглаза и также нередко подвешивался к колыбели младенца.

Парные височные украшения – обязательный атрибут девичьего костюма, наиболее распространенными видами которых в музейных коллекциях являются «сырға» (серьги) и «шекелік» (височники).

С самого детства и на протяжении всей жизни казахскую девушку сопровождают серьги. Подразделяются они на два типа: плоские и объемные [Тохтабаева, 2005, с. 95]. «Ай сырға» или «серьги-лунницы» – подтип плоских серег в форме полумесяца (рис. 1). В сакральной культуре казахов луна обладает глубоким смыслом. Согласно культовым верованиям она наделяется очистительной силой, борясь своим светом с тьмой ночи. С другой стороны, полумесяц выступает символом исламской религии, утвердившейся среди степного населения в XIII в. Ввиду двух этих факторов знак луны отражается как в форме, так и в орнаментации ювелирных изделий. Распространены «ай сырға» повсеместно и имеются в коллекциях большинства музеев Казахстана. Название «шекелік» служит общим для разных типов височных украшений. Особенно интересен (ввиду своей художественной уникальности) тип височников «шұбыртпа». Это монолитное украшение с абрисом в виде лепестка, сердца, ромба или пики. Оно инкрустируется камнями и декорируется тисненым орнаментом, зернью, эмалью, чеканкой и другими техниками. Примером данного вида украшений служат серебряные височники в форме листа, с применением золочения, конца XIX в. из коллекции Национального музея Республики Казахстан (г. Нурсултан).

Шейно-нагрудный комплекс украшений казахов включает в себя ожерелья («өңіржиек», «алқа») и амулетницы («тұмар», «бойтұмар») и предназначался для девушек детородного возраста [Горожанкина, 1997]. Украшение «өңіржиек» относится к ожерельям с вертикальным

строем конструкции, широко распространено на территории Западного Казахстана и состоит из крупномасштабных пластин различных геометрических форм, соединенных цепями или петельно-кольцеобразным способом. В декоре применяются камни, ложная зернь, пресс-ленты [Тохтабаева, 1984, с. 27–28]. Богатой коллекцией подобных ожерелий и отдельных его деталей располагает Государственный музей искусств им. А. Кастеева (г. Алматы). Детали изделий имеют преимущественно формы прямоугольника, овала, пятиугольника и треугольника (последние два – нижние пластины), за исключением двух сердцевидных элементов, возможно, когда-то единого украшения. Вставки выполнены сердоликом и стеклом оттенков красного цвета. Ожерелье «алка» вытянуто по горизонтали и по характеру заготовки составных частей делится на подтипы: ожерелья из камней в оправе, бусин, пластин, ожерелья ажурные [Тохтабаева, 2005, с. 103]. Описание подобного украшения встречается в записях шведского путешественника И.П. Фалька, где указывается, что по длине ожерелье облегал грудь спереди и плечи сзади, состоит из кораллов и рублевых монет.

Амулетницы треугольного типа («тұмар») и трубчатые («бойтұмар»), являясь заимствованием из узбекской культуры, прочно закрепились за казахами и являются самым распространенным оберегом, сосредотачивающим в себе защитную энергию (рис. 2). Общим термином для обозначения талисманов на территории Центральной Азии является арабское слово «тамима», прошедшее путь от небольшого камешка до амулетов с кораническими цитатами [Борозна, 1975, с. 285; Резван, 2011, с. 149]. Доминирующей техникой в изготовлении «тұмарша» является штамп – позолота – вставки. Треугольная форма употребляется в значении Божьего «ока». Центральная часть («зрачок») изделия обязательно выделяется техническими или орнаментальными способами, чаще каменной вставкой сердолика или красного стекла [Мамбетова, 2005, с. 108]. Трубчатая амулетница «бойтұмар» – полая внутри. Она служила переноской выдержек из Корана и некоторых природных материалов, наделявшихся благоприятным магическим свойством (рис. 2). В основе лежит идея пожелания добра и мира [Мамбетова, 2005, с. 113]. Костюм невесты обязательно должен был содержать несколько подобных оберегов, что связывалось генетически с идеей плодородия. Первый «тұмар» получали в раннем детстве, впоследствии перешивая его на головные уборы или продолжая носить на груди при помощи цепочки.

Следующая группа украшений – поясные. Они включает в себя металлические пояса «белдік» и застежки камзола. Широкие с шарнирной пряжкой пояса делятся на два типа: пояса металлические составные без основы и пояса на основе (кожаной, бархатной) [Тохтабаева, 1984, с. 36]. Подтипом «шытыралы белбеу» – поясом на кожаной основе с прикрепленными бляхами представлен предмет в экспозиции музея Алматы.

Рис. 1. «Ай сырға», начало XX в. Серебро, гравировка, зернь.
Национальный музей Республики Казахстан

Рис. 2. «Бойтұмар», XIX в. Серебро, штамп, гравировка.
Государственный музей искусств им. А. Кастеева

Бляхи цепляются с помощью заклепок, имеющих с обратной стороны пластин. По углам припаяны металлические цветки с ромбовидной серединой. Вставки сердолика по центру оформлены в форме глаза. Застежки для камзола «капсырма» состоят из двух частей, которые соединяются шарнирным, петельно-кольцеобразным способами. По характеру заготовки застежки можно разделить на шесть типов: застежки из камней в оправе, ажурные, монетные, металлические, пластинчатые, перламутровые. Интерес представляют литые застежки в виде рудиментарных грифонов, стилизованных голов баранов, рыбьего хвоста, что позволяет провести параллели с некогда бытовавшим сакским «звериным» стилем.

Наиболее многочисленной является группа украшений для рук, представленная браслетами («білезік»), перстнями («жүзік») и кольцами («сакина»). К старости у женщины оставались лишь данные виды изделий. Согласно поверьям они служили барьером сохранения энергии в руках. Браслеты носились по одному, чаще парно на обеих руках и по форме делятся на сплошные и составные типы. Среди сплошных браслетов в музейных коллекциях выделяются дрововые «жұмыр білезік», ажурные «селдір білезік», пластинчатые и проволочные подтипы. По типу соединения составных браслетов: шарнирные «топсалы білезік» и створчатые «қақпақ білезік». В начале XX в. появились браслеты «сағат білезік» в форме часов и «тасты білезік» с каменными вставками. Декорировались преимущественно космогоническим и геометрическим орнаментами.

Как и любое украшение, перстни и кольца обладали особым магическим свойством. Поговорка гласит: «Чтобы пища была чистой, на руке должен быть перстень». Поверье связывается с представлениями о сакральной чистоте серебра – основного металла казахских украшений [Тохтабаева, 2017]. Считавшиеся повседневным украшением перстни и кольца надевали по три-четыре за раз. Исключение составляют массивные перстни, предназначенные для женщин старшего возраста [Мамбетова, 2005, с. 101]. Кольца ровные по всей ширине, плоские, круглые или желобчатые в сечении. Отмечается редкое применение декора – ажурные кольца Северного Казахстана и кольца с узором, нанесенным чеканкой и гравировкой, в Центральном и Восточном Казахстане.

Из перстней нужно отметить «құдағи жүзік», или «перстень сваты», характерный для западноказахстанских регионов. Украшение имеет две шинки и основную круглую массивную часть, форма которой является символом счастья и процветания, а также пожеланием всех благ носящему его. Симметрично друг другу располагаются вставки из стекла или камня красного цвета (сердолик) – олицетворение двух семей, дети которых вступили в брак. Использование в центре элемента формы выпуклого эллипса являлось обозначением их объединения. Такой подарок являлся признаком почета и уважения и доставался лишь той, кто смог полюбить свою невестку и принять как родную дочь. Также с пожелани-

ем долголетия преподносился «тасбақа жүзік» – «черепаший» перстень. Типологически же выделяются перстни цельные и составные.

При изучении ювелирных украшений казахов XIX – начала XX в. следует выделить общие особенности: применение серебра в качестве основного металла и камня сердолика для вставок; использование красных камней как определителя жизненной силы; доминирование магико-религиозной функции. Сакрализация украшений связана с бытовавшими на территории Казахстана доисламскими верованиями и идеологическими пластами мусульманского происхождения. Классификация представлена многообразием категорий, типов и подтипов. В целом о демонстрации в музеях ювелирных коллекций можно говорить как о способе презентации культуры не только с эстетической, но и знаковой стороны – особой формы языка народа.

Библиографический список

Борозна Н.Г. Некоторые материалы об амулетах – украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 281–297.

Горожанкина Е.М. Традиционное ювелирное искусство народов Средней Азии и Казахстана: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1997. URL: <http://cheloveknauka.com/traditsionnoe-yuvelirnoe-iskusstvo-narodov-sredney-azii-i-kazahstana>

Занегина О.Ю. Эстетика ювелирных изделий казахов: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1991. URL: <http://cheloveknauka.com/estetika-yuvelirnyh-izdeliy-kazahov>

Мамбетова А.И. Семиотика ювелирных украшений в традиционной культуре Казахстана: дис. ... канд. культурологии. СПб., 2005. 158 с.

Резван М.Е. Коран в системе мусульманских магических практик. СПб., 2011. 220 с.

Тохтабаева Ш.Ж. Казахские народные женские ювелирные украшения XVIII–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1984. 162 с.

Тохтабаева Ш.Ж. Серебряный путь казахских мастеров. Алматы, 2005. 472 с.: ил.

Тохтабаева Ш.Ж. Этикетные нормы казахов. Ч. 1. Будни и праздники. IPUB, 2017. 400 с.

X.E. Boyarintseva

Altai State University, Barnaul, Russia;

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

JEWELRY OF THE KAZAKHS OF THE 19th-EARLY 20th CENTURIES: ANALYSIS OF MUSEUM COLLECTIONS

The article considers the period of formation and flourishing of the Kazakh jewelry school. The main material for studying is women's jewelry. The classification of jewelry is given on the example of objects of museum collections of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation and includes complexes of products for the head, neck-chest, waist and hand jewelry. The semantic meaning of both individual manufacturing materials and independent

products is noted. The influence of pre-Islamic beliefs and the Islamic religion is also considered semantically. Special attention is paid to the local features of jewelry and the cultural influence exerted by neighboring nations. The main techniques, material and ornamentation, and the identification of the magico-religious function as the dominant one are considered. The methodological basis of the article is culturological and semiotic approaches, as well as methods of comparative analysis and historical analysis.

Keywords: jewelry art, Kazakhs, semantics, amulet, ethnographic collections, museum

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.53

УДК 903.02(571.53)

Г.Л. Иванов

Иркутский областной краеведческий музей, Иркутск, Россия

ШНУРОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ КУДИНСКОЙ ДОЛИНЫ (по материалам фондов ИОКМ и полевых исследований 2020 г.)

Кудинская долина – степной регион, располагающий к западу от озера Байкал. Она является естественным коридором, который связывает между собой долины рек Ангара и Лена. Поэтому изучение культурных процессов, протекавших здесь в древности, важно для понимания картины прошлого всей Байкальской Сибири. Одними из распространенных категорий археологического материала являются фрагменты керамических сосудов, среди которых выделяется посуда с оттисками шнура на внешней стороне тулова. В 2020 г. в результате шурфовочных работ на стоянке Капсал-6 (в среднем течении реки Куды) были зафиксированы остатки как минимум трех керамических сосудов, декорированных сочетанием оттисков шнура, наlepных валиков и округлых вдавлений. Параметры артефактов позволили реконструировать предварительные габариты посуды, выявить ряд моментов по технологии ее производства. Кроме того, установлена предварительная датировка – поздний бронзовый век, X–VII вв. до н.э., на основании аналогий с материалами стоянки Тышкине-III на острове Ольхон.

Ключевые слова: керамика, оттиски шнура, наlepный валик, стоянка, культурный слой

Кудинская долина – территория бассейна реки Куды (правый приток р. Ангара) и ее притоков, одновременно является одним из степных регионов преимущественно горно-таежного Предбайкалья. Материалы рассматриваемого региона важны для реконструкции и анализа хода культурно-хронологических процессов в силу географического положения Кудинской долины (естественного связующего коридора между долинами рек Ангара и Лена). Фрагменты шнуровой керамики обнаружены практически на всей территории бассейна реки Куды (от нижнего течения до верховья).

Шнуровая керамика – категория археологического материала, а точнее фрагментов керамических сосудов, характерной особенностью

которых является наличие на внешней поверхности негативов оттисков шнура. Необходимо отметить, что исследователи рассматривают вышеописанные характеристики не как стремление придать будущему сосуду как можно более привлекательный облик, а как завершающую технологическую операцию из разряда формовки сосуда, имеющую целью уплотнение керамического теста и придание сосуду большей прочности [Кичигин, 2016, Свинин, 2000, Цыденова, 2012].

Инвентарь многих археологических памятников северной Евразии самой различной хронологической принадлежности содержит фрагменты шнуровых сосудов в очень большом количестве. Западная часть Байкальской Сибири здесь не является исключением.

Установлено, что нижней границей появления сосудов с оттисками шнура в Предбайкалье является отметка в 7,8 тыс. л.н. [Кичигин, 2014; Лохов, Роговской, Дударев, 2013]. Эта ранняя разновидность получила в археологической литературе название «хайтинский тип», определяющим признаком которого является сочетание оттисков шнура с несколькими вариациями негативного орнамента (прочерченные линии, штамп и др.) [Савельев, 1989, Уланов, Бердников, 2015]. В археологических памятниках Кудинской долины фрагменты сосудов хайтинского типа на данный момент не зафиксированы и по этой причине далее рассматриваться не будут.

Другим вариантом шнуровой керамики в Предбайкалье являются сосуды тышкине-сеногдинского типа, характерной чертой которых является сочетание оттисков шнура с позитивным орнаментом, в первую очередь налепными валиками [Воробьева, Горюнова, 1996; Харинский, 2005, с. 201]. В археологических материалах Кудинской долины данная категория артефактов зафиксирована в количестве, достаточном для информативного анализа.

Определение «керамика тышкине-сеногдинского типа» было сформулировано в 1990–2005-х гг. и основано на материалах Приольхонья и Северного Байкала. К настоящему моменту территория распространения анализируемых материалов охватывает всю западную часть Байкальской Сибири.

В нижнем течении реки Куды фрагменты шнуровых сосудов имеются в комплексе раскопок в местности Камчатник (окрестности с. Усть-Куда) и в районе с. Оек. На последних следует остановиться подробнее. В 1920-х гг. исследователь П.П. Хороших собирает несколько фрагментов керамических сосудов со шнуровыми оттисками и омазочными налепными валиками в окрестностях села Оек, в местности «Старое татарское кладбище» (ИОКМ, колл. №8111) и песках (ИОКМ, колл. №8112). Материалы были представлены предметами каменной индустрии и фрагментами керамических сосудов, среди которых имеются и с оттисками шнура. Данные находки представляют собой фрагменты тулова сосудов и поддона от них [Иванов, 2013].

Фрагменты одного сосуда тышкине-сеногдинского типа имеются в коллекции №728 ИОКМ, представляющей собой сборы О.А. Монастыревой на стоянке Шохтой-1 (долина реки Мурина – левый приток р. Куды). Сосуд простой закрытой формы, среди описанного выше набора орнаментальных приемов, обычных для рассматриваемой керамики, его отличает наличие округлых вдавлений, нанесенных на внешнюю сторону сосуда в шахматном порядке [Иванов, 2017].

Подводя итог, можно говорить о повсеместном распространении керамических сосудов с оттисками шнура по всей Кудинской долине, так единичные находки фиксируются в археологических объектах от верховьев до устья реки Куды.

Материалы стоянки Капсал-VI

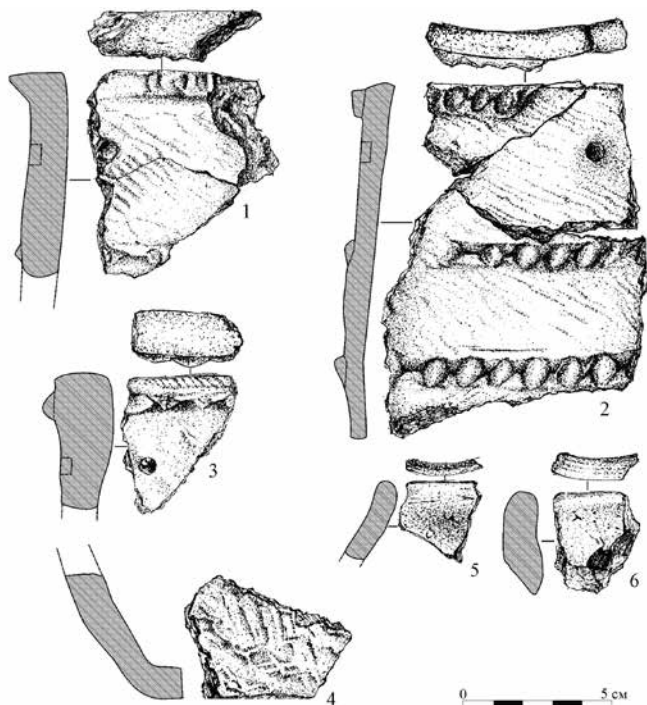
Стоянка Капсал-6 принесла на данный момент наиболее многочисленные и информативные материалы по теме, вынесенной в заголовок настоящей работы. Этот археологический объект расположен в среднем течении реки Куды (на правом берегу) и приурочен к пятиметровой надпойменной террасе. Он был открыт в 1921–1926 гг. иркутским археологом П.П. Хороших, собравшим здесь на песчаных выдувах подъемный материал (фрагменты керамических сосудов, предметы каменной индустрии – ИОКМ, колл. №8133), опубликовавший предварительную информацию о данном археологическом объекте и давший ей наименование «Соляные пески» [Хороших, 1929]. Необходимо отметить, что среди его находок имелись фрагменты керамических сосудов с оттисками шнура.

В 2019 г. профессор ИрННТУ А.В. Харинский [2020] фиксирует на стоянке Капсал-6 подъемный материал и проводит шурфовочные работы, результатом которых стала фиксация культурного слоя, насыщенного шнуровой керамикой, а конкретно фрагментами сосудов тышкине-сеногдинского типа.

В 2020 г. раскопки на стоянке Капсал-6 были продолжены археологической экспедицией ИОКМ – в центральной части стоянки заложено два шурфа общей площадью 8 кв. м, в обоих зафиксирован археологический материал, так же как и в 2019 г., в горизонте серой опесчаненной супеси.

Всего в результате шурфовочных работ 2020 г. зафиксировано наличие в составе комплекса стоянки Капсал-6 как минимум трех сосудов тышкине-сеногдинского типа. **Сосуд 1** зафиксирован в виде фрагмента горловой части сосуда, можно предполагать, что сосуд имел простую закрытую форму, венчик прямой симметричной формы. Декор – три наlepных валика (шириной 0,7–1 см), расположенные горизонтально на расстоянии 2,2–2,5 см друг от друга. На внешнем борту венчика имеется круглое вдавление (диаметр – 0,4 см), расположенное на 1,4 см ниже края венчика (рис.-2). **Сосуд 2** предположительно простой закрытой формы, венчик – грибовидной внешне асимметричной формы (за счет вытягивания внешнего края венчика пальцами, без добавления

дополнительной глиняной массы). Внешний край венчика также декорирован вертикальными вдавлениями клиновидной формы. Ниже на 1,9 см от края венчика расположено круглое вдавление (диаметр – 0,4 см), еще ниже, в 3,5 см от края венчика, расположен рассеченный наlepный валик (рис.-1). **Сосуд 3** представлен фрагментом венчика прямой, внутренне асимметричной формы, сам сосуд предположительно имел закрытую простую форму. Верхняя поверхность венчика также несет отиски шнура. Внешний борт венчика декорирован наlepным валиком подтреугольной формы (шириной 0,3–0,6 см), дополнен поперечными личиночными вдавлениями (рис.-3). Наряду с фрагментами венчиков сосудов тышкине-сеногдинского типа были зафиксированы фрагменты придонных частей. **Сосуд №4** представлен фрагментом доньшка и придонной части, дно плоской формы, угол наклона стенки – 33°, декор – наlepные валики (шириной 0,2–0,5 см), нанесенные диагонально. Валики украшены косыми личиночными вдавлениями (рис.-4). **Сосуд №5** зафиксирован в виде фрагмента придонной части. Данный фрагмент иллюстрирует несколько любопытных моментов ка-

Керамика стоянки Капсал-6

сательно техники изготовления тышкине-сеногдинского типа сосудов. Расслоение керамики здесь продемонстрировало ленточный налп (общепризнанный метод изготовления шнуровой керамики Байкальской Сибири), наличие шнуровых оттисков на внутренней стороне показывает выколачивание внутренней и внешней стороны лент керамического теста перед креплением. Целью данной технологической процедуры, очевидно, было обеспечение лучшей фиксации.

Наряду с фрагментами шнуровых сосудов на стоянке Капсал-6 в 2020 г. были обнаружены фрагменты как минимум двух гладкостенных сосудов (рис.-5, 6), предметы каменной индустрии невыразительного характера (фрагменты битых галек и отщепы), а также фрагменты костей животных.

Культурно-хронологическая интерпретация

Керамика с оттисками шнура достаточно часто встречается в материалах плиточных могил Монголии и Забайкалья [Харинский, 2005, с. 201; Цыбиктаров, 1998, с. 65]. По ряду памятников побережья оз. Байкал с тышкине-сеногдинской керамикой имеется серия радиоуглеродных дат, концентрирующихся в хронологическом промежутке XIII–II вв. до н.э. [Новиков, Абдулов, Горюнова, 2017, с. 281]. В Кудинской долине на сегодняшний день установлено наличие 13 погребений культуры плиточных могил, и наличие вышеописанных сосудов логично связывать именно с культурой плиточных могил [Туркин, 1995; Харинский, 2000].

Форма сосудов стоянки Капсал-6 обнаруживает частичное сходство с материалами стоянки Тышкинэ-III, где в горизонте III-A также был найден керамический сосуд простой закрытой формы, аналогия усиливается благодаря декору: налпные валики (украшенные личиночными насечками), размещенные горизонтально, а под ними – в диагоналевой ориентации. Между горизонтальными валиками имеются округлые вдавления. Внутренняя и внешняя сторона венчика декорирована личиночными насечками [Горюнова, 1983, с. 72, рис. 1]. Датировка описанных выше материалов – поздний бронзовый век, и, основываясь на сходстве рассматриваемых артефактов, стоянку Капсал-6 предварительно можно датировать поздним бронзовым веком, а именно X–VII вв. до н.э. [Горюнова, 1983, с. 74]. Связи тышкине-сеногдинской керамики в Кудинской долине с культурой плиточных могил такая датировка не противоречит.

Выводы

В заключение можно сказать, что стоянка Капсал-6 на сегодняшний день имеет перспективы стать опорным объектом для изучения позднего бронзового века Кудинской долины. Данный период до настоящего времени был практически не представлен комплексами материалов, доступными археологам для исследований. Поэтому продолжение раскопочных работ на стоянке Капсал-6 – весьма актуальная задача для дальнейшего изучения археологии Кудинской долины.

Библиографический список

- Воробьева Г.А., Горюнова О.И. Особенности осадконакопления и периодизации позднеголоценовых культур среднего Байкала // 100 лет гуннской археологии. Номадизм. Прошлое и настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Улан-Удэ, 1996. Ч. 2. С. 11–13.
- Горюнова О.И. Комплекс бронзового века многослойного поселения Тышкинэ-III (к вопросу о поздней бронзе на Байкале) // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск, 1983. С. 70–75.
- Иванов Г.Л. Сеногдинская керамика из села Оек (по материалам сборов П.П. Хороших в Иркутском областном краеведческом музее) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск, 2013. Т. 1. С. 87–90.
- Иванов Г.Л. Керамика с оттисками шнура из поселения Уту-Елга (по материалам Иркутского областного краеведческого музея) // Актуальные проблемы археологии и этнологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 2017. С. 39–41.
- Кичигин Д.Е. Керамика с оттисками шнура Западного побережья озера Байкал: некоторые вопросы формовки сосудов // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. №4 (13). С. 27–44.
- Кичигин Д.Е. Природа нитей шнура и сетки-плетенки на древней керамике Прибайкалья: этнографические параллели // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. №2 (19). С. 10–25.
- Лохов Д.С., Роговской Е.О., Дударев С.Н. Североангарский вариант керамики хайтинского типа // Известия ИГУ. Сер.: Археология, этнология, палеоантропология. 2013. №1 (2). С. 116–132.
- Новиков А.Г., Абдулов А.Г., Горюнова О.И. Керамические комплексы побережья Чивыркуйского залива в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2017. Вып. 6. С. 279–288.
- Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с.
- Свинин В.В. Исследования древней керамики Прибайкалья // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 2000. Вып. 2, ч. 2. С. 128–145.
- Туркин Г.В. Новые данные по плиточным могилам Предбайкалья // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока. Кемерово, 1995. С. 82–83.
- Уланов И.В., Бердников И.М. Керамические комплексы Усть-Белой: систематизация, хронометрия, хронология // Известия ИГУ. Сер.: Археология, этнология, палеоантропология. 2015. Т. 12. С. 47–80.
- Харинский А.В. Исследования памятников металла в Кудинской долине // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2000. С. 140–142.
- Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия Лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 198–215.
- Харинский А.В. Отчет об археологической разведке на территории Эхирит-Булагатского и Ольхонского районов Иркутской области в 2019 г. Иркутск, 2020. 118 с.
- Хороших П.П. Древности Кудинских степей // Бурятияведение. Т. I–II. 1929. С. 142–151.
- Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1998. 286 с.
- Цыденова Н.В. Керамика со шнуровыми отпечатками в Байкальском регионе и на сопредельных территориях // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. № 1. Иркутск, 2012. С. 239–246.

G.L. Ivanov

Irkutsk Museum of Regional Studies, Irkutsk, Russia

**CORD-MARCED WARE FROM THE ARCHEOLOGICAL SITE
OF THE KUDA RIVER VALLEY (based on the materials
of the Irkutsk Museum of Regional Studies and field research in 2020)**

The Kuda river valley is a steppe region located to the west of Lake Baikal. It is a natural corridor that connects the valleys of the Angara and Lena rivers. Therefore, the study of cultural processes that took place there in ancient times is important for understanding the picture of the past of the entire Baikal Siberia. One of the most widespread categories of archaeological material is a fragment of ceramic vessels, among which the vessels with cord marking on the outside of the body stand out. In 2020, as a result of excavation work at the Kapsal-6 site (in the middle reaches of the Kuda River), the remains of at least 3 ceramic vessels were recorded, decorated with a combination of cord marking, pasted on rollers and imprints. The parameters of the artifacts made it possible to reconstruct the preliminary dimensions of the pottery, to reveal a number of points in the technology of its production. In addition, a preliminary dating has been established – the late Bronze Age of the 10th – 7th centuries BC, based on analogies with materials from the Tyshkine III station on Olkhon Island.

Keywords: ceramic, cord marking, bands, station, cultural layer

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.54

УДК: 902:069(571.17)

Ю.Б. Кауфман

Музей-заповедник «Кузнецкая крепость», Новокузнецк, Россия

**ВИРТУАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА «СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ»
И ЕЕ РОЛЬ В АТРИБУЦИИ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ
(из опыта работы музея-заповедника «Кузнецкая крепость»)**

В статье рассматриваются выставки электронных копий экспонатов на сайте музея. Они набирают популярность по мере развития новых технологий и сегодня стали неотъемлемой частью музейной работы. Приведены положительные и отрицательные качества таких проектов. Автор анализирует степень важности отклика заинтересованного посетителя выставки на сайте. Информация, хранящаяся в семейных архивах, помогает правильно датировать и описать музейные предметы. Автор характеризует объем научной работы над экспонатами, проведенный сотрудниками, основные проблемы, выявленные в процессе. В статье приведен фрагмент информационного блока выставки, посвященной сестрам милосердия (история Тобольской Николаевской общины, ее сотрудники и деятельность). Автор описывает помощь информатора в установлении личности одной из сестер общины, изображенной на фотографиях из фондов музея. Посетительница сайта располагала копией одной из фотографий с подписями, что помогло установить истину. В статье сформулирован вывод

о том, что доступность Интернета дала возможность точно описать экспонат, что делает очевидным ценность виртуальных выставок.

Ключевые слова: виртуальная выставка, Тобольск, сестры милосердия, община, фотография, экспонат

Информационные технологии прочно вошли в жизнь российских музеев. Все мероприятия и значимые события отражаются на сайте и в социальных сетях. Крупные музеи размещают в залах мультимедийные экспозиции. Электронные средства показа используются в традиционно оформленных выставках [Дукельский, Лебедев, 2008, с. 82–83].

Несколько лет музей «Кузнецкая крепость» представляет вниманию посетителей сайта виртуальные выставки. Оцифровка коллекций стала неотъемлемой частью рабочего процесса, что облегчает создание подобных проектов. В музее также работают информационные киоски, доступные посетителям.

Виртуальные выставки довольно широко распространены в российских музеях. Музеи с огромным количеством экспонатов таким путем получают возможность их чаще выставлять. Учреждения поменьше, имеющие недостаток выставочных площадей или витрин, через виртуальные выставки увеличивают количество выставляемых предметов основного фонда. Кроме того, выставки на сайте дают возможность использовать в них предметы, принадлежащие основной экспозиции, не изымая их.

Среди достоинств виртуальных выставок следует отметить доступность посещения, независимость от времени работы музея, что очень важно для иногородних и работающих посетителей. Подобные выставки способствуют популяризации музейных коллекций [Волькович, Чигарева, 2015, с. 250]. Это удобная форма для ознакомления с экспонатами маломобильных граждан, которые не имеют возможности часто посещать музей.

Среди недостатков виртуальных выставок исследователи отмечают отсутствие прямого общения с посетителем [Волькович, Чигарева, 2015, с. 251].

Музей «Кузнецкая крепость» имеет неплохие показатели посещаемости вполне осязаемыми гостями, но каждый виртуальный посетитель тоже ценен для нас. Предусмотрена форма обратной связи с такими людьми. Заинтересованные граждане оставляют заметки в комментариях на сайте и в соцсетях, пишут письма на электронную почту музея. Сотрудники не оставляют без внимания ни одно из них.

Создавая выставки и проводя экскурсии, мы вступаем в диалог с посетителями, способствуем формированию ощущения сопричастности, опираемся на их собственные знания, ценности, чувства. Через разные формы работы сотрудников с посетителями формируется историческое сознание последних. Многие испытывают потребность поделиться с нами историей своей семьи, что также является важной краеведческой информацией.

Посетители нередко дают нам возможность атрибутировать предметы, попавшие в музей без сопроводительных документов или сданные потомками владельцев, не знающими за давностью лет историю вещи. Зачастую забываются люди, изображенные на фотографиях. Для таких предметов виртуальные выставки особенно важны. Они находятся на сайте музея долгое время, их видят люди из разных концов страны. Таким образом, шансы, что кто-то узнает на них знакомые лица, сильно повышаются. Безусловно, наибольший процент узнаваний у групповых фотографий военнослужащих, выпускников учебных заведений, курсов. Одинаковые фотографии одновременно получали много людей, и возможность найти экземпляр с подписями весьма велика.

С ноября 2019 г. на сайте нашего музея работает выставка «Сестры милосердия», посвященная истории движения сестер милосердия, истории отдельных общин и их деятельности на примере Тобольской Николаевской общины. Одной из задач выставки являлась проблема атрибуции некоторых музейных экспонатов.

Виртуальный формат выставки выбран потому, что в нем наиболее полно можно представить обширный информационный блок и подробнее остановиться на ключевых экспонатах. Раздел экспозиции, где можно было бы раскрыть эту тему, только разрабатывается. Для экспонирования в качестве полноценной выставки пришлось бы забирать часть предметов из постоянной экспозиции.

Среди 34 экспонатов выставки два требовали более подробного изучения, чтобы максимально достоверно их представить. Это фотография выпускниц курсов сестер милосердия с почитателями и сотрудниками Тобольской общины [ОФ МЗ. КК КП 1254 И-Ф Ф. 7. Оп. 6. №8] и портрет в деревянной раме одной из сестер с наградами за службу [ОФ МЗ. КК КП 1251 И-Ф Ф. 7. Оп. 3. №17]. Легенда коллекции, в которой они числятся, и отдельных экспонатов не была записана. Путем визуального осмотра установлено, что женщина с портрета изображена также на групповом фото. Дарственная надпись не раскрывает ее имени и фамилии. Путем анализа списков сотрудников общины удалось установить два предполагаемых имени, но для дальнейшей работы не хватало данных.

Фотографии содержат минимум точной информации – удалось установить фотосалон, город и название общины. Тобольская Николаевская община сестер милосердия была основана в конце 1894 г. по инициативе баронессы О.В. Фредерикс и губернатора Н.М. Богдановича. Тобольской губернии был необходим постоянный подготовленный санитарный персонал на случай борьбы с эпидемиями. Община работала под контролем местного управления РОКК. Сестры постоянно бывали в разъездах по губернии для борьбы со вспышками инфекционных заболеваний, дежурили в городских лечебницах [Отчет о деятельности Тобольской общины..., 1905, с. 25–44].

В 1903 г. состоялась первая командировка сестер Тобольской общины в Манчжурию для борьбы с эпидемией холеры. В следующем году в связи с началом русско-японской войны тобольская община организовала этапный лазарет, который разместился в Харбине. Восемь сестер общины работали там всю войну [Отчет о деятельности Тобольской общины..., 1905, с. 4–5, 40].

В мирное время община занималась обычной работой – заботой о санитарном состоянии губернии. В общине обычно были штатные сестры – прошедшие курс обучения и сдавшие экзамен, запасные – отработавшие несколько лет и ушедшие в запас по состоянию здоровья и испытываемые – обучающиеся на курсах до сдачи экзамена. С началом Первой мировой войны община готовила отряды сестер милосердия для отправки на фронт [Отчет о деятельности Тобольского местного управления..., 1915, с. 28, 31].

Общая фотография сестер, хранящаяся в фондах музея, скорее всего, сделана по итогам курса обучения новых сестер. На ней изображены 12 молодых девушек в форме сестер милосердия, одна женщина средних лет, тоже в форме сестры, – она могла быть преподавательницей практической части на курсах. Кроме того, на фото священник (о. Николай Белавин), рядом с сестрами – скорее всего, врач, внизу – члены комитета Красного креста, попечители. Фотография не датирована владельцами, ориентировочно сотрудники отнесли ее ко времени Первой мировой войны.

На портрете в раме – женщина средних лет в форме сестры милосердия, с наградами. На обороте фото подпись: «На добрую и долгую память дорогой нашей мамаше от любящих ее детей, священника Иакова – Елизаветы Поляковых. Подарок в день ее Ангела 1915 года октября 8 дня. Сн. – 40 л.».

Судя по наградам, они получены за участие в русско-японской войне. На шее женщины – знак Тобольской Николаевской общины в форме креста, полученный за долгую службу.

Из сестер тобольской общины, долго служивших и находившихся в командировках в Харбине (где стоял госпиталь общины) в 1903 и 1904–1905 гг., по возрасту к женщине на портрете подходят две: Мария Семеновна Букаринова и Таисия Александровна Загуменных.

М.С. Букаринова, дочь коллежского асессора, 1873 г.р., поступила в общину в 1895 г., сестрой милосердия стала в 1897 г. [Отчет о деятельности Тобольской общины..., 1905, с. 12–13, 16–17]. В отчете о деятельности общины за 1914 г. о ней не упомянуто. Т.А. Загуменных, жена бывшего псаломщика, 1876 г.р., поступила в общину в 1899 г., сестрой милосердия стала в 1900 г. [Отчет о деятельности Тобольской общины..., 1905, с. 12–13, 16–17]. Согласно отчету за 1914 г., Т.А. Загуменных 15 августа 1914 г. вернулась в штат общины после девятилетней отставки по своему прошению. С сентября 1914 г. она была назначена руководительницей практических занятий с ученицами курсов военного вре-

мени [Отчет о деятельности Тобольского местного управления..., 1915, с. 50, 57]. Согласно данным источников, Т.А. Загуменных представлялась более вероятной женщиной, изображенной на фотографиях.

В ноябре 2020 г. в музей пришло письмо от Елены Зольниковой, посетившей выставку «Сестры милосердия» на сайте. У ее бабушки хранилась точно такая же фотография, но с подписями. Еще один экземпляр группового фото Е. Зольникова встречала в соцсетях. Из информации, предоставленной нашим информатором, следовало, что на групповом фото изображены сестры и другие сотрудники общины, а также попечители. Прабабушка информатора Екатерина Григорьевна Константинова была одной из попечительниц. Фото датировано августом 1916 г. Документация общины по этому периоду не сохранилась. Подписи на их фото дают возможность уточнить личность старшей сестры милосердия, которая была изображена на фотографиях из нашего музея, – это оказалась Таисия Александровна Загуменных. Так в ходе работы с информатором удалось установить имя женщины с парадного портрета и ее биографию.

Существует минимальная вероятность, что когда-нибудь Е. Зольникова могла приехать в наш музей лично и увидела бы эту фотографию на обычной выставке в витрине.

Таким образом, информационная доступность Интернета помогает уточнять краеведческую информацию. Путем «живого» общения такие открытия сделать практически невозможно.

Кроме того, Е. Зольникова поделилась контактом человека, связанного с сопутствующими фотографиями в данной коллекции. Мы связались с ним и получили достаточно интересную информацию.

Так благодаря одной выставке удалось атрибутировать несколько музейных предметов. Хочется верить, что это не последние находки для исследователей, сделанные благодаря неравнодушным любителям истории.

Библиографический список

Волькович А.Ю., Чигарева Н.Г. Виртуальные выставки как новая форма деятельности музея // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. СПб., 2015. Т. 212. С. 250–254.

Дукельский В.Ю., Лебедев А.В. Виртуальный проект в пространстве музея // Справочник руководителя учреждения культуры. 2008. №1. С. 82–87.

Источники

Основной фонд музея-заповедника «Кузнецкая крепость» (ОФ МЗ КК). КП 1254 И-Ф Ф.7. Оп. 6. №8.

Основной фонд музея-заповедника «Кузнецкая крепость» (ОФ МЗ КК). КП 1251 И-Ф Ф.7. Оп. 3. №17.

Отчет о деятельности Тобольского местного управления Российского общества Красного креста, Тобольской Николаевской общины сестер милосердия и уездных комитетов за 1914 г. Тобольск, 1915. 62 с.

Отчет о деятельности Тобольской общины сестер милосердия РОКК за 1904 г. Тобольск, 1905. 144 с.

Yu.B. Kaufmann

“Kuznetsk fortress” Museum-reserve, Novokuznetsk, Russia

**VIRTUAL EXHIBITION “THE SISTERS OF CHARITY”
AND ITS ROLE IN MUSEUM THINGS ATTRIBUTION
(from the research experience of the «Kuznetsk Fortress» Museum Reserve)**

The article considers a problem of digital exhibitions at museum website. Their popularity was growing along with application of new techniques and became an essential part of museum practice. The article provides the merits of such projects.

The author analyzes the degree of importance of the response of an interested visitor to the exhibition on the site. Information held in family archives helps to date and describe museum items. The author characterizes the amount of scientific work on the exhibits carried out by the staff, the main problems identified in the process. The article contains a fragment of the informational block of the exhibition dedicated to the sisters of mercy (history of the Tobolsk Nikolaevskaya community, its employees and activities). The author describes the informant's assistance in identifying one of the community sisters, depicted in the photographs from the museum's funds. A visitor to the site had a copy of one of the photographs with signatures, which helped to establish the truth. The article concludes that the availability of the Internet made it possible to accurately describe the exhibit, which makes the value of virtual exhibitions obvious.

Keywords: virtual exhibition, Tobolsk, sisters of mercy, community, photography, exhibit

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.55

УДК 903.2(571.15)

С.М. Киреев

Национальный музей им. А.В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия

**ЖЕЛЕЗНЫЙ КЛЕПАНЫЙ КОТЕЛ ИЗ БАССЕЙНА
ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ АНУЙ НА АЛТАЕ**

Железный котел найден жителями с. Верх-Белоануй Республики Алтай в каменных россыпях. Котел имеет прямой, сужающийся книзу корпус, закругленное дно. Сосуд изготовлен из нескольких металлических пластин различного размера и конфигурации, соединенных вместе при помощи металлических заклепок. Котел относится к типу подвесных, хотя ручка не сохранилась. Железные клепаные котлы различной формы и размеров использовались начиная с древнетюркского до этнографического времени – хотя являются довольно редкой находкой. Котел из Верх-Белоануя датирован в пределах XVII–XVIII вв. По мнению местного населения, котел являлся шлемом и мог принадлежать мифическому алтайскому богатырю Сартакпаю. В преданиях алтайцев Сартакпай являлся строителем мостов, дорог, даровал им земледелие и грамотность. Предания о Сартакпае доживают на Алтае до настоящего времени.

Ключевые слова: Горный Алтай, позднее Средневековье, алтайская этнография, котел железный, современная мифология алтайцев

Как хорошо известно, поздняя археология Нового времени, тесно связанная с полученными этнографическими материалами и наблюдениями, также часто соединена с мифологическими представлениями не только об общем комплексе жизни изучаемого населения, но и о каждом отдельном предмете, окружающем человека и его жизненное пространство. Тем более это относится к миропониманию и мифологии алтайского народа, вся жизнь которого пронизана ощущением сопричастности не только к окружающему миру, но и к прошлому как народа в целом, так и каждого человека в отдельности. Выдающийся сибирский этнограф и философ А.М. Сагалаев писал: «Один из парадоксов Алтая – современное его население все следы человеческой деятельности на Алтае „усваивает“ и включает в собственную историю» [1992, с. 9]. Поэтому интерпретация более ранних древних артефактов из случайных и даже археологических исследований ученых современным населением Горного Алтая часто предполагает не столько утилитарное использование, сколько искреннее понимание его назначения и бытования одновременно как сакрального и в то же время реального атрибута героизированных персонажей алтайского эпоса и мифологии. Мне уже приходилось ранее отмечать подобные, часто казусные примеры объяснения назначения обыденных бытовых древних предметов совершенно неожиданным их предназначением [Киреев, Кучуганова, 1994; Киреев, 2010]. Один из таких занимательных случаев произошел летом 1986 г. После возвращения из очередной археологической экспедиции руководством музея мне было предложено выехать в село Верх-Белоануй Усть-Канского района Горно-Алтайской автономной области (ныне Республика Алтай) по приглашению местного жителя, сельского механизатора, сообщившего о находке необычного железного шлема. По дороге было запланировано посещение сел Усть-Мута и Яконур этого же района, откуда также поступили сведения об обнаружении древних вещей и объектов. В результате в собрание музея была передана рукоять бронзового ножа конца III – начала II тыс. до н.э., роговые накладки на лук, а также указано новое местонахождение петроглифов в долине Эмеген.

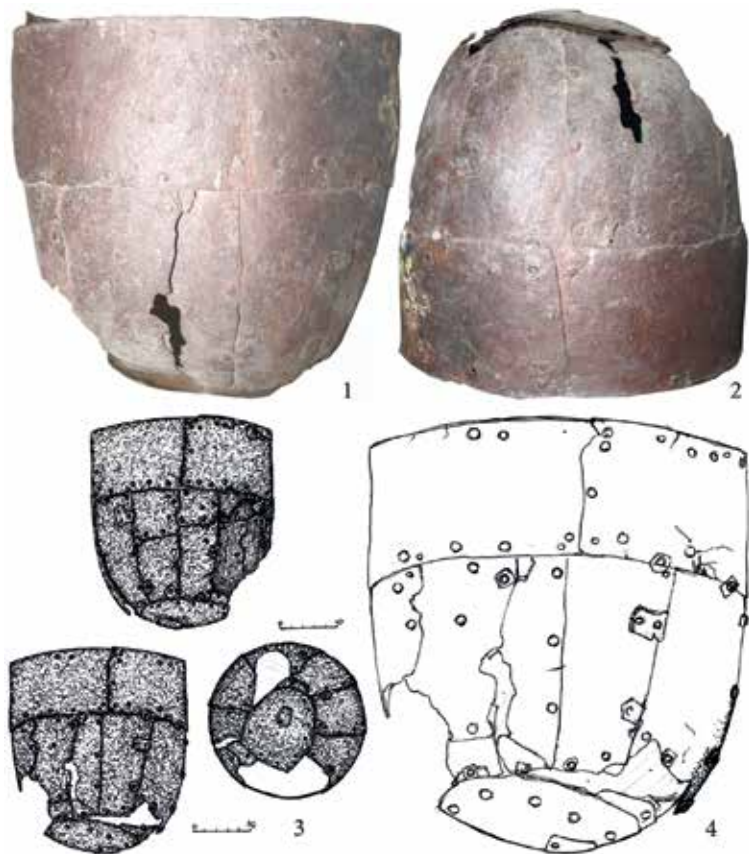
В Верх-Белоануе, расположенном в верхнем течении р. Ануй, притоке Оби, нас встретил местный житель Константин Акулов, коренной алтаец из рода ак-кёбёк, отправивший письмо в музей о своей находке. Он сообщил, что шлем был найден в нескольких километрах от села Верх-Белоануй, расположенном в верхнем течении реки Ануй. Он был обнаружен засыпанным в основании большого «курумника» (каменной россыпи из крупных валунов) у подошвы горы при разборке его нижней части для постройки фундамента скотного двора. В то время возможности посетить место находки не было. Меня несколько насторожило описание и назначение шлема, так как Константин говорил об

очень большом предмете, значительно превышающем объем головы обычного среднего человека. Котел находился в мастерской по обслуживанию и ремонту техники, куда мы и отправились наутро. По дороге к нам присоединились односельчане Константина, и они достаточно бурно обсуждали находку, поражаясь ее размерами. Собеседники высказывали предположение о том, что это, возможно, шлем Сартакпая, мифического богатыря алтайского героического эпоса. Они выражали восторг и восхищение ростом героя и искреннюю веру в его реальный огромный рост и невероятную силу [Киреев, 2010, с. 101].

В машинной-тракторной мастерской был предъявлен стоящий на верстаке артефакт, и я с недоумением и удивлением увидел большой железный котел. Он был поставлен вверх дном и действительно производил впечатление огромного шлема с закругленным верхом. Мое недоумение и восторженное впечатление местных жителей по поводу этого «шлема»-котла настолько сильно дисгармонизировали, что я так и не смог разочаровать сельчан, высказав им свое «ученое» обоснование. «Шлем так шлем, и пусть будет Сартакпай», – подумал я, ничего не подтвердив и не опровергнув. Несколько позднее в школьном музее села Яконур был показан небольшой бронзовый котел с поддоном скифского времени, который учителями также интерпретировался как шлем. По их мнению, ручки котла служили для защиты ушей, а в поддон был вставлен плюмаж. Подобная интерпретация древних предметов не является необычной [Киреев, 2010, с. 101]. Один из первых исследователей алтайского быта и мифологии, служитель Алтайской духовной миссии протоиерей В.И. Вербицкий [1893, с. 56] писал в конце XIX в.: «Богатые фантазией и досужим временем, алтайцы любят витать в сказочном мире. Рапсоды их под двухструнную балалайку... дребезжащую октавою, рассказывают, часто импровизируя, деяния богатырей-ханов, также героев, хотя не силы, но ума и хитрости, или проводят какую-нибудь идею». Одним из таких героев, в реальное существование которого до сих пор верит местное население, и был Сартакпай. «Сартакпай, Сартактай – мифический батыр; дал алтайцам первую книгу, знания о земледелии, огородничестве; строитель мостов и дорог» [Несказочная проза алтайцев, с. 527]. Впервые предания о Сартакпае были опубликованы В.В. Радловым [1866, с. 170], несколько позднее варианты сказаний были записаны Г.И. Потаниным [1883, с. 286–287]. «Мифический герой Сартакпай был известен от хребта Хангай до Алтая. С его именем связывают возникновение географических мест и деяния, характерные для культурного героя. Он проводит дорогу рекам, оставляет отпечатки следов на камне... Предание о богатыре Сартакпае дошло до сегодняшнего дня» [Яданова, с. 279, 284]. Именно эти представления и привели жителей села к несомненному убеждению в понимании котла как богатырского шлема Сартакпая.

Находка передана в подарок Горно-Алтайскому областному краеведческому музею (ныне – Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина). Предмет был атрибутирован, описан и в качестве экспоната получил инвентарный номер 13371, номер по государственному каталогу 10279398.

Котел (другое наименование подобного типа металлических изделий – казан) ручной работы, форма корпуса приближена к цилиндрической, прямые, слегка сужающиеся к днищу, несколько выпуклые стенки, закругленное дно полусферической формы (рис.-4). Общая высота котла 33,5 см, высота стенок 30 см. Он деформирован, одна стенка разломлена, поэтому устье имеет овальную в плане форму диаметром 34×27,5 см. Первоначальная форма котла была явно круглой.

Железный клепаный котел из Верх-Белоануя (Республика Алтай)

Сохранность сосуда не полная. Он подвержен различной степени коррозии, от легкой поверхностной до достаточно глубокой, разрушившей некоторые части посуды. Вследствие этого имеются трещины, расхождение швов, отколы и утрата частей пластин центральной и придонной зон. Также на поверхности имеются небольшие пятна кальциевой патины и наросты лишайника, что свидетельствует об относительно длительном пребывании сосуда в соприкосновении с почвой. Как указано выше, корпус котла подвергнут деформации.

Котел изготовлен из отдельных железных прокованных пластин различного размера и формы толщиной 0,1–0,15 см. Поверхность их неровная, шероховатая. Пластины соединены между собой через пробитые отверстия сквозными железными заклепками с неровными шляпками диаметром от 0,6 до 1,0 см, расположенными на внешней и внутренней поверхности котла. Интервал расположения заклепок неодинаков, расстояние между ними колеблется от 3,5 до 4,5 см. Под некоторыми заклепками проложены железные шайбы различного размера квадратной, прямоугольной и многоугольной формы (рис. 2.-4). Несколько заклепок не сохранилось. Конструкция котла достаточно проста и выполнена предельно рационально в рамках использованной технологии. Четыре крупные прямоугольные пластины размерами 28×12,3; 30×12,5; 23×12,5; 27×13 см, формирующие верхнюю часть сосуда, изогнуты дугообразно, расположены горизонтально и соединены между собой наложением друг на друга на 2–4 см. Девять боковых пластин центральной части котла имеют удлиненную подтрапециевидную форму, узким краем обращены книзу. Каждая срединная пластина также слегка изогнута как по вертикали, так и по горизонтали, образуя выемчатую, слегка ладьевидную форму. По ширине размеры боковых пластин различны, от 12 до 15 см, лишь одна из пластин шириной 6,5 см. Две боковины составлены из двух пластинок каждая. Все боковые пластины расположены вертикально, состыкованы между собой также внахлест и закреплены на полусферической цельной, почти округлой в плане отдельной пластине размерами 17×18 см, образующей днище котла (рис.-3–4). Таким образом, получается три яруса пластин, формирующих корпус котла: верхний, средний и днище. Верхние прямоугольные пластины наложены краями на удлиненные средние, днище также перекрывает нижние края срединных пластин, которые оказываются как бы зажатыми между верхним и нижним ярусами котла. Подобное наложение, состыковка и закрепление пластин техникой клепки, в некоторых случаях с шайбами, и дополнительная проковка швов в местах их сочленения создают своеобразный «замок» и придают большую прочность всей конструкции изделия. Для еще большей прочности и надежности посуды стыки пластин были дополнительно прокованы.

Кромка верхней части котла немного утолщена и слегка отогнута наружу. Ниже на 1–2 см под ней проходит ряд заклепок, не имею-

щих практического назначения, очевидно, для придания ободу сосуда дополнительной прочности. Здесь же с внешней стороны у края котла сохранились остатки небольшого ушка полукруглой формы размерами 1,8×3,2 см служившего для крепления дужки для подвешивания котла над огнем. С противоположной стороны казана у кромки имеется две заклепки, расположенные рядом, скорее всего, для ушка второй части дужки. Сама дужка отсутствует.

На поверхности котла в различных местах имеются накладки-«заплатки», в частности на дне, в местах соединения пластин. Их размеры и конфигурация различны, в зависимости от применения. Так, в центре дна сосуда закреплена пластинка размерами 3,0×4,5 см, в месте соединения днища с центральными пластинами расположено еще три пластинки разных размеров и формы (рис.-3-4). Их назначение: ремонт, устранение повреждений сосуда (возникших отверстий, трещин, расхождение швов), а также, возможно, для придания большей жесткости конструкции котла.

Таким образом, котел был подвесного типа, на специальной дужке подвешивался над очагом, костром. Также он мог быть установлен в очаг между камней или на специальный таган. Емкость котла около 20 л. Его размеры позволяли использовать посуду для приготовления пищи на нескольких человек (большую семью, группу чабанов и пр.).

Хотя находки железных котлов на территории Горного Алтая не так часты, но целые изделия или их фрагменты зафиксированы как в погребениях, так и в качестве случайных находок. Начало их использования относится к древнетюркской эпохе, когда вместо литых бронзовых изделий предыдущего времени «котлы стали склепывать из отдельных листов железа» [Кубарев, 2005, с. 67]. В тюркских погребениях Горного Алтая обнаружено шесть экземпляров котлов различной сохранности [Киселев, 1951, табл. L.-23; Овчинникова, 1990, рис. 32; Кубарев, 2005, с. 67, табл. 145.-2]. «Остатки железной посуды из всех погребений объединяет общая технологическая черта: они склепаны из довольно больших отдельных пластин» [Кубарев, 2005, с. 67]. Все котлы подразделяются на два типа; подвесные на дужке, с круглым или плоским дном, и стоячие на поддоне с прорезями и двумя ручками на верхней части [Киселев, 1951, с. 522; Овчинникова, 1990, с. 62]. Наш котел, таким образом, относится к первому типу. Благодаря высокой технике обработки железа алтайскими мастерами изготовление железных клепаных котлов продолжалось и в последующее время. «Даже в Джунгарский период их истории, алтайцы платили хану ясак котлами и таганами» [Киселев, 1951, с. 522]. «Из ремесел наибольшую значимость у алтайцев имела повсеместно распространенная выплавка железа и изготовление железных изделий. «Все... имеют в горах руду железную, которую они сами в юртах... по малому числу плавят железо и делают котлы, топоры...» – говорится в описи к карте Сибирской губернии 1745 г., имея в виду се-

верных алтайцев и теленгитов Таутелеутской и Телесской волостей [Самоев, 1991, с. 41]. В Новое время железные котлы были распространены и среди теленгитов. Так, присутствовавший в 1881 г. при погребении на реке Улаган А.В. Адрианов [1886, с. 187] отмечал: «В могилу кладут котел, чашку, трубку, табак, одежду, войлок, седло, веревки, и проч., что мне самому приходилось видеть». Д.Г. Савиновым при раскопках пазырыкских курганов могильников Узунтал-I, IV, VIII было обнаружено шесть впускных теленгитских захоронений 2-й половины XVIII – начала XIX в. В одном из женских погребений среди других предметов был встречен и железный цельнокорпусный котел, очевидно фабричной работы [Савинов, 2013, с. 38–39, рис. 2.-1].

Полные аналогии верх-белоануйскому котлу мне не известны. Похоже, что в Горном Алтае это единственный на сегодня подобный образец железного сосуда. Наиболее приближенные по форме корпуса и типу варианты – это котлы из древнетюркского погребения Туекта-3 [Овчинникова, 1990, рис. 32.-5] и памятника Филин-I в Алтайском крае, относящегося к сросткинской культуре [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 61]. По технике изготовления: формирование из отдельных железных пластин, соединенных между собой металлическими заклепками, – нашему котлу близки указанные выше экземпляры и, например, железные плоскодонные казаны из кургана XII–XIII вв. Бормотово-3 в Кузнецкой котловине [Илюшин, 2019, с. 72–76].

В Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина кроме изучаемого предмета имеется еще четыре железных котла. Два из них, происходящие из случайных находок с территории Кош-Агачского района, являются достаточно поздними, в том числе один них – заводской работы начала XX в. Два других котла найдены в обломках во впускном погребении кургана Пазырык-8, раскопанного в 1949 г. С.И. Руденко и А.А. Гавриловой, датированы по китайским монетам серединой XIX в. Оба котла, большой и маленький, со слегка закругленными днищами. Они изготовлены из отдельных изогнутых прокованных пластин, скрепленных между собой железными заклепками, и имеют дужки для подвешивания.

Подобная же техника сборки деталей из кованых пластин и скрепления их заклепками была характерна и для изготовления средневековых железных шлемов на протяжении достаточно длительного времени [Тишкин, 2009, рис. 98.-6, 7; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 20, 25, 115; Кубарев, 2005, с. 107; Соенов, Глебов, 1997, с. 152–154].

С учетом всех приведенных соображений предварительная датировка котла может быть предложена в широком диапазоне XIII–XIX вв., скорее всего, ближе к XVII–XVIII вв.

Таким образом, железный клепаный котел, обнаруженный в окрестностях села Верх-Белоануй Республики Алтай, является достаточно интересным артефактом для реконструкции технологии изготовления

металлических предметов из отдельных пластин, соединенных методом клепки. Железные котлы изготавливались алтайскими мастерами для уплаты дани и собственных нужд и высоко ценились населением. Нахождение сосуда в каменных россыпях может быть объяснено как его надежное укрытие или как существовавший в особенных случаях ритуал поднесения даров родовой горе. Интерпретация котла местными жителями как гигантского шлема мифического алтайского богатыря Сартакпая не является чем-либо необычным. Характерная черта народного восприятия истории алтайцами – хронологическое перенесение событий прошлого, материальных и духовных реалий древности на более позднее время и их переосмысление на основе народного мировоззрения, эпических сказаний, легенд. Особенностью подобного мышления является привязка предметов прошлого к эпическим героям, необычная интерпретация реальных археологических памятников, объектов и отдельных вещей, особенно случайных находок. «Каждый народ своим мифотворчеством создает как бы вторую действительность, восполняющую однообразие и обыденность жизни» [Сагалаев, 1992, с. 22].

Библиографический список

- Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году // Зап. Русского географического общества. СПб., 1886. 147 с.
- Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. М., 1983. 221 с.
- Илюшин А.М. Железные казаны из могил кочевников на Бормотово-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2019. Вып. XXV. С. 72–76.
- Киреев С.М. Народные представления населения Горного Алтая о памятниках археологии и древней истории // Материалы научно-практических конференций «Г.И. Чорос-Гуркин и современность», «Оносские встречи 2010», посвященные 140-летию со дня рождения Г.И. Гуркина. Горно-Алтайск, 2010. С. 100–104.
- Киреев С.М., Кучуганова Р.П. Народные представления русских о памятниках археологии: по материалам полевых исследований в с. Верхний Уймон в Горном Алтае // Этнография Алтайского края: научно-методические материалы. Барнаул, 1994. С. 75–79.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.
- Несказочная проза алтайцев // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 30. Новосибирск, 2011. 576 с.
- Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990. 223 с.
- Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. IV. 1025 с.
- Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. СПб., 1866. Ч. 4. 419 с.
- Савинов Д.Г. Впускные погребения юго-восточного Алтая (к этнокультурной истории теленгитов) // Музей. Традиции. Этничность. СПб., 2013. №2(4). С. 36–51.
- Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск, 1992. 176 с.

Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII–XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991. 256 с.

Соенов В.И., Глебов А.М. Средневековый алтайский шлем // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. С. 152–154.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул, 2009. 208 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул, 2011. 136 с.

Яданова К.В. Предания о камнях богатыря Сартакпая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2012. С. 177–286.

S.M. Kireev

Anokhin National Museum of the Altai Republic, Gorno-Altai, Russia

RIVETED IRON BOILER FROM THE BASION OF THE ANUJ RIVER UPSTREAM IN ALTAI

An iron cauldron was found by residents of the village Verkh-Beloanuy of the Altai Republic in stone deposits near the foot of the mountain. The boiler has a straight body tapering towards the bottom and a rounded bottom. The vessel is made of several forged metal plates of various sizes and configurations, joined together with metal rivets. The boiler belongs to the suspended type, although its handle has not survived. Iron riveted cauldrons of various shapes and sizes were used in Altai from the ancient Türkic to the ethnographic time. Although they are quite a rare find. The cauldron from Verkh-Beloanuy dates back to the 17th–18th centuries. According to the local population, the cauldron was a helmet and could belong to the mythical Altai hero Sartaqpay. In the legends of the Altaians, Sartaqpay was the builder of bridges, roads, gave them agriculture and literacy. He possessed immense growth and gigantic strength. Legends about Sartaqpay survive in Altai to the present day.

Keywords: Gorny Altai, the late Middle Ages, Altai ethnography, iron boiler, modern mythology of the Altai

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.56

УДК 908:069(571.151)

С.М. Киреев

Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина

ФОНД В.Д. КУБАРЕВА В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ СОБРАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ ИМ. А.В. АНОХИНА

В 2021 г. исполняется 75 лет со дня рождения доктора исторических наук, сотрудника Института археологии и этнографии В.Д. Кубарева. В статье отмечен большой вклад ученого в изучение археологических культур Горного Алтая и Мон-

голии, открытие им более тысячи новых памятников древности. Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина обладает большим фондом материалов (747 единиц) практически всех исторических периодов, переданных в различные годы ученым. Среди них несколько оленных камней и древнетюркских изваяний, материалы могильников Бике-I, Уландрык-I, Джолин-III, Талдуаир-I, III, Куяхтанар, Бураты. В коллекциях представлены предметы вооружения и быта, украшения и детали одежды, конское снаряжение. Многие экспонаты из собрания В.Д. Кубарева занимают достойное место в экспозиционных залах музея скифо-сакского, гунно-сарматского и древнетюркского времени Горного Алтая, демонстрировались на тематических выставках. Библиотека музея постоянно получала в дар все научные публикации ученого. Ряд сотрудников музея постоянно участвовали в экспедициях ученого и стали профессиональными археологами.

Ключевые слова: Горный Алтай, археология, В.Д. Кубарев, Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, музейные коллекции

Общее количество археологических экспонатов Национального музея им. А.В. Анохина на 1 января 2021 г. составляло 18704 предмета. Из них 16704 единицы хранения основного и 1491 научно-вспомогательного фонда. Источниками формирования археологического собрания музея являлись коллекции С.И. и Н.С. Гуляевых, приобретенная музеем в 1918 г., случайные находки, закупленные музеем или полученные им в дар. Значительную часть коллекций представляют материалы раскопок и сборов сотрудников музея разных лет А.В. Якубского, С.М. Сергеева, Г.П. Сергеева, С.С. Зяблицкого, В.Н. Елина, В.А. Кочеева, С.М. Киреева, О.В. Ларина, А.М. Сафронова, Т.А. Вдовиной. Достаточно большое количество экспонатов составляют археологические предметы из раскопок разных лет в Горном Алтае, переданные археологами из различных научных центров страны: Москвы (В.А. Могильников), Ленинграда (С.И. Руденко, Д.Г. Савинов, С.С. Сорокин, А.А. Гаврилова, Л.С. Марсаолов), Кемерово (А.И. Мартынов, А.С. Васютин), Барнаула (Ю.Ф. Кирюшин, М.Т. Абдулганеев, Н.Ф. Степанова, А.А. Тишкин, П.К. Дашковский, Ю.Т. Мамадаков, Н.Ю. Кунгурова), Горно-Алтайска (А.С. Суразаков, В.И. Соенов, А.В. Эбель), Новосибирска (А.П. Окладников, В.Д. Кубарев, В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, А.П. Бородовский, С.В. Маркин, Ю.С. Худяков, А.В. Постнов).

Среди всех археологических коллекций НМА, несомненно, следует выделить фонд доктора исторических наук, сотрудника Института археологии и этнографии СО РАН В.Д. Кубарева, первооткрывателя и исследователя многочисленных древностей Горного Алтая, в течение многих десятилетий изучавшего памятники различных археологических культур нашего региона.

Владимир Дмитриевич Кубарев, археолог, этнограф, историк, является крупнейшим исследователем древней истории Горного Алтая 2-й половины XX – начала XXI в. Будущий ученый родился в 14 августа 1946 г. в с. Новоборовлянка Алтайского края, окончил среднюю школу и профессиональное училище по специальности «Метеорология». Начинал работу в Горном Алтае на высокогорных метеостанциях Бертек,

Ак-Кем, Уландрык, где он сделал свои первые любительские археологические открытия. С 1970 г. до последнего дня своей жизни (2011 г.) работал в Институте археологии и этнографии СО РАН. Участвовал в экспедициях академика А.П. Окладникова на Дальнем Востоке, в Хакасии, Монголии. С 1973 г. В.Д. Кубарев начинает свои многолетние исследования в Горном Алтае, а затем и Западной Монголии. Круг его научных интересов охватывает периоды от каменного века до этнографического времени. Им открыто и исследовано более тысячи археологических памятников: курганов, наскальных рисунков, изваяний эпохи бронзы и древнетюркского периода, культовых и хозяйственных объектов, стоянок каменного века. Среди наиболее важных открытий в археологии Центральной Азии: исследование печей для обжига керамики хуннского времени, открытие погребений каракольской культуры бронзового века с удивительными полихромными росписями, изучение сотен курганов скифского, гунно-сарматского и тюркского периодов, крупных местонахождений петроглифов Калбак-Таша и Монгольского Алтая. В 1989 г. Владимир Дмитриевич окончил исторический факультет Горно-Алтайского педагогического института, в 1998 г. блестяще защитил, минуя кандидатскую, докторскую диссертацию по теме «Древние кочевники Восточного Алтая». Он автор 22 монографий и более 400 статей по самой разнообразной тематике древнейшей истории Алтая и прилегающих территорий. В.Д. Кубарев тесно сотрудничал и работал с учеными Японии, Республики Корея, Монголии, Германии, США, Франции. Являлся членом-корреспондентом Германского археологического института, Международного института кочевнических цивилизаций, профессором археологии АН Монголии.

Владимир Дмитриевич горячо и искренне любил Горный Алтай, постоянно держал связь с местными учеными, являлся большим другом Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина, в который им передано большое количество разнообразных экспонатов.

Сотрудничество В.Д. Кубарева с музеем Горно-Алтайска началось в 1973 г., в первый год его самостоятельной работы как археолога-профессионала в Горном Алтае. Тогда он начал изучать археологический фонд музея и по просьбе руководства выполнил первые описания и дагировки экспонатов. В 1972 г. на учет в музей были поставлены три каменных изваяния, два из которых были вывезены из окрестностей с. Онгудай, а одно – по дороге из с. Кокоря в пос. Ташанта (Кош-Агачский район). В.Д. Кубарев составил научное описание изваяний, условий их локализации и обстоятельств обнаружения.

В дальнейшем это взаимодействие краеведческого музея, местного вуза и ученого перешло на постоянную основу. В 1974 г. Владимир Дмитриевич возглавил археологическую практику нашей группы студентов исторического отделения Горно-Алтайского государственного пе-

дагогического института. Практика проходила на раскопках курганов в долине р. Уландрык в Кош-Агачском районе, в отдаленном суровом краю, который поразил и обаял нас своей необычной красотой, дикой мощью, чистотой и чем-то необъяснимо таинственным и привлекательным. Эта экспедиция еще более сблизила В.Д. Кубарева и научную общественность Горного Алтая, краеведов. Кстати, в его отряде проходил стажировку будущий известный археолог, поэт, философ Александр Суразаков, в то время аспирант знаменитого исследователя культуры сарматов К.Ф. Смирнова. Учениками Владимира Дмитриевича стали будущие горноалтайские археологи С.С. Зяблицкий, В.А. Кочеев, Л.М. Чевалков и автор данной статьи (фото 1). Вскоре Владимир Дмитриевич стал большим другом Горно-Алтайского музея, часто посещал его, изучал археологические коллекции, оказывал консультации, давал ценные советы. В архиве музея хранится письмо директора Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне – Институт археологии и этнографии СО РАН) академика А.П. Окладникова в управление культуры Горно-Алтайской автономной области от 16 августа 1976 г. В письме уведомляется о работе в полевой сезон текущего года археологической экспедиции в Кош-Агачском районе и высказывается просьба «оказать всяческое содействие начальнику отряда В.Д. Кубареву, а в частности, выделить автобус музея для транспортировки экспедиционного имущества к месту работ. По окончании исследовательских работ в Горно-Алтайский краеведческий музей нашим отделом будет представлен научный отчет и часть археологических находок». В письме сообщается о передаче отчета за 1975 г., а также переданных в музей находках и их описи. Владимир Дмитриевич постоянно контактировал с местными краеведами, получал от них сведения об археологических памятниках, консультировал, снабжал научной литературой.

В 1975 г. В.Д. Кубарев передал в Горно-Алтайский музей свою первую коллекцию – материалы раскопок погребения из местности Куяхтанар в количестве 56 единиц. Всего исследователем в Горно-Алтайский музей было передано 747 экспонатов, составивших уникальный фонд разнообразных по хронологии, назначению и материалу археологических и этнографических предметов. Они представлены предметами вооружения, быта, деталями одежды и снаряжения, украшениями, конской сбруи и пр.

Перечень коллекций и экспонатов, переданных В.Д. Кубаревым Национальному музею.

1. Материалы погребения Куяхтанар (Кош-Агачский р-н). 1975 г. 56 ед. Инв. №7840.

2. Олений камень (Узунтал, Кош-Агачский р-н). 1977 г. 1 ед. Инв. №8049.

3. Изваяние древнетюркское (Бар-Бургазы, Кош-Агачский р-н). 1977 г. 1 ед. Инв. №8050.
4. Изваяние древнетюркское (Юстыд, Кош-Агачский р-н). 1977 г. 1 ед. Инв. №8024.
5. Изваяние древнетюркское (Узунтал, Кош-Агачский р-н). 1977 г. 1 ед. Инв. №8049.
6. Керамика хуннского времени (Юстыд, Кош-Агачский р-н). 1982 г. 4 ед. Инв. №8831.
7. Предметы каменной индустрии (Юстыд). 1982 г. 30 ед. Инв. №8429.
8. Материалы мог. Бураты-IV (Кош-Агачский р-н). 1983 г. 31 ед. Инв. №8557.
9. Личина каменная (Малталу, Кош-Агачский р-н). 1986 г. 1 ед. Инв. №8785.
10. Изваяние древнетюркское (Кош-Агачский р-н). 1986 г. 1 ед. Инв. 8780
11. Олений камень (Кош-Агачский р-н). 1986 г. 1 ед. Инв. №8787.
12. Изваяние древнетюркское (Балык-Сёок, Онгудайский р-н). 1986 г. 1 ед. Инв. №8796.
13. Изваяние древнетюркское (Шибе, Онгудайский р-н). 1986 г. 1 ед. Инв. №8797.
14. Материалы мог. Бике-I (Чемальский р-н). 1993 г. 425 ед. Инв. №9893.
15. Материалы мог. Талдуаир-I, III (Кош-Агачский р-н). 2000 г. 146 ед. Инв. №10835, 10836.
16. Пластина от колчана (Юстыд, Кош-Агачский район). 2001 г. 1 ед. Инв. №10955.
17. Материалы мог. Уландрык (Кош-Агачский р-н). 2002 г. 21 ед. Инв. №10956, 11000.
18. Материалы раскопок печи для обжига керамики (Юстыд, Кош-Агачский р-н). 2002 г. 24 ед. Инв. №11001.

Также В.Д. Кубаревым было передано несколько уникальных экспонатов для Кокоринского (Историко-этнографический музей теленгитов Чуи) и Жана-Аульского (Краеведческий музей казахов Чуйской степи) филиалов Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина. Среди них два камня с текстами тюркского рунического письма. Он неоднократно информировал сотрудников музея об аварийных ситуациях, когда изваяния подвергались угрозе порчи и уничтожения. По его инициативе нами были вывезены более десяти подобных памятников. В архиве музея хранится значительное количество отчетов ученого о полевых исследованиях. Владимир Дмитриевич постоянно поддерживал научные и дружеские связи с Институтом Алтаистики им. С.С. Суразакова и его ведущим научным сотрудником археологом А.С. Суразаковым (фото 2).

Фото 1. С.М. Киреев, В.А. Кочеев, А.С. Смирнов,
В.Д. Кубарев. Юстыд. Август 1982 г.

Фото 2. А.С. Суразаков, В.Д. Кубарев. Национальный музей
Республики Алтай им. А.В. Анохина. 26 мая 2010 г.

Экспонаты из фонда В.Д. Кубарева широко представлены в экспозиционных залах «Древняя история Горного Алтая» в разделах, посвященных бронзовому веку, скифо-сакскому, гунно-сарматскому

и тюркскому периодам. Владимир Дмитриевич являлся великолепным фотографом, его выставки фотографий уникальных видов памятников археологии и природы Горного Алтая проходили в Национальном музее и его Верх-Уймонском филиале (Музей им. Н.К. Рериха). Библиотека имеет все печатные научные и научно-популярные издания В.Д. Кубарева с его дарственными надписями. Ученый постоянно помогал в составлении описаний, датировок, атрибуции древних предметов, поступающих в музей, давал ценные консультации. Им подарен уникальный аннотированный фотокаталог древнетюркских изваяний Горного Алтая из более чем 200 фотографий и негативов к ним. В течение многих полевых сезонов сотрудники музея участвовали в экспедициях В.Д. Кубарева, проводили совместные исследования. С археологами В.А. Кочевым и С.М. Киреевым Владимиром Дмитриевичем опубликованы совместные статьи по итогам исследований памятников бронзового века, скифского, гунно-сарматского и тюркского времени.

По общему совокупному вкладу в изучение древней истории Горного Алтая В.Д. Кубарев по праву занимает ведущее место среди археологов – исследователей региона. А его материалы и коллекции, переданные в Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, составляют золотой фонд его археологического собрания.

S.M. Kireev

Anokhin National Museum of the Altai Republic, Gorno-Altai, Russia

V.D. KUBAREV IN THE ARCHAEOLOGICAL COLLECTION OF ANOKHIN NATIONAL MUSEUM OF THE ALTAI REPUBLIC

In 2021, we celebrate the 75th anniversary of the birth of Doctor of Historical Sciences, employee of the Institute of Archaeology and Ethnography, V.D. Kubarev. The article notes a great contribution of the scientist to the study of the archaeological cultures of Altai and Mongolia, the discovery of more than a thousand new sites of antiquity. Anokhin National Museum of the Altai Republic has a large collection of materials consisting of 747 units of almost all historical periods, transferred to scientists in different years. Among them are several deer stones and ancient Türkic statues, materials from the Bike-I, Ulandryk-I, Jolin-III, Talduair-I, III, Kuyakhtanar, Burata burial grounds. The collections feature weapons and household items, jewelry and clothing items, horse equipment. Many exhibits from the collection of V.D. Kubarev occupy a worthy place in the exhibition halls of the museum of the Scythian-Saka, Xiongnu--Sarmatian and ancient Turkic times of Altai, were demonstrated at thematic exhibitions. The library of the museum constantly received all the scientific publications of the scientist as a gift. A number of museum employees constantly participated in the scientist's expeditions and became professional archaeologists.

Keywords: Gorny Altai, archaeology, V.D. Kubarev, Anokhin National Museum of the Altai Republic, museum collections

М.А. Корусенко¹, Ю.В. Герасимов¹, М.Ю. Здор², Д.П. Загородникова²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск; Новосибирск Россия;

²Омский научный центр СО РАН, Омск, Россия

ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ КРЕПОСТИ Г. ОМСКА – ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ

Авторами приведен краткий обзор результатов работ по установлению границ первой и второй Омских крепостей. Фортификационные сооружения указанных памятников давно уничтожены, сохранился только культурный слой и частично комплексы зданий конца XVIII – 1-й половины XIX в., но и они находятся в зоне риска в связи с активной современной городской застройкой. Благодаря активным археологическим исследованиям в течение последнего десятилетия расширена информационная база, получены новые сведения, как отражающие степень освоения территории в древности, так и дающие представление о расположении культурного слоя крепостей. Опираясь на результаты археологических исследований, изучение исторической картографии и архивных описаний, авторы статьи разработали проекты границ обоих памятников и нанесли их на современную карту города. В заключении освещены основные проблемы сохранения указанных объектов культурного наследия и перспективы их музеефикации в условиях современной застройки исторического центра города Омска.

Ключевые слова: город Омск, первая и вторая Омские крепости, археологические памятники, исторический центр, исследование, музеефикация

Исторический центр любого крупного города – это его старейшая часть, где, как правило, расположены наиболее интересные архитектурные достопримечательности. Кроме того, этот центр обычно занимает наиболее благоприятный с точки зрения селитебности участок микро-региона. Омск, один из крупнейших городов России, расположенный на слиянии р. Иртыш и Омь, также не является исключением из этого правила. Историческим ядром города являются территории первой и второй Омских крепостей, расположенных на террасах Оми близ ее устья. Фортификационные сооружения крепостей давно уже скрыты, от первой остался лишь археологический культурный слой, перекрытый и перемещенный последующими заселениями, у второй – сохранились комплексы зданий конца XVIII – 1-й половины XIX в. Культурный слой объектов разрушается городской застройкой, начиная с XIX в. по настоящее время. В силу этого проблема сохранения исторической части города с точками, из которых и происходило его развитие, является одной из важнейших задач и приобретает особую актуальность на современном этапе как с точки зрения охраны памятников, так и с точки зрения археологии.

Ландшафтные и геоморфологические особенности территории исторического центра Омска характеризуют его как зону с высокой вероятностью расположения археологических памятников разных эпох

и типов. Район устья р. Омь с высокой правобережной террасой и обширной поймой на левом берегу благоприятен для рыболовства, охоты, скотоводства, в некоторой степени – земледелия. Высокий мысовидный участок, образованный слиянием двух береговых террас Иртыша и Оми, привлекателен для размещения поселений, городищ, погребальных памятников. Эти предположения подтверждаются материалами, полученными в результате систематических археологических исследований в исторической части нашего города археологами из Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ СО РАН) и Омского научного центра СО РАН (ОНЦ СО РАН) в 2010–2018 гг. [Герасимов, Здор, Корусенко, 2015, с. 316–318; Корусенко, Герасимов, Здор, 2018, с. 27–29].

Впервые информация об археологических памятниках на территории Омска была систематизирована директором Омского краеведческого музея, краеведом А.Ф. Палашенковым. Всего в границах города автором отмечено чуть более трех десятков археологических памятников и единичных находок, менее десятка «находок позднейшего исторического периода» и десять «старых кладбищ» [Палашенков, 1960а, с. 4–22].

Начиная с 2010-х гг. сотрудниками Омского филиала ИАЭТ СО РАН проводились археологические исследования в связи со строительными и дорожными работами в границах первой и второй Омских крепостей. Полученные в результате проведенных работ материалы позволили значительно расширить представления об освоенности территории исторического центра Омска в древности. Выявлены два могильника и поселение бронзового века, зафиксированы следы рвов первой Омской крепости, обнаружено ранее неизвестное русское кладбище, все полученные материалы опубликованы [Герасимов, Здор, Корусенко, 2015, с. 316–318; Корусенко, Герасимов, Здор, 2018, с. 27–29].

Строительство первой Омской крепости связано с именем подполковника И.Д. Бухгольца, который в 1716 г. прибыл в устье р. Омь во главе экспедиции «за Яркендским золотом». В роли инженера по строительству выступил пленный шведский артиллерийский поручик Яган (Иван) Каландер. Крепость отображена на чертежах 1722, 1745 и 1755 гг., которые, вкупе с описаниями XVIII в. и археологическими данными, позволяют представить ее внешний вид, оценить размер и привязку к деталям рельефа [Герасимов, Здор, Корусенко, 2019а, с. 185–196; 2019б, с. 293–314]. Система фортификации включала треугольный редут на стрелке Оми и Иртыша, четырехугольный острог на первой надпойменной террасе Иртыша и большую крепость в форме пятиугольника на коренной террасе. Главная крепость северной стороной выходила на крутой берег р. Омь, с других сторон была окружена сухим рвом глубиной до 3 м, ее стены состояли из земляного вала и частокола. В крепость

вело четверо ворот: в западной куртине, выходящей на берег Иртыша, располагались Спасские, через которые можно было выехать в Южный форштадт (Луговскую слободу), юго-восточную разрезали Знаменские ворота, выводящие на дорогу в Томск. К берегу Оми, на север, вели Никольские ворота, дорога из которых шла вдоль берега Оми к Шестаковским воротам, расположенным в восточной куртине [Кочедамов, 1960, с. 6]. Крепость была построена из сырого ивняка и березы, из-за весенних половодий она ежегодно подтапливалась, что наносило ущерб строениям и земляным сооружениям. Фортификация крепости постепенно ветшала, а сложность и дороговизна регулярного ремонта в условиях острого дефицита строительного леса актуализировала вопрос о востроительстве новой крепости на правом высоком берегу Оми.

Строительством второй Омской крепости руководил генерал И.И. Шпрингер, автором проекта стал инженер К.Л. Малм, в 1765 г. ими был подписан чертеж новой крепости. После получения разрешения на строительство из Петербурга, спустя 51 год после закладки первой крепости, в 1767 г. проект был утвержден. Работы начались весной 1768 г. на правом берегу реки Оми [Палашенков, 1967, с. 17].

Крепость занимала площадь в 30 гектаров, укрепления состояли из четырех бастионов (Подгорный, Степной, Тарский и Форштадтский) и трех полубастионов (Омский, Ильинский, Иртышский). Охватывавший крепость земляной вал имел 3,5 метра в высоту, со стороны Иртыша он возвышался на 12 метров над плесом реки. С внешней стороны вал был обведен широким сухим рвом в 2,4 метра глубиной. В крепость вели четверо деревянных ворот: Омские – с востока, со стороны Омской слободы, Тарские – с северной стороны, Тобольские и Иртышские – со стороны Иртыша. Против Омских и Тарских ворот через ров были сделаны подъемные мосты. Реки Омь и Иртыш с их высокими крутыми террасами, дополнительно эскарпированными, служили естественной защитой крепости с западной и южной сторон [Палашенков, 1967, с. 17].

Вторая Омская крепость просуществовала до середины XIX в. и в 1854 г. была упразднена, валы срыли, рвы засыпали, на их месте появились новые улицы. К началу XX столетия от системы укреплений крепости сохранились только ворота.

Вопросом о форме, размерах и границах первой Омской крепости ученые задавались еще с XX столетия. Топографическую привязку исторического объекта в своих работах пытались осуществить А.Ф. Палашенков и В.И. Кочедамов. В 1950-х гг. ими была предпринята попытка совмещения данных старых карт и современной градостроительной ситуации [Палашенков, 1960б, с. 29; Кочедамов, 1960, с. 7].

Впервые ограниченные по масштабам раскопки на предполагаемой территории первой крепости были выполнены в 2014 г. Н.В. Телятниковой (Беликовой). Четыре небольших раскопа были заложены близ

остановки «Площадь Ленина», были обнаружены две монеты 1774 г. чеканки, фрагменты чернлощенной керамики, железные ножи, оселки [Беликова, 2015, с. 309]. Находки относятся к культурному слою Ильинского форштадта, возникшего в XIX в. из Лутовской слободы, сложившейся на указанной территории во 2-й половине XVIII в. после демонтажа первой Омской крепости.

Материалы А.Ф. Палашенкова и Н.В. Телятниковой в своей работе использовал С.С. Тихонов [2015; 2016], предпринявший попытку наложить их на современную карту города Омска. Согласно схеме С.С. Тихонова, западный фас крепости проходит вдоль улицы Карла Маркса, а склон террасы Иртыша пересекает сквер Борцов Октябрьской революции в створе ул. Броз Тито.

В 2017 г. сотрудниками Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН в результате археологического наблюдения за ходом строительных работ по реконструкции улицы Ленина были получены данные, которые легли в основу проекта границ первой Омской крепости. Это стало принципиально новым подходом, так как основным источником работ стали стратиграфические исследования местности, а не только данные исторической картографии. Появилась новая информация о застройке приустьевой зоны левого берега р. Оми.

Стратиграфические разрезы, заложенные в юго-западном секторе перекрестка улиц Ленина и Лермонтова и у западной стороны улицы Ленина в районе здания №20, установили наличие слоя искусственного происхождения, который был предназначен для повышения уровня современной дневной поверхности. А наблюдения на бортах траншеи и котлованов, расположенных на Ленинской (Ильинской) горке, в сквере Борцов революции, показали, что на этом участке исследовательские раскрытия обнажили высокую часть речной террасы. Наблюдаемая картина свидетельствует о том, что низкая площадка надпойменной террасы на участке площади Ленина искусственно поднята, а склон коренной террасы был сглажен, благодаря чему удалось добиться выравнивания поверхности для организации транспортных магистралей [Герасимов, Здор, Корусенко, 2019б, с. 303].

Уточнить местоположение крепостных сооружений позволяют остатки крепостных рвов, зафиксированные на стратиграфических разрезах в двух местах строительной траншеи – близ пересечения улиц Броз Тито и Ленина и у пешеходного перехода на улице Лермонтова, на месте северного парапета сквера памяти Борцов революции [Герасимов, Здор, Корусенко, 2019а, с. 192].

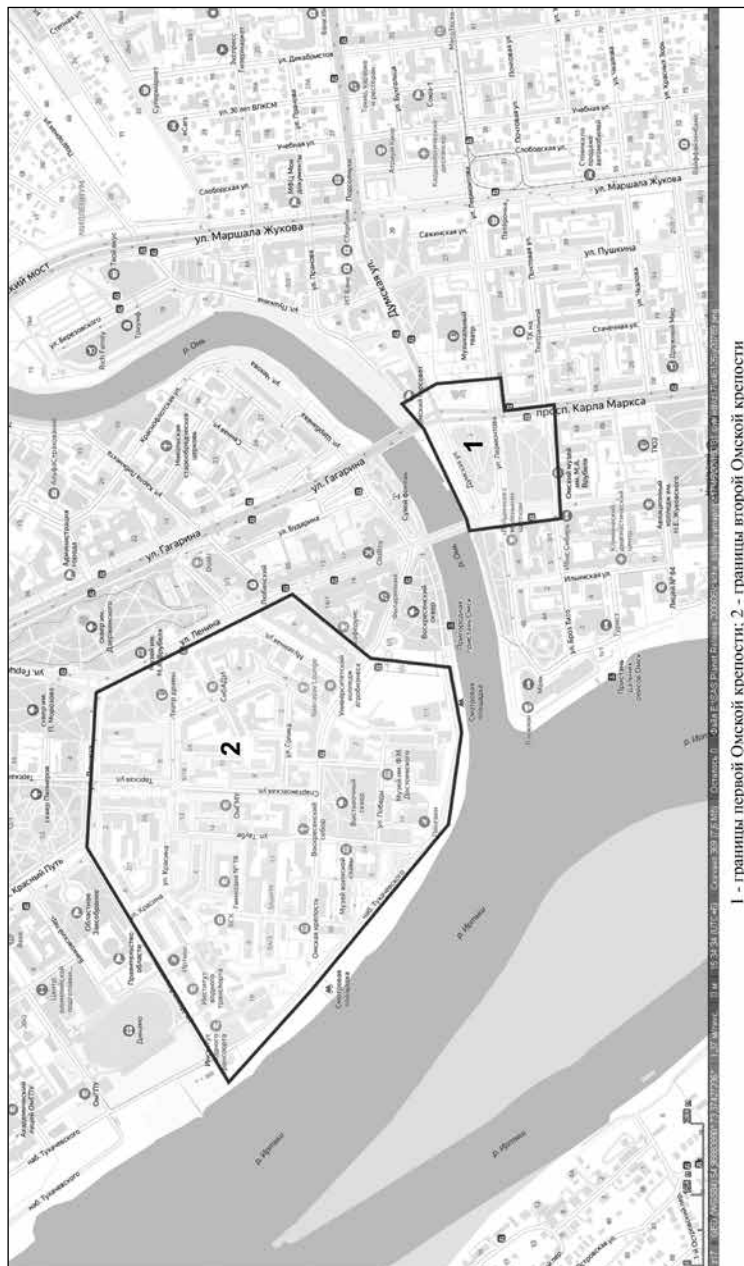
Помимо рва в одной из строительных траншей близ ограды Театрального сквера были зафиксированы остатки захоронения, разрушенного при предыдущих реконструкциях улицы Ленина. От погребения сохранились часть могильной ямы, полуистлевшие доски гроба

и фрагмент костяка, в стенке траншеи прослежены следы еще нескольких могил [Герасимов, Здор, Корусенко, 2019а, с. 193–194].

Совместив данные археологических наблюдений в исторической части города Омска с архивными и картографическими источниками, удалось наложить границы первой и второй Омской крепости на современную карту города (рис.). Границы первой крепости, расположенной на левом берегу реки Омь, проходят вдоль улиц Карла Маркса, Броз Тито и Ленина, северный край проложен вдоль террасы реки. Вторая крепость на террасе, образованной правыми берегами р. Иртыш и Омь, заключена в границы улиц Карла Либкнехта, Ленина, Ивана Алексеева, юго-западный и южный край объекта культурного наследия проходит вдоль русла р. Иртыш и устья Оми.

С учетом значимости подобных объектов в формировании исторического лица города необходимо стремиться к сохранению подлинности их архитектурных особенностей. На сегодняшний день исторические объекты второй Омской крепости благодаря проведенным мероприятиям по ремонту и реконструкции зданий приспособлены к использованию в современных условиях. Восстановлен исторический облик семи построек начала XIX в. – арсенала, обозного сарая, кухни-столовой, инженерной мастерской, цейхгауза, двух казарм (1823 и 1833 гг. постройки), планировка же зданий отвечает новому функциональному назначению. На ул. Спартаковской в 2016 г. была проведена реконструкция Воскресенского собора, разрушенного еще в середине прошлого столетия. В том же году сотрудники ВООПИК выступили с проектом по реконструкции и музеефикации казарм Омского каторжного острога, расположенного, по архивным и картографическим материалам, вблизи бывшего Степного бастиона крепости.

Данные работы ведут к восстановлению исторического ландшафта второй Омской крепости. Помимо объектов, реставрированных к 300-летию Омска, сохранена основа крепости, ранее были восстановлены Иртышские, Тобольские, Омские и Тарские ворота, здание штаба гарнизона крепости (ныне Музей воинской славы омичей), здание бывшего Военного собрания (Дом офицеров Омского гарнизона Министерства обороны РФ), гауптвахта (сейчас здание областного военкомата), Комендантский дом (ныне здание Литературного музея им. Ф.М. Достоевского) и др. Объекты сохранены и создают исторический фон крепости, а современное строительство может угрожать этому историческому ландшафту с точки зрения разрушения архитектурного единства комплекса. Чтобы сохранить застройку, отражающую исторический облик города, все строительные работы должны сопровождаться историко-культурными обследованиями, включающими в себя как архитектурный раздел, так и археологический.

1 – границы первой Омской крепости; 2 – границы второй Омской крепости

Границы первой и второй Омской крепостей на современной карте города Омска:
 1 – границы первой Омской крепости; 2 – границы второй Омской крепости

Как мы отметили выше, первая Омская крепость утратила свои внешние признаки, под дорогами, скверами и зданиями левого берега реки Оми сохранился только культурный слой памятника, фиксируемый археологами. В условиях плотной и активной застройки города реконструкция ее объектов и восстановление элементов фортификации не представляются возможными. В связи с этим, по нашему мнению, стоит использовать методы, которые нам предоставляют современные технологии, например воссоздать комплекс первой Омской крепости в виртуальной среде.

Непосредственно археологические исследования могут быть проведены только в Ленинском сквере и Мемориальном сквере памяти борцов революции, расположенных в центральной части границ крепости, в виде археологических наблюдений при любых земляных и строительных работах. Особую актуальность такие исследования обретают в связи с планами по строительству копии Ильинского собора в Ленинском сквере, поскольку планируемые строительные работы неизбежно повредят культурный слой крепости. Сохранение памятника возможно только благодаря консервации руинированного исторического ландшафта, с информационными указателями границ первой Омской крепости. В Омском государственном историко-краеведческом музее демонстрируется макет крепости, но с учетом новых данных он требует пересмотра и серьезного уточнения; кроме того, современные средства цифровой визуализации позволяют виртуально вписать его в новый исторический ландшафт города.

Сегодня особенно важно найти оптимальное решение проблемы сохранения и использования исторической застройки в современной архитектуре города. Первая и вторая Омские крепости – памятники истории и культуры города Омска, они являются объектами культурного наследия и имеют ценность с точки зрения истории, археологии и архитектуры. Крепости представляют собой творения, созданные человеком, сохраняют фрагменты исторической градостроительной планировки и застройки, культурный ландшафт, связанный с историческими событиями Омска, что в рамках Федерального закона №73-ФЗ позволяет отнести их к категории охраняемых историко-культурных объектов «достопримечательное место» [Об объектах... №73-ФЗ]. В этом случае на территории первой и второй Омских крепостей будут действовать требования к осуществлению деятельности и градостроительным регламентам, включающие мероприятия, необходимые и достаточные для сохранения, реставрации, и эксплуатации объекта, а также обеспечивающие условия для его изучения. Предложенный путь, как нам представляется, позволит сохранить как архитектурный облик исторического центра Омска, так и археологический культурный слой в условиях современной городской застройки.

Библиографический список

Беликова Н.В. Предварительные результаты разведочных работ на I Омской крепости // Третьи Ядринцевские чтения. Омск, 2015. С. 309–310.

Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Корусенко М.А. Археологические комплексы на территории II Омской крепости // Третьи Ядринцевские чтения. Омск, 2015. С. 316–318.

Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Корусенко М.А. Неизвестные страницы истории Омска: археологические данные // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019а. №2 (22). С. 185–196.

Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Корусенко М.А. Первая крепость Омска: что говорит археология // Сибирский сборник. Вып. 4. Тобольск, 2019б. С. 293–314.

Корусенко М.А., Герасимов Ю.В., Здор М.Ю. Археологические открытия в историческом центре города Омска в 2010–2016 гг. // Омские научные чтения. Омск, 2018. С. 27–29.

Кочадамов В.И. Омск: как рос и строился город. Омск, 1960. 112 с.: илл.

Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 №73-ФЗ // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/12127232/>

Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омска // Известия Омского отдела географического общества Союза ССР. Омск, 1960а. Вып. 3. С. 3–23.

Палашенков А.Ф. Планы Омской крепости 1722 и 1755 годов // Известия Омского отдела географического общества Союза ССР. Омск, 1960б. Вып. 3. С. 25–29.

Палашенков А.Ф. Памятники и памятные места Омска и Омской области. Омск, 1967. 235 с.: илл.

Тихонов С.С. Этнографо-археологические исследования и вопросы картографирования исторических объектов (на примере первой Омской крепости) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул; Омск, 2015. С. 104–108.

Тихонов С.С. Археологические материалы и возможности изучения ранней истории Омска // Омск – 300: Прошлое. Настоящее. Будущее. Омск, 2016. С. 37–42.

М.А. Korusenko¹, Yu.V. Gerasimov¹, M.Yu. Zdor², D.P. Zagorodnikova²

*¹Siberian Branch Institute of Archaeology and Ethnography
of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russia;*

*²Omsk Science Center of the Siberian Branch
of The Russian Academy of Sciences, Omsk, Russia*

THE FIRST AND SECOND FORTRESSES OF OMSK: RESEARCH AND PRESERVATION POSSIBILITIES

The present article summarizes research related to demarcating the first and second Omsk fortresses. Fortifications of these landmarks have long been destroyed, the cultural layer only and partially complexes of buildings of the late 18th – first half of the 19th centuries have been preserved, but they are at risk in connection with active modern urban development. Active archaeological research during the last ten years has

yielded an expanded informational database and new evidence illuminating the use of the territory in antiquity and providing insight on the cultural layer of the fortresses.

The authors of the present paper have ascertained and precised on the city map the borders of both sites, using stratigraphic research, historical cartography, and archival record. The conclusion provides insight on the main problems of conservation of the researched objects of cultural significance, and on perspectives of their museum commitment within the current framework of development of the historical center of Omsk.

Keywords: Omsk, the first and second Omsk fortresses, archaeological sites, historical center, research, museum

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.58

УДК 069:902(571.150)

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия

МАЛЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ БИЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В статье представлены материалы из фондов Бийского краеведческого музея, характеризующие малые коллекции прошлых лет, переданные находчиками в музей и обнаруженные во время обследования различных территорий Алтай Б.Х. Кадиковым – научным сотрудником, а затем директором музея. Эти коллекции содержат незначительное количество находок, поэтому не привлекали внимание исследователей. Однако публикуемые материалы достаточно показательны, имеют точно определенное место обнаружения и позволяют его найти даже спустя длительный промежуток времени. В работе описываются находки М.Д. Копытова около с. Вяткино Усть-Пристанского района Алтайского края, памятники в правобережье Бии в Турочакском районе республики Алтай и в устье р. Чемал в Чемальском районе данной республики.

Опубликованные памятники расположены в различных по физико-географическим условиям регионах Алтая. Этот факт позволяет существенно расширить возможности поиска новых археологических объектов в степных, горных и таежных районах. Кроме этого, учет данных памятников, известных очень давно, в планируемом строительстве может облегчить работу исследователей.

Ключевые слова: Горный Алтай, археология, М.Д. Копытов, Б.Х. Кадиков, Бийский краеведческий музей, каменные орудия, каменный наконечник стрелы, керамика

В фондах Бийского краеведческого музея имени В.В. Бианки хранится достаточно много небольших археологических коллекций из различных районов Алтайского края и Республики Алтай, поступивших туда от находчиков и собранных в разные годы сотрудниками БКМ. В 80-е гг. прошлого века автор обработал и описал практически все эти коллекции. Часть материалов была опубликована в работах, посвященных научной деятельности сотрудников музея, характеристике отдельных регионов и эпох [Киришин, Кунгуров, Казаков, 1992; Кунгуров, 1992; 1995; 1999].

Однако часть материалов, содержащих достаточно показательные изделия и их точные адреса, по разным причинам осталась не введенной в научный оборот. Настоящая работа посвящена публикации четырех таких коллекций, собранных в разное время около с. Вяткино Усть-Пристанского района Алтайского края и на территории нынешней Республики Алтай – около с. Дмитриевка (Турочакский район) и с. Чемал (Чемальский район).

Вяткино (старый коллекционный номер 852, новый – 9616). Три костяных черешковых наконечника стрел удовлетворительной сохранности. Судя по сопровождающей находки этикетке, вещи происходят из разрушенной могилы в с. Вяткино и собраны сотрудником БКМ М.Д. Копытовым в 1925 г. Указанное место находится в Усть-Пристанском районе на левом берегу р. Оби (юго-восточная оконечность Приобского плато) (рис.-1). По физико-географическому районированию это Ниж-

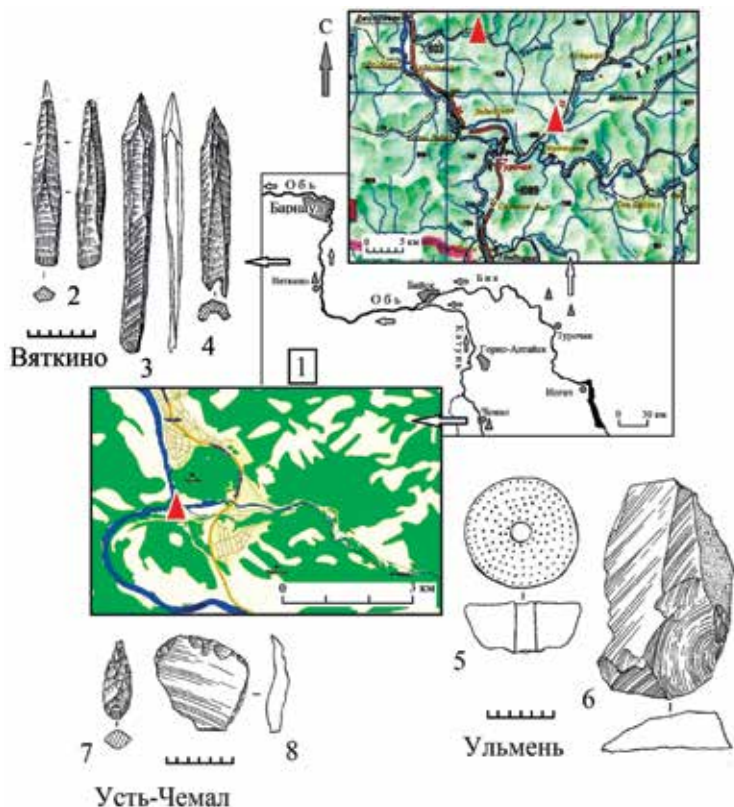

Схема расположения (1) и материалы местонахождений Вяткино (2-4), Ульмень (5, 6), Усть-Чемал (7, 8)

неалейский район Приобской левобережной подпровинции Приобской провинции Западно-Сибирской страны. Ландшафт возвышенный дренированный (элювиальный) степной. Распространены пологоувалистые лессовые плато и пролювиальные равнины с богато-разнотравными красно-ковыльными степями на обыкновенных черноземах [Алтайский край..., 1978]. В окрестностях с. Вяткино Приобское плато пересекает несколько малых рек – левых притоков Оби, наиболее крупные из них – р. Крутиха (длина 20 км), впадающая в Обь на южной окраине села, и р. Иштовка (11,2 км), протекающая севернее. Судя по форме и характеру наконечников стрел (рис.-2–4), они могут датироваться монгольским временем и относиться к кармацкой культуре XIII–XIV вв. н.э. Курганные могильники этого периода приурочены к мысам и возвышенностям, выходящим в открытую пойму рек. Поскольку местом находки указано с. Вяткино, а не Дзержинск (северный выселок), где в Обь впадает Иштовка [Кунгуров, Тишкин, 1996], скорее всего, разрушение погребения с костяными стрелами произошло в устьевой зоне Крутихи.

Турочакский район Республики Алтай. В БКМ имеется несколько случайных единичных находок из этого интереснейшего региона. В настоящей работе мы хотим отметить два местонахождения, приуроченных к небольшим речкам, впадающим в правые притоки р. Бии: р. Лебедь и Ульмень (рис.-1). По физико-географическому районированию оба местонахождения входят в Лебединско-Чойский район Северо-Восточной Алтайской провинции Алтайской области страны Горы Южной Сибири. Долины рек расположены в среднегорных эрозионно-денудационных лесных зонах крутосклонных глубокорасчлененных скалистых и каменисто-осыпных ландшафтов с кедрово-пихтово-еловыми лесами и высоко-травянистыми лесными лугами [Алтайский край..., 1978, с. 148–150]. Долины рек, как крупных, так и средних, террасированы, имеют комплекс песчано-валунно-галечниковых террас с разнотравно-злаковыми остепненными лугами в сочетании с древесно-кустарниковыми зарослями на лугово-черноземных почвах и выщелоченных горных черноземах. Водораздельные пространства носят низкогорный эрозионно-денудационный характер. Распространены осиново-пихтовые высокотравные (черневые) леса на горно-лесных дерново-глубокоподзоленных почвах. Отмечается широкое распространение сосны сибирской, имеющее местное наименование кедр.

На р. Лебедь находки (колл. №199) сделаны в устье р. Сии, впадающей в р. Лебедь (правый приток Бии) справа (рис.-1). В разрушениях, связанных с дорогой в пос. Каяшкачи, Б.Х. Кадиков собрал три фрагмента гончарной керамики и два каменных артефакта: кварцитовый скол с бессистемной обивкой и выразительный отщеп средних размеров.

Второе местонахождение (колл. без номера) связано с р. Ульмень (длина 48 км), правого притока р. Бии, впадающего на южной окраине

с. Дмитриевка. В 1961 г. житель села Ю.Н. Земцов в 7,14 км юго-восточнее Дмитриевки на правом берегу р. Ульмень в полукилометре ниже ее правого притока руч. Медвежонок в разрушениях берега подобрал керамическое пряслице с «точечным» круговым шестирядным орнаментом (рис.-5) и крупный скол палеолитического облика с остатком валунной корки на одной из граней (рис.-6). Важным моментом, характеризующим объекты Турочакского района, является их многослойность и разновременность материалов. Это свидетельство перспективности отмеченных зон для поиска археологических памятников.

Усть-Чемал Чемальский район Республики Алтай (колл. №222). В 1958 г. Б.Х. Кадиков на мысе, образованном руслом р. Катунь и левым берегом ее правого притока р. Чемал, в шурфе зафиксировал несколько археологических артефактов. Чемал (длина реки – 54 км) берет свое начало из небольшого озера, расположенного на высоте 1888 м, на северном склоне горы Таманел (2254 м), хребта Куминские белки [Алтайский край..., 1978]. В шурфе были найдена керамика раннего железного века, один фрагмент афанасьевского времени, реберчатый скол мелких размеров, отщеп и каменный наконечник стрелы (рис.-7). Позднее Б.Х. Кадиков еще раз посетил это место и на обнажении берега сделал зачистку, обнаружив два фрагмента керамики без орнамента, два крупных пластинчатых отщепа, отщеп с ретушью и скребок на отщепе с дорсальной обработкой овального рабочего края (рис.-8). Материал был включен в публикацию по обобщению археологического исследования Чемальского района [Степанова, Соенов, 2009, с. 26–27]. Данное место, вне всякого сомнения, перспективно для поиска археологического памятника, особенно учитывая быстрое и безудержное застраивание разнообразными туристическими объектами побережья Катунь.

Библиографический список

- Алтайский край. Атлас. Т. 1. М.; Барнаул, 1978. 222 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 7–47.
- Кунгуров А.Л. Сергей Михайлович Сергеев // Алтайский сборник. Барнаул, 1992. Вып. XV. С. 177–184.
- Кунгуров А.Л. Научная деятельность М.Д. Копытова // Алтайский сборник. Барнаул, 1995. Вып. XVI. С. 270–282.
- Кунгуров А.Л. Археологические находки из района слияния Бии и Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X. С. 116–120.
- Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Результаты исследования памятника эпохи раннего железа Усть-Иштовка-1 на Алтае // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 124–146.
- Степанова Н.Ф., Соенов В.И. Археологические памятники и объекты Чемальского района. Горно-Алтайск, 2009. С. 26–27.

A.L. Kungurov

Altai State Museum of Local History, Barnaul, Russia

**SMALL ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS
OF THE BIYSK REGIONAL MUSEUM**

The article presents materials from the funds of the Biysk Local History Museum, characterizing small collections of the past decades transferred by the finders to the museum and discovered during the survey of various territories of Altai by B.H. Kadikov – a researcher, and then the director of the museum. These collections contain a small number of finds, so did not attract the attention of researchers. However, the published materials are quite revealing, have a precisely defined location of detection and allow it to be found even after a long period of time. The work describes the finds of M.D. Kopytov near the village of Vyatkinо in the Ust-Pristan district of the Altai region, the sites located on the right bank of Bia in the Turochak district of the Altai Republic and at the mouth of the Chemal River in the Chemal region of the republic. The published sites are located in different regions of the Altai region in different physical and geographical conditions. This fact allows to significantly expand the possibilities of finding new archaeological objects in steppe, mountain and taiga areas. In addition, the accounting of these sites, known for a very long time, in the planned construction can facilitate the work of researchers.

Keywords: Altai Mountain, Archaeology, M.D. Kopytov, B.H. Kadikov, Biysky Local History Museum, stone tools, stone arrowhead, ceramics

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.59

УДК 069:902«638»(571.150)

О.С. Лихачева

ОАО «Алтайстройсервис», Барнаул, Россия

**КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПОЗИЦИИ
БИЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

Обращаясь к работе с музейными коллекциями, специалисты очень часто более пристальное внимание уделяют фондам. Это связано как со сложностью доступа к предметам, расположенным в витринах, так и с тем, что для демонстрации используются наиболее яркие экспонаты, не дающие объективного представления о материальной культуре древнего общества в тот или иной период. Но при небольшом количестве экземпляров, относящимся к определенной тематике, все они могут быть выложены на витрины, образуя репрезентативный комплекс. В статье на примере Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки обосновывается актуальность изучения экспозиционных материалов. Подробно рассматривается витрина, посвященная эпохе ранних кочевников, в частности представленные на ней предметы во-

оружия. Дается их описание, еще раз уточняется датировка и культурная принадлежность, анализируется видовой состав. Исходя из последнего реконструируются некоторые стороны военного дела носителей большереченской археологической культуры. Возможность подобных выводов свидетельствует о разнообразии и полноте представленного набора.

Ключевые слова: музей, оружие, военное дело, реконструкция, раннескифское время

В 2013 г. автором проводились работы по изучению предметов вооружения раннего железного века, хранящихся в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки (далее – БКМ). Помимо фондов большое внимание было уделено экспозиции, где на тот момент располагалось достаточно много изделий, относящихся к интересующей нас категории инвентаря. Ознакомление с витринами показало, что наиболее полно продемонстрировано оружие населения Барнаульско-Бийского Приобья «раннескифского» времени [Могильников, 1986, с. 30]. Указанные материалы были интегрированы в раздел «Эпоха ранних кочевников». Разнообразный видовой состав и хорошая сохранность образцов дают возможность не просто получить данные о конкретных предметах, но при комплексном их рассмотрении воссоздать отдельные аспекты военного дела населения указанной территории в VIII–VII вв. до н.э.

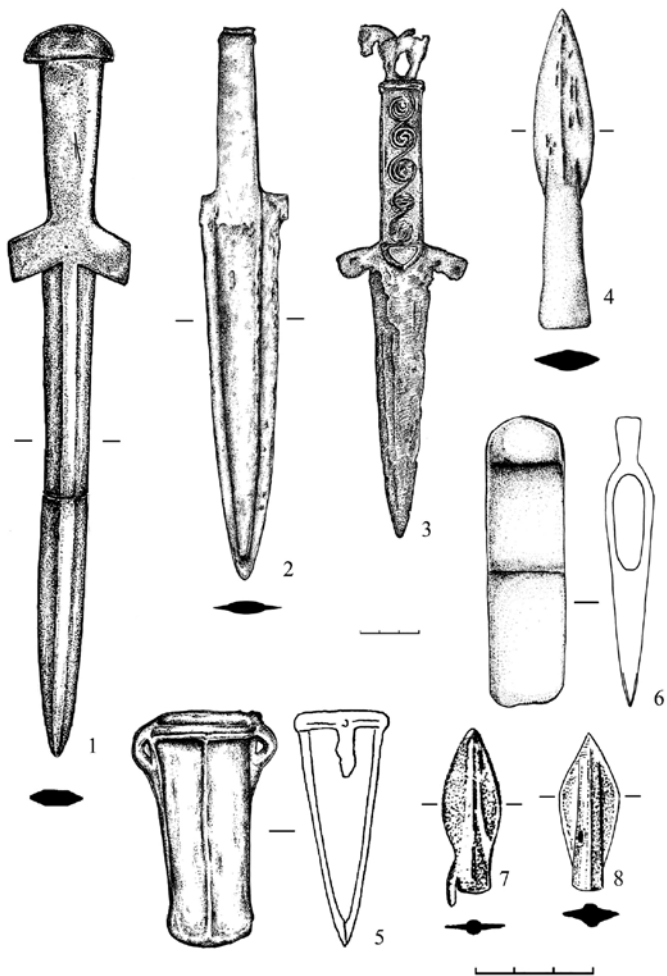
Ранее данные материалы уже не раз публиковались, но исследователи акцентировали внимание преимущественно на их культурно-хронологической атрибуции [Тишкин, Папин, 1998, с. 179–182; Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, с. 7–40; Лихачева, 2018, с. 222–227; 2020, с. 97–100, рис. 2]. Автором представленной статьи они были включены в базу данных по вооружению раннего железного века и привлекались при реконструкции военного дела у племен Лесостепного Алтая, но тогда они анализировались суммарно с другими изделиями [Лихачева, 2015, с. 16]. Соответственно интересующий нас комплекс никогда не рассматривался в совокупности. Как уже отмечалось выше, почти все составляющие его экземпляры были расположены в разделе экспозиции «Эпоха ранних кочевников» и включали два наконечника стрел, один наконечник копья, топор, кельт и два кинжала. В ходе подробного ознакомления с представленными на витринах музея предметами вооружения был выявлен кинжал, относящийся к интересующей нас территории и периоду, но экспонируемый в разделе «Бронзовый век». Это кинжал со Старого Мочищенского кладбища (далее – Мочище) [Членова, 1967, с. 101], датировка и культурная принадлежность которого будет рассмотрена и обоснована нами ниже.

Коротко остановимся на характеристике указанных изделий и еще раз обозначим моменты, связанные с датировкой и культурной принадлежностью. Все анализируемые предметы изготовлены из цветного металла (бронзы?).

Наконечники стрел являются случайными находками. Один происходит из с. Камышенка (инв. №296), местонахождение второго точно не известно (без инвентарного номера, далее – б/н) [Тишкин, Папин, 1998, с. 180–182, рис. 5–6]. Оба – втульчатого способа насада, с выступающей втулкой и двухлопастным сечением пера. У изделия без точного местонахождения перо листовидного абриса, на втулке расположен шип и имеется литейный брак в виде отверстия подовальной формы (рис.-7). Аналогии ему известны среди наконечников стрел из кургана Аржан-1 конца IX – VIII в. до н.э. [Марсадалов, 2000, с. 21, табл. 1; Чугунов, 2000, рис. 3.-4]. Наибольшее распространение такие изделия получают у носителей кобанской культуры, в частности это материалы Самтаврского могильника середины – 2-й половины VII в. до н.э., Кызылкамского и Тамгацкского могильников конца VII в. до н.э. – начала VI в. до н.э. [Козенкова, 1995, табл. III.-Ж1–2, К2–3; Горелик, 2003, табл. XLIV.-31]. В целом на западных территориях они бытуют вплоть до VI в. до н.э. [Ильинская, Мозолевская, Тереножкин, 1980, с. 32–33, рис. 6.-29–30]. Экземпляр из с. Камышенка имеет перо асимметрично-ромбического абриса и небольшой литейный брак на втулке (рис.-8). Встречаются подобные наконечники также в комплексе Аржан-1 [Чугунов, 2000, рис. 6.-3]. Известны они и по раннесакским могильникам VIII–VI вв. до н.э. [Итина, Яблонский, 1997, с. 70, рис. 47.-4–5; Таиров, 2007, рис. 5.-15–17]. Наиболее близкие территориально аналогии обоим образцам происходят из Горного Алтая и датируются исследователями VII–VI вв. до н.э. [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 81, рис. 60.-8, 10–12]. Изделия с асимметрично-ромбическим пером происходят из памятников большереченской культуры VIII–VII вв. до н.э. [Папин, Шамшин, 2005, с. 54, рис. 10.-9, 11]. Этим временем и могут быть датированы рассматриваемые экземпляры.

Наконечник копья (б/н), происходящий из объекта «Мост» (разрушенное погребение) [Тишкин, Папин, 1998, с. 180, рис. 3]. Он относится к длинновтульчатым – втулка длиннее пера более чем в 1,5 раза, имеет перо ромбического сечения с вытянутолиновидным абрисом (рис.-4). Наиболее близкой ему аналогией является достаточно поздно датируемый образец из Средней Азии, который исследователи относят к концу VI–V вв. до н.э. [Иванов, 2007, рис. 2.-1]. На территории Лесостепного Алтая близкие по морфологии наконечники копий происходят из памятников VII–VI вв. до н.э. большереченской культуры [Грязнов, 1956, с. 58, табл. XVIII.-1, 2]. Представленный в экспозиции топор (б/н) происходит из окрестностей г. Бийска [Тишкин, Папин, 1998, с. 180, рис. 4]. Он проушного способа насада, с сильно выделенным обухом. Имеет овальный проух и клинок с полотно прямоугольного абриса (рис.-6). Подобные изделия известны по материалам

Предметы вооружения «раннескифского» времени из экспозиции Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки (по данным на 2013 г.): 1 – с. Катунское; 2 – Мочище; 3 – р. Бия; 4 – «Мост», разрушенное погребение; 5 – с. Смоленское; 6–7 – г. Бийск; 8 – с. Камышенка (1–8 – бронза)

тагарской культуры VII–VI вв. до н.э. [Членова, 1967, с. 30, табл. 7–13, 15–16]. Исходя из аналогий и местонахождения рассмотренные изделия могут быть датированы VII–VI вв. до н.э. и соотноситься с большереченской культурой.

Кельт, найденный в окрестностях с. Смоленское (б/н), с симметричным в профиле клином, скрытой втулкой и двумя «ушками» по бокам для дополнительной фиксации на древке. Абрис его клинка трапециевидный. От венчика по центру полотна почти до лезвия проходит декоративный элемент в виде выпуклого валика (рис.-5). Подобный вид оружия со схожими признаками получает широкое распространение у восточноевропейских племен в XV–XII вв. до н.э. [Клочко, 1996, рис. 75.-10; 76.-5–6; 88.-5–6; 93.-4–5]. Известны кельты и в Средней Азии, где датируются XII–VIII вв. до н.э. [Кузьмина, 1966, с. 21, табл. IV.-10–11]. На территории Лесостепного Алтая еще один двуушковый кельт происходит с поселения большереченской культуры VIII–VII вв. до н.э. Мыльниково [Папин, Шамшин, 2005, с. 54, рис. 10.-2]. Этим же временем может определяться время бытования рассматриваемого экземпляра.

Представленные в экспозиции кинжалы являются случайными находками из с. Катунское, с р. Бия и из района г. Бийска, именуемого Мочище.

Кинжал из с. Катунское (инв. №336) имеет клинок килевидного абриса и шестиугольного сечения: по центру проходит узкая ровная «площадка», от которой под тупым углом идут скосы к лезвиям [Тишкин, Папин, 1998, с. 179–180, рис. 1]. У изделия ярко выражено протоперекрестие, представляющее собой небольшие лопасти в месте перехода черена в клинок. Навершие образца полусферической формы, черен прямоугольного сечения и абриса. Других дополнительных функциональных или декоративных элементов кинжал не имеет (рис.-1). Клинок этого образца сломан практически точно по центру. Его отличительной особенностью является нестандартно большая длина (38,8 см), из-за которой его трактовали как кинжал-меч [Тишкин, Папин, 1998, с. 179]. Наиболее близкой аналогией ему является кинжал из тагарского могильника VIII–VII вв. до н.э. [Горелик, 2003, табл. VII.-74]. Общая датировка данного типа может определяться этим же временем.

Более сложное оформление у кинжала с р. Бия (б/н) [Членова, 1976, табл. 6.-6; Киришин, Кунгуров, Казаков, 1992, рис. 10.-4; Лихачева, 2018, с. 223]. Образец с клинком треугольного абриса и протоперекрестием, между лопастями которого находится фигура, представляющая собой равнобедренный треугольник. Навершие выполнено в виде фигурки лошади. На черен нанесен орнамент из пяти спиралевидных завитков, соединенных между собой (рис.-3). Кинжал не имеет точных аналогий. Ряд его признаков есть у изделий VII–VI вв. до н.э., относящихся к ананьинской культуре и раннесакским образцам [Лихачева, 2018, с. 225]. Таким образом, бытование данного экземпляра может определяться этим же временем.

Сложнее с определением признаков кинжала с Мочища. Он имеет подтреугольный клинок с широкой нервюрой по центру, навершие не сохранилось (рис.-2). В ряде публикаций оно реконструируется как кольцевидное [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, рис. 10.-3; Членова, 1976, табл. 6.-4]. Но стоит отметить, что на настоящий момент большая часть кинжалов с протоперекрестием, происходящих с территории Лесостепного и Горного Алтая, имеет полусферическое навершие [Членова, 1976, табл. 6.-4; Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 60.-5]. По всей вероятности, для рассматриваемой территории более характерна именно такая комбинация признаков. Все указанные особенности характерны для образцов «раннескифского» времени и никак не могут относиться к эпохе бронзы. В пользу этого говорят и аналогии. Кинжалы со схожими формами (протоперекрестие, широкая нервюра на клинке, полусферическое навершие) известны по материалам Минусинской котловины. Наиболее близкое изделие происходит из этого же региона и датируется VIII–VII вв. до н.э. [Членова, 1976, с. 37, табл. 1.-6, 22; 2.-10]. Вероятно, к этому периоду относится и рассматриваемый экземпляр.

Большая часть вышерассмотренных изделий является случайными находками, лишь один предмет происходит из разрушенной могилы, но никаких подробных данных о другом инвентаре или особенностях погребального обряда не сохранилось. Следовательно, весьма актуальным является вопрос их культурной атрибуции. Исходя из ряда аналогий, приведенных выше, и локализации самих находок, их можно отнести к большебереченской археологической культуре, а совокупная датировка всего комплекса определяется VII в. до н.э.

Описанное выше оружие по дистанции поражения могло использоваться для дальнего (стрелы), среднего (копье) и ближнего боя (топор, кельт). Кинжалы также предназначены для ближней дистанции, но, скорее всего, они являлись только вспомогательным видом оружия. Исключением, видимо, является кинжал из с. Катунское, поскольку имеет нестандартную длину, по сравнению с другими изделиями. Вероятно, это были первые эксперименты, связанные с попытками ввести в комплекс длинноклинковое оружие, но из-за свойств бронзы подобные образцы оказались не эффективными. На это косвенно указывает то, что клинок кинжала сломан.

Рассмотренные материалы позволяют воссоздать сразу два возможных воинских комплекта, достаточно полных по своему составу и включающих оружие для применения на разных дистанциях поражения. Один из них мог состоять из стрелкового комплекса, кельта и дополняться кинжалом с длинным клинком. Ко второму можно отнести копье, топор и кинжал стандартных размеров. Исходя из этого, опреде-

ляются и возможные тактические приемы, которые могли применяться населением большеренской культуры. Судя по отсутствию в памятниках предметов конского снаряжения, верховая езда у ее носителей еще не вошла в употребление. Следовательно, основу войска составляли пешие воины. Первым этапом боя был обстрел врага с дальней дистанции, далее следовал переход к пешему бою на средней и ближней дистанции с применением древкового оружия.

В целом проведенная нами работа на примере предметов вооружения и военного дела свидетельствует о том, что пристального внимания специалистов заслуживают как материалы, хранящиеся в фондах, так и представленные в экспозиции. Их подробный анализ и рассмотрение в едином комплексе позволяет не только получить информацию о конкретных категориях инвентаря, но реконструировать некоторые аспекты жизни древнего населения региона.

Библиографический список

Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). СПб., 2003. 336 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М., Л., 1956. 163 с.

Иванов С.С. Копья саков Центральной Азии // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2007. С. 58–65.

Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусово // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 31–63.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. 187 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 7–40.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.

Клочко В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.). К., 2006. 337 с.

Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология) западный вариант // САИ. В2–5. Вып. 4. М., 1995. 166 с.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. М., 1966. 150 с.

Лихачева О.С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2015. 24 с.

Лихачева О.С. Кинжал «раннескифского» времени из Бийского краеведческого музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2018. Вып. XXIV. С. 222–227.

Лихачева О.С. К вопросу о хронологической атрибуции двух бронзовых кинжалов из Бийского краеведческого музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2020. Вып. XXVI. С. 95–101.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2000. 56 с.

Могильников В.А. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 29–32.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул, 2005. 202 с.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск, 2007. 274 с.

Тишкин А.А., Папин Д.В. Комплекс вооружения раннескифского времени на Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. С. 179–182.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 268 с.

Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. М., 1976. 204 с.

Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. С. 213–238.

O.S. Likhacheva

“Altaystroyservice”, Barnaul, Russia

THE COMPLEX OF WEAPONS OF THE BOLSHERECHENSKAYA CULTURE BASED ON THE MATERIALS OF THE EXPOSITION OF THE BIYSK MUSEUM OF LOCAL LORE

When working with museum collections, specialists often pay more attention to the funds. This is due both to the difficulty of accessing the items located in the showcases, and to the fact that the most striking exhibits are used for demonstration, which do not give an objective idea of the material culture of the ancient society at a particular period. However, with a small number of copies related to a particular topic, all of them can be laid out on display, forming a representative complex. The article uses the example of the Biysk Museum of Local Lore named after V.V. Bianchi to substantiate the relevance of the study of exposition materials. The showcase dedicated to the era of the early nomads, in particular, the items of weapons presented on it, is considered in detail. Their description is given, their dating and cultural identity are once again clarified, and the species composition is analyzed. Based on the latter, some aspects of the military affairs of the bearers of the Bolsherechenskaya archaeological culture are reconstructed. The possibility of such conclusions indicates the diversity and completeness of the presented set.

Keywords: museum, weapons, military affairs, reconstruction, early Scythian time

Л.В. Малюченко, С.Р. Хмырова

Канский краеведческий музей, Канск, Россия

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СИБИРИ В ФОНДАХ КАНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Статья посвящена рассмотрению истории сохранения, изучения, популяризации историко-культурного наследия периода революционных событий 1917 г. и Гражданской войны 1918–1920 гг. в Канском краеведческом музее. Дана характеристика особенностей этих периодов для Канска и Канского уезда Енисейской губернии, выделены основные этапы в работе музея с историко-культурным наследием и отмечены их отличительные черты. С Канском и Канским уездом в рассматриваемый период связаны жизнь и деятельность Р.П. Эйдмана, В.Г. Яковенко, В.Я. Зазубрина, В.А. Итина, чье наследие имеет не только региональное, но и общероссийское значение. В Канском краеведческом музее ведется его изучение и популяризация. В статье дана характеристика этой работы. Для истории Сибири периода Гражданской войны Тасеевская партизанская республика является своеобразным явлением. В статье обращено внимание на значение для музея этой темы. Подчеркнуто, что в современных условиях сохраняется востребованность историко-культурного наследия периода революционных событий 1917 г. и Гражданской войны 1918–1920 гг. и появляются новые возможности для его изучения и популяризации.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, музей, Сибирь, Гражданская война

Актуальность сохранения историко-культурного наследия периода революции 1917 г. и Гражданской войны на территории Канского уезда Енисейской губернии определяется своеобразием происходивших здесь событий.

Советская власть в Канске была впервые установлена в апреле – мае 1917 г. Канский Объединенный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов стал первым в Енисейской губернии и вторым, после Томского, в Сибири [Фирсанкова, 2019, с. 90–102].

После свержения советской власти 29 мая 1918 г. в результате восстания Чехословацкого корпуса на территории Канского уезда начинает разворачиваться партизанское движение [Фирсанкова, 2019, с. 122–133]. Большинство его участников – это крестьяне-середняки. Для решения военных задач был сформирован Северо-Канский партизанский фронт, руководящим органом которого на первом этапе был Военно-революционный штаб. Летом 1919 г. возникает Тасеевская партизанская республика. С этого времени высшим законодательным, распорядительным и исполнительным органом военной и гражданской власти становится Военный совет. Его руководителями были большевики, убежденные сторонники советской власти, В.Г. Яковенко, Н.М. Буда, Ф.А. Астафьев

и другие. На определенном этапе обсуждалась возможность разработки и принятия Конституции Тасеевской республики. Долгое время положение партизан было нестабильным, но с сентября 1919 г., когда стали сказываться результаты наступления Красной армии на Восточном фронте, им удалось постепенно взять под контроль всю территорию Канского уезда к северу от Транссибирской железнодорожной магистрали. В январе 1920 г. партизаны вступили в Канск и восстановили здесь советскую власть [Яковенко, 1968; Киселев, 2006, с. 13–17; Зазубрин, 1983].

Тасеевская партизанская республика и ее деятели оказали влияние на раннюю советскую литературу. В первом советском романе о Гражданской войне «Два мира» (1921) В.Я. Зазубрина, в фантастической повести «Страна Гонгури» (1922) и стихах В.А. Итина показаны события 1918–1920 гг. в Канском уезде [Зазубрин, 1983; Итин, 1922; 1923].

Сами деятели партизанской республики оставили воспоминания, самыми значительными из которых являются изданные в 1925 г. «Записки партизана» В.Г. Яковенко [1968], возглавлявшего Военный совет Северо-Канского фронта и Тасеевской партизанской республики.

В условиях жесткого идеологического контроля и при этом постоянно меняющихся партийных установок судьба историко-культурного наследия борцов за советскую власть в Канском уезде оказалась крайне противоречивой. В разные периоды оно то оказывалось в центре внимания власти и общества, то подвергалось забвению.

В начале 1930-х гг. перед музеем местного края г. Канска (ныне Канский краеведческий музей) была поставлена задача как можно быстрее создать раздел в экспозиции, посвященный партизанскому движению в годы Гражданской войны в Канском уезде и прилегающих территориях. Заведующему музеем А.С. Пожарскому постоянно ставилось в вину недостаточное внимание к данной теме. Анализ фондов Канского краеведческого музея показал, что от того периода сохранилось очень мало материалов, относящихся к событиям революции и Гражданской войны, что явно не соответствует уделяемому этим темам вниманию. Объяснение этому есть. К середине 1930-х гг. отношение к теме не изменилось, изменилось отношение к самим бывшим тасеевским партизанам. Они вступили в открытое противостояние с властью, отказавшись принимать сталинскую коллективизацию и выступив против нее с оружием в руках. Протест был подавлен, его участники репрессированы. Теперь привлекать к ним внимание посетителей музея было уже нежелательно. Перестали комплектоваться фонды, так как многие документы были изъяты органами НКВД или не сохранились [Набатчикова, 1996, с. 66–68; Усольцева, 1996, с. 53–56]. Сотрудники музея стали заложниками политической ситуации. Создание раздела в постоянной экспозиции, посвященного Гражданской войне, было обязательным, а что там можно размещать – было не понятно. В результате репрес-

сии коснулись и музея. Первый директор А.С. Пожарский в 1935 г. был арестован и приговорен к 8 годам лагерей, в том числе за отсутствие внимания к советскому периоду [Усольцева, 1996, с. 53–56].

В 1937–1938 гг. были репрессированы большинство из тех, кто активно участвовал в событиях революции и Гражданской войны в Канске и Канском уезде (Р.П. Эйдеман, В.Г. Яковенко, Н.М. Буда, В.Я. Зазубрин, В.А. Итин и другие). Их посмертная реабилитация началась после в 1956 г., после XX съезда КПСС.

Со 2-й половины 1950-х гг. начинает проводиться целенаправленная работа музея по собиранию материалов, посвященных рассматриваемым периодам. Удалось сформировать значительный фонд фотографий и документов, в том числе свыше 100 портретов участников партизанского движения, документы штаба Северо-Канского фронта. Бывшие партизаны изготовили для музея образцы самодельного вооружения: пушку и трещотку. Велась активная работа с носителями живой исторической памяти: запись воспоминаний, встречи с молодежью. В результате при музее появилось постоянно действующее объединение ветеранов Гражданской войны – «Клуб традиционных встреч», регулярно собиравшееся в нем.

В 1960-е гг., как результат систематической работы с историко-культурным наследием 1917–1921 гг., ряду улиц Канска были присвоены имена активных участников революции и Гражданской войны Н.И. Коростелева, Р.П. Эйдемана, В.Г. Яковенко, Н.М. Буды, Х.О. Гетоева. В Канске уважительное отношение к этим людям и оставленному ими наследию сохраняется и сейчас, свидетельством чего является то, что в новую эпоху не было переименований улиц. Можно отметить также неоднократные обращения в музей за информацией о людях, предметах и местах памяти периода Гражданской войны.

С середины 1970-х гг. на первый план в работе музея вышло литературное наследие эпохи гражданской войны. Внимание канских краеведов привлекло имя В.Я. Зазубрина, автора первого советского романа о Гражданской войне «Два мира», в котором основные события разворачиваются в Енисейской губернии и в Канске. В 1975 г., в связи с 80-летием со дня рождения В.Я. Зазубрина, сотрудниками Канского краеведческого музея была проведена большая работа по сбору предметов, фотографий, документов, относящихся к сибирскому периоду в жизни писателя. Удалось добиться признания дома семьи Теряевых, в котором В.Я. Зазубрин жил в Канске в 1919–1923 гг., памятником культурного наследия и установить на нем памятную табличку [Теряева, 1996]. На выставках 2010-х гг., в том числе «Иллюзион „Фурор“», посвященной истории кинематографа в Канске, систематически привлекались материалы, собранные в музее о В.Я. Зазубрине и В.А. Итине.

Историко-культурное наследие периода революции 1917 г. и Гражданской войны оказалось вновь в центре внимания в связи со столетним

юбилеем этих событий в 2017–2020 гг. На этом этапе потребовалось новое осмысление ранее накопленного в музее материала. Результатом явилось создание выставки «Локомотив революции». Благодаря взвешенному подходу при разработке ее научной концепции и художественного воплощения она стала выставкой-лидером по посещаемости за 2017 год. На этой выставке, впервые в Канском краеведческом музее, были представлены материалы, посвященные роли контрреволюционного офицерского подполья и частей Чехословацкого корпуса в свержении советской власти в Канске и Канском уезде и последующих событиях Гражданской войны на этой территории. В 2018 и 2020 гг. на выставке «Мы – из комсомола» музей представил предметы, фотографии и документы, связанные с историей становления комсомольской организации в Канске и Канском уезде. Работа с посетителями показала, что и эта часть исторического наследия первого десятилетия советской власти сохраняет актуальность и привлекает разные целевые аудитории, в том числе молодежь.

История собирания, сохранения, изучения историко-культурного наследия периода революции 1917 г. и Гражданской войны на территории Канского уезда Енисейской губернии отражает историю политической и культурной жизни страны во 2-й четверти XX – начале XXI в. В этом ее ценность понимания истории музейного дела в России.

Библиографический список

- Зазубрин В.Я. Два мира. Красноярск, 1983. 424 с.
Итин В.А. Страна Гонгури. Канск, 1922. 86 с.
Итин В.А. Солнце сердца. Новониколаевск, 1923. 80 с. Киселев Л.В. Злодейское убийство под Тасеево: Исторический очерк // У Братского перевоза. Канск, 2006. Вып. 2. С. 6–18.
Набатчикова И. Без пропущенных строк // У Братского перевоза. Канск, 1996. Вып. 1. С. 66–68.
Фирсанкова Л.И. Первый председатель Канского Совета. Красноярск, 2019. 162 с.
Теряева М. Наш канский дом: Воспоминания // У Братского перевоза. Канск, 1996. Вып. 1. С. 69–71.
Усольцева Г.И. Краеведы // У Братского перевоза. Канск, 1996. Вып. 1. С. 53–56.
Яковенко В.Г. Записки партизана. Красноярск, 1968. 148 с.

L.V. Malyuchenko, S.R. Khmyrova

Kansk Museum of Local Lore, Kansk, Russia

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE 1917 REVOLUTION AND THE CIVIL WAR IN SIBERIA IN THE FUNDS OF THE KANSK MUSEUM OF LOCAL LORE

The article is devoted to the consideration of the history of preservation, study, popularization of the historical and cultural heritage of the period of the revolutionary events of 1917 and the civil war of 1918–1920 in the Kansk Museum of Local Lore. The

characteristics of the features of these periods for Kansk and the Kansk district of the Yenisei province are given, the main stages in the work of the museum with the historical and cultural heritage are highlighted and their distinctive features are noted. The life and work of R.P. Eideman, V.G. Yakovenko, V.Ya. Zazubrin, V.A. Itin, whose heritage has not only regional, but also all-Russian significance, are associated with the Kansk and Kansk uyezds during the period under study. The Kansk Museum of Local Lore is studying and popularizing it. The article describes the characteristics of this work. For the history of Siberia during the civil war, the Taseev partisan republic is a peculiar phenomenon. The article draws attention to the importance of this topic for the museum. The article emphasizes that in modern conditions, the historical and cultural heritage of the period of the revolutionary events of 1917 and the civil war of 1918–1920 remains in demand, and new opportunities appear for its study and popularization.

Keywords: historical and cultural heritage, museum, Siberia, civil war

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.61

УДК 069:004

Е.Н. Новожилова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

СОТРУДНИЧЕСТВО С МУЗЕЕМ «ГОРОД» В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «MEMENTO MORI»

Представлен опыт реализации проекта «Memento mori» в МБУК музей «Город» (г. Барнаул) в рамках экскурсионно-выставочной деятельности. Это персональная выставка исторических реконструкций мумий и черепов. В статье обозначены этапы ее подготовки от идеи до воплощения: определение концепции экспозиции, воссоздание экспонатов, дизайн оформления, методическая разработка экскурсии, рекламная кампания и монтаж экспозиции. Создание выставки – это трудоемкий процесс, требующий глубокого исследования. В процессе работы были задействованы все механизмы экскурсионной методики. Экспозиция носит познавательно-образовательный характер, демонстрируя наглядно историю Древнего мира и средневековой Европы. Она также отвечает всем требованиям и принципам для всех форм идейно-воспитательной работы – наглядности, научности, систематичности, доступности, убедительности и др. Материал будет полезен для студентов, обучающихся по направлению «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», а также сотрудников экспозиционно-выставочных отделов музеев и всех интересующихся обозначенной темой.

Ключевые слова: музей, выставка, экспозиция, реконструкция, 3D-технология, дизайн, мумии, черепа

Сохранение и эффективное использование историко-культурного наследия, как одного из значимых ресурсов в сфере туризма, а также улучшение качества потребительских услуг культурно-познавательной направленности могут стать ведущими формами стратегии развития нашего города и региона. Музеи, реализуя данный подход, не остаются

в стороне, а активно включаются в современные тенденции организации рекреационной деятельности. Освоение современного музейного пространства требует интенсификации за счет увеличения возможностей при использовании имеющихся площадей и внедрении современных цифровых технологий. В этой связи во многих музеях появились залы для организации и проведения временных выставок совместно с коммерческими организациями, занимающимися экспозиционно-выставочной деятельностью [Гребенникова, 2013, с. 79].

Как досуговые центры, музеи в условиях всевозрастающей конкуренции, глобализации и мощного информационного потока должны быть уникальными и неповторимыми, чтобы привлечь современного искушенного зрителя на музейное мероприятие и оставить незабываемое впечатление. Эта тенденция позволяет сегодня многим талантливым людям продемонстрировать свой творческий потенциал и достижения в области искусства широкой публике, осуществляя различные программы в сотрудничестве с музеями. Организация и совместное проведение временных выставок – наиболее распространенная форма работы с частными лицами.

Идея создания культурно-просветительского проекта «Memento mori» автором статьи, а также художником и скульптором Александром Пашковым реализовывалась с целью развития туристско-экскурсионной деятельности в г. Барнауле и других регионах России. Главной задачей проекта было знакомство широкой аудитории с уникальными экспонатами мирового значения, собранными в одной коллекции, которые являются объектами культурного наследия. Впервые в г. Барнауле в музее «Город» на персональной выставке работ А. Пашкова были представлены исторические реконструкции мумий и черепов, модели которых были созданы по образцам, хранящимся в разных музеях мира.

Материал (фотоснимки и видеофиксация древних находок), собранный в путешествиях по достопримечательным местам мирового уровня, сыграл важную роль на начальном этапе реализации проекта. Разрабатывая концепцию выставки, автор статьи провела специальное исследование по каждому объекту историко-культурного наследия, который должен был стать впоследствии экспонатом на выставке. На первоначальном этапе также осуществлялось изучение нормативно-правовой документации об организации и проведении выставочной деятельности. Поскольку авторы проекта планировали работать с государственными музеями и осуществлять официальную коммерческую деятельность, в налоговых органах была зарегистрирована организация индивидуального предпринимателя А. Пашкова.

Концепция выставки формировалась по хронологическому принципу. При этом вся экспозиция разделена на культурно-исторические зоны: черепа эпохи первобытности; мумификация в Древнем Египте;

культура племен Мезоамерики и мумии Чачапоя; мумификация в средневековой Европе и символ черепа в искусстве эпохи Возрождения и др. Работая над созданием проекта, авторы стремились в одной коллекции отразить историю человечества от палеолита до XIX столетия.

Методическая разработка обзорной многоплановой экскурсии создавалась с учетом культурно-просветительских целей и была призвана реализовать основную задачу – повышение уровня знаний по мировой истории и культуры у разных социальных групп населения [Емельянов, 2004, с. 12].

Вторым этапом реализации проекта «Memento mori» стало создание экспонатов выставки. Это был долгий и трудоемкий процесс. Воссоздание аутентичных, высокохудожественных моделей самых популярных мумий, а также коллекции декоративных черепов (всего около 100 экспонатов) было выполнено А. Пашковым в довольно короткие сроки (за десять месяцев). Скульптор использовал в своей работе современные 3D технологии, в том числе принтер, который позволял создавать объемные модели. Дорабатывая детали, добываясь схожести и точности с оригиналом, а также используя метод ротационного литья пластики и другие художественные приемы, он создавал экспонаты выставки. В результате были получены египетские мумии, монахи-капуцины, мумия Чачапоя, болотные мумии, ледяной человек Этци, римские катакомбные святые, декоративные черепа с трепанацией и искусственной деформацией, ритуальные маски, хрустальные черепа племени Майя, картины, выполненные в европейском стиле Vanitas, и многое другое.

Следующим этапом реализации проекта стал выбор площадки в г. Барнауле для проведения временной выставки. Музей «Город» был выбран не случайно. Залы для временных экспозиций полностью соответствовали дизайну оформления (как в пространственном, так и световом решении). Территориальное расположение музея в старой части города, где проходят пешеходные экскурсионные маршруты местного населения и туристов, по мнению авторов, могло привлечь на выставку поток посетителей.

После заключения договора для проведения выставки, а также определения сроков монтажа и официального открытия с директором музея М.С. Калининым было принято решение организовать закрытую презентацию проекта для специальных гостей. Сценарий данного мероприятия предполагал проведение творческого вечера.

Рекламная кампания стала еще одним важным этапом реализации проекта и осуществлялась в нескольких направлениях. Была оформлена наружная реклама на баннерах в двух оживленных районах города и непосредственно рядом с музеем. Информация для размещения в автотранспорте по маршрутам города, дизайн рекламных макетов, плакатов и буклетов подготовлены А. Пашковым. Реклама размещалась

в социальных сетях проекта «Memento mori» и музея «Город». На презентацию выставки приглашались корреспонденты печатных изданий и сотрудники телеканалов «Катунь 24» и ГТРК «Алтай».

Дизайн оформления выставки и монтаж экспозиции авторы проекта выполняли сами. Стены и столы были декорированы черной тканью (для придания единого стиля), продумана и реализована точечная подсветка для выделения наиболее эффектных экспонатов, организован приглушенный свет для усиления эффекта восприятия. Кроме этого, готовились и размещались этикетки для информационного наполнения выставки и самостоятельного просмотра отдельными посетителями. Специально изготавливалась сувенирная продукция в виде буклетов, магнитов, брелочков и других изделий.

Открытие выставки «Memento mori» состоялось 7 марта 2020 г. На презентацию были приглашены почетные гости из Барнаула, Новосибирска и Томска (художники, работники образования, журналисты и др.). Особыми гостями стали художники из Германии, которые специально приехали на открытие первой персональной выставки авторов проекта. Корреспонденты телеканала «Катунь 24», ГТРК «Алтай», телепередача «Интервью дня», а также печатные издания «Свободный курс», «Аргументы и Факты», «Комсомольская правда» освещали это событие.

С учетом эпидемиологической ситуации в стране и закрытия музеев для посетителей были продлены сроки экспонирования выставки. Это позволило после возобновления работы музея «Город» реализовать поставленные просветительские задачи: познакомить широкую аудиторию со специфической частью культурного наследия из разных музеев мира. Экспонаты, созданные скульптором, вызвали позитивный отклик и познавательный интерес у разных категорий населения г. Барнаула. Особенностью демонстрации стало вовлечение их в активное восприятие путем тактильного воздействия. Возможность трогать экспонаты руками, фотографироваться с ними являлась одним из факторов успеха выставки. Были организованы встречи с журналистами, автором статьи проведены экскурсии для посетителей, что позволило сделать их пребывание на выставке незабываемым и ярким событием.

Проведение выставки в музее «Город» привлекло большое количество людей, что, несомненно, положительно отразилось на показателях посещаемости учреждения. Экспозиция «Memento mori» – это новый опыт и необычный формат музейной выставки. Планируется ее развитие и увеличение числа экспонатов. Выставка «Memento mori» побывала не только в г. Барнауле, но и в таких городах Сибири, как Бийск, Прокопьевск, Ленинск-Кузнецк, Томск, Абакан. В перспективные планы проекта входит экспонирование в Новосибирске, Красноярске, Омске, Норильске, Иркутске и других городах России.

Библиографический список

Гребенникова Т.Г. История и методология исследования культурного и природного наследия. Барнаул, 2013. 116 с.

Емельянов Б.В. Экскурсоведение. М., 2004. 216 с.

E.N. Novozhilova

Altai State University, Barnaul, Russia

COOPERATION WITH THE “GOROD” MUSEUM WITHIN THE FRAMEWORK OF THE “MEMENTO MORI” PROJECT

This article presents the experience of the project collaboration “Memento mori” and the museum “Gorod” as a part of the organization of excursion and exhibition activities. The Project “Memento mori” is a personal exhibition of historical reconstruction of mummies and skulls. The article outlines all the stages of the project from the idea to its objectification: defining the concept of the exposition, reconstruction of exhibits, exhibition decoration design, methodical development of the excursion, advertising campaign demonstration. The creation of an exhibition is a time – consuming process, requiring profound research. Analysis of joint activities, represented in the article, reflects positive and negative aspects of work. The material will be useful for students, who specialize in “Museology and Protection of Cultural and Natural Objects”, also for museum staff and for all people who are interested in this topic.

Keywords: museum, exhibition, reconstruction, skulls, mummies, design, 3D technology

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.62

УДК 903.2:069(571.151)

Н.Н. Серегин¹, Н.А. Константинов²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЗЕРКАЛА ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ГОРНО-АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ
(проект №20-18-00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия
как факторы ормирования полиэтничных социумов на территории
Большого Алтая древности и Средневековье: междисциплинарный анализ
археологических и антропологических материалов»)

В статье представлена характеристика металлических зеркал, находящихся в собрании Музея археологии и этнографии Горно-Алтайского государственного университета. Рассмотрена история формирования данной небольшой коллекции, включающей четыре изделия из погребений пазырыкской культуры некрополей

Бике-III и Талдура-II. В связи с тем, что публикации, посвященные введению в научный оборот результатов раскопок обозначенных захоронений, не предполагали развернутой характеристики металлических зеркал, приведено описание этих предметов. Установлено, что анализируемые находки из Музея археологии и этнографии ГАГУ представлены двумя типами изделий. Все зеркала имеют сравнительно небольшие размеры, что является одним из важных хронологических признаков таких предметов. Время бытования подобных изделий определяется в широких границах конца V – начала III в. до н.э. с возможностью ограничения данного периода рамками IV столетия до н.э. Очевидны перспективы дальнейшего комплексного изучения металлических зеркал из музеев Алтая и других регионов.

Ключевые слова: металлическое зеркало, Алтай, музей, археологический памятник, пазырыкская культура

Продуктивным подходом, уже неоднократно продемонстрировавшим свою эффективность и довольно широко распространенным в археологическом вещеведении, является детальное изучение конкретной категории находок. Концентрация на одной группе изделий, происходящих из памятников определенной территории, позволяет осуществить разноплановый анализ предметов с учетом всех возможных нюансов их распространения, контекста обнаружения, специфики использования и др. Значительный информационный потенциал в рамках таких изысканий имеют металлические зеркала, обнаруженные в ходе раскопок археологических комплексов различных хронологических периодов. Представительная серия таких находок происходит из древних и средневековых памятников Алтая. На протяжении уже достаточно длительного периода авторским коллективом предпринимается работа по системному изучению металлических зеркал из музейных центров обозначенного региона, собрания которых демонстрируют формирование и трансформации традиции использования подобных предметов. Наиболее полно представлены результаты анализа изделий из Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета [Тишкин, Серегин, 2011]. В последние годы реализуется разноплановое исследование металлических зеркал из других учреждений данного региона (Алтайский государственный краеведческий музей, Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки, Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина и др.), а также сопредельных территорий (Национальный музей Республики Тыва им. Алдан-Маадыр). Некоторые результаты этой работы уже получили отражение в статьях [Серегин и др., 2021; Серегин, Чистякова, Монгуш, 2021; и др.], другие готовятся к публикации. Планируемым итогом таких изысканий является монография с элементами каталога, в которой будут представлены все известные изделия из собраний музеев Алтая. Настоящая статья, посвященная характеристике металлических зеркал из Музея археологии и этнографии Горно-Алтайского государственного университета (ГАГУ), демонстрирует один из этапов исследований в этом направлении.

Небольшая коллекция металлических зеркал из обозначенного учреждения включает четыре изделия. Два таких предмета происходят из объектов погребально-поминального комплекса Бике-III, расположенного в Чемальском районе Республики Алтай (рис. 1). Раскопки на данном памятнике проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН под руководством В.Д. Кубарева в 1988–1991 гг. Металлические зеркала обнаружены в ходе исследования погребений курганов №1 и 8, относящихся к пазырыкской культуре скифо-сакского времени [Кубарев, 2001, рис. 10.-б; 31.-3]. В обоих случаях рассматриваемые предметы были помещены в районе пояса умерших.

Рис. 1. Места обнаружения металлических зеркал из собрания Музея археологии и этнографии ГАГУ на карте-схеме Республики Алтай

Еще два металлических зеркала выявлены в процессе изучения ограбленного погребения кургана №5 некрополя Талдура-II в Кош-Агачском районе Республики Алтай (рис. 1). Исследование данного комплекса пазырыкской культуры скифо-сакского времени, включавшего захоронения взрослого человека и ребенка, осуществлено экспедицией

ГАГУ под руководством одного из авторов статьи в 2016 г. Рассматриваемые предметы находились рядом с бедренной костью взрослого человека [Константинов, Урбушев, 2017, рис. 7.-2-3].

Публикации, посвященные введению в научный оборот результатов раскопок этих погребений, не предполагали развернутой характеристики металлических зеркал. В связи с этим целесообразно представить описание этих предметов. Рисунки находок опубликованы, поэтому в настоящей статье приведены только фотоиллюстрации, подготовленные авторами.

Зеркало №1 (Бике-III, курган №1) (рис. 2). Изделие представляет собой округлый плоский диск с короткой боковой ручкой, в которой имеется вытянутое отверстие размерами 1,1×0,4 см. Диаметр диска 4,5–5 см, толщина 0,15–0,2 см. Длина ручки 2,5 см, ширина до 1,3 см. Сохранность предмета удовлетворительная, поверхность покрыта окислами и патиной.

Зеркало №2 (Бике-III, курган №8) (рис. 3). Изделие представляет собой округлый плоский диск с короткой боковой ручкой, в которой

Рис. 2. Металлическое зеркало из погребения кургана №1 комплекса Бике-III

Рис. 3. Металлическое зеркало из погребения кургана №8 комплекса Бике-III

имеется округлое отверстие диаметром 1 см. Диаметр диска 5,8–6,4 см, толщина 0,15 см. Длина ручки 2,1 см, ширина до 2 см. Сохранность предмета удовлетворительная, поверхность покрыта окислами и патиной.

Зеркало №3 (Талдура-II, курган №5) (рис. 4). Изделие представляет собой неровный плоский диск, на тыльной стороне которого в центре располагается ручка-петелька. Диаметр предмета 4,6–4,8 см, толщина 0,15 см. Длина петельки составляет 1,9 см, ширина до 0,55 см, высота 1,5 см. Сохранность зеркала удовлетворительная, поверхность покрыта окислами и патиной, с одного края изделие обломано. В погребении предмет находился в кожаном чехле-сумочке.

Зеркало №4 (Талдура-II, курган №5) (рис. 5). Изделие представляет собой неровный плоский диск с обломанными краями. Фиксируются два полукруглых «выреза», вероятно, свидетельствующие о том, что изначально в этой части зеркала имелась ручка. Диаметр предмета 5,6–6,8 см, толщина 0,15 см. Сохранность изделия относительно удовлетворительная, поверхность покрыта окислами и патиной.

Металлические зеркала представляют собой одну из наиболее распространенных категорий сопроводительного инвентаря из погребальных комплексов пазырыкской культуры Алтая. Отмечено, что зна-

Рис. 4. Металлическое зеркало из погребения кургана №5 комплекса Талдура-II

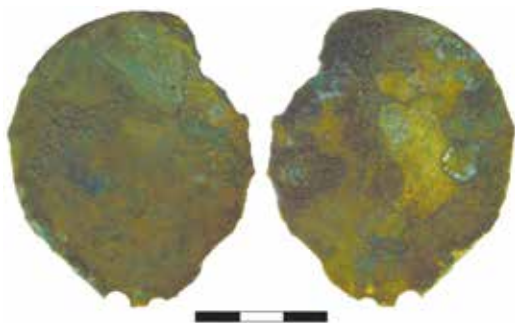

Рис. 5. Металлическое зеркало из погребения кургана №5 комплекса Талдура-II

чительная часть таких находок связана с памятниками юго-восточной и северной частей данного региона [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 76–77]. Именно в этих районах Алтая выявлены изделия из Музея археологии ГАГУ, рассматриваемые в настоящей статье.

Массовый характер металлических зеркал из некрополей Алтая скифо-сакского времени, а также яркость отдельных экземпляров определили довольно пристальное внимание исследователей к различным аспектам изучения таких предметов. В работах археологов представлен опыт классификации изделий, а также определены возможности интерпретации отдельных показательных находок [Кубарев, 1987, с. 90–93; Суразаков, 1989, с. 77–80; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 78–80; и др.]. Вместе с тем единая типологическая схема развития металлических зеркал Алтая раннего железного века до сих пор не разработана. В связи с этим время бытования конкретных изделий определяется, главным образом, по аналогиям из более или менее уверенно датированных памятников, а также на основе сложившихся представлений о хронологии других находок из анализируемых комплексов.

Рассматриваемые предметы из Музея археологии и этнографии ГАГУ представлены двумя типами изделий. Первый включает два так называемых медалевидных зеркала из комплекса Бике-III. К подобным находкам может также относиться экземпляр с предположительно отломанной боковой ручкой из некрополя Талдура-II. Дисквидным зеркалом с центральной ручкой-петлей из обозначенного могильника представлен второй тип изделий. Все находки имеют сравнительно небольшие размеры, что является одним из важных хронологических признаков таких предметов. Время бытования зеркал с подобными характеристиками определяется в широких границах конца V – начала III в. до н.э. с возможностью ограничения данного периода рамками IV столетия до н.э.

Даже немногочисленные предметы из Музея археологии и этнографии ГАГУ подтверждают тезис о значимости металлических зеркал как источника для изучения социальной истории и системы мировоззренческих представлений населения Алтая. Несмотря на отсутствие антропологических определений, имеются основания для предположения о том, что изделия из комплексов Бике-III и Талдура-II входили в состав сопроводительного инвентаря женских погребений. В случае с парным захоронением не исключено, что одно из зеркал предназначалось для ребенка.

Дальнейшее комплексное изучение металлических зеркал из археологических памятников Алтая, находящихся в различных музейных центрах, позволит существенным образом расширить представления об особенностях формирования и направлениях эволюции традиции изготовления и использования таких предметов древним и средневековым населением региона.

Библиографический список

- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул, 2004. 292 с.
- Константинов Н.А., Урбушев А.У. Потревоженное погребение пазырыкской культуры в Юго-Восточном Алтае // Известия лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. №4. С. 51–64.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.
- Кубарев В.Д. Бике-I, III: погребальные памятники скифской эпохи Средней Катунь // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2001. №7. С. 120–145.
- Серегин Н.Н., Нарудцева Е.А., Чистякова А.Н., Радовский С.С. Металлическое зеркало юаньского времени из собрания Алтайского государственного краеведческого музея // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. №1. С. 42–49.
- Серегин Н.Н., Чистякова А.Н., Монгуш К.М. Редкое металлическое зеркало чжурчжэньского времени из Тувы // Теория и практика археологических исследований. 2021. №1. С. 165–180.
- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 216 с.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул, 2011. 144 с.

N.N. Seregin¹, N.A. Konstantinov²

¹*Altai State University, Barnaul, Russia;*

²*Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia*

METAL MIRRORS FROM THE COLLECTION OF THE MUSEUM OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF GORNO-ALTAI STATE UNIVERSITY

The article presents the characteristics of metal mirrors from the collection of the Museum of Archaeology and Ethnography of Gorno-Altai State University. The history of the formation of this small collection, which includes four items from the burials of the Pazyryk culture of the Bike-III and Taldura-II necropolises, is considered. Due to the fact that publications devoted to the introduction into scientific circulation of the results of excavations of the indicated burials did not imply a detailed characteristic of metal mirrors, a description of these objects is given. It has been established that the analyzed finds from the Museum of Archaeology and Ethnography of GAGU are represented by two types of products. All mirrors are relatively small in size, which is one of the important chronological features of such objects. The lifetime of products with similar characteristics is determined within the wide boundaries of the late 5th – early 3rd centuries BC with the possibility of limiting this period to the framework of the 4th century BC. Prospects for further comprehensive study of metal mirrors from museums in Altai and other regions are obvious.

Keywords: metal mirror, Altai, museum, archaeological site, Pazyryk culture

Т.В. Тишкина, Т.А. Куликова

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
Государственный музей истории литературы, искусства и культуры
Алтая, Барнаул, Россия*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СОБРАНИЯ В ШКОЛЬНЫХ МУЗЕЯХ, ВЫСТАВОЧНЫХ ЗАЛАХ И ГАЛЕРЕЯХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ БЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ Г. БАРНАУЛА

С 1960-х гг. в Барнауле для эстетического воспитания детей и подростков создавались школы искусств. В настоящее время в городе работают семь Детских школ искусств и одна художественная школа. Педагоги придают большое значение организации выставок работ учащихся, которые устраиваются в классах, рекреациях. Специализированные выставочные залы действуют в Детских школах искусств №1 и №6. С 2003 г. функционирует Детская картинная галерея «Лукоморье».

Собрания художественных произведений формируются и демонстрируются в некоторых музеях муниципальных бюджетных общеобразовательных учреждений города. Они включают работы профессиональных мастеров (Ф.С. Торхова, А.П. Щетинина и др.). Данные собрания играют значительную роль в эстетическом воспитании учащихся. К знакомству с экспозициями приглашаются все желающие. Творческие встречи с художниками и скульпторами способствуют приобщению участников мероприятий к культуре и искусству. Под руководством педагогов осуществляется образовательная и исследовательская деятельность школьников. На площадках галерей, выставочных залов учащиеся могут презентовать свои работы.

Ключевые слова: художественное собрание, музей, галерея, выставка, Барнаул

Художественные собрания являются отражением культуры того или иного региона, формируют интеллектуальные и нравственные качества, стимулируют творческие способности, а также играют значительную роль в социализации личности. В XX в. закладываются основы современного коллекционирования художественных собраний, создаются концепции их комплектования [Музейное дело..., 2005, с. 50–51].

В Алтайском крае импульсом к формированию художественных коллекций стали активизация деятельности в послевоенные годы членов Алтайского отделения Союза советских художников и открытие Алтайского краевого музея изобразительных и прикладных искусств (1959 г.). В 1960-е гг. создавались школы искусств для детей. В настоящее время в целях эстетического воспитания детей и подростков в Барнауле работают семь Детских школ искусств и одна художественная школа [Школы..., электронный ресурс].

Барнаульская Детская школа искусств №1 функционирует с октября 1966 г. Педагоги придают большое значение организации выставок работ учащихся, которые устраиваются в классах, рекреациях, читальном зале библиотеки. С 2008 г. действуют выставочные залы Academia, демонстрационный зал «У Демидовского столпа», малый выставочный зал «Королевство волшебных зеркал» [Бондаренко, 2015, с. 40]. В стенах школы выставляются работы не только учащихся, но и профессиональных художников Алтая. В честь 50-летнего юбилея учреждения реализовывалась серия мероприятий, в том числе персональные выставки выпускников школы прошлых лет – «Ars Longa» члена Союза художников России П. Брыткова, «Вольный воздух» И. Торопова и др.

После переезда в 2013 г. в специально построенное здание, в Детской школе искусств №6 появился просторный выставочный зал. Здесь регулярно организуются выставки работ учащихся и педагогов художественного отделения, проходят встречи с известными мастерами. Так, 22 марта 2019 г. перед молодежью выступила член Союза художников России скульптор Л.В. Рублева. Работы учащихся демонстрируются в Алтайском краевом детском экологическом центре, на других выставочных площадках Барнаула.

Детская картинная галерея «Лукоморье» была открыта в 2003 г. В ней представляются произведения, созданные учащимися детской художественной школы №2. Особый интерес посетителей вызывают экспозиции работ членов специальной разновозрастной группы «Школа одаренных детей», сформированной в 2016 г. В выставках воспитанников по итогам пленэрных сезонов участвуют и полотна преподавателей школы [Колесников, 2016, с. 15; Рудакова, 2018, с. 6]. В галерее организуются персональные выставки педагогов, творческие встречи [Лиманский, 2016, с. 4]. После реализации таких мероприятий у детей возникает желание совершенствоваться, стремление приблизиться к уровню профессиональных мастеров. В рамках программы IX Международной молодежной художественной выставки «Аз. Арт – 2019» в галерее «Лукоморье» был организован конкурс «Малый Аз. Арт – 2019», в котором приняли участие воспитанники художественных школ и школ искусств из городов Сибири (Омск, Томск, Красноярск, Барнаул и др.) и населенных пунктов Алтайского края.

С 2014 г. действует детская благотворительная изостудия «Мечтатели», организованная педагогом И.П. Озолиной. Занятия студийцев проходят в помещении барнаульской детской библиотеки №20 им. М.И. Юдалевича. Творческие работы воспитанников изостудии, выполненные при реализации разнообразных проектов («Листья старые афиши», «Твоя собственная книжка», «Визитная карточка Алтая» и др.), демонстрировались на различных площадках Барнаула: в Алтайском государственном институте культуры, в павильоне современного искусства «Открыток небо» и др. [Катренко, 2017, с. 4].

В Детской картинной галерее «Лукоморье» (фотоснимок Т.В. Тишкиной)

Художник, педагог-волонтер Ю. Губернаторова организовала изостудию «Два холста», в которой занимаются и дети с онкозаболеваниями, с расстройствами психологического развития. Работы воспитанников выставлялись в музее «Город», в «Арт-галерее Щетининых» [Молоканова, 2020, с. 4].

Собрания художественных произведений формируются и демонстрируются в некоторых музеях муниципальных бюджетных общеобразовательных учреждений. Обратимся к собранию Комплексно-краеведческого музея истории школы «Дружба» средней школы №38 г. Барнаула, действующего с 1995 г. В настоящее время его экспозиция посвящена развитию советско-монгольских взаимоотношений, истории образовательного учреждения, а также демонстрации произведений известных на Алтае художников, чье творчество неразрывно связано с Монголией. Так, один из разделов экспозиции музея освещает деятельность заслуженного художника РСФСР Ф.С. Торхова (1930–2012). После учебы в Республиканском художественном училище им. П.П. Бенькова в Ташкенте Ф.С. Торхов с 1958 г. работал в Алтайских художественно-производственных мастерских художественного фонда РСФСР. Особое место в творчестве художника занимали пейзажи и портреты жителей Алтая и Монголии. Значительная часть работ Федора Семеновича находится в музеях Монголии [Торхов..., 2006, с. 336]. В музее истории школы «Дружба» представлены подлинные произведения мастера, подаренные его дочерью М.Ф. Тифлисовой. К экспозиции, посвященной художнику, члены актива музея обращаются при проведении классных часов, экскурсий, лекций.

С 2013 г. в школьном музее демонстрируются произведения ученика Ф.С. Торхова – А.П. Щетинина, живописца, члена Союза художников России (1990). Художник работает в жанрах тематического портрета и пейзажа. В музее действует выставка работ выпускника школы, скульптора, народного мастера Алтайского края (2010) С.Г. Мозгового. Проводятся временные выставки произведений известных алтайских мастеров. В сентябре 2016 г. члены клуба «Возрождение» подготовили выставку «Родные напевы», на которой представили работы художников Н. Митягиной, Г. Дробышева, В. Кочергина, С. Кочергиной, З. Паньшиной, Б. Золотарева, выполненные в разных техниках и жанрах [Жидкова, 2016, с. 4].

С февраля 2016 г. в Музее истории школы средней школы №53 действует выставочный зал. Первым мероприятием в нем стала выставка работ девятиклассницы Н. Поповой «Природа моими глазами» [Сохарева, 2016, с. 1]. Впоследствии в зале демонстрировались выставки работ не только учащихся школы, самодеятельных художников, но и профессиональных мастеров: Н.А. Рожковой (2016 г.), Е.А. Павлова (2017 г.), О.С. Рыжикова (2018 г.). В 2020 г. осуществилась выставка работ М. Рохлиной «Веселый март» [Зорина, 2020, с. 4]. Благодаря руководителю музея О.С. Рыжикову в фонд поступили картины, рисунки, этюды, выполненные в 1930–1940-е гг. профессиональным художником М.А. Ивановым (1907–1957). Эти материалы и сохранившиеся документы художника послужили основой для экспозиции «С любовью к людям» [Попова, Налимов, 2018, с. 7].

Представлению творчества самодеятельных и профессиональных художников Алтайского края уделяется внимание в Музее истории Ленинского района средней школы №113 им. С. Семенова. Более десяти лет с музеем сотрудничает скульптор Н.В. Звонков. В 2016 г. в дар музею он передал бюсты фронтовика А.И. Скурлатова и писателя В.Б. Свинцова [Музей пополнился..., 2016, с. 2]. Учащиеся занимаются сбором и систематизацией материалов о творчестве скульптора. В музее регулярно проводятся персональные выставки работ художников. Так, например, в 2015 г. была представлена экспозиция живописных полотен В. Преображенской «Космическая рапсодия» [Художники..., 2015, с. 4]. В 2018 г. состоялись выставки Ю. Неприятель «В гостях у сказки», Л.И. Николенко и М. Авдеева «От высокой горы, до далекой звезды...», художника и коллекционера С.И. Ершова. В рамках мероприятий организуются встречи мастеров с учащимися, мастер-классы.

С музеем «История культуры Алтая» средней школы №55 сотрудничают известные художники Алтайского края. В 2018–2019 учебном году там демонстрировались работы заслуженного художника России М.Я. Будкеева. С экспозицией «Очарование Горного Алтая» ознакомились более 900 человек [Дегтярева, 2019, с. 3]. Член союза художников России В.К. Шкиль представлял свои живописные полотна для устройства выставок «Мои года – мое богатство» (2011 г.). «Истоки творчества» (2017 г.).

Работа сотрудников представленных учреждений не ограничивается формированием художественных собраний и проведением выставок. Под их руководством осуществляется образовательная и исследовательская деятельность учащихся. Собрания художественных произведений в музеях образовательных учреждений играют значительную роль в эстетическом воспитании, их энергетика вызывает положительные эмоции у зрителей. Творческие встречи с профессиональными художниками способствуют приобщению участников мероприятий к культуре и искусству.

На площадках галерей, выставочных залов учащиеся могут заявить о себе, презентовать свои работы. Следует отметить, что к знакомству с экспозициями приглашаются все желающие. Выставочные проекты анонсируются на страницах газет «Вечерний Барнаул», «Алтайская правда», на сайтах образовательных учреждений. В последние годы работы учащихся представляются на выставочных площадках павильона современного искусства «Открытое небо», галереи UNIVERSUM, Алтайского краевого детского экологического центра, Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая и т.д. В Государственном художественном музее Алтайского края формируется фонд детского творчества. В 2002 г. по итогам выставки во Всероссийском музее А.С. Пушкина (Санкт-Петербург) семь работ учащихся Детской школы искусств №1 поступили в фонды Государственного Русского музея [Бондаренко, 2015, с. 41].

Коллекции художественных произведений являются центральными компонентами культуры, оказывающими влияние на духовное, нравственное и эстетическое развитие личности.

Библиографический список

Бондаренко Т.В. 50 лет со дня открытия Барнаульской детской школы искусств №1 // Барнаульский хронограф. 2016 г.: календарь знаменат. и памят. дат. Барнаул, 2015. С. 39–44.

Дегтярева Н. Служение музам – семейная традиция // Вечерний Барнаул. 2019. №12. С. 3.

Жидкова О. Эпоха «Возрождения» // Вечерний Барнаул. 2016. №147. С. 4.

Зорина В. Тюльпаны лепесток // Вечерний Барнаул. 2020. №41. С. 4.

Катренко Н. Яркие краски детства // Вечерний Барнаул. 2017. №85. С. 4.

Колесников Г. Самой природы вдохновенье... // Вечерний Барнаул. 2016. №154. С. 15.

Лиманский Е. Жизнь между секундами // Алтайская правда. 2016. №90. С. 4.

Молоканова С. Краски детского мира // Вечерний Барнаул. 2020. №144. С. 4.

Музей пополнился уникальными экспонатами // Вечерний Барнаул. 2016. №30. С. 2.

Музейное дело России / под ред. М.Е. Каулен, И.М. Коссовой, А.А. Сундиковой. М., 2005. 614 с.

Попова Т., Налимов Е. Память на свалке // Алтайская правда. 2018. №181. С. 7.

Рудакова С. На высоте 17–17 // Вечерний Барнаул. 2018. №157. С. 6.

Сохарева Н. После уроков сходи на выставку // Алтайская правда. 2016. №6. С. 4.

Торхов Федор Семенович // Художники Алтайского края: биобиблиогр. словарь: в 2 т. / отв. ред. В.С. Олейник. Барнаул, 2006. Т. 2. 648 с.

Художники, поэты, герой // Алтайская правда. 2015. №169. С. 4.

Школы искусств в Барнауле. [Электронный ресурс]. URL: barnaul.spravker.ru/shkoly-iskusstv/

T.V. Tishkina, T.A. Kulikova

Altai State University, Barnaul, Russia;

State Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai, Barnaul, Russia

ART COLLECTIONS IN SCHOOL MUSEUMS, EXHIBITION HALLS AND GALLERIES OF MUNICIPAL BUDGET INSTITUTIONS OF ADDITIONAL EDUCATION IN BARNAUL

Since the 1960s, art schools have been created in Barnaul for the aesthetic education of children and adolescents. There are currently seven art schools for children and one art school in the city. Teachers attach great importance to the organization of exhibitions of students' works, which are arranged in classrooms and recreation areas. Specialized exhibition halls operate in Children's Art Schools No. 1 and No. 6. Since 2003, the Children's Art Gallery "Lukomorje" has been in operation.

The collections of works of art are formed and demonstrated in some museums of municipal budgetary educational institutions of the city. They include the works of professional masters (F.S. Torkhov, A.P. Shchetinin, etc.). These collections play a significant role in the aesthetic education of students. All interested persons are invited to get acquainted with the expositions. Creative meetings with artists and sculptors help to introduce participants to culture and art. Under the guidance of teachers, students' educational and research activities are carried out. Students can present their works on the platforms of galleries and exhibition halls.

Keywords: art collection, museum, gallery, exhibition, Barnaul

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.64

УДК 908:069(571.150)

О.Д. Утева

Музей «Город», Барнаул, Россия

КОЛЛЕКЦИЯ ФОТОГРАФИЙ В ФОНДАХ МУЗЕЯ «ГОРОД»

В статье рассматривается роль музейных экспонатов в виде фотографического материала рубежа XIX и XX вв. в истории барнаульского краеведения. Отдельные экземпляры фотографий могут помочь составить более полную картину о личностях, проживавших и работавших в городе на рубеже веков, а также о мастерах фотографии и их студиях в разных городах Томской губернии, чья деятельность отмечена в ряде исторических источников.

Задачей исследования было составление общей характеристики фотографической коллекции для ее дальнейшего изучения. Экземпляры фотографий, попавшие в музей, но не принадлежащие барнаульским фотосалонам, свидетельствуют о развитости социальных связей между городами Сибири. Автор дает обобщенную сословную характеристику для представителей фотобизнеса на рубеже XIX и XX вв., а также обозначает основные стилистические особенности, выделяющие некоторых конкретных мастеров-фотографов.

В ходе исследования были выявлены связи между отдельными историческими личностями и деятельностью в регионе и за его пределами. А также проложен курс к дальнейшему изучению материала.

Ключевые слова: история, краеведение, архив, история города, фотоистория, исторические связи

Культурное наследие в виде фотографий представляет собой пласт истории местного значения – не только в качестве предметов фотоискусства, но и в качестве исторической хроники.

Фотографические данные позволяют более точно передать образ эпохи, к которой они принадлежат, и это не только очевидные категории, такие как описание быта, моды, этических норм, но еще и уровень культурного развития, менталитет, судьбы отдельных личностей.

Рассматривать историю в контексте определенных личностей гораздо проще при наличии фотоматериалов, с которыми есть возможность представить, как выглядел тот или иной герой, в каких условиях ему довелось находиться. Кроме того, архивные фотоснимки дают доступ к частным историям, судьбам неизвестных широкой публике обывателей, из действий и достижений которых, как из микроскопических нитей, ткется полотно истории.

В фондах музея «Город» хранится несколько десятков старинных фотографий, тесно связанных с жизнью города Барнаула на рубеже XIX и XX вв. Одним из ключевых имен в этом контексте является Сергей Борисов.

Борисов приехал в Барнаул в конце XIX в., тогда же основательно взялся за изучение фотодела, совершая командировки и перенимая опыт у столичных мастеров фотографии [Супонина, 2016, с. 267].

Из личного фонда Сергея Борисова в коллекции музея «Город» хранятся любопытные экземпляры личной фотографии, среди которых персональные, групповые и детские портреты. Особый для исследователя интерес представляет, например, фотография девушки в белом фартуке (рис. 1) (МГОФ 1274).

Студийные фотоснимки в основном, изображают представителей высших сословий, и весьма редко – прислугу. Есть предположение, что на фотографии личная горничная Сергея Борисова, молодая девушка с длинной косой и в классической униформе домашней работницы. Но внешние данные, осанка и нарядная обувь может выдавать в ней гимназистку, юную ученицу, а вовсе не горничную. Этот аспект предстоит тщательно изучить в дальнейшем.

Рис. 1. Неизвестная девушка в интерьере.
Начало XX в. Студия С. Борисова

Большой интерес представляет фотография купеческого семейства из семи человек (МГОФ 1167), сделанная, вероятно, на рубеже веков (рис. 2). В музейной коллекции эта фотография числится за Сергеем Борисовым и имеет специальное клеймо, повествующее об этом. Она представляет собой довольно большой снимок (54,5×38,5 см), наклеенный на паспарту, которое, в свою очередь, имеет плохую сохранность. Фотография была найдена во дворе жилого дома (ул. Никитина, 12), но принадлежность к конкретной семье пока не установлена. Сделано фото, вероятно, в здании современной филармонии.

Еще одна групповая фотография – ученическая (рис. 3). Ее интерпретации частично способствует надпись от руки, сделанная на обороте. О том, что это состав учебного класса, свидетельствует наличие 21 девушки в форме гимназисток и учителя – А.М. Шалаева, одетого в повседневный учительский мундир и расположившегося в самом центре снимка.

Рис. 2. Групповой снимок купеческой семьи.
Начало XX в. Студия С. Борисова

Рис. 3. Классный снимок учителя А.М. Шалаева и его учениц.
Начало XX в. Автор неизвестен

Ученицы расположились в четыре ряда, все – в черных форменных платьях, некоторые с праздничными белыми отложными воротничками. Имена и фамилии каждой из них указаны на обороте, подписаны от руки по прошествии большого количества времени. Весь состав принадлежал Барнаульской казенной прогимназии, основанной в 1877 г. (которая располагалась на стыке Пушкинской улицы и Соборного переулка), в 1900 г. она была преобразована в гимназию.

Барнаульская казенная прогимназия стала первым в городе учебным заведением для девочек. Помещение для нее было получено от вдовы коллежского советника Е.А. Преображенской. Личности учителя и учениц, запечатленные на фотографии, могут представлять отдельный научный интерес, однако фотографа установить не удалось. Вероятнее всего, съемка велась не в фотосалоне, а в самом учебном заведении.

Пояснительные надписи присутствует лишь на некоторых экземплярах фондового материала, что затрудняет идентификацию героев, изображенных на фотографиях. Но все они иллюстрируют основные эстетические нормы эпохи, к которой принадлежат.

Парные и детские портреты барнаульских фотографов обладают толикой лирики, герои всегда взаимодействуют друг с другом, что проявляется через особенности позинга. Авторская эстетика присутствует на работах С. Борисова, обладающего способностями фотохудожника.

Сергей Борисов считается исследователями одним из самых успешных представителей своей отрасли. Он прославился не только сохранением облика дореволюционного Барнаула и его жителей, но и запуском сувенирной продукции об Алтае в целом. Его открытки продавались даже за рубежом [Супонина, 2016, с. 267].

В начале XX в. фотосалоны появились во всех более-менее крупных населенных пунктах – а это большинство городов Томской губернии. Около 20 студий располагались в Барнауле, и все были рентабельны. Фотографирование было особенным событием в жизни горожан на рубеже веков [Шелковников, 2004, с. 168].

Помимо работ широко известного Борисова, в коллекции хранятся фотографии с надписью «Cabiner Portret», относящиеся к деятельности еще одного городского фотографа – Т.П. Новоселова, мещанина, чей бизнес в сфере фотографии стартовал в 1901 г. Его сюжеты повествуют о жителях и гостях Барнаула начала XX в.

Помимо барнаульских фотомастеров, коллекция музея «Город» содержит экземпляры студийных фотокарточек из разных городов Сибири: Ново-Николаевск (фотограф П.Я. Овчин), Омск (фотограф А.Т. Степанова), Томск (фотографы И. Шепелев, Н.С. Юнышев, Ю.Ф. Ержинский), Бийск (В.Л. Шаниор), Измаил (фотограф К.Ф. Ляпин).

Содержание фотостудии было делом невероятно прибыльным, и если сначала посильным только для предпринимателей и чиновни-

ков, то на рубеже XIX и XX вв. в доходную отрасль включаются мещане и даже крестьяне [Шелковников, 2004, с. 168].

Благодаря одному из таких крестьянских фотографов – Ивану Никифоровичу Шелелеву, открывшему свое дело в 1898 г. в Томске, можно проследить историю семьи Петелиных, появляющихся на ряде снимков. Потомки Марии и Федора Петелиных перебрались в Барнаул, много лет спустя семейная коллекция снимков попала в фонды музея [Метельницкий, 1993, с. 100].

Связь между городами и эпохами прослеживается через предметы, которые можно было считать семейными реликвиями и которые по различным причинам уже потеряли связь с семьей, которой принадлежали. Тем не менее фотографический фонд многое может рассказать о жизни города во время, с которого минуло уже более 100 лет.

Библиографический список

Метельницкий К.Н. Из истории развития фотодела в Барнауле (по материалам фондов АГКМ) // Алтайский сборник. Барнаул, 1993. Вып. XVII. С. 100.

Супонина Л.С. Личный фонд фотографа С.И. Борисова в собрании АГКМ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXII. С. 267.

Шелковников М.А. Фотографы Томской губернии (вторая половина XIX – нач. XX вв.) // Разыскания: историко-краеведческий альманах. Вып. 6: [75 лет Кемеровскому краеведческому музею]. Кемерово, 2004. С. 168.

O.D. Uteva

Museum "City", Barnaul, Russia

COLLECTION OF PHOTOS IN THE FUNDS OF THE "GOROD" MUSEUM

The article considers the role of museum exhibits in the form of photographic material of the turn of the 19th and 20th centuries in the history of Barnaul local lore. Individual copies of photographs can help to create a more complete picture of the personalities who lived and worked in the city at the turn of the century, as well as about the masters of photography and their studios in different cities of the Tomsk province, whose activities are noted in a number of historical sources.

The task of the study was to compile a general description of the photographic collection for its further study. The copies of photographs that have come to the museum, but do not belong to the Barnaul photo salons, indicate the development of social ties between the cities of Siberia. The author gives a generalized class characteristic for representatives of the photo business at the turn of the 19th and 20th centuries, and also identifies the main stylistic features that distinguish some specific master photographers.

The study identified links between individual historical figures and activities in the region and beyond and resulted in the course for further study of the material.

Keywords: history, local history, archive, city history, photo history, historical connections

В.Н. Шморина, Е.В. Семеняко

*Троицкий районный краеведческий музей;
Троицкий многофункциональный культурный центр, село Троицкое,
Троицкий район, Алтайский край*

ОСТАВИВШИЙ СВОЙ СЛЕД НА ЗЕМЛЕ (наследие А.Д. Сметанникова)

Человек не может жить без имени, без Родины, без истории. История – это наше настоящее, наше будущее и, конечно же, наше прошлое. Время, уходящее от нас, оставляет о себе память в виде предметов, документов, фотографий. Чтобы все это собрать, сохранить и преподнести на суд последующим поколениям, необходимы музеи. В 1980 г. в районном центре поселка Троицкое произошло знаменательное событие, посвященное 110-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина, – открытие народного музея. Организатором, собравшим богатейший материал по истории Троицкого района, стал учитель, историк, краевед-любитель и энтузиаст своего дела Александр Данилович Сметанников. Статья посвящена вопросам сохранения культурно-исторического наследия, миссии хранителя исторических ценностей в музее. Рассматривается определение исторической памяти и ее содержание. Память о человеке, который внес огромный вклад в сохранение культурно-исторического наследия и является важнейшей частью исторической памяти жителей Троицкого района.

Ключевые слова: организация музея, учитель, школа, наследие, директор

«Не прервется нить времени» – под таким заголовком в Троицком районном краеведческом музее оформлена выставка к 110-летию со дня рождения Александра Даниловича Сметанникова – учителя, историка, краеведа [Шморина. Оставивший свой след...].

Многие троичане до сих пор помнят этого замечательного человека, который всю свою жизнь посвятил воспитанию подрастающего поколения. Перебирая архивные документы, почитав воспоминания, мы решили рассказать о трудной, но интересной жизни этого удивительного человека.

Родился А.Д. Сметанников в 1911 г. в с. Верх-Краснояры Ереминского сельсовета (ныне не существует) в семье крестьянина-батрака и с детства испытал все тяготы крестьянской жизни. Пришла советская власть, и отец вступил в коммуну «11 лет Октября», а затем в колхоз. Наступили тяжелые времена для семьи, приходилось все добывать своим трудом. А так хотелось лучшей и справедливой жизни! [Шморина, 2011].

Александр был активным и целеустремленным человеком. После вступления в комсомол в числе лучшей части молодежи коммуны был послан на учебу в Яминскую школу крестьянской молодежи. Совмещая

учебу и работу, он активно занимался общественной деятельностью: был избран секретарем комсомольской организации, членом бюро Яминского РК ВЛКСМ. Проводил большую работу в отряде по мобилизации хлебных излишков и по выселению кулаков. В 1930 г. с отличием окончил Яминскую школу колхозной молодежи и по назначению отправился учителем истории в школу с. Степной-Чумыш. Работал заместителем газеты в с. Тогул [Материал из Фонда Троицкого районного краеведческого музея].

Служба в армии закончилась быстро и трагически. Отслужив пять месяцев, после несчастного случая вернулся домой инвалидом I группы. Семья к тому времени уже жила в с. Троицкое. Но Александр Данилович, как человек целеустремленный, с удвоенной энергией взялся за работу и учебу. В 1938 г. экстерном окончил педагогический институт в Барнауле по той же специальности – учитель истории. За успехи в педагогической и общественной работе он получил право участвовать в работе I-го слета учителей – ударников Западной Сибири. Работал учителем истории, директором в разных школах Троицкого района, старшим воспитателем в школе-интернате. Кроме работы в школе, на протяжении 35 лет почти без перерыва исполняя роль пропагандиста в кружках и школах политического просвещения. 15 лет руководил лекторской группой. Много раз избирался секретарем партийной организации, членом райкома депутатом сельского Совета. Помимо основных обязанностей, он занимался большой общественной работой. Будучи учителем истории Красноярской школы, организовал краеведческий кружок, работая директором Петровской школы – лекторскую группу из коллег-учителей. За долгие годы был накоплен материал, который охватывал многие села района, ведь Александр Данилович работал директором Красноярской, Петровской, Боровлянской, Троицкой школ, старшим воспитателем Троицкой школы – интерната (рис.).

Директор Алтайского краевого лекционного бюро Борисов писал Сметанникову: «Работа руководимого Вами сельского объединения лекторов нас весьма заинтересовала. Ваш опыт достоин широкого распространения. Материал мы намерены опубликовать в инструктивно-методическом бюллетене лекционного бюро. Желательно установить с Вами постоянную деловую связь» [Архив Троицкого районного краеведческого музея].

В годы войны Александра Даниловича назначают заведующим районным отделом народного образования.

Впервые о создании музея А.Д. Сметанников заговорил в 1963 г. Он часто повторял слова: «Кто забывает прошлое, тот не имеет будущего». Все это время он жил с целью открыть в районе музей, понимая, как важно сохранить историю. И свою идею воплотил в жизнь. Создал инициативную группу и предложил ее участникам помочь в сбо-

Александр Данилович Сметанников

ре материала для организации музея. Первые стенды, рассказывающие о выдающихся людях нашего района, были размещены в только что открывшемся здании районного Дома культуры, в небольшой комнате, недоступной широкой публике. В 1971 г. «музей» обосновался в полутемном коридоре Дома работников просвещения. Но и здесь А.Д. Сметанников умудрялся иногда собирать детей и рассказывать им о прошлом и настоящем района. Он прилагал немало сил, чтобы охватить всеобучем всех детей, так как в это время в районе было много эвакуированных. Не случайно краевое переходящее Красное знамя находилось в Троицком отделе народного образования, а Александр Данилович за самоотверженный труд в феврале 1945 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Это не единственная государственная награда. В 1949 г. он был награжден медалью «За трудовое отличие», в 1952-м – «За трудовую доблесть», в 1957-м – «За освоение целинных и залежных земель», медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», медалью к 30-летию победы над фашистской Германией, значками ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле», «За активную работу с пионерами» [Архив Троицкого районного краеведческого музея]. Кроме того, получил 24 Почетных грамоты от центральных и местных органов власти, которые в настоящее время бережно хранятся в Троицком районном краеведческом музее.

Где бы ни работал Александр Данилович, он по крупицам собирал историю района, записывал воспоминания старожилы сел, ветеранов войны и труда [На земле Троицкой, 2011]. Материал, собранный к тому

времени, требовал все большей экспозиционной площади и помещения для хранения. И в 1976 г. музей снова переезжает. Вместе с учителем истории В.К. Бубенцовой Александр Данилович оформляет экспозиции в Троицкой средней школе №2 (к радости хозяина музея, учителей и школьников, которые спешили попробовать себя в роли экскурсоводов, да и просто поглазеть на ткацкий станок, домотканые полотенца, оружие периода Гражданской войны и даже чучела животных и птиц). Но все экспонаты располагались в исключительной тесноте, и Сметанников мечтал об отдельном здании. Только в 1979 г. после настойчивых просьб Александра Даниловича под музей выделили старинный домик по улице 60 лет Октября. Сметанников сам составлял экспозиционные планы, руководил художниками-оформителями, которые в то же время отреставрировали это ветхое здание с протекающей крышей [Шморина, 2004].

Торжественное открытие музея состоялось в апреле 1980 г. Но поработать в музее А.Д. Сметанникову уже не пришлось: ослабленные в армии легкие всю жизнь давали о себе знать, прибавились и другие заболевания, да к тому же нервное напряжение. Только посещать теперь мог А.Д. Сметанников свое детище и писать. До последних своих дней он работал дома – писал статьи и хотел, чтобы земляки сохранили в памяти свою историю. В местной газете «За коммунистический труд» в 1970-е гг. было напечатано более 80 его статей. Им была написана и повесть «Алые пики» о суровых годах Гражданской войны на земле Троицкой, в которой даны яркие, запоминающиеся образы сильных духом людей, простых и в то же время героических характеров [Архив Троицкого районного краеведческого музея]. Все собранное наследие имеет большой вес в современном фонде музея – его бесценном дару троичанам.

Александр Данилович – удивительный человек! Где бы он ни находился, его всегда окружали школьники и молодежь. За его большую общественную деятельность по работе с молодежью в день празднования 50-летия Ленинского комсомола ему было присвоено звание почетного комсомольца с вручением комсомольского билета. Александр Данилович был прекрасным семьянином: в большой дружной семье выросли две дочери и трое сыновей.

Дети его очень любили, недаром он всю свою жизнь посвятил воспитанию и образованию подрастающего поколения, вкладывая в них частицу своего сердца. Вот почему многие с чувством глубокой благодарности вспоминают свою школу и своих духовных наставников – учителей. Открывая музей в районе, он думал прежде всего о молодежи, чтобы она помнила, ценила и знала боевые и трудовые традиции своих отцов, с уважением и любовью относилась к своей малой Родине и гордилась своей страной. А так как мы все родом из детства, то эту любовь

пронесем всю свою жизнь. А роль музея, который открыл в свое время Александр Данилович, не последняя, потому что мы становимся участниками к своему народу и Отечеству.

В декабре 2001 г. Троицкому музею было присвоено имя его основателя – А.Д. Сметанникова [Гимадеева и др., 2004]. Продолжали дело замечательного краеведа директора музея Е.М. Шнипова, В.Ф. Агафонова, Г.Н. Манакова, В.Н. Шморина. Помогают и жители района, С.Н. Филоненко, А.В., Н.И. Полугородниковы, В.В. Ушакова, В.Н. Шалагинова, М.П. Августов – постоянные дарители музея. Спасибо им и всем, чьи имена перечислить невозможно.

Библиографический список

Гимадеева Е.Ю., Дударева О.Н., Зань М.И., Кутищев В.Н., Манакова Г.Н., Машкина Т.Н., Силина И.Г., Шаров В.М., Шморина В.Н. Мое родное Большеречье. Барнаул, 2004. С. 376–391.

Шморина В.Н. Троицкий районный краеведческий музей // Мое родное Большеречье. Барнаул, 2004. С. 376–391.

Шморина В.Н. Оставивший свой след на земле [URL: <https://хранителиродины.рф/Article/?id=20604>].

Источники

Архив районной газеты «На земле Троицкой» за 1993–2019 гг.

Архив Троицкого районного краеведческого музея.

V.N. Shmorina, E.V. Semenyako

Troitsk Regional Museum of Local Lore;

Trinity Multifunctional Cultural Center,

Troitskoe Village, Troitsky District, Altai Territory

THE PERSON WHO LEFT HIS FOOTPRINT ON THE EARTH (the legacy of A.D. Smetannikov)

A person cannot live without a name, without a Motherland, without a history. History is our present, our future and, of course, our past. The time passing away from us leaves a memory of itself in the form of objects, documents, photographs. To collect all this, preserve and present it to the next generations, museums are needed. In 1980, in the regional center of the Troitskoye settlement, a significant event took place, dedicated to the 110th anniversary of the birth of V.I. Lenin – the opening of a national museum. The organizer, who collected the richest material on the history of the Troitsky region, was a teacher, historian, local historian – an amateur and enthusiast of his work Smetannikov Alexander Danilovich. The article is devoted to the issues of preserving cultural and historical heritage, the mission of the custodian of historical values in the museum. The article discusses the definition of historical memory and its content. The memory of a man who made a huge contribution to the preservation of the cultural and historical heritage and is the most important part of the historical memory of the inhabitants of the Troitsky District.

Keywords: museum organization, teacher, school, heritage, director

Ю.Б. Щербакова

*Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия*

**ЛИЧНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ УЧИТЕЛЯ Т.Г. МИТЬКОВСКОЙ
В СОБРАНИИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ
им. П.П. КОСТЕНКОВА**

В статье проанализированы источники поступлений личной коллекции учителя математики Т.Г. Митьковской – выпускницы Барнаульского государственного педагогического института, заслуженного учителя РФ, Героя Социалистического Труда. Она всю жизнь проработала в средней школе поселка Тальменка Алтайского края. Общий педагогический стаж – 45 лет. Описан состав личной коллекции: предметы быта (одежда), учебная литература, печатные и рукописные документы, фотографии. Акцентируется внимание на исторической и мемориальной ценности уникальных документов и музейных предметов, на их свойствах информативности и экспрессивности. Приведены примеры использования предметов коллекции в экспозиции музея и популяризации достижений выпускников педагогического вуза в Алтайском крае. Раскрыт культурный и воспитательный потенциал мемориальной экспозиции, посвященной выдающемуся учителю, для студентов педагогического университета и музея как института социальной памяти.

Ключевые слова: музей, фонд, экспозиция, Барнаульский педагогический институт, учитель математики, Герой Социалистического Труда

За всю историю существования Алтайский государственный педагогический университет – первый вуз Алтая – подготовил более 70 тысяч выпускников. Многие из них добились больших успехов в педагогической деятельности, награждены почетными званиями. В 2021 г. исполняется 70 лет со дня окончания физико-математического факультета БГПИ Т.Г. Митьковской. В 1968 г. она, единственная из учителей в Алтайском крае, удостоена высшей степени отличия – звания Героя Социалистического Труда (рис. 1).

Татьяна Григорьевна Митьковская (1928–2010 гг.) родилась в многодетной крестьянской семье Багринцевых в селе Верх-Камышенка Краснощековского района Алтайского края. В раннем детстве девочка осталась на попечении старшей сестры Анны. В 1937 г. семья Анны Григорьевны и Петра Митрофановича Шемякиных с дочерью Тоней (1929 г.р.) и Таней переезжают в р.п. Тальменку. Пережить суровые годы Великой Отечественной войны девочкам Тане и Тоне помог дед Митрофан Логинович Шемякин. Больше никого из родственников не осталось: Анна Григорьевна умерла в начале 1942 г., а ее муж Петр погиб в боях под Ленинградом в 1943 г. [Нижнее Причумышье ..., 2001, с. 185].

Рис. 1. Т.Г. Митьковская. 1976 г.

Желание Татьяны быть похжей на любимую учительницу географии Е.Ф. Никифорову повлияло выбор будущей профессии. Не сразу удалось определиться, каким учителем быть: литература и математика одинаково были интересны для девушки. После окончания Тальменской школы-десятилетки №1 в 1946 г. Татьяна поступила на филологический факультет Барнаульского пединститута. Но, пручившись всего несколько месяцев, из-за тяжелого материального положения вернулась домой. Через год поступила снова – уже на физико-математический факультет БГПИ. После окончания института в 1951 г. вер-

нулась в Тальменку и стала работать в школе №1 учителем математики и физики. В 1953 г. вышла замуж за Ивана Тихоновича Митьковского, появились сыновья Сергей и Александр.

С первых лет работы в школе ее отличали совершенное знание предмета и постоянное стремление к совершенствованию педагогического мастерства. 20 лет выполняла обязанности заместителя директора по воспитательной работе. В 1988 г. перешла в Тальменскую школу №3, вела математику и классное руководство. В 1996 г. ушла на заслуженный отдых, имея за плечами общий педагогический стаж 45 лет.

Личная коллекция Т.Г. Митьковской в собрании Музея истории образования им. П.П. Костенкова сформировалась благодаря поступлениям от профессора П.П. Костенкова, из Тальменского краеведческого музея, значительная часть коллекции была скомплектована благодаря младшему сыну Александру Ивановичу Митьковскому. Наибольшее количество предметов поступило в 2018 г. Общее количество предметов насчитывает 63 единицы хранения.

В коллекции можно выделить несколько групп: предметы быта, учебная литература, печатные и рукописные документы, фотографии.

К предметам быта относятся: рабочий костюм, состоящий из жакета и юбки (ОФ 5520/1–2), туфли (ОФ 5521/1–2), учительская сумоч-

ка (ОФ 5522), два комплекта очков в футляре (ОФ 5523/1–2, 6504/1–2), набор ручек «Съездовский» (ОФ 5557/1–3). Предметы из этой группы, кроме набора ручек, передала в дар в 2010 г. директор Тальменского краеведческого музея Л.А. Смирнова.

Учебная литература представлена 10 книгами по математике, высшей математике, справочной литературой (ОФ 6492, 6493, 6496–6501, 6550, 6551). Некоторыми книгами Татьяна Григорьевна пользовалась еще во время своей учебы в БГПИ, другие появились во время работы в школе.

В группу печатных и рукописных документов вошли брошюры с материалами съездов (ОФ 488, 5550–5555, 6523, 6533), приглашения на мероприятия (ОФ 6522, 6525, 6527–6530), мандат делегата VI съезда учителей Тальменского района (ОФ 6526). Книги и газеты с публикациями Т.Г. Митьковской (ОФ 30, 1261, 6509, 6518), из них наиболее известна автобиографическая брошюра «Человек за партией» (1986). К этой же группе относятся поздравления от различных партийных и общественных организаций: от крайкома КПСС и крайисполкома (ОФ 6503), от профсоюза работников просвещения (ОФ 6507), от Барнаульского педагогического института за активное участие в профессиональной подготовке студентов (ОФ 6508), от Сибирского отделения АН СССР за хорошую подготовку школьников к краевой Олимпиаде (ОФ 6515), от народного отдела крайисполкома (ОФ 6516). А также подлинные поздравительные телеграммы с присвоением почетных званий заслуженного учителя РСФСР (1966) и Героя Социалистического Труда (1968) (ОФ 6519–6521).

Рукописные документы – это тетрадные листы с контрольными работами по геометрии и алгебре учеников Т.Г. Митьковской с 1952 по 1965 г. (ОФ 6494/1–12), тетрадь с контрольными заданиями по алгебре, не ранее 1952 г. (ОФ 6495), рабочая книга организатора внеклассной работы в школе 1979 г. (ОФ 6502), тетрадь с конспектами уроков по алгебре на 3–4-ю четверти 1988 г. (ОФ 6505), журнал факультативных занятий по алгебре и геометрии для 9-х классов (ОФ 6506), тетрадь с планом работы по факультативу по математике для 7-х классов (ОФ 6512), задание на наблюдательность 1955 г. (ОФ 6513), тетрадь с монтажом ко Дню учителя (сценарий мероприятия) (ОФ 6514).

В 2018 г. музею был передан альбом с 61 копией фотографий из семейного архива Багринцевых-Митьковских (ОФ 6534). В нем представлены портреты родственников Татьяны Григорьевны: отца Григория Федоровича Багринцева, старшего брата Ивана, старшей сестры Анны, племянницы Антонины. Период обучения в БГПИ с 1947 по 1951 гг.: здание учебного корпуса БГПИ на ул. Крупской, 108, одноклассники в учебных аудиториях, лабораториях и коридорах, групповые снимки с преподавателями физико-математического факультета, на педагогической практике в мужской школе №25 и отдыхе. Интересны снимки

фасада здания, где можно увидеть вывески с наименованием вуза, «Государственной трудовой сберегательной кассы» и «Бакалея Гастрономия магазин №63» 1951 г.

Многочисленные фотографии, запечатлевшие жизнь внутри школы и за ее пределами: снимки показательных уроков, коллективные снимки с выпускниками, торжественные линейки и школьные праздники. Большая общественная нагрузка, которую выполняла Митьковская, тоже запечатлена на фотографиях: встречи с учителями соседних районов, в редакции районной газеты «За коммунизм», коллективные снимки делегатов съездов учителей и т.д. Один из последних снимков с учениками 6-го класса Тальменской средней школы №3 сделан в сентябре 1996 г. Это был последний, 45-й год ее работы в школе.

Из Тальменского краеведческого музея поступил CD-диск с 12 копиями фотографий (ОФ 5525).

В феврале 2018 г. к 90-летию Т.Г. Митьковской в Музее истории образования им. П.П. Костенкова была открыта обновленная постоянная экспозиция (рис. 2), подготовлен виртуальный вариант выставки «Я – преподаватель», на странице музея на сайте АлтГПУ опубликован материал «Учителями славится Алтайский край» [Учителями славится..., электронный ресурс].

Рис. 2. Выставка, посвященная Т.Г. Митьковской, в Музее истории образования им. П.П. Костенкова 2021 г.

В обновленную экспозицию вошли подлинные поздравительные телеграммы с почетными званиями от комитета по образованию Алтайского края, альбом с фотографиями, конспекты уроков. Особенный интерес у посетителей вызывают контрольные работы учащихся 1951–1952 гг. – аккуратное каллиграфическое письмо и чертежи. Маленькое скромное приглашение в Кремлевский дворец съездов для вручения высокой награды Родины – звания Героя Социалистического Труда. Профсоюзный билет молодой учительницы Т.Г. Багринцевой. Почетные грамоты и учебная литература. Фрагмент выставки о Митковской был показан на I Международном форуме «Молодой учитель. Формула успеха» в АлтГПУ 1 ноября 2018 г.

При знакомстве студентов и гостей Музея с экспозицией подчеркивается то обстоятельство, что Татьяна Григорьевна принадлежит поколению, которое восстанавливало народное хозяйство СССР после Великой Отечественной войны. Сельская школа была ее домом, который она знала и любила, старалась, чтобы там было интересно и уютно ребятам. Заслуженно пользовалась авторитетом у школьников, их родителей и коллег.

Библиографический список

Нижнее Причумышье: История и судьбы. Барнаул, 2001. 320 с.

Учителями славится Алтайский край // Алтайский государственный педагогический университет. URL: https://old.altspu.ru/mc/mc_action/25334-uchitelyami-slavitsya-altayskiy-kray.html (дата обращения: 01.03.2021).

Yu.B. Shcherbakova

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

PERSONAL COLLECTION OF THE TEACHER T.G. MITKOVSKAYA IN THE COLLECTION OF THE MUSEUM OF HISTORY OF EDUCATION NAMED AFTER P.P. KOSTENKOV

The article analyzes the sources of items from the personal collection of the teacher of mathematics T.G. Mitkovskaya – the graduate of Barnaul State Pedagogical Institute, Honored Teacher of the Russian Federation, Hero of Socialist Labor of the USSR. She worked all her life in a secondary school in the village of Talmenka, Altai Krai. She has 45 years of pedagogical experience. The total length of pedagogical experience is 45 years. The composition of the personal collection is described: household items (clothing), educational literature, printed and handwritten documents, photos. Attention is focused on the historical and memorial value of unique documents and museum objects, on their properties of informativeness and expressiveness. Examples of the use of the collection items in the museum's exposition and the popularization of the achievements of graduates of a pedagogical university in the Altai Krai are given. The article reveals cultural and educational potential of the memorial exposition dedicated to the outstanding teacher for the students of the pedagogical university and the museum as an institute of social memory.

Keywords: museum, museum holdings, exposition, Barnaul Pedagogical Institute, mathematics teacher, Hero of Socialist Labor

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГКМ – Алтайский государственный краеведческий музей.
АГУ (АлтГУ) – Алтайский государственный университет.
АлтГПУ – Алтайский государственный педагогический университет.
АН СССР – Академия наук Советского Союза.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БГПИ (БГПУ) – Барнаульский государственный педагогический институт (университет).
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.
ГААК – Государственный архив Алтайского края.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
ГАТО – Государственный архив Томской области.
ГБУК РМЭ «Замок Шереметева» – Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Марий Эл «Замок Шереметева».
ГГС – Государственная геодезическая сеть.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГМИЛИКА – Государственный музей истории, литературы, искусства и культуры Алтая.
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея.
ГХМАК – Государственный художественный музей Алтайского края.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ЗИН – Зоологический институт.
ИА – Институт археологии.
ИАОО – Исторический архив Омской области.
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии.
ИГУ – Иркутский государственный университет.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИрНИТУ – Иркутский национальный исследовательский технический университет.
КазССР – Казахская Советская Социалистическая Республика.
ККАЭЭ – Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КузГТУ – Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева.
ЛГУ – Ленинградский государственный университет.
ЛИК – Лаборатория исторического краеведения.

ЛО ИА АН СССР – Лаборатория археологических технологий Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне ИИМК РАН).

МБОУ – Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение.

МБУК – Муниципальное бюджетное учреждение культуры.

МГК – Малый Гоньбинский Кордон.

МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан.

МНР – Монгольская Народная Республика.

НГУ – Новосибирский государственный университет.

НИИ – Научно-исследовательский институт.

НМРА – Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина.

НПЦ – научно-производственный центр.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.

ОАН – объект археологического наследия.

ОПЗ – Омский Приборостроительный завод.

РАН – Российская академия наук.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва).

РГИА – Российский государственный исторический архив.

РГО – Российское географическое общество.

РК – Республика Казахстан.

РНФ – Российский научный фонд.

РОКК – Российское общество Красного креста.

РПЦ – Русская православная церковь.

РСФСР – Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.

РЭМ – Российский этнографический музей.

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников.

СНГ – Содружество Независимых Государств.

СО – Сибирское отделение.

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.

СССР – Союз Советских Социалистических Республик.

ФГБУ – федеральное государственное бюджетное учреждение.

ФКП – Федеральная кадастровая палата.

ХКТ – хозяйственно-культурный тип.

ХОЗУ МВД – Хозяйственное управление Министерства внутренних дел.

Научное издание

**СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

**Сборник научных статей
Выпуск XXVII**

Редактор: Н.Ю. Ляшко
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова
Редактор англоязычных аннотаций: Е.А. Россинская
Дизайн-обложки: О.В. Майер

*Для оформления обложки использован фотоснимок А.А. Тишкина,
на котором изображены крупные курганы
в Мамонтовском районе Алтайского края*

Подписано в печать 14.04.2021. Печать трафаретная.
Бумага офсетная. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 25,11.
Тираж 150 экз. Заказ №130.

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66
Дата выхода 21.04.2021.